

BAUSTEINE ZUR SLAVISCHEN PHILOLOGIE
UND KULTURGESCHICHTE

Reihe A:

SLAVISTISCHE FORSCHUNGEN

Begründet von

REINHOLD OLESCH (†)

Herausgegeben von

KARL GUTSCHMIDT, HANS-BERND HARDER

und

HANS ROTHE

Neue Folge Band 13 (73)

Schöne Literatur in russischer Übersetzung

Von den Anfängen bis zum 18. Jahrhundert

Teil I

Prosa

Herausgegeben von

Jurij D. Levin

1995

BÖHLAU VERLAG KÖLN WEIMAR WIEN

Russische Akademie der Wissenschaften
Institut für russische Literatur
(Puschkin-Haus)

Die Deutsche Bibliothek – CIP-Einheitsaufnahme

Levin, Jurij D.: Schöne Literatur in russischer Übersetzung; von den Anfängen bis zum 18. Jahrhundert / hrsg. von Jurij D. Levin. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau.

NE: HST

Teil I. Prosa – 1995

(Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: Reihe A.
Slavistische Forschungen; N.F., Bd. 13–73)

ISBN 3-412-12894-5

NE: Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte / A

Copyright © 1995 by Dmitrij Bulanin Publishing House, St. Petersburg
Copyright © 1995 by Böhlau Verlag GmbH & Cie, Köln

Alle Rechte vorbehalten

Printed in Russia

Dmitrij Bulanin Publishing House
ISBN 5-86007-010-1

Böhlau Verlag
ISBN 3-412-12894-5

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древняя Русь. XVIII век

Том I
ПРОЗА

Ответственный редактор
Ю. Д. Левин

ДБ

1995

Санкт-Петербург

ISBN 5-86007-010-1
ISBN 3-412-12894-5

© Издательство «Дмитрий Буланин», 1995
© Издательство Böhlau, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Создание последовательной истории отечественной переводной литературы является актуальной задачей нашего литературоведения. Н. Г. Чернышевский еще в 1857 г. указывал: «Переводная литература у каждого из новых народов имела очень важное участие в развитии народного самосознания или <...> в развитии просвещения и эстетического вкуса. Поэтому историко-литературные сочинения только тогда не будут страдать очень невыгодно односторонностью, когда станут на переводную литературу обращать гораздо больше внимания, нежели это обыкновенно делается теперь».¹

Хотя со времени опубликования этих слов прошло более 130 лет, наши общие историко-литературные труды продолжают страдать «невыгодно односторонностью» и история русской литературы, как и писал Чернышевский, «почти исключительно занимается только оригинальной литературой, не обращая почти никакого внимания на переводную».² Тем самым история национальной литературы представляется, так сказать, с позиций «производителей», т. е. писателей, принимавших непосредственное участие в ее создании. Но если встать на позицию «потребителей», т. е. воспринимающей читающей публики, то нетрудно убедиться, что Чернышевский был совершенно прав, подчеркивая «участие» переводной литературы «в развитии народного самосознания».

Правда, рассмотрение переводов в исторической перспективе встречается в исследованиях, посвященных восприятию в России того или иного зарубежного автора или отдельных литератур,³ но уже сама

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 503.

² Там же.

³ См., например: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937; 2-е изд. Л., 1981 (Избранные труды); Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. М.; Л., 1964; Шекспир и русская культура / Под ред. акад. М. П. Алексева. М.; Л., 1965; Катарский И. Диккенс в России: Середина XIX века. М., 1966; Старицына З. А. 1) Беранже в России: XIX век. М., 1969; 2) Беранже в русской литературе. М., 1980; Никольская Л. И. Шелли в России: (Лирика Шелли в русских переводах XIX—XX вв.). Смоленск, 1972; Гордон Я. И. 1) Гейне в России: (1830—1860-е годы). Душанбе, 1973; 2) Гейне в России: (1870—1917). Душанбе, 1979; 3) Гейне в России: XX век. Душанбе, 1983; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978; Савельева Л. И. 1) Античность в русской поэзии конца XVIII—начала XIX века. Казань, 1980; 2) Античность в русской романтической поэзии: (Поэты пушкинского круга). Казань, 1986; Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л., 1980; Левин Ю. Д. 1) Оссиан в русской литературе: Конец XVIII—первая треть XIX века. Л., 1980; 2) Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988; Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—

тематическая ограниченность придает такому рассмотрению частный характер. С другой стороны, в отдельных работах обособленно исследовалось развитие переводческой мысли в нашей стране или эволюция переводческого мастерства.⁴ Но история переводной литературы, хотя и включает эти проблемы, ими отнюдь не исчерпывается.

Единственный обобщающий труд — «Западное влияние в новой русской литературе» Алексея Веселовского⁵ — имеет уже столетнюю давность (хотя переиздавался он до 1916 г.); но, во-первых, он не вполне соответствует тематически, а во-вторых, безнадежно устарел и методологически неприемлем. В значительной мере устарело и обширное исследование В. В. Сиповского, посвященное истории русского романа XVIII в.,⁶ хотя именно здесь было впервые показано взаимодействие оригинальной и переводной литературы, и, несмотря на имеющиеся недостатки, труд этот не утратил своего значения до настоящего времени.

В последнее время появились две работы, касающиеся поставленной нами проблемы. Это статьи И. З. Сермана «Русская литература XVIII века и перевод»⁷ и Л. И. Сазоновой «Переводная художественная проза в России 30—60-х годов XVIII в.»⁸ Однако при всех своих достоинствах первая статья представляет собою краткий и поневоле беглый обзор, вторая же ограничена и хронологически, и жанрово.

XIX вв. Л., 1984; *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII—первая треть XVIII века. Л., 1989; *Pohl, Wilma.* Russische Faust-Übersetzungen. Meisenheim am Glan, 1962; *Busch, Wolfgang.* Horaz in Russland: Studien und Materialien. München, 1964; *Kostka, Edmund K.* Schiller in Russian Literature. Philadelphia, 1965; *Gronicka, André von.* The Russian Image of Goethe: Goethe in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century. Philadelphia, 1968; *Harder, Hans-Bernd.* Schiller in Russland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. 1789—1814. Berlin; Zürich, 1969; *Giesemann, Gerhard.* Kotzebue in Russland: (Materialien zu einer Wirkungsgeschichte). Frankfurt am Main, 1971; *Grossman, Joan Delaney.* Edgar Allan Poe in Russia: A Study in Legend and Literary Influence. Würzburg, 1973; *Engel-Braunschmidt, Annelore.* 1) Deutsche Dichter in Russland im 19. Jahrhundert: N. V. Gerbel's «Deutsche Dichter in Biographien und Proben» als Zentrum der Kenntnis und Verbreitung deutscher Dichtung. München, 1973; 2) Hebbel in Russland (1840—1978): Gefreiter Dichter und verkannter Dramatiker. Giessen, 1985; *Ritz, German.* 150 Jahre russische Heine-Übersetzung. Bern; Frankfurt am Main; Las Vegas, 1981.—Приведенный библиографический перечень далеко не полон, к тому же он не учитывает статей.

⁴ См., например: *Федоров А. В.* 1) Введение в теорию перевода. М., 1953. С. 27—62 (Гл. 2. Из истории перевода и переводческой мысли); 2) Основы общей теории перевода: (Лингвистические проблемы). 4-е изд. М., 1983. С. 36—70; 3) Русские писатели и проблемы перевода // Русские писатели о переводе: XVIII—XX вв. Л., 1960. С. 6—27; то же // *Федоров А.* Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л., 1983. С. 64—110; *Левин Ю. Д.* Об исторической эволюции принципов перевода: (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 5—63; *Гачечиладзе Гиви.* Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970. С. 26—42 (К истории художественного перевода в России); *Конаев П. И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 165—174, 208—255; *Эткинд Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.

⁵ *Веселовский Алексей.* Западное влияние в новой русской литературе. М., 1883; 5-е изд. М., 1916.

⁶ *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1909—1916. Т. 1, вып. 1, 2 (XVIII-ый век).

⁷ Мастерство перевода: Сб. 1962. М., 1963. С. 337—372.

⁸ Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982. С. 115—137.

Между тем весьма показательно, что три из названных нами работ — В. В. Сиповского, И. З. Сермана и Л. И. Сазоновой — относятся к XVIII в. Совершенно очевидно, что для России XVIII в. переводная литература имела особо важное значение, какого она не достигала ни в предшествующую, ни в последующую эпохи. С петровскими реформами, с утверждением и расширением связей России с западноевропейскими странами усилился интерес к этим странам, к их жизни, нравам, обычаям и культуре. Россия XVIII в. переживала невиданный ранее подъем общественного самосознания, и за политическими, экономическими, техническими контактами с зарубежными странами последовало восприятие иноземных литератур, особенно их достижений, призванное удовлетворить растущие литературно-эстетические потребности стремительно развивавшегося русского общества. Культурные слои этого общества (правда, сравнительно с последующими периодами еще малочисленные) искали в переводной литературе информацию о новой для них жизни, образцы для нравственного поведения, формирования идейных воззрений и эстетических вкусов. Наконец, освоение иноязычных, главным образом европейских, литературных ценностей отвечало внутренним потребностям развития русской литературы, стремившейся «в просвещении стать с веком наравне».

Приведем свидетельства писателей XVIII в. Поэт И. И. Дмитриев вспоминал о годах своего детства: «В бытность мою еще в первом пансионе я уже прочитал *Тысячу Одну Ночь*; *Шутливый Повесть Скаррона*; *Похождения Робинзона Круза*; *Жильблаза де Сантилана*; *Приключения Маркиза Г****. По этой книге я получил первое понятие о французской литературе <...> в первый раз я слышал имена Мольера, Буало, Лопе де Вега, Расина и Кальдерона, критическое об них суждение и захотел узнать и самые их сочинения».⁹ Как явствует из последующего текста, Дмитриев тогда еще знакомился с названными сочинениями в русских переводах. А в романе Н. Ф. Эмина «Роза» (1786) в уста героя Милона вложен рекомендательный перечень произведений, которые «более для девиц полезны». «Мне кажется, что романы Фильдинговы, София и Эмилий, новый Абельярд,¹⁰ Мармонтелевы сказки, сочинения г-жи Рикобони, девицы Штернгейм,¹¹ Виландовы и тому подобные наградят скуку красавицы, не повреждая нежных сердец и не подавляя душевных доброт <...> многие, — примолвил я, — пропускают нравоучение и пленяются одною волшебною нитью восхищающего романа. Таковым, думаю я, наставники избирать должны повести, кои не воспаляют воображения; но прелести, находящие пищу в размышлении, прелести, символ добродетели и кротости <...> Юнг, Вертер, Грандисон — вот их утешение!»¹² Все перечисленные здесь произведения, кроме «Истории кавалера Грандиссона» С. Ричард-

⁹ Дмитриев. Т. 2. С. 4 (см. ниже Список сокращений).

¹⁰ Имеются в виду романы Руссо «Эмиль, или О воспитании» и «Юлия, или Новая Элоиза».

¹¹ Имеется в виду роман М. С. Лароша «История девицы Стернгейм», в русском переводе которого (1780) имя автора не было указано.

¹² Эмин Н. Ф. Роза, полусправедливая оригинальная повесть. 2-е изд. СПб., 1788. С. 27—28.

сона, были к тому времени переведены на русский язык, и Эмин это, конечно, учитывал.

Мы привели два примера, взятые наудачу, при желании их можно было бы умножить,¹³ но, думается, и они достаточно красноречиво свидетельствуют о том, какое значение имела переводная литература в духовной жизни русского общества XVIII в. И это значение уже неоднократно отмечалось в русском литературоведении. М. П. Алексеев более полувека назад говорил о переводческой деятельности в России во второй половине XVIII в.: «Классические писатели всех времен и народов тогда переводились отдельно и целыми собраниями в таком огромном количестве, что сотни, если не тысячи, великих произведений мировой литературы до сих пор имеются у нас только в переводах екатерининского времени».¹⁴ И хотя со времени опубликования этого суждения многие из классических произведений, подразумеваемых здесь, уже переведены заново, в целом оценка масштабов переводческой деятельности XVIII в. остается справедливой. На роль восприятия иностранных литератур указывает Д. С. Лихачев: «...со второй трети XVIII в. усвоение опыта передовых западноевропейских литератур начинает совершаться интенсивно, и именно с этого периода можно считать окончательно утвердившимся новый период русской литературы».¹⁵ Все это делает изучение русской переводной литературы XVIII в. особенно важным в создании истории отечественной литературы.

К сказанному можно еще добавить, что такое изучение, последовательно проведенное, позволяет уточнить самый характер и состав русской литературы XVIII в. Распространенная в то время анонимность публикации переводов приводила к тому, что переводные произведения подчас рассматривались в нашей научной печати как оригинальные, что могло привести и приводило к ошибочным выводам и утверждениям. Высказывалось даже мнение, что установление иностранного источника вообще излишне, поскольку анонимно переведенное произведение будто бы вполне соответствовало воззрениям переводчика и его аудитории.¹⁶ Между тем, как показали новейшие работы некоторых исследователей, только выявив по возможности полно имевшие хождение в России XVIII в. переводы, можно представить истинную картину русской литературы этого времени.¹⁷

Все эти соображения явились движущим стимулом, побудившим участников настоящего тома предпринять труд, который мы представляем на суд читателей.

¹³ См.: Сиповский. Очерки. Т. 1, вып. 1. С. 3—21.

¹⁴ Алексеев М. П. Проблема художественного перевода: Вступительная лекция в Иркутском государственном университете 15 декабря 1927 года. Иркутск, 1931. С. 28.

¹⁵ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 13.

¹⁶ См.: Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII—начала XIX века // XVIII век, сб. 5. М.; Л., 1962. С. 296. См. возражения: Левин. С. 7—8.

¹⁷ См., например: Рак В. Д. 1) Библиография анонимных переводов XVIII века: (Итоги и задачи) // Материалы научно-методической конференции кафедры иностранных языков Ленинградского института советской торговли им. Ф. Энгельса. Л., 1969. С. 65—70; 2) Библиографические заметки о переводных книгах XVIII века // Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1969. Т. 11. С. 145—156; Разуловская М. В. «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза Аржана // Рус. лит. 1978. № 1. С. 103—115.

Следует особо отметить, что изучение русской переводной литературы XVIII в. сопряжено с некоторыми специфическими трудностями, характерными именно для этого времени. Мало еще установить иноязычный источник того или иного произведения; трудность нередко возникает при желании установить границу между переводными и оригинальными произведениями. У нас неоднократно цитировались слова В. К. Тредиаковского о том, что «переводчик от творца только что именем рознится»,¹⁸ и толковались при этом как утверждение творческого характера переводческой деятельности. Но Тредиаковский имел в виду нечто совсем иное: он приравнивал переводчика к оригинальному творцу, настаивал на его свободе при воссоздании, вернее — пересоздании иноязычного произведения. Недаром сам он, издавая свои «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» (СПб., 1752), печатал оригинальные и переводные произведения попеременно.

Цели, которые ставили перед собою переводчики XVIII в., были шире, чем простое ознакомление русских читателей с иностранными произведениями. Они стремились обогатить родную литературу, привить ей то ценное, что могли извлечь из западных литератур. Справедливо заключение В. П. Степанова о характере переводов XVIII в.: «Свободная переделка источника иливольный перевод делали работу переводчика XVIII века почти равноправной с оригинальным творчеством. Перевод приравнивался к русским условиям, быту, литературной традиции; он, как правило, отвечал насущным потребностям литературного и общественного развития. Иногда он заменял целые отрасли художественной литературы, потребность в которых уже ощущалась читателем, но которые еще не существовали в оригинальном творчестве или были слабо развиты <...> Это связано с характерным для эпохи Просвещения интересом к общечеловеческим проблемам и уверенностью, что эти проблемы действительно являются интернациональными. Изобретение сюжета и оригинальность его разработки не играли в XVIII веке такой существенной роли, как впоследствии».¹⁹

Соответственно перевод рассматривался как своего рода школа, способствующая развитию и обогащению русской литературы и литературного языка. В таких условиях и переводчик нередко считался равноправным участником литературного процесса, и в сознании эпохи перевод и собственное литературное творчество были неразрывными, тем более что они подчас осуществлялись одним и тем же лицом. Это делает затруднительной классификацию литературных произведений века, установление четкой границы между переводом, переделкой и подражанием. И если подражание следует все же относить к разряду оригинальной литературы, то в отношении переделки такой ясности нет. Примером может служить «Тилемахида» Тредиаковского, создавая которую, русский писатель не просто переложил стихами прозаический роман Фенелона «Приключения Телемака», но создавал на его основе героическую поэму гомеровского стиля, возвращал героям и сюжету французского романа их, так ска-

¹⁸ Тредьяковский. Соч. Изд. А. Смирдина. СПб., 1849. Т. 3. С. 649.

¹⁹ Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления. Образцы статей. Словник. Л., 1975. С. 5—6.

зять, «эпическую природу». Поэтому «Тилемахиду» мы относим в некоторой степени к собственному творчеству Тредиаковского, тем более что «Приключения Телемака» в XVIII в. переводились непосредственно на русский язык не менее четырех раз. С другой стороны, драматические произведения, в которых иноязычные пьесы подвергались «склонению на русские нравы», например, комедии В. И. Лукина, выступавшего даже теоретиком и пропагандистом таких «склонений», или «Вот какво иметь корзину и белье» Екатерины II (переделка «Виндзорских насмешниц» Шекспира) мы относим к переводам, соответственно объясненным и квалифицированным.

Предприняв фронтальное изучение русской переводной художественной литературы от древности до конца XVIII в., авторы убедились, что подразделение труда соответственно национальной принадлежности переводимых оригиналов нецелесообразно. Поскольку история переводной литературы пишется, так сказать, с точки зрения «потребителя», следует признать, что для русского читателя древней эпохи и XVIII в. национальный характер источника перевода представлял второстепенный интерес, тем более что путь от первоисточника до русского перевода нередко проходил через перевод-посредник, имевший иную национальную специфику. К тому же в XVIII в. и поэтика классицизма, и идеология просветительства эту специфику, в сущности, игнорировали. Сложнее, правда, обстояло дело в пору сентиментализма, когда национальной принадлежности первоисточника придавалось несравненно большее значение. Но и в это время, сравнительно с последующим периодом, национальный характер оригинала почти не передавался в переводе. Поэтому было решено делить исследование по жанрам переводимых произведений (проза, поэзия, драматургия), рассматривая переводы данного жанра по этапам развития русской литературы, а уже в пределах отдельного этапа (которому посвящается специальная глава) разделять зарубежные литературы, осваивавшиеся через перевод.

Представленный читателям том посвящен переводам прозаических произведений. Следующий том,готавливаемый параллельно, будет излагать историю переводов поэзии и драматургии.

Настоящий том подразделяется на шесть глав. В главе I обстоятельно характеризуется содержание и развитие переводной литературы Древней Руси. Помимо прямого отношения к рассматриваемому в ней периоду эта глава позволяет наглядно представить перелом, произошедший в начале XVIII в., в Петровскую эпоху, когда все отчетливее утверждалась ориентация на литературу Западной Европы и постепенно формировалось понятие собственно *художественной* литературы. В условиях культурных преобразований века традиции древнерусской литературы претерпевали существенные изменения и одновременно зарождались качественно новые явления.

В последующих главах книги рассматривается уже переводная литература XVIII в., и их хронологические границы соответствуют периодизации, принятой в современной истории русской литературы.²⁰

²⁰ См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 408—780.

Глава 2 посвящена эпохе Петра I, охватывающей первую четверть века. Здесь, в частности, прослеживается значение переводной литературы, пришедшей через Польшу на рубеже XVII и XVIII вв. Одновременно показано освоение античного литературного наследия и исторических сочинений, проникавших в Россию через ту же Польшу, а также и Германию.

Глава 3, которую условно можно было бы назвать «От Петра I до Екатерины II», посвящена тому периоду, когда «созрели условия для создания в России светской культуры европейского типа. Эстетической доктриной, отвечавшей уровню и потребностям общественно-политической жизни указанных десятилетий, явилась доктрина классицизма».²¹ Русская литература, в которой классицизм утвердился столетием позже, чем в западноевропейских странах, естественно, должна была интенсивно осваивать их опыт, что прежде всего реализовывалось в переводах. В то же время русский классицизм имел свою специфику, проявившуюся прежде всего в жанровых различиях: господствующее положение занимали здесь стихотворные жанры, а не драматические, как во французском, что обусловило отбор произведений для перевода. Однако соответственно структуре издания переводы как поэзии, так и драматургии будут рассмотрены в следующем томе. Здесь же главным образом представлено начало утверждения через перевод нового для русской литературы жанра — романа.

Глава 4 охватывает период с начала 1760-х до середины 1780-х гг., когда русское Просвещение сложилось как широкое и идейно зрелое движение. В этих условиях произведения западноевропейских писателей, особенно просветительской направленности, приобретали особенно актуальное значение. Интерес к западным просветителям имел двойственную основу. С одной стороны, он исходил из правительственной среды, окружавшей Екатерину II, которая проповедовала раннепросветительскую доктрину просвещенной монархии и на первых порах своего царствования делала ставку на либерализацию внешней политики, что, в частности, проявилось в расширении переводного репертуара. С другой стороны, просветительские идеи воодушевляли противников крепостничества и самодержавия, и они тоже обращались к переводам идейно созвучных произведений. В результате репертуар переводов 1760—1780-х гг. весьма широк, и европейский роман уже решительно вторгается в русский читательский обиход наряду с другими повествовательными жанрами. Переводы приобретают значение для развития фабульного повествования в русской литературе. С внешней стороны переводческая деятельность приобретает и некоторые организационные формы; среди них особенно выделяется учрежденное Екатериной II «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русских язык» (1768—1783).

Последний рассматриваемый период, которому посвящена глава 5, хронологически наименьший (охватывает 15—17 лет), однако объем литературы, переведенной в это время на русский язык, превышает все остальные периоды. Наряду с современной литературой активно осваивается классическое наследие литератур Запада, и де-

²¹ Там же. С. 496.

дается это вполне сознательно. Карамзин писал в 1790 г.: «Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*?»²² И основой такого «перенимания» служит перевод. Отход от классицизма к сентиментализму и, как следствие, переориентация жанровой иерархии практически реализуются в отборе переводимых произведений, восприятие которых на русской почве отличается необычайной творческой активностью, помогает в решении национальных литературных задач. В той или иной мере переводят все значительные писатели этого времени, и первое место среди них принадлежит Карамзину, занимающему центральное положение в этой главе. Но многосторонняя переводческая деятельность Карамзина была и раньше более или менее выяснена, тогда как переводчики меньшего значения — и его союзники, и противники — остались до сих пор в тени. Рассеять эту тень — одна из существенных задач настоящего исследования.

Хотя журнальные публикации произведений переводной прозы так или иначе несколько затрагивались в вышеозначенных главах, посвященных отдельным периодам развития русской литературы XVIII в., участники издания сочли необходимым, чтобы был выявлен и охарактеризован специфический характер таких публикаций и их место в общем литературном процессе. И этому вопросу посвящена отдельная глава 6.

Поскольку в представленном томе прослеживается постепенное формирование в связи с переводами понятия художественной прозаической литературы, свободной от практических утилитарных целей, последовательно изменялся состав литературных произведений, рассматриваемых в разных главах. Так, при ознакомлении с перечнем переводов Петровской эпохи было совершенно очевидно, что вне сферы нашего исследования оказываются сочинения по математике, астрономии, географии, архитектуре, кораблестроению, военному делу и т. п. В то же время не было сомнений, что изучению подлежат «Эсоповы притчи» (1712), «Разговоры дружеские Дезидерия Еразма» (1716) и т. д. Но в этом периоде необходимо рассматривать и исторические сочинения, такие, как «Книга Квинта Курция о делах, содеянных Александра Великого царя Македонского» (1709) и неизданный перевод «Римской истории» Тита Ливия. Также в последующем периоде принимаются во внимание «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля, которые переводил А. Д. Кантемир, а в середине века — философские и моралистические сочинения французских просветителей и т. п. В последней трети века художественная литература обособилась уже достаточно четко, но и тут подчас приходилось учитывать связанные с нею публицистические произведения.

Основу каждой главы составляет обзор переводов прозаических сочинений за соответствующий период. Авторы не имели возможности представить все переводившиеся произведения рассматриваемого жанра, потому что такое изложение грозило бы превратиться в аннотированную библиографию, что не согласуется с целями настоящего исследования. К тому же следует иметь в виду, что значительную часть переводных произведений, особенно в области бел-

²² Карамзин. Т. 1. С. 416.

летристики последней трети века, составляли литературные «однодневки», не оставившие сколько-нибудь заметного следа ни на своей родине, ни в воспринимавшей литературе. При этом и в роли переводчиков нередко выступали случайные люди, особенно молодежь, подкреплявшая таким способом свое овладение иностранным, преимущественно французским, языком.

Поэтому в представленных обзорах после общей характеристики бытования переводной прозы в соответствующий период в основном рассматриваются переводы вершинных произведений мировой литературы, произведений, авторы которых пользовались большой популярностью в России XVIII в., свидетельством чего, как правило, служит наличие переизданий, наконец, произведений в известной мере соотносимых с творчеством русских авторов. Определяя значение тех или иных переводов, мы старались учитывать не столько место соответствующих произведений в их национальной литературе, сколько восприятие переводов русскими читателями XVIII в., что далеко не всегда совпадает. Для этого по возможности привлекались отклики периодической печати (довольно редкие в XVIII в.), мемуарные и эпистолярные свидетельства.²³

Должное внимание уделялось мероприятиям, способствовавшим развитию переводного дела в России, таким, как образование различных переводческих коллективов вплоть до упомянутого Собрания, старающегося о переводе иностранных книг.

Весьма существенной является проблема языка-посредника, поскольку в XVIII в. бóльшая часть произведений английской, итальянской и испанской литератур переводилась на русский язык с французских и реже — немецких переводов по причине преимущественного распространения этих языков в русском образованном обществе. Но такие переводы-посредники представляли уже определенную интерпретацию произведения, которая отражалась в последующем русском переводе,²⁴ и это обстоятельство учитывалось авторами.

Значительные трудности возникали в связи с широко распространенным в XVIII в. обычаем издавать беллетристические книги анонимно. В этом сказывалось присущее эстетике века признание «абсолютного эстетического бытия произведения в сознании эпохи, т. е. бытия произведения, не проецированного ни на какую индивидуальность».²⁵ Переводчики полной фамилией или инициалами обозначались на титульных листах или внутри книги (как подписи к посвящениям) значительно чаще, чем авторы (и то далеко не всегда). Как правило, указывались имена только тех авторов, которые получили уже литературно-общественное признание, чтобы такое указание вызвало читательский интерес. В остальных же

²³ Большой интерес в этой связи представляет рукописный том, озаглавленный: «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова. Часть I. 1791 в Богородицине» (ИРЛИ. Ф. 537. № 14). Здесь содержатся отзывы о 50 произведениях, изданных в 1760—1790 гг., из них 46 переводных. Частичная публикация 13 отзывов: Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 191—221.

²⁴ См.: Заборов П. Р. «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII—XIX вв. // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 64—85.

²⁵ Гукровский Г. А. К вопросу о русском классицизме: Состязания и переводы // Поэтика. Л., 1928. Сб. 4. С. 132—133.

книгах автор обычно не обозначался. Огромная работа, проведенная составителями «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» (М., 1962—1975. Т. 1—5, Дополнения) и продолженная В. Д. Раком,²⁶ выявила далеко не всех авторов, и более полутысячи книг, включающих и художественную литературу, так и остаются анонимными (что отчасти отражает и анонимную публикацию оригиналов). Отсюда проистекает неизбежная неполнота представленных обзоров. Не было также возможности достаточно полно представить и русских переводчиков, участников литературного процесса, не только древних, но и XVIII в.

В заключительной части каждой главы авторы стремились выявить принципы перевода прозы, практиковавшиеся в исследуемый период, а также в отдельных случаях показать воздействие переводной литературы на оригинальную.

Авторы отнюдь не считают, что в настоящем томе и в следующем за ним поставленная тема исчерпана. Основная их цель — выявить основные тенденции развития русской переводной художественной литературы древних времен и XVIII в. и наметить проблемы и пути для дальнейшего более глубокого исследования. Насколько нам это удалось, предоставляем судить читателям.

²⁶ См. выше. С. 10, примеч. 17.

Глава 1

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

1

В историю художественного перевода литература Древней Руси может войти лишь на правах падчерицы. Причина тому — не в ее эстетической неполноценности. Средневековые мастера достигали в искусстве слова подлинной виртуозности. Дело в том, что средневековая Русь не знала художественной литературы, того, что принято называть беллетристикой. На начальном этапе своего развития русская литература носила ярко выраженный прикладной характер. Эстетическое наслаждение не имело для средневекового человека самостоятельной ценности и не оправдывало сочинения, перевода и переписки определенного текста. Из него стремились извлечь какую-то пользу, а, по средневековым понятиям, наиболее полезно человеку то, что способствует спасению его души. Душеполезная литература заменяла в Древней Руси литературу художественную. Ее прикладной характер заключался прежде всего в том, что она не отделялась от вероучения. Терминологический аппарат, использующийся для описания памятников словесного творчества, нуждается применительно к такой литературе в существенных уточнениях. Это в полной мере касается понятия «древнерусской переводной литературы». Ни один из его элементов нельзя оставить без объяснений. Начнем с определяемого слова.

Условность термина «литература» в отношении средневековой книжности отчасти уже ясна. Присущая этой литературе невыявленность художественного начала наложила отпечаток на ее собственно эстетические свойства. Так, из трех родов литературы (эпос, лирика, драма) на Руси до XVII в. не были известны в чистом виде лирика и драма; жанровая принадлежность зависела не от внутренних свойств текста, а от его практического назначения; художественное единство (в том числе единство стиля) подменялось каноничностью содержания и формы. Древнерусская литература не знала вымысла, который приравнивался ко лжи и считался идущим от лукавого. Книга же входила в круг сакральных предметов, работа над ней напоминала религиозное таинство. Сакрализация книги стала причиной перевернутых отношений между сочинением и сочинителем: в древнерусской литературе, как и в фольклоре, творение ставится выше творца. Но это сходство чисто внешнее, ибо приглушенность авторского голоса объясняется не столько зависимостью от коллектива, сколько неотделимостью от божественного откровения. Каждый пишущий примерял свое сочинение к Священному писанию, он видел себя не сочинителем, а только посредником между божественной мудростью и человеческим невежеством. Посредничество давалось не литератур-

ным талантам, а наделенным благочестием и смирением, этими главными добродетелями инока. Труд писателя и был разнообразностью иноческого подвига, особой формой молитвы. Произведения не писались на злобу дня; посвященные вечным темам, они не могли устареть, как не могут устареть истины вероучения.

Профессиональные литераторы появились на Руси только в XVII в. Древнерусская литература классического периода создавалась не поэтическим, а молитвенным вдохновением. Отсюда размытость границ между автором произведения, его редактором и простым копиистом: их голоса сливаются в едином славословии Творца. Отсюда и неустойчивость самого текста, подвергавшегося бесконечным изменениям. Уберечь его в первоначальной форме могли факторы, не имеющие отношения к эстетике, — принадлежность книги авторитетному лицу (*traditio auctoris*) или ее собственный авторитет (*traditio auctoritatis*). Внелитературные факторы определяли и структуру авторского образа, в том числе присутствие или отсутствие авторского имени. В целом тот тип литературы, с которым мы встречаемся в Древней Руси и который не отделяет человеческого писания от божественного, воспринят славянами от монастырской культуры Византии, а ею, в свою очередь, унаследован от письменных культур Ближнего Востока. Подчеркивая своеобразие этого типа, слависты предпочитают называть его не литературой, а письменностью.

Отдельная история переводов предполагает наличие четкой оппозиции между литературой оригинальной и литературой заимствованной. Между тем, в Древней Руси эта оппозиция отсутствовала: «Традиционное деление древнеславянских литератур на две главные части — оригинальную и переводную — произведено с нашей современной точки зрения и модернизирует средневековую литературу».¹ Оригинальность не считалась достоинством, как подражательность не считалась недостатком. Сами эти характеристики неуместны в отношении трудов древнерусского писателя, который был не сочинителем, а медиатором. Нерасчлененность переводных и оригинальных произведений можно сравнить с неразграниченностью функций средневекового писателя и писца. В древнерусском книжном репертуаре статус перевода определялся теми же параметрами, что и статус сочинения. С одной стороны, переводы свободно включаются в собственно славянские своды и компиляции, с другой стороны, русские сочинения (например, Кирилла Туровского) соседствуют в сборниках с творениями классиков христианской литературы и нередко подписываются их именами.

Обратим внимание на следующий парадокс. Как будет ясно из дальнейшего, древние переводчики ставили превыше всего верность иноязычному оригиналу. Вместе с тем все, что они переносят на славянскую почву, разделяет общую судьбу памятников письменности — подвергается купюрам, осложняется интерполяциями, входит составной частью во всевозможные компиляции и т. д. При этом речь идет об одних и тех же текстах, об одних и тех же авторах. Так, например, Хроника Иоанна Малалы, переведенная в X в. со свойственным этой

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 23.

эпохе максимальным приближением к подлиннику, не сохранилась в цельном виде, полностью растворившись в древнерусских хронографических сводах. Тот самый Иоанн Экзарх, который во введении к «Богословию» объявил себя принципиальным сторонником пословного перевода, создал грандиозный монтаж из святоотеческих текстов — знаменитый «Шестоднев». Парадокс объясняется тем, что тогдашняя теория перевода требовала воспроизводить не только содержание, но и форму оригинала, однако, единожды усвоенные, чужие сочинения функционировали на равных правах с собственными.

Как выясняется, древнерусская литература — не совсем литература, а древнерусские переводы — не совсем переводы. Переводную литературу средневековой Руси нельзя безоговорочно назвать и древнерусской. В средние века вероисповедные различия значили больше, чем национальные, «религиозный патриотизм играл более важную роль, чем патриотизм этнический».² Народы, принадлежащие одной церкви, связывали обычно единый для них язык культуры и написанная на нем литература. Так образовывались культурные общности, не вмещавшиеся в этнические и государственные границы. Одну из них — ту, которую создала православная часть славянского мира, Р. Пиккио предложил называть *Slavia orthodoxa* и рассматривать как третью самостоятельную цивилизацию средневековой Европы, равноправную потесненным ею более древним — греческой и латинской. Значительная часть сочинений и переводов, появившихся на свет в рамках *Slavia orthodoxa*, принадлежала всем, кто входил в это культурное объединение; не нуждавшиеся в переводе тексты свободно перемещались из одной части славянского мира в другую.

Общим фондом не исчерпывалась литературная продукция средневековых славян: «Очень рано в южнославянских и восточнославянских странах стали появляться местные формы литературы верхов феодального общества, местные памятники, имевшие только национальное значение и не переходившие из страны в страну».³ Знакомство с книжным репертуаром разных славянских народов убеждает, что легче всего переносились памятники общехристианского содержания, абстрагированные от местного колорита. Тексты с ярко выраженной национальной спецификой не представляли интереса для партнеров по культуре *Slavia orthodoxa*. В Древней Руси редко переписывались болгарские апокрифы XIII в., обсуждавшие историческую роль Болгарии в судьбах мира («Разумник-указ», «Сказание о Сивилле» и др.). Точно так, болгарам и сербам, активно воспринимавшим письменное наследие Киевской Руси, остались совершенно чужды русские летописи.

Таким образом, в письменности каждого славянского народа нужно различать две неравные части — общую и индивидуальную. При этом письменность, как и вся средневековая культура, была иерархична, а место в иерархии зависело от внелитературного авторитета соответствующего памятника. От его места в иерархии, т. е. в конечном счете от внелитературного авторитета, в свою очередь,

² Picchio R. O cerkiewnosłowiańskiej wspólnocie kulturalno-językowej // Polska Akademia Nauk. Oddział w Krakowie. Sprawozdania z posiedzeń Komisji 1962. Lipiec-Grudzień. 1963. S. 454.

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 41.

зависел коэффициент универсальности. Максимальной степенью общности обладали богослужебные книги и книги Священного писания, за ними шли писания отцов церкви, агиография и т. д. Характерно, что в Литовской Руси, где с XVI в. интенсивно развивается литература на «простой мове», богослужение ведется по тем же церковнославянским книгам, что и в соседней Москве. Балканские славяне, томившиеся под мусульманским игом, вплоть до XIX в. берегут и используют восточнославянские кириллические издания. Сейчас важно следующее: наиболее авторитетные, а следовательно, наиболее универсальные произведения славянского средневековья — все переводные. Хотя общий литературный фонд *Slavia orthodoxa* не исчерпывался переводами, они были наиболее устойчивым его ядром, в наименьшей степени подверженным национальным воздействиям. Ясно, что древнерусская переводная литература — это литература не одной только Древней Руси. Ее история не может обойтись без переводов, выполненных в Болгарии и Сербии, а отчасти — без украинских и белорусских переводов.

Учитывая удельный вес общеславянского письменного наследия, мы согласимся с Д. С. Лихачевым в том, что «вполне может быть создана единая история литературы южных и восточных славян в пределах до XVI в.»⁴ Симптоматично вместе с тем, что до сих пор такая история не написана, к ее созданию не сделано и первых шагов. Эта ситуация объясняется тем, что над наукой о славянских древностях доньше витает дух романтизма — культурной эпохи, на которую пришлось формирование славистики и которая в историческом прошлом каждого народа ценила выше всего индивидуальные черты. Сам по себе изолированный рассказ об отдельной национальной литературе — русской, болгарской или сербской — предполагает большее внимание к ее видовым, а не родовым признакам. Традиционный подход не считается с многочисленными памятниками, общими для всей культуры *Slavia orthodoxa*. Эти памятники существующая история либо вовсе игнорирует, либо — что еще опаснее — безоговорочно зачисляет в одну из национальных литератур: «В результате проникновения в единый этно-филологический патриотизм отдельных национальных составляющих славянское средневековье (в особенности восточнославянское и южнославянское) превратилось в своего рода зону оккупации, так что в качестве древнерусского или древнесербского, древнеболгарского или древнемакедонского стали рассматривать то, что может быть отнесено к общему достоянию эпохи, предшествующей национальным культурам».⁵

Переводные произведения, безусловно, преобладают в общем фонде памятников, так что при узконациональном подходе неверную оценку получает прежде всего переводный раздел средневековой литературы. Но и в ложном освещении переводная письменность далеко не всегда входит в историю литературы. Современная славистика, все еще живущая романтическими идеалами, преимущественное внимание уделяет не переводам, а сочинениям. Между тем, они — малая часть грандиозного письменного наследия древности.

⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 8.

⁵ Picchio R. Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslavischen Tradition // Die Welt der Slaven. 1962. Jhr 7, H. 1. S. 4.

Так, по подсчетам А. И. Соболевского, в русской литературе домонгольского периода они составляли не более одного процента.⁶ Положение вещей, когда 99% памятников остается вне поля зрения историка, едва ли можно считать нормальным.⁷

Романтические настроения, до сих пор не изжитые славистикой, препятствуют монографическому исследованию древних славянских переводов. Истории переводов нет ни у одного из народов, принявших участие в создании цивилизации *Slavia orthodoxa*. Такой историей нельзя признать ни литографированный курс лекций А. И. Соболевского, где сообщаются полезные, но не складывающиеся в цельную картину сведения об отдельных переводах (см. примеч. 6), ни тем более его позднейшую «Переводную литературу Московской Руси», в самом подзаголовке названную «Библиографическими материалами».⁸ Нельзя назвать историей и учебное пособие Н. А. Мещерского, включающее только те произведения и жанры, которые интересовали автора.⁹ Историю переводной литературы не могут заменить ни обзоры памятников, ограничивающиеся номенклатурным перечнем,¹⁰ ни теоретические построения, отвлекающиеся от конкретного материала.¹¹

Историю древнерусского перевода (как и болгарского, сербского) предстоит создавать на пустом месте. Непременным условием этой работы должен быть безоговорочный отказ от романтического культа индивидуального, навязывающего средневековой культуре чуждые ей представления. Мы помним слова Д. С. Лихачева о возможности создания общей истории литературы восточных и южных славян. Применительно к переводной письменности придется изменить модальность его высказывания. Возможность создания самостоятельной истории переводной литературы Древней Руси или других стран — носителей культуры *Slavia orthodoxa* следует определить как антина-

⁶ Соболевский А. И. Древнерусская переводная литература. Литографированный курс лекций. СПб., 1892—1893. С. 5.

Задачи создания новой истории древнерусской литературы, свободной от реликтов романтизма, наиболее четко сформулированы в работе: Seemann K.-D. Voraussetzungen für eine wissenschaftliche Geschichtsschreibung der altrussischen Literatur // Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung. Wiesbaden, 1988. S. 147—162 (Opera Slavica, N. F. Bd 10).

⁸ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы // Сб. ОРЯС. 1903. Т. 74, № 1.

⁹ Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков (Учебное пособие). Л., 1978.

¹⁰ См., в особенности: История рус. лит. Т. 1. Литература XI—начала XIII века. М.; Л., 1941. С. 51—208; Dujčev I. Medioevo bizantino-slavo. Roma, 1968. Vol. 2. P. 3—27; Thomson F. J. 1) The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and its Implications for Russian Culture // Slavica Gandensia. 1978. T. 5. P. 107—139; 2) The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy: The Cause of Old Russia's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1. Slavic Cultures in the Middle Ages. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 179—214 (California Slavic Studies, t. 16); Sevčenko I. Remarks on the Diffusion of Byzantine Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59, No. 3. P. 321—345.

¹¹ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. С. 25—55; Гоцридзе Д. З., Хухуни Г. Т. Очерки по истории западноевропейского и русского перевода. Тбилиси, 1986. С. 86—98; Хухуни Г. Т. Русская и западноевропейская переводческая мысль (основные тенденции развития до начала XX века). Тбилиси, 1990. С. 70—79.

учную фикцию. Если не считать эпохи разложения средневековой культуры, у славянских переводов была общая история. Написание ее — дело будущего. Более скромная задача настоящего очерка, который, быть может, облегчит труд будущего историка, сводится к обсуждению трех вопросов, принципиальных для характеристики переводов: как переводили? когда переводили? что переводили? Соответственно предлагается остановиться на таких проблемах, как теория перевода, периодизация переводов, репертуар переводов.

Прежде чем обратиться к древним теориям, полезно отвести некоторые чересчур резкие высказывания в адрес славянских переводчиков и, напротив, ограничить некоторые апологетические суждения по поводу их трудов. Речь идет о традиционных упреках в стремлении буквально воспроизвести переводимый оригинал и проистекающем отсюда насилии над славянским языком. Упреки эти не новы. Эллинизирующие переводы Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского стали предметом пересудов уже их современников. По отзыву Федора Поликарпова, «книга Григория Богослова Назианзена, с прочими, иже в ней, преведена необыкновенною славянщиною, паче же рещи еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают».¹² Об «Исповедании православной веры» Петра Могилы (перевод Евфимия) в «Духовном регламенте» сказано, что оно «писано не просторечно и для того простым не велми внятна».¹³ Таково было отношение к буквальным переводам на пороге Нового времени.

В общем и целом оно сохраняет силу до сегодняшнего дня. Чрезмерную близость оригиналам считает главным недостатком переводов Ф. Томсон: «Основная причина непонятности заключается, разумеется, в буквализме перевода, и поистине долог список произведений, в которых целые разделы лишены всякого смысла».¹⁴ Критически оценивает старшие болгарские переводы С. Б. Бернштейн: «Переводы, сделанные в Болгарии в Преславле во времена Бориса и Симеона, характеризуются в своем большинстве рабским следованием греческому оригиналу».¹⁵ Симпатии исследователя неизменно оказываются на стороне переводчика, более свободно обращающегося с подлинником. Вот, например, как характеризует Н. А. Мещерский древнерусскую версию «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Переводчик был не рабом, а соперником автора, творчески пересоздавал его произведение и подчинял все его положение своей основной идее. Свобода перевода, таким образом, связывается с высоким литературным мастерством, свидетельствующим о незаурядных дарованиях переводчика как художника слова и о высоком уровне развития русского литературного языка того времени».¹⁶ Перед нами еще один реликт романтического восприятия

¹² Брашловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор московской типографии // ЖМНП. 1894. Ч. 295, № 9. С. 31.

¹³ Духовный регламент. 11-е изд. М., 1802. С. 29.

¹⁴ Thomson F. J. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia... P. 117.

¹⁵ Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984. С. 124.

¹⁶ Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 59.

истории. Романтическая эстетика, поднявшая на щит творческую личность, всячески противопоставляла переосмысляющие образец свободные переводы подстрочникам, покорно следующим за оригиналом. Переводчик как соперник автора — устойчивый образ в трудах теоретиков романтизма. Недаром на первое место романтики ставили поэтический перевод, о чем, из русских писателей, наиболее категорично высказался В. А. Жуковский: «Подражатель-стихотворец может быть автором оригинальным, хотя бы он не написал и ничего собственного. Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник».¹⁷

Имея дело с древними переводами, современный историк обязан придерживаться исторического принципа, «переводы нельзя оценивать вне исторического контекста и общественного назначения перевода».¹⁸ Установку на исчерпывающее воспроизведение словесной структуры оригинала неверно было бы считать шагом назад по сравнению с более свободными принципами передачи текста. В своей совокупности факты противоречат и утверждению об эволюции переводов в сторону большей вольности, и предположению об обратном процессе.¹⁹ Судьба буквальных переводов убеждает, что средневековые читатели не разделяли той оценки, которую получают эти переводы в трудах ученых славистов. Иначе как объяснить, что самые невразумительные памятники переписывались из столетия в столетие? К. Иванова искренне удивлена популярности у позднейших книжников усложненных болгарских переводов «золотого века»: «Они могли бы проявить естественный критицизм и перевести заново устаревшие или мало понятные им произведения. Но вместо этого они упорно возвращаются к старым болгарским переводам; иногда жалуются на неясность или на непонимание, но списывают и размножают их».²⁰ Если вспомнить о присущей средневековой конфессиональной значимости процессов чтения и письма, будет ясно, что затемненность смысла в душеполезном произведении только привлекала читателя. Усложненность языка являлась для него очевидным следствием невыразимости трансцендентных истин, сообщавшихся в произведении. Отсюда необходимость по многу раз возвращаться к прочитанному: «Егда чьтеши книги, не тышти ся бързо иштисти до другя главици, нь поразумей, чьто глаголють книги и словеса та, и тришьды обраштя ся о единой главици».²¹

Буквализм, свойственный огромному большинству средневековых переводов, — естественный результат пословного принципа, которого придерживались их создатели. Приверженность этому принципу

¹⁷ Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 383. О переводческих принципах эпохи романтизма см.: Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 222—284.

¹⁸ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 55.

¹⁹ Thomson F. J. «Sensus» or «Proprietas Verborum»: Mediaeval Theories of Translation as Exemplified by Translations from Greek into Latin and Slavonic // Symposium Methodianum. Neuried, 1988. P. 677 (Selecta Slavica, vol. 13).

²⁰ Иванова К. Болгарская переводная литература X—XIV вв. в контексте «Slavia orthodoxa» // Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. Т. 2. С. 362.

²¹ Изборник 1076 года. М., 1965. С. 152.

объясняется не бездарностью средневековых писателей, а единой для них теорией перевода, к объяснению которой мы вскоре приступим. Пословный принцип повинен и в ошибках, обильно рассеянных в древних переводах. Прежде эти ошибки объясняли некомпетентностью писателей, например, слабым знанием греческого языка. Дальше других зашел в этом направлении А. Лескин. Рассмотрев шестнадцать гомилий Супрасльского сборника и подвергнув анализу допущенные в них ошибки, он пришел к выводу, что «переводчики и вообще лишь посредственно знали греческий язык, а тот греческий, с которого должны были переводить, не понимали вовсе или очень плохо».²² Столь же строг германский славист по отношению к Иоанну Экзарху, который, по его вердикту, «лишь весьма посредственно знал греческий и часто искажал мысли греков чудовищным образом».²³

У нас нет оснований подозревать древних писателей в невежестве. Типология ошибок, разработанная Ф. Томсоном, делает очевидным, что большая их часть порождена пословным переводом.²⁴ Некоторые разновидности ошибок вообще нельзя назвать ошибками. Сюда относится, в частности, выбор значений греческого слова, не оправданный контекстом. Беспристрастный анализ позволяет увидеть здесь сознательное терминовтворчество. Разберем несколько примеров из числа тех, которыми оперирует автор типологии.²⁵

Греческое *πνεῦμα*, по мнению Ф. Томсона, неверно передано в Слове Ипполита Римского «дух» вместо ожидавшегося «ветр». Переводчик «Паренесиса», считает ученый, неверно использовал слова «обращенье» и «съвесть» для передачи греческих *ἀνατροπή* и *συνείδος*. Но может ли современный читатель уверенно восстановить семантику каждого словоупотребления? Разве нельзя истолковать приведенные эквиваленты как результат продуманного решения переводчика?²⁶ В первом случае он взял основное значение слова, предполагая для него ту же шкалу значений, что и для соответствующего греческого, в двух других — он всего лишь раскрыл внутреннюю форму греческих приставочных образований. Параллели к той и другой операции приводит Э. Ханзак, рассматривая переводческие приемы Иоанна Экзарха и доискиваясь до рационального их объяснения. Когда автор «Шестоднева» передает *ὄργανικόν* — «в съсуде», он делает это, прекрасно ориентируясь в греческом языке и пытаясь выразить своим эквивалентом происхождение греческого слова от

²² Leskien A. Zur Kritik des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis // Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1909. Bd 27. S. 446.

²³ Leskien A. Zum Šestodnev des Exarchen Johannes // Archiv für slavische Philologie. 1904. Bd 26. S. 3.

²⁴ Thomson F. J. Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations // Christianity among the Slavs: The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Roma, 1988. P. 351—380 (Orientalia Christiana Analecta, No. 231).

²⁵ Ibid. P. 368—369.

²⁶ Так именно истолковываются неожиданные лексические эквиваленты в статье Ф. Томсона 1991 г., в которой, по крайней мере в отношении Иоанна Экзарха, заметно смягчаются резкие оценки древних славянских переводов, свойственные более ранним трудам ученого: Thomson F. J. John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus' «De fide orthodoxa» // Palaeobulgarica / Старобългаристика. 1991. Год. 15, кн. 1. P. 35—58.

ἐργάζομαι — «обрабатывать, готовить».²⁷ Переводчики Супрасльского сборника, передавшие θεράτεια — «цельба», а νόσος — «болезнь» вместо требующихся, с точки зрения Ф. Томсона, «служба» и «труд», по-видимому, исходили из мысли о тождественности семантического поля греческого и славянского слова.²⁸ С уверенностью об этом можно говорить в отношении глагола «славить» на месте греческого δοξάζω, в то время как контекст подсказывает «мьнети». В более поздней работе того же Ф. Томсона показано, что это устойчивый эквивалент древнейших славянских переводов, использовавшийся и в приставочных образованиях.²⁹ Стремление избежать глагола «менити» могло быть мотивировано и тем, что он удерживался, в частности, Иоанном Экзархом для передачи греческого φημί.³⁰

При оценке древних переводов мало указать на ошибки. Нужно объяснить их происхождение. Приведенные примеры показывают семантические сдвиги, которые порождал внеконтекстуальный перевод каждого слова оригинала. Изоляция от контекста вызывала и частую в переводах подмену греческих слов, близких графически или фонетически (не исключено, что такого рода путаница облегчалась организацией переводческой работы). Наконец, признание слова главной единицей перевода влекло за собой перенос чуждых славянскому языку конструкций и даже нарушение синтаксических связей. Что же такое пословный принцип, с действием которого сталкивается каждый исследователь переводной письменности? Сущность его поможет раскрыть средневековая теория перевода.

2

Тем, кто имеет дело со славянским средневековьем, хорошо известно, что культура Slavia orthodoxa не оставила руководств по теории словесности. Развитие литературы происходило по законам, не закреплявшимся сводом эстетических правил. Словесные науки рассматривались как человеческие «хитрости», которым не пристало регулировать богоугодную деятельность писателя или писца. Может показаться, что в этом контексте теория перевода занимает особое место, ибо уже от древнейшей эпохи сохранились тонкие рассуждения о проблемах перевода. Свои соображения о том, как нужно переводить, оставили и позднейшие писатели.

Ближайшее знакомство с соответствующими высказываниями убеждает, что мы имеем дело не с теорией как системой логически связанных суждений, а с выводами из нескольких философских постулатов, определяющих природу текста и обязательных для всякого,

²⁷ Hansack E. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Palaeobulgarica/Старобългаристика. 1977. Год. 1, кн. 3. S. 37.

²⁸ Ср.: Hansack E. 1) Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Würzburg, 1975. Bd 1. S. 49 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. 10); 2) Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes. S. 35.

²⁹ Thomson F. J. John the Exarch's Theological Education... P. 51.

³⁰ Вајер Е., Миклас Х. Преводачески похвати в Богословието на Йоан Екзарх в сравнение с по-късни паралелни преводи // Старобългарска литература. 1986. Кн. 19. С. 56. Ср.: Иванова-Мирчева Д. Йоан Екзарх Български. Слова. София, 1971. Т. 1. С. 154.

кто берется за перо. Средневековые книжники озабочены не мастерством и не удобочитаемостью перевода, а его доктринальной правомерностью. Они не столько обосновывают свой метод работы, сколько выясняют, как, переводя, не причинить ущерба христианскому учению. Теория перевода оказывается одной из форм исповедания веры, так что точнее было бы говорить не о теории, а о доктрине.³¹

Из этой терминологической поправки вытекают два принципиальных вывода. Во-первых, в письменности славянского средневековья не приходится искать разных теорий перевода, которые бы сосуществовали или сменяли друг друга. Переводческая доктрина не подвергалась изменениям, как не было им подвержено христианское учение, лежащее в ее основе. Новая концепция могла родиться тогда, когда перевод перестал быть упражнением в благочестии и отошел в ведение литературной науки. Настоящая теория есть продукт кризиса средневековой идеологии, который и обеспечил ее торжество над прежней доктриной. Второй вывод является естественным следствием первого. Славянские литературы создавались разными книжными школами, которые практиковали разную технику перевода — одни точно придерживались подлинника, другие позволяли себе те или иные отступления. В таких случаях мы вправе говорить о нюансах переводческой практики, которые не подрывают единства переводческой доктрины. Это особенно важно учитывать при изучении так называемых «вольных» переводов.

Вообще ходовое в научной литературе деление всех переводов на буквальные и свободные сильно упрощает положение вещей. На примере греческих переложений Библии Д. Барр показал, что «буквальным и свободным можно быть по-разному, так что перевод может быть буквальным и свободным одновременно, но в разных отношениях или на разных уровнях».³² Между двумя крайностями нет преграды, и буквальный перевод, доведенный до мыслимого предела, оборачивается своей противоположностью. В сущности, описанию поддается только буквальный перевод, свободный же приходится определять от противного — как решения, противоположные некоторым типам буквализма. Для того чтобы считаться переводом, данный текст должен быть связан с оригиналом, в то время как свободный перевод стремится эту связь утратить и, соответственно, перестает быть переводом вообще.³³

Сказанное заставляет внести поправку в схему С. Матхаузеровой, которая насчитала в истории славянских литератур целых пять теорий перевода («открытая» теория, «вольный» перевод, теория перевода «от слова до слова», «грамматическая» и «синтетическая»)³⁴. Собственно теориями могут считаться только последние две, которые следует объединить под общим наименованием, потому что «грамматическая» и «синтетическая» теории — это два этапа в развитии одной и той же концепции. Ее мы назовем грамматической,

³¹ Ср.: Picchio R. The Impact of Ecclesiastic Culture on Old Russian Literary Techniques // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 247—279 (California Slavic Studies, t. 12).

³² Barr J. The Typology of Literalism in Ancient Biblical Translations. Göttingen, 1979. P. 6 (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse, No. 11. Mitteilungen des Septuaginta-Unternehmens (MSU), Bd 15).

³³ Ibid. P. 13.

³⁴ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 29—55.

потому что она, в противоположность более древним представлениям, ограничивала божественную предустановленность языка его собственными законами, изучающимися грамматикой. Первые три направления в схеме С. Матхаузеровой обсуждают одну и ту же концепцию перевода, которую мы будем называть теорией или доктриной пословного перевода. Двойная природа языкового знака — единство обозначающего и обозначаемого наиболее полно выявляется на лексическом уровне. Слово стало основной единицей перевода, потому что переводческая доктрина средневековья требовала передачи оригинала в его двуединстве — совокупность содержания и формы.

Это требование читается в древнейших славянских рассуждениях о переводе — в Македонском кириллическом листке и в предисловии Иоанна Экзарха к его переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина. С них и следует начать разбор теории пословного перевода. Правильная интерпретация памятников не в последнюю очередь зависит от точного определения их жанровой принадлежности. Если Македонский листок представляет собой фрагмент, изолированный от контекста, то «Пролог» Иоанна Экзарха — сочинение с ярко выраженной жанровой спецификой. Это авторское предисловие, которое, находясь в композиционно маркированном месте, использовалось в средние века для декларации благочестия. Канонизированные формулы должны были продемонстрировать отсутствие у автора греховного самонамения, его трепет перед грандиозностью труда и — главное — благочестивость его намерений. Таков смысл «Пролога» и текстуально близкого к нему Македонского фрагмента, который, учитывая эту близость, мы отнесем к тому же жанру авторского предисловия.

Жанровые особенности памятников подсказывают, что в них нужно искать не переводческую программу, а покаяние того и другого автора по поводу отступлений от единственно возможного метода передачи текста. Указанные таким образом отступления от идеала позволяют восстановить и сам идеал. Все сложности упираются в общеевропейское средневековое представление о сущности языкового знака, которое уходит своими корнями в философию неоплатонизма, перенесенного на христианскую почву блаженным Августином — на Западе и псевдо-Ареопагитом — на Востоке. Двойная природа слова рассматривается как внутренне мотивированная (реальная) связь между обозначающим и обозначаемым. Характер этой связи — один из центральных вопросов философии языка, и современная лингвистика не дает на него однозначного ответа: Ф. де Соссюр считал соединение *signifiant* и *signifié* произвольным, другие, напротив, подчеркивают иконический аспект языковой структуры.³⁵ Иконическая природа слова была аксиоматичной для культуры средневековья, которое рассматривало его как образ вещи. Этот образ, естественно, может быть еще раз отображен, чем и обусловлена возможность перевода. Однако перевод, стремящийся не исказить внеязыковой реальности, обязан воспроизводить каждое слово оригинала в единстве его обозначающего и обозначаемого. В этом и состоит теория пословного перевода.

Автор Македонского листка и Иоанн Экзарх просят простить их за то, что они в трудных случаях пренебрегают формой во имя содер-

³⁵ Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102—117.

жания, в то время как задача переводчика — донести то и другое в каждом слове. Эта задача однозначно заявлена в Македонском листке: «подъвизахъмь ся, да быхъмь истово слово положили въ Еуангелии». ³⁶ Здесь употреблено слово «истовый» — ключевое в том понимании перевода, которое развивается в обоих памятниках. «Истовый» означает в церковнославянском, во-первых, «истинный», во-вторых, «тождественный», причем разбираемые тексты актуализируют оба смысла. Называя правильный эквивалент «истовым», переводчики подчеркивают, что он должен передавать не только «истинный» смысл греческого слова, но и быть «тождественным» ему по структуре. ³⁷ Больше того, слова перевода не могут быть истинными, не будучи тождественными словам оригинала. Поэтому анониму и Экзарху важно доказать истинность каждого славянского эквивалента, доказать, что он «тождемоушън» слову оригинала. ³⁸ Тут-то и начинаются сложности, вызванные условностью связи между планом содержания и планом выражения, условностью, специфичной для каждого языка и заставляющей переводчика отступать от основополагающего принципа пословности. Необходимость этих отступлений авторы иллюстрируют различиями между греческим и славянским в распределении имен по родам; аноним добавляет сюда пример, когда множественное число греческого приходится передавать единственным числом.

Смысл памятников заключается в том именно, что они доказывают право переводчика в случае необходимости предпочитать «истовому» слову («глаголу») «истовое» значение («разум»): «Да темь, ижде ся прилучи гръчскы и словенъскы стройне темьжде глагольмь, то тако е положихъмь, ижде ли или дъльжае слово, ли... губя разумь, то разума ся не отъпуштауште, инемь глагольмь положихъмь е». ³⁹ Ситуацию, когда «дъльжае слово» передается «инемь глагольмь», К. Трост удачно иллюстрирует примерами из евангельского текста, в которых однокорневые славянские слова соответствуют греческим *composita*. ⁴⁰ Утверждая приоритет смысла над «глаголом», оба автора выписывают цитату (в Македонском листке сохранилась только начальная ее часть) из псевдо-Дионисия Ареопагита («О божественных именах»), в которой христианский философ выступает против тех, кто «гласы нагы вьнимаеъ», ⁴¹ и настаивает на том, что дважды два и четыре означают одно и то же.

Если правильно предложенное понимание проблемы как установление «истовых» межъязыковых эквивалентов, то содержание Маке-

³⁶ Добрев И. Съдържа ли Македонският кирилски лист откъс от произведение на Константин Философ-Кирил за преводаческото изкуство? // Старобългарска литература, 1981. Кн. 9. С. 22.

³⁷ Hansack E. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. 1981. Jhrg 26, H. 1. S. 23.

³⁸ Sadnik L. Des hl. Johannes von Damaskus «'Εκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως» in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Wiesbaden, 1967. S. 20 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. 5).

³⁹ Добрев И. Съдържа ли Македонският кирилски лист откъс от произведение на Константин Философ-Кирил... С. 22—23.

⁴⁰ Trost K. Die übersetzungstheoretischen Konzeptionen des Cyrillisch-mazedonischen Blattes und des Prologs zum Bogoslovie des Exarchen Joann. Zugleich ein Beitrag zur Frage der Autorschaft Konstantin-Kyrills // Slavistische Studien zur VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973. München, 1973. S. 507—508.

⁴¹ Добрев И. Съдържа ли Македонският кирилски лист откъс от произведение на Константин Философ-Кирил... С. 23.

донского листка и «Пролога» оказывается чрезвычайно близким. При универсальности переводческой доктрины иного трудно было ожидать. Одновременно утрачивает свою остроту вопрос об атрибуции Македонского листка, в котором находили оригинальную концепцию перевода, принадлежащую будто бы самому Константину-Кириллу, причем противопоставляли эту концепцию более поздней, сформулированной в «Прологе» Иоанна Экзарха (см. особенно названную работу К. Троста). Принципиальное сходство памятников, более важное, чем мелкие разночтения, позволяет считать их провозвестниками одной и той же общеевропейской теории перевода.⁴² Тем интереснее подчеркнуть реальные отличия переводов кирилло-мефодиевской эпохи от переводов Иоанна Экзарха и писателей его круга.

Одной из примет переводов Кирилла и Мефодия признается их независимость от греческих оригиналов. Перечисляя критерии для определения библейских переводов Мефодия, А. А. Алексеев исходит из презумпции, «во-первых, полной смысловой точности переводов Мефодия и, во-вторых, предельной лингвистической независимости этих переводов от лингвистической структуры греческого текста».⁴³ Преувеличивать эту независимость или объяснять ее особой теорией перевода нет необходимости. В кирилло-мефодиевских текстах налицо многие проявления пословного принципа, как, например, стремление подобрать эквивалент к каждой синтаксической единице оригинала, соблюсти позицию каждого слова в рамках высказывания, избежать пропусков и дополнений.⁴⁴ Первоучители не могли позволить себе больших вольностей: они трудились над сакральными текстами, в которых, по классической формуле блаженного Иеронима, «даже порядок слов является таинством».⁴⁵ Достоинства старших славянских переводов объясняются не применением оригинальной теории, а их функциональным назначением, заключавшимся в христианском просвещении не искушенных в вере. Прямое назначение новоизобретенного языка требовало от его творцов, при верности теории пословного перевода, не навязывать церковнославянским текстам чуждых им элементов, не предаваться неумеренному словотворчеству, сохранять устойчивость впервые изобретенной христианской терминологии. Справедливо связывая переводческую практику Константина-Кирилла с его миссионерскими задачами, К. Трост подчеркивает, что изобретатель славянского письма «нашел средний путь между богословским требованием дословного перевода и жизненной необходимостью добиться понятности переведенных им текстов, в которых он отдавал предпочтение смыслу».⁴⁶

⁴² Учтем, что последние исследователи Македонского листка исключают его из числа сочинений Кирилла Философа. См., в частности: *Freydank D. Bemerkungen zum Text des Kyrillischen mazedonischen Blattes // Symposium Methodianum. S. 599—605.*

⁴³ Алексеев А. А. Филологические критерии выявления библейских переводов св. Мефодия // *Полата кънигописаная. 1985. № 14—15. С. 10.*

⁴⁴ Trost K. Die übersetzungstheoretischen Konzeptionen des Cyrillisch-mazedonischen Blattes... S. 506—507.

⁴⁵ *Patrologiae cursus completus. Series latina. Ed. J. Migne. Parisiis, 1845. T. 22. Col. 571.*

⁴⁶ Trost K. Die übersetzungstheoretischen Konzeptionen des Cyrillisch-mazedonischen Blattes... S. 511.

Деятельность Иоанна Экзарха и других представителей преславской книжной школы приходится на новый этап в истории славянской письменности, когда миссионерские задачи отошли на второй план и главным стало строительство придворной болгарской культуры. Новое поколение писателей могло себе позволить то, чего избегали Кирилл и Мефодий: теперь речь шла о сугубо ученой литературе на сугубо ученом языке, сложность которого простирается так далеко, что иные сочинения нельзя читать без греческих оригиналов. В переводах Иоанна Экзарха и его современников торжествует пословный принцип, в жертву ему приносится и славянский синтаксис, и упорядоченность терминологии. Новые переводы замечательны самыми смелыми экспериментами при передаче греческой лексики: здесь и пуризм в отношении грецизмов, в том числе попытки выразить средствами своего языка сакральные понятия, и особое пристрастие к калькам, и переводы со смысловым сдвигом, и практиковавшиеся авторами из круга Иоанна Экзарха переводы-дублеты.

Итак, при разной манере переводить первоучители и их преемники придерживались одной теории — теории пословного перевода. Относящиеся к киевской эпохе опыты свободного, или, по терминологии С. Матхаузеровой, «вольного» перевода также не противоречат этой теории. Если считать одной из примет вольного перевода то, что он «сокращал или удлинял» подлинник,⁴⁷ оставшаяся часть текста — за вычетом сокращений и добавок — может соответствовать пословному принципу: «Буквализм, если его рассматривать с точки зрения количественных дополнений и пропусков, как кажется, совсем не то, что буквализм, проистекающий из сегментации текста».⁴⁸ Вольный перевод использует те же способы передачи каждого слова (дословный перевод, смысловой, подстановка значения), с единственной разницей, что это может быть фиктивное слово.⁴⁹

Переводческим взглядам Кирилла Философа и Иоанна Экзарха С. Матхаузерова противопоставляет теорию перевода «от слова до слова», которую она восстанавливает по «Сказанию о писменех» Константина Костенечского, болгарского и сербского писателя первой половины XV в. Действительно, это сочинение наиболее полно раскрывает идеологическую подоплеку языковой и литературной реформы XIV в. Но вносит ли оно что-либо новое в переводческую доктрину? Чему, собственно говоря, посвящен трактат Константина? Главный предмет обсуждения — вовсе не теория литературы, а церковнославянское правописание, точнее, меры, необходимые для его консервации. Как для тех, кто в X в. формулировал принципы перевода, важны были не трудности этой работы сами по себе, а стоящие за ними вероисповедные проблемы, так для Константина реконструкция испорченной орфографии не является самоцелью. Новейший исследователь Сказания настаивает на том, что оно — не пособие по правописанию, а полемическое выступление в защиту православия.⁵⁰

⁴⁷ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 37.

⁴⁸ Barr J. The Typology of Literalism in Ancient Biblical Translations. P. 31.

⁴⁹ Hansack E. Zum Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. 1979. Jhrg 24, H. 1. S. 129.

⁵⁰ Goldblatt H. Orthography and Orthodoxy. Constantine Kostenečki's Treatise on the Letters (Skazanie izъjavljeno o pismenex). Firenze, 1987. P. 198—203 (Studia historica et philologica, t. 16).

Константин Костенечский доказывает спасительность изобретенного Кириллом Философом письма и пагубность тех изменений, которым оно подверглось за истекшие столетия.

Не подлежит сомнению зависимость его рассуждений от исихазма — мощного богословского течения поздней Византии, утверждавшего преодолимость границы между несотворенным и «тварным» миром. Григорий Палама и его последователи учили, что непостижимая сущность Бога может быть не символически, а реально явлена человеку в причастной этой сущности энергии. Таков Фаворский свет, осиявший апостолов и через единение с Богом приведший к его познанию. Подобно тому, как очистившийся внутренней молитвой вступает на путь богопознания, читающий священные письмена устремляется к надмирному Слову через причастные ему буквы и слова. Автор Сказания придерживается той точки зрения, что графические знаки — не условные, а мотивированные обозначения божественных прообразов. Ясно, что любое нарушение норм орфографии приводит к отступлению от ортодоксии — в этом пафос сочинения Константина.

Но кто же устанавливает правила орфографии? Отвечая на этот вопрос, «Сказание о писменех» раскрывает программу реставрации, которая лежала в основе реформ XIV—XV вв. Несовершенство повседневного человеческого языка делает его непригодным для отражения божественной сущности, графические знаки могут стать носителями трансцендентного начала лишь по благодати Творца, в результате чуда, которое произошло, когда Кирилл Философ изобрел славянское письмо. Считая всю последующую историю церковнославянского языка процессом его неукоснительной порчи, Константин предлагает вернуться к тем формам, в которые его облекли первоучители. Этот идеал — наднациональный язык, славянский эквивалент греческого *κοινή διάλεκτος*.⁵¹ Путь к нему лежит через возврат к отношениям между греческим и славянским, которые установил создатель славянской азбуки.

Автор Сказания и другие участники реформ XIV—XV вв. преследовали одну цель — восстановить утраченную церковнославянским языком способность возводить его носителей к сверхчувственному идеалу. Восстановить связь образа и первообраза они не могли без посредствующего звена — греческого языка. При этом они были убеждены в родстве графического знака и иконы, которым равно сообщаются свойства первообраза. Реализовать иконические свойства языка при переводе — значило воспроизводить одновременно план содержания и план выражения исходного греческого текста. Провести данное требование сколько-нибудь последовательно можно было не ниже лексического уровня. Так мы возвращаемся к теории пословного перевода, утвердившейся в славянской письменности с момента ее рождения. Отстаивая пословный принцип, Сказание иллюстрирует его примерами, в которых передается внутренняя форма каждой греческой лексемы. Ревизия средневековой теории перевода была бы равносильна пересмотру общеевропейской философии языка. От

⁵¹ Ibid. P. 237.

эпохи книжной реформы с ее ретроспективными идеалами нельзя ожидать ничего подобного.

На смену теории послownого перевода, господствовавшей в период высокого средневековья, пришла концепция, которую С. Матхаузерова удачно назвала грамматической. Средневековая доктрина акцентировала внимание на лексике — наименее мотивированном языковом уровне и исходила вместе с тем из идеи внутренней связи обозначающего и обозначаемого. Эта связь переносилась в сферу трансцендентного. Напротив, акцент на грамматической структуре языка предполагал обращение к внутриязыковым мотивировкам, к реальным, а не идеальным связям плана выражения и плана содержания. Это не могло не отразиться на процедуре перевода: перенос центра тяжести на грамматику вел к пониманию структурного своеобразия языка источника и языка перевода и, в конечном счете, отменял требование передавать форму оригинала вместе с его содержанием. Грамматическая теория перевода самым своим существованием отменяла послownую.

Первые шаги в победоносном шествии новой концепции связаны с творчеством Максима Грека. Не повторяя сказанного С. Матхаузеровой о его переводческих взглядах в целом, ограничимся несколькими замечаниями об их собственно грамматическом аспекте. На нем переводчик настаивал на протяжении всей своей литературной деятельности. Спор, разыгравшийся на соборных прениях по делу афонского старца, можно с полным основанием назвать грамматическим. Речь шла о произведенных Максимом заменах форм аориста на формы перфекта, заменах, распространявшихся на 2-е и 3-е лицо единственного числа и призванных устранить омонимию этих форм в аористе.⁵² Обвиняющая сторона приравнивала замену одного грамматического времени другим к отрицанию вечности божественного бытия, так как перфект, по тогдашним представлениям, мог относиться только к действиям, имеющим временной предел. Логика противников ничуть не убедила строптивного старца: в позднейших переводах он исключает формы аориста еще с большим упорством.⁵³ Доказывая свою правоту, он ссылается на грамматическую синонимичность глагольных времен: «В том разньства никоторого нет, а то мимошедшее и минувшее».⁵⁴ Писатель не желал считаться с тем, что его оппоненты по-другому понимали смысл языкового знака.

Максим Грек не уставал подчеркивать важность грамматики и риторики для успешных занятий переводом. Ту же линию продолжали его ближайшие ученики и последователи — старец Силуан, Нил Курлятев, князь А. М. Курбский. Все это хорошо помнили в Москве столетие спустя, когда переиздание «Граматики» Мелетия Смотрицкого (1648 г.) снабдили статьей, вкладывающей в уста

⁵² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 46, 49, 112—115.

⁵³ Ковтун Л. С., Сеницына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973. С. 108—109; Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 46.

⁵⁴ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. Н. Н. Покровский. М., 1971. С. 90.

Максима Грека похвалу наукам тривиума — грамматике, риторике и философии. Репутация поборника словесных наук способствовала тому, что именем знаменитого переводчика надписывалось множество грамматических статей, бытовавших в московской книжности XVI—XVII вв. Из них с некоторой уверенностью ему атрибутируется не больше трех.⁵⁵ Их содержание помогает уточнить, какую же грамматику пропагандировал Максим Грек. Нетрудно заметить, что его рассуждения касаются не церковнославянской, а греческой грамматики, «правила свои он применяет к языку греческому, на русский же указывает только для пояснения».⁵⁶ Пишущим на церковнославянском надлежит примеряться к греческим канонам: «такое же и у вас, русех, подобает бывать».⁵⁷ Для Максима церковнославянский — это еще не нормированный язык, о чем он высказался довольно откровенно: «И учение то у нас, у греков, хытро зело, а не и у вас».⁵⁸ Закономерности не отполированного грамматикой языка познаются только эмпирически, поэтому афонский переводчик легче воспринимал исторические изменения церковнославянского, касалось ли дело глагольных времен или лексических вариантов. По понятиям московских книжников, это было непростительное легкомыслие. «Мню, от книжных речей и общия народныя речи исправляти, а не книжныя народными обезчещати», — возражал против одной из замен переводчика Зиновий Отенский, богослов и публицист XVI в.⁵⁹

В свое время А. И. Соболевский недоумевал, «как мог игумен Ватопедского монастыря, на просьбу великого князя прислать сведущего старца для перевода книг с греческого на славянский язык, — ответить отправлением человека, совершенно не знавшего по-славянски».⁶⁰ С точки зрения греков, здесь не было противоречия: Максиму предстояло переложить греческие книги на неупорядоченный язык, законы которого, в отличие от искусственного языка византийцев, не требуют специального изучения. Афонские власти были убеждены, что такому языку их представитель «борзо навькнет». Сознание внутреннего превосходства греческого языка соответствовало общей прогреческой ориентации писателя, которая особенно озлобляла его московских противников. Максим Грек явился на Русь убежденным эллинофилом, между тем как там крепла мысль о доктринальном превосходстве русской церкви над греческой. Таким образом, на различия в теории перевода наслаивались различия во взглядах на сравнительную ценность славянской и греческой

⁵⁵ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969. С. 91—94, № 114, 115, 116.

⁵⁶ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. 1. С. 600. Ср.: Worth D. S. The Origins of Russian Grammar: Notes on the State of Russian Philology before the Advent of Printed Grammars. Columbus, Ohio, 1983. P. 72—73 (UCLA Slavic Studies, vol. 5).

⁵⁷ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины... С. 604.

⁵⁸ Там же. С. 594.

⁵⁹ Зиновий, инок Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 967.

⁶⁰ Соболевский. С. 262.

письменной традиции. Максим полагал, что он только устранял ошибки прежних переводчиков, а его враги твердили: «Ты zde нашей земли Руской святых книг никаких не похвалишь, но паче укаряешь и отметаешь, а сказываешь, что здесь на Руси книг никаких нет».⁶¹

Обвинители не отвергали приоритета греческих текстов, они настаивали только на том, что между древними славянскими переводами и их древними же греческими оригиналами образовались профессионально значимые отношения, которые не могут быть произвольно нарушены: «Наши русские книги переведены з греческих же книг, а писаны они от святого Духа святыми апостолами и святыми отцами».⁶² Это означает, что в результате перевода между славянским текстом и выражаемой им сверхъестественной истиной существует нерасторжимая связь. Ее аннулирует любое изменение текста. Раз так, правка Максима Грека ставит под сомнение способность церковно-славянской книги приобщать читателя трансцендентному миру, она лишает церковнославянский язык его иконических возможностей.

Грамматическая теория перевода, некоторые положения которой развивал Максим Грек и его ученики, осталась при их жизни непонятой. Субстанциальное восприятие текста твердо держалось на Руси еще более столетия. Его сторонники открыто отстаивали средневековую доктрину и в деле троичских справщиков, осмелившихся, вслед за Максимом Греком, ревизовать церковно-служебную литературу, и в прениях о Катехизисе Лаврентия Зизания. Возрождение грамматической теории связано с Никоновской церковной реформой, сопровождавшейся идеологическим расколом, который разделил русскую культуру на два противоборствующих лагеря. Их спор превосходно показывает несовместимость двух концепций перевода — пословной доктрины и грамматической теории. С другой стороны, наивно было бы думать, что стоило патриарху Никону приступить к преобразованиям, как значительная часть русского общества признала условность языкового знака. Во взглядах на природу текста многие сторонники Никона стояли на позициях своих противников. Дебаты шли о другом — о большем или меньшем авторитете русской и греческой церковной традиции, причем, как теперь достоверно установлено, русская церковь оказалась более верной блюстительницей предания, полученного при Владимире Крестителе.

Грамматический принцип был провозглашен не отечественными приверженцами реформ, а людьми пришлыми, представлявшими в Москве культуру европейского типа. Пожалуй, наиболее отчетливо этот принцип выразил Симеон Полоцкий в своем полемическом трактате «Жезл правления»: «Образ той прототипу своему или первообразному благоуподобляется, иже во всех частех праведне ему ответует. Сказатель же или преводитель страннаго языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесо же оставляя. Греческая святая писания суть нам славянном прототипон, еже есть первообразное, от их же вся книги наша преводим, ничесо же прилагающе или отъемлюще, да совершенно им уподобимся. Тем же аще что в древних преводех или непризнанием, или недомыслием, или

⁶¹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 110.

⁶² Там же. С. 105.

нерадением оставися, добре ныне исправляется приложением». ⁶³ Это удивительная по точности формулировка христианского понимания образа. Замечательно вместе с тем, что публицист умалчивает о божественных прообразах, от которых, как думали раньше, неотделимы языковые знаки. В изложении Симеона Полоцкого «прототипон» — уже не трансцендентная реальность, а всего лишь греческий язык и написанные на нем книги. Тем самым славянские буквы и слова утрачивают сходство с иконой, дело ограничивается взаимоотношением двух систем условных знаков — греческой и славянской. Регулирует их взаимодействие грамматика — незаменимое орудие в руках переводчика.

Теперь понятно, почему размежевание двух теорий текста и перевода сопровождалось ожесточенными спорами о пользе грамматики и других наук тривиума. Будучи приверженцами традиции, старообрядцы заявляли, что словесные науки несовместимы с благочестием и бесполезны для богопознания. Инок Савватий восставал против справщиков, которые «обычай имеют тою своею мелкою грамматикою Бога определяти мимошедшими времени». ⁶⁴ Справщикам инкриминируется то, в чем некогда обвинялся Максим Грек: «И тем все старые книги опорочили и укоризну навели; не токмо простых людей, и святых многих, которые по тем книгам служили и Богу угодили, и сих дураками зделали, яко глупы были, еже доселе того не разумели». ⁶⁵ Для Савватия, в согласии со средневековой философией слова, ошибки, допущенные в новоизданных книгах, — вопрос не технический, а вероисповедный. Список опечаток в Цветной Триоди московской печати 1660 г. является для него собственным признанием издателей в вероотступничестве. ⁶⁶

Напротив, сторонники нововведений, уличая своих оппонентов в незнании словесных наук, доказывали этим, что те некомпетентны в проблемах перевода. Ссылками на грамматику начинают явно злоупотреблять, так что «Симеон Полоцкий часто сводит к грамматическим вопросам настоящие переводческие проблемы». ⁶⁷ Уроки греческого языка, которые брал рязанский митрополит Иларион у Дионисия Грека, едва ли давали ему право высмеивать неискушенность старца Авраамия в грамматике, риторике и философии. ⁶⁸ Полемика о пользе свободных наук была удобна еще и потому, что она связывала идеологию и социологию, так что отрицание грамматики становилось признаком «мужичьего» ума. ⁶⁹

Ситуация осложнялась тем, что в самом православном лагере не было единства. Наряду с немногочисленными идеологами реформ, наряду с духовенством, которое приняло никоновскую правку как административный каприз, в московской культуре конца XVII в. выде-

⁶³ Симеон Полоцкий. Жезл правления. Москва, 1667. Л. 71.

⁶⁴ Три челобитные. Справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря (Три памятника из первоначальной истории старообрядчества) / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1862. С. 22—23.

⁶⁵ Там же. С. 40.

⁶⁶ Там же. С. 41—42.

⁶⁷ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 53.

⁶⁸ ПЛДР. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 512.

⁶⁹ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 41.

лилась еще одна — грекофильская («старомосковская») партия, относительно которой в историографии держится стойкое предрешение. Активные сторонники реформ, представители этой партии сходились со старшим поколением старообрядцев в некоторых принципиальных вопросах, в частности в отрицании католического барокко, насаждавшегося выходцами из Украины и Белоруссии. Отсюда, однако, не следует, что грекофилы — обскуранты и мракобесы, как нередко представляется дело. Наоборот, с деятелями конкурирующей — латинской партии их роднил просветительский пафос, который позволил именно им воплотить в жизнь проект Московской академии, долго лежавший под спудом. Разногласия между грекофилами и латинофилами начинались не с вопроса о пользе наук — она ясна была тем и другим, а с обсуждения образов, на которые надлежало равняться русскому просвещению. Иезуитской школе, которую прошел Симеон Полоцкий и которую он и его ученики мечтали пересадить в Москву, сторонники греческого направления предпочитали иную, греческого образца. В особенности их не устраивало спекулятивное богословие, господствовавшее в латинских школах. Латинские школы, полагали они, — рассадники католичества, несущие с собой реальную угрозу православной доктрине. Протест против наступления польско-украинского барокко имел прежде всего вероисповедный подтекст.

Из московской интеллигенции конца XVII в. грекофилы — наиболее плодотворные переводчики. К несчастью, их переводы были так сложны, что находили себе мало читателей. И все же не права С. Матхаузерова, видящая в переводных трудах греческой партии возрождение теории пословного перевода, развивавшейся когда-то Константином Костенечским. Принцип максимального соответствия греческому оригиналу, превращавший переводы Епифания Славинецкого и Евфимия в подстрочники, был обусловлен иными посылками, нежели аналогичный принцип «Сказания о писменех». Для автора Сказания имитация греческого была непременным условием приближения к Богу, между тем как пресловутый буквализм грекофилов зиждился на чисто филологических соображениях. В своей литературной практике они следовали нормам грамматики Мелетия Смотрицкого, которая искусственно регламентировала церковнославянский язык по греческим парадигмам.⁷⁰ Как их латинствующие конкуренты, последователи Епифания Славинецкого были убеждены, что только преуспевший в грамматике может стать полноценным писателем и, особенно, переводчиком. Утверждаемое ими родство греческого и церковнославянского позволяло приверженцам школы Епифания обходиться общей грамматикой, образец которой дал Мелетий Смотрицкий. Универсализм, пренебрежение национальной языковой ситуацией вообще характерны для первых восточнославянских учебников по словесности.⁷¹ Филологическая мотивировка эллинизирующих переводов подкреплялась охранительными идеями, которые декларирует рассуждение «Учитися ли нам полезнее...»:

⁷⁰ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1938. С. 7—14.

⁷¹ Лахманн Р. Два этапа риторики «приличия» (decorum) — риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—начала XVIII в. М., 1989. С. 155, 161—162.

«Начинаются латинския и полския пословицы славенскаго языка в писаниих появлятися; древне же отнюд таковых глаголений славяне удаляхуся, зане речением обыкоша и нравы последовати». ⁷² Уподобление греческому должно было предотвратить наплыв в литературный язык XVII в. латинских и польских элементов.

По мнению грекофилов, эллинизация — естественный путь развития церковнославянского языка. То же рассуждение «Учиться ли нам полезнее...» доказывает: насколько латинский язык не приспособлен для передачи фонетических и лексических особенностей греческого, настолько церковнославянский — по всем статьям близок греческому. Их родство делает перевод легким и удобным: «И аще случится и преложити что на славенский с греческа, удобно, и благостройно, и чинно прелагается, и орфография цела хранится». ⁷³ Оно определяет и его механизм: к каждому синтаксическому обороту, к каждому слову и к каждой морфеме могут и должны быть подобраны церковнославянские аналоги. Воплощая в жизнь эту концепцию, Евфимий Чудовский создает слова-кентавры, в которых к греческой основе присоединяются славянские форманты, он производит даже слова, частично сохраняющие графику греческого оригинала. ⁷⁴ Конвергенция языков перерастает здесь в их диффузию. В этом смысле характерно, что в Чудовом монастыре, цитадели грекофилов, делаются переводы не только с греческого на славянский, но и — Козмой Афоноверским — со славянского на греческий.

Понимание перевода как перехода от одной системы условных знаков к другой системе не могло мгновенно заменить прежнюю доктрину. Эллинизирующие переводы Епифания и его учеников являются безусловной уступкой этой доктрине: субстанциальное восприятие текста исходит из мысли о принципиальном единообразии всех языков. Уступка не означала возврата к прошлому. Если смотреть на вещи в исторической перспективе, неизбежное торжество грамматической теории было обусловлено переходом европейской культуры с позиций философского реализма к науке Нового времени. Однако в России грамматическая теория делала еще первые шаги. В переходный период, каковым является русский XVII в., писательская практика нередко опережает теоретические построения. Примечательно, что наиболее перспективная переводческая школа этого времени, сложившаяся в стенах Посольского приказа, благополучно обходилась без какой-либо теории.

3

Периодизация древнерусской переводной литературы, как всякая периодизация, помогает выявить специфику каждого этапа в истории переводов и отметить эту историю временными вехами. Впрочем,

⁷² *Сменцовский М.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. Приложения. С. XIV.

⁷³ Там же. С. XV.

⁷⁴ *Исаченко-Лисовая Т. А.* О переводческой деятельности Евфимия Чудовского // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 201—202.

приходится учитывать, что диахроническое изучение переводов в известной мере навязывает средневековой культуре чуждую ей категорию.⁷⁵ Культурная память средневековья пренебрегала исторической дистанцией, она размещала объекты в «обратной перспективе». Средневековый начетчик не видел разницы между архаичным и новоизготовленным текстом, он делил переводы не на древние и новые, а на правильные и неправильные, истинные и ложные. Хронологическая дистрибуция подменялась аксиологической. Следовательно, указывая на спад переводческой деятельности в определенные периоды (например, в Московской Руси XVI в.), мы не будем делать вывода о преобладании в это время оригинальных произведений над чужими. Компенсация достигалась за счет того, что тогдашние книжники с удвоенной энергией копировали переведенное предыдущими поколениями.

Мы знаем, что в судьбе переводов наиболее ярко проявилось литературное единство *Slavia orthodoxa*. Отсюда явствует, что правильно выделить периоды в истории переводной письменности можно только в том случае, если рассматривать ее как общеславянский фонд. Необходимость такого подхода обусловлена не только тем, что приурочение многих переводных текстов к определенной национальной литературе вызывает споры и что существуют памятники — например, Пролог, — созданные совместно представителями разных славянских народов. Рассмотрение славянских переводов как единого целого позволяет увидеть континуитет в развитии этого раздела письменности. Такой подход демонстрирует, в частности, удивительную жизнеспособность славянской цивилизации: как только одна страна становилась жертвой политических катаклизмов, другая, пресупевающая, делалась хранительницей ее литературного наследия и выступала ее преемницей. Переводческая активность в одной части славянского мира сменялась в годы государственного кризиса литературным подъемом в другой, так что «история литературных взаимовлияний между южным и восточным славянством представляется не в виде прямолинейного непрерывного процесса одинакового общего развития, а в виде сменяющих одна другую волн влияния с одной и другой стороны».⁷⁶

В научной литературе можно найти и другой принцип периодизации древних славянских переводов, основанный на максимальном обособлении южнославянской и восточнославянской письменности. Например, Ф. Томсон выделяет в истории переводной литературы только два периода: первый — IX — середина XV в., когда переводы выполнялись южными славянами, второй — середина XV—XVII в., когда переводами занимались восточные славяне.⁷⁷ Эта периодизация основана на формальных признаках (например, знание или незнание греческого языка) и стремится подогнать многообразные литературные факты под общие тезисы, вроде утверждения об

⁷⁵ Ср.: Seemann K.-D. Voraussetzungen... S. 154.

⁷⁶ Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 29.

⁷⁷ Thomson F. J. Stages in the Assimilation of Byzantine Culture by the East Slavs, 9th—17th Centuries // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. Т. 2. Л.—З. М., 1991. P. 1158—1159.

«интеллектуальном молчании» Московии. Периодизация Ф. Томсона игнорирует «обратное» влияние киевской письменности на балканскую, своеобразие новгородской переводческой школы конца XV в. и другие литературные явления.

Предлагаю более дробную, а потому более конкретную периодизацию. Начальный период в истории переводов, который естественно назвать *м о р а в с к и м*, связан с трудами Кирилла и Мефодия. В сущности, он относится к предыстории переводной литературы, поскольку старшие памятники славянской письменности создавались при чрезвычайных обстоятельствах, в связи со специальными задачами Моравской миссии. Эти задачи, как мы выяснили, вызвали к жизни переводческие приемы, позволившие первоучителям достичь недостижимой впоследствии гармонии между ясностью и точностью перевода. Кирилло-мефодиевская миссия и распространяемая ею культура были отвлечены от сложной дипломатической игры, ведшейся Византией и Римом. Политические цели, которые преследовало византийское правительство, снаряжая посланников к Ростиславу Моравскому, остались чужды создателям славянской письменности: «Распространение христианства Кириллом-Константином и Мефодием и их учениками не было омрачено попытками установить чье бы то ни было политическое господство. Их проповедь была апостолической». ⁷⁸ Определяя литургическое достоинство славянского языка, Римский престол приравнивал его к «апостолическим диалектам». Отсутствие в трудах Кирилла и Мефодия каких-либо признаков византиноцентризма сказалось и в том, что старославянский язык не гнушался латинизмами, и в том, что при переводах, наряду с греческими, охотно использовались латинские оригиналы. Литургию, введенную в Моравии братьями-просветителями, оценивают как «оригинальную комбинацию разных элементов византийской и римской литургической практики». ⁷⁹

Временные рамки моравского периода, на первый взгляд, установить нетрудно: его начало совпадает с организацией Моравской миссии в 863 г., а завершение отмечено смертью Мефодия (885 г.) и изгнанием его учеников из Моравии. Не будем, однако, абсолютизировать эти хронологические рубежи. Сомневаясь, что в короткий срок, отведенный ему после прибытия моравского посольства, Константин-Кирилл успел изобрести новую азбуку и перевести такое сложное произведение, как Евангелие, исследователи утверждают, что какая-то работа по созданию славянского письма велась в Византии задолго до появления в столице представителей князя Ростислава. Неосторожно было бы и обрывать моравский период 885 г. Несмотря на гонения, известная часть приверженцев кирилло-мефодиевского дела могла остаться в Моравии, другие же, и это исторически достоверно, нашли убежище в Чехии, которая стала естественной восприимчивой моравских традиций.

Однако принципиально новый период в развитии переводов связан не с Чехией, а с Болгарией, так что его можно с полным основанием назвать *б о л г а р с к и м*. Книжную продукцию этого времени

⁷⁸ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 36—37.

⁷⁹ Вечерка Р. Письменность Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 182.

рассматривают как «литературу парадигм», или «языковых, идейных и формальных образцов», которые «в значительной степени обусловили последующее развитие всей литературной деятельности в землях православного славянства».⁸⁰ Значение болгарского периода предопределила культурная среда, в которой нашло продолжение дело Кирилла и Мефодия. Культурная программа болгарских царей заключалась в усвоении византизма и его преобразовании на славянской основе. В этих условиях писатели второго поколения полностью переосмыслили функциональное назначение новоизобретенного языка и письменности. Если прежде они были средствами миссионерской проповеди, то теперь созданный Кириллом язык приобретает государственный статус, а написанная на нем литература пользуется государственной поддержкой. На место «апостольского диалекта» приходит ученый язык, достоинства которого определяются сравнением с другими учеными языками Европы — греческим и латынью. В отношении переводов все это означало последовательную ориентацию на греческую традицию и на точное воспроизведение греческих моделей.

Парадигматичность болгарского периода проявилась и в том, что именно тогда перенос византийского наследия был поставлен в жесткие рамки. Болгария могла стать равным партнером Византии, только доказав незапятнанность своего православия. Поэтому творцы болгарской литературы наложили интердикт на эллинистический субстрат адаптируемой византийской культуры и взяли за образец книжный репертуар византийского монастыря. По той же причине они отказались пересаживать на славянскую почву греческую школу и культивируемые в ней эллинистические науки.

Указать нижнюю хронологическую границу болгарского периода не представляет труда: не позднее 886 г. при дворе Бориса-Михаила появились трое учеников Мефодия — Климент, Наум и Ангеларий, не позднее 887 г. из Константинополя прибыла еще одна партия участников разгромленной Моравской миссии. С меньшей определенностью обозначается верхняя граница — окончательное завоевание Болгарского царства в 1018 г. Книжные богатства, накопленные Болгарией в X в., приняла и сохранила только что приобщившаяся к христианству Киевская Русь. Мы не располагаем конкретными указаниями источников на пути распространения болгарского литературного влияния, так что приходится ограничиваться более или менее убедительными предположениями.⁸¹ Наличие среди старейших русских книг роскошных, часто иллюстрированных кодексов, довольно точно воспроизводящих южнославянские оригиналы, наводит на мысль, что к русским князьям перешла какая-то часть царской библиотеки. Едва ли не важнее были связи с живыми носителями традиций: на Руси, по-видимому, нашли прибежище сами книжники полоненной Болгарии, которые несли с собой и ее литературную продукцию, и приобретенные дома литературные навыки. Ясно, что

⁸⁰ Пикио Р. Мястото на старата българска литература в културата на средновековна Европа // Литературна мисъл. 1981. Год. 25, кн. 8. С. 20—21.

⁸¹ Обзор мнений см.: Thomson F. J. The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 214—261.

нельзя отождествлять падение Болгарского царства и окончание болгарского периода.

Тем не менее главенствующее положение в развитии славянской письменности, в том числе переводной, занимает теперь Киевская Русь, по имени которой следующий период назовем киевским. Нужно признать, что специфика его не может быть описана с желательной степенью полноты. Слависты уже давно бьются над вопросом о том, по каким параметрам можно распознать киевские переводы. В своей классической работе «Особенности русских переводов домонгольского периода» А. И. Соболевский доказывал, что при локализации переводов следует руководствоваться показаниями словаря, реже менявшегося в процессе переписки. Руководствуясь лексическим критерием, ученый назвал до двух с половиной десятков древнерусских памятников, переведенных в домонгольский период.⁸² Последующая разработка материала показала, что анализ словаря не всегда помогает делу: одни слова оказались на проверку употребительными и в южнославянских текстах, другие были внесены восточнославянскими переписчиками в более ранние переводы. Произвольная запись в разряд киевских переводов новых и новых сочинений сменилась в последние годы другой крайностью, так что некоторые исследователи вообще отрицают переводческую деятельность восточных славян в первые столетия после крещения. Эта точка зрения пока не подкрепляется новыми источниками. Ее сторонники заменяют одно гипотетическое построение другим, столь же гипотетическим, поскольку южнославянское происхождение текстов из перечня А. И. Соболевского постулируется, а не доказывается.⁸³ Но главная проблема заключается вовсе не в распределении конкретных памятников между Болгарией и Киевом.

Если древнерусские переводы отличает от предыдущих одна только относительно редкая в них восточнославянская лексика, мы вообще не имеем права обособлять киевский период от болгарского. Это будет неоправданная экстраполяция политической истории на историю культуры. Необходимо искать новые дифференциальные признаки киевских переводов. С этой точки зрения полезны наблюдения над техникой работы восточнославянских переводчиков. То, что сделано в этом направлении, позволяет предполагать, что они чувствовали себя менее скованными оригиналом, чем их болгарские предшественники. Наиболее ярким примером переводческой смелости остается, конечно, упоминавшаяся уже «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Приходится пожалеть, что мы не располагаем оригиналом «Девгениева деяния»; похоже, что русская версия Дигениса Акрита является переводом-переработкой того же типа, что «История Иудейской войны».⁸⁴ То же свободное отношение к греческому образцу отмеча-

⁸² Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 88, № 3. С. 162—177 (перепечатано в кн.: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134—147).

⁸³ Thomson F. J. «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland: 988—1988. Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988. Köln; Weimar, 1993. P. 295—354.

⁸⁴ Из последних работ см.: Чернышева Т. Н. Композиция «Дигениса Акрита» и «Девгениево деяние» // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 344—350.

лось в киевских переводах святоотеческих текстов — например, в толкованиях на Песнь Песней Филона Карпафийского,⁸⁵ в переводах житий — например, в Житии Василия Нового.⁸⁶

Найти собственную формулу для характеристики киевского периода — нелегкая задача. Не менее трудно определить его хронологические границы. По давней традиции расцвет киевской переводческой школы относят к середине XI в., ссылаясь на известную статью «Повести временных лет», рассказывающую о книжных мероприятиях Ярослава Мудрого: «И собра писце многы и прекладаше от грек на словенское писмо. И списаша книги многы, ими же поучашеся вернии людье наслаждаются ученья божественаго».⁸⁷ Буквальная интерпретация этого сообщения находится в противоречии с показаниями самих источников. Среди перечисленных А. И. Соболевским памятников нет ни одного, который можно было бы уверенно датировать XI в. Некоторые видят выход из положения в новой интерпретации летописной статьи. Так, Г. Лант указывает, что слово «прекладаше» применительно к переводу не засвидетельствовано ранними источниками, а «от грек» предлагает понимать в значении «из Греции», т. е. из Византии в тех ее границах, которые сложились после падения Западной Болгарии в 1018 г. Первоначальный текст летописи, впоследствии безнадежно испорченный, считает Г. Лант, сообщал не о переводе, а о переносе в Киевскую Русь южнославянских текстов.⁸⁸

Отсутствие переводов с приметными восточнославянизмами в действительности не означает, что в Киеве не велась работа в этом направлении — среди болгар-эмигрантов или их ближайших учеников. Их труды, по-видимому, и прославляются летописью. У нас нет пока возможности отличить эти памятники, написанные в традициях предшествующего периода, от подлинных переводов X в. Очевидно, во всяком случае, что наиболее представительным столетием для киевского периода нужно считать не XI, а XII в. Первое столетие древнерусской письменности — это время интенсивного усвоения болгарской литературы «золотого века». По прямым или косвенным данным устанавливается знакомство Киевской Руси со всем почти, что было написано или переведено в Болгарии X в. Переводы, выполненные в Киеве, не дублируют сделанных ранее, они тщательно пополняют общеславянский корпус новыми произведениями.

Установить верхнюю границу киевского периода также непросто. Почти полное отсутствие древнерусских переводов второй половины XIII—XIV вв. является симптомом глубоких потрясений, которые переживала Русь после монгольского нашествия. Условно закончим киевский период 1262 г., отмеченным многозначительным эпизодом из истории русско-славянских литературных связей. В этом году бол-

⁸⁵ Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 170—171.

⁸⁶ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. Пг., 1922. Т. 2. С. 153.

⁸⁷ ПЛДР. Начало русской литературы. XI—начало XII века. М., 1978. С. 166.

⁸⁸ Lunt H. G. On Interpreting the Russian Primary Chronicle: The Year 1037 // The Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32, No. 2. P. 251—264. Ср. также: Kronsteiner O. Zur Literatursprache der Kiewer Rus' // Die Slawischen Sprachen. 1988. Bd 15. S. 11—12.

гарский деспот Иаков Святослав подготовил по просьбе киевского митрополита Кирилла копию с сербской Кормчей. Полученный таким образом экземпляр стал родоначальником всех древнерусских списков этой разновидности памятника.⁸⁹ Для десятков новых переводов следующей эпохи путь, которым пришла на Русь сербская Кормчая, станет столбовой дорогой.

Эта эпоха должна быть названа южнославянским периодом, ибо откуда бы ни происходили новосозданные или ревизованные переводы, их авторами или инициаторами неизменно выступают болгары и сербы. Южнославянский период ознаменован полным обновлением всего репертуара переводных памятников. Разумеется, тогда было переведено немало совершенно новых произведений. Однако характерной чертой эпохи является все же пересмотр не столько номенклатуры переводов, сколько их внутренних качеств. Если киевские переводы заполняли пробелы в фонде, доставшемся Руси от предшествующего периода, то теперь речь идет о замене этого фонда новым, усовершенствованным.

Книжная реформа, пришедшаяся на южнославянский период, неразрывно связана с учением исихастов. При этом актуальный его аспект — полемика с рационализмом варлаамитов — не имел для славян большого значения. Важнее были идеи исихастов о возможностях индивидуального общения с Богом и об условиях этого общения, включающих очищение человека от страстей и его духовное возрождение. Исихазм воспринимался прежде всего в его связях с этическими учениями христианского Востока — отсюда напряженная работа над переводом классических наставлений по аскезе. Исихазм рассматривался как средство консолидации православной церкви перед наступающим мусульманским миром, как защита от посягательства со стороны латинян и еретиков — отсюда мероприятия по кодификации славянской книжности. Отсюда же ревизия имеющегося корпуса переводов с целью реставрировать их первоначальные достоинства.

Обновление переводной литературы понималось по-средневековому: оно не предполагало нововведений, оно проводилось под знаком восстановления порушенной старины. Об этом недвусмысленно заявляет знакомое нам «Сказание о писменех» Константина Костенечского: «Ново ли паки знамение сим явимь или ветхаа обновляемь? Мню, яко пръваа изобретаемь, погыбша суща».⁹⁰ С реставраторскими устремлениями южнославянского периода можно связать активное восприятие переводов киевского времени (или старых болгарских и даже моравских, подвергшихся русификации).⁹¹ Авторитетность киевской литературы на Балканах удостоверяется 4-й главой «Сказания о писменех», где излагается русоцентричная концепция происхождения церковнославянского языка. Роль киевского периода

⁸⁹ *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 137.

⁹⁰ *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. София, 1986. С. 107.

⁹¹ *Miklas H.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluss auf die südslavische Literaturen // Symposium Methodianum. S. 437—471 (здесь указана и вся литература вопроса).

в подготовке южнославянского можно в чем-то сравнить с ролью болгарской литературы «золотого века» в истории киевской письменности.

С какого времени начинается южнославянский период? Конкретные исследования все больше расшатывают традиционное представление о Евфимии Тырновском как инициаторе реформы. Выясняется, что повторный перевод и редактирование важнейших в христианском обиходе книг начались в центрах славянского книгописания еще до евфимиевской sprawy. Выясняется также более раннее распространение того орнаментального стиля, который прежде связывался со школой Евфимия и влиянием исихазма.⁹² Истоки процесса, приведшего к обновлению славянской письменности, отыскиваются в первой половине XIV в. Толчок этому процессу дала литургическая реформа — переход от Студийского устава к Иерусалимскому. Заслуга Евфимия заключается в идеологическом обосновании начавшихся преобразований и последовательном проведении их в жизнь.

Переводы, пересмотренные и дополненные в южнославянский период, почти полностью вытеснили из обращения все, что было создано за первые столетия славянской письменности. Неумолимое наступление новых редакций хорошо прослеживается в книжности Древней Руси. С конца XIV в. в главных центрах православной культуры — на Афоне и в Константинополе разворачивается едва ли не планомерное изготовление книг для нужд русской церкви.⁹³ О целенаправленности работы говорит тот факт, что для копирования неизменно выбираются только что изготовленные южнославянские переводы и редакции. Энергия ли митрополита Киприана тому причиной или авторитет Троице-Сергиева монастыря, но к середине XV в. русская письменность освоила важнейшие переводы, созданные в южнославянский период.⁹⁴ Древняя Русь вновь выступила хранительницей книжного наследия славянских стран, утративших свою государственность.

Южнославянским периодом завершается история активного книжного обмена между южными и восточными славянами. Отдельные случаи проникновения новинок русской литературы на Балканы и наоборот лишь подтверждают тот непреложный факт, что пути развития культур разошлись почти на четыре столетия. На протяжении южнославянского периода Русь выступала в роли воспринимающей стороны. Постепенное распространение турецкого владычества по всему Балканскому полуострову, сопровождавшееся разорением книжных центров, в корне изменило ситуацию. Дальнейшая судьба переводной литературы связана с историей Московской и Литовской Руси. Однако очередной период в истории переводов лишь опосредо-

⁹² Mulić M. Srpski izvori «pletanja sloves». Sarajevo, 1975 (Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Djela. Kn. 50. Odjeljenje za književnost i umjetnost, kn. 2).

⁹³ Соболевский. С. 24—26, 31—32; Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 171—198.

⁹⁴ Соболевский. С. 1. Причины, по которым часть переводов южнославянского периода не попала к восточным славянам, нуждаются в специальном исследовании. Ср.: Thomson F. J. The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy. P. 183.

ванно связан с возвышением Москвы. Его мы назовем новгородским, так как основные мероприятия в этой области обязаны своим происхождением Новгороду.

Специфика периода определяется новым положением Русского государства в православном мире, с одной стороны, и не изгладившимися еще воспоминаниями о новгородской вольности, с другой стороны. Завоевание Византии турками выдвинуло Русь в качестве нового центра восточного христианства, а ее столицу Москву поставило на место второго Рима — Константинополя. Однако новое предназначение Москвы первой осознала не светская, а духовная власть: достоинство московского князя она производила от всемирно-исторической миссии русской церкви. Впервые за историю Руси перед церковью открылась перспектива осуществить идеал теократии. В этом ей мог пригодиться опыт римского престола. Только что присоединенный к Москве Новгород не утратил еще своей центробежной инерции, поэтому характерно, что наиболее последовательным идеологом теократии латинского образца оказался новгородский архиепископ Геннадий — организатор ученого кружка, определяющего своеобразие новгородского периода. Заняв кафедру в 1484 г. и опираясь на авторитет, которым пользовался в Новгороде глава его церкви, архиепископ усиленно развивает идеи о примате духовной власти. Наиболее откровенно они выражены в «Слове кратком» доминиканца Вениамина — одного из верных сотрудников Геннадия. Всю запутанную историю с «жидовствующими» можно, кажется, объяснить тем, что Геннадий, ревновавший славе испанской инквизиции, хотел расправой с еретиками утвердить престиж церковной власти. Архиепископ демонстрировал, что русское православие не меньше папского престола печется о чистоте веры. Главное оружие воинствующей церкви — Священное писание должно было находиться в состоянии боевой готовности. Так родился замысел полного кодекса библейских книг — знаменитой Геннадиевской Библии, составители которой опирались не только на славянские переводы, но и на латинский канон Библии.

Обращение к латинской Библии — не изолированный факт. Отличительной чертой новгородского периода является немислимое раньше интенсивное использование западноевропейской книги. Здесь, безусловно, сыграли свою роль традиционные для Новгорода связи с европейской культурой. Вместе с тем не следует преувеличивать влияние католицизма на геннадиевский литературный кружок. У архиепископа просто не было выхода. Падение престижа греческой церкви поставило под удар и авторитет греческой духовной литературы. Дискредитация ее станет очевидной в XVI в. Деятельность Геннадия, восполнявшего пробелы в славянской книжности переводами латинских и немецких сочинений, является первым симптомом этого процесса. Если не считать упражнений Тимофея Вениаминова (о них см. ниже), новгородский период не оставил ни одного перевода с греческого.⁹⁵ Напротив, переводами с латинского занимался под руковод-

⁹⁵ Два русских перевода с греческого, которые надежно привязываются к XV в. («Рыдание» Иоанна Евгеника и Послание Фотия князю Борису-Михаилу), сделаны, скорее всего, до начала деятельности геннадиевского кружка. См. о них: Мещерский Н. А. «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // Визан-

ством Геннадия целый штат авторов, в числе которых Вениамин, Николай Булев, Дмитрий Герасимов, Влас Игнатов.

Бурной переводческой деятельности геннадиевского кружка пришел конец в 1504 г., когда архиепископа отрешили от сана. Краткий новгородский эпизод в истории переводов сменился периодом, которому, не боясь оксюморона, мы присвоим название беспереводного и который продолжался по меньшей мере до Смутного времени. Молчание переводчиков не было ненарушимым. Но очевидная для этой эпохи диспропорция между объемом оригинальной литературы и скудным репертуаром новопереведенных текстов нуждается в объяснении. Наиболее важны, разумеется, не количественные показатели, а отсутствие заинтересованности общества в новых переводах. Многочисленные переводы создаются, как правило, по частной инициативе. Многозначительно и то, что иноязычная литература не привлекается так называемыми «обобщающими предприятиями» XVI в. Даже самое грандиозное из них — объединение всех книг, «которые в Руской земле обретаются», в Великие Четии Миней⁹⁶ — обошлось без дополнительных переводов и без сверки по оригиналу тех, которые находились в обращении. В отношении одной только книги можно высказать осторожное предположение, что ее перевод предназначался для миней. Это Толковая Псалтирь Брунона Вюрцбургского, над переводом которой трудился, по заказу архиепископа Макария, Дмитрий Герасимов. Характерно, во всяком случае, что этот труд, выполненный в 1535 г., хронологически близок к началу работ над минеями и что ему посвящена специальная статья в летописном своде 1539 г., особенно внимательном к деятельности Макария.⁹⁷ Поскольку до сих пор не обнаружено ни одной собственно минейной редакции переводных памятников, придется отказаться от буквального понимания декларации Макария, утверждавшего, что он потратил много сил для «исправления иностранных и древних пословиц, превода на рускую речь».⁹⁸

Случай с Великими Четиими Минеями представлятелен для всего беспереводного периода, который характеризуется своего рода культурным самодовольством. В отличие от новгородского периода, опора на латинскую традицию уже не находит поддержки, сомнения в авторитетности греческой все более усиливаются. Подозрительность греческого православия бросала тень на греческую церковную литературу. Единственной хранительницей истинной веры признается в XVI в. церковнославянская книга. На своих — славянских — источниках основаны все нормативные мероприятия правительства: регламентация церковно-общественной («Стоглав») и домашней («Домострой») жизни, упорядочение пантеона (канонизационные соборы 1547 и 1549 гг.), развитие идеи святорусского царства («Степенная

тийский временник. М.; Л., 1953. Т. 7. С. 72—86; *Keipert H.* Die slavische Übersetzung des Photius-Briefs an Boris-Michael von Bulgarien // *Gattungen in den slavischen Literaturen: Beiträge zu ihren Formen in der Geschichte.* Festschrift für Alfred Rammelmeyer. Köln; Wien, 1988. S. 89—113.

⁹⁶ ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 478.

⁹⁷ *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 153—154.

⁹⁸ ПЛДР. Вторая половина XVI века. С. 480.

книга»), свод отобранной для чтения литературы (Великие Четии Миней).

То немногое, что оставил XVI в. в области переводной литературы, довольно четко распределяется между двумя независимыми разрядами. Первый из них составляет небольшая группа переводов, ориентирующихся на литературу католического мира и продолжающих в основном работы геннадиевского кружка. Они и выполнялись, как правило, бывшими сотрудниками новгородского архиепископа. Второй, более представительный разряд образуют переводы Максима Грека и его школы. Школа Максима Грека специализировалась, почти без исключений, на переводах с греческого. Как видим, весьма скромное наследие беспереводного периода соиздавалось в стороне от главного русла литературного развития.

Подозрительное отношение московского общества к новым переводам иллюстрируют соборы, разбиравшие прегрешения Максима Грека. Мы говорили уже о нем как о первооткрывателе грамматической теории перевода, находившейся в непримиримом противоречии с той, которая безраздельно господствовала в славянской письменности. Мы говорили также о его прогреческой ориентации, неприемлемой для московских книжников. Его заявления об изъянах славянских рукописей, о необходимости верно придерживаться греческих церковных писаний не могли понравиться литературным деятелям беспереводного периода, убежденным в самодостаточности славянской традиции. В этой атмосфере критические высказывания и самого афонского старца, и его последователей звучали резким диссонансом. Немногие из последних дожили в Москве до спокойной старости.

И все же будущее было за школой Максима Грека. Его почитал своим учителем А. М. Курбский, чье творчество является связующим звеном между трудами афонского пришельца и лихорадочной переводческой деятельностью, развернувшейся в Литовской Руси с последних десятилетий XVI в.: «Князю Курбскому едва ли не принадлежит почин в том умственном движении, какое проявило западно-русское православное общество в сторону защиты своей веры».⁹⁹ Литературный подъем Белоруссии и Украины, в свою очередь, оказал мощное стимулирующее воздействие на московскую письменность следующего столетия. Идеи, одушевлявшие А. М. Курбского в литовский период его жизни, находились в явном противоречии с идеями московского беспереводного периода. Тогда как в Москве считали лишними новые переводы с греческого, князь прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить славянскую письменность исправными текстами восточных отцов. В то время как там все еще с подозрением относились к свободным наукам, князь настойчиво доказывал их пользу для правоверного христианина. В Москве опасались латинской учености, а Курбский смело обращался к западноевропейским источникам просвещения. Напротив, в Западной Руси все начинания беглого вельможи находили сочувствие и поддержку. Вообще отсутствие переводов в Московской Руси XVI в. может быть

⁹⁹ Харлампович К. Новая библиографическая находка: Переводная статья кн. А. М. Курбского: «От другие диалектики Иоана Спанинъбергера о силогизме вытолковано» // Киевская старина. 1900. Т. 70. С. 214.

понято как значимое отсутствие, если мы представим себе современное положение вещей в Польско-Литовском государстве.

Экспансия католицизма заставила литовских ревнителей православия искать идейной поддержки. Их естественной союзницей, наряду с Московской Русью, оставалась греческая церковь. Упрочению ее авторитета способствовали и непосредственная связь с константинопольским патриархом, и частые наезды греческих иерархов, и эллинистические штудии в братских школах. Об авторитете греческого православия свидетельствуют и многочисленные переводы, распространявшиеся в рукописях и издававшиеся с конца XVI в. Таким образом, иная, в сравнении с Московским государством, расстановка сил предопределила иное отношение к греческой литературной традиции. Это отношение сохранится на протяжении всего XVII в., когда Украина и Белоруссия будут поставлять в Москву наиболее компетентных переводчиков с греческого и служить посредниками для природных греков, направляющихся в русскую столицу. Каков бы ни был пиетет перед греческим наследием, оно не могло эффективно противостоять наступающему католицизму. Такой мощной организации, как иезуитская школа, быстро распространившаяся по территории Речи Посполитой, сторонники греческой церкви могли противопоставить одну только эллинистическую, всю погруженную в традиции и выродившуюся под властью турок. Ревнители православия вынуждены были прибегнуть к оружию своих противников, заимствуя из латинских источников и пособия по школьным наукам, и богословскую литературу, включая творения отцов церкви и даже книги Священного писания.

Литературные процессы шли в Западной и Московской Руси разными путями. В сущности, речь идет о разных литературах, хотя эволюционирующих параллельно и находящихся в тесном взаимодействии. Деятели их хотя и понимают друг друга, поступают с литературой соседа как с иностранной: с XVI в. западнорусские тексты, использующие «просту мовь», переводятся на церковнославянский язык; одновременно все чаще практикуется перевод московских книг на язык, более понятный украинцам и белорусам. Оставив на этом этапе славянскую письменность Речи Посполитой, вернемся к древнерусской переводной литературе, к тому ее периоду, который принято называть переходным и который обнимает весь XVII в. Начало культурных преобразований связывают со Смутой. Свое значение хронологического рубежа Смутное время сохраняет и в истории переводной письменности. При том, что в первые десятилетия XVII в. появилось немного переводов, выбор их свидетельствует о начавшихся уже переменах. Как всякий переходный период, русский XVII в., совмещающий старое и новое, лишен идеологической цельности. Нас, естественно, интересуют прежде всего новые черты литературного развития.

Эти черты, можно утверждать априори, вполне отразились в переводном разделе письменности. Все изменения — в конечном счете результат обмирщения русской культуры, признания самостоятельной эстетической и познавательной ценности разных видов искусства. Первое, что нужно отметить, — это расширение социальной базы литературы: если раньше книжная деятельность была прерогативой черного и белого духовенства, то теперь в нее активно

включаются посад и крестьянство, с одной стороны, правящие сословия — с другой. С секуляризацией литературного процесса связано усиление авторского начала. Увеличивается число подписанных произведений, в том числе переводных. Индивидуализация творчества проявилась не только в привычке автора объявлять свое имя, но и в зарождении авторского стиля. Отходит в прошлое неустойчивость границы между оригинальным текстом и переводом, между автором и писцом. Анонимные сочинения и переводы не исчезают, но теперь анонимность становится опознавательным признаком определенного рода текстов. Это связано с интенсивным восприятием фольклорных жанров, которым раньше не находилось места на страницах душеполезных книг. К «фольклористическим фактам» относят и памятники беллетристики, активно сочинявшиеся и переводившиеся в переходный период. Все они остаются безымянными.¹⁰⁰ Проникновение в русскую литературу «баснословных повестей» свидетельствует об изменившемся отношении к книге, считавшейся дотоле местопребыванием вечных истин. Наконец — и это особенно важно для изучения переводной литературы, — в XVII в. начинается неумолимый процесс специализации книги, прежде неотделимой от вероучения. Теперь единый книжный феномен распадается на части, в числе которых сборники развлекательных повестей, трактаты по всевозможным наукам, в том числе по теологии, учебные пособия. Правда, профессионализация — процесс длительный, и в переходный период мы присутствуем у самых его истоков. Для XVII в. еще неправомерно отделять историю литературы от истории науки, истории богословия или истории педагогики. Это еще один фонд письменности, создававшийся одними и теми же писателями и переводчиками.

Переход от средневековой письменности к литературе Нового времени растянулся на весь XVII в. Однако интенсивность роста в первой и во второй половине столетия была разной. Переходный период удобно поэтому разделить на два этапа — подготовительный, обнимающий первую половину века, и собственно переходный, пришедший на вторую его половину. Первый этап ознаменовался напряженными усилиями сохранить те устои, на которых покоилась культура XVI в., стремившаяся создать монументальный образ Московской Руси — единственной в христианской ойкумене блюстительницы православия. Отсюда ограниченность репертуара текстов, переведенных на подготовительном этапе. Московские идеологи селятся продлить беспереводный период, культивируя собственные церковные и литературные древности и оберегая их от опасных воздействий со стороны латинского Запада и утратившего конфессиональную чистоту греческого Востока. Продолжателями этих консервативных тенденций выступают на втором этапе старообрядцы. Что касается правительственного курса, то он резко меняется, порывая с проводившейся в беспереводный период политикой культурного изоляционизма. В итоге на втором этапе происходит идейный раскол единой дотоле древнерусской культуры.

Индикатором разнонаправленности подготовительного и переходного этапов может служить отношение к единоверным украинцам и

¹⁰⁰ Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 477 (раздел написан А. М. Панченко).

белорусам. Идеологическая атмосфера Москвы при патриархе Филарете разительно отличалась от атмосферы в Западной Руси, открытой шедшим через Польшу европейским влияниям и вместе с тем преданной греческому православию. Конфликты между соседями были неизбежны. Заблуждения, найденные пристрастными читателями в Учительном Евангелии Кирилла Транквиллиона, дали повод для массовых гонений на литовские книги. На приверженность населения Западной Руси грекам московские книжники ответили недоверием к тем и другим. Традиция славянского средневековья не отделяла знания от благочестия. Отсюда стойкое сопротивление всем попыткам завести в русской столице общеобразовательную школу: многовековое предубеждение против эллинских наук подкреплялось сомнениями в конфессиональной твердости греков и малороссов, предлагавших свои услуги в качестве учителей. Такова была логика тех, кто противился учению у киевских старцев, протезируемых Федором Ртищевым.¹⁰¹

Положение меняется на втором этапе переходного периода, который символически обрамляют, с одной стороны, приглашение киевских ученых в 1649 г., с другой стороны, вызов учителей из Киевской академии в Славяно-греко-латинскую в 1701 г.¹⁰² Никоновские реформы проводились под знаменем унификации русского православного обряда с греческим и западнорусским. Не случайно, конечно, решение о присоединении Украины было принято одновременно с рассылкой никоновской «памяти», положившей начало расколу. Соединение в одном государстве Великороссии и Малороссии поставило лицом к лицу две культуры, далеко разошедшиеся в своем развитии. Идеологические течения второй половины XVII в., отразившиеся в переводной литературе, можно без большой натяжки представить как разные варианты отношения к западнорусской культуре, начиная от категорического ее отвержения и кончая переносом ее в качестве идеальной модели.

О значении этих течений в развитии теории перевода было уже сказано, их вклад в репертуар переводов нам еще предстоит рассмотреть. Чтобы определить границу переходного периода, достаточно напомнить, к чему пришли в своем развитии разные переводческие школы. То направление в переводной литературе, которое представлено трудами Епифания Славинецкого и его последователей, обычно расценивается как тупиковое. Но совершенный Петром культурный переворот стал роковым не только для грекофилов, но и для их латинствующих противников, показав, что в исторической перспективе противоборствующие группировки представляют один родовой тип. В начале реформ, подыскивая союзников, правительство не сразу пришло к однозначному решению.¹⁰³ В 1689 г. руководство культурой переходит в руки патриарха Иоакима и поддерживаемой им греческой партии; на рубеже веков чаша весов склоняется в

¹⁰¹ Кантерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 145, примеч.

¹⁰² Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 120—123, 645—646.

¹⁰³ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 186.

пользу латинофилов. Но и их торжество было недолгим. Окончательный выбор сделал сам Петр. Федор Поликарпов, переводчик «Географии генеральной» Б. Варения, получил однозначную директиву: «Высоких слов славенских класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова».¹⁰⁴ Таким образом, наиболее жизнеспособным оказалось то направление, в котором работали сотрудники Посольского приказа, успешно совмещавшие занятия дипломатией и словесностью. В целом им было все равно, что переводить, ибо они работали по заказу. В их среде формируется новый тип литератора-поденщика, который станет доминирующим в Петровскую эпоху.

4

Определяя ведущие тенденции каждого периода в истории переводной литературы, мы намеренно опускали указания на конкретные памятники. Между тем эти тенденции в значительной мере реализуются в выборе текстов, переносившихся в славянскую письменность. Настало время восполнить пропуск и, продолжая рассматривать литературу в диахроническом аспекте, выяснить, как отразилась ее эволюция на репертуаре переводов. Предлагаемый здесь обзор репертуара нельзя рассматривать как исчерпывающий перечень памятников каждой эпохи. Уровень наших знаний заставляет считать подобную постановку вопроса не только преждевременной, но и опасной. Значительная часть переводов остается неизученной, другие мы не можем пока распределить по периодам, так что претензия на полноту была бы непростительным легкомыслием.¹⁰⁵ Ограничимся поэтому указанием на те произведения, которые наиболее представительны для каждого из выделенных периодов. Проследившая эволюцию репертуара, мы сможем внести уточнения и дополнения в намеченную схему развития переводной литературы.

Переводы моравского периода в соответствии с его миссионерским характером строго мотивированы первоочередными нуждами новоучрежденной христианской церкви. Все они имеют прямое и однозначное практическое назначение. Таков первый труд Константина Философа, о котором сообщает его Житие — Евангелие-апракос. С этой книги, где евангельский текст приспособлен для церковных служб, и началась переводная литература древних славян, причем первый перевод Константина был выполнен до Моравской миссии и содержал краткий или даже сверхкраткий апракос. Житие

¹⁰⁴ Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского Приказа. 1715—1717 // Русский архив. 1868. № 7—8. Стб. 1055.

¹⁰⁵ Наиболее полный, с учетом новейших достижений славистики, перечень переводов киевского, южнославянского (только переводы, представленные в восточнославянских рукописях), новгородского, беспереводного и переходного периодов содержится в двух статьях: *Thomson F. J.* 1) «Made in Russia»; 2) *The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy*. К сожалению, Ф. Томсон редко, особенно во второй статье, мотивирует свою датировку и локализацию переводов. С практикуемой им датировкой памятников по старшему списку нельзя безоговорочно согласиться.

Мефодия в главе XV делит труды просветителей на две части — первая включает их совместные работы, вторая — те, которые осуществил один Мефодий после смерти брата (869 г.). Из числа первых называется Псалтирь (служебного типа), Евангелие с Апостолом (имеется в виду краткий Апостол-апракос) и «избранными службами церковными». ¹⁰⁶ Последние слова уточняет Житие Константина, сообщающее, что первоучитель «весь церковный чинъ приемъ, научи е утръници, и часовомъ, и вечерни, и павечерници, и тайней службе». ¹⁰⁷ Таким образом, великоморавская церковь получила все части греческой службы. Предполагают, что совместными усилиями солунских братьев служебные Евангелие и Апостол были дополнены до четъего типа; в таком виде они были пригодны не только для службы, но также для соборного и индивидуального чтения. ¹⁰⁸ Что касается Ветхого завета, то кирилло-мефодиевским переводом безусловно является Паремийник (собрание отрывков из ветхозаветных книг), составлявший обязательный элемент «церковного чина». Но этим дело не ограничилось.

Та же глава XV приписывает Мефодию самостоятельный перевод всех книг библейского канона, кроме Маккавейских («разве Макавей»). Прежде сообщение Жития вызывало сомнения, но современная славистика признает его достоверным и уверенно восстанавливает отдельные части библейского кодекса Мефодия. ¹⁰⁹ «Номоканон, рекъше Закону правило», который Житие Мефодия причисляет к переводам своего героя, надежно идентифицируется с Номоканоном Иоанна Схоластика. Только что организованная церковь не могла нормально функционировать без пособия по каноническому праву. Моравскому периоду принадлежат и другие юридические памятники — «Закон судный людем» (переработка византийской Эклоги) и пенитенциал («Заповеди святых отец»). Труднее установить, что из себя представляли «отечьския книги», если верить Житию, также переведенные Мефодием. Иные полагают, что речь идет об одном из патериков, другие видят здесь указание на сборник святоотеческих гомилий. ¹¹⁰ При том или ином решении вопроса не вызывает сомнений, что «отечьския книги» предназначались для церковного употребления.

В переводах болгарского периода заметно расширение тематического диапазона, что объясняется изменением общественного статуса славянского языка и литературы, ставших проводниками культурной политики Первого Болгарского царства. В соответствии с требованиями эпохи славянские писатели второго поколения повторно переводят или редактируют книги, доставшиеся им от Моравской миссии. Так создаются новые редакции церковно-служебных и

¹⁰⁶ Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3. С. 191.

¹⁰⁷ Там же. С. 105.

¹⁰⁸ Алексеев А. А. Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности) // X Международной съезд славистов. Доклады советской делегации: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1988. С. 127.

¹⁰⁹ Там же. С. 128—130.

¹¹⁰ Обзор точек зрения см.: Veder W. R. Was ist Methods Väterbuch? // Dutch Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. The Hague; Paris, 1973. S. 153—162.

библейских книг, появляется новый свод канонического права (Кормчая 14-ти титулов). В болгарский период славянскую письменность пополняют новые книжные жанры, назначение которых — христианское просвещение в широком смысле слова. В дополнение к библейским книгам служебного и четьего типа переводятся толкования на них: толкования на Псалтирь псевдо-Афанасия Александрийского и Феодорита Кирского, его же толкования на больших и малых пророков, толкования Ипполита Римского на пророка Даниила, толкования на Иова Олимпиодора Александрийского, толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского. В славянскую письменность переносятся сформировавшиеся в Византии сборники проповедей, поучений и полемических слов классиков восточнохристианской литературы: сборник шестнадцати слов Григория Богослова, слова Афанасия Александрийского против ариан, «Андриатис» Иоанна Златоуста, огласительные поучения Кирилла Иерусалимского, «Лествица» Иоанна Синайского. Частично сборники творений восточных отцов комплектовались уже на славянской почве, как, например, из сочинений Иоанна Златоуста — «Златоструй», из слов Ефрема Сирина — «Паренесис». Переводные гомилии в совокупности с житиями и мартириями составлялись в календарные сборники, дополнявшиеся собственно славянскими текстами (ср. Учительное Евангелие Константина Преславского). Греческие жития усваивались и по отдельности — это переведенные пресвитером Иоанном жития Антония Великого и Панкратия Тавроменийского, и, по-видимому, также более или менее пространные жития Иоанна Златоуста, Феодора Студита, Нифонта Констанцского, Саввы Освященного, Павла Фивейского и др. Близки житийной литературе патерики — популярный в X в. жанр. Считается, что до конца болгарского периода славянам стали известны Скитский, Римский, Синайский, Азбучно-Иерусалимский и Египетский патерики. Далее идут переводы исторического (Историческая Палея, Хроника Иоанна Малалы, «Летописец вскоре» патриарха Никифора), космогонического («Шестоднев» Иоанна Экзарха на основе сочинений Василия Великого и Севериана Гавальского), космографического («Диалоги» псевдо-Кесария) и догматического содержания («Богословие» Иоанна Дамаскина в выборке Иоанна Экзарха, Изборник Симеона, сохранившийся в копии 1073 г.). Если добавить к этому многочисленные апокрифы, включающие тексты самых разных литературных жанров, можно составить некоторое представление о размахе переводческой деятельности первых болгарских писателей. Менее чем за столетие славянская письменность получила целую библиотеку важнейших в христианском обиходе книг.

Мы видим, с другой стороны, что из византийской литературы воспринимается далеко не все. Болгары пренебрегли эпиграммой и любовным романом, такими продуктами риторической культуры, как эфрасис или дружеское письмо; довольствуясь всемирно-историческими хрониками, они остались равнодушны к сочинениям византийских историков, их не интересовали мифологические словари и схолии к языческим авторам. При выборе книг для перевода славянские писатели второго поколения ориентировались на книжный репертуар византийского монастыря, отвергнув придворную литературу Константинополя и все, что связывало Византию с

античным миром. Парадигматичность болгарского периода, о которой мы говорили, проявилась в том, что выбранную тогда ориентацию славянские литературы сохранили до конца средневековой эпохи. Однако границы, поставленные словесному творчеству на Балканах и в Древней Руси, в X в. еще не окрепли. Отсюда свойственные болгарскому периоду литературные феномены, которые не получили дальнейшего развития. Это касается и репертуара переводов, который включает несколько античных или антикизирующих текстов. Так, Иоанн Экзарх, комментируя библейский рассказ о сотворении мира, использует, хотя и берет их из вторых рук, «Истории о животных» Аристотеля. В болгарский период были переведены единственный на церковнославянском языке древнегреческий философский трактат — «Энхиридион» Эпиктета и единственный образчик риторического письма — послание Сосипатра Аксиоуху. В составе Изборника Симеона в славянскую письменность проникло единственное пособие по риторике — «О образех» Георгия Хировоска.¹¹¹

Еще одна особенность болгарского периода, ослабляющая ригоризм монастырской письменности, заключается в следующем. Болгарские книжники обнаруживают склонность к незамысловатым манипуляциям с переводными текстами, которые членили на более или менее короткие фрагменты и соединяли эти последние в самые причудливые комбинации. Такого рода комбинации В. Федер назвал «простейшей компиляцией».¹¹² Тексты, ставшие жертвой подобных манипуляций, подвергались иногда довольно решительному переосмыслению: «Каково бы ни было их первоначальное назначение, им придается нравоучительное и генерализирующее звучание, каковы бы ни были их жанровая принадлежность и стиль, они становятся гномами».¹¹³ Так, в Изборнике 1076 г., состоящем по большей части из «простейших компиляций», приобрели общехристианское значение статьи, в первоначальном переводе адресованные инокам («Святого Василия, како подобает человеку быти», «О милостивемь Созомене» и др.). «Наставление» Агапита, являющееся и в оригинале, и в славянском переводе X в. поучением императору, современная переводу «простейшая компиляция» делает моральным уроком для всех христиан («Наказание богатым»)¹¹⁴ Это явление, относившееся прежде к особенностям киевской письменности, Ж. Леписье назвал «лаицизацией» перевода (от лат. laicus — «мирской»)¹¹⁵ Точнее, пожалуй, говорить о стремлении распространить христианскую мораль вширь — во всех слоях общества, вынести ее за пределы монастырских стен.

¹¹¹ Обособленное положение этого текста в славянской письменности подтверждается его судьбой в рукописях, о которой см.: Булачина Т. В. Сочинение Георгия Хировоска «Пері трѣлоу логікѣу» в славянском переводе // Известия на Народната библиотека «Св. св. Кирил и Методий». София, 1992. Т. 20 (26). С. 13—59.

¹¹² Veder W. Elementary Compilation in Slavic // Cyrillomethodianum. 1981. Т. 5. P. 49—66.

¹¹³ Veder W. Literature as a Kaleidoscope: The Structure of Slavic «Četii Sborniki» // Semantic Analysis of Literary Texts. Elsevier Science Publishers, 1990. P. 600.

¹¹⁴ Булачин Д. М. Неизвестный источник Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 161—178.

¹¹⁵ Lépissier J. Une source de l'Изборник de 1076 // Revue des études slaves. 1966. Т. 45. P. 39—47.

Киевский период, вплотную примыкающий к болгарскому, развивался на его основе и, по-видимому, при участии его переводчиков. Этим объясняются неутихающие споры о распределении старших переводов между Болгарией и Киевом. Преемственная связь между ними вполне обнаруживается и в репертуаре переводных текстов, лучшее представление о котором дает упоминавшаяся статья А. И. Соболевского.¹¹⁶ Набор церковно-служебных сборников, библейских книг и творений святых отцов, унаследованный киевской литературой от предшествующего периода, в целом остался тем же. Несколько пополнилась литература толкований: к киевскому периоду относят толкования на Песнь Песней и Екклесиаст, с некоторыми сомнениями — Толковый Апостол и Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского,¹¹⁷ сборник слов Григория Богослова киевские книжники распространили толкованиями Никиты Ираклийского. К переведенным в X в. «Папидектам» Антиоха добавляется родственная компиляция — «Пандекты» Никона Черногорца. Пополняется житийная (жития Василия Нового, Андрея Юродивого, Варлаама и Иоасафа и др.) и апокрифическая литература (Хождение Богородицы по мукам, Сказание Афродитиана и др.). К существующим календарным сборникам присоединяется Пролог, ставший наиболее читаемой книгой славянского средневековья (признается совместной работой южных и восточных славян). Переводятся новые хроники — Георгия Амартола (в работе участвовали болгарские книжники) и, как полагают, Георгия Синкелла,¹¹⁸ в качестве исторического произведения усваивается эллинистический роман об Александре Македонском («Александрия»). Сведения о мироздании, содержащиеся в «Шестоднев» Иоанна Экзарха, дополняла «Христианская топография» Козмы Индикоплова.¹¹⁹

Выбором книг для перевода не исчерпывается родство болгарского и киевского периодов: сохраняя ориентацию на греческую монастырскую литературу, древнерусские книжники, как и составители «простейших компиляций» X в., лишали ее корпоративной ограниченности. Примечательно, что среди предполагаемых киевских текстов мы не видим сочинений византийских аскетов. Изучив состав старших учительных сборников Древней Руси, О. В. Творогов пришел к выводу, «что таким высшим христианским добродетелям, как безмолвие или пострижение, в сборниках посвящено всего лишь не-

¹¹⁶ Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. — Не приводя дополнительных аргументов, Н. Н. Дурново в значительной мере просмотрел составленный А. И. Соболевским список киевских переводов, исключив из него целый ряд памятников, но одновременно пополнив его новыми текстами. См.: Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 105—111.

¹¹⁷ Алексеев А. А. Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы. С. 132, 136—137.

¹¹⁸ Перевод остается, в сущности, неисследованным. Есть некоторые основания относить его к болгарскому периоду. Ср.: Трендафилов Хр. Наблюдения върху славянския превод на Хрониката на Георги Синкел // Palaeobulgarica / Старобългаристика. 1990. Год. 14, кн. 4. С. 100—110.

¹¹⁹ Перечисленные переводы рассматриваются в упоминавшейся статье Ф. Томсона («Made in Russia»), который настаивает на их южнославянском происхождении. Значение статьи заключается в ее критической части: автор справедливо указывает на серьезные пробелы в описании восточнославянских особенностей каждого из текстов.

сколько слов из более чем двух сотен».¹²⁰ На первом этапе христианского просвещения писатели стремились распространить его вширь, не ограничивая свою аудиторию отрешившимися от мира. Литература греческого монастыря переносилась преимущественно в тех разделах, которые полезны были и обратившемуся в христианство мирянину. Это — учительная литература в широком смысле слова, включающая даже сборники изречений с античным прошлым («Пчела», «Мудрость Менандра»).

Родственность периодов не означает их абсолютной тождественности. Оригинальные черты киевской литературы, проявившиеся в таких новых для славянской письменности жанрах, как летопись или княжеское житие, отразились, хотя и приглушенно, в переводных произведениях. По сравнению с болгарским периодом наблюдается несомненный интерес к сюжетному повествованию, приведший к появлению переводов, не связанных непосредственно с нуждами церкви (Повесть об Акире Премудром, Повесть о царе Адариане, Сказание о двенадцати снах Шахаиши и др.). По крайней мере два греческих произведения испытали на русской почве воздействие оригинального жанра воинской повести. Памятник античной историографии — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия была стилистически переработана переводчиком в духе русских повестей о ратных подвигах. По тому же пути пошел автор «Девгениева деяния», приспосабливая к жанру воинской повести византийский героический эпос.

Еще одна немаловажная особенность киевской переводной литературы касается языка оригиналов, выбиравшихся для работы. В отличие от моравских и чешских переводчиков, не пренебрегавших латинскими источниками, болгарские книжники «золотого века» сосредоточились на греческих текстах. Грекоязычная литература использовалась в основном и в киевский период. Однако лингвистические особенности некоторых восточнославянских переводов позволили исследователям предположить, что они сделаны не с греческих, а с восточных оригиналов. А. Д. Григорьев думал, что с сирийского переведена Повесть об Акире Премудром,¹²¹ была высказана гипотеза о персидском источнике Сказания о двенадцати снах Шахаиши.¹²² В серии работ Н. А. Мещерского выясняется круг древнерусских переводов с еврейского, среди которых Книга Есфирь, хронографическое сочинение «Иосиппон», отдельные апокрифы.¹²³ Пока не ясно, где и при каких обстоятельствах имели место контакты древнерусской и древнееврейской литературы. В последние годы развернулась оживленная дискуссия о наличии древнекиевских переводов с еврейского, в которой точку зрения Н. А. Мещерского отстаивает А. А. Алексеев.¹²⁴

Вернемся к южнославянской письменности. XI—XII вв., отмеченные византийским владычеством на Балканах, и XIII в., ознамено-

¹²⁰ Творгов О. В. Свое и чужое: переводные и оригинальные памятники в древнерусских сборниках XII—XIV веков // Рус. лит. 1988. № 3. С. 140.

¹²¹ Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

¹²² Кузнецов Б. И. «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 272—278.

¹²³ Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности... С. 29—31 (здесь указаны основные работы автора по теме).

¹²⁴ Алексеев А. А. Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11, No. 1. С. 1—20.

ванный укреплением новообразованных славянских государств, не были благоприятны для развития литературы, в том числе переводной. Из более крупных мероприятий в этой области назовем сербскую Кормчую, Синодик царя Борила, «Физиолог», «Стефанита и Ихнилата». Нельзя пропустить нескольких произведений повествовательного характера, восходящих непосредственно к латинским оригиналам или находящихся под их влиянием — «Притчу о кралах», Сказание об Индийском царстве, сербскую «Александрию». Скорее всего, они появились в Далмации — в зоне наиболее тесных связей с западноевропейской культурой. Новый литературный подъем пришелся на XIV в. — южнославянский период.

Это период обновления всего фонда существующих переводов. Замечательно, что от внимания писателей и редакторов не ускользнул ни один из разрядов переводной письменности. К новому Иерусалимскому уставу приравниваются все богослужебные книги, по частям редактируется Священное писание, перерабатываются или заменяются бывшие в употреблении сборники творений святых отцов, патерики, жития (часто выбираются новые греческие редакции, как в случае с житиями Иоанна Златоуста, Василия Нового, Павла Фивейского), флорилегии, апокрифы и даже Хроника Амартола. Замечательна не только последовательность, но и интенсивность работы редакторов-переводчиков. Не удовлетворяясь достигнутым, они повторно обращаются к одной и той же книге. В нескольких разновидностях существовали в XIV в. такие, например, книги, как «Пандекты» Никона Черногорца, «Лествица» Иоанна Синайского, Житие Варлаама и Иоасафа. Наличие современных друг другу, но разных версий памятника не является признаком разобщенности писателей. Напротив, факты красноречиво говорят о координированности их трудов. С другими афонскими и царьградскими переводами были согласованы работы знаменитого афонского старца Иоанна.¹²⁵ По-видимому, в два приема правился сборник слов Григория Богослова.¹²⁶

О репертуаре произведений, впервые переведенных в южнославянский период, можно судить по перечню А. И. Соболевского, хотя он далек от полноты и учитывает одни только русские списки.¹²⁷ Как-то часть новых переводов примыкает к тому кругу текстов, которые уже находились в обращении у южных и восточных славян: рядом с Учительным Евангелием Константина Преславского появляется Евангелие патриарха Филофея, рядом с «Шестодневом» Иоанна Экзарха — «Шестодневы» Севериана Гавальского и Георгия Писидийского, рядом с Кормчими — «Синтагма» Матфея Властаря; к переведенным хроникам добавляются хронографические сочинения Константина Манассии и Симеона Логофета¹²⁸ и т. д. Важнее переводы,

¹²⁵ *Hannick Ch. Zur Schreibertätigkeit des Ieromonach Mefodie // Die Welt der Slaven. 1972. Jhrg 17, N. 2. S. 408—416; Попов Г. Новооткрыто сведение за преводаческата дейност на български книжовници от Света Гора през първата половина на XIV в. // Български език. 1978. Год. 28, кн. 5. С. 404—410.*

¹²⁶ Булакин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 141—143 (*Slavistische Beiträge*, Bd 278).

¹²⁷ Соболевский. С. 15—23.

¹²⁸ Некоторые авторы относят к переводам XIV в. и славянскую версию Хроники Иоанна Зонары. См.: *Thomson F. J. The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy. P. 203, note 67.*

отражающие культурные идеалы эпохи. Влияние исихазма и той монашеской среды, которая произвела на свет учение Григория Паламы, сказалось в пристрастии к аскетической литературе. Переводятся прежде всего нравственные руководства восточнохристианских классиков — Василия Великого, Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова. К ним примкнули известные раньше, но пересмотренные переводы «Лествицы», глав о любви Максима Исповедника, глав «деятельных» Феодора Едесского, глав о молитве Нила Синайского и др. Идеям этих авторов созвучны переведенные тогда же сочинения Григория Синаита — одного из идеологов монашеского возрождения XIV в. Балканские писатели переводят и жития святых-исихастов — того же Григория Синаита, Феодосия Тырновского, Ромила Видинского, и молитвы покровителя паламитов патриарха Филофея Коккина.¹²⁹

Для южнославянского периода характерны кодификаторские книжные мероприятия. Среди памятников переводной письменности мы встретим немало книг энциклопедического типа. Здесь и годовой круг синаксарных чтений — Стишной Пролог, и догматический справочник Евфимия Зигабена, и знаменитая мистическая энциклопедия — корпус Дионисия Ареопагита. Кодификация славянской книжности достигла апогея при создании целой коллекции гомилетических и агиографических сборников, охватывающей подвижные и неподвижные праздники православного календаря и приписываемой патриарху Евфимию. Пересмотр прежних переводов, разработка теории аскезы, обобщающие литературные мероприятия — все это отвечало стремлению упрочить основы православной культуры. В этом контексте понятна нетерпимость южнославянского периода к западноевропейским влияниям. XIV в. признается временем появления первых у славян сборников антилатинских статей. Как доказывает К. Иванова, «в Болгарии варлаамитство воспринималось прежде всего как носитель „латинских“ идей».¹³⁰

Неприятие латинской культуры разительно отличает южнославянский период от следующего — новгородского. Архиепископ Геннадий, главный инициатор переводов этого времени, всемерно использует опыт католиков и для обоснования теократической программы, и для борьбы с еретиками. Самое внушительное предприятие новгородского периода — Геннадиевская Библия создавалась с учетом западного опыта. Это выразилось и в соответствии ветхозаветного канона латинской традиции, и в переводе недостающих книг по Вульгате, и в упорядочении по ней некоторых старых переводов, и в дополнении ветхозаветных текстов предисловиями и объяснительными статьями, которые И. Е. Евсеев назвал «первою данью средневековой западной схоластике».¹³¹ В настоящее время установлено, что, наряду с Вульгатой, составители Геннадиевского свода пользовались не-

¹²⁹ Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 120—149.

¹³⁰ Иванова-Константинова К. Някои моменти на българо-византийските литературни връзки през XIV в. (Исихазъмът и неговото проникване в България) // Старобългарска литература. 1971. Кн. 1. С. 212.

¹³¹ Евсеев И. Е. Геннадиевская Библия 1499 года // Труды Пятнадцатого Археологического съезда в Новгороде. М., 1916. Т. 2. С. 6.

мецкой Библией по кельнскому изданию 1478 г.¹³² Обращение их к Священному писанию на иных народных языках пока не доказано.

С замыслом библейского свода связано еще несколько переводов геннадиевского кружка, в частности, надписания псалмов, над которыми работали Дмитрий Герасимов и Влас в 1498—1500 гг. по тому же кельнскому изданию Библии.¹³³ Внимание, уделяемое Псалтири, будет понятно, если вспомнить, что полемика с «жидовствующими» началась с обвинения их в «превращении» псалмов. Против обвинявшихся в «жидовстве» еретиков были нацелены переводные антииудейские сочинения Николая де Лира и крещеного иудея Самуила. Другие новгородские переводы также вызваны к жизни животрепещущими церковно-политическими проблемами. К работам по составлению новой пасхалии примыкает частично переведенный Булевым трактат о времяисчислении Вильгельма Дурандуса. Теократическую программу Геннадия обосновывало «Слово кратко» — сочинение Вениамина, первоначально написанное по-латински. Эсхатологические настроения конца XV в. отразились в переведенном с немецкого «Прении живота и смерти».

Геннадий, как видим, не брезговал не только латинскими, но и немецкими оригиналами. Труднее найти место в новгородском периоде нескольким переводам с еврейского, которые прежняя историография настойчиво приписывала «жидовствующим». Наиболее очевидным представлялось еретическое происхождение таких сомнительных с христианской точки зрения книг, как «Логика» Моисея бен Маймонида, «Шестокрыл» и «Тайная Тайных».¹³⁴ Сейчас большинство специалистов склоняется к мысли, что эти переводы выполнены в Литовской Руси и уже оттуда проникли в русские рукописи. Состояние наших источников не дает возможности определить, каково было участие новгородских еретиков в их распространении. Важно другое: само по себе использование их ни архиепископ Геннадий, ни другие иерархи не ставили в вину «жидовствующим». Напротив, гонитель еретиков называет «Логик» в числе книг, имеющих у его противников, но полезных и защитникам православия.¹³⁵ С «Шестокрылом» архиепископ сам сверялся в своих хронологических выкладках.¹³⁶ История еще одной «еретической» книги — «Тайной Тайных» показывает, что на ее держание или чтение никогда не накладывалось запрета.¹³⁷

¹³² Angermann N. Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Russland um 1500 // Hansische Geschichtsblätter. 1966. Bd 84. S. 26—27.

¹³³ Ibid. S. 28.

¹³⁴ Соболевский. С. 396—436.

¹³⁵ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 552. Впрочем, отождествление «Логик» из послания Геннадия с «Логикой» Маймонида вызывает в последнее время небезосновательные сомнения. Геннадий ставит «Логик» в ряд ортодоксально безупречных книг, так что не лишено вероятия предположение, что новгородский митрополит называет «Логикой» среднеболгарский перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина. См.: Григоренко А. Ю. «Лаодикийское послание» и его литературное окружение // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 326—327.

¹³⁶ Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонозову о седмичности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 53—56.

¹³⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л.—Я. Л., 1989. С. 427—430.

Архиепископ Геннадий был в Древней Руси едва ли не первым, кто высказался за правильное школьное обучение. Не исключено, что его мысли о заведении русской школы как-то связаны с западническими интересами иерарха. Характерно, во всяком случае, что источники конца XV в. впервые сообщают о русских, обучающихся на Западе, и что все эти ученики происходят из новгородской епархии: в одной из ливонских школ подвизался Дмитрий Герасимов, студентами Ростокского университета были новгородец Сильвестр Малый и пскович Георгий Полман.¹³⁸ В связи с поездками на Запад этих учеников получают объяснение греческие и латинские штудии новгородских книжников конца XV в., нашедшие отражение в рукописях. На первое место нужно поставить кодекс Тимофея Вениаминова с выписками из греческого Евангелия-апракос и латинской записью, выполненной кирилловскими буквами (ГПБ. Собр. Кирилло-Белозерского мон. № 36/41); по-видимому, тем же Евангелием пользовался Тимофей в греческих маргиналиях, рассеянных по полям другой рукописи (ГБЛ. Ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамского мон. № 437) и также переданных кириллицей. Б. Л. Фонкич думает, что из круга Геннадия происходит еще одна учебная книга — латинско-русская Псалтирь (ГИМ. Собр. Чудова мон. № 53/29).¹³⁹ Здесь же уместно вспомнить переведенную Дмитрием Герасимовым латинскую (точнее, латинско-немецкую) грамматику Доната: хотя в позднейшем заглавии текст датирован 1522 г., из предисловия явствует, что Герасимов работал над своим учебником в молодые годы, «пребывая и учася во училище».¹⁴⁰

К достоверным новгородским переводам конца XV—начала XVI в. нужно добавить несколько родственных им текстов. Это прежде всего прение псевдо-Афанасия Александрийского с Арием, переведенное с латинского греком Мануилом Дмитриевым. Заглавие сообщает, что работа выполнена повелением государя, но содержание памятника заставляет предположить причастность к нему новгородского архиепископа.¹⁴¹ Если верна гипотеза о любекском издании 1485 г. как источнике древнерусского «Луцидариуса», его с большой долей вероятности можно отнести к новгородскому периоду: наиболее вероятно проникновение в Новгород нижненемецких изданий до 1494 г., когда там была закрыта ганзейская контора. Наконец, существуют убедительные доказательства того, что из Новгорода происходит церковнославянский текст «Троянской истории» Гвидо де Колумна.

Из репертуара новгородского периода нельзя исключить некоторые памятники, выходящие за его хронологические рамки, но тесно

¹³⁸ *Angermann N.* Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Russland... S. 36—40.

¹³⁹ *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 25—44.

¹⁴⁰ *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины... С. 820. Следы немецкого перевода обнаружил в русском Донате Х. Кайперт: *Keipert H.* Deutsches im russischen Donat // *Die Welt der Slaven.* 1989. Jhrg 34, H. 2. S. 236—258.

¹⁴¹ Утверждение Ф. Томсона, что Мануилом Дмитриевым в рукописях ошибочно называется Дмитрий Мануилович Траханиот, нуждается в дополнительной аргументации. См.: *Thomson F. J.* The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy. P. 206, note 110.

примыкающие к новгородским переводам и выполненные теми же силами. Из участников геннадиевского кружка связь с новгородской кафедрой сохранил, кажется, один Дмитрий Герасимов, переведший для новгородского архиепископа упоминавшуюся Псалтирь Брунона. Другие помощники Геннадия продолжали свою деятельность уже в Москве. Сюда перебрался Николай Булев. На том основании, что в знаменитом Послании Филофея Мисюрю Мунехину «на звездочетцев» воспроизводится переведенное Булевым предсказание на 1524 г. из астрологического альманаха Иоганна Штеффлера, Булеву приписывается полный перевод этого альманаха.¹⁴² В 1534 г. по поручению митрополита Даниила ученый немец перевел с немецкого языка медицинское пособие — «Травник». Весьма правдоподобно, что бывшие сотрудники Геннадия принимали участие в переводе Повести о Лоретской Божьей матери, оригинал которой пока не найден, а также серии хроникальных известий о современных событиях в Европе — географических открытиях, стихийных бедствиях и т. д.¹⁴³

Беспереvodный период в определенном смысле продолжает линию архиепископа Геннадия, доказывая тем самым, что новгородский эпизод при всем его своеобразии не был случайным в истории переводной литературы. Имеются в виду не только вышеперечисленные тексты и не переводы XVI в. с польских оригиналов (Разговор магистра Поликарпа со Смертью, Хроника Мартина Бельского, «Лечебник» И. Спичинского, «Назиратель» Петра Кресценция), в целом немногочисленные и все сохранившие следы западнорусского посредничества.¹⁴⁴ Речь идет о переводческой деятельности Максима Грека и его учеников. Хотя московские консерваторы считали, что труды ученого грека подрывают авторитет славянской книги, репертуар его переводов обнаруживает многозначительную преемственность по отношению к новгородскому периоду. Мы помним, что работа над Священным писанием стояла в центре новгородского периода и что особое внимание уделялось Псалтири. Отсюда понятен выбор для перевода Толковой Псалтири, которой Максим Грек дебютировал в роли славянского писателя, понятно и назначение ему в помощники Дмитрия Герасимова и Власа, набравшихся опыта в кружке Геннадия. С работой над Толковой Псалтирью связаны выборки Максима Грека из Лексикона Свиды: наибольшее число выписок из греческой энциклопедии — это псалтирные стихи с комментариями Феодорита Кирского.¹⁴⁵ К Псалтири Максим возвращается в последние годы жизни — в совместных занятиях с Нилом Курлятевым и с другим учеником — вероятно, с ризником тверского епископа Вениамином. О тщательности его разработок свидетельствуют под-

¹⁴² *Святский Д. О.* Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI века // Известия Научного Института имени П. Ф. Лесгафта. 1929. Т. 15, вып. 1. С. 45—55. Альманах впервые был напечатан в 1499 г. См.: *Thomson F. J.* The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy. P. 187.

¹⁴³ *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 131—164; *Цыпкин Д. О.* Сказание «О Молукитцких островах» и Повесть о Лоретской Богоматери (Из сборника БАН, Архангельское собр., Д. 193, XVI в.) // ТОДРЛ. Т. 44. С. 378—386.

¹⁴⁴ См.: Назиратель. М., 1973. С. 70—72.

¹⁴⁵ *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 173—177.

собные материалы — «Изъявление о псалмех» и «Строки zde особь положены», содержащие разные варианты перевода.¹⁴⁶

Кроме Псалтири, Максим Грек неоднократно обращался к другим ветхозаветным и новозаветным книгам. Параллельно с переводом Толковой Псалтири или даже раньше он трудился над Толковым Апостолом. Под его наблюдением инок Силуан переводит беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея; по-видимому, вдвоем с Силуаном им переведены беседы Златоуста на Евангелие от Иоанна. Библейской экзегезе посвящены многие разрозненные переводы из греческих отцов, которые рукописи надписывают именем афонского старца; к этим переводам примыкают его собственные экзегетические этюды. Наконец, ему надежно атрибутируются переводы целых библейских книг — IV-й Маккавейской и Книги Есфирь.¹⁴⁷ В сборники сочинений Максима Грека включались выписки из имевшихся уже переводов библейских текстов, выписки, которые перекликаются с оригинальными сочинениями писателя и могут считаться элементом его творчества.¹⁴⁸ Итак, Максима Грека и его предшественников в Новгороде роднит общий интерес к Священному писанию. На этом, впрочем, их родство и кончается: как активный поборник греческого православия Максим Грек не мог сочувствовать латинофильству геннадиевского кружка, более того, критиковал некоторые книги, переведенные в новгородский период.¹⁴⁹

Книжникам беспереводного периода было равно чуждо направление деятельности новгородских переводчиков и писателей, группировавшихся вокруг Максима Грека. Грекофильство афонского писателя нашло поддержку не в Московском государстве, а в Литве, и произошло это при деятельном участии князя А. М. Курбского. Репертуар переводов, выполненных самим князем или в его окружении, непосредственно продолжает труды Максима: здесь мы найдем и творения греческих отцов, отчасти переведенные и исправленные (сочинения Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, в том числе приписываемое ему Житие Варлаама и Иоасафа), отчасти только намеченные к переводу (слова Василия Великого и Григория Богослова), и статьи из сборника Симеона Метафраста, над которым много поработал греческий старец. В предисловиях, которыми князь обычно снабжал свои переводы, он неизменно ссылается на Максима как на авторитет последней инстанции. Авторитет Максима был непререкаем и для других ревнителей православия в Западной Руси. Это результат общей для них ориентации на греческую церковь и ее традиции.

Дальнейшее развитие на территории Западной Руси того направления, в котором работал А. М. Курбский, не уместается в рамки на-

¹⁴⁶ Ковтун Л. С., Синицына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтирь. С. 99—127; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 25—111.

¹⁴⁷ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. С. 68. № 73; Taube M., Olmsted H. M. «Povest' o Esfir'i»: The Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11, No. 1/2. P. 100—117.

¹⁴⁸ Olmsted H. M. A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. Vol. 3. P. 1—73.

¹⁴⁹ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. С. 108, 129—131. № 130, 169.

стоящего очерка. Пора перейти к составу московской письменности следующего — п е р е х о д н о г о периода. Мы говорили, что первая его половина — подготовительный этап — отмечена стремлением сохранить верность московской идеологии XVI в., т. е., применительно к истории переводов, продлить беспереводный период. Поучительно сравнить целую библиотеку, влившуюся в русскую письменность во второй половине XVII в., с разрозненными текстами, пришедшими в нее раньше. По некоторым подсчетам, за весь XVI в. появилось 26 переводов, за первую половину XVII в. — 13, за вторую его половину — 114.¹⁵⁰ Можно сомневаться в точности этих цифр, но пропорции близки к истине. Атмосферу беспереводного периода заставляет вспомнить и полное почти отсутствие переводов с греческого. Басни Эзопа в переводе Федора Гозвинского, не дошедший (или не осуществленный) перевод книг «на латинския ереси», которым занимался протосинкелл александрийского патриарха Иосиф, и литургия апостола Иакова, которая была «исправлена же и исследованна» Иоанникием Греком, — таков их исчерпывающий перечень.¹⁵¹

С другой стороны, номенклатура переводных текстов подготовительного этапа демонстрирует, что Россия уже встала на путь европеизации, и консервативные силы недолго могли сдерживать ее движение. Пожалуй, наиболее примечательным новшеством репертуара являются первые образцы рыцарского романа — Повесть о Бове, с сюжетом которой, скорее всего в устной форме, московские люди познакомились еще в XVI в., и Повесть о Еруслане Лазаревиче, письменной фиксации которой также предшествовали устные версии. Появление этих повестей означало зарождение беллетристики в полном смысле слова, потому что ни та, ни другая из них не имела церковно-служебного и вообще утилитарного назначения. По средневековым понятиям, это — «неполезные повести». Многочисленные переработки развлекательных повестей показывают, как трудно было им внедриться в литературу средневекового типа с ее прагматическим подходом к каждому тексту.¹⁵² Легче примирялись с духом средневековой литературы новеллы из «Истории семи мудрецов». Возможности разного прочтения «Истории» иллюстрируются дальнейшей судьбой всего памятника и извлекавшихся из него сюжетов: в то время как некоторые редакторы подчеркивали моральные уроки повествования (редакция С), другие усиливали развлекательный момент.¹⁵³

Начало перемен чувствуется и в остальных переводах. Впервые заявляет о себе как о литературном центре Посольский приказ. Там служил Федор Гозвинский, который перевел с греческого басни Эзопа с жизнеописанием их легендарного автора, а с польского — «Тропник» папы Иннокентия III. Выбор оригиналов показывает, что

¹⁵⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 562.

¹⁵¹ *Соболевский*. С. 380—381, 322, примеч. 1, 292—293. О деятельности Иосифа подробно см.: *Фонкич Б. Л.* Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. // *Византийский временник*. М., 1991. Т. 52. С. 143—147.

¹⁵² Ср.: *Seemann K. D.* Die romanisch-slavischen Literaturbeziehungen im Mittelalter, 5. Ostslaven. // *Grundriss der romanischen Literaturen des Mittelalters*. Vol. 1. Generalites. Heidelberg, 1972. S. 459—460.

¹⁵³ *Malek E.* Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988. S. 96—117.

средневековые запреты уже не имеют прежней силы: в первом случае взято произведение древнегреческого писателя, причем произведение, не имеющее конфессионального задания, во втором — творение одного из столпов католической литературы. «Изложение на еретики» князя И. А. Хворостинина важно как первый опыт стихотворного перевода, причем — достойный внимания факт — перевода с украинского языка.¹⁵⁴ На подготовительном этапе замечен уже интерес к положительному знанию, который во второй половине века вызовет в области переводов настоящий взрыв. Назовем прежде всего книги по военному искусству: это «Воинская книга» Л. Фроншпергера, над которой трудились Михаил Юрьев и Иван Фомин (англичанин Элмстон), а позднее небезызвестный в истории русского книгопечатания Онисим Радишевский, и «Воинская книга для пехотинцев» Иоганна Якоби из Валлгаузена, напечатанная в Москве в 1647 г.¹⁵⁵ До 1641 г. на основе двух первых книг «Землемера» А. Ратборна появилось русское пособие по геометрии — труд князя Ивана Альбертуса Долмацкого.¹⁵⁶ Интерес к географии засвидетельствован переводом «Космографии» Г. Меркатора, выполненным служащими Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном.

Развитие переводной литературы во второй половине века отчасти идет теми путями, которые наметились на подготовительном этапе. Заметно пополнился раздел беллетристики. Здесь мы встретим новые образцы рыцарского романа и романа приключений, иногда верные куртуазному духу прототипа (Повесть о Петре Златых Ключей), чаще — с сильной примесью фольклорных мотивов, модифицировавших первоначальный сюжет (Повесть о Брунцвике, История о Мелюзине, Повесть о цесаре Оттоне и Олунде). Русский книжник до того освоился с жанром, что мог создать умелую стилизацию под переводной роман — Повесть о Василии Златовласом. Среди лишенных нравоучения памятников на первое место мы поставим книгу «Фацеций». Фацеции — это и жанровые сценки с простейшей фабулой, и псевдоисторические анекдоты, и меткие изречения, приписанные разным знаменитостям. Близок «Фацециям» сборник «Апофегматы», ставший известным московскому читателю не позднее последней четверти XVII в. Далее следуют сборники «прикладов» — «Великое зеркало» и «Римские деяния», которые, по замыслу составителей, обеспечивали проповедника иллюстративным материалом. Однако книжник XVII в. часто забывал о первоначальном назначении «прикладов», так что названные сборники стали в русской литературе XVII и даже XVIII в. главными проводниками бродячих сюжетов мировой литературы. За редкими исключениями памятники сюжетного повествования приходили на Русь через поль-

¹⁵⁴ О соотношении перевода и оригинала ср.: Анашкина Н. Иван Андреевич Хворостинин — писатель первой четверти XVII века // *Slavia Orientalis*. 1989. Roc. 38. No. 3—4. С. 508—509; *Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York; Oxford, 1992. P. 139—140.

¹⁵⁵ Об имени автора см.: *Thomson F. J. The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy*. P. 212, note 212.

¹⁵⁶ Кошелева О. Е., Симонов П. А. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии XVII века и ее авторе // Книга. М., 1981. Сб. 42. С. 63—73.

ское посредство: во второй половине XVII в. Польша играла ведущую роль в европеизации своего восточного соседа.

Популярность переводной беллетристики доказывается и обилием списков, и повторным переводом некоторых памятников (История о Мелюзине, «Апофегматы», «Великое зеркало», «Римские деяния»). О спросе на беллетристику красноречиво говорит генерирующая сила переводных повестей и сборников, продолжавших на Руси самостоятельное развитие. По канве рыцарских и авантурных романов сочинялись совершенно новые произведения (Повесть об испанском королевиче Бруне на основе Повести о Петре Златых Ключей, Повесть о царице и львице на основе Повести о цесаре Оттоне).¹⁵⁷ Созданию вполне оригинальных повестей послужили и некоторые сюжеты переводных сборников. Особенно продуктивными на русской почве оказались «приклады» «Римских деяний»: к ним возводят такие произведения, как Повесть о купце Григории, Повесть о папе Григории, Сказание о богатом купце; в них отыскивается прототип и Повести о царе Агее, хотя непосредственный ее источник — «Небо новое» Иоанникия Галятовского. Интерес к беллетристике выразился и в том, что отдельные образцы сюжетного повествования извлекаются из иноязычных книг небеллетристического жанра и начинают циркулировать как автономные художественные единицы. Из Хроники Мартина Бельского взята Повесть о Скандербеге, Сказание о девицкой войне и легенда о пустынноике Иване Корвацком, из Хроники Александра Гваньини — «История вкратце о Бохеме». В качестве законченного рассказа знала русская читающая публика Повесть об астрологе Мустаеддыне; на самом деле — это фрагмент из публицистической книги Кжиштофа Даминеуса в защиту антитурецкой коалиции. Все названные тексты эксцерпированы из польских источников.

Жанровые метаморфозы повествовательной прозы — лишь одно из проявлений начавшегося освобождения литературы от ее прикладных функций. С признанием самостоятельной художественной ценности слова следует связать зарождение и быстрое развитие книжного стихотворства и первые шаги русской драматургии. В освоении новых форм участвовали и переводы. Переводятся стихи разных жанров, в том числе сборник басен («Совет воинский» Бартоша Папроцкого), медитативная поэма («Пентатеугум» Андрея Белобоцкого), подписи к гравюрам (библейские стихи Мардария Хонькова), «фрашки» Яна Кохановского и даже лечебник — «Управление здравия».¹⁵⁸ Постепенно вырабатывается практика переводить стихами не только целое произведение, но и стихотворные вставки в прозаических жанрах, даже в дипломатических бумагах.¹⁵⁹ Стихотворным переводом немецкого сочинения пастора Иоганна Грегори является первая пьеса русского театра — «Артаксерсово действо».

Ошибочно думать, что вкус к занимательному рассказу, понимание независимой от содержания ценности художественной

¹⁵⁷ Повесть о царице и львице, в свою очередь, послужила основой для Повести о римском цесаре Антонии (Чалкова Т. Ф. Повесть о римском цесаре Антонии и ее источник // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 222—228).

¹⁵⁸ Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII—первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 70, 80—81.

¹⁵⁹ Там же. С. 32—54.

формы — изолированные явления в литературном развитии XVII в. На переходный период приходится общий процесс распада книги как религиозного единства на отдельные составляющие. При этом с новой книжной иерархией сосуществует старая, расценивающая книги по их душеполезности. Функционирование переводных текстов зависело не только от их европейской репутации, но и от собственно русской культурной ситуации. Последнее хорошо видно по судьбам античного наследия в литературе переходного периода, который реабилитировал языческую древность, сняв с нее клеймо религиозной отверженности.¹⁶⁰ Вместе с тем библиография античной литературы в переводах XVII в. поражает своей бедностью: помимо упоминавшегося Эзопа в переводе Гозвинского, за которым последовало еще два перевода (Андрея Виниуса и Петра Кашинского), это не дошедшие до нас переводы Елифания Славинецкого из «Истории» Фукидида и Панегирика Плиния Младшего, это эпитама «Истории Фуллия» Помпея Трога, это сочинение Секста Юлия Фронтиня «О случаях военных» в переводе Кариона Истомина, это, наконец, неоконченный перевод «Физиики» Аристотеля.¹⁶¹ Суть дела, конечно, не в малочисленности переводов. Содержание их свидетельствует об отношении к античности как наставнице жизни; о классике как художественном образце XVII в. еще не помышляет.

Говоря о литературе Петровского времени как верной свидетельнице на алтаре утилитаризма, мы не вправе забывать предшествующий период, заложивший камни в пьедестал этого алтаря. Одновременно с эмансипацией художественной литературы происходило обособление книг, несших положительное знание. Переход от книги общехристианского значения к специальной научной литературе не был прямолинейным: наряду с ученой историей переводятся хроники средневекового типа (Хроника псевдо-Дорофея Монеувасийского), наряду с исследованиями по анатомии — бестиарии («Физиолог» Дамаскина Студита). Тем не менее практическая польза стала уже во второй половине XVII в. одним из главных критериев при выборе книг для перевода. Мы благоразумно воздержимся от перечисления переводов по всему кругу тогдашних наук — от астрологии до коннозаводства. Каталогизация научного наследия эпохи мало продвинулась вперед после «Переводной литературы» А. И. Соболевского, к которой и отсылаем читателя. Воспроизводить библиографические разыскания А. И. Соболевского — значит повторять ошибки и неточности, которых немало в его книге и которые неизбежны на начальной стадии разработки материала.

Отдельно нужно сказать об учебной литературе. Если вспомнить, сколь мучительным был процесс институционализации русской шко-

¹⁶⁰ Ср.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. С. 9—95.

¹⁶¹ Zubov B. P. «Физика» Аристотеля в древнерусской книжности // Известия АН СССР. 1934. VII серия. № 8. С. 635—652. Вопреки Ф. Томсону (Thomson F. J. The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy. P. 194), перевод «Метаморфоз», сделанный с польского стихотворного перевода Валериана Отфиновского, следует датировать XVIII в. См.: Николаев С. И. 1) Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Рус. лит. 1988. № 1. С. 162—164; 2) Задачи библиографического изучения польско-русских литературных связей XVI—XVIII веков // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 227.

лы, ясны будут и те трудности, с которыми столкнулся учебник, формирующийся как тип книги. Полноценный учебник может существовать там и тогда, где и когда утвердилось представление о самоценности знания, полезного в человеческом общежитии и внеположенного конфессии. Прежде чем приобрести законченные формы, русский учебник проработал сложную эволюцию, которая началась с Псалтири и Часослова — обыкновенных в Древней Руси пособий для научения грамоте. Азбуки и буквари, издававшиеся в Западной Руси со времен Ивана Федорова, а в XVII в. вошедшие в репертуар Московского Печатного двора, следует считать переходной стадией от молитвенника к учебнику. Нет оснований причислять к учебникам (по крайней мере в Великодержавии) такие переводные памятники, как «Диалектика» Иоанна Дамаскина и «Риторика» псевдо-Макария, помещавшиеся в обычных четких сборниках. Учебники в полном смысле слова появляются только на исходе XVII в. — это курсы, читанные братьями Лихудами в новооткрытой Московской академии. Другое дело, что эти курсы часто оставались непереуведенными. Известны перевод «Риторики» Софрония Лихуда, выполненный в 1698 г. Козмой Афоноуверским, и двуязычная грамматика, славянская часть которой, возможно, принадлежит Федору Поликарпову.¹⁶²

Остаются переводы духовной литературы. Обмирщение русской культуры в XVII в. нельзя понимать упрощенно — как прилежание мирским делам в ущерб божественным. Движение «боголюбцев», церковный раскол, споры о пресуществлении — проявления бурной религиозной жизни переходного столетия. Если же говорить о переводах духовной литературы, то число их, пожалуй, превысит все, что накопила славянская письменность предшествующих веков. Изменения выразились в том, что книги религиозного содержания становятся лишь одним из многих — специальным разделом письменности. Переоценка положительного знания неизбежно затронула и духовную литературу, которая принимает все более ученый характер. Этот процесс отразился на всех уровнях литературного творчества. С ним неразрывно связана развернувшаяся на Печатном дворе правка книг, которая была бы невозможна при средневековом взгляде на слово как на сакральную субстанцию. Изучение «кавычных» экземпляров показывает, какую сложную работу выполняли справщики, сверяя несколько редакций, привлекая славянские и греческие источники, заново переводя большие куски текста.¹⁶³

Справу второй половины XVII в. неправомочно было бы ограничивать книгами, дошедшими до печатного станка, она затронула всю иерархию духовной литературы, включая богослужебные книги, Священное писание, патристику, церковное право. При этом каждое мероприятие по переводу, редактуре и даже по переписке новых текстов ставится на серьезную научную основу. Для подготовки нового перевода Ветхого и Нового завета Епифаний Славинецкий создал настоящую библейскую комиссию из «чтецов греческих и латинских книг и писцов, добре знающих по грамматике славенстей

¹⁶² Копыленко М. М. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов // Византийский временник. М.; Л., 1960. Т. 17. С. 91—92.

¹⁶³ Сиромаха В. Г., Успенский Б. А. Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археогрaфический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 75—84.

правописание».¹⁶⁴ Так же обстояло дело с переводами отцов церкви, что видно на примере сборника, изданного Епифанием Славинецким в 1665 г.¹⁶⁵ Сборник мыслится как догматическая энциклопедия, статьи которой должны были заменить несовершенные с точки зрения составителя древние переводы: вместо читавшихся по уставу шестнадцати слов Григория Богослова Епифаний предлагает весь корпус его гомилий, вместо компилятивного «Шестоднева» Иоанна Экзарха дает полный «Шестоднев» Василия Великого, печатаются новые переводы слов Афанасия Александрийского на ариан и «Богословия» Иоанна Дамаскина — взамен известных в славянской письменности с X в. Перед нами не средневековый сборник уставных чтений, а труд, сопоставимый с современными ему изданиями западных богословов, которыми и пользовался составитель. Ученому характеру книги соответствует и ее усложненный язык.

Такой же ученостью отличается Кормчая пятой редакции, подготовленная Евфимием Чудовским и претендующая на то, чтобы быть полным сводом канонического права восточной церкви. В работах чудовского справщика особенно заметно перерождение духовной письменности средних веков в теологическую науку. Это перерождение видно и в привычке Евфимия работать со многими списками, и в характерной для него многослойной правке, и в желании снабдить каждый перевод справочным аппаратом — оглавлениями и указателями. С рационализацией религии связано усвоение, опять-таки при участии Евфимия, важнейших греческих толкований богослужения. Тот же рационализм проявился в неослабевающим интересе к греческим полемическим сочинениям, переводившимся либо самим чудовским старцем, либо под его неусыпным надзором.

В заключение полезно проследить, как отразилось на репертуаре переводов культурное размежевание пишущей интеллигенции. Попробуем рассмотреть направления московской письменности за последние десятилетия ее существования в порядке возрастания их вклада в развитие переводной литературы. Руководствуясь этим критерием, мы поставим на первое место многочисленную группу книжников, обладающих по отношению к переводам нулевым признаком. Это старообрядцы, наследники беспереводного периода и протолкающей его первой половины переходного столетия. С их точки зрения, существующий фонд переводов не нуждается в принципиальных изменениях и обладает большей конфессиональной доброкачественностью, чем современная греческая литература.

За старообрядцами следуют латинофилы, барочные полигисторы, ориентировавшиеся на западноевропейскую, особенно польскую постренессансную культуру. Их вклад в репертуар переводной литературы весьма скромный. В самом деле, какие переводы оставила классическая тройца силлабиков — Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев и Карион Истомирин? От первого мы имеем «Книгу пастырского попечения» («*Liber regulae pastoralis*») Григория Великого да фрагменты из сочинений Петра Альфонса и Винченца де Бове, от последнего — упоминавшееся сочинение Секста Юлия Фронтинна,

¹⁶⁴ Соболевский. С. 290.

¹⁶⁵ Состав сборника см.: Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков (Общественные настроения). М., 1985. С. 315—320.

«Книгу о видении Христа» псевдо-Августина и неотожествленный перевод под названием «Сладость умнословесныя и богумысленныя души»; что касается Сильвестра Медведева, то его переводных трудов мы не знаем вовсе. Объясняя отсутствие у русских силлабиков стихотворных переводов, С. И. Николаев указывает на то, что «в школьной практике русского барокко перевод еще не осознавался как вид творчества».¹⁶⁶ По-видимому, в какой-то мере это относится не только к поэзии, но и к прозе. Барочные стихотворцы занимались не столько переводом, сколько переносом иноязычных образцов; таково отношение «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого к «Псалтири» Яна Кохановского. Молчание латинофилов в пору лихорадочной переводческой активности их собратьев по перу следует сопоставить с другими фактами, показывающими несколько обособленное положение латинской партии в московской культуре переходного периода. В частности, книжные собрания латинствующих свидетельствуют об их пренебрежении к древнерусской письменной традиции, равнодушию к беллетристике, наконец, об отсутствии интереса к научным книгам, в особенности — естественнонаучным.¹⁶⁷

Сторонники греческой партии, не в пример латинствующим, специализировались на переводах. Однако их переводческая деятельность не поддается однозначному определению, потому что грекофилы не представляли собой устойчивого объединения, сохранявшего одну и ту же литературную позицию на протяжении полувека. В ту пору, когда только что прибывший в столицу Епифаний Славинецкий стоял во главе московских переводчиков, латинское направление вообще едва ли осознавалось как альтернатива в развитии культуры. Репертуар переводов Славинецкого доказывает отсутствие у него предубеждения против латинских книг. Приехавший вместе с ним Арсений Сатановский, лично выбранный московскими властями и готовившийся переводить Библию, как выяснилось, вообще не владел греческим языком.¹⁶⁸ Греческую партию времен Епифания Славинецкого точнее было бы назвать малороссийской, что соответствовало бы и проукраинскому курсу Никоновских реформ.¹⁶⁹

Нельзя не заметить, что и в годы резкого размежевания у латинствующих и грекофилов оставалось много общего. Те и другие пренебрегали беллетристикой, высокомерно отвергали средневековую славянскую письменность. Их сближал общий интерес к словесным наукам. Отречение от католической культуры не могло быть последовательным, ибо в распрях конца XVII в. происходила неизбежная диффузия идей. Так, на рубеже веков греческая партия в лице чудовского иеродиакона Дамаскина, Евфимия и братьев Лихудов трудится над переводом греческого сборника Агапия Критянина «Грешных спасение», будто не замечая, что многие богородичные легенды заимствованы автором из латинских источников. Главными действующими лицами в стане грекофилов были не люди крайностей, как Евфимий

¹⁶⁶ Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 24.

¹⁶⁷ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 142—144.

¹⁶⁸ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. С. 119—120, 138.

¹⁶⁹ Ср. Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. P. 152—156.

Чудовский, а те, кого иеродиакон Дамаскин удачно окрестил «пестрыми».¹⁷⁰ Впрочем, неприятие западной культуры самим Евфимием также не следует преувеличивать. В его библиотеке имелись латинские и польские книги, к ним он обращался для справок в своих переводных трудах. При истолковании текста этот латинофоб охотно прибегал к латинским и польским эквивалентам. Распространение на славянском языке католической литературы не всегда пугало Евфимия; так, он участвовал в переводе проповедей Петра Скарги. Без латинской науки не могли обойтись даже идеологи патриарха Иоакима — «самобратия» Иоанникий и Софроний Лихуды. Вопреки полученным наказам, «латинского языка и учения чтоб не учили в школе, oprичь еллинского», они, по словам иерусалимского патриарха, «забавляются около физики, философии».¹⁷¹

Так выясняется мера условности в делении образованной части русского общества на две враждебные партии.¹⁷² С другой стороны, нельзя не заметить, что в переводческой деятельности грекофилов налицо симптомы, предвещающие близкие реформы. Когда говорят о бесперспективности школы Епифания Славинецкого, отмечают, между прочим, что переводы его и его последователей в большинстве своем остались неизданными. Вместе с тем замечательна сама активность грекофилов на переводческом поприще. Неверно было бы представлять их себе одиночками и отщепенцами. Заняв ключевые позиции на Печатном дворе и в Московской академии, внедряя свои принципы в процессе редактур (ср. внушительный перечень памятников, по которым прошло редакторское перо Евфимия), идеологи греческой партии создали довольно устойчивую школу переводов. Услугами выпускников академии, начавших учебу при Лихудах, Петр вынужден был пользоваться еще в XVIII в. Перевод рассматривался грекофилами как эффективное средство создания культуры определенного типа, и здесь их главное отличие от латинствующих. Представители этой партии гораздо менее односторонни в выборе источников, чем их латинствующие противники. В частности, им не чужды интересы к естественным наукам. Сосредоточив свои силы на духовной литературе, они не ограничиваются ею: «Специализации у них нет, и, например, Епифаний переводит и анатомию, и географию, и проповеди Бернарда, и отрывок из Плиния Младшего».¹⁷³ Одна из причин этой широты в том, что последователи Епифания многое переводили по заказу.

И все же основная масса заказов доставалась переводчикам Посольского приказа. Это последняя группировка писателей, которую нам предстоит охарактеризовать. Посольский приказ был в XVII в. крупнейшим очагом культуры, не случайно его возглавляли такие в широком смысле просвещенные люди, как А. Л. Ордин-Нащокин,

¹⁷⁰ Яхонтов И. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб., 1883. С. 14.

¹⁷¹ Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Изд. Ф. Туманский. СПб., 1788. Ч. 10. С. 111.

¹⁷² Ср.: Панченко А. М. Начало Петровской реформы: идейная подоплека // XVIII век, сб. 16. Л., 1989. С. 7—8; Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991. С. 17—20.

¹⁷³ Соболевский. С. 44.

А. С. Матвеев, В. В. Голицын. Специфика учреждения требовала от служащих в нем разнообразных знаний, а это, в свою очередь, побуждало правительство вовлекать Посольский приказ в мероприятия, далеко выходившие за рамки его прямых обязанностей. Работники приказа оставили след во всех почти разделах литературы, особенно переводной: помимо информационных сводок («Вестей-Курантов»), они должны были переводить специальные научные исследования, они переводили и составляли лексиконы, они трудились над компиляциями, утверждавшими достоинство Московского царства и правящей династии, готовили учебные пособия для членов царской семьи, переводили учительную и развлекательную литературу, участвовали в подготовке первых пьес русского театра.

Литературный тип, формирующийся в стенах Посольского приказа, во многом уже напоминал писателя Петровской эпохи. Это заметно и в переводных произведениях писателей-дипломатов. Прежде всего им совершенно чужда партийная ограниченность, которая сужала сферу деятельности латинствующих и грекофилов. Среди переводчиков, приписанных к приказу, существовала языковая, а не тематическая специализация. Их занятия регулировались не какой-то эстетической программой, а текущими нуждами правительства: «Перевод был для них работой. Они то переводили, скажем, „Книгу конской езды“, а потом „вертоглавные концепты“ Коховского, и это было для них в принципе одно и то же».¹⁷⁴ Распространившийся в петровское время литературный дилетантизм зарождается в Посольском приказе, где нередко подвизались люди, «неожиданно для самих себя пустившиеся в литературу».¹⁷⁵ Удельный вес собственно научных трудов в наследии дипломатов также напоминает о близости реформ. Описывая архив приказных переводчиков, Б. Н. Морозов видит связь двух эпох «в самом факте существования единого переводческого архива, где наряду с черновиками книг, „строившихся“ в двух-трех экземплярах, хранятся черновики переводов первых петровских изданий».¹⁷⁶ Многозначительно совершенное почти отсутствие среди переводов Посольского приказа духовной литературы (к числу исключений относится несколько работ Николая Спафария). Случайности в этом быть не может, потому что на переписку и оформление духовной литературы традиционного круга заказы поступали постоянно.¹⁷⁷ Обмирщение культуры вело к тому, что богословская наука постепенно сосредоточивалась в руках специалистов — духовных писателей.

По мысли Петра, практическая польза — не единственное назначение литературы: «Она должна была также развлекать: для развлечения каждый мог писать невозбранно — в качестве частного челове-

¹⁷⁴ Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 52.

¹⁷⁵ Соболевский. С. 43.

¹⁷⁶ Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 112.

¹⁷⁷ Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. М., 1963. Сб. 8. С. 224—228.

ка, вне и помимо служебных обязанностей».¹⁷⁸ Узаконение развлекательной литературы заметно уже в переводах дипломатов. Здесь не пренебрегали беллетристикой: в приказе служил Иван Гуданский, переведший Историю о Мелюзине; считается, что из того же учреждения вышли Повесть об астрологе Мустаеддыне и Повесть о Петре Златых Ключей;¹⁷⁹ возможно, там же переводилась Повесть о цесаре Оттоне.¹⁸⁰

Рассмотрев поочередно разные направления московской письменности в их отношении к переводу, мы хорошо представляем себе ситуацию, сложившуюся к началу петровских культурных преобразований. Новые задачи властно требовали литературного деятеля нового типа. Ни барочные полигисторы с их гуманитарными интересами, ни приверженцы греческой партии, специализировавшиеся на ученом богословии, не устраивали реформатора: «Профессионалам старого, еще Симеоном Полоцким сформированного типа, Петр противопоставил „служилого“ писателя, который переводит и сочиняет по заказу».¹⁸¹ Царю нужен был чиновник от словесности, который и становится главным действующим лицом литературного процесса. Наиболее подготовленными к этому скачку оказались переводчики-дипломаты, уже в XVII в. занимавшиеся литературой по долгу службы. Что касается элитарной писательской общины, то ее представителям надлежало приспособиться к изменившимся условиям или освободить место для следующей генерации литераторов.

5

Историю древнерусской литературы принято завершать словами о пресечении ее естественного развития либо, напротив, указанием на ее будто бы значительное влияние на новую русскую литературу. Обе концовки связаны с романтическим подходом к средневековью, о котором шла речь в начале нашего очерка и который выделяет в средневековой литературе только оригинальные черты. Говоря о пресечении, имеют в виду оригинальное литературное творчество, говоря о влиянии, имеют в виду оригинальные произведения древнерусских писателей. И тот, и другой вывод грешит максимализмом, а потому искажает истинную, значительно более сложную картину. Переход от средневековой письменности к литературе Нового времени не был единовременным актом хотя бы потому, что древнерусская книжность не была однородным фондом, и оригинальные литературные памятники составляли незначительную его часть. Судьба разных частей этого фонда в литературе последующих веков была разной. Будущему историку, который возьмется писать о древнерусской литературе после Древней Руси, придется учитывать социоло-

¹⁷⁸ Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век, сб. 9. Л., 1974. С. 125.

¹⁷⁹ Малёк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. (из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 252; Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 178.

¹⁸⁰ Matek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. S. 30—34.

¹⁸¹ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 186.

гические данные, потому что с XVIII в. уже нельзя говорить о русской литературе в единственном числе. Новая литература обслуживала одни только верхние слои русского общества. Рядом с ней в старообрядческих скитах продолжала свое развитие письменность средневекового типа. Об этой письменности уместно вспомнить и в очерке переводной литературы Древней Руси.

Историю переводов мы закончили переходным периодом. Это правильно только в том случае, если рассматривать историю литературы как производство новых текстов. Однако история — процесс не только генерации, но и рецепции, которую особенно важно учитывать при описании средневековой письменности. В своем отношении к культуре древний книжник не ощущал исторической дистанции. Эту непосредственность восприятия прошлого унаследовали от средневековья приверженцы дониконовского обряда. Приведем в подтверждение один только факт. Разыскивая в древних кодексах материал, подтверждающий их догматические взгляды, поморские книжники воспользовались и знаменитым Изборником 1073 г., на который они напали в книгохранительнице Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря. Идеологи древнего благочестия включили ссылку на Изборник в свои полемические сочинения — Дьяконовские и Поморские ответы.¹⁸² В данном случае важно не то, что поморские палеографы обнаружили одну из старейших славянских книг за сто лет до ее научного открытия, а то, что они считали перевод X в. источником, имеющим доказательную силу.

Затерянные в лесах скиты, конечно, не могли организовать переводческую школу. Но в них хранили, читали и переписывали переводное наследие десяти столетий славянской письменности. Неправ будет тот, кто оставит без внимания этот своеобразный раздел русской литературы как малозначительный и лежащий в стороне от магистральной линии развития. Дело не только в том, что даже по официальным данным (явно заниженным) приверженцы дониконовского обряда составляли в начале XX в. более двух миллионов подданных Российской империи.¹⁸³ Важно то, что все эти два миллиона были поголовно грамотными и тем самым обеспечивали преемственность народной культуры. Неправ будет и тот, кто пройдет мимо писаний старообрядцев как подражательной литературы второго сорта. В период своего расцвета она создавала ценности, достойные стоять рядом с шедеврами древней словесности.

История переводной литературы Древней Руси не может обойтись без старообрядческой традиции, сохранившей многие из древних памятников. Если историю создания дополнить историей восприятия переводной литературы, к выделенным нами периодам придется добавить еще один — старообрядческий. Поскольку культурные традиции старообрядчества еще не забыты, этот период не закончился и в наши дни.

¹⁸² *Беляева О. К.* К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма.* С. 12—14.

¹⁸³ Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.). Изд. Департамента духовных дел Министерства внутренних дел. Б. м., б. г. С. 3.

Глава 2

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА: ЭПОХА ПЕТРА I

1

Русская культура начала XVIII в. осталась и, вероятно, останется единственным периодом новой истории, сохраняющим старую традицию наименования по имени царствующего монарха — Петровская эпоха. Дело не только в том, что личность преобразователя России лучше всего характеризует происходившие в культуре и литературе процессы. В изучении последующих эпох вполне естественно использование характеристик стилевых направлений или идейно-художественных течений (классицизм, просветительство или сентиментализм). С литературой начала века сложнее, ни одно из предлагавшихся ранее определений разного происхождения — ложноклассицизм, схоластическая литература, предклассицизм, панегирический стиль и даже наиболее приемлемое барокко — не охватывает всех явлений культуры и не раскрывает художественного своеобразия, а потому и не прижилось в литературной науке. Сочетание «Петровская эпоха» хотя и не дает стилиевой характеристики эпохи, позволяет сосредоточиться на стилистическом синкретизме всего периода и избежать неплодотворной дискуссии о термине.

Хронологически Петровская эпоха должна, казалось бы, охватывать период с 1689 г. (или даже с 1682 г.) по 1725 г.,¹ т. е. время царствования Петра I, но на практике под ней понимается период с 1700 по 1725 г., фактически включающий литературные явления до 1730 г. Очевидно, что «Петровская эпоха» — достаточно условное понятие, окончательно еще не получившее в литературной науке четкой и для всех убедительной характеристики. Неопределенность эпохи приводит к тому, что в академических историях русской литературы Петровская эпоха кроме традиционного рассмотрения может включать и 1690-е гг. или быть включенной в древний период

¹ См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958. (Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог). Между тем П. П. Пекарский открывает описание изданий того времени с 1698 г. (Наука и лит. Т. 2). Краткий библиографический обзор А. И. Соболевского включает и переводы 1730 г.: Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы // Сб. ОРЯС. 1908. Т. 84. № 3. С. 1—47. См. также: Описание изданий гражданской печати: 1708—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. В дополнительный выпуск включены также издания за 1725—1727 г., см.: Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Дополнения и приложения. Л., 1972. Названные работы суть основные источники сведений о переводной литературе периода.

истории литературы.² Термин «литература Петровской эпохи» не только позволяет обойти далеко не простой вопрос о хронологических рамках эпохи, в значительной степени он верно отражает основной пафос культурной деятельности Петра, который и в области литературы был реформатором.

Наиболее яркая характеристика культурного процесса в Петровскую эпоху принадлежит самому Петру I. В 1714 г. после спуска на воду нового военного корабля он произнес речь, в которой между прочим сказал: «Историки доказывают, что первый и начальный наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были они убежать и скрыться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти их не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего наук прехождения, как токмо циркуляциею или обращением крови по человеческом теле; да и кажется, я чувствую некоторое во сердце моем предуведение, что оные науки убогут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многие веки, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище».³

Эта речь стала популярна уже в XVIII в., ее неоднократно цитировали как русские писатели и историки, так и иностранные наблюдатели; в позднейшее время она стала непременным элементом характеристики Петровской эпохи,⁴ причем в некоторых ранних переказах к сравнению с «циркуляцией крови» добавлялось сравнение перехода наук с движением часовой стрелки по циферблату. Эти яркие, чисто барочные сравнения Петра I обрамляют одну из фундаментальных идей средневековой теории культуры, идею *translatio studii*, переноса знания, культурных ценностей. Эта идея была вовсе не чужда допетровской культуре,⁵ однако на рубеже XVII—XVIII вв. она актуализировалась (не без влияния Лейбница, у которого Петр позаимствовал ее)⁶ и затем прочно и надолго вошла в культурный обиход русской литературы. Тема «странствующих муз», одно из поэтических воплощений этой идеи, постоянна у Кантемира,⁷ а затем стала сквозной темой одического творчества Ломоносова.⁸

«Музы, богини свободных наук, нашли новый Геликон в московских пределах», — писали в 1705—1706 гг. иностранные газеты.⁹ Реализацией этой метафоры в Петровскую эпоху стали преобразо-

² См.: История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1: Литература X—XVIII вв. С. 385—406; История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 408—445.

³ Цит. по предисловию С. И. Писарева к кн.: *Тезауро Э.* Философия нравоучительная. СПб., 1764. Ч. 1. С. 3—4 нумер. Ср.: Трудолюбивый муравей. 1771. № 25. С. 199; *Голиков И.* Деяния Петра Великого. 2-е изд. М., 1838. Т. 5. С. 262.

⁴ См.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 249—250; *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 16; *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 386.

⁵ См.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 224—248.

⁶ См.: *Веселовский А.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд. М., 1916. С. 39.

⁷ См.: *Кантемир А.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 202, 207.

⁸ См.: *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век, сб. 14. Л., 1983. С. 27—35.

⁹ Цит. по: *Пекарский.* Наука и лит. Т. 1. С. 136.

ванная Славяно-греко-латинская академия и созданная Академия наук, сеть школ и училищ, кунсткамера, подъем книгопечатания и небывалый размах переводческой деятельности. Этот процесс, разумеется, вышел далеко за хронологические рамки петровского времени и охватил весь XVIII в., однако существенная роль в создании новой русской культуры принадлежит рубежу XVII—XVIII вв., когда стало очевидно, что усвоение достижений европейской культуры будет проходить в национальных формах, что вполне соответствовало духу европейской постренессансной науки.

Пафос небывалого новаторства эпохи осознавался не только Петром, но и современниками. Сенат при поднесении Петру титула императора в 1721 г. провозглашал: «Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество политических народов присовокуплены».¹⁰ Позднее эту же мысль повторил во второй сатире Кантемир, вспоминая

..... указы Петровы,
 Коими стали мы вдруг народ уже новый.¹¹

Конечно, и «тьма неведения» в решении Сената, и «вдруг» у Кантемира — преувеличения. Петр не был демиургом, и многие его деяния логически продолжали процессы, созревавшие в XVII в.,¹² но только при нем идея активного усвоения мировых культурных ценностей и борьба с обскурантизмом были ясно сформулированы. «Разумный есть и человек и народ, — писал Феофан Прокопович, — который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстает, чуждаго же и добраго принять не хочет».¹³

Словосочетание «переводная литература Петровской эпохи» справедливо еще и потому, что на любом этапе ее становления заметно непосредственное участие царя: Петр формировал репертуар переводов, заказывал переводы, причем не только в России, но и за границей — в Амстердаме и Праге, следил за ходом работы переводчиков и при надобности нещадно понукал их, он следил за языком переводов, их стилем, заставлял переделывать работу, и именно он решал, какой перевод печатать, а какой оставить в рукописном виде. Наконец, он и сам не гнушался трудом переводчика.¹⁴ Но тщательная забота и опека неизбежно налагали на переводную литературу свои ограничения: ее репертуар был жестко подчинен государственной необходимости, и как раз для художественной литературы в нем места не нашлось. Как бы далеко ни расходились подсчеты книговедов, относящих к «художественной литературе» от 3 до 83 изданий 1700—

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. С. 445.

¹¹ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 75.

¹² См.: Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990; Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. С. 382—387.

¹³ Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. СПб., 1722. Л. 44.

¹⁴ См.: Копанев Н. А. Петр I — переводчик // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII в. Л., 1989. С. 180—183. (XVIII век, сб. 16).

1727 г.,¹⁵ в любом случае на ее долю приходится не более 4% всей печатной продукции. Более пристрастный или придирчивый подсчет может изменить цифры, но вряд ли изменит картину в целом: художественная литература, в том числе переводная, не занимала Петра. Да, Петр заботился о переводах и в 1724 г. издал указ об обучении переводчиков, «а особливо для художественных» книг,¹⁶ в перечне «художеств» есть математика, медицина, анатомия, «милитерис и прочия тому подобныя», но нет «художества» словесного. Одно из первых употреблений слова «литература» связано как раз с Петром: Б. Волков назвал его «всекуриозный в литературе монарх».¹⁷ Но из контекста явствует, что Волков подразумевает научно-информативную литературу.¹⁸

В литературной политике Петр I разительно отличался от своего отца. При царе Алексее Михайловиче в Посольском приказе переводили для него преимущественно сочинения художественные: повести, пьесы, исторические сочинения,¹⁹ и лишь с 1690-х гг., т. е. уже при Петре, появляются в большом количестве переводы «огнестрельных» и прочих книг по практическим знаниям.²⁰ Несомненно, что на переводной репертуар начала века оказало влияние равнодушие Петра к художественному вымыслу, причем «художественные излишества» в переводных технических книгах даже раздражали его. В 1724 г. он отредактировал перевод с немецкого трактата по ведению сельского хозяйства и вернул его переводчикам с характерным наставлением: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора переводить не надлежит, но и вышереченный разговор чтоб не прадной ради красоты».²¹

Но позиция царя не была исключительной. Неприятие вымысла, «басней» было свойственно и самим писателям: от рубежа веков сохранились отзывы, как бы предваряющие полемику о романе середины XVIII в. Еще в 1688 г. монах Феофан писал в предисловии к анонимному испанскому трактату «Десидерий, или Стезя к любви божей» («Desideriosus abo Ścieżka do miłości bożej»), переведенному с польского: «Даждь же, Боже, христианом всем паче таковых чтение любити, а не суесловия, зверинцы и басни, паче же вредная и пагубная писания человекво плотских, мирских или еретиков развращен-

¹⁵ См.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 86, 96; Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800. Princeton, 1985. P. 25.

¹⁶ См.: Полное собрание законов. Т. 7. С. 217.

¹⁷ Материалы и оригиналы «Ведомостей». 1702—1727 / Описал В. Погорелов. М., 1903. С. 61.

¹⁸ Ср.: Быстрова Е. А. Термины «литература», «словесность» и «письменность» // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 106—113.

¹⁹ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244.

²⁰ См.: Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

²¹ Пекарский. Наука и лит. Т. 1. С. 214.

ных и хитрословесных, их же нецьи не хотят из рук испускати, и от того, аще что есть благочестно, благоговейно и спасено, тем они гнушаются».²² Федор Поликарпов в предисловии к «Букварю» (1701) успокаивал читателя: «Не Есопа фригийскаго зде смехотворныя узрите басни, типографско зрими, но обрящете себе предложен степенный в небо восход».²³ И прямо против романов высказался дипломат, негодник и переводчик Савва Владиславич-Рагузинский в предисловии к переводу 1722 г. «Советов премудрости, или Собрания определений Соломоновых, которая человеку, дабы в поступках своих содержал разумно, вельми суть полезны» Мишеля Буто: «Не Есоповы фабулы, или магометанские рассказы, или другие какие романцы в ней обрящещи, но самые святополитичные поступки для исправления совести, духа или ума, сердца и страстей, да и языка».²⁴ И. Г. Паузе в «Книге о воспитании дочерей» осуждает «злоученую и бездельную» девицу, которая «хотела бы жити образом высокоумных княжн, котория в люботворных повестях присно любимыя, поклонятельныя и над всеми вознесенны суть».²⁵

Очевидно, что у монаха Феофана и Петра I были различные причины неприятия «романцов» и «басней» (последние подразумевали не столько литературный жанр, сколько вымысел, выдумку и даже ложь),²⁶ однако внешнее сходство позиций было тем более губительно для беллетристики (в том числе переводной); другими словами, отверглось познавательное значение литературного вымысла.

При формировании книжного репертуара Петр менее всего, конечно, руководствовался собственными литературными пристрастиями.²⁷ Вероятно, первоначально у него была лишь самая общая программа «призвания муз» в Россию и создания «регулярного государства». Образцы же такого государства надо было искать, поэтому Петровская эпоха — это не столько смена культурных ориентиров, сколько их поиск, зачастую беспорядочный и стихийный. Попадая в Россию, иностранные книги как бы теряли свой национальный облик. Так, трактат Д. Локка о государстве перевели с латыни, «Метаморфозы» Овидия с польского, «О подражании Христу» Фомы Кемпийского — с французского. Замечателен путь книги Поля Рико «Монархия турецкая», относящейся к 1710-м гг. Перевод был издан в 1741 г. с указанием на титульном листе, что переведено с польского, в действительности это перевод с итальянского, который был выполнен с французского перевода английского оригинала.²⁸ А «Гюлистан» Саади был переведен около 1704 г. с немецкого перевода под заглавием «Персидский крынный дол, в котором много веселых и приятных историй» («Persianisches

²² Десидерий, или Стезя к любви божией. СПб., 1785. С. 4 нумер.

²³ Букварь славенскими, греческими, римскими письмены. М., 1701. Л. 5.

²⁴ Цит. по: Пекарский. Наука и лит. Т. 1. С. 254.

²⁵ Цит. по: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 184.

²⁶ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 77—79.

²⁷ См.: Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // XVIII век, сб. 9. Л., 1974. С. 5—49.

²⁸ См.: Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Рус. лит. 1988. № 1. С. 164—166.

Rosenthal»).²⁹ Эти и многие другие подобные примеры своеобразно характеризуют отсутствие в литературе и культуре какого-либо одного влияния, похожего на полонофильство второй половины XVII в. или галломанию конца XVIII в. Сам Петр I и его сотрудники как раз и искали культурные ориентиры. Этим поискам соответствует и история переодеваний в европейское платье; один за другим выходят царские указы: в 1700 г. предписано носить венгерское платье, в 1701 — немецкое, в 1704 — саксонское и немецкое. Вместо одной общепринятой ксеномании был поиск и почти декларативный плюрализм вкусов, причем необыкновенно толерантный. Петр I, как выразился К. С. Аксаков, «обличил и поразила односторонность».³⁰

В переводной литературе — в связи с первоочередными нуждами — это коснулось практики, теории и истории государства. В короткое время были переведены современные «статьи», «артикулы» и законоположения европейских государств. Это были документальные материалы для очень узкого круга, которые учитывались в процессе отечественного законодательства.³¹

Хронологический охват европейских сочинений по теории государственного устройства был значительно шире и включал эпоху Возрождения, однако в центре внимания оказались правоведы XVII в., создатели теории «естественного права» — С. Пуфендорф и Г. Гроций.³² Особенно повезло Пуфендорфу. В 1718 г. вышло в переводе Гавриила Бужинского и в 1723 г. было переиздано «Введение в историю европейскую» («Introductio ad historiam europaeam»); в 1721—1724 г. по указу Петра I Иосиф Кречетовский перевел второй его знаменитый труд «О должности человека и гражданина по закону естественному» («De officio hominis et civis juxta legem naturalem»), изданный в 1726 г. Два других перевода были выполнены в Киеве по заказу кн. Д. М. Голицына и сохранились среди рукописей его библиотеки: «О состоянии немецкого государства» («De statu imperii germanici»)³³ и «О законах естества и народов» («De jure naturae et gentium»)³⁴. Из сочинений Г. Гроция был переведен самый знаменитый его труд «De jure belli et pacis» (1625), причем дважды: И. Г. Паузе перевел отрывок, назвав его «О правде войны и мира»,³⁵ а полностью перевел студент киевской академии Ороновский по заказу кн. Д. М. Голицына под другим заглавием «О законах брани и мира».³⁶ Эти книги переводились не только для просвещения и обучения (чтение Пуфендорфа Петр еще ранее включил в программу обучения царевича Алексея), но и для выработки отечественных за-

²⁹ См.: *Азволинская И.* О датировке первого русского перевода «Гюлистана» Саади // Материалы научной конференции студентов филологического факультета ЛГУ. Л., 1972. С. 31—33.

³⁰ *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1982. С. 31.

³¹ См.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 47—77; Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. *Е. И. Боброва*. Л., 1978. С. 41. (№ 190), 50 (№ 267, 268).

³² Перевести труды Пуфендорфа советовал Петру еще в 1700 г. Г. В. Лудольф, см.: *Tetzner J. H. W.* Ludolf und Russland. Berlin, 1955. S. 55.

³³ ГПБ. Ф. II. 64.

³⁴ ГПБ. Ф. II. 26.

³⁵ БРАН. 26.3.31.

³⁶ ГПБ. Ф. II. 36.

конов, в частности, на идеях выдающихся правоведов основаны как «Духовный регламент»,³⁷ так и «Правда воли монаршей».³⁸ В последней Феофан Прокопович прямо ссылается на то, что пишет «Гугон Гротий, славный законоучитель в премудром своем рассуждении о правде мира и войны».³⁹ Если к этим монументальным трудам добавить перевод одного из «Двух трактатов об управлении государством» (1690) Джона Локка, сделанный с латинского перевода и сохранившийся в трех списках под заглавием «Правление гражданское, о его истинном начале и его власти, и ради чего»,⁴⁰ то станет очевидно, что в теории создания государства сподвижники Петра были знакомы с новейшими доктринами.

Помимо теоретических трудов по устройению государства при Петре появился и ряд переводов более практических наставлений и руководств для правителя. По прямому указанию Петра Феофан Прокопович около 1710 г. перевел с латыни «Изображение христиано-политического властелина» («*Idea principis christiano-politici, 101 symbolis expressa*») испанского дипломата Диего де Сааведра Фахардо.⁴¹ В 1708 г. Иоанн Максимович издал в Чернигове «Феатрон, или Позор нравоучительный царем, князем, владыком и всем спасительный» без указаний на то, что это перевод морально-политических наставлений папского каноника и профессора богословия Амвросия Марлиана («*Theatrum politicum*»)⁴² Католический теолог настойчиво подчеркивал, что соблюдение заповедей божиих — главное условие государственной жизни, и это, конечно, резко отличало книгу от сочинений сторонников естественного права. В 1721 г. монах Симон Кохановский перевел с латыни «Увещения и приклады политические» («*Politicorum libri IV*»)⁴³ голландского филолога Юста Липсия. Автор выбрал из древней истории «приклады» (т. е. примеры) образцового поведения властителей.

Кроме образцов римских добродетелей, в Россию попали биографии и труды политиков новейшего времени. Так, в 1725 г. появился перевод с французского известного «Политического завещания» («*Testament politique*») кардинала Ришелье,⁴⁴ в предисловии к которому переводчик восклицал: «Какой был ум оного кардинала! Государствами чужими тряс! В своем государстве все дела един управляя».⁴⁵ Возможно, перевод появился не без участия Петра, который чтит Ришелье. По преданию, он, будучи во Франции, обнял

³⁷ См.: *Темниковский Е. Н.* Один из источников «Духовного регламента» // Сб. Харьковского историко-филологического общества. 1909. Т. 18. С. 524—534.

³⁸ См.: *Гурвич Т.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича. Юрьев, 1915.

³⁹ *Феофан Прокопович.* Правда воли монаршей. Л. 6.

⁴⁰ ГПБ. Ф. II. 41; ЦГАДА. Ф. 181. № 194; ГБЛ. Ф. 178. № 1621.

⁴¹ ГПБ. Ф. II. 67. Это второй перевод книги, впервые она была переведена с немецкого в конце XVII в. Вероятно, Петр не знал об этом.

⁴² Источник указан в кн.: *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры. С. 87—92.

⁴³ ГПБ. Ф. II. 48. Сохранилось несколько списков перевода в двух редакциях.

⁴⁴ См.: *Шаркова И. С.* Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 371—374.

⁴⁵ Цит. по: *Николаева М.* «Предисловие» к петровскому переводу «Тестамент политический» кардинала Ришелье // *Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego uniwersytetu Gdańskiego: Filologia rosyjska.* 1973. No. 3. S. 12.

его статую и сказал: «Великий муж, если бы ты был еще жив, я бы отдал тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другою половиною». ⁴⁶

Ранее завещания Ришелье, в 1709 г., появилось в рукописи руководство другого французского кардинала, Джулио Мазарини — «Краткая книжица политических обходительных поступков». В ней собрана не столько политическая мудрость, сколько житейская, своеобразное «уменье жить» с такими советами: «Со всяким, хотя и надежнейшим приятелем так поступай, если бы он впредь имел быть тебе неприятель», «Все знай, а редко кому открывай; всем себя приятеля оказуй, а ни с кем весьма открыто не поступай», «Помни, яко ничто так на свете бедственно не бывает, как простая правда», «Мало потребных дела не сам, но чрез людей делай и о них не говори», «Когда ты при столе сидишь, пишешь или читаешь, то б пред той же зеркало было, дабы ты мог видеть, что позади тебя чинится». ⁴⁷

Имена Ришелье и Мазарини как синонимы государственного ума, а также коварства справедливо соединил Кантемир, вложив в уста Дворянина следующий отзыв об отце (ранняя редакция 2-й сатиры):

В гражданском правлении, ей, был не последен —
Ришелье и Мазарин пред ним в делах беден.

В примечаниях же Кантемир оговорился, что книги Мазарини «не в малой похвале у политиков имеются, только не весьма в своих максимах благочестив и правосудлив». ⁴⁸

С афоризмами Мазарини перекликаются, хоть и без столь яркого мизантропизма, максимы польского моралиста А. М. Фредро, чье «Наставление нравоучительное или моральное, како подобает жить со немногим народом без повреждения его силы, и любви, и чести» («*Monita politico-moralia*») переведено с латыни. ⁴⁹

Есть основания полагать, что к петровскому времени относится несохранившийся перевод «Книги Махиавелевой», которая была изъята у кн. Д. М. Голицына в 1737 г. ⁵⁰ Вероятно, это был перевод знаменитого трактата «Государь». Любопытно, что имя Н. Макиавелли появилось в русской печати уже в 1704 г. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии» Иосифа Туробойского в описании одной из картин на триумфальных воротах сказано, что рядом с изображением Неправедного Властолюбия «стоит Махиавел — лукавый советник; муж сед, на главе имеяй шляпу — знамение чести советнической, и минуту часовую, всегда движущуюся — знамение непрестанных друговредительных мыслей и промыслов. Верхняя одежда, сану сенаторскому (сиречь боярскому) в инных странах носити обыкновенна, под нею же укрывается лисия и волчая одежда, знамение хитрости и вредительства. На двух аспидах вместо цепочки висит сердце, верхнюю частию внизу висящее, знамение развращенного серд-

⁴⁶ Цит. по: Шаркова И. С. Первый русский перевод. С. 374.

⁴⁷ БРАН. 16.9.24. Л. 29 об., 31 об., 73, 73 об., 75.

⁴⁸ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 371, 506.

⁴⁹ ГПБ. Ф. III. 8.

⁵⁰ См.: Забелин И. Е. Материалы для русского индекса «*Librorum prohibitorum*» (Переписка о книгах Д. М. Голицына Махиавелевой и Бокалиновой) // Библиографические записки. 1861. № 11. С. 319—324.

ца. В правой руке держит свиток, в нем же написано: „Кленися, клятву преступи, елижды случай требует“.⁵¹

Переводная литература учила, разумеется, не только политическому коварству. Поведению при дворе наставляли «Политического счастья ковач» («Schmide des politisches Glücks») Х. Г. фон Бесселя или «Разговоры краткие о вежливстве, обретающемся между людьми» (источник не установлен).⁵² Для воспитания детей был вновь переведен в 1706 г. И. Г. Паузе трактат Эразма Роттердамского «Златая книжица о гоении нрав» («De civilitate morum»),⁵³ некоторые положения которого вошли в знаменитую компиляцию «Юности честное зеркало» (1-е изд. — 1717).

Давно уже отмечено, что «новизна Петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации».⁵⁴ В полной мере это относится и к идее русского государства: «В начале XVII в. она была скорее религиозной, чем светской; в начале XVIII в. она становится скорее светской, чем религиозной».⁵⁵ Петр и его ближайшее окружение познакомились в переводах с разными светскими по духу доктринами государственного устройства в широком диапазоне: от республики до абсолютной монархии (через монархию конституционную, сторонником которой был, в частности, Д. Локк). Все эти сочинения сохранились в единичных списках, распространения не имели и для него не предназначались. Преимущественно читала их высшая аристократия, например, весь репертуар был превосходно подобран в библиотеке кн. Д. М. Голицына.⁵⁶ Большим любителем переводов первой четверти XVIII в. был и А. П. Волынский; у обоих, кстати, некоторые переводы изымались, а чтение их вменялось в вину.

Если политическая литература переводилась для узкого круга, то за распространением исторических знаний Петр внимательно следил. Первой книгой, напечатанной Яном Тессингом в Амстердаме, стало «Введение краткое во всякую историю» (1699) И. Копиевского. В 1718 г. вышло упоминавшееся «Введение в историю европейскую» Пуфендорфа, в следующем году — «Деяния церковные и гражданские» кардинала Цезаря Барония (перевод с сокращенной польской обработки Петра Скарги «Roczne dzieje kościelne»); в 1724 г. — «Феатрон, или Позор исторический, изъявляющий повсюдную историю священного писания и гражданскую» («Theatrum

⁵¹ Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 157—158.

⁵² См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. С. 29—30.

⁵³ См.: *Алексеев М. П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // *Славянская филология*. М., 1958. Т. 1. С. 325—328. В 1717 г. напечатаны «Разговоры дружеские» — школьная обработка известного сочинения Эразма «Colloquia familiaria». В библиотеке Петра I была рукопись (не сохранилась) под названием «Арагма Роттердама разговор, нарицаемый мертвец, беседующие персон Фомы да Анзелми», возможно, это «Заклиание беса, или Привидение» (см.: Библиотека Петра I. С. 53).

⁵⁴ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 82.

⁵⁵ *Лаппо-Данишевский А. С.* Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // *Голос минувшего*. 1914. № 12. С. 5.

⁵⁶ См.: *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* К истории архангельской библиотеки Д. М. Голицына // *Археографический ежегодник за 1978 г.* М., 1979. С. 238—253.

historicum») В. Стратемана. Всем переводам предпосланы рассуждения о пользе изучения истории не только для правителей, но и для каждого человека. Гавриил Бужинский в предисловии к «Введению» Пуфендорфа подчеркивал, что автор показал, как каждый народ «после темного варварства и непросвещенного невежества <...> светом учения просветился». ⁵⁷ К этой группе переводов относится и проникнутая панславянской восторженностью (в ущерб исторической действительности) «Книга историография начатия имене, славы и расширения народа славенского» («Il regno degli slavi») Мауро Орбини, изданная в 1722 г. в сокращенном переводе Саввы Владиславича-Рагузинского. ⁵⁸

Помимо трудов нового времени были переведены сочинения классиков историографии. В 1716 г. учителя черниговской коллегии завершили грандиозный труд — перевод «Истории» («Ab urbe condita libri») Тита Ливия. ⁵⁹ В мае 1722 г. перевод был отдан в печать, но издание не было осуществлено, так как «зело неисправный перевод» потребовал бы, по мнению Синода, «ко исправлению и труда многого и времени довольного». ⁶⁰ С польского языка в 1704 г. перевели эпитому Ливия Юлия Флора «О начатии и действованиях народу римскаго» («О początku i dziejach narodu rzymskiego»). ⁶¹ В 1707 г. А. Бодаковский перевел фрагмент из «Иудейской войны» Иосифа Флавия, изданный в 1713 г. в книге «История о разорении последнем св. града Иерусалима от римскаго цесаря Тита, сына Веспасианова». ⁶²

В 1711 г. появилось в печати «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых» («Le parfait capitaine») Анри де Роана — бледное отражение «Записок о Гальской войне» Юлия Цезаря. Но в 1724 г. Петр I поручил Синоду перевести с латыни «Июлия кесаря дел описание», ⁶³ вероятно, речь шла об оригинальном тексте «Записок». В том же году синодальный переводчик Ф. Анохин перевел четыре книги, но и этот перевод не был издан и не сохранился. ⁶⁴

Дважды была переведена книга Квинта Курция Руфа об Александре Македонском «De rebus gestis Alexandri Magni»: анонимный перевод вышел в 1709 г., а перевод И. Копиевского сохранился в автографе. ⁶⁵

Из больших трудов должен быть отмечен перевод 1725 г. с латыни А. Д. Кантемира «Хроники» византийского историка XII в. Константина Манассии, известной на Руси с XVI в. в переводе с греческого. ⁶⁶ Это был первый перевод будущего знаменитого сатирика.

⁵⁷ Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С. 4.

⁵⁸ См.: Делья Агата Д. Русский перевод «Царства славян» Мауро Орбини // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 58—68.

⁵⁹ Гос. Исторический музей. Синодальное собр. № 295—299.

⁶⁰ Пекарский. Наука и лит. Т. 1. С. 219.

⁶¹ ГПБ. Q.IV.92.

⁶² Дата перевода и имя переводчика указаны в наборной рукописи: ЦГАДА. Ф. 381. № 468. Л. 1.

⁶³ Пекарский. Наука и лит. Т. 1. С. 332.

⁶⁴ См.: Словарь писателей. С. 29.

⁶⁵ БРАН. П. I. Б 81. О переводах Копиевского см.: Nowak Z. Eliazs Kopyjewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego Oświeceniа // Libri gedanenses. Gdańsk, 1970. S. 35—85.

⁶⁶ ГПБ. Q.IV.25.

Переводы из древней истории делались не только в угоду природной человеческой любознательности. Симон Кохановский предпослал переводу «Увещаний и прикладов политических» Юста Липсия свою «Похвалу истории», в которой писал: «Полезна есть всякая история не токмо на высоком достоинстве сидящим и государственные дела управляющим, но и тем, которые кроме единого дому своего или кроме единого себе более отнюдь не имеют что управлять». ⁶⁷ Польза эта происходит от того, что история дает образцы поведения, достойные подражания. Для Европы уже давно источником таких образцов стала античная литература. Необычайно возрос интерес к античной литературе и в России при Петре I. Достаточно сказать, что в первой четверти XVIII в. античных памятников было переведено больше, чем за все предшествующие столетия. Кроме уже названных, появился в 1705 г. перевод И. Г. Паузе сборника жизнеописаний Корнелия Непота; ⁶⁸ «Приклады, памяти достойные» («O dziejach i powieściach ramięci godnych») Валерия Максима, переведенные с польского; ⁶⁹ «Энхиридион» Эпиктета в переводе 1722 г.; ⁷⁰ «Дска о правом состоянии жизни человеческия» — перевод знаменитой «Картины» (или «Таблицы») Кебета, выполненный А. Барсовым в 1720 г. ⁷¹ В 1707 г. братьям Лихудам было передано для перевода какое-то сочинение «Риза римских добродетелей Энея», но был ли окончен перевод, неизвестно. ⁷² Несколько раз при Петре были напечатаны «Апофегматы» Б. Будного (1711, 1712, 1716, 1723) — афоризмы царей и философов Греции и Рима. Сборник Будного на рубеже XVII—XVIII вв. трижды переводился с польского. ⁷³ Дважды с польского были переведены «Метаморфозы» Овидия, и один из переводов был уже подготовлен к печати, но это издание не увидело света. Переводы были прозаические, подробно прокомментированные, т. е. творение Овидия воспринималось не столько как поэтическое, сколько энциклопедический свод по античной мифологии. ⁷⁴

Введение античности в русскую культуру носило у Петра целенаправленный характер, это была цивилизаторская программа секуляризации культурного обихода. Подробно она изложена в предисловии к книге «Аполлодора грамматика афинейского Библиотеки, или О богах» (1725). Там говорится, что Петр, «услышав о сем авторе Аполлодоре, возжелал обрести его, и обретенного на еллинском диалекте купно с переводом латинским, повелел на

⁶⁷ ГПБ. Ф. II. 5. Л. 5.

⁶⁸ БРАН. 1. 2. 2.

⁶⁹ ГПБ. Ф. IV. 206.

⁷⁰ ГПБ. Ф. 487, собр. Михайловского. Q. 226. Вероятно, это перевод И. Ильинского, считающийся утраченным.

⁷¹ ГБЛ. Ф. 299, собр. Тихонравова. № 204.

⁷² См.: Чистович И. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль. С. 124.

⁷³ См.: Matek E. Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego // Studia filologiczne WSP w Bydgoszczy. Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1978. Zesz. 4. S. 7—23.

⁷⁴ См.: Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи. С. 162—164. Миф о Дафне по одному из переводов опубликован в кн.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII—первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 144—148.

русский наш язык перевести и напечатать.⁷⁵ Вина же того не простое его величества любопытство было, но с намерением великой в народе нашем пользы: понеже бо апостол духом святым изрече, что любящим бога вся споспешествуют во благое. То и языческая аще и ложная и суеверная писания может боголюбивый христианин обратить себе к созиданию».⁷⁶ Далее на десяти страницах Феофан Прокопович подробно объясняет пользу чтения «книг еллинских» и, главное, то, что излагаемые там истины не противоречат христианской доктрине. Барочная по природе идея смешения христианского пантеона и языческого Олимпа столкнулась в России и с явным неодобрением, поскольку в восхвалении римских добродетелей можно было увидеть (и совершенно справедливо) попытку оттеснить в общественном сознании образцы христианских подвижников, т. е. антикизация культуры могла показаться покушением на права религии.⁷⁷ Даже вполне просвещенный М. П. Аврамов в челобитной императрице Елизавете Петровне писал, что, в бытность свою при Петре I директором петербургской типографии, он просил «у его величества новопереведенных и его величеству от некоторых якобы разумных людей поднесенных Овидиевых и Виргилиевых языческих книжичищ для прочтения и ведения из них о языческих фабулах. И по моему прошению, тотчас мне оные книги изволил его величество пожаловать, которые я читал денно и ношно с прилежанием и охотою, и чтанием их обезумился».⁷⁸ Не случайно и то обстоятельство, что списки переводов античных памятников все же немногочисленны и принадлежат по большей части культурной элите эпохи.

Лишь отдельные переводы из античной литературы не связаны с темой истории или морали, например, басни Эзопа («Притчи Эсоповы») в переводе И. Копиевского, изданные в Амстердаме вместе с «Батрахомиомахией» («Гомерова брань, или Бой жаб или лягушек, и мышей») и переизданные с изменениями в России в 1712 и 1717 гг. Но басни Эзопа издавна входили в школьный канон, и перевод их был напечатан параллельно с латинским текстом для обучения латыни.⁷⁹

Хотя беллетристика в целом чужда Петровской эпохе, это не значит, что вовсе не перевели романы и повестей. В 1724 г. А. Ф. Хрушев перевел знаменитый роман Ф. Фенелона «Похождения Телемака» («Les aventures de Télémaque»), распространенный в списках и изданный только в 1747 г.⁸⁰ Книга, сочетавшая в себе роман государственно-политический и роман воспитания, изображала идеального просвещенного монарха. Просветительские тенденции романа обеспечили ему долгую славу в России, он издавался несколь-

⁷⁵ Что и было выполнено с небывалой скоростью: указ о переводе дан 24 декабря 1722 г., а 18 февраля 1723 г. перевод был представлен в Синод, см.: Описание документов и дел Синода. СПб., 1878. Т. 2, ч. 2. Стб. 644—645.

⁷⁶ Аполлодора грамматика афинской Библиотеки, или О богах. М., 1725. С. 3—4.

⁷⁷ Ср.: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 204—285.

⁷⁸ Цит. по: Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 262.

⁷⁹ См.: Полторацкая М. А. Язык переводов Петровской эпохи. Басни Эзопа // Уч. зап. Ростовский-на-Дону гос. пед. институт. Ростов-на-Дону, 1938. Т. 1. С. 62—105.

⁸⁰ Об атрибуции и датировке перевода см.: Орлов А. С. «Телемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 11—15; Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников. С. 167—172. См. также ниже. С. 116—118.

ко раз в разных переводах. Примечательно, что годом ранее на русский было переведено с немецкого подражание Фенелону — «О изгнанном римлянце Эвксимусе, статский роман с образца французского Телемака».⁸¹

В 1725 г. появился еще один знаменитый политический роман XVII в. — «Аргенида» («Argenis») Д. Баркляя, переведенная с латыни В. К. Третьяковским, тогда студентом Славяно-греко-латинской академии.⁸² Вскоре Третьяковский утратил свою рукопись, но он так высоко ценил роман, что спустя четверть века вновь перевел его и издал в 1751 г.

Романы Фенелона и Баркляя, не только идеализирующие абсолютизм, но и предупреждающие о грозящих ему опасностях (с одной стороны, тирания, с другой — интриги аристократии), в художественной форме развивали те же политические идеи, которые разрабатывали в ученых трактатах Пуфендорф и другие правоведы.

С 1720-х гг. в русской литературе стал популяризоваться жанр «разговоров в царстве мертвых». Одним из первых стал разговор «Между генерал-лейтенантом Яганом Рейнголт фон Паткулем и между бароном Георгом Гендриком фон Герцом».⁸³ К жанру «разговоров», можно отнести и «Парнасские ведомости» («De Raguagli di Ragnasso») итальянского сатирика Т. Боккалини, переведенные переводчиком коллегии иностранных дел А. Васильевым. В центре этой литературно-критической сатиры⁸⁴ (антимонархической по духу) оказался разбор поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», автора которой Аполлон защищает от нападок критиков. В России было переведено и продолжение сатиры — «Камень опыта политического» («Pietra del paragone politico»)⁸⁵.

К диалогической литературе относятся «Розмовы или беседы двух мудрых персон» («Rozmowy Artaxesa i Ewandra») польского поэта и драматурга С. Х. Любомирского. Изысканные беседы в саду королевского дворца двух аристократов на самые разные темы — о власти, о чести, о душе, литературном стиле и пр. — были переведены в 1720-х гг. с незначительными сокращениями.⁸⁶

Фабульной прозы с любовно-авантюрным сюжетом не было, лишь отчасти этот жанр представлен французским любовно-авантюрным романом в стихах (более 3600 строк) XV в. «История о Париже и Вене» («Paris et Vienn»), переведенным стихами же с итальянского перевода в 1710-х гг.⁸⁷ В 1720-х гг. появилась «Повесть о Лукиановом

⁸¹ См.: Пыпин. С. 66.

⁸² См.: Николаев С. И. Ранний Третьяковский (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Рус. лит. 1987. № 2. С. 93—99 (см. также ниже. С. 118—119).

⁸³ См.: Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи. С. 13—14; *Marcialis N. Caronte e Caterina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo.* Roma, 1989. P. 250.

⁸⁴ См.: Голенищев-Кутузов И. Н. Романские литературы. М., 1975. С. 278—279; Костюкович Е. А. «Парнасские суды» в итальянской литературной полемике 1610—1650-х гг. // Литература в контексте культуры. М., 1986. С. 114—127.

⁸⁵ ГПБ. F.XV.22.

⁸⁶ См.: Николаев С. И. Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 118—129.

⁸⁷ См.: История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени / Приготовил к изданию Н. Н. Виноградов. СПб. 1913; *Schreiber E. Der Ritterroman von Paris und Vienna in Russland zu Anfang des 18. Jahrhunderts.* Berlin, 1932.

осле» — перевод с латинского известной новеллы Лукиана «Лукий, или Осел»,⁸⁸ переведенной в значительной мере разговорным языком, несколько испорченным латинизированным синтаксисом.

Вовсе на периферии переводной литературы оказались европейские религиозно-моралистические и мистические трактаты, которые стали переводиться с конца XVII в. В 1708 г. митрополит Иоанн Максимович издал без ссылки на оригинал «Богомыслие в пользу правоверным» («Meditationes sacrae») немецкого теолога И. Гергарда.⁸⁹ Позднее в книге была усмотрена «многая люторская противность», и она была запрещена в 1720 г., что, впрочем, не помешало появлению нового перевода в 1783 г. Переводчик Фенелона А. Ф. Хрущев в 1719 г., будучи в Амстердаме, перевел самый знаменитый мистический трактат средневековья «Утешение духовное, или О следовании Иисусу Христу» («De imitatione Christi») Фомы Кемпийского. Показательны причины, подвигнувшие переводчика на труд: «Первая причина: должность моя служить отечеству, потому что всяк человек родится не ради самого себе, но в пользу и на службу всем. Другая причина, что сия книга не только переведена на все языки европейския <...> но и варвары на своем языке имеют и почитают лучше всех своих книг духовных <...> Третья причина следует из первых двух, что видя оную книгу всякому христианину полезную на всех языках и во всех верах, не хотел быти рабом непотребным и скрыти в землю данный мне талант от Бога, но похотел употребить его в пользу всем людем и видеть сию книгу на нашем славенороссийском языке».⁹⁰

Мысли, высказанные Хрущевым в предисловии к мистическому трактату, т. е. произведению, не относящемуся к основной проблематике переводной литературы петровского времени, свидетельствуют о сложившейся новой концепции труда переводчика. Даже в области душеполезной литературы мы сталкиваемся с понятием «служба отечеству», которую характеризуют «ревность» о переводе книг, имеющих у «многих народов», и убеждение в достоинстве и культурном престиже русского языка.

Итак, для переводной прозы Петровской эпохи характерны прежде всего поиски новых художественных форм, попытки усвоения непривычных жанров. Результаты этого труда сказались позднее и современникам были почти неизвестны. В массовой же рукописной книжности первой четверти века распространялись переводы второй половины XVII в., создавались их новые редакции и переделки,⁹¹ был напечатан и сделанный еще в 1674 г. А. А. Виниусом перевод с немецкого сборника басен «Зрелище жития человеческого» (1712).

⁸⁸ См.: Николаев С. И. «Повесть о Лукиановом осле» в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи // XVIII век, сб. 17. СПб., 1991. С. 135—159.

⁸⁹ См.: Пекарский П. Известия о русском переводе одной лютеранской книги во времена Петра I // Зап. имп. АН. 1864. Т. 5. С. 57—61.

⁹⁰ ГПБ. Соловецкое собр. № 1130/1240. Л. 2—3 об.

⁹¹ См.: Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 164—174; Matek E. Zum Problem der Aneignung von Sujets und Genres der westeuropäischen Erzählprosa in Russland vom Ende des 17. bis zum ersten Drittel des 18. Jahrhunderts // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen. Wiesbaden, 1987. S. 119—132.

Об отношении читателей к новой переводной прозе можно судить и по таким фактам. «История о Париже и Вене» удачно вписывается как раз в репертуар переводных рыцарских романов XVII в. Воспитанные на этом репертуаре книжники признали ее, и уже во второй половине 1720-х гг. «История» была использована при создании «Повести о Францеле Венециане».⁹² А вот проблематика «Парнасских ведомостей» Боккалини была и чужда и непонятна, в одном из сборников текст перевода обрывается на полуслове, и дальше читается популярнейшая повесть XVII в. об Аполлонии Тирском.⁹³ В дальнейшем разрыв между элитарной и массовой литературой будет увеличиваться еще больше.

2

Во второй половине XVII в. в России существовали две концепции перевода, выработанные на практике переводов Священного писания и представлявшие крайние позиции. С одной стороны, это была теория пословного перевода. В конце века ее теоретически обосновал и яростно защищал крупный практик и незаурядный филолог Евфимий Чудовский, подчеркивая, «яко подобает истинно преводити <...> от слова до слова и ничто разума и речений многотрудноумышленных святыми отцы пременяя».⁹⁴ Противоположная точка зрения лучше всего выражена Симеоном Полоцким в «Жезле правления» (1667): «Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум и речение преводит неложно, ничесо же оставляя».⁹⁵

Концепция Симеона Полоцкого, ориентированная на взгляды классических авторов и теоретиков Возрождения, наиболее соответствовала культурным потребностям времени, но по ряду обстоятельств на Московском Печатном дворе, который и в первой четверти XVIII в. был законодателем официальных литературных вкусов, владела теория «от слова до слова». Несколько позднее она и тут подверглась критике. Директор Печатного двора Ф. Поликарпов в 1723 г. говорил об одной книге Епифания Славинецкого, учителя Евфимия Чудовского, что она «преведена необыкновенною славянщиною, паче же рещи еллинизмом и за тем о ней мнози недоумевают и отбегают».⁹⁶

На какую из двух концепций, выработанных для перевода богословских трудов, могли ориентироваться переводчики «политических дискурсов» в первой четверти XVIII в.? Очевидно, что концепция Симеона Полоцкого больше импонировала духу их деятельности, чем жесткая теория Евфимия. Однако при сложившейся в переводной литературе петровского времени ситуации, когда в Россию хлынул

⁹² См.: Howells D. L. L. The Origins of «Frantsel' Ventsian» and «Parizh i Vena» // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1986. Vol. 19. P. 29—45.

⁹³ См.: ГПБ. Софийское собр. № 1572.

⁹⁴ Цит. по: Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

С. 42.
⁹⁵ Там же. С. 53.

⁹⁶ Цит. по: Соболевский. С. 289.

поток новолатинской литературы, последовательное проведение обеих концепций давало бы в результате перевод стилистически невразумительный. Дело в том, что к XVIII в. новолатинские авторы выработали изощренный, отточенный стиль, ставивший в тупик и обескураживавший русских переводчиков. В предисловиях к переводам они пространно рассуждают о «темности и стропотности» стиля оригинала и о невозможности перевода «обоюдных и неудобь домыслимых мест». ⁹⁷ Совсем критически высказался А. А. Виниус о стиле одного трактата по механике: «Автор сего трактата писал зело сокращенно и прикрыто, не толико зря пользу людскую, елико на сублильность своего философского письма». ⁹⁸

Рассуждения переводчиков об «авторовом штиле» не носили отвлеченного характера, а преследовали узко практические цели. Петр I, вникавший во все мелочи книжного дела, требовал «переводить внятно и хорошим стилем» ⁹⁹ и заставлял перевести вновь то, что было «смятно переведено». ¹⁰⁰

Симон Кохановский, охарактеризовав стиль книги «Увещения и приклады политические» знаменитого нидерландского филолога и выдающегося латиниста конца XVI в. Юста Липсия, заключил предисловие словами: «Я в переводе сем не порабощен был помянутого автора штилю, но едино служил истинне, чтоб ниже мало была изменена сила и истинна истории, того ради сие предвозвещаю в преддверии последующих повестей, дабы кому не дивно было, что не в слово в слово переведены, но смотрил бы, что самая истинная сила истории не измененна есть». ¹⁰¹

Феофан Прокопович, будучи префектом Киево-Могилянской академии (т. е. в 1707—1711 гг.), переводил по повелению Петра I «Изображение христиано-политического властелина» Сааведры Фахардо. В предисловии он объяснял свою задержку в переводе тем, что «нужда баше надолзе рассуждати, како би не всуе во изложении его трудится. Аще бо бы тако его кто превести потщался, даби немало следов наречия его не остатися, была бы вещь отнюдь не уразуменная, стропотная и жестокая. Аще же бы всяко разнствующим и далече отходящим от слова его образом толковати восхотел кто, не было би то преводити, но свое новое нечто писати. Между сым убо и овым средство некое держати тшахомся, но ныже тако мню удовлетворым желанию пресветлаго величества вашего, отнюдь бо невозможно есть <...> всю темность и стропотность прогнати во преведении на славенский язык книжицы сея». ¹⁰²

А. Ф. Хрущев в предисловии к переводу уже не политического сочинения, а мистического трактата Фомы Кемпийского «Утешение

⁹⁷ См. подробнее: Николаев С. И. 1) Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683 г.) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 118—129; 2) О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи // XVIII век, сб. 15. Л., 1986. С. 109—122.

⁹⁸ Цит. по: Пекарский. Наука и лит. Т. 1. С. 206. Ср. также мнение Я. В. Брюса о стиле перевода «Новейшего основания и практики артиллерии» Э. Брауна (там же. С. 293).

⁹⁹ Там же. С. 213.

¹⁰⁰ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 283.

¹⁰¹ ГПБ. Ф. II. 48. Л. 1 об.

¹⁰² ГПБ. Ф. II. 67. Л. 3 об.—4.

духовное» писал: «Переводя, искал как возможно, чтоб войти в авторово мнение и чтоб ему следовать повсюду, не смотря на слова и речи французского языка, но толко смотрел как превесть наивернее и иностранных слов никаких не писал, чтоб вразумительнее было нашему языку и надеясь, что не толко ученые люди, но и простые, кто читать умеет, могут разуместь без труда, потому что переводил я не от слова в слова, чтоб была французская книга на русском языке, но изъяснил всякое авторово мнение простыми словами».¹⁰³

Предложенные переводчиками начала XVIII в. принципы перевода были новым шагом в развитии отечественной теоретической мысли, недаром Симон Кохановский подозревал, что кому-то они могут показаться «дивными». В соответствии с общим процессом секуляризации русской культуры разработка теории перевода переносится из области богословия на светскую литературу: историческую, политическую и научную прозу. Классическая формула «не от слова до слова» получала новое наполнение, она была принципиально ориентирована на стилистическую традицию «нашего природного языка», а не на стилистику оригинала. Эта концепция получила и полное одобрение Петра, который в своих письмах-указах переводчикам кратко подвел итог их теоретическим разработкам: «Все перевесть на славенский язык нашим штилем, а за штилем их не гнаться», «точию выразумев, уж так писать, как внятнее».¹⁰⁴

Однако эта концепция вовсе не означала полного произвола и вольного обращения с переводимым текстом, наоборот, в сознании литераторов Петровской эпохи впервые формируется представление о профессиональной этике переводчика, что видно из цитированного замечания Феофана Прокоповича: «Не было бы то преводити, но свое новое нечто писати». Об этом же писал и Гавриил Бужинский: «Преведоном же сию книгу, якоже от самого автора сложена есть, ничтоже пременше, ничтоже приложивше или убавивше, да не таковая творяще, явимся чуждые труды (яко же мнози творят) себе присвояти и чуждою славою (что есть грех против осмыя и десятыя заповеди божия) себе прославляти и величати».¹⁰⁵

Для рубежа XVII—XVIII вв. новая концепция перевода, вынужденно ущербная, имела свой смысл: переводчики учились перелagать «смысл и истину» невиданных ранее на Руси книг, сознательно не ориентируясь на стилистику оригинала. Эта концепция, разработанная на материале научной прозы, не замедлила сказаться и на переводе художественных произведений. Показательно, что анализ некоторых несомненно переводных произведений не всегда позволяет установить язык, с которого сделан перевод.¹⁰⁶ А. И. Соболевский считал, что «История о Париже и Вене» переведена с польского,¹⁰⁷ но она переведена с

¹⁰³ ГПБ. Ф. 717, Соловецкое собр. № 1130/1240. Л. 11.

¹⁰⁴ Цит. по: Пекарский. Наука и лит. Т. 1. С. 157, 227.

¹⁰⁵ Там же. С. 330.

¹⁰⁶ Ср. мнение о языке одного перевода того времени: «Язык „Географии генеральной“ в переводе Поликарпова настолько насыщен полонизмами, что, если бы мы не знали достоверно, что перевод сделан с латыни, мы должны были бы думать на основании языковых показаний, что Поликарпов перевел с польского» (Живов В., Успенский Б. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII в. // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1983. Vol. 28. P. 159).

¹⁰⁷ См.: История о Париже и Вене. С. III—IV.

итальянского;¹⁰⁸ «Турецкая монархия» П. Рико, считавшаяся переводом с польского, также переведена с итальянского; А. С. Грузинский полагал, что «Метаморфозы» Овидия переведены с латыни,¹⁰⁹ хотя в изучавшейся им рукописи читается перевод с польского, и т. д. Таким образом, теория перевода, сложившаяся в Петровскую эпоху, открывала новые возможности для творческих поисков.

3

Дальнейшая судьба переводной литературы Петровской эпохи сложилась неудачно, и тому было несколько причин. Попытка Петра и его сподвижников за одно-два десятилетия спешной работы усвоить всю сумму европейской учености, чтобы сразу целая нация (или хотя бы «шляхетство») стала «в просвещении с веком наравне», не могла сразу дать ожидаемых царем результатов. Многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства и нарождающейся интеллигенции. Если для Феофана Прокоповича Гуго Гроций был «славным законоучителем», то это мнение вовсе не стало общепринятым, в дворянской массе скорее можно было услышать, что

Гроциус и Пуфендорф и римские правы —
О тех помнить нечего: не на наши нравы.¹¹⁰

А вскоре на некоторые переводы, выходявшие некогда под патронатом самого Петра, начались и прямые гонения: в 1731 г. стало изыматься «Введение в историю европейскую» Пуфендорфа,¹¹¹ а в 1749 г. был запрещен «Феатрон» Стратемана.¹¹²

Изымались и рукописные переводы. Так, в деле А. П. Волынского фигурировали переводы первой четверти века. «Признавшись в имени у себя книги Макиавеля, он показал, что ее не читал, а Юста Липсия держал у себя простою, из глупости».¹¹³ Но по доносу слуги Волынского известен его другой, более содержательный отзыв о Липсии в переводе Симона Кохановского: «Эта книга не нынешнего времени читать».¹¹⁴ Императрица Анна Иоанновна об идеях Волынского говорила: «Знатно, взял он то из книги Макиавелевой».¹¹⁵ Волынский отрицал это, говоря, что он о политиках придворных довольно «начитался в книге «Политического счастья ковач». «Эта книга всем известна, — возразили Чернышев, Румянцев и князь Трубецкой, — да в ней нет того, что ты в письме своем написал».¹¹⁶

¹⁰⁸ См.: ЖМНП. 1915. Ч. 57. № 5. С. 215—232.

¹⁰⁹ См.: *Петец В. Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля—3 марта 1913 г. Киев, 1913. С. 33—34.

¹¹⁰ *Кантемир А.* Собрание стихотворений. С. 373.

¹¹¹ См.: *Тихонравов К.* Указ Синода об отобрании книги «Введение в историю европейскую» // Русская старина. 1895. № 12. С. 148.

¹¹² См.: *Лесков Н. С.* Распоряжение Св. Синода об отобрании у всех книги «Феатрон, или Позор исторический» // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 732—733. Книга изымалась «ради находящихся в ней многих святой православной восточной, грековосточной церкви противностей и немало соблазнов».

¹¹³ Записка об Артемии Волынском // Чтения в ОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. 5. С. 150.

¹¹⁴ Там же. С. 147.

¹¹⁵ Там же. С. 138.

¹¹⁶ Там же. С. 145. Ср.: *Готье Ю. В.* «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Волынского // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 1—31.

Очевидно, что после кончины Петра об изданиях этих переводов не могло быть и речи, почти все они так и остались в немногих списках. Время относительной толеранции при Петре I (как религиозной, так и идейной) закончилось.

Больше повезло как раз немногим переводам литературы художественной. Несколько раз издавались «Апофегматы» Б. Будного (1745, 1765, 1781), а в 1747 г. были изданы «Похождения Телемака» в переводе Хрущева. В 1748 г. В. Н. Татищев в частном письме И. Д. Шумахеру со сдержанной похвалой отозвался об этой книге, которую он находил «сколько благорассудным полезна, столько слабым рассуждениям камнем преткновения быть может».¹¹⁷ Отзыв В. К. Третьяковского о той же книге (в предисловии к «Тилемахиде») более строг: «Тилемах наш переведенный и напечатанный токмо тень, или еще и та, истинного есть Тилемаха. Коль ни благоразумный и ни добронравный переводил его муж, и язык разумевший французский, однако, не обратившийся ни мало в словесных науках, не мог произвести перевода своего так, как всеконечно надобно было».¹¹⁸ Критика писателя-профессионалом литератора-дилланта была вполне в духе 1760-х гг.¹¹⁹

Но особо на судьбу переводной литературы первой четверти века повлиял ее язык. Возникновение литературного языка нового типа относится как раз к этому времени,¹²⁰ отсюда стилистическая какофония и лексическая неупорядоченность в литературе той поры и в особенности переводов, делавшихся в крайней спешке. Язык некоторых переводов, по меткому выражению А. В. Исаченко, — это «беспорядочное смешение славенщины с жаргоном фельдфебеля, унаследованных украинизмов и полонизмов с западноевропейской латинской».¹²¹

Критику языка переводов начал уже сам Петр, продолжалась она и позднее. Так, в 1747 г. Татищев писал о переиздании «Апофегмат» Будного: «В „Апофегматах“ перевод неприличный неким несмысленным или высокоумным церковникам высокий славенский язык, которого мало люди разумеют, а паче люди неученые».¹²² А В. Г. Рубан в 1772 г. критиковал «Батрахиомахию» в переводе Копиевского за непонятные заимствования.¹²³ В конце XVIII в. перевод петровского времени мог попасть в печать в «переводе» на литературный язык той поры, как случилось с упомянутыми «Апофегматами» — вышедший в 1788 г. новый перевод под заглавием «Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей» на проверку оказыва-

¹¹⁷ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 276.

¹¹⁸ Третьяковский В. К. Соч. СПб., 1849. Т. 2, отд. 1. С. LVII. Ср., однако, положительные отклики читателей второй половины века: Памятные книжные даты: 1991. М., 1991. С. 98.

¹¹⁹ См.: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век, сб. 14. Л., 1983. С. 105—120.

¹²⁰ См.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 48—84.

¹²¹ Исаченко А. В. Когда сформировался русский литературный язык? // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1978. Bd 24. S. 134.

¹²² Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. С. 260.

¹²³ См.: Пекарский. Наука и лит. Т. 2. С. 28.

ется все тем же петровским переводом, в котором обновлена лексика и устранены устаревшие глагольные формы.¹²⁴

Переход от «высокого славенского слога» к «гражданскому посредственному речению» и затем к кодифицированному литературному языку занял много времени и воздвиг преграду на пути восприятия переводов начала века.¹²⁵ Это, конечно, не вина, а беда переводчиков Петровской эпохи. Но бесплодным их труд назвать нельзя. Сформировавшийся под руководством и присмотром Петра I репертуар переводной литературы в большей своей части был заново переведен уже в XVIII в.: вышли новые переводы Пуфендорфа (1767), И. Гергарда (1799), Ришелье (1767) и Мазарини (1802), Г. Гуго (1790) и многие другие; почти полностью был заново переведен петровский репертуар античной литературы. Направление дальнейшего развития было верно угадано переводчиками начала века, они действительно оказались «почтовыми лошадьми просвещения», как выразился о переводчиках Пушкин.

¹²⁴ См.: Николаев С. И. Из истории русских изданий «Апофегм» Беняша Будного // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 388—390.

¹²⁵ О языке начала века см., в частности: Живов В. М. 1) Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3. С. 246—260; 2) Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX в. М., 1990; 3) Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение литературного языка нового типа // Wiener slavistischer Almanach. 1990. Bd 25/26. S. 451—469.

Глава 3

1725—НАЧАЛО 1760-х ГОДОВ: КЛАССИЦИЗМ

1

Какой бы ни считалась в русской истории «эпоха дворцовых переворотов»¹ — переходным ли временем между Петром I и Екатериной II, самоценным ли этапом становления дворянского государства, разорением ли дела Петра или же продолжением его начинаний, был ли это период раннего Просвещения или только канун великой эпохи просветительства, — при всех оценках это время имеет свое лицо. Век, названный А. Радищевым «безумным и мудрым»,² породил в первой своей половине литературу, в которой причудливо сочетались черты древнерусской книжности, барокко, классицизма и фольклора, сатиры и дидактики, публицистики и поэтического вымысла. Вместе с формированием новой государственности создавались как бы беспорядочно (неслучайны попытки М. В. Ломоносова установить *нормы* классицизма), однако энергично, путем проб и ошибок, основы новой русской литературы.³

Крупнейшей и самой характерной фигурой в духовной жизни России второй трети XVIII в. являлся Ломоносов. Сами по себе значительны личности А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, но Ломоносов как литератор и ученый универсален.

Отношение Ломоносова к переводу показательно и типично. Он пользовался иностранной поэзией как материалом для строительства отечественной литературы, перерабатывая и переосмысливая заимствованные формы и образцы.⁴

В прозе же процесс обогащения и пополнения национальной традиции путем переводов должен был пройти через своего рода предварительный, «утилитарный» этап. Петровская эпоха нуждалась, как известно, прежде всего в практических пособиях по различным отраслям знаний. И только постепенно, но все отчетливее эта практическая потребность в переводах стала осознаваться как потребность литературная. О последнем говорит интенсивная работа русских переводчиков елизаветинского времени над стилем и спосо-

¹ Ключевский. Т. 4. С. 258.

² Радищев. Т. I. С. 127.

³ О культурной ситуации см.: Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 172—196.

⁴ «Все эти западноевропейские и древнеклассические чтения прививали русской литературе тысячелетний опыт других народов. При этом разнообразные воздействия, скрещиваясь, создавали нечто своеобразное, нечто оригинально-русское...» (Гуковский Гр. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 11).

бами передачи в русском тексте языковых особенностей оригинала. Теоретическое отражение этой работы находим в предисловиях Кантемира и Тредиаковского к их переводам, в ломоносовской теории трех «штилей». ⁵ Если бы Ломоносов осуществил задуманную им работу «О переводе», то непременно сосредоточил бы внимание на вопросах стилистики, так как сохранилась его подготовительная запись: «Не потерять достоинств штиля». ⁶

Разумеется, представление о степени верности перевода подлиннику, как и само понятие стиля, исторически существенно менялось. Излишне говорить, что формирование русского классицизма не ставило еще в ломоносовскую эпоху проблемы индивидуального стиля. ⁷ Однако практика подводила исподволь к ней и Ломоносова, и Тредиаковского, и даже такого их предшественника, как Симеон Полоцкий. ⁸ История переводческого труда Тредиаковского зримо показывает этот процесс стилистического (а значит, собственно эстетического) освоения переводной литературы. Пусть слог «Путешествия на остров Любви» («Le Voyage de l'isle d'Amour», 1663) П. Тальмана воспринимался Тредиаковским скорее как нормативный — цель переводчика состояла в создании стилистического и даже нравственно-эстетического прециозного идеала, — но этот идеал восходил к стилистике именно данного конкретного произведения. ⁹ Поэтому предположение, что ранее существовала «принципиальная анонимность» переводимого произведения для того, кто его перевел, представляется не бесспорным уже и для 30—40-х годов XVIII в. ¹⁰ Тредиаковский, безусловно, знал, что имеет дело с Джоном Барклаем (Баркли) или Шарлем Ролленом, Ломоносов пристально изучал западную анакреонтику, Сумароков переводил Сафо и Горация как вполне конкретных авторов. Это знание было важным для переводчиков, по крайней мере для самых крупных из них. Переводя Фонтенелевы «Разговоры о множестве миров» («Les Entretiens sur la pluralité des mondes», 1686), Кантемир хорошо представлял себе позицию автора, распространенность книги и особенности ее слога. ¹¹

Не менее, если не более внимателен Тредиаковский к стилю и слогу переводимых им исторических сочинений. В Роллене его привлекает, помимо прочего, ясность, популярная доступность авторской речи. Французский историк, по словам переводчика, «всяко-

⁵ См.: Серман И. Русская литература XVIII века и перевод // Мастерство перевода: Сб. 1962. М., 1963. С. 341—342.

⁶ Ломоносов. Т. 7. С. 763.

⁷ См.: Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода: (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 10—15; Подгаецкая И. Ю. Перевод в системе исторической поэтики // Контекст-1987. М., 1988. С. 221—224.

⁸ См. выше. С. 34—36, 68—69, 88.

⁹ См.: Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 222—230.

¹⁰ См.: Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 6—7.

¹¹ См.: Кантемир А. Предисловие к читателю // Разговоры о множестве миров г-на Фонтенелла, Парижской Академии наук секретаря / С франц. перевел и потребными примеч. изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 году. СПб., 1740. С. 3—4 нумер.

го чина и состояния людям вливает сладостно и нечувствительно в разум истинное просвещение; но все сие с толикою умеренностию, что буттоб он ни о чем другом толь большего и первейшего не имел попечения, как токмо о наставлении юношества». ¹² Переводчик, со своей стороны, «старался о чистоте нашего слога» и перевел «точно все, что ни переводил». ¹³

Просветительская задача, которой верен Тредиаковский, дополняется старанием донести до русского читателя основную особенность подлинника — понятность, ясность, причем донести с возможной верностью и полнотой мысль автора. Изменяя свои взгляды на перевод и на стилистические нормы, Тредиаковский и в поздние годы не отказывается от экспериментирования, добываясь по возможности более адекватного воспроизведения стиля подлинника. Так, переводя «Аргениду» («Argenis», 1630), он стремится сохранить в русской фразе конструкцию латинского периода, «сладость латинского слова». ¹⁴

В истории создания нового русского литературного языка роль переводов была первостепенной. ¹⁵ Роль эту играли не только переводы и переложения од, эклог, эпоей и назидательных повестей, но и исторических и географических трудов, философско-моралистических трактатов и руководств по естественным наукам. Уже утилитарная книжность эпохи Петра располагала, как мы знаем, высокими образцами переводческого искусства. Появлялись они и в последующие годы в разных отраслях русской печатной и рукописной книжной продукции.

Ведущая роль переводной литературы в русском чтении первой половины XVIII в. подтверждается историками книги. В сравнительно небольшом и медленно возраставшем числе изданий на русском языке, появившихся в 1730-е годы, переводы составляли едва ли не сто процентов. ¹⁶ Причем преобладала не художественная литература, или «беллетристические сочинения», как уточнил в свое время В. В. Сиповский, ¹⁷ а литература нравоучительная и справочная с добавлением историко-биографических повествований, представлявших собой переходный жанр между историческим сочинением и ро-

¹² Древняя история об Египтянах, о Карфагенянах, об Ассирианах, о Вавилонянах, о Мидянах, Персах, о Македонянах и о Греках. Сочиненная чрез г. Роллена... А ныне с франц. переведенная чрез Василья Тредиаковского... СПб., 1749. Т. 1. С. 5 нумер.

¹³ Там же. С. 8 нумер.

¹⁴ Аргенида, повесть Героическая, сочиненная Иоанном Барклаием, а с лат. на славено-российский переведенная и Митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского... СПб., 1751. Т. 1. С. LV. См. также: *Вомперский В. П.* Об одной попытке определения индивидуально-художественного стиля: В. К. Тредиаковский и «авторов стиль» // Журналистика и литература. М., 1972. С. 66—71; *Алексеев А. А.* Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 123.

¹⁵ См.: *Хютль-Фольтер Г.* Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // *Wiener slavistisches Jahrbuch.* 1987. Bd 33. S. 7—21. См. также: *Винокур Г. О.* Русский литературный язык в первой половине XVIII века // *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 125—137.

¹⁶ См.: *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время, 1725—1740. Л., 1976. С. 49—52.

¹⁷ См.: *Сиповский В. В.* Из истории русской литературы XVIII века: (Опыт статистических наблюдений) // *Известия Академии наук.* 1901. Т. 6. Кн. 2. С. 128.

маном. Только к концу елизаветинского царствования цифры собственно литературных изданий «твердо повышаются» (1757—25, 1759—35, 1761—46).¹⁸

Представление о ситуации в издании книг и листов гражданской печати в течение 40-х и первой половины 50-х годов XVIII в. может дать следующая таблица, составленная по библиографии, которую отредактировал П. Н. Берков,¹⁹ и учитывающая русские издания гуманитарного профиля (художественная, историческая, философско-моралистическая литература. — См. с. 96).

Как видим, и в это время число переводов еще превышает число оригинальных русских сочинений, хотя от общей цифры изданий на русском языке переводы «гуманитарных» произведений составляют вместе с книгами, напечатанными с параллельным иностранным текстом, около 40 %.

Преимущественный интерес читателей к переводной литературе виден по спискам книг, пользовавшихся относительной популярностью в 1730—1740-х гг. По сведениям С. П. Луппова, это была книга С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» (1-е изд. перевода — 1726, 2-е изд. — 1760, 5-е изд. — 1794) («De officio hominis et civis», 1673), книга, которая еще до своего временного запрещения в 1739 г. успела попасть в Тюмень и Архангельск; это также «Истинная политика знатных и благородных особ» (1737, 2-е изд. — 1745, 3-е — 1765 и перепечатка 1787 г.) («La Véritable politique des hommes de qualité», 1692), автором которой считали тогда Фенелона и которая была переведена ТрEDIAKОВСКИМ; еще — пособие по домоводству, так называемая «Флоринова Экономия» (собственно: «Эконом разумный и всеопытный» с немецкого оригинала 1702 г.), пять раз издававшаяся до 1790-х гг.²⁰ Разумеется, сюда же относились «Разговоры о множестве миров» (1740, 2-е изд. — 1761), столь беспокоившие церковников в 50-е годы, и «Езда в остров любви» аббата Тальмана в переводе ТрEDIAKОВСКОГО (1730). К началу 50-х годов этот список пополнился еще несколькими книгами — третьим изданием собрания афоризмов и анекдотов Б. Будного «Апофегмата» (1745, всего в XVIII в. девять изданий) («Aprophigmata», конец XVI в.),²¹ «Историей о Александре Великом» Квинта Курция Руфа в переводе с латинского С. П. Крашенинникова (1750, 2-е изд. — 1768, 4-е — 1800—1801; имелся более ранний перевод — 1709 г.) («Historia Alexandri Magni Macedonis», ок. I в. н. э.).

В литературной части библиотеки В. Н. Татищева имелись в русском переводе Квинт Курций, «Разговоры» Фонтенеля, а также «Опи-

¹⁸ См. там же. С. 129.

¹⁹ Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны, 1741—1761. М.; Л., 1935. Ч. 1 (1741—1755).

²⁰ Полное заглавие подлинника: «Эконом разумный и всеопытный, или Всеобщий мудрый и рассудительный Хозяин» («Oeconomus prudens et legalis, oder Allgemeiner Klug- und Rechts-verständiger Haus-Vatter»), составителем книги являлся пастор из Эбельсфельда Ф. Ф. Флоринус. См. также: Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. С. 79—81, 155—168.

²¹ См.: Лужный Р. Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. С. 182—183. (XVIII век, сб. 10).

Годы	1741	1742	1743	1744	1745	1746	1747	1748	1749	1750	1751	1752	1753	1754	1755	Всего
Общее число печатных книг и листов *	16	40	16	25	28	12	17	16	19	21	25	17	19	14	36	321
Из них: издания на русском языке	6	22	12	20	18	11	12	14	10	14	17	14	14	11	25	220
Из этих последних:																
— издания с параллельным иностранным текстом	—	2	1	2	—	1	—	2	2	—	—	—	1	—	2	13
— оригинальные соч.	—	2	—	3	2	2	1	4	—	3	5	5	1	2	—	30
— переводы	—	2	—	2	6	3	6	2	3	3	5	3	4	2	3	43
— переводы произведений художественной литературы	—	2	—	2	6	1	3	1	1	3	4	1	2	2	2	30
Из общего числа изданий:																
— издания на немецком языке	10	9	3	2	6	1	2	1	2	2	1	1	1	3	1	45
— на французском языке	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	2	7
— на итальянском языке	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	2
— на латыни	—	8	—	2	4	—	2	1	7	5	6	1	4	—	7	47

* включая периодические издания.

сание жития и дел принца Эвгенія Савойскаго»²² — переделка и частичный перевод анонимной немецкой книги «Подвиги великого военачальника Евгения герцога Савойскаго и императорскаго генерал-лейтенанта» («Des grossen Feld-Herrns Eugenii Hertzogs von Savoyen und Käyserlichen General-Leutenants Helden-Thaten», 1730-е годы).

Десяти-одиннадцатилетним мальчиком А. Т. Болотов обнаружил в конце 40-х годов среди книг своего отца ту же «историю принца Евгения», а также «Курасово сокращение истории»,²³ т. е. первое издание переведенного С. С. Волчковым «Введения в генеральную историю» Г. Кураса (1747, с несколькими перепечатками 2-е изд. — 1762, перепечатка его — 1793). Он же вспоминал о своем детском увлечении первым русским переводом «Похождений Телемака, сына Улиссова» Фенелона (1747, 2-е изд. — 1767) («Les Aventures de Télémaque, fils d'Ulisse», 1699).²⁴

Временно возглавивший академическую канцелярию в 1743 г. А. К. Нартов убеждал сенат, что для поправки финансовых дел Академии следует переиздать книги петровского времени, которые и теперь люди «с охотою купить желают». Это были Квинт Курций, Пуфендорф, «История о разорении Трои» Гвидо делле Колонне (издавалась трижды в 1710-х годах), «История о разорении последнем святого града Иерусалима» (также выходила при Петре три раза, 1-е изд. — 1713), «Символы и эмблемата» (перевод 1718—1719 годов) и известные у нас с XVII в. «Эзоповы притчи».²⁵

Так очерчивается приблизительный круг популярного чтения 1730—1740-х гг., в котором находим почти сплошь одни переводы. Однако границы этого круга нечетки и подвижны.

Существовал, как известно, большой и широко, а может быть, и преимущественно читаемый пласт рукописной литературы, которая лишь со временем и далеко не вся прошла через типографский станок.²⁶ Помимо разного рода религиозных текстов, это была довольно хорошо уже теперь изученная литература так называемых «низких» жанров — факций и жартов, апофеизм, «гисторий» и родственных им повествовательных сочинений. Зарубежные связи этой литературы XVII—XVIII вв. (явные переводы, а также переделки и пересказы, заимствование сюжетных положений и имен) чрезвычайно разнообразны. Однако в глазах русских читателей такая литература, очевидно, никак не отделялась от повестей отечественного происхож-

²² Описание жития и дел принца Эвгенія герцога Савойскаго и генералиссимуса над армиями его римскаго цесарскаго величества и всея империи, с грядорованными изображениями всех его баталий и знатнейших осад. СПб., 1740 (2-е изд. — 1770; перевод И. К. Тауберта). См.: *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. С. 218—219.

²³ См.: *Болотов. Жизнь.* Т. 1. Стб. 113—114.

²⁴ Первый переводчик — А. Ф. Хрущев. См. также: *Болотов. Жизнь.* Т. 1. Стб. 108.
²⁵ См.: *Пекарский. Ист. АН.* Т. 2. С. XIII. См. также: *Белозерская Н.* Влияние переводного романа и западной цивилизации на русское общество XVIII века // *Русская старина.* 1895. № 1. С. 125—156; *Тарковский Р. Б.* Басня в России XVII—начала XVIII века // *Научные докл. высш. школы. Филологич. науки.* 1966. № 3. С. 97—109. См. также выше. С. 85.

²⁶ Библиографию переводной рукописной литературы XVIII в. см.: *Пыпин. С.* 1—68.

дения, не имела генеалогии, воспринимаясь в едином потоке с ними как развлекательное и отчасти назидательное чтение.²⁷

Например, в составе одного из рукописных сборников 1734 г. из собрания Н. С. Тихонравова находятся: «Повесть об Аполлонии Тирском» (переводная, из приложения к «Римским деяниям»), «Повесть о Кеинге и Афире» (перевод с немецкого), «Шемякин суд», «Притча о слепце и хромце» Кирилла Туровского, «Молитва Николаю Чудотворцу», «Повесть о царевице Диоклетиане» (перевод из «Повести о семи мудрецах»), «Повесть о Савве Грудцыне», «Сказания о 12-и пятницах», «Былина об Илье Муромце» и «Повесть о Францене Венецианском» (с чертами рыцарского романа).²⁸ Из шести входящих в сборник повестей четыре так или иначе западного происхождения.²⁹

Роль этой литературы в формировании русской прозы нуждается еще в изучении, однако несомненны заслуги рукописных сборников в истории знакомства русского читателя и народного рассказчика XVII—XVIII веков с элементами античной, средневековой и ренессансной словесности Европы (притчи о Диогене, изречения Аристотеля, сюжеты Эзопа и Боккаччо и т. д.).³⁰

Связи русской рукописной повести с иностранными источниками могли быть сколь угодно сложными, прошедшими несколько ступеней перевода и переделки, которые превращали ее, собственно, в произведение русской литературы. В свое время этот процесс был показан А. Н. Веселовским на материале русских переработок сюжетов «Гистории о Иполите» и истории «О принце Одолфе Лампландийском и о острове вечного веселия». Оба сюжета оказались восходящими к роману французской писательницы К. Онуа «Иполит, герцог Дуглас» («Hypolite, comte de Douglas», 1690), но значительно удалились от первоисточника, оставшись повестями, переводными лишь по происхождению.³¹ Еще пример — популярнейшая русская народная повесть—сказка о Бове-королевиче, корни которой уходят в средневековую Италию.³²

²⁷ См.: Кукушкина Е. Д. Переводная новелла в русских сборниках XVIII в. // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 180—192. (XVIII век, сб. 14).

²⁸ Об этой повести, или романе, см.: Алексеев М. П. Из истории испано-русских литературных отношений XVI—начала XIX в. // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир (Избранные труды). Л., 1985. С. 44—45; Апсит Т. Н. Повесть о Францене Венециане — памятник русской литературы первой трети XVIII в.: Автореферат канд. дисс. Л., 1985.

²⁹ См.: Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 31.

³⁰ См.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности: Исследование и тексты. М., 1904; Кокорев А. В. Русские стихотворные фацции XVIII века // Старинная русская повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941. С. 216—284; Державина О. А. Фацции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.

³¹ См.: Веселовский А. Н. Из истории русской переводной повести XVIII в.: Мте d'Aulnoy, «Histoire d'Hypolite» и лубочная сказка о принце Адольфе // Сб. ОРЯС. СПб., 1887. Т. 43. № 2. С. 1—25.

³² См.: Кузьмина В. Д. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. // Старинная русская повесть. С. 83—143. См. также: Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII в. об Евграфу и Александре // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 207—231.

Заметим попутно, что успех, который имели у русского читателя книги с причудливыми, «барочными» аллегорическими сюжетами, вроде «Езды в остров любви» или романов и эпосов с авантюрным элементом («Аргенида», «Тилемахида», позже — романы М. Хераскова и Ф. Эмина), можно объяснить присутствием своеобразного родственного фона «гисторий», прекрасно известных тогдашней публике. Историк литературы отметил «бурный рост» интереса к этим последним именно в период разработки основ новой русской словесности.³³

Нельзя не принять во внимание и издания на иностранных языках. Со времен Петра они направлялись в Россию все усиливающимся потоком, в котором преобладали сначала книги на немецком и латыни, а затем, во второй половине века, поднялась высокая волна франкоязычных сочинений. Правда, еще в 1750 г. в торговом репертуаре иностранных книг немецкая книга составляла 52,7 %, но вскоре эта цифра снижается. Имея в виду преимущественно франкоязычную литературу, исследователь вопроса пишет, что «в 50-х гг. в Россию хлынул такой поток разнообразных романов, описаний экзотических приключений и путешествий, сборников басен, стихотворений и анекдотов, „произведений“ галантной литературы и т. д., который даже и не могли себе представить русские аристократы 30-х гг., воспитанные в суровое и экономное Петровское время».³⁴

Соответственно рос интерес к французскому языку, которому в середине века обучались в обеих столицах не менее полутора тысяч человек; среди них встречались и выходцы из купечества. Ощущалась даже нехватка французских изданий.³⁵ Но уже и в 30-е годы академическая книжная лавка в Петербурге могла предложить покупателю едва ли не всю литературу на французском языке, которая была издана во Франции, Германии, Голландии, Англии, в том числе французские переводы Шекспира, Дефо, Свифта, Мильтона и древних.³⁶ И книги эти в основном раскупались: в 1749—1750 гг. лавка Академии наук продала 94 % поступивших французских книг, 41 % немецких и 13 % книг на латыни.³⁷

В этой связи заслуживает упоминания деятельность пресловутого И. Д. Шумахера, бывшего библиотекаря Петра I, испортившего затем немало крови Ломоносову и другим академикам. Сделавшись фактическим распорядителем академической канцелярии и типографии, Шумахер превратил печатание иностранных книг и торговлю ими в одну из статей дохода — своего и Академии. В результате ему удалось в 30-х годах организовать в Европе сеть комиссионеров и наладить обмен изданиями между Академией и многими книготорговыми фирмами. Например, это был парижский издатель А.-К. Бриассон, участник издания «Энциклопедии» и «Journal de Trévoux». Только в июле 1749 г. Бриассоном были отправлены в

³³ См.: *Кокорев А. В.* Русские стихотворные фацеции XVIII века. С. 217—218.

³⁴ *Копанев Н. А.* Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века: (По материалам академических книготорговых каталогов) // *Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века.* Л., 1983. С. 48—49.

³⁵ См.: *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в.: (Из истории международной книготорговли). Л., 1988. С. 119—123.

³⁶ См. там же. С. 131—132.

³⁷ См.: *Копанев Н. А.* Распространение иностранной книги в Петербурге... С. 52.

петербургскую книжную лавку Академии комплекты «Journal des Savants», «Mercure de France», «Journal de Trévoux» (всего 488 томов), а также сочинения Мольера, Расина, Ж.-Б. Грессе и др., 8 экземпляров «Генриады» Вольтера, 6 экземпляров «Духа законов» Монтескье, книги д'Аламбера.³⁸

Таким образом, русские переводчики — академические профессионалы и появившиеся уже любители, «искусные в иностранных языках»,³⁹ располагали в середине XVIII в. довольно широким выбором материала для переводов.

Академическая типография вместе с книжной лавкой образовали своего рода издательский комплекс, «фабрику», как однажды в раздражении выразился Ломоносов,⁴⁰ по печатанию и продаже книг. К 40-м годам это была «самая могучая типография страны», располагавшая собственным штатом переводчиков.⁴¹

При Петре переводчики обучались языкам за границей. В последующее время такое обучение велось уже, как правило, в России. Один из переводчиков послепетровской выучки, И. В. Шишкин, который специализировался на переводах авантюрной литературы (хотя субъективно видел в переводимых повестях прежде всего назидательное чтение), искренне писал в предисловии к оставшемуся в рукописи переводу «Меморияла милорда Де» (1750-е гг.) («Mémoires de Milord ***. De l'Anglois par Mr. D. L. P.», 1737): «... я сколько могу, столко служу моему отечеству переводом книг с чужеземных языков, и уже многие книги переведены мною, невзирая и иногда на то, что многим перевод мой был не ндравен. Многие говорили: „Еще б ему подлежало поучитца, да тогда переводить книги“. Однако никто из них не пожаловал мне денег платить тем, кои учат, а мне и сначала взять их было негде, я моим благотворителям, которые мне от своих талантов уделяли, всегда платил поклонением и слезами. Худая сия удача меня от трудов моих не отвращает, мне только сия на свете маленькая возможность досталась окзать мое усердие и долг отечеству».⁴²

Иван Шишкин учился в Сухопутном шляхетном корпусе (при котором также имелась типография). Вместе с академической гимназией и затем с Московским университетом и гимназиями при нем корпус являлся питомником русской образованности XVIII в.⁴³ И все

³⁸ См.: *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура... С. 54—74.

³⁹ «Санктпетербургские ведомости» (1748. № 10, 1 февраля. С. 78—79) приглашали переводчиков работать для академической типографии.

⁴⁰ См.: *Ломоносов Т. 10.* С. 314. См. также: *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура... С. 42.

⁴¹ См.: *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. С. 41—43. См. также: *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988.

⁴² Цит. по: *Берков П. Н.* Иван Шишкин — литературный деятель 1740-х годов: (К истории русского романа: от рукописной старорусской повести к печатному роману) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 55.

⁴³ См.: *Соловьев Кн. 11.* С. 526—588; *Гуковский Гр.* Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 16—22. В типографии корпуса обильно печаталась переводная литература — см.: *Шамрай Д. Д.* Об издателях первого частного русского журнала: (По материалам архива кадетского корпуса) // XVIII век, сб. 1. М.; Л., 1935. С. 380—382. См. также наст. изд. С. 137—138.

же, как видим, для того чтобы хорошо знать языки, требовался дополнительный труд переводчика, его личное убеждение, что его занятие требует углубленных лингвистических познаний.

Русский вариант первой части латинских «Комментариев» Академии наук — «Краткого описания комментариев» открывался следующим предупреждением читателю: «Не сетуй же на перевод, якобы оный был невразумителен, или не весьма красен, ведати бо подобает, что весьма трудная есть вещь добре преводити, ибо не точию оба оные языки, с которого и на который переводится, совершенно знать надлежит, но и самыя переводимыя вещи ясное имети разумение». Объясняя, насколько труден перевод ученых сочинений и как именно он делался («в присутствии всех преводников читан и свидетельствован был»), авторы обращения к читателю прибавляли: «... да тебе умолим, дабы слабости нашей до толе потерпети изволил, донележе язык сам исправнее будет, и преводницы лутче обучатся...»⁴⁴

Необходимость совершенствовать не только знание языков, но и переводческое искусство, и сам русский литературный язык побудила организационно закрепить практику совместного обсуждения переводов. Так, в марте 1735 г. по инициативе Третьяковского и по распоряжению «командира» Академии наук И. А. Корфа было образовано Российское собрание, задуманное именно как собрание академических переводчиков.⁴⁵ «Академии наук переводчикам, — гласило предписание, — сходиться в Академии дважды в неделю, а именно в среду и субботу по утру и после обеда, и иметь меж собою конференцию, снося и прочитывая все, кто что перевел, и иметь тщание в исправлении российского языка случающихся переводов, чего ради в оных конференциях присутствовать секретарю Третьяковскому, адъютанту Адодурову, а о тех конференциях журнал содержать Тауберту...»⁴⁶

Все же переводчиков не хватало, и академическая канцелярия обратилась в 1748 г. к читателям «Санктпетербургских ведомостей», «охотникам» переводить книги: «...ежели кто пожелает какую книгу перевести с латинского, французского, немецкого, итальянского, английского или с других каких языков, то б явились в канцелярию Академии Наук с тем намерением, что от них сперва будут пробы взяты их переводов, а потом, буде найдется их искусство довольно к переводу книг, то дана будет книга для перевода, а как скоро она будет переведена и, переписав начисто, принесена в канцелярию, то за труды оному, по напечатании с его именем, ежели он пожелает, выдано ему будет в подарок сто печатных экземпляров той же книги».⁴⁷ По-

⁴⁴ Краткое описание комментариев Академии наук. СПб., 1728. Ч. 1-я на 1726 год. С. 7—8.

⁴⁵ О Российском собрании см., в частности, в «Записке о необходимости преобразований Академии наук» (1758) (Ломоносов. Т. 10. С. 71). См. также: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 50; Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 8—12.

⁴⁶ Цит. по: Пекарский. Ист. АН. Т. 1. С. 638. Василий Евдокимович Адодуров — математик и лингвист, в то время адъютант и переводчик Академии. Иоганн Каспар Тауберт — тогда еще студент, историк, сделавший затем быструю академическую и политическую карьеру (о нем см.: Пекарский. Ист. АН. Т. 1. С. 636—670).

⁴⁷ См. выше. С. 102, примеч. 39.

видимому, канцелярия скупилась на гонорары, сами же переводные книги стоили от 15 копеек до полутора рублей,⁴⁸ и уже делом переводчика был успех или неуспех его как продавца плода своих трудов.

Не утратила своей актуальности задача обучения языкам. В. Н. Татищев заставил участника своего «Разговора дву приятелей о пользе науки и училищах» (1733) рассуждать следующим образом: «Однако ж кто б какой и философской науки учиться хотел, то ему латинской и греческой язык для знания древних философов мнений весьма полезны, но понеже и на французской язык, почитай, все оные переведены и от разных ученых людей презрядными примечаниями изъяснены, то можно и сим языком довольну быть. Особливо же знатному шляхетству велико- и белоруссийскому нужно и полезно немецкой язык, для того что оно много в России подданных, також соседственные нам Прусы, Германия и пр. государства оной употребляют. Мало же меньше нужен французской язык, зане оной везде междо знатными употребляем и лучшие книги во всех шляхтичу полезных науках на оном находятся».⁴⁹

Перевод и обучение языкам служили общей цели русской культуры — познанию духовной жизни других стран как стимула для ускорения собственного прогресса.

Самой ранней практикой академических переводчиков стала работа с научным изданием — упоминавшимся уже «Комментариями» Академии наук, к латинскому и немецкому вариантам текста которых добавилось в 1728 г. их русское «Краткое описание». Параллельные немецкий и русский варианты имелись и у первого периодического издания Академии — «Примечаний к Ведомостям» (1728—1742).⁵⁰ Этот первый русский журнал впервые знакомил читателей с принципами французского и немецкого классицизма (Буало, Готшед), с английской и немецкой моралистической журналистикой. Важен его вклад в русскую культуру и как источника сведений из истории зарубежной поэзии.⁵¹ Переводы носили подчас школярский характер, и все же содержание переводимых статей было для эпохи русского классицизма иногда неожиданным. Такой была статья академика-поэта Я. Штелина, названная в русском переводе «О бардах, или Первых стихотворцах у древних Немцов». Начиная она так: «Почти все лутчие и искуснейшие стихотворцы, от времени Опица по наш век, для великого своего разума, ради высоких мыслей, презрядных трудов, и для особливо чистоты в писании, всем в Немецкой Поэзии силу знающим людям, так уже известны: что здесь и упоминать о них не надобно; а Трос и другие подобные ему сочинители стихов, уж так глубоко от Немецкого Парнасса удалились, что ни один <...> на сию гору взирающий человек, об них

⁴⁸ См.: Соловьев. Кн. 11. С. 578.

⁴⁹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 102.

⁵⁰ См.: Материалы для истории Академии наук. СПб., 1885. Т. 2. С. 122—326; Берков П. Н. Журналистика. С. 64—72; Дмитриев С. С. Русская периодическая печать // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 330—331.

⁵¹ См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 17—24 (перизд: Левин. С. 7—23); Степанов В. П. Критика маньеризма в «Примечаниях к Ведомостям» // Русская литература XVIII века и ее международные связи. С. 39—48.

не подумает <...>. И у Немцов (говорит Тацит) разного рода стихов довольно. Пение сих виршей и песен, которые у них бардит называются, приводит сердца их в горячность. Теми же у них концертами и доброй успех в войне предвещается».

Немецкий оригинал:

«Von den erstern (Dichtern) sind die meisten von Opitz an bis auf unsere Zeiten, ihres scharffen Witzes, ihrer schönen Gedancken, ihrer trefflichen Wercke und ihrer netten Schreib-Art wegen, bey allen Kennern der reinen Deutschen Dichtkunst so bekant, daß wir sie hier nicht erwehnen mögen. Der Troß aber andern schwermet so entfernt, und so tieff von dem Deutschen Parnaß ab, daß sie niemand, der nur nach dessen Höhe <...> schaut, in die Augen fallen <...> müssen. <...> Bey den Deutschen, spricht er (Tacitus) sind auch allerley Gedichte im Schwang. Durch deren Absingen, so sie Bardit nennen, erhitzt sich ihr Muth; und durch dergleichen Gesänge verkündigen sie ihnen den guten Erfolg von ihren Kriegen schon zum Voraus».⁵²

Несмотря на переводческие просчеты, издание, по-видимому, весьма ценилось интересующейся публикой. Основные статьи «Примечаний» в русском переводе были впоследствии переизданы в Москве в 1765 и 1766 гг. Известен очень уважительный отзыв Ломоносова о журнале; сам Ломоносов также принимал участие в переводах с немецкого для «Примечаний».⁵³

2

Наряду с накоплением повседневного практического опыта русское переводческое искусство нуждалось в участии крупных талантов, которые ускорили бы его качественное развитие. В историю перевода внесли свой вклад все главные деятели русской литературы 1730—1760-х гг. Но для русской переводной прозы сделал больше других, наверное, Василий Тредиаковский.

Перевод и оригинальное творчество в наследии Тредиаковского неразделимы. Современный ему читатель знал Тредиаковского, по всей вероятности, прежде всего именно как переводчика.⁵⁴ От него ждали новых и новых переводных книг. Переведенная им «Истинная политика знатных и благородных особ» выдержала практически четыре издания, тираж которых вместе с многочисленными списками достиг к 1780-м годам уровня «сверхтиража» в 3 тысячи экземпляров, «фантастического для XVIII столетия».⁵⁵ Тредиаковского можно

⁵² Примечания на Ведомости. 1740. Ч. 1 и 2. Генваря 1 дня. С. 3, 7; Anmerckungen bey den Zeitungen. 1740. 1. und 2. Stück. Den 1. Januarii. S. 3, 7 (немецкий текст подписан: S.; русский: В. С.). Ошибка переводчика: Троß (свита, толпа) принято им за имя собственное. Об авторе статьи см.: Берков. Журналистика. С. 68.

⁵³ См.: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 319. В письме к И. И. Шувалову от 3 января 1754 г. Ломоносов сетовал, что «Примечания» трудно достать, хотя экземпляры их сохранились: «... особенно ныне узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости» (Ломоносов. Т. 10. С. 498). О переводчиках «Примечаний» М. И. Шваневике, М. Алексееве и И. Петрове см.: Берков П. Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века // XVIII век, сб. 1. С. 78—80.

⁵⁴ См.: Мартынов И. Ф. Тредиаковский и его читатели-современники (По материалам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР) // Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976. С. 81.

⁵⁵ Там же. С. 86.

по праву назвать первым выдающимся русским переводчиком-профессионалом.⁵⁶ В истории литературы он остался не только как теоретик стихосложения и смелый, хотя и не особенно удачливый лирик, но и как создатель переводных книг, всеми читавшихся в свое время, — «Езды в остров любви», «Аргениды», «Тилемахиды», исторического труда Ш.Роллена, жизнеописания Ф.Бэкона, а также и как «самый выдающийся теоретик отечественного перевода XVIII в.».⁵⁷ Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» отметил именно талант Тредиаковского — переводчика Фенелона.⁵⁸

Одним из обоснований необходимости переводческой работы могла служить свойственная эстетике классицизма идея следования образцам. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковского (1735) оканчивался перечнем «авторов наиславнейших, которым надлежит подражать» «любопытным охотникам российским».⁵⁹ Список открывался Гомером, Еврипидом, Овидием, включал в себя имена Тассо, Мильтона и Буало и завершался Мольером и Вольтером («трагиком»). Из русских был назван только Кантемир. Такова была реальная картина литературы этого времени с точки зрения того, кто взял на себя миссию реформатора русской словесности.

В числе образцов, рекомендуемых для подражания, Тредиаковский назвал и переводческие работы; им были упомянуты Цицерон — в качестве переводчика греческой поэмы Арата, Теренций, переделавший сюжеты комедий Менандра, французский переводчик стихов «Поповых о нравственной материи» (имелся в виду Э. де Силуэтт, переводчик «Опыта о человеке» А. Попа).⁶⁰

Французская переводная литература была для Тредиаковского особенно важна: именно она дала в то время знающему язык возможность приобщиться к мировой культуре. «Я не умею по-аглински, — писал Тредиаковский в пространном предисловии к своим „Сочинениям и переводам“, — но читая французский перевод, чувствую, как и многие другие читатели, всю сладость и твердость подлинника: а сие самое и показывает достоинство перевода <...>. О прозаическом переводе с прозы я уже и упоминать боюсь: задавит меня неисчетный полк достойных и великих переводчиков, теснясь предстать ко мне как хотящему их по именам перекликать».⁶¹ Более всего занимала Тредиаковского та область перевода, в которой он являлся первопроходцем, — теория и практика перевода стихов стихами.⁶² Да-

⁵⁶ «Именно то, что Тредиаковский объединил в одном лице писателя, лингвиста, литературоведа и реформатора стихосложения, укрупняет его фигуру как выдающегося отечественного переводчика» (Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик... С. 163).

⁵⁷ Там же. С. 165.

⁵⁸ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 253—254.

⁵⁹ Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий, чрез Василья Тредиаковского, С.-Петербургския Имп. Академии наук секретаря. СПб., 1735. С. 84. Перечень авторов. С. 84—88. При этом Кантемиру адресовано вежливое пожелание оставить силлабiku и «из старых наших стихов новые сделать» (там же. С. 87—88).

⁶⁰ См.: Соч. и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского. СПб., 1752. Т. 1. С. V—VII.

⁶¹ Там же. С. VII, VIII.

⁶² См.: Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик... С. 3.

лее там же: «Я за потребно рассуждаю предложить здесь теперь главнейший критерий, то есть неложный знак доброго перевода стихами со стихов. И во-первых надбно, чтоб переводчик изобразил весь разум, содержащийся в каждом стихе; чтоб не опустил силы, находящейся в каждом же; чтоб то же самое дал движение переводному своему, какое и в подлинном; чтоб сочинил оной в подобной же ясности способности; чтоб слова были свойственны мыслям; чтоб они не были барбарисмом опорочены» и т. д. В принципе Тредиаковский не возражал против буквального, дословного перевода, но он видел его опасность: «Впрочем, к сему не всеконечно требуется, чтоб в Переводе быть тем же самым словам и стольким же: сие многократно и почти всегда есть выше человеческих сил; но чтоб были токмо равномерные и конечно с теми точно самыми идеями».⁶³

Этот идеальный критерий если и не выдерживался Тредиаковским на практике, то все же составлял постоянную цель его стремлений. Точность перевода осмыслялась как эквилинеарность и максимальное приближение каждого переведенного стиха к оригиналу по содержанию и «равномерности», т. е. по ритмическому рисунку. Бывали случаи, когда Тредиаковский все-таки изменял в переводе если не «идею», то образ или имя лица — как это было при переложении «Поэтического искусства» Буало («L'art poétique», 1674) в 1752 г., где имя Людовика XIV переводчик заменил именем Петра I,⁶⁴ — но такая прямая актуализация перевода для его манеры не типична. Тредиаковский специально объяснил эту замену, за которой оказалась целая история сопоставлений французского и российского монархов друг с другом.⁶⁵ К этой истории был причастен и сам он как переводчик «Параллели» между Людовиком и Петром из английского «Зрителя» по французскому переводу материалов этого популярного журнала.⁶⁶

Минимально представлена в переводах Тредиаковского русификация реалий текста. Заметнее всего она в объяснительных примечаниях, когда требуется, например, пояснить переведенный образ или метафору. Так, комментируя свой прозаический перевод Горациевой «Эпистолы к Пизонам» («Наука поэзии», «Ars poetica», 10-е гг. до н. э.), Тредиаковский подробно описывает русскую детскую игру: ему нужно обосновать введенную в текст поговорку «Кто назади, тот шелудив».⁶⁷

Требование передачи признаков индивидуального авторского стиля, или слога, в правилах, предлагаемых Тредиаковским, отсутствует. Сохранение «разума», т. е. смысла, и «силы», т. е. выразительности, носит еще обобщенный характер. Ведь речь идет, напомним, об идеальном переводе и о переводе Идеала, образца для подражания.⁶⁸ Однако выполнение этих требований едва ли возможно, по Тредиаковскому, без передачи «движения», присущего стиху

⁶³ Соч. и переводы... Т. 1. С. XI—XII.

⁶⁴ Там же. С. 33.

⁶⁵ См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. С. 12—17.

⁶⁶ См. там же. С. 14—17. Публикация перевода там же (С. 81—83).

⁶⁷ Соч. и переводы... Т. 1. С. 85.

⁶⁸ Если понимание Идеала переводчиком приближалось к авторскому (как в «Тилемахиде»), то возникли условия для точного перевода, разумеется, в пределах точности, доступной эпохе (см.: Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. С. 16).

данного автора, т. е. без своего рода эквиметрии. Важно, что, как увидим далее, Тредиаковскому была небезразлична и эквиритмия прозы. Его теория перевода, основанная на пристальном изучении структуры переводимого и переведенного текста, не могла не привести к проблеме более или менее эквивалентного воссоздания на русском языке индивидуального слога гомеровских поэм или Теренция, Баркли или Роллена.⁶⁹

Само понятие авторского стиля было, разумеется, известно Тредиаковскому и его современникам в середине XVIII в. В составленном в июле 1750 г. отзыве Академии наук о переводе «Житий славных мужей» Плутарха, который был выполнен С. С. Волчковым с французского перевода Анны Дасье, говорилось: «Г. ассессора весь стиль очень неисправен, и во многих местах против свойства российского языка весьма погрешено; также и сила французских слов переведена не право во многих местах, отчего преизрядная сия книга не может понравиться всему обществу читателей наших. О сем Академия особливо старается, когда именовем ее книги печатаются. Хотя ж сие и правда, что каждый автор свой собственный стиль имеет, однако сие разумеется о том, что так называемое формальное в стиле, а не то, что долженствует быть материальное, т. е. всем писателям одного языка общее, а особливо при Академии находящимся».⁷⁰ Отзыв был составлен, вероятно, Тредиаковским, и в тексте его хорошо различимо колебание между понятиями авторского стиля и просветительского общедоступного перевода. Это противоречие в общем преодолел Ломоносов.

Сторонник нормы и меры,⁷¹ Ломоносов в зрелые годы придерживался той же точки зрения, что и Тредиаковский: перевод должен быть верным до такой степени, насколько это возможно без нанесения урона русскому языку. В этом смысле следует, очевидно, понимать особое внимание Ломоносова к сохранению «штиля» в заготовках работы «О переводах». На практике этот принцип воплотился в ломоносовских переложениях из Анакреонта.

Сохранилось относящееся к началу 1750-х годов свидетельство корректора академической типографии, говорящее о требовательном отношении Ломоносова к качеству переводов. В связи с правкой перевода покойного Ивана Шишкина «Мысли Цицерона, переведенные для пользы воспитания юношества г-ном аббатом д'Оливе» («Pensées de Cicéron, traduit pour servir à l'éducation de la jeunesse par M. l'abbé d'Olivet», 1744),⁷² корректор писал: «...г. советник Ломоносов объявил мне, что набором книги, „Мнения Цицеронова“ называемой, погодить надобно, ибо-де она переведена с французского языка таким образом, как обыкновенно французы с латинского переводят, т. е. взявши токмо смысл из оригинала, а слова иные от себя прибавляют, а иные по произволению своему убавляют и выкидывают, а потому-

⁶⁹ Приход Тредиаковского к этой идее А. А. Дерюгин относил к 1760-м годам (см.: Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик... С. 63).

⁷⁰ Цит. по: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 155.

⁷¹ См.: Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966. С. 246—247.

⁷² Мнения Цицеронова, из разных его сочинений собранный аббатом Оливетом, прежде с франц. языка на российский переведены капитаном Иваном Шишкиным; а ныне при Имп. Академии наук исправлены против подлинника латинского. СПб., 1752.

де с латинским оригиналом не сходна, чего-де ради надлежит спроситься, так ли печатать или вновь переводить».⁷³

Требования, которые предъявлялись к прозаическому переводу со стороны наиболее авторитетных практиков и теоретиков этого искусства в рассматриваемую эпоху, были, таким образом, достаточно отчетливыми и строгими, чтобы обеспечить высокое качество переводной литературы, если она станет следовать им.

3

Что касается общей направленности переводной прозы послепетровского времени, то характерным для нее являлось моралистическое или, по меньшей мере, морализирующее сочинение, выражающее более или менее откровенно просветительскую надежду на исправление нравов путем обращения к разуму, логике, мудрости древних. Позже эта общая тенденция эпохи была остроумно названа «нравственной бухгалтерией» XVIII столетия.⁷⁴

Переводные произведения такого рода воспринимались читателями 1730—1750-х гг. в определенной мере еще в допетровских или чаще в петровских традициях, когда личность оставалась как бы функцией надличностной системы ценностей.⁷⁵ Система эта при Петре и его преемниках сильно изменилась, но не исчезла: теперь она стала называться Отечеством, империей.⁷⁶ Секуляризация изменила нравственность, но оставила ее одной из главных забот словесности,⁷⁷ равно отечественной и переводной.

Допетровское христианское назидание представляли такие книги, как «Цвет добродетелей» в переводе с греческого С. И. Писарева, переводчика Иностранной коллегии (1733).⁷⁸ К старому наследию принадлежали и собрания изречений-апофегм. Их вхождению в круг русского чтения способствовали, как уже отмечалось, русско-польские связи XVII столетия, а также древнерусская традиция подобной литературы (пандекты, «Пчела»). Угасая в первой половине XVIII в., старые связи с польской книжностью оставляли тем не менее свой след в России.⁷⁹

⁷³ Цит. по: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 486—487.

⁷⁴ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 21.

⁷⁵ Средневековая корпоративность мышления трансформировалась в своеобразную «вольность» новой личности, но вольность еще очень относительную (см.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 16, 420).

⁷⁶ См.: Schmidt H. Die russische Literatur des 18.—19. Jhs als neuzeitliche Nationalliteratur: Persönlichkeits- und Nationalbewußtsein // Literaturbeziehungen im 18. Jh.: Studien und Quellen zur deutsch-russischen und russisch-westeuropäischen Kommunikation / Hrsg. von H. Graßhoff. Berlin, 1986. S. 213—214.

⁷⁷ Русские литераторы XVIII в. «утвердили и вновь обосновали то типическое и характерное свойство русского литературного мышления, которое отличало его <...> на протяжении двух веков и отличает его по сей день, — нравственный, учительный, гражданский, серьезный характер его, как и характер самой русской литературы» (Гуковский Г. А. Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е годы // XVIII век, сб. 5. Л., 1962. С. 113).

⁷⁸ См.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. С. 545—546.

⁷⁹ См.: Берков П. Н. Русско-польские связи в XVIII в. М., 1958; Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 165—179. См. также выше. С. 84.

Один из примеров того — рукописный перевод книги притчей С. Х. Любомирского в аннинское время.⁸⁰ Другой пример — переводы популярного сборника Б. Будного «Апофегмата».⁸¹

Впервые напечатанный в петровское время (1711), этот сборник преимущественно античных апофегм выдержал 9 изданий и читался до начала XIX в., расходясь также и в списках.⁸² Архаичность языка и присутствие в нем полонизмов воспринимались впоследствии, вероятно, как специфические признаки слога «кратких и узловатых повестей». В содержании привычные, традиционные темы сочетались с вопросами столь же традиционно актуальными: «Леон вопрошен, в коем общенародии безбедная жизнь; отвеща: Где все в равне и правда сильна, а неправда слаба». «Лакедемончик вопрошен: Почто взял жезлу зело малого возраста; рече: Того ради, что от двою злу избирая, лучше избрах меньшее зло. — Сим показа, яко диво на свете жена добрая».⁸³

Боле новый подход к сборникам древней мудрости обнаруживает переводная книга изречений Эпиктета. В них, согласно предисловию переводчика Г. А. Полетики, излагаются основы философии стоиков, которую следует заново оценить после периода «темных веков» (ренессансная позиция).⁸⁴ Вместе с тем в книге явно присутствует материал позднейшего, барочного происхождения: объясняется аллегорическая картина, изображающая Гениуса, Прелесть, Мнение, женщину на шаре — Фортуну и т. п., а также Сфингу (Сфинкса). К последнему имени сделано характерное для эпохи просвещающее примечание, где рассказано об Идипе (Эдипе), который разгадал загадку Сфинкса: «Сие решение услышав Сфинга бросилась с камня и ушиблась до смерти».⁸⁵ В предисловии Г. Полетика изложил свои переводческие принципы: одинаково неприемлемы для него «неприличная вольность» обращения с подлинником и перевод «от слова до слова», а также увлечение «звонящими словами» в ущерб содержанию.⁸⁶ Наиболее целесообразная золотая середина была, как

⁸⁰ См.: Николаев С. И. Элогизм и проповедь: (Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского 1730 г.) // XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII—начало XIX в. Л., 1989. С. 205—218.

⁸¹ Апофегмата, то есть Кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних философов. Переведены с польского на славенский язык. Против первого издания третьим тиснением напечатаны. СПб., 1745 (4-е изд. — 1765, 5-е — 1781).

⁸² См.: Никанорова Е. К. Жанры апофегмы и анекдота в массовой литературе XVIII века: (Сборник «Апофегмата» Б. Будного и его судьба в русской литературе) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Метод и жанр. Межвуз. сборник научн. трудов. Л., 1985. Сб. 7. С. 20—28; Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Рус. лит. 1988. № 1. С. 166—167.

⁸³ Апофегмата... С. 101, 149, 153.

⁸⁴ Эпиктета, стоического философа Энхиридион и Апофегмы и Кевита Фивейско-го Картина, или Изображение жития человеческого / Переведены с Греческого языка Коллежским ассессором Григорием Полетикою. СПб., 1759 (Посвящение — куратору Московского университета И. И. Шувалову). О переводчике см.: Каганов И. Я. Г. А. Полетика и его книжные интересы: (Из истории книжной культуры XVIII в.) // XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 138—144.

⁸⁵ Эпиктета, стоического философа Энхиридион... С. 183.

⁸⁶ См. там же. С. 25—26 нумер.

видим, известна переводчикам давно, еще в эпоху Тредиаковского и Ломоносова. Но само это предисловие показывает, что практика, как правило, не соответствовала теории.

Иная, вовсе новая стилистика — в сборнике «мнений Цицероновых», отредактированных Ломоносовым. Язык этого перевода, почти лишенный архаизмов, приближается к слогу позднего Ломоносова и сумароковской школы: «Когда мы видим красоту и ясность неба <...> когда прилежно примечаем ту часть земли, на которой мы живем, то видим всегда в назначенное время, что

Натуру украшая,
Сияют небеса;
Растет трава густая,
Цветут везде леса;
Меж чистыми ключами
Багреет виноград,
И нивы меж браздами
Дают плоды стократ;

<...> можем ли сомневаться в том, что есть существо, управляющее миром ?...»⁸⁷

Как уже упоминалось, одной из популярных книг петровского и послепетровского времени был трактат С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина». Вместе с Г. Гроцием и Дж. Локком автор, сторонник сочетания естественного права и государственной необходимости, входил в триаду наиболее почитаемых авторитетов петровского поколения.⁸⁸ Переведенная И. Кречетовским, правленная Гавриилом Бужинским и созданная по инициативе Петра, русская версия трактата стала, по-видимому, настольным руководством для нескольких поколений русских просветителей. Петр успел собственноручно отредактировать первые десять глав перевода. В книге имелся «Реэстр памятствующих речений», т. е. краткий русско-латинский философский словарь, призванный ввести в обиход такие новые термины, как «предлог» («предмет»), «природа», «вещь» и т. п.⁸⁹ Примечательна у Пуфендорфа идея личной воли, не особенно поощряемая после смерти Петра: «Понеже действия человеческие от воли происходят, воли же каждого человека не всегда себе подобные, но разных в разные суть. Того ради для благочитания и изрядства в роде человеческом, потребно было правилу некоему быти, которому бы оные воли согласовались» (гл. 2-я «О правиле действий человеческих или о законе общем и о правде»)⁹⁰.

⁸⁷ Мнения Цицероновы, из разных его соч. собранные аббатом Оливетом ... СПб., 1752. С. 5—6.

⁸⁸ См.: Панченко А. М. Начало петровской реформы: идейная подоплека // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 14—15.

⁸⁹ О должности человека и гражданина по закону естественному, книги две, сочиненные Самуилом Пуфендорфом / Ныне же на Российский с Латинского переведенные повелением благочестивейшия Великия Государыни Екатерины Алексеевны, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, благословением же святейшего Правительствующего Всеросс. Синода. Напечатаны же в С.-Петербургской типографии ноября в 17 день, 1726 г. С. 19—23.

⁹⁰ Там же. С. 37.

По-другому толковал правила поведения человека в государстве Н. Ремон де Кур, составитель переведенной Третьяковским «Истинной политики знатных и благородных особ». Его рекомендации должны были больше устраивать как французскую, так и российскую монархии: «Божественное право, порядок гражданского сожития и общая всех народов польза требуют, чтоб каждый человек повиновался законам. В самодержавном Государстве подданные должны почитать своего государя и не сопротивляться ему ни в чем; а в Республиках надлежит отдавать послушание Магистрату».⁹¹

Еще конкретнее практические советы Б. Грасиана, книга которого «Придворный человек» (в оригинале — «*Ogaculo manual y arte de prudencia*», 1647), переведенная в конце XVII в. на французский А.-Н. Амело де ла Уссэ («*L'homme de cour*», 3-е изд. — 1708), была в середине 1730-х гг. переведена с этого перевода на русский С. Волчковым. Посвящение Анне Иоанновне было в части тиража спешно заменено посвящением только что воцарившейся Елизавете. Триста «регол» (правил) с «ремарками» (примечаниями) давали полезные рекомендации светскому деятелю при любом монархе. Делалось это, впрочем, *cum grano salis*, как, например, в «регуле» 237: «Ты думаешь, что яблоки, ажно камень делишь; многие за конфиденство (поверенность) пропали. Конфидентов на подобие хлебной корки временем вместо ложки употребляют; только страх, чтоб сию ложку с ухюю не съхлебали. Поверенность Государя более налог: нежели милость».⁹² Второе издание с легкой модернизацией слога («ажно» заменилось на «вместо того», «чего ради» — на «для того» и т. п.) и измененным титульным листом появилось почти через двадцать лет⁹³ и вновь, вероятно, нашло читателей.

Сергей Волчков перевел и «Флоринову Экономию». Помимо советов по садоводству, кулинарии, домашнему лечению и разведению шелковичных червей, там имелись и наставления по общежитию в духе времени («...когда глава дому слаба и больна, то члены презря оную, сами начальствовать похотят, от чего весь дом в ничто обращается»)⁹⁴. Можно предположить, что книга весьма пригодилась и местному и столичному дворянству и высоко ценилась (хранящийся в Библиотеке Российской Академии наук экземпляр первого издания переплетен в парчу).

Позднейшее издание такого же типа настольного руководства — переведенная с немецкого «Наука щастливым быть», оригинал которой нам неизвестен. Сохраняя обычное для эпохи доверие к идее верноподданства, автор книги уделяет больше внимания нравственности частного человека и даже недворянина («Добродетель мне герб,

⁹¹ Истинная политика знатных и благородных особ, переведена с французского чрез Василия Третьяковского, С.-Петербургския Имп. Академии Наук секретаря. СПб., 1737. С. 30—31.

⁹² Грациан придворной человек, с Французского на Российский язык переведен Канцелярии Академии Наук секретарем Сергеем Волчковым. СПб., 1741 (часть тиража — 1742). С. 193.

⁹³ Балтазара Грациана Придворной человек, переведен с гишпанского языка на французской Амелотом де ла Уссей, а с Франц. на российской Сергеем Волчковым. Издание второе. СПб., 1760.

⁹⁴ Флоринова Экономика, с немецкого на российский язык сокращенно переведена и напечатана повелением ее имп. величества всемилостивейшия великия государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския. СПб., 1738. С. 2.

патент и дворянство».⁹⁵ Есть в книге элементы занимательных аналогий и притч, вроде следующего места: «Кой час я самохвала увижу, то мне та муха на ум и придет, которая в великие жары под телегою у деревенского, с возом едущего мужика на оси сидячи ворчала: куды какая пыль! а все от меня».⁹⁶

Книга имела по меньшей мере три издания (3-е — 1794), а также разошлась в списках (один из них хранится в Петербургском институте театра, музыки и кинематографии). Своей идеей самоценности личности («Человек малой свет и все в себе заключает») ⁹⁷ она служила новым культурным веяниям, в Германии — бюргерским, третьесловным, в России — сентименталистским.

С китайской мудростью и занимательными примерами сочетались попытки описания социальной и даже национальной психологии — в переводной книге И. Г. Дарьеса «О познании человеческих нравов». Относительность благополучия иллюстрировалась там следующим анекдотом, в котором можно усмотреть отражение предьстории таких явлений, как сплин и «мировая скорбь»: «Которое государство богаче Англии? а в котором же народе видим более отчаяния и самоубийства? Скифы жили в беспрестанной бедности, но жизнь им всегда была приятна. Англичане же живут в изобилии, а жизнь скучают. Один из моих земляков рассказывал мне, что знал он в Париже некоторого знатного Англичанина, который описывал ему свою жизнь таким образом: по утру пьет он шеколат, после обеда кофе: потом ходит в комедию или оперу, а оттуда гулять: остаток вечера и ночь препровождает в игре; и в то ж время говаривал, что столь наскучила ему такая жизнь, что он повеситься готов; а одним утром и подлинно нашли его в горнице повешена».⁹⁸

Ответвлением моралистического жанра была литература о воспитании, продолжавшая линию «Юности честного зеркала». К ней относятся переведенное С. Волчковым «Совершенное воспитание детей» аббата Ж. Бельгарда (издавалось в 1747, 1759 и 1775 годах), сочинения женщин-писательниц Анны-Терезы Ламбер — «Письма» к сыну и дочери (переводились еще в «Примечаниях к Ведомостям» за 1732 г., затем, в 1761 г., изданы отдельной книгой)⁹⁹ и «Детское училище» Жанны-Мари Лепренс де Бомон (перевод вышел в 1761 г.), а также «Дворянское училище» Ж.-А. Мобера де Гуве (перевод Е. Харламова 1764 г.). В этих книгах с большей или меньшей степенью занимательности излагались принципы формирования идеального характера, подчас с приспособлением правил к русским условиям. Слог таких переводов в общем нейтрален, это своего рода средний стиль, образующий основу стилистики будущей научно-популярной и дидактической литературы.

⁹⁵ Наука счастливым быть, переведена с немецкого на российский язык Сергеем Волчковым. СПб., 1759. С. 63.

⁹⁶ Там же. С. 60.

⁹⁷ Там же. С. 340.

⁹⁸ О познании человеческих нравов / Переведено с нем. на российский язык из книги г-на Дария Иваном Приклонским. Печатано при имп. Моск. ун-те. М., 1760. С. 19—20.

⁹⁹ О влиянии традиций духовной литературы на этот и подобные переводы см.: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII века // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 105—107.

Одной из самых значительных переводных книг в ранней истории русской педагогики были «Мысли о воспитании» («Some Thoughts Concerning Education», 1693) Джона Локка. Перевод сделал талантливый Николай Поповский, вероятно, по настоянию своего учителя — Ломоносова. Труд Локка, переведенный с французского перевода, позволил русским читателям шире познакомиться с одним из первоисточников новой европейской педагогической науки.

Принципы педагогики Локка состояли, соответственно его философии, в следовании здравому смыслу, практическом отношении к окружающему миру и в культивировании гуманных нравственных правил человеческого общения. Эта позиция приобрела в русской интерпретации характерный патриотический акцент. «Предмет его был тот, — пояснял взгляды Локка переводчик в своем обращении «К читателю», — чтобы показать, каким образом детей честных родителей предуготовлять в пользу отечества...».¹⁰⁰ Едва ли не первым Локк выдвинул проблему гармонического — физического и духовного — развития ребенка, проблему, тогда уже забытую европейской и еще не освоенную русской педагогикой.¹⁰¹

Прежде чем обратиться к переводам собственно художественной прозы, рассмотрим кратко знаменитое сочинение, возникшее на пересечении границ философской, естественнонаучной и беллетристической литератур, — переведенные А. Кантемиром «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля.

Сочинение Фонтенеля натолкнулось в России на противодействие церкви. В книге защищалась, как известно, правота системы Н. Коперника, и эта позиция связывалась в представлении русских людей первой половины XVIII в. с вольнодумством Петра и его окружения, а также со взглядами некоторых петербургских академиков, которые не очень считались с местной православной традицией (Д. Бернулли, Х. Ф. Гросс, Л. Делиль, Г. В. Крафт).¹⁰²

О переводе Кантемира, отличавшемся не только религиозной и политической смелостью, но и высокими литературными качествами, немало написано. Причем отмечается значение перевода для истории русского литературного языка, в особенности языка философской прозы.¹⁰³ Сложный и гибкий синтаксис, который начал создавать

¹⁰⁰ О воспитании детей г-на Локка / Переведено с франц. на российский язык Имп. Московск. ун-та профессором Николаем Поповским. Печатано при Имп. Московск. ун-те. М., 1759—1760. Ч. 1. С. 2 нумер. См. также: *Модзалевский Л.Б.* Ломоносов и его ученик Поповский: (О литературной преемственности) // XVIII век, сб. 3. М.; Л., 1958. С. 168—169.

¹⁰¹ О важности философского влияния Англии в России первой половины XVIII столетия см.: *Радлов Э. Л.* Очерк русской философской литературы XVIII века // *Мысль*. 1922. № 2. С. 21—50; № 3. С. 65—79.

¹⁰² См.: *Пекарский*. Ист. АН. Т. 1. С. LXV; *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России: Из прошлого русского естествознания. 2-е изд. М.; Л., 1947. С. 154—299.

¹⁰³ См.: *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России... С. 218—235; *Шкляр И. В.* Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира // XVIII век, сб. 5. С. 150—151; *Grabhoff H.* Ant. Dmtr. Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jhs und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966. S. 82; *Сорокин Ю. С.* У истоков литературного языка нового типа: (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 52—85.

Кантемир, обеспечил русской словесности будущий расцвет стилистической выразительности.¹⁰⁴ Читателя привлекал также корпус Кантемировых примечаний, с помощью которых разъяснялась и вводилась на рубеже 1720—1730-х гг., когда делался перевод, новая культурно-философская лексика.

Манеру Кантемира-переводчика, несколько более сухую и сдержанную по сравнению с лукавым многословием Фонтенеля, передает следующий фрагмент перевода предисловия, где автор защищает от церковников свою главную идею: «Например луна населена жителями есть предположение, против которого противопоставляется, что естли бы люди были на луне, то Святое писание было бы неистинно, которое род человеческий весь из Адама производит». В оригинале: «Quand on vous dite que la lune est habitée, vous vous y représentez aussitôt des hommes fait comme nous; et puis, si vous êtes un théologien, vous voilà plein de difficultés: la postérité d'Adam n'a pas s'entendre jusque dans la lune, ni envoyer des colonies en ce pays-là; les hommes qui sont dans la lune ne sont donc pas fils d'Adam».¹⁰⁵

Подобные образцы логики были небезопасны: Ломоносову с большим трудом удалось «пробить» второе издание «Разговоров», возможно, им же отредактированное.¹⁰⁶ Как и для Ломоносова, вопрос о боге был для Кантемира неразрывно связан с интересом к реальностям мира и оттеснялся этими реальностями на второй план. Такой же была и его интерпретация, с частичным переводом, «Доказательства бытия божьего» («Demonstration de l'existence de Dieux», 1713) Фенелона в «Письмах о природе и человеке».¹⁰⁷

4

История переводов повествовательной прозы начинается в новой России с перевода аллегорического романа П. Тальмана «Езда в остров любви», выполненного «через студента Василья Третьяковского».¹⁰⁸ Обстоятельства возникновения этого знаменитого перевода и длительная его известность в читательской среде уже исследованы.¹⁰⁹ Известно о влиянии романа на бытовую культуру русского дворянства второй трети XVIII в. Но причины появления в русской литера-

¹⁰⁴ Некоторые места русского текста «Разговоров» кажутся исследователю даже отдаленным предварением слога Л. Толстого (см.: Хютль-Фольтер Г. Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа. С. 19—20).

¹⁰⁵ Разговоры о множестве миров... С. 15 нумер.; Fontenelle, Bernard Le Bovier de. Entretien sur la pluralité des mondes. Paris, 1904. P. XIV.

¹⁰⁶ См.: Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России... С. 287—294, 311—313.

¹⁰⁷ См.: Grabhoff H. A. D. Kantemir und Westeuropa. S. 235.

¹⁰⁸ Езда в остров любви / Переведена с Франц. на Руской через студента Василья Третьяковского и приписана его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину. [СПб.], 1730.

¹⁰⁹ См.: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 19—28; Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 7—22; Сорокин Ю. С. Стилистическая теория и речевая практика молодого Третьяковского: (Перевод романа П. Тальмана «Езда в остров любви») // Венок Третьяковскому. С. 45—54; Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. С. 222—230; Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский — переводчик... С. 23—27.

туре «прециозной утопии» Тальмана кроются, как показал Ю. М. Лотман, не только в культурной потребности: со смертью Петра все глубже становился разрыв между политическими надеждами и общественной реальностью, что и подталкивало русскую мысль на путь утопических конструкций.¹¹⁰ Добавим, что аллегория аббата Тальмана демонстрировала возможность внерелигиозного изображения жизни души. Такие примеры были крайне необходимы русской словесности на новом ее этапе. В этом еще одно объяснение того, что перевод Тредиаковского стал сенсацией,¹¹¹ хотя и в сравнительно узком кругу читателей, которых имела тогда Россия.

Впрочем, причины, побудившие молодого литератора взяться за перевод, были довольно четко изложены в его предисловии. Прежде всего это было стремление найти для сугубо светского сюжета соответствующий слог и даже язык («сия книга есть *Сладкия Любви*, того ради всем должна быть выразительна»),¹¹² исключая тяжеловесную и не всем уже понятную «славенщизну». Вместе с тем Тредиаковского привлекла «замысловатость» Тальмана, т. е. именно новизна слога и темы. «Еще доложу вам болше, — писал переводчик в предисловии, — ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть (я не говорю о себе, но о добрых переводчиках). А буде кто тому не верит, тому я способно могу доказать еще Математическим Методом, что я правду сказал. Ау! Я не думая по-Философски уж и ссорюсь ни-за что! Но полно браниться, пора помириться».¹¹³

Несколько вызывающий тон предисловия не совсем совпадал со стилистикой перевода. Она оставалась все еще неуклюжей, книжной, выдававшей навыки бывшего ученика Заиконоспасских школ. Тем не менее определенная психологическая тонкость аллегорий передавалась по-русски вполне внятно: «Во входе самом оная палаты (Ревнивости. — Р. Д.) стоят Ярость, Привидение и Смущение, которые таким способом обморачивают глаза, что все там криво кажется. Оная Ярость есть в непрестанном смятении, а не знает для чего; говорит она очень скоро и все, что ни произносит, то с великим жаром. Смущение в страх приходит от самой малой причины, которое в горсть совершенную приводит самое Ничто. Привидение всегда себе само чинит несчастье, понеже оно родилося от мечты суетныя для своего мучения».¹¹⁴

К переводу текста Тальмана Тредиаковский присоединил собрание собственных оригинальных и переводных стихов, полагая в соответствии с осознаваемой им своей новаторской ролью в литературе, что «переводчик от творца только что именем ронзится».¹¹⁵

В те же годы, что и перевод книги Тальмана, был сделан перевод упоминавшегося уже популярнейшего романа Ф. Фенелона «Похождения Телемака». Один из «конфидентов» Артемия Вольтского

¹¹⁰ См.: Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Тредиаковского... С. 226—227.

¹¹¹ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. С. 22.

¹¹² Езда в остров любви. 2-м тиснением. СПб., 1778. С. 11—12 нумер.

¹¹³ Там же. С. 11 нумер.

¹¹⁴ Там же. С. 43—44.

¹¹⁵ Там же. С. 11 нумер. О конкретизации в переводе аллегорий «Езды в остров любви» как о проявлении свойства русского языка XVIII в. см.: Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 104—113.

А. Ф. Хрущев начал работать над переводом еще в 1720-х годах (издан в 1747 г.). До конца века появилось еще несколько переводов романа, как печатных, так и рукописных (В. К. Тредиаковский — 1766, И. С. Захаров — 1786, П. С. Железников — 1788—1789, Ф. П. Лубяновский — 1797—1800), что свидетельствует о длительном интересе к роману и в России.

Фенелон создал более сложный тип аллегии, чем у Тальмана, — иноказание, или квази-античную аналогию современности. Его политико-философский, так называемый «государственный» роман как бы продолжил в прозе цикл гомеровских эпических поэм (Телемак — сын Улисса, или Одиссея), но в нем уже осмысливался опыт французского государства эпохи Людовика XIV. Вместе с тем, увлекательно написанный, роман о Телемаке удовлетворял в определенной мере потребность русского читателя в авантюрной прозе. Разумеется, небезразличной для читателя являлась и проходящая через роман идея справедливой и подчиненной благим законам власти монарха.

Современник (И. Г. Рейхель) утверждал: «Нет ни одного романа, который превосходил в красоте и пользе „Телемака“, писанного Фенелоном. Сей роман у всех народов принят с удовольствием, что не только издан он был многократно, но и переведен на многие Европейские языки, как прозою, так и стихами».¹¹⁶

Сравнение разных переводов «Телемака» позволяет проследить перемены в восприятии переводчиками его стиля. Вот, например, фрагмент из 22-й книги, содержащий характеристику Элизиума, в переводе А. Ф. Хрущева:

«В сем месте живут добрые Цари, прежде сего обладающе людьми от прочих праведников отлучени, как злые Цари терпят в тартаре величайшие муки, паче всех грешников недоброродных, так добрые Цари имеют в поле Елисейевом радость бесконечную и величайшую, паче всех человек, любивших добродетели на земли».¹¹⁷

Перевод И. С. Захарова:

«В сем месте благие обитали цари, правившие дотоль человеческим на земли родом: от прочих праведников были они отделенны. Колико государи злые претерпевали в тартаре мучения бесконечно лютейшие, нежели преступники состояния частного, толико благие оные цари в полях Елисейских вкушали вящше нескончаемое блаженство, нежели те от прочих человек, кои во дни жития своего любили добродетель».¹¹⁸

¹¹⁶ Собрание лучших сочинений к распространению знания и произведению удовольствия. 1762. Ч. 3. С. 101. Попытки перевести «Телемака» русскими стихами принадлежали А. И. Дубровскому и Г. Р. Державину (см.: *Словарь писателей*: С. 250, 289—290). К истории переводов этого романа см. также: *Николаев С. И.* Об атрибуции первоначальных памятников Петровской эпохи. С. 167—172.

¹¹⁷ Похождение Телемака, сына Улисса, сочинено г-ном Фенелоном, учителем детей короля Французского, бывшим потом Архиепископом Камбрейским и князем Римския империи / Переведено на рус. язык в 1734 г. и по особливому высочайшему соизволению... государыни Елисаветы Петровны... Напечатано при Имп. Академии наук. СПб., 1747. Ч. 2. С. 57 (3-е «тиснение» этого перевода — 1782).

¹¹⁸ Странствование Телемака, сына Улисса. Творение Архиепископа Фенелона, вновь переведенное Иваном Захаровым. СПб., 1786. Ч. 2. С. 214—215.

Несколько изменились за сорок лет грамматические и лексические нормы, но в целом сохранился высокий стиль с характерными для него церковнославянизмами. В этом отношении стихотворный перевод Тредиаковского не нарушал традиции, но, напротив, более сгущал и едва ли не утрировал признаки высокого стиля, добавляя к архаической лексике торжественный метр своих гекзаметров:¹¹⁹

В сем-то Виталище все Цари пребывали Благии,
 Кои были по Время то Предержащи Людям:
 Были особь от Праведных прочих сии Человеков.
 И как Злыи Цари страдают Муки в Геенне,
 Зельнейши без сравнения, нежели Люди простые;
 Так и Благии Цари на Полях Илисийских прекрасных
 Пренаслаждаются все несравненно бóльшим Блаженством,
 Нежели прочии от Людей Добродетель любивших.¹²⁰

«Тилемахида» — предпринятое Тредиаковским переложение французской эпической прозы на античный сюжет в новосозданные русские гекзаметры. Это, по его выражению, — «четвертая Эпопия» после «Илиады», «Одиссеи» и «Энеиды», а «Ироическая, инако Эпическая Пиима и Эпопия есть крайний верх, венец и предел высоким произведениям разума человеческого».¹²¹ О месте этого стихотворного эксперимента в русской поэзии и о стилистике поэмы подробно писал А. С. Орлов, слишком, может быть, подчеркивая «социальный утопизм» сочинения Фенелона — Тредиаковского, но много внимания уделив такому действительно оригинальному явлению, как воспроизведение в переводе отсутствующих у Фенелона примет «античной эпической речи».¹²² Тредиаковскому, который сознательно ориентировался на греко-латинский эпический слог, удавалось в то же время почти дословно укладывать в гекзаметры ритмическую прозу Фенелона.¹²³

Другим переводом эпического произведения, который выполнил Тредиаковский в 1740-е годы, явился перевод «Аргениды» Дж. Баркляя (Баркли), шотландского новолатинского писателя, работавшего во Франции. Это был также политико-философский роман в форме авантюрного повествования.

Задача романа переводчику была понятной. «Намерение Авторово в сложении толь великия повести состоит в том, — говорилось в „Предуведомлении от трудившегося в переводе,“ — чтоб предложить совершенное наставление, как поступать Государю и править государством, особливо же французским».¹²⁴ Здесь же делался выпад

¹¹⁹ О переводческом методе Тредиаковского см.: Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода. С. 10—16; Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. С. 14—19.

¹²⁰ Тилемахида... Т. 2. С. 110.

¹²¹ Там же. Т. 1. С. I, XII.

¹²² Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век, сб. 1. С. 41 (вся статья — с. 5—55).

¹²³ См. там же. С. 40. В заметке А. И. Малеина, приложенной к статье А. С. Орлова, указываются источники антиквизирующей лексики Тредиаковского: Гомер, Софокл, Еврипид, Овидий и др. (см. там же. С. 57—60).

¹²⁴ Аргенида... Т. 1. С. IV.

против распространившегося в Западной Европе и перешедшего в послепетровскую Россию английского по происхождению (Локк) принципа ограничения самовластия. В романе Баркли ТрEDIAKовский увидел ответ тем «зловредным сумасбродам», которые, «охрипнувши с крику определяли, что королевская власть долженствует иметь пределы, пребывая токмо в тех своих границах, и прочее многое и неистовое».¹²⁵ В этой оговорке — русский опыт 30-х годов, впечатления от елизаветинской монархии, которая сделалась игрушкой придворных политических сил.¹²⁶

Вместе с тем ТрEDIAKовский всячески подчеркивал литературные достоинства этой повести, «или, как Французы называют» — романа.¹²⁷ Это — прихотливый сюжет, увлекающий и поучающий читателя, который «не без удовольствия увеселится <...> дикою, надменною, безрассудною и во всем грубою деревенских мужиков простотою <...> познает он пустошь чародеек, ложь астрологов, бедствия и слепоту любовников, рассказы и ябеды стряпческие».¹²⁸ В латинской прозе Баркли переводчик усмотрел опыт античного и романского эпоса («Подлинно, вся форма его стиля, также и весь способ в соединяемых материях, и от них в отступлении, равно как и в украшении, есть стихотворческий, какой у Гомера в Илиаде и в Одиссее на Греческом, у Вергилия в Энеиде, и у Стация в Тебаиде на Латинском, у Тасса в изъавленном Иерусалиме на Италианском, у Камозэнса в Лузиаде на Португальском, и у Волтера в Ганриаде на Французском...»)¹²⁹ И что еще примечательнее — ТрEDIAKовский уловил в романе присутствие драматической композиции по канонам классицизма. В произведении «пять частей надлежит почитать за — пять действий; а искусный всяк усмотрит, что и самые становления существенных частей, каковы в Дrame так названы быть могущие Оглавление, Узол и Развязывание соединены точно по-драматически», разве что отсутствует единство времени и места. Главное же, что в повести есть нравочение и предлагается оно «чувствительным и слатким способом».¹³⁰

ТрEDIAKовский обратил внимание читателя на любовно-психологическую линию — историю царевны Аргениды и «истинной сердечной ее горячести».¹³¹ Эта сторона книги могла служить гарантией успеха.

Предисловие переводчика переросло в научный и публицистический трактат, как это случалось у ТрEDIAKовского, который на этот раз изложил свою точку зрения на русский слог переведенного романа. В эти годы писатель искал способы удовлетворить вкус появившегося уже просвещенного читателя, т. е. старался быть понятным, не теряя, однако, «пиитической осанки». «И по истин-

¹²⁵ Там же. С. V. Об общественном весе этого романа в Европе XVII в. и о том, что издание в 1750-х годах русского его перевода не было случайностью, см.: *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // *Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте.* С. 6—7.

¹²⁶ См.: *Ключевский.* Т. 4. С. 280, 342.

¹²⁷ Аргенида... Т. I. С. XVIII.

¹²⁸ Там же. С. LI.

¹²⁹ Там же. С. IX.

¹³⁰ Там же. С. XII—XIII.

¹³¹ См. там же. С. LI.

не, — утверждал будущий создатель „Тилемахиды“, — перевода моего не будет уже читать грубых времен новгородка Марфа посадница: он сделан для нынешнего учтвого и выщеченного, в которое наш язык не имеет уже ни ОЖЕ, ни АЧЕ, ни других премногих архаизмов, то есть старины глубокия». ¹³² И почти рядом — защита стихов без рифмы, поскольку они связывают современную поэзию не с «готическими временами», а с русской песней («Простых наших людей песни все без рифмы, хотя и идут то хореем, то иямбом, то анапестом, то дактилем; а сие доказывает, что коренная наша поэзия была без рифм, и что она тоническая»). ¹³³ В этом отношении вывод Третьяковского, что «пиит есть подражатель натуре», ¹³⁴ можно рассматривать как своеобразное переосмысление классицистского тезиса, примененного для того, чтобы обосновать изображение естественных чувств и опору на традиции национальной поэзии.

Первые же строки перевода показывают, насколько мастерски владел Третьяковский русской прозой, ритмизуя ее по латинскому образцу и по правилам русской тоники: «Мир еще не раболепствовал Риму, ни Океан тогда не трепетал еще Тибра; когда на Сицилийский край, где река Гела падает в море, великородного взора юноша с иностранного шел корабля». — «*Non dum Orbis adoraverat Romam, non dum Oceanus decesserat Tybri, cum adoram Siciliae, qua fluvius Gelas maria subit, ingentis speciei juvenem peragrina navis exposuit.*» ¹³⁵ По сравнению с давним, «студентским» переводом «Аргениды», сделанным Третьяковским в первой половине 1720-х годов, «сей второй с основания новый» отметил собой через четверть века наступление иного, более высокого этапа русского переводческого искусства. ¹³⁶

«Аргенида» появилась перед русским читателем середины XVIII в. в сопровождении свиты переводных авантюрных повестей, часть которых стала уже проходить через печатные станки Академии наук, кадетского корпуса и новосозданного Московского университета. Это был заключительный период предьстории русской беллетристики. ¹³⁷

В некоторых из этих книг преобладал приключенческий элемент, хотя в духе эпохи и из-за цензуры утверждалось, что всюду на первом плане нравственный смысл. Такой была «История о княжне Иерониме» в переводе И. Шишкина, собственно — «История любви славного императора турок, завоевателя Константинополя Магомета II и греческой принцессы Иеронимы» («*Histoire des Amours du fameux empereur des Turcs, conquérant du Constantinople, Mahomet II*

¹³² Там же. С. LXI—LXII.

¹³³ Там же. С. LXVI—LXVII. В предисловии к «Аргениде» имелись следы полемики с Ломоносовым (см.: *Быкова Т. А. Заметки о редких русских изданиях. 2. Корректирный экземпляр «Аргениды» // XVIII век, сб. 4. М.; Л., 1959. С. 399—401*), но в цитируемых мыслях Ломоносов и Третьяковский едва ли расходились между собой.

¹³⁴ Аргенида... Т. 1. С. LXXXVII.

¹³⁵ Там же. С. I; *Johannis Barclaii Argenis, cum clave, hoc est: Nominum propriorum educatione & indice accuratissimo. Lipsiae; Jenae, 1659. P. 1.*

¹³⁶ См.: Аргенида... Т. 1. С. LIX. См. также: *Николаев С. И. Ранний Третьяковский: Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя // Рус. лит. 1987. № 2. С. 93—99.*

¹³⁷ См.: *Адрианова-Перетц В. П. Новеллистические сюжеты в фольклоре и русской литературе XVIII века // Русская литература XVIII века и ее международные связи. С. 12—17.*

avec la princesse greque Eronime»¹³⁸ Мнимое историческое правдоподобие и генеалогия героини, приключения, муки любви и ревности, нечаянные встречи, интриги и счастливый конец — все это связывало «Иерониму» с рукописной повестью конца XVII и начала XVIII в.¹³⁹ Актуальной была и греко-турецкая тематика «Истории».

К этому жанру принадлежал и перевод «Приключений Жиль Блаза из Сантильяны» А.-Р. Лесажа («Les Aventures de Gil Blas de Santillane», 1715—1735), сделанный В. Тепловым.¹⁴⁰ Книга, столь заметная в истории западноевропейского пикарескного романа, со временем получила признание и у русских читателей. Широкая и многосторонняя картина жизни общества, разоблачение его пороков, с одной стороны, а с другой — добродетельное завершение пути героя после бесчисленных нравственных падений способствовали развитию предреалистических тенденций в русской прозе, удовлетворяя в то же время требованиям дидактической эстетики классицизма.

Эти издания не были, впрочем, в центре общего читательского внимания, хотя и переиздавались в течение всего века: «Иеронима» — в 1765 и 1783 гг., «Жиль Блаз» — в 1760—1761 гг. и позже.¹⁴¹ Лесаж стал весьма популярным, как увидим далее, но обрел читателей, по-видимому, не сразу.

Стиль обоих переводов представлял собой более или менее удачное стремление Шишкина и Теплова к средней норме без претензий на «пиитическую осанку». Образец его у первого из переводчиков: «Видя в таком ужасном нападении прекрасну без примера, почувствовал, что она мне страшнее всего Палеологова войска; красота ее произвела в одну минуту в сердце моем то, что в целой век произвести ей можно...» У второго: «Осмотрев я и товарищ мой помянутые вещи (театральную сцену, устроенную на лугу. — Р. Д.), захотелось нам ведать, для чего чинятся такие приготовления. Мы пошли было о том осведомиться, как Дизго узнал своего дядю Томаса де ла Фуэнте, которой был при том учредителем».¹⁴²

Гораздо глубже в тему несчастного героя, гонимого судьбой, но остающегося «великодушным» (т. е. великим душою), проник А.-Ф. Прево в романе «Воспоминания и приключения благородного человека, оставившего свет» («Mémoires et aventures d'un homme de qua-

¹³⁸ История о княжне Иерониме, дочери Димитрия Палеолога... с франц. языка на российский. перев. капитаном Иваном Шишкиным. 2-е изд. СПб., 1752 (1-е изд. нам неизвестно). В рукописи повесть называлась «Описание великодушных поступок Магомета второго с княжной Иеронимой» (см.: Берков П. Н. Иван Шишкин... С. 58—59).

¹³⁹ Переводы И. В. Шишкина явились «связующим звеном между старорусской рукописной традицией и новым печатным, хотя и переводным романом» (там же. С. 63). Кстати, еще в 1740-х гг. Шишкин выполнил перевод «Памелы», не увидевший тогда света (см.: Костюкова В. В. Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век, сб. 18. СПб., 1993. С. 322—334).

¹⁴⁰ Похождения Жилблаза де Сантилланы, описанные г. Лесажем и перевед. Академией наук переводчиком Васильем Тепловым. СПб., 1754—1755. Т. 1—4.

¹⁴¹ В 1773 г. повесть о греческой принцессе была переделана В. И. Майковым в стихотворную трагедию «Фемист и Иеронима» (см.: Берков П. Н. Иван Шишкин... С. 61). Что касается русского «Жиль Блаза», то его читали по крайней мере в Симбирске в начале 1770-х годов, наряду с «Тысячью и одной ночью» и бурлесками П. Скаррона (см.: Дмитриева И. И. Взгляд на мою жизнь. СПб., 1866. С. 14).

¹⁴² История о княжне Иерониме... С. 9; Похождения Жилблаза де Сантиллана... 2-е изд. СПб., 1760. Т. 1. С. 309.

lité qui s'est retiré du monde», 1728—1731).¹⁴³ Главным для переводчика, молодого И. П. Елагина, было нравоучение. Герой романа сравнивался в предисловии к русскому изданию с Ментором, спутником Телемака, воплощением богини Минервы («божественный Мантор, вымышленный господином Фенелоном»).¹⁴⁴ Однако можно предположить, что для читателей была небезразлична повествовательная сторона, соединявшая приключения с рассказом человека о своих переживаниях. Вот герой в Софии, в турецком плену: «Коль мучительны были в сих печальных обстоятельствах первые мои рассуждения! Немалое время, сжав я руки и потупя в землю глаза свои, был неподвижен. Встревоженный различными несчастиями мой дух летал из мысли в мысль, и не мог при одном размышлении ни на минуту остаться».¹⁴⁵

В книге имелся и своего рода литературный фон. «Были у меня три книги, которых я любил всегда, а тогда и новыми их почитал, — рассказывает герой о своем плене, — одна была Телемак господина Фенелона, другая о характерах Брюиерова, третья, часть трагедий господина Расина»; сам же маркиз говорит о себе: «я как второй Телемак». Ко всем именам делаются пояснительные сноски. Телемак был известен читателям, по поводу же трагедий указано: «О Расине смотри в примечаниях господина Сумарокова к его Епистолам».¹⁴⁶ Читателя знакомили, таким образом, с кругом чтения «благородного человека».

В переводе романа Прево историк литературы увидел наступление нового периода русской прозы, когда повествовательный стиль «литературно-светской речи» в принципе оказался уже созданным.¹⁴⁷ Нам же важно отметить включенность «Маркиза Г...» в поток авантюрной и моралистической литературы первой половины XVIII в. и вместе с тем усиленный психологизм книги как новую черту. Об интересе к этому роману можно судить по письму М. Хераскова к академику Г. Ф. Миллеру из Москвы от 22 января 1758 г., где он просил прислать ему «книгу Маркиза г. Елагина».¹⁴⁸

Другая книга Прево, также написанная в виде мемуаров человека, который пережил множество злоключений и хочет открыть читателю «тайности сердца», а именно «Английский философ, или История господина Кливленда, побочного сына Кромвеля» («*Philosophe anglais, ou Histoire de M. Cleveland, fils naturel de Cromwel*», 1732—1739), оуведенная С. А. Порошиным, сыграла свою роль в борьбе жанра романа за самоутверждение в России.

Известно, что русский классицизм относился в общем к этому старому, но обновляющемуся жанру настороженно: роман казался профанацией эпоса. Делались лишь немногие исключения. «Эпических

¹⁴³ Приключения Маркиза Г..., или Жизнь благородного человека, оставившего свет, переведена на Российской язык Иваном Елагиним. СПб., 1756—1765. Ч. 1—6.

¹⁴⁴ Приключения Маркиза Г... СПб., 1756. Ч. 1. С. 9 нумер.

¹⁴⁵ Приключения Маркиза Г... СПб., 1756. Ч. 2. С. 3.

¹⁴⁶ Там же. С. 5, 7.

¹⁴⁷ См.: Головчинер В. Д. Из истории становления языка русской литературной прозы 50—60-х годов XVIII века: (Роман аббата Прево «Приключения Маркиза Г***, или Жизнь благородного человека, оставившего свет» в переводе И. П. Елагина и В. И. Лукина) // XVIII век, сб. 4. С. 70 (вся статья — с. 66—84).

¹⁴⁸ Пастушенко Л. М. Письма М. М. Хераскова к Г. Ф. Миллеру... С. 206.

остроумных, удивительных, а иногда Гомера и Вергилия превосходящих вымышленей прозою написанных, не надеюсь, чтоб больше было на другом каком языке, нежели сколько их есть на Французском, которые у них Романами называются. Однако все таковые Романы насилу могут ли перевесить хорошством одну Барклаеву Аргениду, Латинским языком хитро написанную», — писал Тредиаковский в «Новом и кратком способе». ¹⁴⁹ Ломоносов теоретически исключил «французские сказки, которые у них романами называются» (почти цитированные слова Тредиаковского!) из числа полезных «вымыслов», «составленных для нравоучения», но все же причислил к этим полезным вымыслам, наряду с античным эпосом, «Телемака» и «Аргениду». ¹⁵⁰ В «Письме о чтении романов» (1759) Сумароков отделил того же «Телемака», а также «Донкишота» «и еще самое малое число достойных романов» от остальных сочинений «худого романического склада», ¹⁵¹ к которым он относился с решительным неприятием.

Спор о романах, усилившийся на рубеже 50-х и 60-х годов, отразил потребность в узаконении наконец этого неклассицистского жанра в русской жанровой системе. Примечательно, что в защиту романа выступили переводчики — С. А. Порошин, Е. С. Харламов как наиболее заинтересованные в успехе жанра, который получал все большее распространение в Европе. ¹⁵² Отвечая своему коллеге Стефану Писареву, который демонстрировал обычное неприятие романов, Семен Порошин, в то время поручик Сухопутного шляхетного корпуса, в своем предисловии к переводу книги Прево расширил допущения Ломоносова и Сумарокова о пользе произведений этого рода. «Не у одних нас, — напомнил он, — есть Бовы королевичи, Еруславы лазаревичи, Петры золотые ключи. Везде их много. Но надобно предвидимому разумом человеку справедливое полагать различие между такими враками и связно, приятно и остроумно переведенными приключениями. <...> справедливость, по моему мнению, запрещает греметь против них толь немилосердно». ¹⁵³ Тут же, правда, переводчик сделал замечание, что, читая некоторые романы, «кои сложены без всякого намерения <...> не в долгом времени преизящные качества известного Дона Кишота приобрести можно». ¹⁵⁴

¹⁴⁹ Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735. С. 84.

¹⁵⁰ См.: Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов. Т. 7. С. 222—223. См. также: Оришин А. Д. О значении «Риторике» Ломоносова // XVIII век, сб. 7. С. 94—98.

¹⁵¹ Трудодлюбивая пчела. 1759. Июнь. С. 374.

¹⁵² См.: Шамрай Д. Д. Об издателях первого частного русского журнала... С. 382. См. также ниже. С. 145.

¹⁵³ Философ Аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелера, самим им писанное и с аглинского на франц., а с франц. на российской язык переведенное. Печатано в Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе [СПб.,] 1760. Т. 1. С. 2, 5 нумер.

¹⁵⁴ Там же. С. 5 нумер. О раннем, с 1720-х годов, знакомстве русских с романом М. Сервантеса см.: Алексеев М. П. Русская культура и романский мир (Избранные труды). Л., 1985. С. 49.

«Намерение» автора и переводчика романа Прево о Кливленде отличалось от классицистского канона.¹⁵⁵ Герою был избран *внутренне* благородный и чувствительный человек: «Теперь пускаюсь в беспредельный Океан своих злоключений. Начинаю повествование, при котором от плача не могу удержаться, и которое конечно извлечет слезы у моих читателей. От сей мысли чувствую я, описывая свои похождения, некоторую отраду, что жалостные сердца к соболезнованию подвигну».¹⁵⁶ Это было то, что привлекло к роману русских читателей, особенно молодежь. При упоминании «философа аглинского» думали, скорее всего, не о Локке, а именно о герое популярного романа (отклики — в журнале «Праздное время, в пользу употребленное», в комедии Екатерины II «О время»)¹⁵⁷

К числу первых напечатанных переводных романов, которыми заинтересовался Ломоносов, относится сатирическая утопия Л. Хольберга «Подземное путешествие Нильса Клима» («Niels Klims unterjordiske Rejse», издание по-латыни — 1741, датский вариант — 1742, затем появился немецкий перевод).¹⁵⁸ В ряду таких сатирических сочинений, как «Гулливер» Дж.Свифта, «Разговоры» Лукиана и Эразма Роттердамского, «Золотой осел» Апулея, «Дон-Кихот» Сервантеса и «Комическая история государств и империй Луны» С. де Бержерака, роман Хольберга понравился Ломоносову, как представляется, не просто своей полезностью для исправления нравов. Едкая насмешка была сродни ломоносовскому воинственному духу.

«Подземное путешествие» относилось к тому же виду утопических сочинений, к которому принадлежали романы Свифта и Рабле, переведенный тогда уже на русский язык «Микромегас» Вольтера («Micromégas», 1752). Перевод этой философской повести, а вскоре затем и вольтеровские «Мемнон» («Мемнон», 1750) и «Задиг» («Zadig», 1747) в хороших, хотя и сокращенных переводах появились в «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих».¹⁵⁹ В повестях этого рода обычно отсутствовало прямое назидание: «мораль» надо было извлекать из текста. Между автором и читателем устанавливались новые, более сложные, чем раньше, отношения.

¹⁵⁵ «Русские литераторы, <...> еще двигаясь к классицизму, а затем укрепляя его, в то же время жили и творили уже в эпоху формирования сентиментально-моралистической литературы, ее журналистики, ее эстетических концепций» (Гуковский Г. А. Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е годы. С. 115).

¹⁵⁶ Философ аглинской... Т. 2. С. 3.

¹⁵⁷ См.: Веселовский Ю. К юбилею школьных журналов в России (1759—1909) // Веселовский Ю. Литературные очерки. М., 1910. Т. 2. С. 113—114.

¹⁵⁸ Подземное путешествие, представляющее Историю разнородных с удивительными и неслыханными свойствами животных, також образцов житья и домостроительства оных, которое, с чудными и разнопревратными похождениями чрез двенадцать лет отправка, наконец в Копенгагене на Латинском языке в свет издал Николай Клима, бергенский студент, подземный герой и после бывший бергенской же крестовой кирки пономарь. СПб., 1762. См. также: Гозенлуд А. А. Ломоносов и Гольберг о музыке // Русская литература XVIII века и ее международные связи. С. 211—216.

¹⁵⁹ Ежемес. соч. 1756. Генварь. С. 31—61; Апрель. С. 330—338; 1759. Генварь. С. 58—71; Февраль. С. 152—167; Март. С. 226—242; Апрель. С. 337—351; Май. С. 446—469; Июнь. С. 503—525. См.: Заборов. С. 31—61.

Понимание литературы как поучения или обличения исподволь значительно менялось.

В случае с Хольбергом читателя должен был забавлять (или раздражать) лукавый сказ вымышленного бергенского студента. Повествовалось там, например, о царстве женщин на некой подземной планете, где, согласно старой фольклорной и масленичной идее «превратного мира», все наоборот: «Ужасное чужестранцам бывает тамо удивление <...> видеть хозяйку в кабинете с пером за пищим столиком сидящую, а хозяина, по поварне шатающегося и горшки с блюдами перемывающего <...> везде посылали меня на поварню, а тамо из хозяев

Иной сребро, иной горшки перетирал,
Иной, прибавши все, поварню подчищал.
Хозяйка всяка сплошь, над мужем с палькой стоя,
Ругала своего, за леность, горшкомоя».¹⁶⁰

Вместе с тем было в книге и описание «вольной земли», жители которой «ничьим повелениям не повинуются», кроме «первейшего оного природы правила, то есть: чего себе не хочешь, того другим не делай».¹⁶¹

5

В процесс совершенствования литературного языка была вовлечена и та часть литературы, которая, не являясь собственно беллетристикой, тесно с ней граничила. Прежде всего это были исторические сочинения, которые в сознании людей 1730—1760-х гг., не говоря уже о более ранних временах, нечетко отделялись от историй вымышленных.¹⁶² Повествование о прошлом — о событиях исторических, мифологических или сочиненных автором — равно могло служить источником для нравственного поучения и для воспитания. «Научиться Истории значит не иное что как научиться пристрастиям и мнениям человеческим и до основания исследовать их намерения, — говорилось в назидательных „Письмах“ госпожи Ламбер. — Словом, почитай ты Историю за зеркало всех времен и за образ, человеческие нравы ясно представляющий».¹⁶³

Исторические труды, как известно по опыту Ломоносова и Василия Татищева, требовали не столько красноречия, сколько ясности и убедительности изложения. Такова была тенденция всей русской ученой прозы со времени Петра. Татищев начал в 1740-х гг. заново переписывать свою «Историю российскую» на современном языке.¹⁶⁴ Ломоносов боролся за четкость научной терминологии, со-

¹⁶⁰ Подземное путешествие... С. 146—147.

¹⁶¹ Там же. С. 200—201.

¹⁶² См.: Быкова Т. А. Литературная судьба переводов «Древней российской истории» М. В. Ломоносова // Литературное творчество Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 237.

¹⁶³ Письма г-жи де Ламберт к ее сыну о праведной чести и к дочери о добродетелях, приличных женскому полу. СПб., 1761. С. 70, 72.

¹⁶⁴ См.: Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // XVIII век, сб. 7. С. 71—72.

вершенствуя вместе с тем своеобразную эстетику ученой прозы: в своей «Древней российской истории» (1766) он строил продуманные симметричные периоды, взяв за образец, очевидно, латинскую речь.¹⁶⁵ Как редактор он неизменно улучшал текст, делал его понятнее и лексически совершеннее.

По иному пути шел Третьяковский, сменив борьбу против «глубокословных славенщизн», которую он вел в молодые годы, на усилия по созданию сугубо книжного слога, основанного на церковнославянских элементах и искусственных неологизмах. Вот образчик стиля одного из последних переводов Третьяковского — из «Истории о римских императорах» Ж.-Б. Кревье («Histoire des empereurs romains depuis Auguste jusqu'à Constantin», 1750—1756): «Война на Салассов не стала ни в великие удовольствия, ниже была и долговременна. Варрон-Мурена окончал ее в одну только Напольность, в которую, по нескольких небольших Преимуществ, совершил вероломством Победу, кою начал Силю».¹⁶⁶

Из переводных сочинений, имеющих отношение к истории, в наибольшей близости к художественной литературе находились так называемые «жития» — биографии знаменитых людей. Самим названием жанра они были связаны с русско-византийской (и отчасти, вероятно, с западной) агиографической традицией. Но наряду с поучительностью и авантюрными чертами, показательными для прозы этого времени, в этих биографиях проявился зарождающийся интерес к внутренней жизни выдающейся личности.

Одной из первых книг такого рода стало «Житие Петра Великого» — перевод итальянской компилятивной биографии А. Катифоро «Жизнь Петра Великого, императора России, извлеченная из разных записок, напечатанных во Франции» («Vita di Pietro il Grande, Imperator della Russia, estratta da varie Memorie pubblicate in Francia», 1737).¹⁶⁷ Перевел, точнее — переделал оригинал С. И. Писарев в начале 1740-х годов; тема обеспечила книге популярность в годы елизаветинского царствования (перевод был поднесен императрице в 1743 г.). Позже книга была издана в отредактированном виде (1772, 1788), причем примечательна русификация лексики: «навигация» была переделана на «мореплавание», «акция» — на «действие», «церемонии» — на «учтивые обряды» и т. п.¹⁶⁸

Не меньше читалось упоминавшееся уже «Описание жития и дел принца Евгения Савойского», переведенное еще при Анне Иоанновне

¹⁶⁵ См.: Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 206—218; Оришин А. Д. О стиле научной и публицистической прозы М. В. Ломоносова // XVIII век. Сб. 6. Русская литература XVIII в.: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 73—90.

¹⁶⁶ История о римских императорах с Августа по Константина, сочиненная г. Кревиером... СПб., 1767. Т. 1. С. 62. Об эволюции Третьяковского-стилиста см.: Успенский Б. А. Третьяковский и история русского литературного языка // Венок Третьяковскому. С. 40—44; Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский-переводчик... С. 106—124.

¹⁶⁷ Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, отца отечества, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италианском, а потом и на греческом: с коего на рос. язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772.

¹⁶⁸ См.: Буш В. В. «Житие Петра Великого» Стефана Писарева // ЖМНП. 1915. Нов. сер. Ч. 59, № 10. Отд. 2. С. 262—291.

прекрасным для этого времени русским слогом, почти не затруднявшим, как можно догадываться, даже не весьма начитанного человека, и написанное как увлекательный роман о подвигах знаменитого «имперского» полководца в борьбе против Порты. «Славные и мужественные дела сего Принца, — так начиналось повествование, — которой во всем своем житии мало обыкновенных свойств в себе показывал, начались при весьма особых и удивительных обстоятельствах».¹⁶⁹

Почти непрерывные войны России порождали читательский интерес к воинским подвигам. В 1748 г. был издан сборник «житий» полководцев древности — двадцать пять биографий, составленных Корнелием Непотом; перевод с латыни В. Лебедева.¹⁷⁰ Книга предназначалась для учащегося юношества и своим «ландкартным алфавитом» напоминала учебник. Сведения из жизнеописаний Непота — вроде знаменитой «Аннибаловой клятвы» — глубоко и навсегда вошли в сознание русского молодого читателя.

Потребностям этой же публики отвечал и новый перевод сочинения Квинта Курция Руфа об Александре Македонском, сделанный академиком С.П. Крашенинниковым. Новый перевод соответствовал, по мнению переводчика, новым временам, ибо, как говорилось в предисловии, «прежний российский перевод столь недостаточен, что и в слог, и в изъяснении авторовых мыслей подвержен превеликим порокам». Слог его «состоит из славенских российских, малороссийских и чужестранных речей без нужды употребленных <...>, а в таких местах, которые потрудяе, особливо же в речах, где большая красота и важность авторово сочинения, редкой период имеет точное свое знаменование». «Одним словом, — считал переводчик, — сей перевод только к тому полезен, что по нем рассуждать можно, в каком состоянии науки в России были около времен своего начала».¹⁷¹

Со старой переводческой манерой, казалось, было навсегда покончено. Но Крашенинникову не удалось совсем избавиться от тяжеловесного слога, например, в картине вторжения Александра в Индию: «Напереди шли ближние и Когорс его различными цветами и венками украшенные, инде играли на трубах, а инде на Арфах; прочее войско на украшенных возможным великолепием колесницах ехало и пировало, обвеса вокруг оных богатое свое оружие. А сам Александр с бывшими при столе его сидел на колеснице, отягченный золотыми чашами и превеликими золотыми ж покалами».¹⁷² Хотя в некоторых динамичных сценах слог перевода проще, в общем он все еще архаичен. Тем не менее книга, по-видимому, считалась интересной.¹⁷³

¹⁶⁹ Описание жития и дел принца Эвгеня, герцога Савойского... СПб., 1740. С. 1.

¹⁷⁰ Корнелия Непота Жития славных Генералов, в пользу юношества с лат. языка переведены Васильем Лебедевым, Академии наук Переводчиком. СПб., 1748; 2-е изд. — 1785. Оригинал: «De viris illustribus» (I в. до н. э.).

¹⁷¹ Квинта Курция История о Александре Великом, царе Македонском, с дополнением Фрейнгейма и с примеч. / Переведена с лат. языка вторично Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. СПб., 1750. Т. 1. С. 8—9.

¹⁷² Там же. Т. 2. С. 452.

¹⁷³ На 1-м томе «Истории о Александре» (экземпляр БРАН) сохранилось 4 рукописных эклибриса.

Значительно легче был стиль несколько более позднего перевода «Истории о Кире» Ксенофонта («Киропедия», IV в. до н. э.),¹⁷⁴ в которой рассказывалось о душевном величии правителя; интерес к душе становился чертой эпохи.

К 1760 г. были переведены еще два «жития», не связанные, правда, с воинской доблестью, но посвященные любопытным историческим фигурам. Это были «Жизнь Френсиса Бэкона, лорда-канцлера Англии» Д. Маллета, по французскому переводу А. Делера «La vie du chancelier Francois Bacon» (1755) — перевод Третьяковского, и «История о Дон Карлосе» С. Сен-Реаля («Dom Carlos, nouvelle historique», 1673), переведенная А. Семичевым.¹⁷⁵

Третьяковский перевел, собственно, не только жизнеописание одного из зачинателей европейской науки, но и очерк его взглядов, составленный А. Делером, участником «Энциклопедии», «Опыт о королеве Елизавете» самого Бэкона и «Похвалы» ученому. Получился свод сведений об английском философе и естествоиспытателе, обогативший историко-научную литературу России. Были в переводе идеи, которые позволяли показать Бэкона не только с государственной или ученой, но и с человеческой стороны — аспект новый для русской литературы, но мы знаем, насколько плодотворный. «Как же зло сие Италианское присловье! — переводил Третьяковский. — Италианцы вам скажут о человеке: он так добр, что ни к чему годен. — Сие есть одно из самых великих расположений добродетели, именно доброты; она склонность души, которая идет далее человеколюбия, преклоняя ее живо к потребностям всех тварей; она чувственность, коя разливает во всех сердцах некоторый род сладкого снисходительства, и не попускает их никогда раскаяваться в добром действии, какой бы ему успех ни был. Без сего характера, приближающего нас наиболее к божеству, человек есть существо беспокойное, бедное, смертоносное земле и себе самому».¹⁷⁶

Как всегда, Третьяковский вложил в этот перевод нечто личное. «Опыту о королеве Елизавете» он предпослал свою заметку «Для известия», где старался, опираясь на Бэкона, объяснить, что «ласкательство», т. е. официальная лесть — вещь вынужденная и неизбежная для всякого, кто желает, чтобы его услышали власть предержащие.¹⁷⁷

Книга аббата Сен-Реаля о сыне Филиппа II стала первоисточником той темы Дон Карлоса, которая впоследствии соединилась с именами Ф. Шиллера и Дж. Верди и, по-новому осмыс-

¹⁷⁴ Ксенофонта философа и полководца славного История о Старшем Кире, основателе персидской монархии, с лат. на российской язык переведена при Имп. Академии наук. СПб., 1759. В начале 1730-х годов «Путешествие Кира» заинтересовало Третьяковского, который хотел перевести его, но не нашел поддержки у своего покровителя А. Б. Куракина (см.: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 27—28).

¹⁷⁵ Житие канцлера Франциска Бакона, перевел с франц. на рос. язык Василий Третьяковский, профессор и член Санктпетербургския Имп. Академии Наук. Печатано при Имп. Московск. ун-те. М., 1760; История о гишпанском принце Дон-Карлосе, сыне гишпанского короля Филиппа II, переведенная с франц. на рос. язык. СПб., 1760.

¹⁷⁶ Сокращение Философии канцлера Франциска Бакона. Т. 1 (в одном переплете с «Житием», отдельная пагин.). С. 175—176. Тома 2 нет.

¹⁷⁷ Житие канцлера Франциска Бакона... С. 131 (1-я пагин.). Подробную характеристику перевода см.: Лакшин В. Я. О деятельности В. К. Третьяковского — просветителя: (Перевод книги о Фр. Бэконe) // XVIII век, сб. 5. С. 223—248.

ленная Ф. М. Достоевским, сыграла немаловажную роль в русской культуре (конфликт отца на троне и сына, христианский мотив жертвования сыном, ребенком). История борьбы принца с монархом была далеко не безразлична для екатерининской России с ее затяжным конфликтом между «большим» и «малым» дворами.¹⁷⁸ Политические ассоциации только усиливали притягательность почти детективной книги. Прежде чем появиться отдельным изданием, «История о Дон Карлосе» печаталась в «Праздном времени».¹⁷⁹

Представление о качестве перевода можно получить из следующего фрагмента:

«В то же самое время вознамерился король умертвить маркиза Позу, чтоб он и королева были известны о причине его смерти; но Рюи Гомец, которому открыл он сие намерение, представил ему следствия, кои могут произойти от исполнения оного. Он объявил ему о тесной дружбе Дон Карлоса с сим маркизом и что принц не оставит употребить всевозможного старания к отмщению за убийство толь любимого им человека. Сии причины принудили короля переменить свое намерение. Он довольствовался тем, что закололи маркиза спустя несколько времени ночью на улице, когда шел он из дворца».

В оригинале:

«... D'abord, il résolut de faire mourir le Marquis de Posa, en telle sorte, que ni lui, ni la Reine, ne pussent en ignorer le sujet. Mai Rui-Gomez, à qui il s'en ouvrit, lui fit remarquer les conséquences d'un éclat de cette nature. Il lui aprit l'étroite liaison de Dom Carlos avec ce Marquis; et il lui fit comprendre, qu'il n'y avoit rien, qu'on ne dût craindre du ressentiment du Prince, pour la perte d'une personne si chere, s'il en connoissoit les auteurs. Ces réflexions firent changer de dessein au Roi: il se contenta qu'on fit poignarder le Marquis quelque tems après, la nuit, dans les rues, quand il se retireroit de la Cour».¹⁸⁰

К собственно историческим переводным трудам, с которыми читатели знакомились в 1740—начале 1760-х гг., относится упоминавшееся уже пособие Г. Кураса «Введение в генеральную историю» (с добавлением в издании 1762 г. «Сокращенной российской истории»). При Московском университете печатаются переводы «Краткой римской истории» Евтропия («Breviarium historiae romanae», IV в.) и «Военных записок» австрийского полководца Р. Монтекуколи («Mémoires militaires», 1718, 1-е, итальянское, издание — 1704).

В этих переводах избран суховатый, деловой слог исторической информации. Подчас, впрочем, язык не чужд выразительного лаконизма. У Евтропия (перевод, возможно, С. Р. Воронцова): Антоний «поднял жестокую войну междоусобную по принуждению жены своей Клеопатры, по которья желанию и слабости женской захотел царствовать в городе. Побежден был от Августа на преславном

¹⁷⁸ См.: Данилевский Р. Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 7—8.

¹⁷⁹ Праздное время. 1759. Ч. 2. С. 351—412; 1760. Ч. 3. С. 44—88. Новейшая к тому времени публикация подлинника — в изд.: Oeuvres de Mr. l'Abbé de Saint-Réal. Paris, 1757. Vol. 5.

¹⁸⁰ История о гишпанском принце Дон-Карлосе... С. 69—70; Oeuvres de Mr. l'Abbé de Saint-Réal, revue, corrigée et augmentée d'un Volume. A Amsterdam, 1740. T. 3. P. 123—124.

морском сражении при городе Актиум, который в Епире; от туда ушел в Египет и отчаявшись в успехе дел своих, когда все перешли к Августу; сам себя убил: Клеопатра Аспида к грудям своим припустила, и от яда оного издохла».¹⁸¹ У Монтекуколи (перевод С. В. — также С. Воронцов?): «Война — ненасытной зверь. Она монархов великими, славными и страшными творит, только не обогащает».¹⁸²

В названных уже ранее переводах огромных трудов французского историка Ш. Роллена, слушателем которого он, вероятно, был в Сорбонне в конце 1720-х годов, Третьяковский сохранил собственную манеру речи. Над «Древней историей» («Histoire ancienne», 1730—1740) и «Римской историей от основания Рима до конца Республики» («Histoire romaine, depuis la fondation de Rome jusqu'à la fin de la République», 1738)¹⁸³ он подвижнически работал более двух десятков лет. По утверждению С. М. Соловьева, «Древняя история» Роллена «в старину составляла у нас необходимым принадлежность всякой сколько-нибудь значительной библиотеки».¹⁸⁴ Этот десяти томный перевод издавался в течение тринадцати лет, с 1749 по 1762 г., а параллельно шло издание его в четырех томах (1749—1753). Почти сразу же по окончании печатания этого труда стала выходить в свет «Римская история» в шестнадцати томах, следом, в год ее завершения, появилась «История» Кревье (1767). Книги печатались крупными тиражами («Древняя история» — максимальным, в 2400 экземпляров), и их появление можно себе представить как заметное культурное событие.

Впечатление, произведенное рассказом о добродетелях граждан Древнего Рима, сказалось на нескольких поколениях россиян.¹⁸⁵ Воздействию переведенных Третьяковским «Историй» на читателя совершенно, по-видимому, не мешали языковые эксперименты переводчика, опыты, производимые им подчас над русской грамматикой.¹⁸⁶ Важнее было само содержание, основную мысль которого Третьяковский специально сообщил, например, в своеобразной аннотации к переводу «Римской истории», указывая читателям на рес-

¹⁸¹ Евтропия Сокращение римской истории до времен кесарей Валента и Валентиниана, переведенное с лат. языка Семеном Воронцовым. М., 1759. С. 90—91 (2-е изд. — 1779). О переводчике см.: Словарь писателей. С. 178—179 (автор — К. Ю. Лаппо-Данилевский).

¹⁸² Записки Раймунда графа Монтекуколи, генералиссима Цесарских Войск, генерала-фельдцейгмейстера и кавалера Златого Руна, или Главные правила военной науки вообще. Разделены на три книги, с Французского на Российской язык переведены С. В. 1753 году. М., 1760. С. 292.

¹⁸³ Римская история от создания Рима до битвы Актийския, то есть по окончании Республики, сочиненная Г. Ролленем... / А с франц. переведенная тщанием и трудами Василья Третьяковского... СПб., 1761—1767. Т. 1—16. Об истории этих переводов, в частности о гибели во время пожара в октябре 1747 г. законченного перевода «Древней истории», затем заново восстановленного Третьяковским, см.: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 119. См. также: Письма. С. 55, 57.

¹⁸⁴ Соловьев. Кн. 11. С. 280.

¹⁸⁵ О популярности переводов Третьяковского см.: Серман И. З. Третьяковский и просветительство (1730-е годы) // XVIII век, сб. 5. С. 213; Мартынов И. Ф. Третьяковский и его читатели-современники... С. 80—88; Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский-переводчик... С. 12—19.

¹⁸⁶ См.: Алексеев А. А. К вопросу о художественности у Третьяковского // Венок Третьяковскому. С. 70—74.

публиканский Рим: «Каждый Гражданин имел там участие в общенародном правлении; а Вольность, коею все наслаждались, привлекала и пригвождала сердца ко всем же и пользам Всеобщества <...>. Словом, всяк Римлянин почитал себя равна самым сильным монархам, или еще и вышша. От сего-то происходила оная любовь к Отечеству...»¹⁸⁷ Заметим, что это было напечатано в 1761 г., в бурную эпоху общественных надежд, накануне воцарения молодой Екатерины.

Особняком среди исторических сочинений стояла упоминавшаяся уже «История о разорении Трои» Г. делле Колонне; это был пересказ «Илиады», которому была придана форма исторического повествования.¹⁸⁸ Переведенная в 1709 г., книга читалась весь век и переиздавалась в общей сложности не менее десяти раз с несколькими допечатками тиражей. Эта «одна из любимейших книг наших предков»¹⁸⁹ так и сохранила свой архаический русский текст, лишь слегка редактировавшийся. Старинный слог приобрел со временем, как бывало и в других случаях, эстетическую функцию, отвечая, вероятно, представлениям читателей о древности изображаемых событий. Может быть, читатели «Истории о разорении Трои» принадлежали к иному, менее образованному кругу, чем тот, где читали Сумарокова или Хераскова. К этому произведению примыкала другая подобная же книга — компилятивная «История о разорении Иерусалима»,¹⁹⁰ которую едва ли можно считать собственно переводом.

Завершая обзор переводных исторических сочинений, надо упомянуть одну из популярных тем, по которой то и дело появлялись разного рода издания. Это — тема Турции и вообще мусульманского Востока. И в этой области многое сделал Третьяковский, который еще в 30-х годах перевел по поручению академической канцелярии «Родословную историю о татарах» Абульгази Бахадура; перевод был издан едва ли не через тридцать лет, в 1768 г. Третьяковскому же принадлежит выполненный им также в молодости перевод турецкого воинского устава — «Военное состояние Оттоманския империи» Л.-Ф. Марсильи с приложением очерка о бунтах янычар (издано в 1737 г.). В начале елизаветинского царствования появился в печати перевод «Монархии Турецкой» П. Рикота, сделанный еще в 1702—1714 гг. П. А. Толстым с итальянского и поправленный позже с учетом польского перевода «*Monarchia Turczka, opisana przez Ricota*» (1678). Для 40-х годов перевод выглядел уже устаревшим, но, снабженный гравированными изображениями турецких типов и одежд и содержавший множество конкретных сведений, не утратил познавательной ценности.¹⁹¹

Переводческий опыт обогащался также работой над разного рода учебными пособиями и руководствами. Например, первым трудом

¹⁸⁷ Римская история... Т. 1. С. КЖ.

¹⁸⁸ История о разорении Трои, столичного града Фригийского царства, из разных древних писателей собранная. Против первого изд. третьим тиснением напечатана. СПб., 1745. Дальнейшие издания: 1760, 1765, 1775, 1785, 1791, 1817, 1824.

¹⁸⁹ Савич А. Библиографическая заметка // Библиограф. 1887. № 1. С. 7—8.

¹⁹⁰ История о разорении последнем святого града Иерусалима и о взятии Константинополя, столичного града греческой монархии, из разных авторов собранная, против первого изд. третьим тиснением напечатана. СПб., 1745.

¹⁹¹ Монархия Турецкая, описанная чрез Рикота, бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Переведена с польск. на рос. яз. СПб., 1741. См.: Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи. С. 164—166.

Тредиаковского для Академии наук был перевод «Записок артиллерийских» П. Сен-Реми, поднесенных затем Анне Иоанновне от имени фельдмаршала Б. Х. Миниха (перевод начала 30-х гг.).¹⁹² Идея перевода этого справочника принадлежала еще Петру I. В 1744 г. увидел свет знаменитый труд С. Вобана «Об атаке и обороне крепостей» («*Traité de l'attaque et de la défense des places*», 1737), рукописный перевод которого служил уже в 1736 г. для обучения кадетов Шляхетного корпуса. Здесь тексту следовало быть четким и однозначным («Понеже саппа нужнейшая часть траншеи есть, того ради здесь изъясню, каким образом ее вести. — Чрез слово саппа разумеется передняя часть траншеи, которая по малу, то есть фут за футом, ближе к крепости беспрестанно днем и ночью ведется...»).¹⁹³

В таком же стиле переводилась, например, «Книга морская» шведа И. Монссона (1739) — руководство по каботажному плаванию на Балтике, другие подобные издания. «Мои желания исполнятся, есть ли солдат меня без затруднения разуместь будет», — говорилось в авторском предисловии к переводной книге Л. Тюрпена де Криссе «Опыт военного искусства» («*Essai sur l'art de la guerre*», 1754).¹⁹⁴ Две книги «Происков и хитростей воинских» де ла Фе (перевод 1759 г.) представляли собой антологию примеров этого искусства начиная с античности.

Только иногда деловая проза таких пособий оживлялась размышлениями автора или переводчика, как это произошло, например, в «Житии Полибия» при переводе его «Военной истории» (часть «Всеобщей истории» Полибия, II в. до н. э., по французскому переводу — «*Histoire générale*», 1609): «Читая Полибия, думаю, бутто сей славной муж в латах и в полном вооружении своем на бою, или в траншеях весь запыхавшись, на вечер в палатку ко мне пришедши порядочно без притвору и без прикрасы сущую правду обо всем том мне рассказывает, что во весь день делал и видел, а сия его военным штилем приятно текущая красная и благородная речь от радости в восторг и изумление меня приводит».¹⁹⁵ Эта эстетическая читательская оценка (принадлежащая, по-видимому, переводчику, т. е. С. С. Волчкову) свидетельствует о литературном значении по крайней мере данной книги, несмотря на ее сугубо практическую цель. Перевод делался по указу Сената в 1752—1756 гг. благодаря инициативе П. И. Шувалова¹⁹⁶ и имел в виду обучение будущих офицеров. Очевидно, что если слог греческого историографа мог воздействовать на эстетическое чувство, то тем самым облегчалось и выполнение прямой задачи книги.

¹⁹² См.: Пекарский. Ист. АН. Т. 2. С. 35.

¹⁹³ Книга о Атаке и обороне крепостей, изданная чрез Г-на де Вобана, Маршала Франции и Генерала Директора над фортификациями королевства Французского. Переведена чрез Ивана Ремезова, Поручика Шляхетного Кадетского Корпуса. СПб., 1744. С. 39. Книги этого рода раскупались плохо и, случалось, раздавались насильно «офицерам в жалованье» (см.: Соловьев. Кн. 11. С. 577).

¹⁹⁴ Опыт военного искусства, сочиненный графом Тюрпином де Криссе ... / Переведен с франц. на рос. артиллерии капитаном Сергеем Козминым, 1757 года. М., 1758. С. XXIII.

¹⁹⁵ Полибиевой Военной истории том первый, с франц. на рос. яз. переведен Академии наук ассессором Сергеем Волчковым. СПб., 1756. С. 38.

¹⁹⁶ См. предисловие переводчика «К читателю» (там же. С. 1—2 нумер.). Был сделан перевод семи томов, но напечатаны только 1-й и 2-й тома (1756, 1763).

6

Большую роль в распространении переводной литературы во второй половине 1750-х и начале 1760-х гг. сыграл организованный М. Ломоносовым и Г. Ф. Миллером академический журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1757; далее с измененным заглавием «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1758—1762; затем «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1763—1764).¹⁹⁷

Идея журнала принадлежала Ломоносову, взявшему за образец западноевропейские «периодические сочинения» и стремившемуся создать замену прекратившимся «Примечаниям к Ведомостям». ¹⁹⁸ В «Предуведомлении» к первому номеру перечислялись «иностранные журналы равного с нами намерения», а именно: пять французских, семь английских, сравнительно новые «магазины» — «Тосканской» и «Дацкой», а также тридцать три немецкоязычных издания первой половины века. В названии журнала подчеркивалось — по меньшей мере, во втором пятилетии его существования, — что переводам будет там уделяться значительное место. В «Предуведомлении» Миллер писал от имени Академии наук: «...чаем, что и переводы всяких полезных и приятных материй, взятых из иностранных книг, не неприятны будут читателям. Довольно, когда наблюдаемо будет главное намерение, и когда все взятое из тех книг содержать будет очевидную пользу». ¹⁹⁹ В 1763 и 1764 годах в журнале регулярно помещались хроникальные обзоры — «Известия о ученых делах», где среди сообщений о новых книгах упоминались и переводные издания, в том числе художественные. При этом руководители журнала высказывали рекомендации по поводу выбора произведения для перевода, все настойчивее напоминая о критерии «пользы». Так, в сообщении о выходе в свет первого тома «Повествований Ирода Галикарнасского» в переводе А. А. Нартова выражалось сожаление, что люди, «в переводах упражняющиеся», «по большей части трудятся в переводах забавных книг нынешнего века»; желательнее было бы, «чтоб нужнейшие книги, всем наукам основания подающие, для редкости их на российском языке, всегда забавным в переводах предпочтены были и чтоб каждой, к переводам склонность и способность име-

¹⁹⁷ Из литературы о «Ежемесячных сочинениях» см.: Пекарский П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов // Сб. ОРЯС. 1867. Т. 2. № 4. С. 21—28; Берков. Журналистика. С. 77—107; Модзалевский Л. Б. Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года // XVIII век, сб. 4. 1959. С. 45—65; Шастина Т. П. Журнал «Ежемесячные сочинения» и проблема писателя // Рус. лит. 1987. № 3. С. 131—140. См. также: Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jhs unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730—1780). Bad Homburg, 1970. Общий обзор журнала, а также «Праздного времени», «Трудолюбивой пчелы», «Полезного увеселения», «Свободных часов», «Невинного упражнения» и «Доброго намерения» с целью определить состав переводных публикаций в этих изданиях см.: Зубков Н. Н. Иностранная литература в русских журналах середины XVIII в. // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: Сборник науч. трудов. М., 1985. С. 44—67.

¹⁹⁸ См. письмо к И. И. Шувалову от 3 января 1754 г. (Ломоносов. Т. 10. С. 498).

¹⁹⁹ Ежемес. соч. 1755. Генварь. С. 9.

ющий, о том брал советы с Императорскою Академиею Наук или у других мест, для распространения наук определенных». ²⁰⁰

Однако текущий переводной материал журнала не всегда подчинялся академическим рекомендациям. Предложив сразу же, в первом номере, подбор шведских, испанских, немецких научных публикаций, уже в следующей книжке, за февраль, журнал печатает стихи на тему Горация, с публицистическим, по-видимому, намеком. Затем появляются сонеты Пауля Флеминга в переводах Сумарокова ²⁰¹ и т. д.

Основной материал «Ежемесячных сочинений» уже на первом году издания стала составлять переводная проза. Качество переводов было различным, о чем предупреждал издатель в своем предисловии к журналу, «потому что к оным иногда употреблены будут и молодые люди, которым вдруг достигнуть невозможно до такого совершенства, какое требуется от искусного переводчика». ²⁰² Правда, апробация сделанного должна была производиться «особливым собранием» переводчиков, продолжавшим выполнять миссию прежнего Российского собрания.

Из переводов, наряду с тяжеловесным «Извещением о жизни султана Махомета Пятого» (1755, март), печатается в переводе А. Н. (А. А. Нартова) сатирическая аллегория «Сон» (1755, август, ноябрь) с характерной для эпохи тематикой (планета дураков, нелепые государства «превратного света»). Слог этого перевода прост, как бывает нечасто в прозе, ему современной. В аллегории заметен, как и в переводном сонете Сумарокова, антивоенный мотив (нравы марсиан: «Вместо того, что у вас на Земле говорят, здравствуй, то напротив того говорят здесь: Поди к черту»). ²⁰³ Явно полемически заострена сатирическая статья «Автор», вольно переведенная И. Елагиным из лейпцигских «Belustigungen des Verstandes und des Witzes» за 1743 г. Статья эта, печатавшаяся из номера в номер (1755, июль—декабрь), должна была, очевидно, уязвить Ломоносова. ²⁰⁴ И тут же рядом — ученические переводы вроде нравоучительной аллегории «Гигия», подписанной литератами Е. Д. (1755, ноябрь).

О составе журнала в первые годы его существования дает представление, например, январская книжка 1756 г., где помещены «Описание и изъяснение фейерверка», устроенного 1 января перед Зимним дворцом (с. 11—13); «Перевод речи <...>, говоренной на немецком языке в Геттингенском университете в большой аудитории Александром Демидовым» в честь дня рождения Павла Петровича (с. 14—30); «Микромегас. Повесть философская», главы I—VII (с. 31—61); «Притчи» Сумарокова (с. 62—65); «Скаска» за подписью И. Е. (с. 66—69) — аллегорический «сон», вероятно, переводной;

²⁰⁰ Там же. 1763. Март. С. 270—271.

²⁰¹ См. там же. 1755. Февраль. С. 139—140; Апрель. С. 354—356. См. также: Берков П. Н. Немецкая литература в России в XVIII веке // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 288—289.

²⁰² Ежемес. соч. 1755. Генварь. С. 10—11.

²⁰³ Там же. Ноябрь. С. 420.

²⁰⁴ См.: Там же. 1755. Июль. С. 83—94; Август. С. 177—190; Сентябрь. С. 272—284; Октябрь. С. 354—371; Ноябрь. С. 453—466; Декабрь. С. 541—556. См. также: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 171, 309.

«Письмо к г. В...» (с. 70—71) в александрийских стихах; «Показания некоторых заблуждений, случающихся при наблюдении теплоты телесной и охранении от простуды» (с. 72—91) — перевод, как указывается в номере за февраль, из «Гамбургского магазейна»; «Рассуждение о смерти» (с. 92—95), подписанное криптонимом А. Н.**** (А. Нартов?). Таким образом, в этом номере из восьми публикаций три достоверных перевода и два возможных («Скаска» и «Рассуждение о смерти») — и все прозаические. Приблизительно так выглядели выпуски «Ежемесячных сочинений» до конца 1757 г.²⁰⁵

К этому времени в журнале учащается публикация переводных моралистических сочинений и отрывков. Журнальная полемика ослабевает. С февральской книжки 1758 г. появляются полные фамилии переводчиков (Г. Полетика, Я. Измайлов, Г. Козицкий и др.).

Теперь для журнала характерен, например, перевод из «Нравоучительных рассуждений» Л. Хольберга — «О правильном употреблении хвалы и хуления» (1758, март). Сатира подразделяется здесь на дозволенную и недозволенную: «Дозволенные Сатиры суть всеобщие и не касаются ни до кого особо».²⁰⁶ Критика нравов у Хольберга или А. Оксеншерны превращается в журнале в ряд полезных для читателя нравственных советов и душеспасительных сентенций. Лишь местами проглядывает в зачатке прием, взятый затем на вооружение русской сатирической журналистикой, — конкретизация нравоучения. В одном из переводов из немецкого журнала «Der Freund» — «Письме с предсказаниями», составленном в духе памфлетов Дж. Свифта (возможно, Г. В. Рабенером), персонажам даны русские говорящие имена Лукавитин, Обманщиков и т. п.²⁰⁷ Опыт Рабенера, Хольберга и Свифта, чьи имена узнает в эти годы русский читатель, становится постепенно достоянием молодой журналистики России.²⁰⁸

Некоторые тексты журнала могли восприниматься как злободневные, хотя мы не знаем, задавались ли такой целью переводчики и издатель.²⁰⁹ Так, «Нравоучительные мнения некоторых персидских

²⁰⁵ Встречались исключения: в майской и августовской книжках за 1757 г. не было ни одного литературного материала. Июньская книжка того же года почти целиком заполнена переводом с греческого «Аристотеля о гражданском учреждении книга II» некоего молодого «знатного российского дворянина» (Г. Полетики) (см.: *Каганов И. Я. Г. А. Полетика и его книжные интересы...* С. 138—144); такой перевод считался в это время явлением из ряда вон выходящим (см. предисловие к переводу: *Ежемес. соч. 1757. Июнь. С. 483—485*).

²⁰⁶ Соч. и пер. 1758. Март. С. 284. Такой же смысл имело переведенное из сочинений Г. В. Рабенера «Письмо о дозволении сатир» в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» (1760. Ч. 3. С. 208—218).

²⁰⁷ Соч. и пер. 1758. Июнь. С. 529—531. В другом очерке из того же немецкого издания говорящие имена остались без перевода (Гросмауль, т. е. «обжора», Гернешен — «сердцеед» и т. п.), что обесцветило русский текст (см.: Соч. и пер. 1759. Март. С. 250—261).

²⁰⁸ См., в частности: *Левин Ю. Д.* Раннее восприятие творчества Джонатана Свифта // *Левин. С. 108—114*.

²⁰⁹ Сомнительно, например, чтобы ссылка на «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля в журнале за 1760 г., вызвавшая гонения на это академическое издание, явилась следствием намеренно смелого замысла издателя Г. Ф. Миллера (ср.: *Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в. // *Левин. С. 30*).

царей», переведенные с английского в июльском номере 1759 г., могли быть прочтены с живым вниманием на исходе царствования Елизаветы («...Бог представляет пред очи наши десять тысяч знаков милосердия. Да подражают ему Цари, чиня, сколько возможно, благодеяния, и да памятуяют всегда, что они властны умертвить, да оживить не могут»)²¹⁰ В том же номере вслед за цитированным переводом помещена сатира Рабенера «Немецкая пословица: Платье делает людьми», где мотив «отечество удивляется заслугам ваших шитых обшлагов»,²¹¹ вполне подходил для строго сословного российского общества.

В журнале за 1759 г. собственно литературных переводных сочинений насчитывалось, пожалуй, всего два. Это упоминавшийся уже анонимный перевод «Задига» Вольтера (январь—март) и «Вартумн и Помона» — сделанное А. Нартовым прозаическое переложение из XIV книги «Метаморфоз» (сентябрь). Гекзаметры Овидия задали Нартову, как это бывало и в других русских переводах с латыни, определенный прозаический ритм:

«Во время царствования Прока над Латинянами жила прекрасная Помона; ни единая из нимф лесных не имела такого старания о плодородных деревьях, как она. Она не любила ни темных рощей, ни цветущих полей, не веселилась ни реками ниже журчанием источников, но все ее увеселение было в том, чтоб иметь спелые плоды, и зреть ветви дерев плодом обремененные».

Оригинал:

Jamque Palatinus summam Proca gentis habebat.
Rege sub hoc Pomona fuit; qua nulla Latinas
Inter Hamadryadas coluit solertius hortos,
Nec fuit arborei studiosior altera foetus,
Unde tenet nomen: non solvas illa, nec amnes;
Rus amat, et ramos, felicia poma ferentes.²¹²

В дальнейшем переводы почти вытеснили со страниц этого издания оригинальные тексты. Из переводных нравственно-философских «материй» состоял весь декабрьский номер 1760 г. Затем произошло постепенное вытеснение гуманитарных тем сугубо учеными статьями. В ноябрьской книжке 1763 г. нет вообще ни одного перевода и ни одной литературной статьи. В соответствии с заглавием преобладают «известия о ученых делах».

Из последних переводных материалов академического журнала примечательно «Сравнение притягательной силы в больших телах света с оною, которая усматривается между душ человеческих» (1762, август) из английского «Опекуна».²¹³ Ньютоновский закон всемирного тяготения трактуется здесь с точки зрения идеи «симпатии», ставшей столь популярной в эпоху сентиментализма. В

²¹⁰ Соч. и пер. 1759. Июль. С. 55.

²¹¹ Там же. С. 90.

²¹² Там же. Сентябрь. С. 253; Oeuvres complètes d'Ovide. Traduction nouvelle. Paris, 1837. Т. 7. Р. 264. Текст Овидия в переводе несколько распространен, но сохраняется его синтаксическая стройность.

²¹³ См.: Левин. С. 31.

самом последнем номере — за декабрь 1764 г. — были помещены «Переводы с китайского языка».²¹⁴

Отметим, что к 1760-м годам в России меняется отношение к переводу. На дело переводчика смотрят уже не только как на информирование несведущих в языках читателей о чем-то новом в мире, но и как на воспитание литературного вкуса. В переводной с французского («с Сочинений Аббата Гедоина») статье «Оправдание переводов» выражено отношение к переводчику как к копиисту, способному дать представление о прекрасных подлинниках; порицать переводы, говорится в статье, «есть подобно, как бы хотелось нас уверить, что копия хорошей картины Рафаиловой может в нас отвращение учинить от оригинала...»²¹⁵

Академический журнал породил в столице два параллельных периодических издания, имевших с ним в общем один и тот же круг сотрудников. Но это были издания частные и полностью литературного плана — журнал преподавателей и воспитанников Сухопутного шляхетного кадетского корпуса «Праздное время, в пользу употребленное» (1759—1760) и печатавшаяся в Академии наук, но в сущности принадлежавшая Сумарокову «Трудолюбивая пчела» (1759).²¹⁶

Оба журнала связывала с «Ежемесячными сочинениями» склонность широко печатать переводные произведения. Еще в 1755 г. академический журнал отметил, что переводческие занятия «молодых дворян в Кадетском корпусе» начались не без его воздействия.²¹⁷ Журнал корпуса продолжал выполнять ту же просветительскую миссию, которая была возложена на русских литераторов Петровской эпохи и которую унаследовали петербургские кадеты, интересовавшиеся словесностью. В статье «О беседах и книгах», которой открывался журнал, отмечалось новое состояние отечественной литературы и по-прежнему переводам придавалось немалое значение: «Не должно ли нам, любезные Россияне! радоваться, что мы нашед вкус в чужестранных книгах, открыли себе путь к наукам? не должно ли нам веселиться, что мы прилежностью и старанием людей разумных, довольно уже видим книг и на своем языке?»²¹⁸ Все же без обозначения, что это переводы, во второй части «Праздного времени» (1759, июль—декабрь) были напечатаны только три материала, остальные — это переводы с немецкого (25), с французского (9), с датского (7), с итальянского (1), с латинского (1).

Если в «Праздном времени» переводы составляли основной материал, то в журнале Сумарокова преобладала тенденция, наметившаяся еще в первых книжках «Ежемесячных сочинений», —

²¹⁴ Ежемес. соч. 1764. Декабрь. С. 516—536. Ранее там же — условно «китайская» тема: перевод С. П. (С. А. Порошин?) «Рассуждения о китайском языке из писем барона Голберга» (Ежемес. соч. 1757. Февраль. С. 161—164).

²¹⁵ Соч. и пер. 1760. Июль. С. 72. Подробнее об этой статье см. ниже. С. 143.

²¹⁶ Об этих журналах см.: Берков. 1) Журналистика. С. 117—128; 2) К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. С. Сумарокова // XVIII век, сб. 5. С. 399—406 (совместно с Д. Д. Шамраем); Веселовский Ю. К юбилею школьных журналов в России... С. 102—114; Шамрай Д. Д. Об издателях первого частного русского журнала... С. 377—385; Дмитриев С. С. Русская периодическая печать. С. 335—337.

²¹⁷ См.: Ежемес. соч. 1755. Май. С. 404—405.

²¹⁸ Праздное время. 1759. Ч. 1. С. 11.

тенденция к литературной борьбе, полемике, подчинению как оригинальных, так и переводных публикаций задачам дня. Впрочем, и в «Праздном времени», особенно на втором году издания, чувствуется влияние Сумарокова: материалы становятся острее, критика — злее.²¹⁹

В переводной с немецкого статье «Семью семь предвещаний», где автор (Рабенер) явно подражал Свифту, был сохранен сатирический прием подлинника, заключающийся в том, что читателю предлагалось самому заполнить строки многоточий, оставленных для описания любого из его «знакомцев».²²⁰ Образцом того, как владели участники журнала живым сатирическим слогом, может послужить комментарий к литературным банальностям в переведенном с немецкого очерке «Старая любовь не скоро забывается» (перевод П. П., т. е. П. И. Пастухова): «*Любовь слепа*: конечно не в браке; ибо тогда видит один друга пороки весьма ясно. *Он ослабевает от любви*: кто? муж? Да конечно муж; но от любви к горничной девушке. В этом я согласен! а жена? Та уже *бешено влюблена* - - - в лакея».²²¹ По-видимому, внимательному русскому читателю также были знакомы подобного рода литературные клише.

В журнале Шляхетного корпуса представлены античные авторы (Гораций, Овидий, Лукиан), но это главным образом переводы с французского и немецкого, реже — с итальянского.²²² Первый в журнале перевод с английского (из «The Universal Magazine») — «О надобности, чтоб мы каждую наималейшую часть времени употребляли в свою пользу» (1760. Ч. 3).²²³ Журнал внимателен к идиллии. При переводе идиллий Биона и Мосха с французских переводов Ш. Сент-Эвремона подчеркивается лиризм жанра («Чтоб было без них стихотворение лирическое? <...> тем то может быть толь много и разнствует от стихов проза: поэзия требует жару для острых и приятных вымыслов, которые прозе не приличны...»)²²⁴ несмотря на то что перевод сделан именно в прозе.

В «Праздном времени», как и в «Ежемесячных сочинениях», встречаются переводы с датского.²²⁵ Это, вероятно, сочинения Людвиг Хольберга.²²⁶ В качестве источника назывался «Дацкой магазин», откуда заимствовались моралистические «эпистолы», иногда довольно едкие.²²⁷

Сотрудники «Трудолюбивой пчелы» тоже не чуждались Биона, Овидия, Цицерона, язвительных Лукиана и Эразма Роттердамско-

²¹⁹ См.: Берков. Журналистика. С. 127.

²²⁰ Праздное время. 1760. Ч. 4. С. 376.

²²¹ Там же. Ч. 3. С. 350.

²²² С итальянского переведено «Письмо Марка Аврелия к Пирамону, его другу, находившемуся в крайней печали» (Там же. 1759. Ч. 1. С. 191—209).

²²³ Об этом переводе см.: Левин. С. 37.

²²⁴ Праздное время. 1759. Ч. 1. С. 103.

²²⁵ В «Ежемесячных сочинениях» перевод «Размышлений о коммерции» — со шведского (1757. Сентябрь. С. 271—283).

²²⁶ Например: «О скупости богатого и о расточении убогого» (Соч. и пер. 1758. Март. С. 213—229); «Из Гольберговых писем» (Трудолюбивая пчела. 1759. Декабрь. С. 748—755).

²²⁷ См.: Праздное время. 1759. Ч. 1. С. 311—316. Возможно, имелся в виду копенгагенский журнал «Nye Tidender» (издавался с 1720 г.).

го.²²⁸ В переводе некоторых пассажей Лонгина, опосредованных Буало, — «О важности слова», улавливаются желчные интонации переводившего текст Сумарокова («Однако его подлинно, что надутие не меньше порочно в речи, сколько в теле»),²²⁹ имевшего в виду, конечно, Ломоносова и Тредиаковского. Иногда переводы преобладали над собственно русским материалом — как в ноябрьской книжке, где из восьми публикаций пять были переводными с латыни (сатира I книги I Горация в прозаическом переложении Ф. Геннингера, «Скилла» из книги VIII «Метаморфоз» Овидия, отрывок из «Фарсалий» Лукана и две оды Сафо в переводах Г. Козицкого, а также две элегии Овидия, переданные К. Кондратовичем прозой).

Особенностью этого издания было то, что почти весь стихотворный вклад в него принадлежал издателю. Переводы же Сумарокова в прозе были достаточно язвительны, но не столь умелы. Это были «Микромегас» Вольтера²³⁰ и изложение «Опыта о человеческом разуме» Локка (в номерах за май и июль) — сочинения авторов, известных в России. В целом проза «Трудолюбивой пчелы» тяжеловеснее, чем в двух других журналах этого времени, исключая, может быть, искусные переводы А. А. Нартова.²³¹ Иногда удавались переводы плодovitому Г. В. Козицкому, переводившему с нескольких языков (например, «Разговоры мертвых» Лукиана — с греческого, в мартовской книжке).

Заслугой журнальных переводчиков рубежа 1750—1760-х гг. является большое разнообразие «материй», предлагаемых читателю, а также и общее совершенствование журнальной прозы. Готовились основы изящного ритмического слога русского сентиментализма и вместе с тем зачатки сатиры екатерининского времени. Завершая свою «Трудолюбивую пчелу», Сумароков с горечью и раздражением писал о том, как портят язык «худые Переводчики, худые Писатели, а паче всего худые Стихотворцы».²³² Хотя и в негативном смысле, однако переводчики стояли для него в одном ряду с прозаиками и поэтами.

Как бы то ни было, работа переводчиков над созданием нового литературного языка принесла к концу «ломоносовского периода» русской литературы определенные плоды. Нравоучительная и педагогическая, сатирическая и авантюрная тематика начала постепенно обретать собственный слог.

* * *

Эпоха формирования русского классицизма стала в области перевода временем, когда определились основы переводческой техники и главные принципы переводческого искусства в России. Литературный перевод превратился к 1760-м гг. из занятия ремесленного, вспомо-

²²⁸ См.: Светлов Л. Б. Первое издание русского перевода «Похвалы Глупости» Эразма Роттердамского // XVIII век, сб. 7. С. 145—149.

²²⁹ Трудолюбивая пчела. 1759. Апрель. С. 223.

²³⁰ См.: Заборов. С. 14—16.

²³¹ См., например, «Опыт немецкого словаря, расположенного по русскому алфавиту» — переделку сатирического сочинения Рабенера (Трудолюбивая пчела. 1759. Апрель. С. 195—211).

²³² Там же. Декабрь. С. 767.

гательного, служившего чисто утилитарным информационным целям, в профессиональное искусство. Среди переводчиков — крупнейшие литераторы эпохи.

Особенность переводов художественной прозы, выполненных в 1730—1750-х гг., состояла в том, что был найден основной стилистический принцип передачи прозаического повествования — так называемый *средний* стиль. В зависимости от условий, заданных оригиналом, и от намерений переводчика этот стиль дополнялся «высокими» славянизмами (или же неологизмами в той же функции), а в других случаях «снижался» при помощи просторечия.

В эти же годы началась, хотя и не вполне еще осознанная, как бы стихийная работа по воспроизведению в переводе элементов индивидуального авторского стиля. Она оставалась до времени составной частью всякой вообще тщательной переводческой работы, преследовавшей цель хорошо перевести, «не потерять достоинств штиля». Однако главной задачей переводчиков эпохи классицизма являлась, конечно, верная передача не слога, а смысла, авторской мысли. «Форма» пребывала — в прозаическом переводе, по крайней мере — на втором месте. Поэтому стихи могли перелagаться на русский прозой и, наоборот, проза — стихами, как это проделал Тредиаковский в «Тилемахиде».

Проза была главной областью деятельности русских переводчиков в эпоху классицизма, так же как и в Петровскую эпоху. Разумеется, имелись достижения и в стихотворном переводе, такие, как ломоносовский «Разговор с Анакреонтом», переложения Кантемира из Горация, а Сумарокова, например, из Сафо. Усилиями Ломоносова и Тредиаковского быстро развивалась теория стиха, образуя фундамент для будущих поэтических переводов. Но в первой половине и в середине XVIII в. в русской переводной литературе господствовала все-таки именно проза.

Самым излюбленным жанром русских переводчиков была повесть, «гистория», и ранний роман как ее расширенный вариант — жанры, не узаконенные эстетикой классицизма. Для русской литературы XVIII в. показательное совпадение во времени процесса формирования классицизма с началом распространения такого неклассицистского жанра, как роман (переводной).

Собственно чертой классицизма в переводческой практике являлось следование образцам — французским, римско-греческим, в меньшей степени немецким и итальянским. Этот классицистский пиетет несомненно влиял на выбор произведений для перевода. Самый же выбор определялся далеко не только понятием классики: главенствовала потребность дать читателю разнообразное поучительное и увлекательное чтение.

Напомним, что большая часть переводных беллетристических книг издавалась в XVIII в. анонимно. В этом сказалось «абсолютное эстетическое бытие произведения в сознании эпохи, т. е. бытие произведения, не проецированного ни на какую индивидуальность».²³³ Переводчики обозначались полной фамилией или инициалами на титульных листах, в других случаях — внутри книги, в подписях к посвящениям чаще, чем авторы. Как правило, указы-

²³³ Гукровский Г. А. К вопросу о русском классицизме. С. 132—133.

вались имена лишь тех авторов, которые получили уже литературное и общественное признание, с тем чтобы такое указание подогревало читательский интерес. Тщательная работа по атрибуции переводных изданий, проделанная впоследствии, особенно в наше время — составителями «Сводного каталога русских книг гражданской печати XVIII века» (М., 1962—1975, пять томов с томом дополнений) и продолженная В. Д. Раком,²³⁴ выявила далеко не всех авторов. Более полутысячи книг, включающих и беллетристику, так и остаются для нас анонимными (чему отчасти способствовала анонимная публикация оригиналов, к которым обращались русские переводчики XVIII в.).

Но принципиальная анонимность переводного произведения, т.е. отношение переводчика и читателя к книге как к самоценной системе, определяемой идеями, жанром, сюжетной занимательностью и, в гораздо меньшей степени, именем автора, — этот столь заметный признак русской культуры XVIII в. не являлся, в сущности, чертой исключительно только классицизма. Бытование текстов «безавторских» или приписываемых какому-либо прославленному лицу — традиция средневековой книжности и фольклора.

Нет серьезных оснований считать, что классицистская эстетика определяла и выбор предпочтительного жанра для прозаического перевода. Переделка романа в эпопею была скорее исключением, чем правилом. Как уже говорилось, переводчики предпочитали повесть и ее краткие (анекдот) и расширенные (роман) варианты — жанр, вообще не принимавшийся всерьез классицизмом.

Состав прозы в первых русских журналах показывает специфику отношения к переводной литературе в первой половине XVIII в. Это отношение определялось прежде всего потребностями Просвещения. Поэтому целесообразнее, на наш взгляд, рассматривать русский перевод эпохи классицизма не как классицистский, а как *просветительский* перевод.

Составленная общими силами, при участии как высокочеловеческих, так и забытых потом, средней руки переводчиков 1730—1750-х гг., довольно разнообразная библиотека переводных моралистических, авантюрных и исторических сочинений образовала своего рода литературный капитал, опираясь на который, русская проза смогла развиваться дальше. Благодаря опыту, накопленному переводчиками и их читателями, наша проза (и поэзия) очень скоро научилась красноречиво говорить о чувствах частного человека.²³⁵ Обогащенная переводом, повествовательная проза, наряду с поэзией лирических од и песен, модифицировала в значительной степени эстетику русского классицизма.

²³⁴ См. выше. С. 10, примеч. 17.

²³⁵ «Природное чувства изъяснение изо всех лутчее...» (Сумароков А. П. О стихотворстве камчадалов // Трудолюбивая пчела. 1759. Январь. С. 64).

Глава 4

НАЧАЛО 1760 — СЕРЕДИНА 1780-х ГОДОВ: ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО

1

В 60-е гг. XVIII в. в русской литературе, как и в литературах европейских стран, назревает кризис классицизма. Господствующие жанры этого направления в литературе — торжественная ода и трагедия — понемногу утрачивают свой авторитет и оттесняются художественной прозой, успешно развивающейся в русле просветительских идей. К прозе обращается и большая часть читательского круга России, понемногу расширяющегося и демократизирующегося. Между тем отечественная печатная литература еще не могла удовлетворить эти новые запросы. Идущая от древности прозаическая традиция была прервана утверждением в литературе классицизма, при котором истинными признавались лишь стихотворное искусство с присущими ему видами, формами и жанрами и ораторская проза. Правда, и в этих условиях в среде «непросвещенных» читателей (провинциальное дворянство, купечество, городское мещанство) имели хождение в рукописных списках любовно-авантюрные повести и романы, переведенные или написанные по западноевропейским образцам еще в предыдущем веке.¹ Однако для утверждения авторитета художественной прозы и популяризации ее необходимо было распространение через печать, которое и стало сравнительно широко осуществляться в 1760-е гг. А поскольку отечественные авторы таких произведений еще не создавали, приходилось обращаться к переводам, чему способствовал присущий эпохе просвещения интерес к общечеловеческим проблемам, рассматривавшимся вне национально. Передовые деятели русской культуры требовали, чтобы вакантные участки отечественной литературы были заполнены переводами, и в 1782 г. молодой еще драматург и журналист П. А. Плавильщиков в первом своем журнале начинал первую русскую программную статью о необходимости переводов заявлением: «Не нужно, кажется мне, изъяснять, какую мы почерпаем пользу из чтения книг иностранных; ибо всякий благородный и беспристрастный человек может в том признаться, что хотя Россия и начинает процветать науками, не произвела однако ж еще толикаго числа писателей, коликое мы видим в прочих народах, как то в Италии, Франции, Англии и Германии».²

В 1730—1750-е гг., как мы видели, в свет вышли лишь немногие единичные переводы западных романов и повестей. Во второй половине 50-х гг. с появлением первых литературных журналов

¹ См. выше. С. 63—65.

² Нечто о переводах // Утр. 1782. Июль. Л. 4, 6, 57.

переводная беллетристика начала печататься и там, что, видимо, и вызвало протест Сумарокова против романов в «Трудодлюбивой пчеле».³ А уже с 1760 г. переводные романы, повести и другие беллетристические жанры издаются ежегодно и в журналах, и отдельно, причем число этих публикаций постепенно возрастает,⁴ оттесняя на второй план переводные исторические сочинения, преобладавшие в предшествующий период. По нашим подсчетам, с начала 1760-х гг. наблюдается последовательный рост числа отдельных новых переводных изданий зарубежной художественной прозы (переиздания не учитываются): 1760 — 2; 1761 — 7; 1762 — 10; 1763 — 19; 1764 — 22; 1765 — 24. В дальнейшем эти цифры колеблются, снижаясь, например, до 6 изданий в 1772 г. и достигая вершины (в рассматриваемый нами период) — 36 — в 1780 г.

Соответственно возникла необходимость оправдания и защиты новых жанров, представленных переводами, тем более что Сумароков был не единственным их противником. Так, в 1763 г. обер-прокурор Св. Синода А. С. Козловский, хлопоча об учреждении специальной переводческой конторы для издания церковных книг, жаловался в своем докладе: «...к стыду времен наших и общему сожалению признаться должно, что теперь также переводятся книги, которые угодяют страстям и больше к повреждению нравов служат».⁵

Декларации в защиту переводов не замедлили появиться. Уже в 1760 г. в академическом журнале был помещен упоминавшийся выше перевод статьи французского литератора аббата Н. Жедуэна «Оправдание переводов», в которой доказывалась полезность и необходимость этого вида литературной деятельности. «...Я мню, — заявлял автор, — что переводить хорошую книгу есть достойнейшее упражнение ученого человека, и что в таковом звании он не может лучшей услуги сделать своему отечеству, как предложить на обыкновенном языке то, что древность нам драгоценнейшего оставила». И далее он утверждал, что хорошие переводы «весьма почтения достойны» и «суть весьма полезны».⁶ Жедуэн, правда, писал о переводах сочинений авторов классической древности (сам он переводил Квинтилиана), но помещенная в русском журнале его статья приобрела более широкий смысл.

Весьма существенным было выступление профессора Московского университета историка И. Г. Рейхеля со статьей «Известие и опыт о российском переводе Сифа», помещенной в издававшемся им журнале «Собрание лучших сочинений...». Впоследствии П. А. Вяземский писал о ней: «Не в укор журналистам новейшим будь сказано, мало найдется у них критических статей, столь европейских по изложению, мыслям и общим сведениям».⁷ Связанная с предпринятым

³ См. выше. С. 123.

⁴ См. *Сиповский В. В.* 1) Из истории русской литературы XVIII века: Опыт статистических наблюдений. СПб., 1901; 2) Из истории.

⁵ Цит. по: *Либрович С. Ф.* Собрание переводчиков при Екатерине II // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1914. № 12. Стб. 267.

⁶ Оправдание переводов / Переведено с французского с сочинений аббата Гедюэна // Соч. и пер. 1760. Ч. 2, июль. С. 58, 69, 72. См. выше. С. 137.

⁷ *Вяземский П.* Фонвизин. СПб., 1848. С. 35.

Д. И. Фонвизиним, учеником Рейхеля, переводом романа Ж. Террассона «Сетос» (у Фонвизина «Сиф»⁸), статья открывалась общим обзором романического жанра. И хотя автор заявлял, «что в столь ужасном множестве романов у всех народов находится более худых, нежели добрых», он в то же время указывал, «что сии действия разума и воображения писать должно по известным правилам, кои из естества басни и из общих оснований стихотворства почерпаются». И далее: «Намерение писать романы состоять должно в произведении увеселения, приятного препровождения времени, наставления в нравоучении и в правилах человеческой жизни. Когда роман писан так, что имеет все сии свойства: то, конечно, он похвалы достоин».⁹ И к числу таких достойных похвалы произведений Рейхель, разумеется, отнесил и роман Террассона.

Полемика вокруг романов, представленных почти исключительно переводами, продолжалась, и в 1778 г. в журнале «Санктпетербургский вестник» появилась рецензия на переводной сборник сказок «Тысяча и один день», автор которой, подписавшийся «Ф.», охарактеризовав перевод, переходил к теме, явно его волновавшей. Он писал: «Многие между учеными людьми были споры о пользе и вреде вымышленных повестей или романов, особливо о любовных и тех, которые, удаляясь от природы, представляют людей, вещи и происшествия гораздо иначе, как они на нашем подсолнечном свете быть и случиться могут. Правда, что романы вообще много способствовали внушить охоту ко чтению книг. Правда, что хорошие романы, способствуя к познанию тайностей человеческого сердца, вселяя в нас человеколюбие, почтение и любовь к добродетели и отвращение от пороков и проч., много делали добра. Правда, что сии сочинения могут быть подобны цветам, с которых пчела собирает мед, а гнусный паук яд, но правда и то, что большая часть романов многим, а особливо молодым людям вредна хотя тем только, что напоясь они сею сладостию, чувствуют уже отвращение от здоровья и больше им приличной пищи, ровно и тем, что представляя себе примеры вымышленных лиц, счастья своего ожидают от случайных приключений, которого они от доброго поведения и трудолюбия своего ожидать бы должны были».¹⁰

Мы привели столь пространную цитату, поскольку полагаем, что она весьма красноречиво иллюстрирует сложность утверждения этого жанра на русской почве. Вполне закономерно, что апология переводной прозы, особенно романа, исходила от самих переводчиков, которые использовали для этой цели предисловия или, как они тогда назывались, «предуведомления» к публикуемым произведениям. Характерная особенность этих «предуведомлений» состоит в том, что они не касались художественных особенностей и достоинств следовавшего далее произведения, но в соответствии с просветительской эстетикой характеризовали его с точки зрения общественной пользы и стремились доказать его нравственное совершенство и воспитательное значение. Начало таким апологиям, как уже указывалось,¹¹

⁸ См. ниже. С. 149.

⁹ Собр. лучших соч. 1762. Ч. 3. С. 98—99.

¹⁰ СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Апрель. С. 318—319.

¹¹ См. выше. С. 123.

положил в предисловии к тому I романа Прево «Философ англинский, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева» (1760) переводчик Семен Порошин. Исходя из посылки, что всегда «полезно нравоучение роду человеческому», девятнадцатилетний литератор согласует его с распространенным в этике и педагогике XVIII в. (и восходящим к формуле Горация из «Послания к Пизонам» — *utile dulci*) требованием сочетать полезное с приятным и пишет о том, что «наиславнейшие в ученом свете люди, о общем благополучии усердствуя», стремятся, «украсив нравоучение блистанием прелестных одежд, вящую возбудить охоту и внимание в читателях». К числу «родов» литературных произведений, которые «с оным доброхотным намерением написаны», «принадлежат и известные под именем романов сочинения, того ради изобретенные, дабы, описывая в них разные похождения, сообщать к добродетельному житию правила». При этом Порошин далек от общей апологетики романического жанра; он отмечает «чрезвычайно умножившееся ныне на французском и немецком языке число романов, в котором конечно более худых и нелепых, нежели хороших», и остерегает от чтения тех, «кои сложены без всякого намерения и в коих нет ничего кроме роскошных приключений и соблазнительных описаний». «Но чтения разумно писанных романов, — заключает Порошин, — отвергать и опорочивать нималой нет причины: изображаются в них нравы человеческие, добродетели их и немощи; показываются от разных пороков разные бедствия в примерах, то причиняющих ужас, то соблезнование и слезы извлекающих; и между цепью наистройнейшим порядком совокупленных приключений наставления к добродетели полагаются». «Все оные свойства разумно писанного романа», утверждает переводчик, имеет публикуемый им перевод.¹²

Концепцию сочетания в лучших романах полезного с приятным развивал дальше Евстигней Харламов, весьма деятельный переводчик. Так, в предисловии к анонимной «Сироте аглинской...», указав, что «в чтении книг находятся два рода препровождения времени, полезное и приятное», он утверждал, что с переведенной им книгой связаны «оба сии препровождения времени; ибо она в рассуждении хотя легкого, но весьма вразумительного ее нравоучения полезною, а в рассуждении удивительных во оной содержащихся случаев и приятною назваться может».¹³ И здесь же Харламов цитировал соответствующую строку Горация. А в предисловии к следующему своему переводу он писал: «Хотя романы и не приносят такой обществу пользы, какую получает оно от чтения книг математических, философических и исторических, однако ж оные удобны острить человеческий разум, искоренять пороки и насаждать добродетели, подаваемые во оных добрыми и дурными примерами». При этом Харламов ссылаясь на свое предисловие к «Сироте аглинской...», в котором он своим читателям «обещал <...> стараться о промышленности им пользы и увеселения».¹⁴

¹² [Прево д'Экзиль А. Ф.] Философ аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, самим им писанное... [СПб.] 1760. С. 3—5, 7, 8 нумер.

¹³ Сирота аглинская, или История о Шарлотте Суммерс... СПб., 1763. Т. 1. С. 3 нумер.

¹⁴ [Комон де ла Форс Ш. Р.] Геройский дух и любовныя прохлады Густафа Вазы короля шведского. СПб., 1764. С. 3, 5 нумер.

Интерпретация переводной прозы как назидательного чтения не была придумана русскими переводчиками. Нравоучительный смысл произведения нередко отмечался самими западными авторами в предисловиях, которые тоже переводились на русский язык. Так, например, в предисловии к сборнику «Тысяча и один час, сказки перуанские», принадлежавшем французскому писателю Т. С. Геллету (не названному, однако, на титульном листе), указывалось, что «сочинители» сказок «описывают любовь не какую иную, как невинную и законную; во всех местах, где можно чувствовать в сочинениях сего роду описание сих действий, видно, что честность прославляется, что добродетель торжествует и что пороки наказуются».¹⁵ Даже представляя читателям откровенно авантюрное повествование о мошеннике Картуше, анонимный французский автор старался заверить их в нравственном значении книги. «...Я и сам верю, — утверждал он, — что повествование сие некоторую пользу принести может. Образец, как сей человек неприметно наистрашнейшим чудовищем учинился, может нам служить к объяснению, чтоб мы ни одну погрешность мелочью не считали; ибо и малейшие преступления часто приводят нас в крайнюю погибель; таковы были и оныя, кои несчастного сего злодея нечувствительно в оную ввергнули».¹⁶

И русские переводчики следовали подобным примерам. «...Сочинитель изобразил добродетель по многим искушениям, паки возвращающуюся в прежние свои силы и превосходное свое состояние»,¹⁷ — заявлял переводчик повести Бакюлара д'Арно «Юлия, или Щастливое раскаяние» князь П. Д. Цицианов. «...Естественная должность обязует нас поощрять и других к познанию добродетелей. И для того, благосклонный читатель, увидишь ты в сей книге столько смешанного с разными приключениями в жизни сего Маркиза нравоучения, сколько может так много в свете искусившийся разумный и ученый человек, какой оный Маркиз, для наставления другим дать»,¹⁸ — утверждал переводчик романа Прево «Приключения маркиза Г...» И. П. Елагин, близкий ко двору Екатерины II. А неизвестный переводчик романа Ш. де Ф. Муи указывал в предисловии: «Приключения в сей книге находящиеся, по справедливости достойны наименованы быть *Зеркалом Девиц*; ибо они представляют все то, что только к осторожности и к соблюдению

¹⁵ Тысяча и один час, сказки перуанские / Переведены с французского на российский язык Анною Вельяшевою-Волынцовой. М., 1766. Т. 1. С. 14 нумер. См. также авторские предисловия в кн.: [Арно Ф. Т. М. де Б. д'.] *Повесть о господине де ла Бедуазре*. СПб., 1773. Т. 1; [Ормау Ш.] *Страдание младой Емилии, к наставлению чувствительных и добродетельных душ*. М., 1785. Ч. 1.

¹⁶ Сочинителево уведомление // Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищей, собранное из производимых над ним процессных пунктов и других вероятных уведомлений / С немецкого языка перевел капитан Матфей Неелов. СПб., 1771. С. 6. Русский перевод был сделан с немецкого перевода (см.: Свод. каталог. Т. 2. С. 437. № 5437).

¹⁷ [Арно Ф. Т. М. де Б. д'.] *Юлия, или Щастливое раскаяние* примечания исторические. М., 1775. С. 3—4. В оригинале жанр произведения определен как «*anecdote historique*».

¹⁸ [Прево д'Экзиль А. Ф.] *Приключения маркиза Г... или Жизнь благородного человека оставившего свет* / Переведена на Российский язык Иваном Елагиным. СПб., 1756. Ч. 1. С. 11 нумер.

чести целомудренной и добродетельной девицы послужить может»,¹⁹ и т. д.

Характерно, что и Плавильщиков в упомянутой выше статье «Не-что о переводах», указывая на необходимость переводов романов, мог уже сослаться на созданные к тому времени лучшие образцы и утверждать: «Известно, что остроумный роман, произведенный искусным пером господ Прево, Мармонтеля, Фильдинга, Лесажа или Арнода, конечно более удобен наставить и увеселить читателя, нежели целый шкаф огромных томов, заключающих в себе сухие и строгие наставления».²⁰

Впрочем, из-за рубежа проникали иногда оценки романического жанра не только с нравоучительной, но и с познавательной точки зрения. Так, переведенные В. А. Левшиным тома немецкой «Bibliothek der Romane» (которая по-русски была ошибочно названа «Библиотека немецких романов», хотя в ней содержались также произведения французских и итальянских писателей) открывались предисловием, где, в частности, говорилось: «Романы были первые книги большей части народов. Они содержат вернейшие изображения наших времен, наших обычаев, пороков и добродетелей. Оные суть толико ж изображения нравоучительных картин, где истина скрывается под покрывалом выдумки. Дичайшие орды, равно как просвещенные народы, имеют оные собственные».²¹

В царствование Екатерины II переводческая деятельность в области литературы развернулась весьма широко. Сама императрица, стремившаяся убедить и своих подданных, и зарубежные страны в просвещенном характере ее правления, способствовала этому. Предпринятый ею совместно со свитой во время путешествия по Волге в 1767 г. перевод запрещенного во Франции романа Мармонтеля «Велизарий» носил явно демонстративный характер. И не случайно в предисловиях к переводным книгам, вышедшим в России в годы ее царствования, мы неоднократно встречаем панегирические заявления вроде следующего: «...благополучные времена нашего века уверяют меня, что читатели мои столько же тронуты будут жалостным состоянием всков прошедших, сколько почувствуют преимущество и благоденствие свое, что рождены во дни мудрого правления ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ», и далее отмечалось «Просвещение нынешнего века».²² А переводчик И. С. Захаров в начале своего «Рассуждения о переводе книг» утверждал: «В блаженные времена царствующей ныне Великой Обладательницы сердец Российских науки и художества возрастают в один день болес, нежели прежде росли веками. Многочисленные и разнообразные училища, все по широкому пространству России учрежденные дол-

¹⁹ [Муи III. de Ф.] Зеркало девиц, или Удивительное похождение Женетты, крестьянской дочери, добродетелию и постоянством славы и знатного достоинства достигнувшей. СПб., 1783. Ч. 1. С. 1 нумер.

²⁰ Утра. 1782. Июль. Л. 4. С. 60.

²¹ Библиотека немецких романов / Переведена с берлинского 1778 года издания Всл. Лвшин. М., 1780. Ч. 1. С. 3—4.

²² Торжество немилосердия, или Повесть о жизни Амвросия Борели, умершего в Лондоне от рождения своего на 103 году; собранная В. Жестерманом... М., 1782. С. 5—6 нумер. — В. Жестерман — псевдоним Ж. П. Рабо Сент-Этьена; переводчик неизвестен.

жности наполнены суть знаменитыми сочинителями и искусными переводчиками». ²³

Сама переводческая деятельность становится более престижной. Открывая в 1778 г. литературно-научный журнал «Санктпетербургский вестник» и заменив программное предисловие «фрагментами и мыслями, взятыми из разных авторов», издатель Г. Л. Брайко приводил, в частности, отрывок «из аглинского журнала», где говорилось, что в Англии переводное дело «всегда было в великом почтении у сего народа. Превосходный переводчик там не меньше сочинителя почитаем и прославляем; не меньше оного ему откровен путь к бессмертию, и все умеют познавать цену услуги, им обществу оказанной». ²⁴ И такое отношение к переводчикам признавалось заслуживающим подражания.

При этом, однако, в том же выпуске журнала во введении к постоянному разделу «Известия о новых книгах» указывалось, что «Российские писатели и переводчики должны преодолевать многие трудности по причине недостатка в довольном числе ученых, критических и образцом служащих предшественников, и притом не имея совершенно полных словарей и хороших первоначальных произведений, руководствующих к знаниям, так и основательных систематических в юности наставлений...» ²⁵

Среди русских переводчиков второй половины XVIII в. встречаются представители самых различных сословий и слоев общества. В их числе, например, сын бедного канцеляриста И. И. Акимов и выходец из старинного дворянского рода Ф. И. Дмитриев-Мамонов, ²⁶ учитель московской Троицкой духовной семинарии Н. И. Загорский и прапорщик Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса В. Лазаревич, советник Иностранной коллегии П. П. Курбатов и студент Московского университета Д. Е. Мокеев и т. д.

Нередко обращение к переводу стимулировалось необходимостью совершенствовать иностранный язык и осуществлялось в сравнительно раннем возрасте. Переводчица упомянутых выше «Перуанских сказок» Анна Вельяшева-Волинцева просила извинить «неисправности» перевода, публиковавшегося в 1766 г., «в рассуждении, — как она писала, — десятилетнего (sic!) моего возраста». ²⁷ Любопытный рассказ о юношеском переводческом дебюте содержится в «Записках» поэта И. М. Долгорукова. С детских лет его обучал языкам француз Совере, который не оставил своего питомца и после поступления того в Московский университет. Рассказывая о своих занятиях в 1780 г., Долгоруков писал: «Меня дома занимал Совере переводом прекрасной книги г. Mercier: les songes philosophiques; но книга, ежели смею сказать, не соответствовала моему возрасту. Я не мог понять ее со-

²³ Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 17. Ноябрь. С. 66—67.

²⁴ СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Январь. С. 14.

²⁵ Там же. С. 57.

²⁶ Вероятно, именно его происхождение побудило Дмитриева-Мамонова старательно скрывать свою фамилию при опубликовании перевода; см. предисловие в кн.: Любовь Псиши и Купидона, сочиненная Г. де ла Фонтеном. М., 1769. С. 18 («...я великую охоту имею сочинять и писать, но не желаю слыть ни стихотворцом, ни писателем, ни переводителем»).

²⁷ Тысяча и один час, сказки перуанские. Т. 1. С. 10 нумер. — В справочных изданиях годы жизни А. И. Вельяшевой-Волинцевой не установлены.

вершенно; следовательно перевод мой вышел более набор слов, нежели смысловое сочинение. Домашние мои учителя, под руководством коих я трудился, сколько ни старались исправить мой перевод, но желание сохранить в нем некоторые черты моей собственной работы сделало то, что перевод мой остался все не хорош, и только тогдашние мои лета могли извинить его недостатки. Книга в том же году напечатана. Переводчик ее наименован *авскультантом*. Вот первый шаг к знакомству моему с ученой публикой». ²⁸

Следует заметить, что Долгоруков был не единственным, кто начинал свой литературный труд с перевода. Признание, что публикуемая книга представляет собою «первый плод» труда переводчика, встречается в предисловиях неоднократно. ²⁹ Не один русский писатель XVIII в., прежде чем приступить к созданию собственных творений, прошел школу перевода. Во второй половине века это можно сказать об основоположниках русского романа Ф. А. Эмине и В. А. Левшине, плодотворно сочетавших переводное и оригинальное творчество. С переводов начинал и Д. И. Фонвизин. В автобиографическом «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» он сообщал: «Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста». И далее: «В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Голберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды». ³⁰ «Басни нравоучительные» Хольберга в переводе Фонвизина вышли в свет в 1761 г., когда переводчику было 16 или 17 лет. В следующем же году начал выходить в упоминавшемся выше его переводе роман Ж. Террассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского», издание четырех частей которого растянулось на шесть лет, причем первые три части Фонвизин переводил с немецкого перевода и только четвертая часть была переведена с оригинала: к тому времени переводчик уже овладел французским языком. Так началась литературная деятельность Фонвизина.

Обращение к переводному творчеству наглядно прослеживается в мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова». В 1749 г., когда он, 11-летний мальчик, был отдан в Петербурге в пансион, французский учитель заставлял его читать «Похождения Телемака» Фе-

²⁸ Долгоруков. Соч. СПб., 1849. С. 530—531. — Авскультант — протоколист в Вольном российском собрании при Московском университете; это звание Долгоруков получил, будучи студентом, осенью 1779 г. (см. там же. С. 529). Две части «Философических снов» Л. С. Мерсье в переводе Долгорукова вышли в свет в московской университетской типографии Н. И. Новикова в 1780—1781 гг.

²⁹ См., например, предисловия в кн.: Жизнь шведския графини Г*** сочиненная господином профессором Геллертом... СПб., 1766. Ч. 1. С. 3 (переводчик И. Ф. Румянцев); [Ленобль Э.] Зулима, или Непорочная любовь, историческая новость сочинения г. Ле Сажа. СПб., 1768. Ч. 1. С. 1. (переводчик И. Кудрявцев); [Gen de Монпаньяк Л. Ж.] Способ быть добродетельным, или Достопамятные похождения кавалера Кильпара, сочиненныя славным англинским писателем Г. Фильдингом. СПб., 1776. С. 8 нумер. (переводчик, обозначенный инициалами И. Р., не установлен); [Пратт С. Д.] Торжество благодарения, или История Франциска Вильса. М., 1781. Ч. 1. С. 8 (переводчик А. Ф. Малиновский).

³⁰ Фонвизин. Т. 2. С. 88—89.

нелона, но, недостаточно еще владея французским языком, ребенок «мало разумел» прочитанное. Зато когда ему досталась книга русского перевода, он «не мог довольно ей начитаться». «Сладкий пиитический слог, — вспоминал Болотов в старости, — пленил мое сердце и мысли и влил в меня вкус к сочинениям сего рода, и вперил любопытство к чтению и узнанию дальнейшего».³¹ Книга так ему полюбилась, что в 15 лет, находясь в деревне, он «списал <...> целого „Телемака“ с печатного» и отдал в переплет. А когда в 17 лет он вступил на действительную службу в армию, он в свободное время для «прогнания» скуки «вздумал <...> учиться что-нибудь переводить». Начал он с географического словаря И. Гюбнера, затем принялся за книгу по хиромантии, находя в этом «новое и приятное препровождение времени». Перевел он и какой-то немецкий роман, который называл «Малослыханная и бедственная жизнь и происхождения Якова Пакартуса, бывшего потом милордом в Англии»; эту книгу он сравнивал с «Жиль Блазом» и «Робинзоном Крузо».³²

Свои литературные труды Болотов продолжал и во время походов. Так, в 1757 г., во время Прусского похода, когда полк, где он служил квартирмейстером, находился в Литве, он увлекся романом Прево «Английский философ, или История Кливленда, незаконного сына Кромвеля» (1732—1739). «И как я не привык без дела быть, то, прочитав книги свои и полюбив оные очень, вздумал на досуге „Клевленда“ моего переводить и препровождать в том все праздное свое время».³³ Перевод этот, видимо, не был завершен (вероятно, из-за опубликования в 1760 г. перевода Порошина), но переводами художественных, философских и других произведений Болотов продолжал заниматься и по выходе своем в отставку в 1762 г. За счет переводов в значительной мере пополнялись составлявшиеся им журналы «Сельский житель» (1778—1779) и «Экономический магазин» (1780—1789); издание последнего журнала было предпринято по предложению Н. И. Новикова, который издавал его в своей типографии.

С Новиковым был связан и первый опубликованный в переводе Болотова немецкий роман в письмах А. Бевиуса «Генриетта, или Гусарское похищение» (1782). Как вспоминал Болотов, «сему (Новикову. — Ю. Л.) не успел я сказать, что на тех днях случилось мне <...> купить один новенький роман, который мне особым и заманчивым своим слогом и приятностию отменно нравится и даже хочется его перевести, но что я не знаю, согласился ль бы он его напечатать; как, против всякого чаяния, г. Новиков воскликнул: „Ах, для чего ж не напечатать, а особливо если он так хорош, как вы говорите. Сего рода сочинения и книги несравненно скорее с рук сходят, нежели степенные. Итак, с Богом, батюшка, с Богом, переводите его, и чем более сим делом поспешите, тем лучше...“».³⁴ Так началась публикация отдельными изданиями переводов Болотова, выходивших в свет в 1780—1790-х гг.³⁵

³¹ Болотов. Жизнь. Т. 1. Стб. 108.

³² Там же. Стб. 234, 335, 351, 391.

³³ Там же. Стб. 430.

³⁴ Там же. Т. 3. Стб. 944.

³⁵ См.: Щенкина Е. Популярная литература XVIII века. (По запискам Болотова) // ЖМНП. 1886. Ч. 244. № 4. Отд. 2. С. 238—276.

Следует отметить, что переводческую практику Болотов сочетал с критикой изданных переводов. В главе своего жизнеописания, относящейся к 1791 г., он отметил: «На меня приди около сего времени *охота писать критику* на все те книги, которые мне прочитывать случалось, и критику особого рода, а не такую, какая иными пишется, но полезнейшую». ³⁶ В результате были составлены два рукописных сборника, озаглавленные «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова». Сохранился лишь первый сборник, содержащий 50 статей, ³⁷ посвященных книгам, которые были изданы с 1760 по 1790 г. (преимущественно 1770—1780-е гг.). Среди этих изданий только 4 принадлежат русским авторам, остальные 46 — переводные. Ниже будут цитироваться некоторые суждения Болотова из этих статей.

Многие русские переводчики XVIII в. подвизались на служебном поприще, военном или гражданском, потому что литературным трудом они не могли обеспечить свое существование. Мало кому удавалось согласовывать служебную и литературную деятельность, как, например, И. Ф. Богдановичу, в то время когда он служил переводчиком в Иностранной коллегии (1764—1779). Большинство же могло заниматься переводами в свободное от выполнения служебных обязанностей время, о чем они нередко сообщали читателям. И если при этом князь П. Д. Цицианов, армейский офицер, в недалеком будущем генерал от инфантерии, не без кокетства представил свой перевод повести Бакюлара д'Арно как «упражнение <...> от скуки в праздное время», которое он употребляет «к услуге» читателю, ³⁸ то Е. С. Харламов, преподаватель и директор типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, стремился оправдаться перед читателями: «Признаюсь, — писал он, — что подлинник онаго перевода несравненно превосходит труд мой, но благосклонный читатель упустит то слабости моего пера; ибо никогда я прежде не воображал себе быть писателем, следовательно и сию должность отправлял в праздные мои часы, которых для меня весьма мало». ³⁹ Характерно, что позднее Харламов, издавая переводные сборники «Новая сельская библиотека, или Отборные повести, важные и любопытные» (Т. 1—2, 1779, 1781), счел необходимым указать на самом титульном листе: «...переведенные с французского в остающееся от трудов по должности время».

Бывали случаи, когда обращение к переводному творчеству вызывалось побочными причинами. П. С. Батуриин, владевший типографией в Калуге, писал, что труды свои «посвятил на сочинение, дабы типография, находящаяся под ведомством моим, не была праздною и могла бы, по крайности, вырабатывать на содержание свое. Первую книгу, которая в ней была напечатана, я перевел с немецкого языка, под названием „Разных повествований“, с приложением некоторых басен моего сочинения». ⁴⁰

³⁶ Болотов. Жизнь. Т. 4. Стб. 799.

³⁷ См. выше. С. 15, примеч. 23.

³⁸ Юлия, или Шастливое раскаяние... С. 3.

³⁹ Сирота аглинская, или История о Шарлотте Суммерс... Ч. 1. С. 4 неномер.

⁴⁰ Записки П. С. Батурина // Голос минувшего. 1918. Вып. 4—6. С. 176. — Книга вышла под заглавием «Собрание разных правоучительных повествований и басен» (Калуга, 1785). Прозаические сочинения и часть басен были переведены из сборников А. Г. Мейснера «Skizzen» (Leipzig, 1783—1784. Saml. 1—4).

Распространение переводческой деятельности, непрерывный рост числа переводов художественной литературы, которые было необходимо печатать, повлекли за собою некоторые организационные мероприятия, возникавшие подчас стихийно. Еще в 1757 г. в упоминавшемся выше Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в Петербурге открылась типография, цель которой официально была сформулирована Сенатом достаточно четко: «...для печатания ко обучению находящихся при том корпусе унтер-офицеров и кадетов книг и прочего к воинским обрядам принадлежащего».⁴¹ Однако с этим ограничением довольно скоро перестали считаться, и репертуар типографии значительно расширился. В 1759 г. группа преподавателей и воспитанников корпуса начала издавать просуществовавший два года журнал «Праздное время в пользу употребленное», большую часть которого занимали переводные нравоучительные статьи.⁴² Само название журнала имело внутренний смысл: как мы отмечаем, переводчики неоднократно указывали, что посвящают переводу свое «праздное время», и такое его «употребление» объявлялось «полезным». К тому же можно полагать, что какая-то часть переводов была связана с учебными занятиями кадетов иностранными языками. Понемногу вокруг Сухопутного корпуса и его типографии образуется коллектив переводчиков, систематически печатающих плоды своих трудов, преимущественно переводы французских романов и повестей.⁴³ Именно здесь был опубликован офицером корпуса переводчиком С. А. Порошиным «Философ аглинской...» Превосидимым выше предисловием, которое, возможно, являлось декларацией всего коллектива.

Стремление руководить переводческой деятельностью проявляла Академия наук. Переводы, причем не только научных произведений, но и художественных, печатались в академическом ежемесячнике с начала его выхода в 1755 г.⁴⁴

В «Ежемесячных сочинениях», как мы видели, необходимость «заванных книг» категорически отрицалась. Со временем, однако, становилась ясной неуместность такой нетерпимости, тем более что немалое число подобных книг печаталось в академической типографии. И уже осенью 1763 г., полгода спустя после выпуска в свет этой типографией переводных романов Лесажа «Баккалавр Саламанской» и Харитона «Похождение Кереа и Каллирои», в журнале появилось специальное рассуждение, где, правда, утверждалось, что «больше пользы происходит от переводу <...> с чужестранных языков книг, до наук касающихся», и что «трудящиеся в переводах оных» больше заслуживают благодарности, однако тут же было добавлено: «Но за тем и других услуги презирать не надлежит, когда вместо других за-

⁴¹ Цит. по: *Шамрай Д. Д.* Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // XVIII век, сб. 2. М.; Л., 1940. С. 294.

⁴² См. выше. С. 137.

⁴³ См.: *Шамрай Д. Д.* Об издателях первого частного русского журнала. (По материалам архива кадетского корпуса) // XVIII век, сб. 1. М.; Л., 1935. С. 377—385. См. также: Хронологический список продукции типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса с 1757 по 1867 гг. включительно // XVIII век, сб. 2. С. 311—349 (приложение к статье Д. Д. Шамрай «Цензурный надзор над типографией»).

⁴⁴ См. выше. С. 133—134.

бав, с повреждением здоровья или лишением имени иногда сопряженных, снабдевают сограждан своих забавными книгами, которые хотя равной с прежними пользы не приносят, но и вреда никакого не делают, а паче острыми вымыслами и приятным слогом несколько наставляют».⁴⁵

Таким образом, допустимость переводов иностранной беллетристики была публично признана. Но этого руководителям Академии было недостаточно; они стремились направлять эту литературную деятельность, определять выбор произведений для перевода. И в следующем году в одной из рецензий того же журнала было прямо указано: «Одно токмо наблюдать должно тем, которые в переводах упражняются, а именно то, чтоб прежде, нежели б какую книгу переводить начали, помыслили и с другими посоветовали, *нет ли чего к переводу нужнее и для общества полезнее?*»⁴⁶ Конец фразы недаром был выделен курсивом: этот вопрос должен был восприниматься переводчиками как завет, а под «другими», с которыми их призывали посоветоваться, подразумевались, конечно, лица, связанные с Академией.

В 1768 г. Екатерина II учредила «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», назначив из личных своих средств 5000 рублей ежегодно для оплаты труда переводчиков.⁴⁷ Исследователи полагают, что мысль о создании такого Собрания возникла в 1767 г. во время упомянутого путешествия императрицы по Волге. В то же время несомненно, что в этом мероприятии в известной мере реализовалось стремление Академии наук руководить переводческой деятельностью. Хотя Собрание, труды которого оплачивались Екатериной, формально не подчинялось Академии, однако не случайно во главу его, кроме Г. В. Козицкого, секретаря императрицы «у принятия челобитень», и поэта А. П. Шувалова, был назначен В. Г. Орлов, в то время директор Академии наук, а когда в 1775 г. его сменил на этом посту С. Г. Домашнев, в ведение последнего было передано и Собрание, переводы которого печатались главным образом в академической типографии. Соответственно складывался и репертуар переводов Собрания. В первую очередь переводились произведения европейских, преимущественно французских мыслителей XVIII в.: Вольтера, Монтескье, Мабли и др., а также древних авторов — поэтов, историков, политических деятелей. Напомним, что авторы классической древности весьма почитались в Академии, и на необходимость переводить их сочинения академический журнал указывал еще в 1763 г.⁴⁸ Из книг научного характера большее внимание уделялось трудам по истории и географии. Переводились также математические, физические, естест-

⁴⁵ Ежемес. соч. 1763. Октябрь. С. 369—370.

⁴⁶ Там же. 1764. Октябрь. С. 372.

⁴⁷ См.: Семенников. Собрание. (В приложении помещен «Список сочинений, переведенных Собранием, старающимся о переводе иностранных книг»); Либрович С. Ф. Собрание переводчиков при Екатерине II. Стб. 265—271.

⁴⁸ «...К таким нужнейшим книгам по единогласному всех ученых рассуждению принадлежат наипаче древние классические авторы, потому что всем наукам начала в них заключаются, они и по красоте слогу того достойны, чтоб единственно и всегда примерами служили будущим писателям, кои потолику только славными сделаться могут, поелику древним писателям подражают» (Ежемес. соч. 1763. Март. С. 271).

веннонаучные сочинения и даже учебные пособия. Из произведений писателей нового времени в основном отбирались философские, юридические и политические труды, а художественная литература занимала в переводах Собрания незначительное место. Были переведены романы Филдинга и Свифта, философские повести Вольтера, поэма Тассо «Освобожденный Иерусалим», трагедии Корнеля, комедии Гольдони и Геллерта, «Басни и сказки» последнего. Можно, однако, полагать, что эти второстепенные в планах Собрания издания пользовались читательским спросом. Во всяком случае известно, что «Кандид» Вольтера и «Путешествия Гулливеровы» Свифта имели по три издания.

В первое время переводы для Собрания выполнялись академическими переводчиками. Но уже на второй год его существования круг переводчиков, связанных с ним, стал постоянно расширяться, чему, несомненно, способствовало обеспеченное вознаграждение. Всего, по подсчетам В. П. Семенникова, для Собрания трудились более ста литературных работников⁴⁹ — число по тем временам огромное. Однако деятельность Собрания успешно развивалась только до 1775 г. Передача его под управление С. Г. Домашнева, который привел в расстройство все академические дела, повлекла в итоге упразднение Собрания в 1783 г. и передачу переводного дела в ведение Российской академии, учрежденной в том же году для разработки русского языка и словесности. Всего за время существования Собрания им было издано 112 переводных сочинений в 173 томах. Неизданными оставались 36 переводов, предназначенных для печати, часть которых была издана впоследствии, и 28 переведенных пьес, отданных в театр.⁵⁰

Организационную роль в подготовке и издании переводной художественной литературы играл Н. И. Новиков, особенно с 1779 г., когда, поселившись в Москве, он арендовал типографию Московского университета. Переводы составляли около двух третей художественной литературы, издававшейся Новиковым, причем в отборе переводных сочинений явно проявлялось стремление популяризировать произведения французских просветителей и создателей романа нового типа.⁵¹

Расширение переводческой деятельности влекло за собою также возникновение неофициальных объединений переводчиков, основанных на принципах взаимопомощи, и некоторые из них были связаны с Новиковым. К числу таких последних, несомненно, принадлежало студенческое «общество», о котором говорится в записках М. И. Антоновского, переводчика с немецкого, сотрудника новиковского журнала «Утренний свет», а позднее издателя «Беседующего гражданина». Антоновский вспоминал, что в годы своих университетских занятий с 1779 по 1783 г. он «согласил <...> несколько своих соучеников, студентов Московского университета, составить ученое общество для упражнений во время, остающееся от слушания профессорских лекций, в сочинениях и переводах, а после

⁴⁹ Семенников. Собрание. С. 9.

⁵⁰ См. соответствующие списки: Там же. С. 32—85.

⁵¹ См.: Семенников. Новиков; Фридберг Л. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова в Москве (1779—1792) // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 23—42.

для издания трудов своих в печать, словом для приучения себя рассуждать и чувствовать хорошо <...> Сие общество издало в свет на Российском языке немалое число весьма полезных книг». ⁵²

2

При общем обзоре русской переводной художественной прозы в рассматриваемый нами период бросается в глаза тот факт, что французская литература занимает в этом перечне господствующее положение. Немецкая и английская литературы далеко от нее отстают, а остальные европейские литературы, в том числе и древние, представлены в лучшем случае единичными произведениями. Преимущественное распространение французской культуры в России XVIII в. проявилось и в том, что произведения английской литературы и некоторых иных (итальянской, испанской, португальской) в большинстве случаев переводились на русский язык через посредство французских переводов. Впрочем, в этом отношении с французским языком соперничал немецкий; и если немецкая литература этого времени значительно уступала французской (что и отразилось на численности переведенных произведений той и другой литературы), то немецкий язык был широко распространен в культурных слоях России. И показательно, что с немецких переводов-посредников переводились не только некоторые английские романы и повести, но также и французские, как мы уже видели на примере Фонвизина, переводившего первые тома романа Террассона.

Сравнительно большое место в этом потоке переводной художественной литературы, который устремился в Россию во второй половине XVIII в., занимают произведения, не оставившие сколько-нибудь заметного следа у себя на родине. Известно, что литературные однодневки возникают постоянно в каждой литературе, а то обстоятельство, что русские переводчики XVIII в. нередко обращались к ним, объясняется двумя причинами. С одной стороны, эти произведения могли вызвать пусть кратковременный, но все же значительный интерес. А с другой стороны, следует иметь в виду, что среди русских переводчиков этого времени было немало людей случайных, чье обращение к тому или иному иноязычному произведению могло быть вызвано какими-либо побочными обстоятельствами. Поэтому, характеризуя переводную литературу рассматриваемого периода, нужно выделять тех авторов и те произведения, которые играли более существенную роль в воспринимавшей их духовной культуре и вызвали значительный читательский интерес, что влекло за собою систематическое обращение переводчиков к этим авторам и переиздание переводов наиболее полюбившихся произведений.

При всем различии русской переводной литературы двух смежных периодов между ними наблюдается определенная преемственность, особенно в области художественной прозы. До 1760 г. были изданы, как мы видели, буквально считанные переводные романы, однако почти каждый из этих переводов явился как бы отправной точкой, от которой начиналось распространение в русской литературе соот-

⁵² Записки Михаила Ивановича Антоновского // Русский архив. 1885. Кн. 1. Вып. 2. С. 151.

ветствующей разновидности жанра. В первую очередь это произошло с «Приключениями Телемака» Фенелона.⁵³ Утопический «государственный» роман, отстаивающий принципы просвещенной монархии, был весьма созвучен официальным политическим декларациям, особенно в царствование Екатерины II, во время которого вышли два переиздания первого перевода А. Ф. Хрущева (в 1767 и 1782 г.), богато иллюстрированные гравюрами. А затем в конце века стали выходить новые переводы.⁵⁴

Фенелон создал традицию философско-политического романа с использованием сюжетных мотивов из античной мифологии или древней истории, и произведения французских последователей этой традиции вызывали неизменный интерес в России и переводились на русский язык. А слава самого Фенелона была здесь настолько велика, что его приключенческая повесть «Похождения Аристоноя» (*Les aventures d'Aristonoüs*, 1699), сюжет которой также был отнесен к античности, с 1760-х гг. до конца века переводилась пять раз.⁵⁵

Следующим политическим романом, переведенным на русский язык, был упоминавшийся выше в связи с переводческой деятельностью Фонвизина «Сетос» (*Sethos*, 1731) Жана Террассона, названный в переводе «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского». Французский литератор аббат Террассон, профессор греческой и латинской философии в Коллеж де Франс, член французской Академии наук, а затем и Французской академии, выступал с историческими, историко-литературными и политическими сочинениями. «Сетос» был, по-видимому, единственным его художественным произведением. Герой романа, египетский царевич, сын дурного и слабого царя Озорота и мудрой царицы Нефты, которая правила страной, воспитанный мудрецом Амедесом, благополучно проходит таинственные мучительные испытания, предписанные жрецами, разумно отвечает на их вопросы, после чего они признают, что он стоит «на истинном пути к добродетели». Жажда знания побуждает его проникнуть в «подземный город» египетских жрецов, где он разоблачает их таинства. А в последующих скитаниях по Африке он улучшает нравы дикарей, совершенствует скитание, распространяет просвещение.

В романе утверждались идеи, имевшие непосредственное политическое значение. Автор осуждал дурных царей, которые ставят личные интересы выше интересов страны, он выступал против тирании, против захватнических войн, против рабства и т. д. В идеальном государстве Атланта, которое посещает герой, все жители равны, все трудятся и обеспечены, а царь и жрецы избираются народом. Дважды в романе прямо формулируются политические и нрав-

⁵³ См. выше. С. 116—117.

⁵⁴ См. ниже. С. 244—246.

⁵⁵ Аристоноевы приключения // Две повести Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых. СПб., 1766. С. 1—36 (переводчик М. И. Попов); Похождения Аристоноя // Новые разговоры мертвых, также Повести и басни, сочиненные <...> Франциском Салиньяком де ла Мотом Фенелоном... СПб., 1768. Ч. 2. С. 273—287 (переводчик И. Остолопов); Аристоноевы приключения, или Жизнь добродетельного мужа. СПб., 1779. 56 с. (переводчик Т. П. Кириак); Приключения Аристоноя. СПб., 1782. 79 с. (переводчик не установлен); Похождения Аристоноевы // Забавы в единении для всякого возраста и состояния людей, с приобщением Похождений Аристоноевых, сочинения г. Салиньяка де Ла Мотт Фенелона... М., 1797. С. 1—30 (отд. пагин.; переводчик П. Д. Антонович).

ственные правила, которым должен следовать каждый правитель: в надгробной речи мемфийского жреца над телом «премудрой царицы» Нефты и в ответах Сифа на три вопроса, заданных ему жрецами: «1) Которая есть знатнейшая геройская добродетель? 2) Состоит ли она в преступлении пределов своей должности? 3) Герою посвящать славу свою благополучию отечества или пользе всего человеческого рода?»⁵⁶

Представляя роман русским читателям, переводчик Д. И. Фонвизин указывал, что «сие сочинение <...> в рассуждении исправления нравов есть весьма полезно»; он подчеркивал достоинства Сифа, представленного уже в юности «героем, почерпшим премудрость от нравочучения», так что он «в состоянии уже был делать другим наставления», а «неизвестные страны», которые посетил, он «освободил от ужасных суеверий» и «наконец посвятил геройство благополучию общества».⁵⁷

Русский перевод романа вызвал несомненный интерес. Еще до выхода его в свет И. Г. Рейхель посвятил ему специальную неоднократно уже упоминавшуюся пространную статью «Известие и опыт о российском переводе Сифа», где, высоко оценив «Телемака», тем не менее утверждал: «Сиф имеет более достоинства, нежели Телемак. В нем находятся такие нравочучения, такие тонкие рассуждения и высокие мысли, каких в Телемаке искать бесполезно».⁵⁸ Соответственно был одобрен труд Фонвизина, переведившего роман, и в заключение, чтобы убедить читателей «о пользе сея книги», приводилась речь жреца над гробом царицы, которая, по утверждению Рейхеля, «содержит в себе истинное сокровище политических правил».⁵⁹

Вслед за журналом Рейхеля о том, что «печатается Российской перевод сочиненного аббатом Террассоном Похождения Сифа, которого первый том скоро из печати выйдет», объявили «Ежемесячные сочинения» и всячески рекомендовали своим читателям «сию полезную книгу».⁶⁰ А по выходе тома в свет в этом журнале говорилось: «Заслуг трудящихся в переводах довольно выхвалить не можно, когда избирают подлинники толь достойные переведенным быть, как сия книга». И далее вышедший роман сопоставлялся с «Телемаком» Фенелона, и выражалось пожелание, чтобы перевод последующих трех частей скорее вышел в свет.⁶¹ Однако, как мы уже отмечали, перевод и издание этих частей растянулись до 1768 г., а спустя два десятилетия роман был переиздан (1787—1788).

В 1762 г. в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса было издано в переводе с французского «Похождение Неоптолема сына Ахиллесова» (*Les aventures de Néoptolème, fils d'Achille, 1718*). Имя автора не было указано. Впоследствии удалось выяснить, что это некто Шансьерж, о котором, однако, никаких сведений не обнаружено. Роман описывал странствия и битвы мифического Неоптолема, причем в отличие от традиционного его образа — свирепого

⁵⁶ Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая. М., 1762. Ч. 1. С. 207. — Ответы Сифа: Там же. 1763. Ч. 2. С. 21—29.

⁵⁷ Там же. Ч. 1. С. 4—5.

⁵⁸ Собр. лучших соч. 1762. Ч. 3. С. 103.

⁵⁹ Речь занимает с. 105—114. Неясно, кому принадлежит ее перевод, поскольку он не совпадает с соответствующим текстом из романа в переводе Д. И. Фонвизина.

⁶⁰ Ежемес. соч. 1763. Генварь. С. 78—79.

⁶¹ Там же. Сентябрь. С. 281—282.

воина — он был представлен благородным юношей, выше всего ставящим законы чести и интересы своего народа. И когда после скитаний и битв Нептолем вернулся на родину, он «старанием и премудростию своею исправил силы своего царства, которые от долговременной войны ослабели. Фессалийские жители почувствовали вскоре спокойство его царствования, ибо он предал законы эфирскому народу и приобрел чрез свои добродетели бессмертную славу, которой удивляться будут и самые позднейшие его потомки».⁶²

Переводчиком выступил А. В. Храповицкий, в то время воспитанник кадетского корпуса, в будущем статс-секретарь Екатерины II. Перевод этот явился началом его литературной деятельности, и, как видно из открывающего книгу посвящения императрице, Екатерина знала об этой его работе еще до завершения и одобрила ее. В 1788 г. перевод был переиздан.

Следующим переводным романом, продолжившим традицию «Телемака», было «Новое Кирионаставление, или Путешествия Кирова с приложенными разговорами о богословии и баснословии древних» (*La nouvelle Cyropédie, ou les Voyages de Cyrus; avec un discours sur la mythologie*, 1727). Автор Эндрю Майкл (или Андре Мишель) Рэмзи (Рамзей), шотландец по рождению, по окончании Эдинбургского университета поселился во Франции, где сблизился с Фенелоном и стал приверженцем его взглядов. Фенелон завещал ему свои бумаги, и Рэмзи после смерти своего учителя выпустил новое издание «Похождений Телемака», которому предпослал «Слово об эпической поэзии» (1717), а затем написал и опубликовал «Историю жизни и трудов Фенелона» (1723). В конце жизни он проповедовал идеи франкмасонов, что отразилось и в его романе.

Перевод «Новое Кирионаставление», вышедший в свет в 1765 г., был выполнен А. С. Волковым, в прошлом воспитанником, затем преподавателем в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, а в начале 1760-х гг. — генерал-адъютантом при главнокомандующем русской армией генерал-фельдмаршале П. С. Салтыкове. Волков был связан с масонскими кругами, и это, видимо, побудило его обратиться к роману Рэмзи, в котором получили воплощение этические идеи масонов (требование самопознания и нравственного совершенствования).⁶³

Подобно «Похождениям Телемака» роман Рэмзи являлся социально-политической утопией, которую автор соответственно своим воззрениям согласовал с учением масонов о «внешней натуре», т. е. о государстве и обществе. Позаимствовав для своего повествования героев не из мифологии, а из древней истории, Рэмзи объявил свой роман дополнением к «Киропедии» Ксенофонта, представившего своего героя только с сорокалетнего возраста, тогда как в романе изображена жизнь Кира с шестнадцати до сорока лет. «Молчание сие древности о юношестве сего государя, — говорилось в авторском предисловии, — подало мне случай заставить его путешествовать, а притом изобразить законы, нравы и образ правления всех тех земель, чрез которые он путь свой продолжал».⁶⁴ Таким образом схема рома-

⁶² Похождения Нептолема сына Ахиллесова... СПб., 1762. С. 196.

⁶³ См.: Словарь писателей. С. 166—167 (автор — Л. И. Сазонова).

⁶⁴ Новое Кирионаставление, или Путешествия Кирова с приложенными разговорами о богословии и баснословии древних, сочиненные господином Рамзеем, с французского на российский язык перевел Авраам Волков. [М.,] 1765. Ч. 1. С. 7 нумер.

на-путешествия давала возможность охарактеризовать разные общественные системы и разные взгляды на государственное устройство. Кир странствует из страны в страну, посещает суровую воинственную Спарту и цветущие искусствами Афины, знакомится с постановкой торгового дела в Финикии и этическими системами в Палестине. В итоге в романе утверждается идеал сильной самодержавной государственной власти, в которой, однако, «правительствующие ничего не ищут, кроме народного блага».⁶⁵ Моральными принципами такого государства утверждались нравственное воспитание имущих, филантропия, бескорыстная служба обществу, правосудие и миролюбие.

Роман вызвал интерес в масонских кругах, и в 1785 г. он был переиздан в типографии Московского университета Н. И. Новиковым, с несколько измененным заглавием «Новая Киропедия» в переводе, исправленном по английскому подлиннику С. С. Бобровым.⁶⁶ В то же время связь романа с масонскими идеями вызвала подозрения церковных властей, и в 1786 г. «Новая Киропедия» была отнесена архиепископом Платоном Левшиным к числу книг, признанных «сумнительными и могущими служить к разным вольным мудрованиям, а потому и заблуждениям и разгорячению умов».⁶⁷ И в 1787 г. в московских книжных лавках роман этот был конфискован вместе с другими новиковскими изданиями, а Волков был обвинен в розенкрейцестве.

К переводным политическим романам относятся и два немецких сочинения швейцарского писателя Альбрехта Галлера: «Усонг» (Usong, 1771) и «Альфред, король англосаксов» (Alfred, König der Angelsachsen, 1773), написанные им в конце жизни, когда бунтарские и обличительные настроения его юности уже миновали и вопрос о наиболее совершенной форме государства он решал в консервативном духе.⁶⁸ Видимо, такая идейная направленность романов побудила Николая Поливанова, чиновника на государственной службе, перевести их в 1780-е гг., уже после смерти автора, и выпустить в виде двух частей с общим заглавием: «Плоды трудов прозаических сочинений г. барона Галлера...», и дальше на 13 строках перечислялись все чины и звания швейцарца. Примечательно, что каждой части Поливанов дал еще особое заглавие, раскрывающее политический смысл повествования: «Часть I-я, содержащая в себе изображение самовластного в государстве единоначалия в образе Усонга восточной повести описанное» (1783); «Часть II-я, содержащая в себе изображение аристократического, или властию законов ограниченно-го в государстве правления. В образе жизни Алфреда короля англосаксонов описанное» (1784). И действительно, в романах, изображающих, как герои-правители ищут наиболее подходящую форму правления в своих государствах, Галлер отстаивал мысль, что для восточных народов такая форма — просвещенный абсолютизм, а для

⁶⁵ Там же. С. 207.

⁶⁶ Новая Киропедия, или Путешествия Кировы <...> Издание второе исправленное с англинского подлинника. М., 1785. Ч. 1—2.

⁶⁷ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 036.— Отметим попутно, что Н. М. Карамзин в дружеском кругу получил прозвище «Рамзей», или «лорд Рамзей»; смысл этого прозвища окончательно не установлен (см.: Карамзин. Т. 1. С. 117).

⁶⁸ См. Данилевский. С. 51—52.

народов европейских — конституционная монархия в английском духе.

Формально традицию «Похождений Телемака» продолжал опубликованный анонимно в 1761—1762 гг. перевод романа К. Ф. Ламбера «Новый Телемак, или Путешествия и приключения графа *** и сына его» (*Le nouveau Télémaque, ou Voyages et aventures de comte de *** et de son fils*, 1744). Однако связь с романом Фенелона ограничивалась лишь этим упоминанием в заглавии имени его героя, очевидно, с целью привлечь к новой книге внимание публики. В «Новом Телемаке» действие разворачивалось на фоне современной автору европейской жизни. Герой, маркиз, сын графа, скитается по разным странам, заводит любовные интриги, участвует в войнах, встречается с реальными историческими персонажами вроде Джеймса Френсиса Стюарта, претендента на английский престол, попадает в Африку и т. д. В заключение он, пережив смерть отца, удаляется в деревню писать «сии повествования», которые издаются «единственно в том намерении, чтоб молодые люди, назначенные своею природою к отправлению знатных чинов в свете, могли оными пользоваться».⁶⁹

И другие романы Ламбера переводились в 1760-е гг.⁷⁰ Хотя это был не слишком заметный автор, но произведения его попали в широкую струю современного приключенческого романа, которую русские переводчики деятельно переносили на родную почву. Начало было положено еще в предшествующее десятилетие переводом «Жиль Блаза» Лесажа.⁷¹

Автор «Жиль Блаза», как уже отмечалось, получил широкое признание, а сам роман стал в дальнейшем настолько известен среди читающей публики, что в разных произведениях можно было встретить упоминания эпизодов из него без каких-либо пояснений.⁷² Когда же в 1763 г. в типографии Академии наук вышел перевод «Баккалавр Саламанской, или Похождения дона Херубина де ла Ронда» (*Bachelier de Salamanque, ou les Mémoires de Chérubin de la Ronda*, 1736), на титульном листе с рекламными целями указывалось «сочинение г. ле Сажа издателя Жилблаза де Сантилианы». «Баккалавр Саламанской» — плутовской роман, представляющий собою мало удачную вариацию «Жиль Блаза». Тем не менее в 1784 г. было напечатано второе его издание за счет Академии наук. В 1763 г. также в типографии Академии вышло второе по значению произведение Лесажа «Повесть о хромоногом бесе» (*Le diable boiteux*, 1707), переведенная студентами академического университета Д. Р. Легким и Д. Е. Мокеевым. В этой повести, используя приемы фантастики,

⁶⁹ Новый Телемак, или Путешествия и приключения графа *** и сына его. СПб., 1762. Ч. 3. С. 212.

⁷⁰ Повесть о княжне Жеване королеве мексиканской. СПб., 1765. Ч. 1. 2; 2-е изд. М., 1788 (*Histoire de la princesse Jaiven, reine du Mexique*, 1750); Похождения трех кокеток, или Тюиллериския прогулки. СПб., 1766 (*Aventures de trois coquettes, ou Les Promenades des Thuilleries*); Жизнь добродетельной сицилианки, или Приключения маркизы Албелины. М., 1767. Ч. 1, 2; 2-е изд. М., 1794 (*La vertueuse Sicilienne, ou Mémoires de la marquise d'Albelini*, 1746).

⁷¹ См. выше. С. 121.

⁷² Например: «Я столько великодушен, что ежели бы кто сие преползное мое рассуждение назвал глупым, да и в глаза, то бы я <...> сказал по крайней мере, что Гренадской Архиепископ Жильблазу, когда сей сказал свое мнение о проповеди первого» (Бредни праздного педанта // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 1. С. 88).

французский писатель изображал представителей всех сословий и профессий в характерных для них ситуациях и обстановке; при этом он обличал и осмеивал социальные пороки, присущие различным общественным группам. Несомненный успех произведения повлек два переиздания перевода: в 1774—1775 гг. и в 1791 г.

Откликаясь на выход «Баккалавра Саламанского», «Ежемесячные сочинения» утверждали: «...имя сочинителя господина *ле Сажа* уже служит ему для рекомендации. Ибо сей автор почитается от всех за весьма острого в сем роде вымышлении, за добронравнаго и сладкоречиваго писателя; ему одолжен свет и *Бесом Хромоногим*. А только в таких шутках век свой он и препроводил, не оставляя других сочинений серьезнаго содержания».⁷³

Утвердившаяся в русском культурном обществе XVIII в. слава Лесажа вызывала также переводы его переводов и обработок испанских романов. Так, были переведены скомпилированное из испанских источников «Похождение Естеванила Гонзалеца, прозваннаго вельсичаком» (1765—1766 — *Histoire d'Estevanille Gonzales, surnommé le garçon de bonne humeur*, 1734) и его перевод плутовского романа Матео Алемана «Увеселительные приключения Гусмана д'Алфараша» (Ч. 1, 1785; испанский оригинал: *La vida del pícaro Guzmán de Alfarache*, 1599), причем на титульном листе было указано: «С гишпанского языка на французской переведены господином Ле Сажем, а с французского на российской Д. Щ.» Лесажу была приписана повесть французского литератора XVIII в. Э. Ленобля «Зулима, или Непорочная любовь» (Ч. 1—2, 1768. — *Zulima, ou l'Amour pur*, 1694), и переводчик Иван Кудрявцев уверял читателей: «...содержание оной (повести. — Ю. Л.) вам, конечно, понравится: потому что все г. Ле Сажа дела превосходны и полезны и везде с особливым удовольствием приняты».⁷⁴ Наконец, переводчик Я. И. Булгаков, использовавший французский прозаический перевод Лесажа при работе над поэмой поэта итальянского Возрождения М. М. Боярдо «Влюбленный Роланд» (*Orlando innamorato*, 1494), констатировал: «Г. Лесаж, довольно нам известный по многим его на нашем языке изданным романам...»⁷⁵

Плутовской приключенческий роман Лесажа прочно вошел в сознание русских читателей второй половины XVIII в. и возбудил интерес к жанру. Этим интересом объясняется появление в 1775 г. перевода «Жизни и приключений Лазарилля Тормского, писанных им самим» (*La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades*), анонимного испанского романа, исторического предшественника «Жиль Блаза». Переводились и другие плутовские романы вроде «Истории о Людовиге Мандрене с его рождения, даже до смерти, с описанием бесчеловечных его разбойничеств и о последовавшей ему казни» (1782. — *Histoire de Louis Mandrin, depuis sa naissance jusqu'à sa mort, avec un détail de ses cruautés, de ses brigandages et de son supplice*, 1755) Перле, и др.

⁷³ Ежемес. соч. 1763. Октябрь. С. 372.

⁷⁴ Зулима, или Непорочная любовь, историческая новость сочинения г. Ле Сажа. СПб., 1768. Ч. 1. С. 1.

⁷⁵ [Боярдо М. М.] Влюбленный Роланд. СПб., 1777. Т. 1. С. III.

Были и прямые попытки подражать Лесажу. Писатель С. Н. Глинка вспоминал, что в годы обучения в Сухопутном шляхетном корпусе он и его товарищи «затеяли скропать Новый Жильбляз», но этот их опыт по распоряжению начальства «пошел в огонь». ⁷⁶ Влиянием Лесажа объясняется и тот факт, что В. Т. Нарезный назвал свой лучший нравственно-сатирический роман «Российский Жильбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814).

Параллельно с Лесажем на русскую литературную почву был перенесен другой крупнейший французский романист первой половины XVIII в. Антуан-Франсуа Прево д'Экзиль. Насколько прочно утвердилась его слава, можно судить по упомянутой статье И. Г. Рейхеля; разделяя современные ему французские романы на три класса, к первому он относил произведения Прево, о которых писал: «Романы его трагические, приключения соединяются изрядно между собою, нравоучение полезно и стиль чистой». ⁷⁷

Как уже отмечалось, перевод романа Прево «Приключения маркиза Г...», или Жизнь человека, оставившего свет» начал публиковаться еще в 1756—1758 гг. ⁷⁸ Но И. П. Елагин перевел только четыре части многотомного сочинения; высланный в 1758 г. из столицы, он не смог завершить свой труд. А когда после воцарения Екатерины II он вернулся ко двору, занятый государственными делами, он не стал продолжать перевода, и части 5 и 6 перевел В. И. Лукин, состоявший при нем секретарем. Эти части, как и первые четыре, были изданы при Академии наук в 1764—1765 гг. Лукин не обозначил своей фамилии на титульном листе и посвятил свой перевод Елагину в благодарность за порученный ему труд, подписавшись Н. Н. «Ежемесячные сочинения», извещая «любителей приятных и безвинных забав» об издании «продолжения оной повести», заявляли: «Обнадеживаем читателей, что и сим переводом будут довольны, яко подражанием и продолжением похвального примера, всеми по справедливости за то признанного». ⁷⁹

Что же касается наиболее прославленного произведения Прево «Истории кавалера де Грие и Манон Леско», которая в некоторых французских изданиях печаталась как продолжение «Приключений маркиза Г...», то она появилась в русском переводе только в 1790 г.

Широкой известностью пользовалось и другое многотомное сочинение Прево, уже упоминавшееся выше в связи с переводческими увлечениями Болотова. В России оно выходило под заглавием «Философ аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, самим им писанное» (*Le philosophe anglois, ou Histoire de Monsieur Cleveland, fils naturel de Cromwell, écrite par lui-mesme, 1731—1739*). Первый том вышел в 1760 г. и открывался цитированным выше декларативным предисловием переводчика

⁷⁶ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 106.

⁷⁷ Собр. лучших соч. 1762. Ч. 3. С. 100.

⁷⁸ См. выше. С. 121—122.

⁷⁹ Ежемес. соч. 1764. Сентябрь. С. 275. См.: Головчинер В. Д. Из истории становления языка русской литературной прозы 50—60-х годов XVIII века: (Роман аббата Прево «Приключения Маркиза Г***, или Жизнь благородного человека, оставившего свет», в переводе И. П. Елагина и В. И. Лукина) // XVIII век, сб. 4. М.; Л., 1959. С. 66—84.

С. А. Порошина. Выход последующих пяти томов растянулся до 1767 г., причем известно, что Порошину принадлежал еще перевод 2-го тома; принадлежность переводов остальных томов не установлена. Переводы последних томов (7—9) были опубликованы в Петербурге без обозначения переводчиков и года издания примерно в середине 1780-х гг.⁸⁰ Параллельно в Москве был издан другой перевод этих томов: выполненный подполковником Алексеем Масловым под заглавием «Аглинской философ, или Житие Клевеланда...» (1783—1784). Петербургское издание было повторено в 1791 г.

Третьим романом Прево, вышедшим на русском языке, был «Настоятель Килеринский» (*Le Doyen de Killerine, 1735—1739*), издание перевода которого заняло более полутора десятилетий. Правда, первые пять томов были напечатаны в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса с 1765 по 1768 г., но последний, 6-й том заставил себя ждать тринадцать лет, после чего переизданий не последовало. Переводчик остался неизвестным.

Пространные романы Прево находили в России заинтересованных читателей. Авантюрное построение, обилие драматических событий, преступлений, убийств, разворачивавшихся в таинственных замках, мрачных подземельях и пещерах, столкновение и борьба героев с коварными злодеями предвещали жанр «черного романа». В то же время это были произведения, созвучные просветительской идеологии: автор обличал религиозное мракобесие, выступал против сословной морали; предваряя Руссо, он утверждал превосходство «естественного» бытия, чуждого цивилизации.

Примечательная оценка мастерства Прево содержится в упомянутых «Мыслях и беспристрастных суждениях о романах» А. Т. Болотова, где он писал по поводу «происшествий», описанных в «Настоятеле Килеринском»: «Все они отменно любопытны и занимательны, а есть множество нежных и трогательных, а того больше совсем непредусматриваемых и неожиданных, приводящих читателя то в сожаление, то в радость, то в сумнение и надежду, и причиняющих ему то удовольствие, то досаду, а при всем том непрерывно поддерживающих его любопытство, возбуждающих желание узнать, что последует далее, и заставляющих брать во всем соучастие. Вся связь и сцепление приключений выдуманна и расположена искусно и замысловато. Узлы завязаны хитро и развязаны хорошо. Словом, человек не может устать, читая сей роман, и желает непрерывно, чтоб он продолжался далее. Характеры действующих лиц изображены живо и всегда соблюдены единоравности. По большей части они натуральны».⁸¹

По-новому в романах Прево представала любовь — фатальной непреодолимой страстью, и такое ее изображение увлекало читателей. Даже чопорный И. Г. Рейхель писал о Прево (с творчеством которого он знакомился, конечно, в оригинале): «Романы его трагические,

⁸⁰ Приостановка публикации перевода вызвала упрек в печати. В «предуведомлении» к переводу одной из «нравоучительных сказок» Мармонтеля упоминалась «Жизнь Клевеландова и другие, начатые переводом и изданием, но не оконченные книги, чем любопытные читатели скучают и оскорбляются немало» (Способ, изведенный опытом, превратить ветренную и упрямую жену в постоянную и послушную <...> нравоучительная сказка г. Мармонтеля. СПб., 1773. С. 4 нумер.).

⁸¹ Болотов. Мысли. С. 195.

приключения соединяются изрядно между собою, нравоучение полезно и штиль чистой. Таких имеем мы напр.: *Клевеланда, Киллерина и приключения благородного человека*.⁸² А впоследствии С. Н. Глинка, литератор уже иного поколения, вспоминал о своем чтении «Философа аглинского»: «...эта иступленная страсть из бурного сердца Прево, сочинителя романа, вырывалась кипящею лавою в юное мое сердце».⁸³ При этом, однако, романы оказывали на молодых читателей воспитательно-нравственное влияние. И. И. Дмитриев свидетельствовал: «Чтение романов не имело вредного влияния на мою нравственность. Смеею даже сказать, что они были для меня антидотом противу всего низкого и порочного. „Похождения Клевеланда“, „Приключения Маркиза Г****“ возвышали душу мою. Я всегда пленялся добрыми примерами и охотно желал им следовать».⁸⁴

Внимание русских переводчиков привлек и французский основоположник реально-психологического романа Пьер Карле де Шамблен де Мариво. В 1762 г. вышел в свет 1-й том перевода лучшего его романа «Жизнь Марианны, или Похождения графини де ***» (*La Vie de Marianne, ou les aventures de Mme la comtesse de ****, 1731—1741), где в приключениях героини, девочки-найденыша, с трудом прокладывающей свой жизненный путь в обществе, построенном на сословном неравенстве, раскрывался богатый духовный мир героини. Переводчиком был А. М. Салтыков, конференц-секретарь в Академии художеств. Перевод, однако, не был закончен: изданный том включал лишь первые три из одиннадцати частей романа Мариво. Служебные дела, по-видимому, вскоре вынудили Салтыкова оставить переводческую деятельность.

Распространение в России просветительских идей в наибольшей степени осуществлялось через переводы произведений крупнейшего деятеля французского Просвещения Вольтера.⁸⁵ В 1760—1780-е гг. в русскую культурную жизнь буквально хлынул поток переводов вольтеровских сочинений во всех жанрах — художественных, публицистических, научных. В значительной мере после 1762 г. этому способствовало отношение к «фернейскому патриарху» русской императрицы, которая переписывалась с ним, как и с другими западноевропейскими просветителями, стремясь создать у них представление о существовании в России просвещенного абсолютизма.

В этом потоке переводной вольтерианы значительное место занимали его философские повести, создававшиеся им в основном во второй половине 1740-х гг. и явившиеся своеобразным итогом его творческой деятельности; видимо, не случайно именно эти повести оказались наиболее долговечной частью наследия писателя. Искусное построение, включающее философские идеи и рассуждения в авантюрный занимательный сюжет, широкий географический размах с привлечением экзотических материалов, переплетение элементов фантастики и реализма, легкая ирония и саркастическое обличение пороков и уродств общественного строя — все это делало повести Вольтера занимательным и одновременно познавательным и про-

⁸² Собр. лучших соч. 1762. Ч. 3. С. 100.

⁸³ Глинка С. Н. Записки. С. 52.

⁸⁴ Дмитриев. С. 5.

⁸⁵ См.: Заборов. С. 7—78 (гл. I. Эпоха Просвещения).

светительным чтением, и русское культурное общество с увлечением знакомилось с ним. «С каким наслаждением читали у нас еще в конце прошедшего века все, что переводилось из Вольтера», — вспоминал уже в следующем, XIX в. М. А. Дмитриев.⁸⁶

Первые русские переводы повестей Вольтера появились еще в журналах второй половины 1750-х гг.: академических «Ежемесячных сочинениях» и «Трудолюбивой пчеле» Сумарокова.⁸⁷ Но широкое распространение они получили уже в следующем десятилетии. В 1765 г. отдельной книжкой были изданы переводы двух повестей: «Задиг, или Судьба, восточная повесть; и Свет каков есть, видение Бабука, писанное им самим» (*Zadig ou la destinée; Le monde comme il va. Vision de Babouc, 1748*). Переводчиком был И. Л. Голенищев-Кутузов, в то время директор Морского шляхетного кадетского корпуса и воспитатель по морской части цесаревича Павла. Книжка была отпечатана в типографии корпуса, где, несомненно, по указаниям самого директора печатались многие переводы западноевропейских писателей (Мольера, Фенелона, Мармонтеля, Мерсье, Бомарше, Геснера, Хольберга и др.). Своему переводу Голенищев-Кутузов счел необходимым предпослать предисловие, имеющее целью привлечь русских читателей к французскому писателю и мыслителю: «Славные Вольтера сочинения для превосходного во оных разума, хорошего слога и нравоучения с похвалою от всех приемлются, охотно читаются и на иностранные языки переводятся. Между оными повести его тем приятнее, что, имея в прочем сходство с обыкновенными любовными сказками, заключают в себе несравненно больше острых мыслей, тонкой критики и разумных наставлений. Задигова восточная повесть и видение Бабука из числа тех». Голенищев-Кутузов отмечал, что другой перевод «Задига» уже появлялся «в сочинениях 1759 года»,⁸⁸ но, поскольку там повесть печаталась «по частям в разных месяцах», а главное, «много в ней пропущено, что может веселить и наставлять читателя», он решил «перевести оную вновь и издать особливую книжкою».⁸⁹

После указанного издания «Задига», которое впоследствии было переиздано в 1788 и 1795 гг., переводы повестей Вольтера стали выходить систематически. Перевод «Кандид или Оптимизм, то есть наилучший свет» (*Candide ou Optimism, 1759*), выполненный переводчиком Петербургской Академии наук С. С. Башиловым, вышел в свет в 1769 г. как первая книга Собрания, старающегося о переводе иностранных книг, и затем выдержал четыре издания (по два в 1779 и 1789 гг.);⁹⁰ «Принцесса Вавилонская» (*La princesse de Babylone, 1768*) в переводе Ф. А. Полунина издавалась четыре раза (1770, 1781, 1788 и 1789); «Человек в 40 талеров» (*L'homme à quarante écus,*

⁸⁶ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 49.

⁸⁷ См. выше. С. 134, 139.

⁸⁸ См. выше. С. 124, примеч. 159.

⁸⁹ Задиг, или Судьба <...> Сочинения г. Вольтера... СПб., 1765. С. 3 нумер.

⁹⁰ См.: Свод. каталог. Т. 1. С. 181. № 1108—1112. О Башилове см.: Словарь писателей. С. 72—73 (автор статьи — Г. Н. Моисеева). Одновременно с выходом второго издания перевода «Кандида» появилось анонимное его продолжение: Оптимизм, то есть наилучший свет, состоящий в продолжении истории Кандида. Часть вторая сочинения г. Волтера, переведена с немецкого из книги *Die beste Welt*. [СПб.] 1779.

1768) в переводе П. И. Богдановича — три раза (1780, 1785, 1792). Некоторые повести переводились по нескольку раз: «Мемнон, или Человеческая мудрость» (*Memnon ou la Sagesse humaine*, 1747) имел пять переводов (1770, 1781, 1782, 1784, 1785), «Жанно и Колен» (*Jeannot et Colin*, 1764) — четыре (два в 1771, 1779, 1786), «Повесть о добром брамине» (*Histoire d'un bon bramin*, 1759) — тоже четыре (1772, 1780, 1783, 1784), «История путешествий Скарментадо» (*Histoire des voyages de Scarmentado*, 1756) — три (1773, 1778, 1784), «История Дженни» (*L'histoire de Jenni*, 1775) — два (1786, 1788).⁹¹ Новый перевод «Микромегаса» создал И. Г. Рахманинов (1784). Позднее, в 1789 г. появился перевод «Гурон, или Простодушный» (*Huron, ou l'Ingénu*, 1767).

Следует указать, что далеко не все повести выходили отдельными изданиями, как «Задиг» и «Видение Бабука», «Кандид», «Принцесса Вавилонская» или «Гурон». Значительная их часть входила в различные переводные сборники сочинений Вольтера, которые особенно интенсивно стали издаваться в 1780-е гг., уже после смерти писателя. Например: «Мелкие повести о добром брамине, двух утешенных, о Заиде и Магомете, из сочинения г. Волтера» (М., 1783); «Аллегорические, философические и критические сочинения г. Волтера» (СПб., 1784); «Собрание сочинений г. Волтера» (Ч. 1—3, СПб., 1785—1789) и т. д.

Можно считать, что в России Вольтер проложил путь своему предшественнику Монтескье, которого начало переводить Собрание, стареющееся о переводе иностранных книг. Показательно, что сразу же за изданием «Кандида» в том же 1769 г. последовал выход в свет небольшого сборника Монтескье, включающего новеллу «Лисимах», моралистический диалог «Разговор Силлы с Евкратом» и «Опыт о вкусе и делах естества и искусства», переведенные тем же Башиловым. Далее Собрание выпускало историко-философские труды французского мыслителя, рядом с которым попала и фривольная пастораль «Храм Книдийский» (1770 — *Le temple de Gnide*, 1724). «Персидских писем» русским читателям пришлось ждать еще два десятилетия.

Из последователей Вольтера, стремившихся освоить созданный им жанр философской повести, наиболее плодотворным был Жан Франсуа Мармонтель, примыкавший к умеренному крылу французского Просвещения. Ныне прочно забытый, он пользовался в свое время необычайным успехом. Прибыв в Париж из провинции в 1746 г., он начал свою литературную карьеру с драматургии и сотрудничества в «Энциклопедии». Широкою известность ему принесли «Нравоучительные сказки» (*Contes moraux*, 1761), которые привлекли к нему внимание не только во Франции, но и за рубежом, в том числе и в России (мы на них остановимся ниже).

Ободренный успехом «Нравоучительных сказок», Мармонтель перешел к созданию философско-просветительных романов, которые также вызвали живой интерес в России. Первым из них был «Велизарий» (*Bélisaire*, 1767), в основу которого была положена историческая легенда об ослеплении римского полководца VI в.

⁹¹ См.: Заборов. С. 59.

Велизария, несправедливо осужденного вследствие происков придворных по приказанию императора Юстиниана. В романе уже слепой Велизарий блуждает по стране и, умудренный жизнью и страданиями, учит людей истине и добру. Судьба сводит его с императором, которого он не узнает и беседует с ним о государственных делах. Эти беседы и составляют основное содержание романа, в них высказываются положения морали и политики, которые отстаивал Мармонтель. Велизарий говорит, что истинная слава государя состоит в заботе о народе, в правосудии; он высказывается против войн, осуждает злоупотребления придворных, господствующие среди них роскошь и излишества, проповедует веротерпимость (за что роман был осужден Сорбонной). Мудрые наставления Велизария заставляют Юстиниана улучшить жизнь в стране. Благодаря случаю Велизарию однажды удается спасти императора из рук врагов, Юстиниан, исполненный раскаяния, открывает ему свое имя, и роман завершается их примирением.

Сразу же после выхода романа в свет Мармонтель по совету Вольтера переслал экземпляр Екатерине II. 7 мая 1767 г. императрица писала ему: «Это сочинение заслуживает того, чтобы его перевели на все языки. „Велизарий“ утвердил меня в убеждении, что истинная слава заключается единственно в осуществлении тех начал, которые ваш герой проповедует так приятно и так основательно».⁹²

Как отмечалось выше, роман был переведен Екатериной и ее свитой. Самой императрице досталась глава IX, где содержались рассуждения о том, что сила закона должна ограничивать самовластие, что государю следует заботиться о единственном союзе — союзе со своим народом. В следующем году перевод был издан,⁹³ а затем переиздан в 1773, 1785 и 1803 гг. В посвящении книги архиепископу Гавриилу Тверскому подчеркивался нравственный смысл романа: «Нравоучение нужно всем народам и во всех состояниях жизни. Блаженство общества зависимо от доброго поведения членов онаго: и так полезно им часто напоминать о долге человека и гражданина; и представляя примеры добродетели, воспламенять сердца их ревностью подражать достойным мужам, кои прежде их жили. *Велизер* такого рода сочинение <...> Наставления Тиверия можно именовать наставлением всем Государям и всему роду человеческому».⁹⁴

Тогда же, в 1767 г., роман был переведен советником канцелярии Иностранной коллегии П. П. Курбатовым, но издать свой перевод он смог лишь спустя два года.⁹⁵ Зато его перевод был переиздан три раза до конца века и продолжал издаваться и в следующем столетии. Таков был несомненный успех этого политически злободневного романа.

⁹² Сборник Русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10. С. 187 (оригинал по-французски).

⁹³ Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге. М., 1768. Кроме Екатерины, роман переводили: И. П. Елагин, З. Г. Чернышев, С. М. Кузмин, Г. Г. Орлов, Д. В. Волков, А. В. Нарышкин, А. И. Бибииков, В. Г. Орлов, Г. В. Козицкий.

⁹⁴ Велизер... С. 6—7 нумер. См.: *Щебальский П. К.* Екатерина II, как писательница. IV. Велизер // *Заря*. 1869. Май. С. 31—50; *Шарыпкин Д. М.* Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий» // XVIII век, сб. 12. Л., 1977. С. 166—168.

⁹⁵ Велисарий, сочинение г. Мармонтеля, академика французского / С амстердамского 1767 года издания переведено в Москве в том же году. СПб., 1769.

Спустя десятилетие Мармонтель выпустил роман-эпопею «Инки, или Разрушение Перуанской империи» (*Les Incas, ou la Destruction de l'empire du Peru, 1777*), в котором обличал религиозный фанатизм и деспотию испанских конкистадоров. Написанный в возвышенном декламационном стиле, направленный против насилий европейцев в Америке, роман приобретал особую остроту во время освободительной борьбы в Северной Америке. В русском передовом обществе «Инки» вызвали живой интерес и одобрение. Страстным их поклонником был М. Н. Муравьев, который сразу же по выходе романа в свет ознакомился с ним и настойчиво советовал своим близким прочесть его.⁹⁶ «„Инки“ есть название царского поколения в Перуанском царстве, — писал он сестре 18 января 1778 г. — Сочинение Мармонтелево имеет предметом своим разорение сего царства ишпанцами под предводительством Пизарра <...> Он хотел представить картину, драгоценную человечеству, всех бедствий, которые за собою ведет святобесие, так переводит fanatisme г. Тредьяковский».⁹⁷

Н. А. Львов и М. В. Сушкова принялись независимо друг от друга переводить роман. В 1778 г. перевод Сушковой вышел в свет, а через четыре года был переиздан Н. И. Новиковым.⁹⁸ Этот главный труд Сушковой, деятельной переводчицы, продолжал переиздаваться и в начале XIX в. (1801, 1819). Перевод Львова остался незавершенным.⁹⁹

Но вернемся к «Нравоучительным сказкам» Мармонтеля. В 1761 г. он выпустил двухтомник, содержащий 15 «сказок». В двухтомном переиздании 1763 г. содержалось уже 18 «сказок», из которых 3 были новыми, а в трехтомнике 1765 г. — 23, из них 5 новых. В сущности, название «сказки» (*contes*) мало подходит к этим произведениям, представляющим собою небольшие повествования, изображающие эпизоды из жизни современных автору дворян, буржуа и крестьян. Основное внимание уделяется семейной жизни, отношениям супругов, родителей и детей, воспитанию молодого поколения и т. д. Любовь в разных ее проявлениях, ее зарождение в отрочестве, ее проявления — счастливые и несчастливые — в семье, светские любовные увлечения и т. п. занимают центральное место в этих произведениях, лишенных фантастики и сказочного колорита (недаром в современных отечественных работах их заглавие переводится обычно «Нравоучительные рассказы»). Но Мармонтель, видимо, сознательно назвал их «contes», стремясь использовать распространенную старую форму, которую он наполнил новым содержанием, почерпнутым в основном из действительности, и добился большого успеха среди современников.¹⁰⁰ В предисловии к первому изданию Мармонтель указы-

⁹⁶ См. его письма к сестре от августа—декабря 1777 г.: Письма. С. 271, 276, 277, 282, 331, 333, 336, 337.

⁹⁷ Там же. С. 340.

⁹⁸ Инки, или Разрушение Перуанской империи. Сочинение г. Мармонтеля, историографа и члена Французской академии / Перевела М. Сушкова. [М.,] 1778. Ч. 1, 2; То же. Изданием Н. Новикова и Компании. М., 1782. Ч. 1, 2.

⁹⁹ М. Н. Муравьев писал сестре 17 августа 1777 г.: «Херасков сказывал, что он слышал, что некто Львов перевел его (роман Мармонтеля «Инки». — Ю. Л.) половину» (Письма. С. 277). Сведения о том, что Львов прекратил свою работу над переводом в связи с опубликованием перевода Сушковой, содержатся в письме Муравьева к сестре от 18 января 1778 г. (там же. С. 340).

¹⁰⁰ См.: Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 2. С. 67—68.

вал: «...цель моя была сделать добродетель привлекательной. Впрочем, я везде старался описывать нравы общества или природные чувства. Это и заставило меня дать этому собранию заглавие *Нравы оучительных Сказок*». ¹⁰¹ Однако, каковы бы ни были цели автора, повести, отразившие современные ему общественные нравы, сочетали сентиментальность и сентенциозность с гривуазностью. Но именно такое сочетание и способствовало их успеху у читателей XVIII в. Карамзин, отнюдь не самый легкомысленный из них, назвал Мармонтеля «автором прекрасных сказок, который в самом, кажется, легком, в самом обыкновенном роде сочинений, умеет быть единственным, неподражаемым». ¹⁰²

Русские переводы «Нравоучительных сказок» начали печататься уже в 1763 г., когда в московском журнале М. М. Хераскова «Свободные часы» появился без ссылок на автора и переводчика рассказ «Лаузус и Лидия» (*Lausus et Lydie*) ¹⁰³ и отдельной брошюрой с указанием только переводчика — «Все или ничего» (*Tout ou rien*). ¹⁰⁴ Анонимным переводчиком был Павел Фонвизин, литератор, младший брат Дениса Фонвизина. Мармонтель его увлек, и уже в следующем году в его переводах вышло двухтомное издание «Нравоучительных сказок», содержащее 12 произведений. Судя по составу, П. И. Фонвизин работал с французскими текстами издания 1761 г., издание 1763 г. ему тогда еще, видимо, оставалось неизвестным. Одной из трех «сказок» первого издания, не включенных им в свое собрание, было «Все или ничего», поскольку русский перевод его уже был опубликован.

П. И. Фонвизин стремился достичь живости и естественности перевода; в предисловии он отмечал: «В сей книге при описании разговора двух особ слова: *сказал он, отвечала она, перервал он* и тому подобные уничтожаются для сделания повествования живяе и стремительняе». ¹⁰⁵

Выход перевода «Нравоучительных сказок» вызвал интерес. «Ежемесячные сочинения», сообщая о выходе первого тома, указывали, что эта «изрядная книга по французском ея подлиннике, *Contes moгаux* называемом, довольно известна, так что публика трудившегося в переводе оныя благодарить за сей подарок конечно не оставит». ¹⁰⁶

В 1770-х гг. в Петербурге один за другим стали выходить отдельными изданиями переводы «сказок», оригиналы которых появились

¹⁰¹ *Contes moraux*. Par Mr. Marmontel, suivis d'une Apologie du théâtre. Amsterdam, 1761. Т. 1. P. VII.

¹⁰² Карамзин. Т. 1. С. 419. — Совершенно иным было восприятие читателя следующего века. Д. Н. Свербеев, рассказывая, как в детстве гувернер-француз дал ему перевести «*Contes moгаux*», замечал: «В них ровно ничего не было нравственного кроме заглавия. Это были повести, в которых главную роль играла одна любовь, выражаемая не всегда сдержанно. Будь я мальчик поживее <...> короткое знакомство с этими сказками могло бы развратить мое воображение» (*Свербеев Д. Н.* Записки. (1799—1826). М., 1899. Ч. 1. С. 53).

¹⁰³ Лаузус и Лидия // Свободные часы. 1763. Июнь. С. 334—355.

¹⁰⁴ Все или ничего, повесть нравоучительная / Перевел с французского языка Александр Салтыков. [М.,] 1763. 52 с.

¹⁰⁵ Нравоучительныя сказки господина Мармонтеля / Переведены с французского. [М.,] 1764. Т. 1. С. 3 нумер.

¹⁰⁶ Ежемес. соч. 1764. Май. С. 464—465.

в 1763 и 1765 гг. Сперва было опубликовано «Испытанное дружество» (1771 — *L'amitié à l'épreuve*), затем «Способ, изведанный опытом, превратить ветреную и упрямую жену в постоянную и послушную, или Добрый муж» (1773 — *Le bon mari*).

В «Предуведомлении», предпосланном второй из этих «сказок», его автор, сославшись на предшествующую публикацию, обещал скорое издание еще трех переводов, «дабы тем славный и от всего света похвальный г. Мармонтеля труд от соотчицей наших, подлинника разуметь не могущих, не остался в неведении».¹⁰⁷ И эти названные переводы были вскоре опубликованы в Петербурге: «Щастливый развод, или Примиренное соединение супругов» (1773 — *L'heureux divorce*); «Чудо из чудес, или Женщина, каких мало» (1774 — *La femme comme il y en a peu*); «Алцест, излечившийся от своенравия, или Исправленный человеконенавидец» (1777 — *Le misanthrope corrigé*). Параллельно в Москве была издана «Удивления достойная деревенская красotka, прекрасная Лауретта» (1774 — *Laurette*).

Упомянутое «Предуведомление» к «Способу, изведанному опытом...» подписано В. Р., и оно принадлежит не переводчику, который обозначен на титульном листе: «Ал. Пр.». Высказывалось предположение, что эти инициалы обозначают Василия Рубана,¹⁰⁸ поэта, переводчика, сотрудника и издателя журналов. Тогда возможно, что он был инициатором этих переводов и даже, может быть, сам перевел какую-либо из последних трех «сказок», обещанных в «Предуведомлении».¹⁰⁹ Не исключено также, что ему принадлежит замысловатое предисловие к «Испытанному дружеству», где по поводу «тонких и пространых мыслей г. сочинителя» говорилось: «Связанная отличною благопристойностию вольность его понятий есть тонкая сила вкуса сокровенного просвещения. Неподвижное течение ума и неслышимый глас природы, изображающий огненными чертами на тончайших сердцах глубокий глагол неизъясняемых законов, одобряют заграждаемую витийствующим молчанием славу века, пронцающего в точки вещей».¹¹⁰

П. И. Фонвизин тоже не утратил интереса к «Нравоучительным сказкам», и уже во второй половине 1780-х гг. вышло трехтомное издание, содержащее его переводы всех 23 сказок, выпущенных Мармонтеlem в 1761—1765 гг.¹¹¹

Большое значение для духовной жизни России второй половины XVIII в. имел французский философ и писатель Жан Жак Руссо.¹¹² Конечно, значительная часть русского образованного общества знакомилась с его произведениями непосредственно в оригинале. Но уже

¹⁰⁷ Способ, изведанный опытом... С. 4 нумер.

¹⁰⁸ См.: Свод. каталог. Т. 2. С. 221. № 4081.

¹⁰⁹ Перевод «Испытанного дружества» не мог принадлежать В. Г. Рубану, поскольку инициалы переводчика, указанные на титульном листе, — М. К.; предполагается, что это М. И. Коваленский (см. там же. С. 220. № 4072).

¹¹⁰ Испытанное дружество, сочинения г. Мармонтеля. СПб., 1771. С. 3.

¹¹¹ Нравоучительные сказки г. Мармонтеля, члена Академии французской. 2-е изд. М., 1787—1788. Ч. 1—3.

¹¹² См.: Лотман Ю. М. 1) Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 208—281; 2) Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века // Руссо Жан Жак. Тракаты. М., 1969. С. 555—604.

в 1760-е гг. начали печататься в журналах и отдельными изданиями переводы публицистических, философских и художественных его произведений.¹¹³ Первым опубликованным переводом было напечатанное в 1762 г. в журнале, издававшемся профессором Московского университета И. Г. Рейхелем, «Письмо господина Руссо к господину Вольтеру»¹¹⁴ — возражения на «Поэму о гибели Лиссабона» последнего. В открывавшем публикацию примечании об авторе говорилось: «Сей человек по достоинству место занимает в числе разумнейших мужей; и г. Вольтер в истинную себе честь ставить должен, что имеет противника так красноречивого, остроумного и искусного».¹¹⁵

Спустя шесть лет, в 1768 г., в русском переводе появилось изданное также при Московском университете знаменитое «рассуждение» Руссо «Способствовало ли восстановление наук и художеств исправлению нравов» (*Si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à eriger les mœurs, 1750*).

Следует отметить, что Руссо-мыслитель воспринимался в России того времени далеко не однозначно. Некоторая часть высшего общества относилась с явной опаской к его социальным воззрениям. Еще в 1763 г. в академическом журнале о нем говорилось: «Господин Руссо яко один из славнейших сочинителей нашего времени, великий дар имеет не токмо самые серьезные истины, но и весьма неосновательные мнения представить красноречием своим в прелестном виде; чего ради остерегаться надлежит, чтоб чтением его книг не принять от него того, что закону Божию и должностям гражданским противно...»¹¹⁶ Особенно неприемлемыми объявлялись демократический по существу трактат «Об общественном договоре» (*Du contrat social, 1762*) и философско-педагогический роман «Эмиль, или О воспитании» (*Emile, ou de L'Éducation, 1762*), противницей которого была сама императрица.¹¹⁷

Упомянутое «рассуждение» перевел Павел Сергеевич Потемкин. Родственник всемогущего временщика Григория Потемкина, учившийся в Московском университете, где он сблизился с М. М. Херасковым, а по окончании поступил на военную службу, Павел Потемкин был страстным поклонником Руссо и пропагандистом его творчества. Он смог даже лично познакомиться со своим кумиром, когда ему довелось быть во Франции.¹¹⁸

В сущности, Павел Потемкин способствовал утверждению славы Руссо в России, и, когда он принимался за перевод, у него были довольно широкие планы. В предваряющем «рассуждение» предисловии «К читателю» он писал: «Предприняв намерение выпустить на российском языке некоторые сочинения славного нынешнего писате-

¹¹³ См. перечень переводов 1762—1804 гг. в кн.: *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. 2. С. 565—567.

¹¹⁴ Собр. лучших соч. 1762. Ч. 4. С. 235—273.

¹¹⁵ Там же. С. 232—233.

¹¹⁶ Ежемес. соч. 1763. Апрель. С. 378—379.

¹¹⁷ См.: *Кобеко Д. Ф.* Екатерина II и Жан Жак Руссо // Исторический вестник. 1883. Т. 12. № 6. С. 611.

¹¹⁸ Санктпетербургские ведомости. 1778. 7 августа. № 63. С. 551—552. Здесь в некрологической статье о Руссо говорится: «Многие из Российских путешественников были им принимаемы с уважением и дружелюбием. Он особливо изъявлял оные...», и в следующем далее перечне четырех русских гостей назван и П. С. Потемкин.

для г. РУССО, почел я за лучшее перевести оные по порядку и для того теперь издаю самое первое».

Впрочем, перевод и издание сочинений Руссо не означали для Потемкина полного согласия с их автором. Более того, в том же предисловии он, признавая «великие таланты» Руссо, решительно оспаривал его «толь несовместное мнение» и в полемике с ним заявлял: «Противоборствуя наукам, простирает он сие столь далеко, что поставляет человека благополучным в одном только невежестве, как будто добродетель без того никогда просвещаться не может...»¹¹⁹ В этой полемике отчетливо проявилась просветительская позиция переводчика.

Потемкин перевел еще два социально-философских «рассуждения» «женевского гражданина»; переводы были опубликованы в 1770 г.¹²⁰ Но основным его вкладом в распространение известности Руссо-писателя был перевод главного его художественного произведения — романа в письмах «Юлия, или Новая Элоиза» (Julie, ou la Nouvelle Héloïse, 1761). В переводе Потемкина, вышедшем в свет в 1769 г., русский читатель получил лишь первый том романа; перевод второго тома, выполненный уже другим переводчиком, появился 23 года спустя.¹²¹ Возможно, Потемкин сознательно ограничил свой перевод, потому что именно в первой части, где торжествует любовь девушки-дворянки Юлии д'Этанж и разночинца-учителя Сен-Пре, проповедуется свобода чувства вопреки сословным предрассудкам, тогда как вторая часть утверждает необходимость обуздания любви гражданским долгом во имя общего блага. В предисловии к переводу Потемкин «изъяснял», что он «сей труд предпринял единственно для того, дабы показать ему (обществу. — Ю. Л.) мою услугу переводом таких писем, которых давно уже иметь на российском языке желают». Особо подчеркивалось стремление к полноте и верности перевода: «Старание мое было, чтоб удержать весь смысл, и сколько есть возможности моей, красоту слога...»¹²²

Мы не располагаем откликами, касающимися непосредственно русского перевода, но свидетельств о популярности и воздействии романа Руссо, с которым русские читатели конца XVIII в. знакомились параллельно в оригинале и в переводе, более чем достаточно. В упомянутой некрологической статье «Санктпетербургских ведомостей» о творчестве Руссо говорилось: «Красноречие, овладевающее разумом и влекущее читателей по его воле, есть отличнейшее и неподражаемое свойство его сочинений. Письма двух любовников, или *Новая Гелоиза*, дает нам видеть произведение бесподобное в сем роде. Есть ли книга сия свернула много голов, то еще несравненно

¹¹⁹ Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750 году на вопрос, предложенный сею Академиею, что восстановление наук и художеств способствовало ли ко исправлению нравов? Сочиненное господином Ж. Ж. Руссо / Переводил Павел Потемкин. [М.,] 1768. С. 3—4 нумер.

¹²⁰ Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми, сочиненное господином Ж. Ж. Руссо / Перевел Павел Потемкин. М., 1770; Рассуждение господина Ж. Ж. Руссо. На вопрос. Какая добродетель есть самонужнейшая героям; и которые суть те герои, кто оной добродетели не имели / Переводил Павел Потемкин. [М.,] 1770.

¹²¹ См. ниже. С. 263.

¹²² Новая Элоиза, или Письма двух любовников, живущих в одном маленьком городке низу Альпийских гор, собранные и обнародованные Ж. Ж. Руссо / Переводил последнее издания Павел Потемкин. [М.,] 1769. С. 3—4 нумер.

более направила сердец». И в помещенном к этим словам примечании сообщалось, что П. С. Потемкин «к чести своей и *жениевского* философа принял труд перевести на наш язык *Новую Геллоизу*, коей первый том уже и напечатан».¹²³

Распространение и влияние «*Новой Элоизы*» отразились и в русской художественной прозе конца века. Ограничимся двумя примерами. В романе П. Ю. Львова «*Российская Памела*» Евгения, молодая осиротевшая дворянская дочь, рассказывает, как однажды она, томясь одиночеством, вышла гулять в сад и «взяла без выбору» книжку, в которой обнаружила «письмы новой Елоизы». «Сколь прекрасно, нежно они писаны, столь сладостно мне было их читать, столь много чувствительный слог их рождал во мне задумчивости очаровающего уныния и неизвестной сладостной печали, что на всякой строке казалось мне, что ето не наставник к *Июлиш*, а *Милон* ко мне писал, впечатлевая каждое слово в отзывистое мое сердце».¹²⁴ А в опубликованном тогда же эпистолярном романе Н. Ф. Эмина «*Игра судьбы*» героиня Пленира пишет своей подруге, что есть рядом прекрасный юноша, «который бы непостоянную и быстрюю мою Милену в два дня превратил в какую-нибудь Юлию Детанж».¹²⁵ Так герои романа Руссо входили в духовную жизнь русского общества.

В сущности, самый роман Н. Ф. Эмина был создан не без влияния «*Новой Элоизы*». Еще больше это влияние проявилось в романе его отца, Ф. А. Эмина, «*Письма Эрнеста и Доравры*» (1766—1768),¹²⁶ написанном еще до появления русского перевода романа Руссо.

Популярность в России «*Новой Элоизы*», несомненно, способствовала тому, что Н. И. Новиков, весьма почитавший Руссо и находивший в его творениях «славнейшую в нашем веке человеческую мудрость»,¹²⁷ издал в 1780 г. перевод анонимного французского произведения «*Генриетта де Вольмар, или Мать ревнующая к своей дочери, истинная повесть, служащая последованием к *Новой Элоизе* господина Ж. Ж. Руссо*» (оригинал: *Henriette de Wollmar, ou la Mère jalouse de sa fille, histoire véritable pour servir de suite à la Nouvelle Héloïse, par J. J. R... 1768*). Как выяснилось впоследствии, автором повести был некий Брюман, даже имя которого и годы жизни установить не удалось. Творение же его весьма слабое, недостойное своего образца, и Болотов, полагавший вследствие анонимности, что автором мог быть сам Руссо, тем не менее осудил «истинную повесть» и писал: «...нет в книге сей ни малейшего нравоучения и никаких трогательных и таких мест, которые бы могли производить в душе читателя приятные ощущения, а напротив того множество такого, что читает он чувствуя некую досаду и неудовольствие».¹²⁸

¹²³ Санктпетербургские ведомости. 1778. 7 августа. № 63. С. 549—550.

¹²⁴ *Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки*. Соч. Павла Львова. СПб., 1789. Ч. 2. С. 69—70.

¹²⁵ *Игра судьбы* Николая Эмина. СПб., 1789. С. 62.

¹²⁶ См.: *Силовский*. Очерки. Т. 1. Вып. 2. С. 450—452; *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 241.

¹²⁷ Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 289 («*Живописец*». Ч. 1. Л. 3). Об отношении Новикова к Руссо см.: *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII века. С. 246—247.

¹²⁸ *Болотов*. Мысли. С. 208.

Своеобразная судьба на русской почве выпала на долю «Эмиля». Выше уже отмечалось, что противницей этого педагогического романа была Екатерина II, и ее требование в 1763 г. изъять из академической книжной лавки его французские издания было равносильно цензурному запрету на переводы.¹²⁹ Со временем, однако, отношение к Руссо императрицы, а соответственно и высших кругов менялось в лучшую сторону.¹³⁰ К тому же в русском образованном обществе «Эмиль» читался в оригинале вопреки запретам. А в 1770 г. в Петербурге без указания места и года издания и имени переводчика вышла в свет книжка «Размышление о величестве божии, о его промысле и о человеке г. Ж. Ж. Руссо», являвшаяся переводом запретного «Исповедания веры савойского викария» из книги III «Эмиля»; предполагается, что перевод был осуществлен молодым переводчиком Петербургской Академии наук С. С. Башиловым.

После смерти Руссо в упоминавшейся некрологической статье петербургской газеты его педагогическое сочинение оценивалось вполне положительно: «В *Эмиле* (книге так названной, сочиненной им для воспитания детей) показал он средство, чрез которое наиболее можно сделать разум правым, сердце добрым и тело крепким».¹³¹ И в следующем году в Московской университетской типографии, которую уже арендовал Н. И. Новиков, была издана книга «Эмиль и София, или Хорошо воспитанные любовники. Из сочинений г. Руссо».

Изданная Новиковым книга Руссо представляет собою сокращенный перевод пятой книги «Эмиля». В ней герой, достигший 22-летнего возраста, избирает себе подругу и начинает с ней семейную жизнь в сельской местности, где, считал автор, возможно естественное существование не извращенных цивилизацией людей. Переводил книгу П. И. Страхов (хотя он не был указан на титульном листе). В прошлом студент, а в будущем профессор Московского университета, он тогда служил секретарем у М. М. Хераскова, ставшего куратором университета, и в целях дополнительного заработка занимался переводами для изданий Новикова.¹³² Произведенные Страховым сокращения текста Руссо весьма значительны. Он стремился по возможности выделить сюжетную линию за счет изъятия педагогических текстов общего характера. Достаточно сказать, что вводные рассуждения о женском воспитании, составляющие почти треть пятой части «Эмиля», полностью опущены, и далее сокращения делались на протяжении всего перевода. Но педагогический характер книги все же сохранился.

Даже такая урезанная часть педагогического романа привлекла внимание русских читателей. «Санктпетербургский вестник», извещая о выходе книги, замечал: «Все знатоки согласны, что сочинения сего знаменитого мужа заслуживают переведенными быть на другие

¹²⁹ См.: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века. С. 215—216.

¹³⁰ См.: Берков П. Н. Из русских откликов на смерть Вольтера // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947. С. 200.

¹³¹ Санктпетербургские ведомости. 1778. 7 августа. № 63. С. 550.

¹³² См.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях Имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями. М., 1820. Ч. 2. С. 218.

языки», и далее подчеркивалась необходимость для их переводчика «основательного знания французского и своего языка, также знания словесных и других наук и великия прилежности».¹³³ Не обошел вниманием «Емиля и Софию» и А. Т. Болотов.¹³⁴ Он, правда, касаясь «существа сочинения», указывал, что «оное принадлежит более к нравоучительным, нежели к романам. Ибо приключений описанных в оной чрезвычайно мало, да и те совсем простые и обыкновенные, да господину сочинителю не было в том и пользы, а ему хотелось собственно в сей книге написать мораль нужную молодым девушкам и мужчинам...» Тем не менее Болотов утверждал о повести, «что ее с удовольствием читать можно», однако тут же указывал: «...такие любовники, какими изобразил он (Руссо. — Ю. Л.) своего Емиля и Софию существуют только в книгах и в умовоображении, а в натуре едва ли подобных им отыскать можно». И все же он одобрял издание, добавляя: «...а и переведена книжка сия прекрасно».¹³⁵

Дальнейшие переводы произведений Руссо и их издания будут рассмотрены в следующей главе. Здесь же отметим, что в рассматриваемый период начали переводиться романы приверженца и последователя Руссо — Никола́ Ретифа де ла Бретонна.¹³⁶ Следуя демократическим принципам своего учителя, Ретиф выступил в литературе с новой темой — жизнь низших слоев населения, трудового люда Парижа. Известность ему принес роман «Ножка Фаншетты, или Французская сирота» (*Le pied de Fanchette, ou l'Orpheline française*, 1769), в основу которого легла история жизни молодой парижской торговки. Героиня — сирота Фаншетта, красота которой привлекает окружающих мужчин, стремящихся завладеть ею, — переживает множество приключений, включающих неожиданные встречи, обманы, похищения, дуэли и т. п., но в итоге обретает счастливое благополучие. Через пять лет после выхода оригинала роман был издан в русском переводе. Переводчиком был А. С. Хвостов, служивший в Коллегии иностранных дел под начальством Д. И. Фонвизина. В предисловии к переводу он отмечал, что представляет читателям «книжку, особливою рода слогом писанную, весьма не сходную с обыкновенным текущим стилем повестей», и тут же указывал, что перевести ее его побудили «добрые примеры, а особливо, множество хороших мыслей и отменным образом предлагаемых нравоучений, которые от самых ненавистников морали без скуки прочтутся».¹³⁷ Перевод был осуществлен достаточно полно и точно.

В начале 80-х гг. был переведен и другой роман Ретифа де ла Бретонна «Побочная дочь» (*La fille naturelle*, 1769), озаглавленный по-русски «Обретенная дочь, или Отецская склонность» (1782). Это — типичное сентименталистское произведение об отце, обрешем свою дочь от тайного и расторгнутого брака, о существовании которой он

¹³³ СПб. вестн. 1780. Апрель. Ч. 5. С. 309—310.

¹³⁴ Составляя заметку об этой книге, Болотов ошибочно полагал, что это перевод незавершенного продолжения романа «Эмиль», вышедшего уже после смерти Руссо под заглавием: «*Emile et Sophie, ou les Solitaires*» (1780; Болотов. Мысли. С. 213). По-видимому, Болотова ввело в заблуждение наличие двух имен в заглавии русского перевода.¹³⁵ Болотов. Мысли. С. 213—214.

¹³⁶ См.: Буачидзе П. С. Ретиф де ла Бретонн в России. Тбилиси, 1972.

¹³⁷ Ножка Фаншеттина, или Сирота французская; полезная и нравоучительная повесть, в трех частях, переведена с французского. СПб., 1774. С. 3 нумер.

и не знал. Перевод был осуществлен И. А. Морковым, юным дворяннином, по-видимому, в связи с его занятиями французским языком. Следует заметить, что переводы упомянутых романов публиковались анонимно, так что имя Ретифа де ла Бретонна было тогда еще неизвестно большинству русских читателей.

Оба романа привлекли внимание Болотова, и сохранились его заметки о них. Он отмечал, что в «Ножке Фаншеттиной» действие разворачивается в основном «между людьми средственного мещанского состояния», но при этом «имеют некоторое соучастие <...> и знатные люди также и низкие». Болотова привлекало то, что в книге «находится столь много разных происшествий <...> Существом своим они разные, есть радостные, печальные, досадные, нежные, удивительные, неожиданные и трогательные, однако есть несколько и романтических и не слишком натуральных <...> Характеров вплетено множество разных и хороших и дурных, есть много добродетельных, благонравных и любви достойных, есть много и порочных». Но, заключая свои суждения, Болотов заявлял: «Полезны сия книга дальней произвестъ не может, кроме одного увеселения и доставления нескольких часов нескучных», а потому, считал он, указание в заглавии перевода, «что она полезная и нравоучительная книга, несообразно».¹³⁸

Выше оценил Болотов «Обретенную дочь», не подозревая, что роман принадлежит тому же автору, что и «Ножка Фаншеттина», причем в отзыве своем он особо отмечал воздействие книги на чувствительность. «Роман сей не очень велик, но может причисляем быть к числу хороших и любопытных и полезных романов, несмотря хотя писан он простым обыкновенным не витиеватым и не слишком замысловатым слогом. Ибо худого и соблазнительного в нем ничего нет, а напротив того изображений хороших дел довольно, а что всего лучше, то находится в нем, а особливо при конце, множество трогательных приятных и таких мест, которые без особенного чувствования читать неможно, особливо людям имеющим мягкое и к добру склонное сердце». Поэтому, утверждал Болотов, роман «может без опасения читан быть самыми молодыми людьми, ибо вся материя оного может сердце читателя располагать не ко злу, а к добру и вперять в него человеческие чувства». И здесь отмечалось, что действуют в романе «люди мещанского среднего состояния», а про перевод говорилось, что «он нарочито хорош, выключая только очень немногих слов, которые для слуха несколько жестковаты».¹³⁹

Отмеченное нами в начале главы стремительное возрастание в рассматриваемый период переводной беллетристики проявилось и в том, что на русский язык стали переводиться многие произведения так называемой «массовой» литературы, особенно французской, чему, в частности, способствовало и то обстоятельство, что переводчиками нередко выступали случайные люди, видевшие в переводе средство овладения иностранным языком и использовавшие для этого первую попавшуюся им в руки книгу. С другой стороны, постепенное увеличение круга читающей публики способствовало сбыту соответ-

¹³⁸ ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14. Л. 6 об. — 8.

¹³⁹ Там же. Л. 55—56 об.

ствующей печатной продукции, что стимулировало деятельность издателей.

Болотов с присущими ему разборчивостью и строгостью решительно осуждал переводчиков, наводнявших книжный рынок низкопробной литературой. Резко критикуя в своих «Мыслях» перевод «турецкой сказки» французского писателя Анри Пажона, озаглавленный «Повесть о трех сыновьях паши Алия, и о трех дочерях правителя александрийского Сирока» (1781 — оригинал: *Histoire des trois fils d'Haly-Bassa*, 1746), он писал: «...удивительно и непонятно и то, где случай посылает господам нашим переводчикам такие сокровища, и откуда они такие вздоры и глупости для перевода вышаривают. Кажется, в книгах сего рода нет в свете недостатка. На всех языках их несметное почти множество и притом всяких, то есть больших и малых; и можно бы, кажется, из такого бесчисленного множества для перевода выбрать что-нибудь лучше и с разумом согласнейшее, а не таким вздором отягощать нашу публику».¹⁴⁰

Здесь нет возможности, да и необходимости хотя бы перечислить все переводы такого рода, и мы остановимся лишь на нескольких характерных образцах.

Особую популярность в России приобрел Франсуа Тома Мари де Бакюлар д'Арно, чьи произведения получили тогда широкое распространение во всей Европе. Плодовитый писатель, таланту которого в молодости покровительствовал Вольтер, он написал множество небольших по объему романов и повестей с мелодраматическими сюжетами, нагромождая в них мрачные эпизоды с роковыми тайнами, переодеваниями, похищениями, кораблекрушениями, заговорами, поединками. Герои его постоянно льют слезы радости и печали, падают в обмороки и т. д. В известной мере Арно ориентировался на английский приключенческий роман, развившийся к тому времени; героями его нередко выступали англичане, и в подзаголовках указывалось «английская повесть» (*histoire anglaise*). В то же время его произведениям присущи некоторые руссоистские мотивы — мечты о слиянии с природой, уединении.

В России до 1785 г. были изданы переводы 19 прозаических произведений Арно, причем первый перевод, вышедший в 1769 г., «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность» (*Sidnei et Silli, ou Bienfaisance et la reconnaissance*, 1766) был выполнен Д. И. Фонвизиным, который, следуя за Арно, приложившим к повести анакреонтические оды, поместил там свое сатирическое «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». Переводы занимательных сочинений Арно широко читались, однако отношение к ним было отнюдь не однозначным, как можно судить по «Мыслям» Болотова.

В заметке по поводу перевода «немецкой повести» Арно «Либман» (*Liebman*, 1775; пер. 1781) Болотов писал: «Имя господина Арнолда, прославившегося в новейшее время составлением маленьких чувствительных и со вкусом писанных романов, делает и сей маленькой книжке довольную уже рекомендацию». Однако, одобрив «чувствительный, нежный, тонкий и хороший» слог произведения и

¹⁴⁰ Там же. Л. 130—130 об.

его перевод, он решительно осудил содержание книги и утверждал, «что всю ее наполнил он (автор. — Ю. Л.) едиными только сумасбродствами и такими ненатуральностями, которые никакого правдоподобия не имеют». Еще большему его осуждению подверглась повесть «Люция и Мелания, или Две великодушные сестры» (*Lucie et Mélanie, ou les Deux soeurs généreuses*, 1767), перевод которой вышел в 1782 г. Он писал, что небольшая эта книжка «не только вмещает в себе происшествиев чрезвычайно мало, но которые и есть так и те самые романтические и совсем неправдоподобные и столь ненатуральные, что дивиться надобно, как вылилась из пера г. Арнода такая нескладница. А что того еще непонятнее, то к маловероятности всего повествования вздумалось ему еще присовокупить тму любовных пустозвяков и несносных почти разглагольствий, длинных монологов, горестных восклицаний и протчих тому подобных скучных излишностей и всем тем и без того испорченное уже дело еще более изгадить».¹⁴¹

В рассматриваемый период были переведены на русский язык пять повестей и романов маркиза Жана Батиста де Буайе д'Аржанса, который был близок к Фридриху II. Произведения эти, описывающие светскую жизнь, проникнуты присущим автору деистическим скептицизмом, что, кстати сказать, вызвало возмущение Болотова, и он писал в связи с переводом «Приключений кавалера де ***» (1772), что эта повесть «с начала до конца наполнена не только единими только гнуснейшими непотребствами и бесчисленнейшими происшествиями; но и все они описаны и изображены еще того гнуснейшим, бесстыднейшим и столь соблазнительным образом, что истинно никакому благонравному и порядочного расположения мыслей человеку без омерзения и досады читать их не можно».¹⁴²

Переводился в это время и весьма плодовитый французский автор XVIII в. Пьер Жан Батист Нугаре, написавший множество произведений, прозаических и стихотворных, лишенных оригинальности и отличающихся небрежностью стиля. Особенно выделялось в его творчестве собрание анекдотических рассказов «Тысяча и одно дурачество» (*Les mille et une folies*, 1771), повествующих о любовных шашнях во всех кругах и сословиях, изобилующих самыми различными персонажами, а в сюжетах переплеталось натуралистическое изображение жизни с волшебными и чудесными явлениями. Это собрание было переведено П. И. Страховым и издано Н. И. Новиковым в 8 частях в 1780—1781 гг. Впоследствии Страхов «говорил в шутку, что, переводя книгу сию на русской, сделал тысячу второе дурачество».¹⁴³

В числе французских авторов, переведившихся в это время, можно упомянуть Мари Жанну Мезьер Риккони. Актриса в молодости, она позднее оставила театр и принялась сочинять романы, ориентируясь на английских писателей. Явным подражанием Ричардсону был напечатанный в русском переводе в 1765 г. ее роман «Письмы от мистрис Фанни Буртлед, к милорду Карлу Алфреду де Кайтомбридж» (*Lettres de Mistriss Fanni Butlerd à Milord Charles*

¹⁴¹ Там же. Л. 75—76, 106.

¹⁴² Там же. Л. 88 об.

¹⁴³ Речи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Московского университета... Ч. 2. С. 218.

Alfred de Caitombridge, 1757), который Риккобони выдавала за перевод с английского. В этих письмах, написанных возвышенным эмоциональным слогом, излагалась любовная история мещанской девушки, которую соблазнил лорд и затем бросил. В предисловии, обращенном к «одному только читателю», т. е. лорду-соблазнителю, говорится о героине: «Не желание явить свой разум побуждает ее выдавать сии письма; но желание сохранить естели возможно память страсти, которая составляла блаженство ее, которой начальные приятности еще в уме ее воображаются и которой напоминовение ей всегда будет драгоценно <...> Любовь в ней была источником всех благ; ты немилосердый! превратил ее в яд!»¹⁴⁴

В 1779 г. появилась еще небольшая книжка «Любовь превратна, или Приключения милады графини Англезеи» — перевод «Histoire de milady comtesse Anglesey», извлеченной из части III романа Риккобони «Histoire de miss Jenny» (1762).

Не обошли русские переводчики вниманием и Клода Луи Мишеля де Саси, французского королевского цензора, который, используя свое служебное положение, выпускал одно за другим свои произведения, крайне незначительные и в дальнейшем совершенно забытые. Однако в России были переведены три его повести. Первым вышел в 1778 г. перевод «Игра счастья» (*Les jeux de la fortune*, 1768), который Болотов впоследствии безапелляционно осудил, утверждая: «...не может книга сия произвесть никакой пользы».¹⁴⁵ В следующем году появился перевод другой повести, озаглавленный «Друзья соперники» (*Les amis rivaux*, 1768), и переводчик, некто Тимофей Захарьин, служивший в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, в типографии которого перевод печатался, стремился представить ее в лучшем виде и писал в предисловии: «Сочинитель сего повествования ничего не пощадил для живейшего изображения действующих в сей книге лиц. Сколь прекрасной он представил добродетель, сколь мерзкий, напротив, и ужасный дал вид пороку».¹⁴⁶ В 1780 г. в той же типографии вышел перевод еще одной повести Саси, слащаво сентиментальной, с налетом прециозности, «Любовь Сафо и Фаона» (*Les amours de Sapho et de Phaon*). Переводчиком был И. Г. Рахманинов, приобретший позднее известность переводами Вольтера, и еще в 1778 г. он объявил в «Московских ведомостях», что уже завершает свою работу, «дабы в переводе ее (повести. — Ю. Л.) никто не принимал на себя тщетного труда».¹⁴⁷

Так переводилась в конце XVIII в. второразрядная французская беллетристика.

Говоря о французской переводной литературе, получившей в это время распространение в России, следует упомянуть и так называемые «сказки». Как мы уже отмечали, Мармонтель сознательно назвал свои моралистические повести «сказками», учитывая популярность этого жанра в его время. Еще в 1704 г. во Франции вышел том пере-

¹⁴⁴ Письмы мистрис Фанни Буртлед, к милорду Карлу Алфреду де Кайтомбридж / С французского языка переведенные. СПб., 1765. С. 1—2.

¹⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14. Л. 37.

¹⁴⁶ Друзья соперники, аглинская повесть, сочиненная г. де Саси / Переведена с французского языка на российский Тимофеем Захарьиным. СПб., 1779. С. 3.

¹⁴⁷ Моск. вед. 1778. 14 марта. № 21. Прибавление.

вода нескольких сказок «Тысячи и одной ночи», выполненного Антуаном Галланом, знатоком восточных языков, в прошлом секретарем французского посла в Константинополе. Перевод имел огромный успех, что побудило переводчика продолжить работу, и последний, двенадцатый том был издан уже после его смерти.¹⁴⁸ «Это было, в известном смысле, целое откровение, — писал А. Н. Веселовский, — <...> перед читателем открылся особый мир, знакомый и незнакомый вместе, фантастический и реальный; те же образы, что и в народной сказке, но окутанные теплом и ароматом востока <...> И эта чресполосица фантастического и реального не только не изумляет вас, а кажется естественной: так просто вращаются в ней действующие лица...»¹⁴⁹ Веселовский дал и очень точную общую характеристику содержания сказок: «Фантастические приключения и повести о „злой жене“, сказки на тему, что от судьбы не уйти, и легенды о превращениях, романтические увлечения с разлукой и признанием в конце, и бойкие фацеции; рядом с мрачным образом демона-великана — рельефно очерченный тип болтуна циркульника. Но преобладающей темой является — любовь во всех ее проявлениях».¹⁵⁰

Галлан вполне свободно обращался со своим арабским источником, сочетая вольный перевод с пересказом и в значительной мере приближая свою версию к стилю европейской народной сказки. Всего он перевел около одной четвертой части сказок «Тысячи и одной ночи», отобрав то, что считал лучшим. Французский перевод получил общественное признание и послужил основой для других переводов на европейские языки.

В России же сказки стали переводиться в 1760-е гг., когда возник отмеченный нами подъем переводческой деятельности в области художественной прозы. В 1763 г. некий Алексей Филатьев начал издавать русский перевод в типографии Московского университета; издание составило 12 томов и выходило в течение 11 лет.¹⁵¹ Перевод имел несомненный успех, и в 1768 г., еще до завершения первого издания, начало осуществляться второе, оконченное в 1789 г. В 1790-е гг. сказки «Тысячи и одной ночи» заново переводились другими русскими переводчиками.

Успех и распространение сказок «Тысячи и одной ночи», переведенных Галланом, вызвали множество подражаний во Франции, и эти подражания стали восприниматься в России тогда же, начиная с 1760-х гг. Эти новые сказки были весьма разнообразны и сочетали в сложном переплетении мотивы и сюжеты, восходящие к различным источникам: к волшебной и бытовой сказке, восточной и европейской, к народной балладе и рыцарскому роману, новелле и фацеции и т. п. Соответственно варьировалось и место действия — страны Востока и Запада, суша и море, время описываемых событий — прошлое, историческое и фантастическое, и настоящее. Героями вы-

¹⁴⁸ Les mille et une nuit, contes arabes. Traduits en françois. Par Mr. Galland. Paris, 1704—1717. Т. 1—12.

¹⁴⁹ Веселовский А. Н. Сказки Тысячи и одной ночи в переводе Галлана // Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 231—232.

¹⁵⁰ Там же. С. 233.

¹⁵¹ Тысяча и одна ночь. Сказки арабские, переведены с французского языка. [М.,] 1763—1774. Т. 1—12.

ступали западные и восточные властители — короли, принцы, графы, шахи, полководцы и воины, разбойники и пираты. В волшебных сказках существенную роль играли колдуны и волшебники, добрые и злые феи, великаны и карлики, подверженные чудесным превращениям, и т. д. Особое значение в развитии разнородных сюжетов имели влияния божественных и иных потусторонних сил, роковые предсказания, определяющие судьбу героя, воздействие неисповедимого промысла. Наконец, центральное место в сюжетной структуре этих произведений, как правило, занимает любовь, счастливая или несчастная, завершающаяся в итоге многообразных приключений блаженным соединением влюбленной пары или роковой разлукой, обычно в результате гибели одного из героев. Следует, однако, заметить, что счастливые концовки значительно преобладают. И вообще вся эта малая проза Франции первой половины XVIII в. проникнута духом рококо.

Существенным моментом в развитии «сказочной волны», вызванной переводом Галлана, явилась постепенная эволюция волшебной сказки в авантюрное любовное или нравоучительное, а иногда и скабрёзное повествование без примеси волшебства, фабула которого развёртывалась в основном по схеме сказок «Тысячи и одной ночи», причем нередко с сохранением восточных или иных экзотических имен. Обращение к Востоку, во многом условному, было закономерным для писателей рококо, которым импонировали «восточная нега», роскошь, томная чувственность и т. д.

Следует, однако, оговориться, что отнюдь не только такой аспект восточной тематики привлекал к ней европейских писателей XVIII в., в частности французских. Как известно, жанр «восточной повести» прочно утвердился в просветительской литературе, где он часто использовался для решения философско-этических проблем. Напомним, что «восточными» были упоминавшиеся выше «Задиг», «Видение Бабука» и «Принцесса Вавилонская» Вольтера, а также «Персидские письма» Монтескье, переведенные у нас позднее. Словом, «восточный наряд», в который облекалось прозаическое повествование, был хорошо известен и в России и вызывал несомненный интерес.¹⁵²

Но вернемся к сказкам. В 1710—1712 гг., еще до окончания публикации переводов Галлана, французский ориенталист и путешественник по восточным странам Франсуа Пети де ла Круа выпустил 5 томов под заглавием «Тысяча и один день, сказки персидские» (*Les mille et un jours, contes persans*). Эти сказки также пользовались успехом и многократно переиздавались. Пример Галлана и Пети де ла Круа весьма вдохновил Тома-Симона Геллета, юриста по профессии, который посвящал свой досуг литературе, писал комедии, игравшиеся в его имени, издавал французских классиков: Рабле, Монтеня и др. Но главным литературным трудом, принесшим ему славу, были собрания сказок, три из которых имели в своем заглавии число «Тысяча и один (одна)»: «Тысяча и одна четверть часа, сказки татарские» (*Les mille et une quarts d'heure*,

¹⁵² См.: Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII—начала XIX века // XVIII век, сб. 5. М.; Л., 1962. С. 295—315. Автор статьи, к сожалению, не разделяет оригинальные и переводные произведения.

contes tartares, 1712), «Тысяча и один час, сказки перуанские» (Les mille et une heure, contes peruviens, 1733), а также «Гузаратские султанши, или Сны пробужденных людей, могольские сказки» (Les sultanes de Gusaratte, ou les Songes des hommes éveillés, contes mogols, 1732), которые при переизданиях получили заглавие «Тысяча и один вечер» (Les mille et une soirées). Это число в заглавии нимало не соответствовало числу «дней», «часов», «четвертей часа» или «вечеров», представленных в сборниках, но имело чисто номинативное значение, указывая на некое жанровое сходство со сказками «Тысячи и одной ночи», которые также не были полно представлены в переводе Галлана (вспомним, что и Нугаре назвал свой сборник «Тысяча и одно дурачество»).

Сказки Пети де ла Круа и Геллета строились по той же схеме, т. е. имели сюжетное обрамление, внутри которого сменяли друг друга разнородные повествования. Так, в «Тысяча и одном дне» в противоположность царю Шахриару, предубежденному против всех женщин, которого переубеждает Шахразада своими сказками, рассказывавшимися в течение тысячи и одной ночи, представлена царевна Фарукназа, предубежденная против всех мужчин, и ее переубеждают сказки о необычайно верных мужчинах, которые ей рассказывает ее кормилица. В «Тысяче и одной четверти часа» обрамление составляет история найденыша Шемс-Эддина, оказавшегося сыном царя Астраханского и престолонаследника. Но после восхождения его на престол восставший визирь ослепляет его, однако прорицатель Бен Эридун своими рассказами в итоге его исцеляет. В «Гузаратских султаншах» Огуц, султан гузаратский (Гузарат — полуостров в северо-западной части Индии), желая испытать пять своих жен, распускает слух о своей смерти и тайно наблюдает за султаншами, когда им рассказывают нравоучительные сказки. Наконец, в «Тысяча и одном часе» властитель Перу Инка Иагуаргуакак, вынужденный уступить престол своему сыну, спасшему страну от неприятелей, решает покончить жизнь самоубийством, приняв яд, но девица Аклагуа рассказывает ему назидательные истории, и в итоге он отказывается от своего намерения и соединяется с рассказчицей.

Эти сказки и переводились в России после «Нравоучительных сказок» Мармонтеля. В 1765—1766 гг. при Московском университете в четырех томах вышли «Тысяча и одна четверть часа, повести татарские» Геллета. Ни автор, ни переводчик указаны не были. Издание пользовалось успехом и спустя десятилетие было переиздано (1777—1778). В 1766—1767 гг. там же, при Московском университете, были изданы «Тысяча и один час, сказки перуанские», переведенные упомянутой выше юной Анной Вельяшевой-Волынцевой. Она перевела первоначальную публикацию этих сказок Геллета, включавшую 58 «часов». Однако в 1759 г. в Лондоне вышло новое, значительно расширенное издание, содержащее уже 66 «часов» и заключение.¹⁵³ И эти дополнения были выпущены без каких-либо объяснений как третий том издания Вельяшевой-Волынцевой, но на этот раз уже в

¹⁵³ Les mille et une heure, contes peruviens, nouvelle édition revue et considerablement augmentée par l'Auteur. Londres, 1759. T. 1, 2.

Петербурге в типографии Х. Ф. Клезна. Переводчик здесь был обозначен инициалами А. А.

Особый успех выпал на долю четырехтомного собрания «могольских сказок» «Гузаратские султанши». Переведенные Игнатием Тейльсом, в то время преподавателем немецкого языка в Сухопутном шляхетном корпусе, «сказки» были изданы в типографии корпуса в 1768—1770 гг., причем на титульном листе впервые в русской печати появилось имя автора.¹⁵⁴ Единственный известный экземпляр тома I и отсутствие в библиотеках тома 4¹⁵⁵ позволяют заключить, что издание было буквально «расхвачано». И уже в 1774 г. та же типография выпустила второе издание. Третье издание вышло в Москве в Компании типографической в 1788 г., когда Тейльс, кстати сказать, знакомый с Новиковым, уже переехал в Тверь, где его ожидала административная карьера.

Параллельно со сказками Геллета получили распространение в какой-то мере близкие к ним по своему характеру повести Мадлен-Анжелики Пуассон де Гомес. Дочь комедианта, вышедшая замуж за бедного испанского дворянина, она была вынуждена обеспечивать свое существование литературным трудом и создала множество весьма посредственных произведений, повествовательных и драматических. По свидетельству словаря Ларусса, произведения эти не пережили своего времени,¹⁵⁶ и историки французской литературы хранят молчание об их авторе.

В свое время определенной известностью пользовалось собрание ее повествовательных произведений, которые она назвала *nouvelles* (повести, новеллы), и сотня этих *nouvelles* с омонимичным эпитетом «новые» публиковались в Париже на протяжении восьми лет в 19 томах¹⁵⁷ и затем четыре раза переиздавались. Гомес, видимо, не случайно отказалась от отнесения своих повестей к разряду сказок. Элемент чудесного в них полностью отсутствует. Основные события в них — войны и сложные любовные перипетии и коллизии, завершающиеся, как правило, соединением влюбленных. Действующие лица обычно — властители и их дети, но могут быть и представители простонародья — купцы, пастухи, поднимающиеся в итоге по социальной лестнице. Время действия — более или менее удаленное прошлое; место действия — различные страны Европы, иногда Азии.

В России повести Гомес заинтересовали почти одновременно нескольких литераторов. В 1764 г. при Московском университете отдельным изданием вышел перевод повести «Действия дружбы» (*Les effets de l'amitié*). Ни автор, ни переводчик не были указаны. Тогда же В. И. Лукин также анонимно под заглавием «Любовь сильная дружбы, повесть гишпанская» объединил переводы двух повестей: «*Les illustres ennemis*» и «*Histoire de Don Alvare de Prado*», которые были изданы в Петербурге в типографии Академии наук.

В следующем году в типографии Сухопутного шляхетного корпуса начало издаваться многотомное издание под заглавием «Сто новых

¹⁵⁴ Гузаратские султанши, или Сны неспящих людей, могольския сказки сочинения г. Гиольетта переведены с французского языка. СПб., 1768—1770. Т. 1—4.

¹⁵⁵ См.: Свод. каталог. Дополнения. С. 17, № 29; С. 68, № 446.

¹⁵⁶ См.: *Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle*. Paris, s. a. Т. 8. P. 1359.

¹⁵⁷ *Les cent nouvelles nouvelles, de Madame Gomez*. Paris, 1732—1739. Vol. 1—19.

новостей сочинения госпожи Гомец». В предисловии к тому I анонимный составитель сообщал, что, «нашед некоторые манускрипты, переведенные из ста новых новостей», он «вознамерился предать их печати», хотя ему не известно, «кто над ними трудился». При этом он заявлял: «Не славолюбие, ниже корысть побудили меня напечатать сии книги; но единственное желание сделать удобность читателям, промыслив им веселое времени препровождение». Интересно отметить, что, вопреки распространенным воззрениям на достоинства беллетристических произведений, здесь читателям обещалось лишь веселое времяпрепровождение и ничего не говорилось о нравственной пользе. В заключение автор предисловия обещал читателям второй том, а возможность последующих ставилась в зависимость от условия: «...когда оной (второй том. — Ю. Л.) от читателей благосклонно принят будет».¹⁵⁸

По-видимому, читатели проявили «благосклонность», и до 1768 г. было выпущено десять томов, содержащих всего двадцать шесть «новостей» из ста, после чего издатель, как он сообщал, прекратил «сие руководство <...> опасаясь, чтоб большое издание не было в тягость читателям как в рассуждении пространства, так и цены».¹⁵⁹ Отбор повестей для перевода был весьма произвольным, и последовательность их публикации нисколько не соответствовала последовательности оригиналов. Впрочем, в соблюдении последовательности необходимости не было, поскольку повести Гомес не были между собой связаны (если не считать продолжений у нескольких из них) и не имели сюжетного обрамления. В последней фразе заключительной справки издатель сулил «по прошествии несколько времени естли время и случаи допустят <...> издавать в свет и следующие томы».¹⁶⁰ Однако следующих томов не появилось. Можно полагать, что «новости» госпожи Гомес наскучили русским читателям.

Между тем волшебные восточные сказки, становившиеся известными в России через французские переводы и подражания, вызвали здесь определенный отклик. Михаил Иванович Попов, плодовитый и разносторонний писатель и переводчик, в 1768 г. выпустил «Описание древнего славенского языческого баснословия» — своеобразный словарь мнимой славянской мифологии, отчасти заимствованной из разнообразных источников, отчасти сочиненной им самим. А в 1770—1771 гг. он выступил с романом в трех частях, озаглавленным «Славенские древности, или Приключения славенских князей». Это был авантюрный роман, действие которого развивалось в баснословные времена псевдославянской истории, и в повествование о длинной цепи странствий и приключений главного героя князя Светлосана вплеталось множество вставных эпизодов и рассказов встреченных им лиц. Большую роль во всех описанных событиях играют волшебные силы — божества, волшебники, колдуны, таинственные талисманы, чудодейственные звери и т. п.¹⁶¹

¹⁵⁸ Сто новых новостей сочинения госпожи Гомец / С французского на российский язык переведен. СПб., 1765. Т. 1. С. 3 нумер.

¹⁵⁹ Там же. 1768. Т. 10. С. 255.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Подробнее см.: Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 2. С. 140—161.

Зависимость «Славенских древностей» от известных уже восточных сказок была замечена, и когда в 1778 г. вышло второе их однотомное издание, озаглавленное «Старинный диковинки, или Приключения славенских князей», рецензент «Санктпетербургского вестника» писал о книге: «...она есть подражание *арабских и персидских* сказок, известных под именем *тысяча и одна ночь, тысяча и один день* и проч., но подражание, отличающееся от восточного славенскими именами и обычаями, которых сочинитель вместил в оной и описал славенския достопамятности».¹⁶²

Упоминание в этом отзыве, помимо арабских сказок «Тысячи и одной ночи», также и персидских — «Тысяча и один день» было неслучайным. В начале того же года вышла первая часть перевода сказок Пети де ла Круа, причем на титульном листе содержалось недвусмысленное указание на то, что переводил их М. И. Попов.¹⁶³

3

Во второй половине 1770-х гг. французское развлекательное чтение (к которому можно отнести и «массовые» романы и повести, и «новости» мадам Гомес) понемногу утрачивает привлекательность для значительной части русских читателей. Как раз по выходе первой части перевода «Тысячи и одного дня» в «Санктпетербургском вестнике» появилась рецензия, которая уже цитировалась выше в связи с полемикой вокруг романа. И завершая ее, рецензент, скрывшийся за инициалом «Ф.», писал: «Итак, желали бы мы, чтобы преимущественно переводимы были на наш язык больше хорошие и полезные романы, сочинения Рихардсона, Филдинга, Голдсмита и сим подобные — и чтобы писатели, имеющие знания и дарования господина сочинителя сл[авенских] др[евностей], оставя все тысячу и одну и проч. меньше исправным переводчикам, взялись бы за переводы больше обществу полезных сочинений». Правда, рецензент тут же оговаривался: «...сие только *наше* мнение, справедливо ли оно или нет, о том оставляем судить почтенной публике».¹⁶⁴

Рецензент, конечно, проявил скромность, поскольку авторитет английского романа к этому времени уже достаточно прочно утвердился в русском просвещенном обществе. Но его суждение имело также пропагандистское значение, ибо из названных им английских писателей к тому времени переводился только Филдинг. Он же призывал пополнить русские переводы сочинениями Ричардсона и Голдсмита (хотя не вполне точно транслитерировал их фамилии).

Английские романы стали переводиться в России еще в 1760-е гг. Приоритет здесь принадлежал великому роману Дефо «Робинзон Крузо» (полное английское заглавие: «Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner», 1719), перевод первой части которого, выполненный Яковом Трусовым, был издан при

¹⁶² СПб. вестн. 1778. Ч. 2. Декабрь. С. 472.

¹⁶³ Тысяча и один день, персидская сказки, переведенная с персидского на французский язык г. Петис де ла Круа, а с французского на российский сочинителем Сл[авенских] Др[евностей]. СПб., 1778—1779. Ч. 1—4.

¹⁶⁴ СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Апрель. С. 319.

Академии наук в 1762 г., а два года спустя к ней присоединилась и вторая часть.¹⁶⁵

Судьба «Робинзона Крузо» на русской почве неоднократно привлекала внимание исследователей, и этому вопросу посвящены несколько специальных работ.¹⁶⁶ Уже в первой из них было установлено, что русский перевод значительно отличается от оригинала, и указывалось: «Мы имеем дело с сокращением романа, сокращением, граничащим с переделкой».¹⁶⁷

В русской версии повествование развивается непрерывно, не подразделяясь на главы. Многие подробности, в частности значительное число географических названий, опущены, отдельные главы пересказаны. Особенно сильным сокращениям подверглась вторая часть. С другой стороны, перевод содержит добавления различного характера. Это и разъяснения некоторых мест, которые могли быть непонятны читателю-неангличанину, это и морализаторские сентенции о волеизъявлении нравов и религиозном невежестве героя и его окружения. Отрицательные черты Робинзона усилены, и он выделяется даже на фоне безбожников-матросов, над которыми главенствует. Большая часть этих отклонений от оригинала принадлежала французскому переводчику.

Перевод Якова Трусова имел несомненный успех. До конца XVIII в. он был переиздан три раза — в 1775, 1787 и 1797 гг.; последнее, 5-е издание вышло уже в новом веке, в 1814 г. Сохранились свидетельства популярности романа. А. Х. Востоков вспоминал, что в середине 1790-х гг., когда он поступил в Академию художеств, «Робинзон Крузо» был в числе книг, занимавших умы учащихся.¹⁶⁸ М. А. Дмитриев назвал тот же роман среди книг, которые, по его словам, «в каждой деревенской библиотеке непременно уже находились».¹⁶⁹ Само имя героя со временем стало нарицательным. В очерке «Путешествие в Кронштадт», напечатанном в журнале «Московский зритель» в 1806 г., мы читаем: «Напоследок товарищи моего путешествия возвратились в Петербург и, прощаясь со мною, называли меня Робинзоном Крузо, оставленном на острове незнакомо...»¹⁷⁰

Но при всей популярности романа автор его был мало известен. Даже имя его не было указано на титульных листах первого и последующих изданий «Робинзона Крузо», и какие-либо упоминания

¹⁶⁵ Жизнь и приключения Робинзона Круза, природного агличанина / Переведена с французского Яковом Трусовым. СПб., 1762—1764. Ч. 1, 2.

¹⁶⁶ См.: Привалова Е. П. «Робинзон Крузо» в детской и педагогической литературе // Книга детям. 1929. № 2—3. С. 12—18; Алексеев М. П. «Робинзон Крузо» в русских переводах // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 86—100; Валуйская Л. А. Первый русский перевод и переработки романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1762—1840 гг.) // Вопросы сопоставительной типологии иностранного языка. Душанбе, 1976. С. 97—115; Волков А. Р., Попов Ю. И. Русские робинзонады XIX века // Вопросы русской литературы. Львов, 1987. Вып. 2 (50). С. 112—119; Новосельцева Л. А. Даниэль Дефо в России (1762—1917 гг.): К проблеме оценки и восприятия английской литературы эпохи Просвещения. Автореферат дисс... канд. филол. наук. М., 1987. 18 с.

¹⁶⁷ Привалова Е. П. Указ. соч. С. 15.

¹⁶⁸ Срезневский В. И. Из воспоминаний А. Х. Востокова о его детстве и юности // Русская старина. 1899. Т. 97. Март. С. 662.

¹⁶⁹ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 47.

¹⁷⁰ Московский зритель. 1806. Март. С. 12.

его в русских текстах XVIII в. нами не обнаружены. И когда в издававшемся Н. И. Новиковым журнале «Детское чтение для сердца и разума» была помещена история Александра Селькирка,¹⁷¹ послужившая, как известно, своеобразным прообразом романа Дефо, эта связь никак не была отмечена.

Зато пристрастие к самому роману проявилось и в интересе к возникшим в европейских литературах подражаниям ему, объединенным впоследствии названием «робинзоны». Уже в 1780 г. в переводном издании «Библиотека немецких романов» под заглавием «Робинсоны» был напечатан обзор немецких робинзонад,¹⁷² и в следующем году вышел перевод первой части романа немецкого писателя И.-К. Вецеля «Обновленный Робинзон Крузо» (*Robinson Crusoe neubearbeitet*, 1779).¹⁷³ Новые переводные робинзоны появлялись уже в 1790-е гг. и будут рассмотрены ниже.

Видимо, не будет преувеличением сказать, что роман Дефо, внешне примыкавший к авантюрно-приключенческому жанру, но проникнутый пафосом труда и оптимизмом, после появления русского перевода, хотя и неполного и неточного, утвердил авторитет английского просветительского романа в русском образованном обществе. Уже в мае 1764 г. русский академический журнал, откликаясь на выход второй части романа, констатировал, что первая часть «была принята от публики с великим удовольствием, потому что она <...> всяким читателям по мудрому ея сочинению безвинное увеселение доставляет».¹⁷⁴ А спустя пять месяцев рецензент того же журнала, рассуждая о том, над какими романами следует трудиться переводчикам, писал: «...советуем им, чтоб по крайней мере труды свои употребляли лучше на английские или с английского переведенные, нежели на французские; потому что в оных по большей части честность и добродетель, а в сих больше страсти господствуют».¹⁷⁵

После выхода в свет перевода первой части «Робинзона Крузо» в следующем же году появилась «Сирота аглинская, или История о Шарлотте Суммерс», предисловие к которой переводчика Е. С. Харламова цитировалось выше. Анонимный английский автор этого романа, называвшегося в оригинале «История Шарлотты Саммерс, счастливой приходской девочки» (*The History of Charlotte Summers, the Fortunate Parish Girl*, 1750), объявлял своим духовным отцом и литературным образцом Филдинга. Харламов не мог этого знать: он перевел французский перевод Пьера-Антуана де Лапласа, вышедший впервые в 1751 г. и затем переиздававшийся; там такого признания не было. Но в предисловии к своему переводу Лаплас, ранее переводивший «Историю Тома Джонса», указывал, что действовал здесь, «как в *Томе Джонсе*, приспособляя это произведение, не искажая его, к французскому вкусу».¹⁷⁶ Возможно, такое указание

¹⁷¹ Достопамятная повесть о некотором Шотландце, жившем несколько лет на пустом острове // *Детское чтение для сердца и разума*. 1786. Ч. 7. С. 116—121.

¹⁷² Библиотека немецких романов. М., 1780. Ч. 2. С. 173—222.

¹⁷³ Новый Робинзон Крузе, или Похождения славного аглинского мореходца / Переведено с немецкого. М., 1781.

¹⁷⁴ Ежемес. соч. 1764. Май. С. 453.

¹⁷⁵ Там же. Октябрь. С. 373.

¹⁷⁶ *L'orpheline angloise, ou Histoire de Charlotte Summers*. Nouv. éd. Londres, 1781. Т. 3. Р. 3. К сожалению, мы не располагали более ранним изданием.

привлекло в дальнейшем внимание Харламова к главному роману Филдинга и таким образом способствовало распространению славы английского романиста в России.¹⁷⁷

Впрочем, первое произведение Филдинга, явившееся в русском переводе в 1766 г., не принадлежит к числу его прославленных романов. Это было «Путешествие в другой свет» (*A Journey from this World to the Next*, 1743) — фантастическая сатира, подражание Лукиану. Русского переводчика Владимира Золотницкого, в прошлом преподавателя немецкого языка в Сухопутном кадетском корпусе, а тогда секретаря Н. И. Панина, очевидно, привлекла политическая острота сатиры. Переводил он достаточно точный немецкий перевод, с которым, однако, обращался весьма вольно, предупреждая читателя: «...некоторые места мною оставлены как весьма ненужные, а некоторые и совсем переменены».¹⁷⁸ О Филдинге он, видимо, не имел представления, считая его, согласно мистифицирующему предисловию, издателем забытой рукописи. «Господин Фильдинг, нашедши ее, — писал Золотницкий, — доставил нам на немецком (*sic!*), а я сообщаю оную на российском языке». Впрочем, само произведение русский переводчик оценивал высоко, утверждая, что «сочинитель» «в вымышленной сей остроумной повести описал весьма разумно человеческое состояние и его страсти».¹⁷⁹

Золотницкий был не единственным русским переводчиком, кого привлекла английская сатира. В том же 1766 г. были опубликованы в двух томах «Жизнь и приключения малого Помпе, постельной собаки» — выполненный академическим переводчиком Гуром Ивановым по немецкому переводу русский перевод сатирического романа Френсиса Ковентри «*The History of Pompey the Little, or the Life of a Lap Dog*» (1751).

Опубликование перевода «Путешествия в другой свет» едва ли способствовало распространению славы Филдинга в России. Широкую известность английский романист приобрел у нас, когда на русском языке в 1770 г. появился «Том Джонс». Показательно, что к этому главному творению Филдинга одновременно обратились два русских переводчика. Один из них — уже упоминавшийся Евстигней Харламов, второй — какой-то неизвестный по имени переводчик, связанный с Собранием, старающимся о переводе иностранных книг на российский язык. Как мы уже указывали, художественная литература занимала второстепенное место в переводном репертуаре Собрания, причем переводились лишь произведения, которые к тому времени приобрели международную славу. Поэтому обращение переводчиков Собрания к романам Филдинга было одновременно признанием их значения.

Впрочем, относительно переводчика «Тома Джонса» мы располагаем лишь косвенными сведениями, исходившими от Харламова, который, начав в 1770 г. публиковать «Повесть о Томасе Ионесе или Найденыш», указывал в предисловии, что, когда его труд подходил

¹⁷⁷ См.: Левин Ю. Д. Восприятие Филдинга в России XVIII века // *Res philologica: Филологические исследования*. М.; Л., 1990. С. 370—378; *Levin Ju. D. Translations of Henry Fielding's Works in Eighteenth-century Russia // Slavonic and East European Review*. 1990. Vol. 68, No. 2. P. 217—233.

¹⁷⁸ Путешествие в другой свет. Остроумная повесть / С английского подлинника на немецкий, а с немецкого на российский язык перевел В. З. СПб., 1766. С. 4.

¹⁷⁹ Там же. С. 3.

к концу, он узнал, что «книга означена к переводу собранием», и это заставило поспешить с окончанием и изданием своего перевода.¹⁸⁰ Видимо, выход в свет перевода Харламова вынудил переводчика при Собрании прекратить работу. В том же предисловии Харламов называл Филдинга «славнейшим той (английской. — Ю. Л.) нации писателем» и заверял будущих читателей книги, «кои не учились иностранным языкам», что они, «нашед в ней прекрасное изображение нравов человеческих и случаи во всем вероятные, украшенные некоторыми для юношества полезными наставлениями и нравочениями, будут читать оную с немалым удовольствием».¹⁸¹ Таким образом подчеркивалось органическое сочетание в романе Филдинга реализма («случаи во всем вероятные») и образцовой нравственности.

Как и «Сироту аглинскую», Харламов переводил «Тома Джонса» с французского перевода П. А. де Лапласа «Histoire de Tom Jones» (1764), в котором роман Филдинга подвергся сильному сокращению, что переводчик оправдывал ссылкой на французский вкус, превосходящий, по его убеждению, эстетический вкус любого иного народа.¹⁸² 6 томов английского оригинала были втиснуты в 4 тома французского перевода. Были исключены все вводные главы к каждой из 18 книг романа, представляющие собою публицистические отступления, весьма важные для Филдинга. А главы, в которых развивается действие, значительно сокращались, причем две соседние главы нередко объединялись в одну.

Харламов исправно следовал за французским переводом, и в результате русские читатели получили главный роман Филдинга сильно обедненным. Тем не менее благодаря переводу Харламова слава английского романиста утвердилась в России, и второе издание «Повести о Томасе Ионасе», вышедшее в 1787—1788 гг., вызвало восторженную рецензию в «Московских ведомостях», честь, какой в XVIII в. удостаивались лишь наиболее прославленные произведения. «Сей прекрасный роман одного из лучших сочинителей заслуживает внимания по многим красотам, коими он изобилует, и доставляя приятное, а вместе и наставительное времяпрепровождение, не имеет в себе скуки и глупостей многих других романов...»¹⁸³ А двумя годами раньше в одном из петербургских журналов было опубликовано торжественное послание «Благодарение г. Фелдингу за Томаса Ионаса»,¹⁸⁴ автор которого, обращаясь к романисту, восклицал: «О мой друг Фелдинг! <...> Ты настаивал и увеселил меня. Правила твои научают меня, слог прельщает, а нежность трогает до слез. Ты представляешь добродетель в столь прелестном и нежном виде, внушаешь к ней толико почтения, что не возможно не следовать ей и не верить, чтоб она не обитала в сердце твоём». В то же время подчеркивалась

¹⁸⁰ Повесть о Томасе Ионасе или Найденыш. Сочиненная на аглинском языке г. Фильдингом / А с оного переведенная на французский г. Делапласом. С французского же на российский Евсигнеем Харламовым. СПб., 1770. Т. 1. С. 10—11 нумер.

¹⁸¹ Там же. С. 9—10 нумер.

¹⁸² См.: Histoire de Tom Jones, ou l'Enfant trouvé; traduction de l'anglois de Mr. Fielding, par Mr. De La Place. Londres; Paris, 1764. Т. 1. P. 4. Cp.: West C. B. La théorie de traduction au XVIIIe siècle. Par rapport surtout aux traductions françaises d'ouvrages anglais // Revue de littérature comparée. 1932. 12 année. P. 338.

¹⁸³ Моск. вед. 1788. 5 апреля. № 28. С. 275—276.

¹⁸⁴ Зеркало света. 1786. Ч. 2. № 30. С. 229—232.

действенность социальной критики Филдинга, «верного истолкователя человеческих сердец», который может научать «познанию людей, познанию трудному и бесконечному».

Автором послания был Адриан Грибовский, который в дальнейшем сделал служебную карьеру при дворе Екатерины II, а в то время, уволенный со службы за растрату, находился в бедственном положении. «Благодарение» было написано явно с расчетом расположить в свою пользу общественное мнение.¹⁸⁵ А это значит, что автор его был уверен в популярности и славе творца «Тома Джонса» у русской читающей публики.

А вот другое свидетельство — воспоминание поэта И. И. Дмитриева о первом литературном опыте Н. М. Карамзина, тогда еще 17-летнего юноши (т. е. в середине 1780-х гг.). Карамзин выполнил перевод по заказу книгопродавца Миллера, «который покупал и печатал переводы, платя за них <...> книгами из своей книжной лавки». «Не могу я теперь вспомнить без удовольствия, — писал Дмитриев на склоне лет, — с каким торжественным видом добрый и милый юноша Карамзин вбежал ко мне, держа в обеих руках по два томика *Фильдингова* Томаса-Ионеса (Том-Джона) в маленьком формате, с картинками, перевода Харламова. Это было первым возмездием за словесные труды его».¹⁸⁶

Успех «Повести о Томасе Ионасе» несомненно стимулировал переводчиков Собрания, старающегося о переводе иностранных книг, обратиться к другим романам Филдинга, и уже в 1772—1773 гг. вышли в свет «Приключения Иосифа Андревса и приятеля его Авраама Адамса», «Деяния господина Ионафана Вилда Великого» и «Амелия». Первые два романа были переведены Иваном Сытенским с немецких переводов, последний — Петром фон Бергом с французского перевода М.-Ж. Риккони. Особенно сложный путь до русского читателя прошли «Приключения Иосифа Андревса» — последовательно через французский и немецкий переводы к русскому. Сытенский в предисловии к своему переводу представлял английского писателя в самом лучшем виде: «...*Господин Филдинг*, знаменитый *аглинский* драмописатель, которого память не токмо у единоземцев его, но и во всей Европе пребывает в почтении. Повсюду писания его читаются со удовольствием и великобританцы не только не негодовали на него за то, что недостатки своего отечества большою частью избрал он себе целию для упражнений своего пера; но почитали еще его своим благотворителем и добрым гражданином лондонским, о исправлении погрешностей их усердно пекущимся».¹⁸⁷ Переводы всех трех романов были переизданы в 1780-е гг. Как установил профессор Э. Г. Кросс, Филдинг занимал первое место среди английских романистов, переведившихся в России в XVIII в.¹⁸⁸

¹⁸⁵ См.: *Бильбасов В. А.* Адриан Грибовский, составитель записок о Екатерине Великой // *Русская старина*. 1892. Т. 73. Январь. С. 25—26. См. также: *Кочеткова Н. Д.* А. Н. Грибовский как литератор XVIII века // *Zeitschrift für Slawistik*. 1988. Bd 33, H. 6. S. 843—853.

¹⁸⁶ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь: Записки в 3-х частях. М., 1866. С. 40.
¹⁸⁷ *Приключения Иосифа Андревса и приятеля его Авраама Адамса*, изданные г. Филдингом / Перевел с немецкого Иван Сытенский. СПб., 1772. Т. 1. С. I—II.

¹⁸⁸ См.: *Cross A. G.* «S anglinskago»: Books of English Origin in Russian Translation in Late Eighteenth-century Russia // *Oxford Slavonic Papers*. 1986. New Series. Vol. 19. P. 66, 77, 81.

Косвенным свидетельством репутации Филдинга являлось приписывание ему русских переводов романов других авторов, чему, правда, нередко способствовали ошибочные атрибуции оригиналов или переводов-посредников. Так, под именем Филдинга вышел перевод французского романа Гена де Монтаньяка «Memoirs du chevalier de Kilpar» (1768), анонимного английского романа «The Curse of Sentiment» (1786), романа сестры писателя Сары Филдинг «The Adventures of David Simple» (1744—1753). Ему же были приписаны «Похождения Родрика Рандома» (М., 1788) и первая часть «Путешествия Гумфрия Клинкера» (СПб., 1789), но переводчик второго романа в ходе работы узнал, что действительный автор — Тобайас Смоллет, которого и указал на титульных листах второй и третьей частей.¹⁸⁹

Одновременно с романами Филдинга был переведен на русский язык и прославленный роман Свифта, причем ложная атрибуция коснулась и великого английского сатирика. Вообще в истории первоначального восприятия его творчества в России было немало недоразумений и комичных эпизодов, которые, верно, позабавили бы его — мастера мистификаций, человека с бесподобным чувством юмора, если бы он дожил до этого времени и узнал о них.¹⁹⁰ Достаточно сказать, что в русской печати появлению Гулливера предшествовал капитан Самуил Брунт — жалкое его подобие, которое тем не менее было приписано Свифту. Этот «капитан» первоначально появился в Англии, где в 1727 г., на другой год после опубликования «Путешествий Гулливера», вышло в свет подражание, озаглавленное «Путешествие в Каклогаллинию», и автором, ведущим повествование в первом лице, был объявлен Сэмюэл Брант.¹⁹¹ Англичанин Брант в своих странствиях попадает в страну петухов Каклогаллинию, описание которой представляло собою сатиру на общественную жизнь Англии. В дальнейшем Брант отправляется на Луну, где обитает души умерших, после чего возвращается на Землю.

«Путешествие в Каклогаллинию» было вскоре издано в немецком переводе.¹⁹² И с этого перевода был впоследствии сделан русский перевод, в издании которого в 1770 г. автором был уверенно обозначен Свифт, «славный аглинский писатель».¹⁹³ Этот псевдосвифтовский капитан Брунт (названный так соответственно немецкому произношению), видимо, пользовался успехом, потому что Н. И. Новиков

¹⁸⁹ Способ быть добродетельным, или Достопамятные похождения кавалера Кильпара, сочиненные славным английским писателем г. Фильдингом, а с немецкого на российский перевел И. Р. СПб., 1776; Несчастья от чувствительности, сочинение г. Фильдинга, с третьего издания на английском языке переложенное на французский гм. Мерсие, а с онога на российский язык перевел Н ***Н***. М., 1791. Ч. 1—2; Давид Простый, или Истинный друг. Сочинение г. Фильдинга / Перевод с французского. СПб., 1796. Т. 1—3. См. также ниже. С. 222—223.

¹⁹⁰ См.: Левин Ю. Д. Раннее восприятие творчества Джонатана Свифта в России // Левин. С. 103—133.

¹⁹¹ A Voyage to Cacklogallinia. With a Description of the Religion, Policy, Customs and Manners of that Country. By Captain Samuel Brunt. London, 1727.

¹⁹² Capitain Samuel Brunts Reise nach Cacklogallinien, und weiter in der Mond, nebst... einigen andern moralischen und satyrischen Schriften Herrn D. Swiffts, aus dem Englischen übersetzt. Leipzig, 1735.

¹⁹³ Капитана Самуилы Брунта путешествие в Каклогаллинию или в Землю петухов, а от туда в Месяц. Сочинения Г. Д. Свифта, славного аглинского писателя / Переведено с немецкого. [СПб.] 1770.

переиздал его «Путешествие» в 1788 г. в Московской университетской типографии.

Что же касается свифтовских «Путешествий Гулливера», то их русский перевод появился в издании Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на русский язык. Переводчиком был Ерофей Каржавин, весьма интересная фигура в истории русского Просвещения.¹⁹⁴ Выходец из купцов-старообрядцев, он около 1745 г. порвал со старообрядчеством и самовольно уехал учиться в Париж «для обучения философии и прочим наукам в сорбонской коллегии», как писал впоследствии его брат.¹⁹⁵ Он действительно изучал в Сорбонне философию и юриспруденцию и, овладев в совершенстве французским языком и латынью, стремился посылить способствовать сближению отечественной и передовой французской культуры. К сожалению, из этих его трудов почти ничего не сохранилось.

По возвращении в Россию в 1760 г. Каржавин был определен на службу переводчиком в Коллегию иностранных дел, а впоследствии он сблизился с Собранием, старающимся о переводе иностранных книг, для которого и перевел «Путешествия Гулливеровы». При этом Каржавин опирался на французский перевод Дефонтена «*Voyages de Gulliver*» (1727), весьма популярный во Франции, но далеко не совершенный. Аббат Пьер-Франсуа-Гюйо Дефонтен, в прошлом иезуит, вышедший затем из ордена, обращался весьма вольно с переводимым автором. В предисловии к переводу он обвинял Свифта в грубости, отсутствии вкуса, недостатке остроумия и объявлял свой перевод превосходящим оригинал. Соответственно он изымал все, что, по его мнению, противоречило изящному вкусу, а иногда расширял текст собственными домыслами.¹⁹⁶

Каржавин, как мы отметили, пользовался переводом Дефонтена. Однако сравнение английского, французского и русского текстов показывает, что он систематически восполнял пропуски Дефонтена, а так как английским языком он не владел, то есть основания полагать, что он пользовался и другим французским переводом, более полным и точным, изданным также в 1727 г. в Гааге под заглавием «*Voyages du Capitaine Lemuel Gulliver, en divers pays elloignés*».¹⁹⁷

Перевод Каржавина обладал немалыми художественными достоинствами. Изысканный, жеманный стиль Дефонтена становился под пером переводчика проще и грубее, что приближало его к английскому подлиннику. Воссоздавая эпическое повествование Свифта, Каржавин со спокойной обстоятельностью описывал самые невероятные события и явления, чем передавал характерную особенность свифтовского сатирического гротеска.

«Путешествия Гулливеровы», изданные в 1772—1773 гг.¹⁹⁸ (издание было завершено уже после смерти Каржавина), имели не-

¹⁹⁴ См. о нем: Долгова С. Р. Ерофей Каржавин — автор первого перевода «Путешествий Гулливера» на русский язык: Опыт биографии // Рус. лит. 1978. № 1. С. 99—103.

¹⁹⁵ Пекарский П. Известия о братьях Коржавиных (1753—1760 годов) // Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. СПб., 1872. С. 410.

¹⁹⁶ Goulding S. Swift en France. Paris, 1924. P. 60—71.

¹⁹⁷ Ibid. P. 56—58, 71—72.

¹⁹⁸ Путешествий Гулливеровых книга первая <-четвертая> ... переведена с французского языка на русский Государственной коллегии иностранных дел Переводчиком Ерофеем Коржавиным. СПб., 1772—1773.

сомнительный успех, и в 1780 г. Н. И. Новиков переиздал их в Московской университетской типографии. Через 40 лет, в 1820 г., вышло 3-е их издание, несколько обработанное стилистически и с цензурными изъятиями, которое для путей важности было обозначено как «перевод с английского».

Таким образом в 1760—1770 гг. на русский язык были переведены лишь единичные английские романы. Положение начало меняться в 1780-е гг., когда наряду с произведениями, завоевавшими долговременную мировую славу, начали переводиться литературные однодневки. В известной мере это было связано со своего рода предпочтением английской культуры, постепенно вытеснявшим галломанию в русском образованном обществе в годы царствования Екатерины II.¹⁹⁹ Впрочем, в первой половине 1780-х гг., которую охватывает настоящая глава, таких переводов было еще немного, причем, как правило, они делались на основании французских переводов, а иногда и с немецких.

Так, с немецкого языка была переведена небольшая повесть Джона Хоксуорта (в русском написании того времени — Гавковорта) «Мелисса», изданная Н. И. Новиковым в 1780 г. Повесть эта о судьбе сироты, которая в итоге благодаря родственным связям обретает благополучие, была извлечена из издававшегося Хоксуортом журнала «Искатель приключений» (*The Adventurer*)²⁰⁰ и соответственно отличалась необычайной сжатостью. Показательно, что Болотов, обративший внимание на «Мелиссу», писал о ней: «По чрезвычайной мализны сей книжки не стоила б она, по-видимому, того, чтоб об ней говорить и сообщать какие-либо замечания, но по существу материи своей она того более достойна, нежели иная, вдвое или втрое ее величиною превосходящая».²⁰¹ Отметим попутно, что переводы других подобных повестей Хоксуорта печатались тогда же в русских журналах.²⁰²

Дважды в Москве и в Петербурге переводилось изданное анонимно произведение ныне забытой писательницы Элизабет Бонот «Прогулки г. Франкли, опубликованные его сестрой» (*The Rambles of Mr. Frankley, Published by his Sister, 1773*).²⁰³ Русских переводчиков прельстила, вероятно, сентименталистская настроенность повествования, где «чувствительный» герой, описывающий встреченных им в лондонском Гайд-парке людей, размышляет о суетности городской жизни. Московский перевод был издан Н. И. Новиковым, петербургский был переиздан спустя пять лет после первого издания.

¹⁹⁹ См.: *Simmons E. J. English Literature and Culture in Russia: (1553—1840). Cambridge, Mass., 1935. P. 73—101 (Ch. IV: Anglomania During the Reign of Catherine II).*

²⁰⁰ *The Adventurer. 1752. November 28. No. 7; December 2. No. 8.*

²⁰¹ ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14. Л. 154—154 об.

²⁰² Повесть о Евгении, или Торжество добродетели над честолюбием // Модное ежемесечное издание. 1779. Ч. 1. Январь. С. 29—55 (оригинал: *The Adventurer. No. 64—66*); Флавила, или Жалостное действие легкомыслия: английская повесть. Сочинение Иоганна Гавковорта // Городская и деревенская библиотека. 1782. Ч. 4. С. 283—316 (оригинал: *The Adventurer. No. 123—125*).

²⁰³ Прогуливание г. Франкли. Изданное на английском языке сестрою его / На российский язык перевел Иван Лашкевич. М., 1781. Ч. 1—3; Прогулки г. Франкли. Изданное на английском языке сестрою его / С французского на российский язык перевел... СПб., 1782. Ч. 1—3.

В английской литературе, как и во французской, русских переводчиков привлекала и восточная тематика. Так, в 1780 г. под заглавием «Нуриад» вышел перевод «восточной» повести Френсис Шеридан (матери драматурга Р. Б. Шеридана), названной в оригинале «The History of Nourjahad» (1767), где героем был представлен спящий, просыпающийся раз в пятьдесят лет и наблюдающий окружающие нравы. Повесть была переведена с французского перевода также женщиной — княгиней Екатериной Меншиковой, сочетавшей наблюдения за занятиями своих детей с литературным трудом.

Переводилось и обширное сочинение рано умершего английского писателя Джеймса Ридли «Сказки духов» (The Tales of the Genii, 1764) — подражание «Сказкам 1001 ночи». Пространное русское заглавие, передававшее довольно полно заглавие оригинала, полученное через французский перевод, воспроизводило мистификацию Ридли, который объявлял собственное сочинение за перевод с персидского языка и скрывался под псевдонимом Чарльза Морелла.²⁰⁴

«Восточное» облачение присуще и философской повести «Расселас, принц абиссинский» (Rasselas, the Prince of Abyssinia, 1759) Сэмюэла Джонсона, выдающегося английского критика, лексикографа и эссеиста, чьим именем англичане обозначают период расцвета своей литературы в XVIII в., названный «веком Джонсона» (the age of Johnson). Повесть эта, где герой странствует по свету, стремясь познать смысл жизни, и убеждается в суетности человеческих желаний, сперва попала к русским читателям в неполном виде. Обратившийся к ней Михаил Пермский, один из немногих русских переводчиков, владевший английским языком, поскольку в год выхода повести он служил дьячком русской посольской церкви в Лондоне, вернувшись на родину, сделал сокращенный перевод первой ее половины, который был напечатан без указания автора в журнале Московского университета «Доброе намерение».²⁰⁵ Полный же русский перевод «Расселаса» появился лишь три десятилетия спустя.

4

В русских переводах художественной прозы рассматриваемого периода немецкая литература по числу переведенных произведений явно уступала не только французской литературе, но и английской. Причем происходило это в то время, когда знание немецкого языка было широко распространено в русском образованном обществе и немецкие переводы неоднократно играли посредническую роль при создании русских переводов из английской и других европейских литератур. Вспомним, что даже французский роман Террассона «Сетос»

²⁰⁴ Сказки духов, или Забавные наставления Горамы, сына Асмарова: Сочинение на персидском языке, с которого переведено на аглинский Карлом Мореллом, бывшим прежде посланником аглинских селений в Индии, при дворе Великого Могола. М., 1785. Ч. 1—6.

²⁰⁵ Описание истории абиссинского принца Расселия / Перевел из аглинского журнала с. М. Пермский // Доброе намерение. 1764. Апрель. С. 167—192. См.: Симмонс Д. С. Г. Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги» // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 166—167.

переводился Д. И. Фонвизиним с немецкого перевода.²⁰⁶ Но сама немецкая литература до последней трети XVIII в., когда возникло движение «Бури и натиска», значительно отставала от передовых литератур Европы, и поэтому интерес к ней был сравнительно невелик.

В 1764 г. в типографии Академии наук был выпущен сборник «Сатиры» Готлиба Вильгельма Рабенера. В «предуведомлении», озаглавленном «О злоупотреблении сатир», автор выступал против осмеяния конкретных личностей, называя это пасквилем, и писал, что его сатира, «не касаясь какой-либо особы, не говоря о пороках вообще и смешные оных свойства описывая, с тем намерением их бранит, дабы вложить от оных в сердца человеческих отвращение и зараженных ими людей поправить». «Ею (сатирую. — Ю. Л.) стараюсь я гнать пороки, представлять смешными дурные деяния людские, сделать разумными сограждан своих и щастливыми всех света сего обитателей...»²⁰⁷

Сравнительно умеренная нравописательная сатира Рабенера, почти не затрагивая представителей власти и духовенства, строилась в основном в форме бытовых типических сценок с обобщенными, но в то же время поставленными в конкретную обстановку характерами, и излагалась живым, почти разговорным языком. Эти сатирические сочинения пользовались успехом в Германии и за ее пределами.²⁰⁸ Однако в России они, видимо, особого интереса тогда не вызвали. На титульном листе вышедшей книги значилось: «Часть первая», а в примечании при оглавлении переводчик (им был Я. И. Трусов, ранее переведший «Жизнь и приключения Робинзона Круза») указал, что перевел все четыре части сатир. Но продолжения издания тогда, в 1760-е гг., так и не последовало. Да и в изданной книге были представлены лишь двенадцать из пятнадцати сатир соответствующей части оригинала.

По-видимому, несравненно больший успех выпал на долю вскоре после этого переведенного романа Христиана Фюрхтеготта Геллерта «Жизнь шведския графини Г***» (Ч. 1—2, 1766—1768. — *Geschichte der schwedischen Gräfin von G.*, 1747—1748). Геллерт — крупнейший представитель раннего немецкого просветительства, писатель весьма разносторонний, вскоре приобрел несомненную популярность в России. Начиная со второй половины 1760-х гг. на русский язык переводились его басни, духовные оды и песни, комедии (см. в следующем томе), моралистические лекции, которые он читал в Лейпцигском университете. Роман его — первый значительный роман немецкого Просвещения — был создан с определенной ориентацией на «Памелу» Ричардсона, которой уподобляется героиня — воплощение нравственности и добродетели, стойкая во всех испытаниях судьбы. Геллерт также поднимает тему сословных преград, препятствующих браку. В то же время роману присущи авантюрный элемент и сложные сюжетные коллизии. Графиня, полагая, что ее муж погиб, выходит вторично замуж, но граф, попавший в

²⁰⁶ См. выше. С. 149.

²⁰⁷ Готлиба Вильгельма Рабенера Сатиры. СПб., 1764. Ч. 1. Предуведомление. С. 2, 11—12.

²⁰⁸ См.: Тронская М. Л. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962. С. 32—33.

русский плен, потом возвращается; появляется и его бывшая возлюбленная, не дворянка, имеющая от него детей, которая в свое время отказалась от брака с ним, чтобы не повредить его карьере. В итоге все противоречия разрешаются трогательно-прекраснодушными людьми и роман завершается общей идиллией.

Переводчиком романа Геллерта был Иван Федорович Румянцев, капитан, преподававший фортификацию в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе и возглавлявший тогда типографию корпуса. «Жизнь шведския графини Г***» была его переводческим дебютом, и, переводя, он стремился придать больше «чувствительности» суховатому стилю Геллерта. Вторую часть романа, где говорится о пребывании в Сибири шведских военнопленных, в число которых входил и граф-супруг, удалось напечатать не сразу и с нее были сделаны рукописные копии.²⁰⁹

В 1770-е гг. определенную известность в России приобретают произведения немецкого писателя Иоганна Готлоба Беньямина Пфейля, впоследствии прочно забытые.²¹⁰ Впрочем, имя их автора оставалось и тогда неизвестным, поскольку они были извлечены из анонимно изданного им сборника «Опыт нравоучительных повестей» (*Versuch in moralischen Erzählungen*, 1757), созданный, как и другие произведения Пфейля, в четырехлетний период, когда он изучал в Лейпциге юриспруденцию. Первым оттуда был извлечен роман «Похождения дикого американца» (1773; оригинал: *Der Wilde*) — история двух индейцев, брата и сестры, соединенных супружескими узами, столкновение которых с коварными европейцами трагически разрушает их жизнь. Роман этот был несомненно связан с идеями Руссо, и в то же время Пфейль с ними полемизировал: соглашаясь с противопоставлением развращенных нравов «цивилизованных» европейцев невинности и простодушию патриархальной семьи, автор в то же время утверждал врожденное стремление человека к общественной жизни. Возможно, этот противоречивый «руссоизм» привлек внимание Н. И. Новикова, и он побудил И. И. Богаевского, в то время переводчика Ведомственной экспедиции Академии наук, перевести роман Пфейля и затем издал его «иждивением Общества, старающегося о напечатании книг», которое он организовал в Петербурге, а затем в 1779 г. переиздал в типографии Московского университета. В связи с этим вторым изданием Новиков счел нужным объявить в издававшихся им тогда «Московских ведомостях»: «Сия книга как для чистоты слога, так и для основательности рассуждений, переведена и напечатана была первым тиснением от общества, старающегося о переводе книг».²¹¹ Тем самым книга рекомендовалась читателям.²¹²

В 1775 г. в Петербурге «иждивением книгопродавца К. В. Миллера» также анонимно были изданы отдельными книжками переводы двух повестей из «Опыта» Пфейля: «Ацем, или Мечтающий о своем

²⁰⁹ См.: Пыпин. С. 65—66.

²¹⁰ См.: Рак В. Д. Русские переводы из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля // *Взаимосвязи русской и зарубежной литератур*. Л., 1983. С. 73—99.

²¹¹ Моск. вед. 1779. 24 июля. № 59. С. 8 нумер.

²¹² Об отношении Новикова к Пфейлю см.: Рак В. Д. Русские переводы из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля. С. 88—90.

благополучии человек» (Azem, oder der eingebildete Glückselige) и «Осман, или Гонимая добродетель» (Osman). Поскольку Миллер был ранее пайщиком Общества, старающегося о напечатании книги, которое годом раньше распалось, можно полагать, что переводы были выполнены в окружении Новикова.²¹³ В первой повести о мудреце-отшельнике, покинувшем свое уединение в уверенности, что он способен одержать верх над страстями, и в итоге потерпевшем поражение, развивалась мысль о неспособности человека руководствоваться разумом. Вторая повесть имела авантюрно-любовный сюжет: в ней рассказывалось о трагической судьбе супружеской четы молодых французов, попавших в плен к туркам и разлученных. Обе повести были замечены Болотовым, который их не одобрил. И хотя отзыв об «Ацеме» он начинал словами: «Книжка сия, как ни мала, но содержит в себе много хорошего и достойного чтения», в конце приходил к заключению, что «выдумка» сочинителя «составляет ни что иное, как одну игру мысли и разгоряченного воображения одного вольнодума или натуралиста».²¹⁴ А об «Османи» он сразу писал: «Маленькая книжка сия приумножает собою число самых посредственных и таких маленьких романчиков, которые не стоят почти никакого уважения».²¹⁵

К 1780-м гг. сравнительно широкую известность и популярность в России приобретает выдающийся немецкий писатель-просветитель Кристоф Мартин Виланд.²¹⁶ Еще в 1778 г. в двух журналах, петербургском и московском, появились переводы отдельных глав из моралистических «Диалогов Диогена Синопского» (Die Dialogen des Diogenes von Sinopre, 1770), в которых Виланд излагал исповедуемые им этические принципы, сочетая просветительские и сентименталистские воззрения.²¹⁷ Журнальные переводы из Виланда публиковались и дальше.²¹⁸

Прежде чем вышли в свет русские переводы романов Виланда, он был обозначен как издатель опубликованной анонимно у Н. И. Новикова в 1780 г. «Истории девицы Стернгейм» (Geschichte des Fräuleins von Sternheim, 1772), вследствие чего она подчас приписывалась ему. В действительности же этот роман в письмах в духе Ричардсона и Руссо, в основе которого конфликт высоконравственной героини и светского соблазнителя, принадлежал приятельнице Виланда Мари Софи Ларош. Но Виланд, ознакомившись с ним, значительно его обработал и снабдил предисловием, где разъяснял нравственный смысл романа и, подчеркивая свойственное героине «сие нежное чувство истинного и прекрасного, сие из одного внутреннего источника проистекающее

²¹³ См.: Там же. С. 91.

²¹⁴ ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14. Л. 167, 168 об.

²¹⁵ Там же. Л. 125.

²¹⁶ См.: Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 298—379.

²¹⁷ Разговоры Диогеновы: (Из сочинений г. Виланда). Диоген и Херей // СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Февраль. С. 120—128; Апрель. С. 259—267; Диоген и Бакхид // Там же. Июнь. С. 437—448; Отрывки от разговоров Диогена Синопского: Из сочинений г. Виланда // Утренний свет. 1778. Ч. 3. Август. С. 352—370.

²¹⁸ См.: Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе. С. 306—311.

исполнение каждой добродетели», добавлял: «...и ежели, с одной стороны, целое ее свойство со всеми ее понятиями и доводами не иным чем почесте можно, как сатирию на придворную жизнь и на светское обхождение с людьми; то, с другой, столь же известно, что не можно справедливее и осторожнее нашей героини рассуждать о преимуществах и пороках тех особ, которые движутся в сем блестящем круге». ²¹⁹

Вполне возможно, что именно участие Виланда привлекло Новикова к изданию «Истории девицы Стернгейм», поскольку в следующие годы в его типографии один за другим были изданы переводы трех романов немецкого писателя-просветителя. Переводчиком во всех случаях выступал преподаватель Московского университета и гимназий Федор Исаевич Сапожников, который был, видимо, связан с Новиковым и выпустил у него сборник «Избранные места из лучших немецких писателей для употребления при Имп. Московских гимназиях» (1780). Первым был издан роман «Золотое зеркало, или Цари Шешинские» (Ч. 1—4, 1781 — *Der goldene Spiegel, oder die Könige von Scheschian*, 1772). В повествовании, развернутом на условном восточном фоне, мудрец Данишменд рассказывает повелителю Шешинана шаху Гебелю (в переводе Жебал) историю страны, осуждая дурных правителей и прославляя разумного монарха Тифана, при котором государство достигло полного расцвета. Такой сюжет дал Виланду возможность изложить свои общественно-политические взгляды, утверждавшие просвещение, естественные права и братство людей, осуждавшие деспотизм и рабство. Свой роман он осмыслял как просветительское назидание властителям, облеченное в доходчивую художественную форму и не касающееся конкретных личностей. Он так и писал в предисловии «Издатель к читателю», предпосланном третьей части романа, которое было воспроизведено и в русском переводе: «Ничего нет менее излишнего для великих людей, как дружественное зеркало, в котором они, удалясь от шуму в безмолвное уединение, напоминают себе не только о своих преимуществах и похвальных свойствах <...> но и о всех своих слабостях и недостатках». И далее: «Издатель имел причины стараться достичь до своего общепользнего намерения больше чрез открытие вымышленныя истории, нежели чрез лица и приключения, которые в собственном смысле сделали бы из его книги род новыя истории». ²²⁰

Можно предполагать, что такая направленность романа привлекла к нему внимание Новикова и он побудил Сапожникова взяться за него. Впрочем, в переводе была пропущена глава (ч. 2, гл. 16), в которой рассказывается об упадке государства после смерти Тифана при бездарных его наследниках, и возможно, что ее исключил русский переводчик, опасаясь аналогий с русскими царями после Петра I. ²²¹

В следующем году вышел русский перевод сатирического романа Виланда, озаглавленный «Новый Дон Кишот, или Чудные похож-

²¹⁹ История девицы Стернгейм, выбранная одною ее приятельницею из подлинных писем и других достоверных источников, изданная К. М. Виландом / С немецкого на российский язык переведенная В... И... М., 1780. Ч. 1. С. 7, 15 нумер.

²²⁰ Золотое зеркало, или Цари Шешинские, истинная повесть. М., 1781. Ч. 3. С. 15—17.

²²¹ См.: Данилевский Р.Ю. Виланд в русской литературе. С. 331.

дения дона Силвио де Розалвы» (Ч. 1—2, 1780; оригинал: *Der Sieg der Natur über die Schwärmerey, oder die Abenteuer des Don Sylvio von Rosalva*, 1764). В этом романе писатель осмеивал оторванных от подлинной жизни бесплодных мечтателей, живущих в царстве вымысла, которые жестоко расплачиваются за свои прекраснотушные фантазии при столкновении с реальной действительностью. Разъясняя свой замысел, Виланд ссылаясь (без упоминания авторов) на «Жиль Блаза из Сантильяны» (русский переводчик в соответствующем месте назвал другой роман Лесажа — «Баккалавр Саламанкский»), «Найденыша», «Кандида», «Гаргантюа и Пантагрюэль» — «книги, в которых истина сказывается со смехом, которые с глупости, сумасбродства и плутовства срывают обманчивые их маски, представляют людей со страстями и дурачествами в подлинном их виде, ни увеличивая, ни уменьшая, и стирают с дел их тот лак, коим гордость, обман самого себя и тайные намерения обыкновенно их покрывают...»²²² «Дон Кихот» не был назван Виландом, но заглавие русского перевода подчеркивало непосредственную литературную аналогию, тем более что роман Сервантеса к тому времени уже переводился на русский язык.

Последним романом Виланда, изданным Новиковым, был «Агатон, или Картина философических нравов и обычаев греческих» (Ч. 1—4, 1783—1784; оригинал: *Geschichte des Agathon*, 1766—1767; 2-е изд.: *Agathon*, 1773). Важнейший в творчестве немецкого писателя, это был просветительский «роман воспитания», в котором на более или менее условном эллинском фоне показано формирование человеческой личности под воздействием жизненного опыта и окружающей среды. В предисловии Виланд особо подчеркивал психологическую достоверность своего произведения и утверждал, что в нем «все согласуется с течением света; что свойства не произвольные и образованные только по воображению и намерениям сочинителя, но взятые из неисчерпаемого источника самая природы; в обнаружении оныхя найточнейшим образом удержана как внутренняя, так и относительная возможность, свойство человеческого сердца, природа каждой страсти со всеми особенными цветами и оттениваниями, им приличными, и которые оне получают от характера особ и обстоятельств, в которых оне находятся...»²²³

Вполне вероятно, что именно «Агатон» послужил основой славы Виланда-романиста в России. В напечатанной в самом начале XIX в. статье «О сказках и романах» мы встречаем такое утверждение: «Только те романы производят подлинный прочный интерес, в которых внешние происшествия и переменяющиеся приключения суть не что иное, как средства, имеющие одну общую цель: обнаружить, изобразить *внутреннего человека*. Романы *Фильдинговы, Лесажевы, Виландовы* можно, в сем отношении, поставить в образец».²²⁴ Нетрудно понять, что здесь имеется в виду Виланд — автор «Агатона». Показательно, что этим именем героя романа Карамзин назвал сво-

²²² Новый Дон Кихот, или Чудные похождения дона Силвио де Розалвы. Сочинение г. Виланда. М., 1782. Ч. 2. С. 11.

²²³ Агатон, или Картина философическая нравов и обычаев греческих. Сочинение г. Виланда. М., 1783. Ч. 1. С. 6.

²⁴⁴ Аврора. 1806. Т. 2. № 2. С. 159.

его друга А. А. Петрова и озаглавил посвященный его памяти лирический некролог «Цветок на гроб моего Агатона».²²⁵

Перевод «Агатона» соответствует второму, дополненному изданию романа Виланда. Однако не вполне ясно, что служило Сапожникову оригиналами для его переводов. На титульном листе «Золотого зеркала» указано: «Переведена с французского»; «Новый Дон Кишот» и «Агатон» имеют указание: «Переведено с немецкого». Как установил исследователь, все три перевода достаточно близко передают тексты Виланда.²²⁶ Но русские заглавия двух последних прямо соответствуют заглавиям французских переводов.²²⁷ Поэтому можно предположить, что если Сапожников и работал с немецкими оригиналами, он все же обращался и к французским переводам.

Важным событием в литературной жизни России явилось опубликование в 1781 г. под заглавием «Страсти молодого Вертера» перевода знаменитого романа Гете, который принес ему широкую всеевропейскую известность, — «Die Leiden des jungen Werthers» (1774).²²⁸ Характерно, что О. П. Козодавлев, поэт, а впоследствии видный государственный деятель, создавший первый русский перевод из Гете — трагедии «Клавиго», писал в предисловии к нему: «Сочинитель сей, переведенный мною, трагедии приобрел не только в Германии, но и во всем ученом свете великую славу своими сочинениями. *Страдания молодого Вертера*, сие прекрасное произведение его пера, сравняло его с лучшими немецкими писателями, так как и прочие его творения заслужили весьма великую от всех знающих людей похвалу».²²⁹

Переводчиком «Вертера» был Ф. А. Галченков, учившийся в Академическом университете, а затем служивший в переводческой экспедиции Академии наук. Как установил В. М. Жирмунский, уровень перевода невысокий, стилистический характер подлинника нарушен, и если сентиментальные страницы романа находили кое-какие соответствия в понимании и навыках переводчика, то места, выражающие страстное напряжение чувств, иррациональное восприятие действительности, субъективный индивидуализм, оказались для него труднодоступными, результатом чего явилось стилистическое преобразование и упрощение немецкого оригинала, а иногда и пропуски.

Недостатки перевода были сразу же замечены, и рецензент «Санктпетербургского вестника» (по-видимому, издатель Г. Л. Брайко) писал: «Основание сего романа есть историческое и притом обыкновенное, но воздвигнутое на оном высоких мыслей здание, пленяющее приятностию своею чувства, есть превосходнейшее в своем роде; в Германии приобрело оно зодчию своему, г. Гете, великую честь и славу; — изображение оно на российском языке неверно перепорчено...» Далее рецензент приводил два письма из опубликованного перевода и, указав, что «всякого исправного переводчика должность стараться изобразить мысли сочинителя и сохранить красоту его выражений», противопоставлял им свои переводы соответствующих

²²⁵ Аглая. М., 1794. Кн. 1. С. 6—21.

²²⁶ См.: Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе. С. 329—333.

²²⁷ Ср.: Les Aventures merveilleses de Don Sylvio de Rosalva (Dresde, 1769); Le Nouveau Don Quichotte (Bouillon, 1770); Histoire d'Agathon, ou Tableau philosophique des mœurs de la Grèce (Leide, 1774).

²²⁸ См.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 33—41.

²²⁹ Клавиго. Трагедия г. Гете / Переведена с немецкого. СПб., 1780. С. 3 нумер.

писем, а в заключение добавлял упрек: «Места из Оссиана, видно, в рассуждении их трудности г. переводчик оставил не переведенными», и помещал также свой перевод начала оссиановских «Песен в Сельме», которые в романе переводит Вертер.²³⁰

Тем не менее, несмотря на его несовершенство, перевод Галченкова был переиздан в 1794 г. и затем послужил основой изданного в 1796 г. и объявленного новым перевода, который принадлежал И. И. Виноградову, подправившему весьма незначительно труд своего предшественника. Этот правленный перевод тоже был переиздан в 1816 г.

Переиздания позволяют судить о популярности романа Гете в русском читающем обществе, и эта популярность и воздействие романа засвидетельствованы в русской литературе конца XVIII в.²³¹ Вертер буквально входил в русскую духовную жизнь и быт русского культурного общества, и исходным моментом было чтение романа. Ограничимся двумя примерами. В эпистолярном романе Н. Ф. Эмина «Роза» сестра героини говорит ей: «Вертера знаешь почти наизусть, и без него ни на шаг».²³² А в повести Д. П. Горчакова «Пламир и Раида» чтение «Вертера» оказывается решающим в жизни героев. «Пламир нашел ее за книгою; она читала Вертера, который тогда только лишь вышел <...> Пламир взял книгу и начал читать. Пламенный слог автора получал новую душу в устах Пламира. Все оттенки чувствований были выражены со всею точностию. Пламир находил подлинник сей книги в сердце своем... а сердце выражать умеет».²³³ Чтение заканчивается признанием в любви. Но, как и в романе Гете, Пламир не может соединиться с возлюбленной, отданной другому, и в итоге обретает на поле брани смерть, к которой стремился.

Так через образ Вертера с его трагической судьбой творчество Гете становилось активным действенным моментом в движении русской литературы.

5

Беллетристика других европейских литератур была представлена в русских переводах рассматриваемого периода несравненно меньше не только французской, но и английской и немецкой. Среди создателей этих литератур, по-видимому, наиболее известен был Сервантес как автор «Дон Кихота», причем роман этот неоднократно упоминался в русской печати задолго до появления первого его перевода.²³⁴ Так, еще

²³⁰ СПб. вестн. 1781. Ч. 7. Февраль. С. 138—144.

²³¹ См.: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. С. 41—60.

²³² *Роза*, полусправедливая оригинальная повесть. Сочинения Николая Эмина. СПб., 1798. С. 18.

²³³ *Пламир и Раида*, российская повесть, сочинения к Д. Горчакова. М., 1796. С. 25—26. — О чтении «Вертера» см.: *Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 128—131.

²³⁴ См.: *Алексеев М. П.* Из истории испано-русских литературных отношений XVI—начала XIX в. // *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 49, 63—71; *Умикян А. Д.* Ранние русские переводы Сервантеса (1763—1831): Библиографические заметки // *Сервантес: Статьи и материалы*. Л., 1948. С. 214—234; *Плавский Э. И.* Сервантес в России // *Умикян А. Д.* Мигель де Сервантес Сааведра. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1763—1957. М., 1959. С. 9—11; *Багно В. Е.* Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 285—295.

в 1720 г. в переводном «Рассуждении о оказательствах к миру» переводчик, поясняя содержащееся в основном тексте понятие «донкихотисмо», в примечании сообщал русским читателям: «В книге, называемой Донкисхот, описано фабульное житие гишпанского кавалера, Донкисхот называемого...»²³⁵ и далее вкратце характеризовал содержание романа. На «натуральный» разговор «между скитающимся рыцарем Донкишотом и стремянным его Саншею-Пансою»²³⁶ ссылался В. К. Третьяковский в своем диалогическом трактате «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии...» (1748).

Наконец, Сумароков в упомянутой статье «О чтении романов», осуждая названный жанр в целом, объявлял «достойным» наряду с «Приключениями Телемака» Фенелона и «Донкишота», поскольку, считал он, «Донкишот сатира на романы».²³⁷

Впрочем, первым произведением Сервантеса, появившимся в русском переводе, был не роман его, а одна из «Назидательных новелл», изданная в 1783 г. при Московском университете под заглавием «Две любовницы» (оригинал — *Les dos doncellas*), — трогательное повествование о злоключениях двух юных красавиц, влюбленных в одного юношу, завершающееся, однако, счастливым финалом. Перевод, как и следовало ожидать, был сделан с французского, но в подзаголовке указывался первоисточник: «Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, авктора Дон Кишота». Такой подзаголовок свидетельствует об уверенности переводчика и издателя книги в том, что роман Сервантеса был уже известен русским читателям, хотя бы своим заглавием.

Спустя шесть лет появился и перевод самого романа, озаглавленный «История о славном ла-манхском рыцаре Дон Кишоте» (Т. 1—2, СПб., 1769). Источником опять-таки послужил французский перевод, вышедший в 1678 г. в шести томах и затем неоднократно переиздававшийся.²³⁸ Французский переводчик Филло де Сен-Мартен стремился, как это было принято в его время, приспособить свой текст к французскому вкусу, чем в значительной мере сглаживалась национальная специфика оригинала; к тому же последние два тома были написаны им самим в продолжение романа Сервантеса. Русский перевод был выполнен И. А. Тейльсом, в то время преподавателем немецкого языка, а позднее секретарем совета Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, деятельным литератором из круга Н. И. Новикова.²³⁹ Тейльс довольно точно передавал французский текст, воссоздавал высокую лексику, присущую речам Дон Кихота, вводил просторечную интонацию при изложении некоторых комичных сюжетных ситуаций. В то же время в его переводе проявлялась тенденция к некоторому снижению образов ламанчского рыцаря и его оруженосца.²⁴⁰ К тому же он перевел только 27 глав,

²³⁵ Цит. по: Пекарский. Наука и лит. Т. 2. С. 488.

²³⁶ Третьяковский. Соч. СПб., 1849. Т. 3. С. 301.

²³⁷ Трудолюбивая пчела. 1759. Июнь. С. 374—375.

²³⁸ Русский перевод был сделан по изданию: *Histoire de l'Admirable Don Quichotte de la Manche, traduit de l'Espagnol de Michel de Cervantes*. Amsterdam; Leipzig, 1768. Vol. 1—6.

²³⁹ См. о нем в статье: Привалова Е. П. А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII век, сб. 3. М.; Л., 1958. С. 258—260.

²⁴⁰ См.: Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». С. 294—295.

охватывающих немногим более одной четверти романа; чудачества и сумасбродства Дон Кихота были представлены в этих главах достаточно отчетливо и выразительно, а истинно благородные поступки рыцаря и его конечное просветление здесь отсутствовали.

Такое обращение с романом Сервантеса соответствовало распространенному в русском образованном обществе в эпоху Просвещения представлению о Дон Кихоте только как о несуразном безумце, свихнувшемся на чтении нелепых рыцарских романов. Характерно, например, что С. А. Порошин в цитированном выше предисловии к своему переводу «Философа аглинского...» Прево, противопоставляя полезные и вредные, с его точки зрения, романы, писал, в частности, о последних: «Признаться должно, что чтение таких никоим образом похвально быть не может, кои сложены без всякого намерения, и в коих нет ничего кроме роскошных приключений и соблазнительных описаний, и что ежели на них положить несколько внимания своего и упражнения, то не в долгом времени преизящные качества известного Дона Кишота приобрести можно».²⁴¹ Соответствующее представление о герое романа Сервантеса способствовало возникновению в 1780-е гг. неологизмов: «донкишотство» (1782)²⁴² и «донкишотствовать» (1782).²⁴³ И такое понимание «Дон Кихота», в котором воспринимался лишь пародийный, сатирический аспект романа, продолжалось и в пору расцвета сентиментализма,²⁴⁴ когда ему противопоставлялись «чувствительные» произведения вроде «Истории девицы Стернгейм» или «Страданий молодого Вертера».

В 1781 г. переводы четырех вставных новелл из «Дон Кихота» и «Странствий Персилеса и Сихизмунды» (*Los Trabajos de Persiles y Sigismunda*; опубл. посмертно, 1617), романа, завершеного Сервантесом на смертном одре, появились в двух томах «Новой сельской библиотеки», подготовленных Е. С. Харламовым и представлявших собою перевод первых двух томов французского десяти томного издания сборников новелл такого рода, извлеченных из романов как древних, так и новых.²⁴⁵ Заглавия сервантовских новелл в русском издании, точно воспроизводившие соответствующие французские заглавия, ясно указывали на их первоисточник, причем если ссылка на «Дон Кихота» не требовала обозначения автора, то для «Персилеса и Сигизмунды» он указывался (замечания попутно, что Харламов, не подозревая, что имя во французских заглавиях *Sigismonde* обозначает женщину, перевел его как мужское). Вот эти русские заглавия: «Обманутый ревнивец. Повесть, взятая из приключений Дон Кишотовых»; «Повесть об одном невольнике, выбранная из походов Дон Кихота и повествуемая им самим»; «Приключения младья особы, заключившейся в дупле дуба. Повесть, взятая из Персила и Сигисмунда, романа Кервантова»; «Лжебеснующая. Повесть, взятая

²⁴¹ Философ аглинский, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвеллева... СПб., 1760. Т. 1. С. 7 нумер.

²⁴² «...донкишотства одного из королей северных» (Записки Михаила Гарновского: двор имп. Екатерины II. 1786—1790 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 27).

²⁴³ «Не донкишотствуешь собой» (*Державин Г. Р. Ода к Фелице*).

²⁴⁴ См. ниже. С. 269—270.

²⁴⁵ *Nouvelle bibliotheque de campagne, ou Choix d'épisodes intéressans et curieux, tirés des meilleurs Romans, tant anciens que nouveaux.* Amsterdam, 1769—1775. Т. 1—10.

из Персила и Сигисмунда, романа Кервантова».²⁴⁶ Необходимо добавить, что первая из этих новелл к Сервантесу отношения не имеет, поскольку она была извлечена из шестого тома французского издания «Дон Кихота», который был создан самим переводчиком Филло де Сен Мартеном.

Тогда же, в 1781 г., отдельным изданием в Петербурге вышла еще одна из «Назидательных новелл» — «Ревнивый естрамадурец» (*El celoso estrameño*) — рассказ о драматических событиях, которые последовали за неосмотрительной женитьбой богатого старика на юной девушке, годившейся по возрасту ему во внучки. Перевод был сделан с французского, что указывалось на титульном листе, где ни автор, ни переводчик названы не были. Болотов, не подозревавший, кто был автор, решительно осудил «повесть» «неизвестного французского сочинителя», утверждая, что «в одной приметны повсюду ненатуральности, чрезмерности и такие грубые натяжки, которые слишком уже очевидны».²⁴⁷

Наряду с современной и не слишком удаленной хронологически западной художественной прозой во второй половине XVIII в. в России стали переводиться и древние греческие и латинские романы. Начало было положено опубликованием романа Харитона, древнегреческого прозаика рубежа I и II вв. н. э., «Похождение Кереа и Каллирои» (СПб., 1763). Роман построен на любовной основе: в нем изображены приключения влюбленных, которых непредвиденные обстоятельства разлучают сразу же после свадьбы, и, только пройдя множество испытаний, включающих всевозможные преследования со стороны посторонних лиц, они в итоге обретают друг друга. Подобная любовная структура была свойственна и другим древнегреческим романам, переведившимся на русский язык в последующие годы.²⁴⁸

Все эти романы переводились на русский язык с переводов-посредников. Так, «Похождения Кереа и Каллирои» были переведены с немецкого языка. Перевел их И. И. Акимов, служивший в то время переводчиком Академии наук и фактором (заведующим) Академической типографии, где издавался роман. Акимова связывали дружеские отношения с Г. Ф. Миллером, которому он помогал, переводя материалы для «Ежемесячных сочинений».²⁴⁹

В «Предисловии от трудившегося в российском переводе» Акимов подчеркивал правдоподобие и нравственную настроенность повествования. Он утверждал, что Харитон «так изрядно сочинял басенные повести, что оне во многом с правдою сходствуют <...> а притом такую употреблял умеренность, что почти нигде у него не видно соблазна, так как во многих сего рода, а особливо в нынешних похождениях, находится. Он не приводит читателя в превеликий восторг необычайным каким приключением, ниже в крайнее уныние чрезмерною какою печалию; но единственно держится того, что в самом

²⁴⁶ Новая сельская библиотека, или Отборные повести, важные и любопытные, выбранные из наилучших древних и нынешних писателей, переведенные с французского в остающееся от трудов по должности время в Нове-Городе Е. Х. [СПб.,] 1779. Т. 1. С. 192—223; 1781. Т. 2. С. 70—99, 308—330, 359—380.

²⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14. Л. 165 об.

²⁴⁸ См.: Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 1. С. 237.

²⁴⁹ См. о нем: Семенников. Материалы. С. 9; Словарь писателей. С. 23—24 (автор — И. Ф. Мартынов).

деле возможным быть кажется: чего ради молодые люди для препровождения праздного времени без всякого соблазна читать ее могут...»²⁵⁰

Академический журнал поспешил откликнуться на издание перевода, и в соответствующей рецензии говорилось, что «господин Акимов похвальный труд предпринял, когда сию повесть, подражая примерам других наций, переложил на российский язык, а лучшее то, что при всей приятности происхождения и штиля, ничего соблазненного в ней не примечается...»²⁵¹

Спустя 30 лет роман Харитона был переиздан в Калуге, и хотя на титульном листе утверждалось, что это новый перевод,²⁵² сличение текстов свидетельствует о дословной перепечатке перевода Акимова.

Следующий греческий роман эллинистической эпохи, переведенный на русский язык, принадлежал Гелиодору, писателю III в. н. э., и впоследствии получил название «Эфиопики». В нем рассказывается о любви и драматических приключениях эфиопской царевны Хариклеи и фессалийского юноши Феагена, которые попадают в руки разбойников, подвергаются страшным гонениям, но в финале счастливо соединяются.²⁵³ Переводчик И. К. Мошков преподавал латынь, историю и географию в Морском кадетском корпусе. Соответственно роман Гелиодора он переводил с латинского перевода. Всевозможные служебные перемещения Мошкова после 1769 г., когда была создана первая часть романа, по-видимому, мешали ему заниматься переводом, и опубликование романа растянулось на 10 лет.

Тогда же появился перевод «Любовь Исмены и Исмениаса» (М., 1769), восходивший к роману византийского писателя XII в. Евстафия Макремболита, который воссоздавал сюжетную схему и «языческую» атмосферу греческого романа II—III вв. н. э. Перевод, осуществленный анонимным переводчиком, был сделан с французской переделки П. Ф. Г. де Бошана «Les amours d'Ismène et d'Ismenias» (1743). Попутно заметим, что по этой же переделке Бошана А. П. Сумароков осуществил свой единственный беллетристический опыт «Исмений и Исмена», опубликованный уже посмертно в 1782 г. Н. И. Новиковым.²⁵⁴

Новиков же издал перевод знаменитого романа Луция Апулея, названного в оригинале «Метаморфозы в XI книгах» (*Metamorphosen libri XI*) и впоследствии известного под заглавием «Золотой осел» (*Asinus aureus*). Переводил роман Е. И. Костров — будущий переводчик «Илиады» и «Поэм Оссиана», а в то время еще заканчивавший

²⁵⁰ Похождение Кереа и Каллирои, сочиненное на греческом языке Харитоном Афродийским, а с немецкого на русский переведенное Иваном Акимовым. СПб., 1763. С. 4—5 нумер.

²⁵¹ Ежемес. соч. 1763. Октябрь. С. 374.

²⁵² Славные язычники, или Весьма достойнейшее любопытства приключение Керея и Каллирои, знатнейших сиракузян <...> Переведена вновь и против прежнего издания тщательно исправлена. Калуга, 1793.

²⁵³ Образ невинной любви, или Странные приключения эфиопской царевны Хариклеи и Феагена Фессалиянина, сочинены на греческом языке Илиодором Емессейским, а с латинского на российский переведены коллежским регистратором Иваном Мошковым. СПб., 1769—1779. Ч. 1—2.

²⁵⁴ См.: Егунов А. Н. «Исмений и Исмена», греческий роман Сумарокова // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 135—160.

свое обучение в Московском университете. Возможно, сам Новиков был инициатором перевода, поскольку в его кругах Апулей рассматривался как мистико-аллегорический автор. Перевод, довольно точный, был выполнен Костровым непосредственно с латинского оригинала и снабжен пояснительными примечаниями, почерпнутыми, видимо, из того издания, с которого перевод осуществлялся, и он оставался единственным вплоть до XX в.²⁵⁵

6

Заклячая главу, следует подчеркнуть, что именно в рассматриваемый период оформился поток русской переводной художественной литературы, в частности прозаической, который неуклонно расширялся в последние годы XVIII столетия. Вполне закономерно перед переводчиками вставал вопрос о принципах перевода прозы. Конечно, если учесть разнообразие занимавшихся переводами людей, среди которых было немало лиц совершенно случайных, переведивших, согласно речению, как Бог на душу положит, станет ясно, что необходимость выработки таких принципов понималась далеко не всеми. Тем более что переводческие «критерии», установленные в свое время Третьяковским, были ориентированы преимущественно на переводы стихотворных произведений.²⁵⁶ Художественная проза как жанр не предусматривалась и учением Ломоносова о «трех штилях». В сущности, подходы к переводам художественной и нехудожественной прозы еще не различались. Задача, стоявшая перед переводчиками, и в том, и в другом случае состояла прежде всего в том, чтобы сделать доступным иноязычный текст не знающему того языка русскому читателю.

На эту задачу и соответствующую ей переводческую манеру указывала Е. Р. Дашкова, предваряя публикацию переведенных ею двух моралистических фрагментов: «...читатель, размысли о существе сего сочинения и о намерении, которое я имела в сем переводе, признается, что сколь ни изобилен наш язык, он в сем роде сочинений еще нов, и что переводчик, который желает принести пользу, должен предпочесть ясность витийству». Ибо цель ее состояла в том, чтобы, когда труд ее будет напечатан, *«может быть, из моих сограждан, не умеющий других языков, кто его прочтет и получит понятия, коих он до него не имел»*. Впрочем, тут же она выражала надежду, что в дальнейшем русские писатели разовьют литературный язык и «красоты слога будут безвредно присоединяемы к сочинениям философическим».²⁵⁷

Сложность труда переводчика прозы весьма выразительно и обстоятельно отразил М. И. Попов, плодовитый и многосторонний писатель и переводчик, в предисловии к публицистическому трактату итальянского историографа Л. А. Муратори «Рассуждение о бла-

²⁵⁵ Луция Апулей платонической секты философа Превращение, или Золотой осел / Перевел с латинского Имп. Московского университета бакалавр Ермил Костров. М., 1780—1781. Ч. 1—2.

²⁵⁶ См. выше. С. 106—107.

²⁵⁷ К. Д. Письмо к другу // Опыт трудов Вольного российского собрания при Имп. Московском университете. 1774. Ч. 1. С. 78—80.

годенствии общенародном» (*Della publica felicità, trattato*, 1749), переведенному с французского перевода. Попов писал:

«Всяк из россиян, искусившийся в преложении иностранных книг на наш язык, ведает довольно, что не токмо важные политические наставления, наполненные речениями разных наук, но и самые слабые винословия, несколько красиво написанные, весьма трудно на оный переводить по причине неимения еще у нас хороших словарей, так и потому, как то сказал славный наш драматический вития в своем стихотворном наставлении, что:

Творец дарует смысл, но не дарует слов.²⁵⁸

Посему и я при переводе сея книги находил для себя великие трудности при встречававшихся мне искусственных речениях, которые принужден был или вновь переводить, сообразуясь с их существом и свойством нашего языка, или объяснить краткими примечаниями, или старинные переводы слов наукам вносить в примечания, ежели они не очень употребительны, однако ж понятны для россиян. Стараясь же паче всего о ясности слога и о выражении точных мыслей сочинителя, оставлял иногда и чужестранные слова, давно уже принятые в наш язык, оставляя их перевод до времени любителям российского слова».²⁵⁹

Приведенное автопризнание Попова, его описание встреченных трудностей и способов их преодоления вполне могут быть распространены и на переводчиков художественной прозы, которые в отдельных случаях сталкивались даже с необходимостью снабжать свои переводы объяснительными примечаниями. Так, например, Иван Кудрявцев специально указывал в «предуведомлении» к изданию своего перевода французского романа «Похождения Улисса на острове Эгее» (*Aventures d'Ulysse dans l'île d'Acæaë*, 1752): «Переведши обе части сея книги на российский язык, предприял я снабдить ее, сколько способность моя позволяла, некоторыми нужными примечаниями, для той причины, что наполнена она множеством исторических, географических, баснословных или вымышленных имен, кои не всякому читателю известны, и приобщаю их в конце второй части».²⁶⁰ И это обстоятельство, как мы видим, было специально оговорено на титульном листе книги. Подобным образом действовал и неизвестный литератор, который переводил с французского перевода приписывавшийся генуэзцу Джованни Паоло Марана роман «Турецкий шпион» (*L'Esploratore turco*, 1684) и поместил в конце книги «Изъяснение по алфавиту некоторых турецких и арапских слов, встречающихся в этой книге».²⁶¹

²⁵⁸ Неточная цитата из «Епистолы о русском языке» (1748) А. П. Сумарокова; правильно: «Творец дарует мысль...»

²⁵⁹ Рассуждение о благоденствии общенародном, Лудвика-Антония Муратория... / Преложено с французского перевода Михайлом Поповым. М., 1780. Ч. 1. С. 24—25 нумер.

²⁶⁰ Похождения Улисса на острове Эгее. Сочинения г. Маменя / Перевел с французского языка и снабдил потребными примечаниями И. К. СПб., 1770. Ч. 1. С. 9 нумер.

²⁶¹ Турецкий шпион при дворах христианских государей, или Письма и записки соглядавшего европейские дворы тайного турецкого посланника... / Переведено с французского языка. СПб., 1778. С. 487—488 нумер.

При переводе беллетристической прозы вопрос о стиле в этот период, в сущности, еще не стоял. Он мог возникнуть, правда, в тех случаях, когда переводимое прозаическое произведение приравнивалось к поэтическому. Именно к такому произведению обратился Д. И. Фонвизин, переводивший в конце 1760-х гг. прозаическую поэму «в девяти песнях» на библейскую тему П. Ж. Битобе «Иосиф» (Joseph, 1763). И он счел нужным специально указать в предисловии к переводу: «...мне кажется, что в переводе таких книг, каков „Телемак“, „Аргенида“, „Иосиф“ и прочие сего рода, потребно держаться токмо важности славенского языка, но притом наблюдать и ясность нашего <...> Следовательно, слог должен быть такой, какового мы еще не имеем <...> Итак, главное затруднение состояло в избрании слога. Множество приходило мне на мысль славенских слов и речений, которые, не имея себе примера, принужден я был оставить, бояся или возмутить ясность, или тронуть нежность слуха. Приходили мне на мысль наши нынешние слова и речения, весьма употребительные в сообществе, но не имея примера, оставляя я оные, опасаясь того, что не довольно изобразят они важность авторской мысли».²⁶² В итоге таких трудов перевод Фонвизина приобрел библейскую торжественность и возвышенность, чуждую стилистической простоте оригинала.²⁶³

Подобных исканий у Фонвизина отнюдь не было, когда он переводил упомянутый выше роман Террассона, и в предисловии к переводу он счел нужным сообщить лишь, что «главное имел старание не отступить по возможности от автора и изобразить все его мысли, которыми он старается сделать полезное нравоучение».²⁶⁴

Стремление воссоздать прозу возвышенного стиля могло позднее закономерно возникнуть соответственно предмету перевода у переводчиков, к примеру, творений «велемудрого» философа Платона, или «разглагольствий» архиепископа кесарийского Василия Великого, или других подобных сочинений, и они обычно весьма обстоятельно объясняли причины этого в обширных «предуведомлениях».²⁶⁵

Впрочем, тогда же, в 1780 г., В. А. Левшин, затеявший упоминавшийся выше перевод немецкой «Bibliothek des Romane», писал в примечании к одному из переводов: «Прелагая на наш язык сии немецкие древности, которые в оригинале представлены самым тогдашнего времени наречением: должен я сколько возможно сохранить древнюю литературу: почему читатели да извинят отступление мое от слога нынешнего; ибо следует мне переводить оные литерально, дабы сколько возможно дать понятие, каковыми степенями

²⁶² Фонвизин. Т. 1. С. 443—444.

²⁶³ См.: Серман И. Русская литература XVIII века и перевод // Мастерство перевода: Сб. 1962. М., 1963. С. 344—345. Показательно, что отдельные части «Иосифа», названные в оригинале «книги» (livres), в переводе Фонвизина получили название «песни».

²⁶⁴ Фонвизин. Т. 1. С. 222.

²⁶⁵ См.: Творений велемудрого Платона часть первая предложенная с греческого языка на российский священником Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым... СПб., 1780. С. IX—XIV; Разглагольствия Василия Великого о совершившемся в шесть дней сотворении сего мира... / Преложение с еллинского. СПб., 1785. Ч. 1. С. XVIII—XXI.

вычищались от грубости своей слово-предложения и вкус сочинителей».²⁶⁶

Таким образом здесь уже проявлялась тенденция передачи стилистических особенностей оригинала, которую переводчик И. С. Захаров сформулирует в «Рассуждении о переводе книг» такими словами: «Совершенный перевод долженствует изобразить подлинник с всякою верностию: то есть, претя в себя точный смысл, а паче *образ писания авторского...*»²⁶⁷ Но Захаров писал это в 1787 г., намечая пути дальнейшего развития переводческого искусства, а тогда, в 1780 г., такая тенденция только намечалась.

Даже лучшие русские переводчики художественной прозы 1760—1770-х гг., как правило, к чему-то большему, нежели правильная передача мыслей автора, не стремились. Но когда встречались им какие-либо неудобные для перевода места, они могли поступать по-разному. Иван Сытенский, например, считал, что переводчик не должен допускать отступлений от переводимого текста, и в «предупреждении» к переводу романа Филдинга, выполнявшемуся им, как он писал, «со всякою точностию», счел нужным заметить: «Есть, однако, некоторые места, кои иным читателям не весьма могут быть нравны и которые потщился бы я умягčiti всевозможным образом, ежели бы долг переводчика имел власть дозволить мне оное...»²⁶⁸ Но такое представление о «долге переводчика» разделялось далеко не всеми. Да и самому Сытенскому этот декларируемый «долг» отнюдь не помешал переводить английский роман с немецкого перевода-посредника.

Вообще широко распространенное в рассматриваемый период использование русскими переводчиками переводов-посредников, особенно французских и отчасти немецких, создатели которых стремились согласовать переводимое произведение с нормами своих национальных нравов и вкусов,²⁶⁹ не могло не возыметь своего действия. И в переводческих предисловиях этого времени наряду с заверениями о верности перевода нередко встречались оговорки вроде следующих: «...должен признаться, благорассудительный читатель! что не наблюдал я точности слов оригинала; а держался единственно содержания, по прочтении которого всяк увидит, что есть между прочтчим хорошие наставления на путь добродетели и благочиния»;²⁷⁰ «...в некоторых местах, не отступая от подлинника, я старался в переводе моем несколько поумягчить соблазнительные сии выражения»;²⁷¹ «...хотя я и старался сей греческой повести <...> о любовных происшествиях весьма вольный слог поправить; но не совсем на-

²⁶⁶ Библиотека немецких романов. Ч. 1. С. 44—45.

²⁶⁷ Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ноябрь. Ч. 17. С. 68. (Курсив мой. — Ю. Л.).

²⁶⁸ Деяния господина Ионафана Вилда Великого, писанныя г. Филдингом / Перевел с немецкого Иван Сытенской. СПб., 1772. Т. 1. С. IV, IX.

²⁶⁹ См.: Заборов П. Р. «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII—XIX вв. // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 66—70.

²⁷⁰ [Четвуд В. Р.] Мореплавание и чудные приключения морского капитана Рихарда Фалконера / С немецкого на российский язык перевел С[ергей] Б[абенков]. СПб., 1765. С. 7 неумер.

²⁷¹ Друзья соперники, аглинская повесть сочиненная г. де Саси / Переведена с французского языка на российский Тимофеем Захарьным. СПб., 1779. С. 3.

мерения моего достигнуть мог, опасаясь нарушить порядок повествования и тем лишить его приятности».²⁷²

Как мы видим, старания переводчиков, выраженные в этих признаниях, касались передачи полноты содержания, но не воссоздания авторского стиля. В это время в переводе художественной прозы, которую русские переводчики, как правило, стремились передать по возможности точно, возобладала манера копирования иноязычного текста, воспроизводящая его во всех деталях и даже синтаксическом построении, невзирая на то, что такая передача не всегда соответствовала живой русской речи. В результате выработался некий средний переводческий слог, довольно тяжеловесный и неуклюжий. Приведем для примера отрывок из упомянутой «Ножки Фаншеттиной», повести Ретифа де ла Бретонна, которую А. С. Хвостов перевел, как он признавался, в «праздные часы»,²⁷³ но, согласно проведенному исследованию, достаточно полно и точно.²⁷⁴

«Несмотря на способы, о которых мы говорили, чтоб обогатиться, купец разорился, но прежде еще того жена его родила дочь. Сперва думали, что молодое дитя будет богато, почему и воспитание сходствовало с сею ложною мыслию. Фаншетта (ея имя) была двенадцати лет, когда умерла ее мать, не возможшая пережить разорение своего дома, коему сама она была причиною. На шестнадцатом годе претерпела она еще большее несчастье; отец ея, человек честный, который, однако ж, как и многие другие, не мог противиться своей жене, заболел, почувствовал приближение своей смерти, и оставляя дочь в таких летах, в коих девушки страстям и искушениям подвержены, горько плакал...»²⁷⁵

Тяжеловесность слога перевода становится очевидной при сопоставлении с текстом оригинала:

«Malgré les moyens de fixer la fortune qu'on vient de lire, le marchand se ruina. Mais auparavant sa femme eut une fille. On crut pendant quelques années que le jeune personne serait riche, et son éducation fut conforme à cette fausse idée. Fanchette (c'est son nom) avait douze ans, lorsqu'elle perdit sa mère, qui ne put survivre au désastre de sa maison, qu'elle avait causé. A quinze ans, elle éprouva un malheur plus grand encore: Son père, honnête-homme, mais qui n'avait pu, comme tant d'autres, résister à sa femme, tomba malade: il sentit que sa fin était proche; et sa fille qu'il abandonnait dans l'âge des passions et de la séduction, fit couler des pleurs bien amers».²⁷⁶

Особенно бросается в глаза искусственный язык перевода в речи персонажей. Например, умирающий отец говорит Фаншетте: «Дочь моя, уверь меня, что я пребуду в твоём сердце; ...что ты учредишь свое поведение по моему поучению...»²⁷⁷ Ср. оригинал: «Ma fille,

²⁷² [Тюрбан Ф.] Благоденствия Морфея, любовно-героическая повесть / Перевел с французского языка Карл Нейман. [М.,] 1784. С. 1.

²⁷³ Ножка Фаншеттина, или Сирота французская... С. 3 нумер.

²⁷⁴ См.: Буачидзе Л. С. Ретиф де ла Бретонн в России. С. 102—109.

²⁷⁵ Ножка Фаншеттина, или Сирота французская... С. 16—17.

²⁷⁶ Contes de Restif de la Bretonne: Le Pied de Fanchette, ou le Soulier couleur de rose. Paris, 1881. P. 18—19.

²⁷⁷ Ножка Фаншеттина, или Сирота французская... С. 24—25. (Курсив мой. — Ю. Л.).

assure-moi que je vivrai dans ton coeur... que mes leçons régleront ta conduite...»²⁷⁸

Но в свое время такой русский перевод воспринимался читателями как нормальный и не вызывал возражений. Болотов в своих «Мыслях» даже писал по поводу «Ножки Фаншеттиной»: «Перевод наш довольно хорош и честь приносит переводчику».²⁷⁹ К тому же и оригинальная русская художественная проза этого времени была близка к такому стилю.

Однако понемногу в 1780-е гг. в русских литературных кругах возникает требование, чтобы текст перевода, особенно современного произведения, приближался к живой русской речи. Наглядным примером этого может служить упомянутая рецензия «Санктпетербургского вестника» на «Страсти молодого Вертера», в которой рецензент противопоставлял двум письмам героя в переводе Ф. А. Галченкова свой перевод. Приведем для примера небольшой отрывок из первого письма в двух переводах. Перевод Галченкова:

«Как я доволен, что уехал, любезнейший друг! Как непонятно человеческое сердце! Я тебя оставил! тебя, друга моего и товарища! и могу быть спокоен? Знаю, что ты меня простишь в рассуждении обстоятельств, посланных мне судьбою терзать мое сердце?»

Перевод рецензента:

«Как я рад, что уехал! лучший друг, что за вещь сердце человеческое! Оставив тебя, которого я столь много люблю, с которым я неразлучен был, и быть веселым! я знаю, ты мне сие простишь. Не нарочно ль судьбою избраны были другие мои связи, дабы сердце каково мое смущать?»²⁸⁰

Такая критика, оснащенная образцами для примера, уже предвещала борьбу Карамзина и его соратников за новый стиль русской прозы, оригинальной и переводной. Вообще же благодаря распространению переводов во второй половине XVIII в. роман решительно вошел в русский читательский обиход, а сам этот жанр окончательно утвердился в русской литературе.²⁸¹ Не случайно основоположник, так сказать, «первооткрыватель» русского романа Ф. А. Эмин начал свой творческий путь как переводчик, а романы его создавались по западноевропейским образцам. Показательно, что в созданном на автобиографической основе незавершенном романе Карамзина «Рыцарь нашего времени» (1802—1803) мальчик Леон находит в библиотеке покойной матери и читает одновременно изданные в 1760-е гг. переводные французские романы: «Даира» А. Ж. Ж. Ле Риш де Ла Поплиньера, «Селим и Дамасина» Ле Живр де Ришбурга и оригинальный роман Эмина «Непостоянная фортуна,

²⁷⁸ Contes de Restif de la Bretonne: Le Pied de Fanchette. P. 23.

²⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14. Л. 8.

²⁸⁰ СПб. вестн. 1781. Ч. 7. Февраль. С. 138—140. Ср. оригинал: «Wie froh bin ich, daß ich weg bin! Bester Freund, was ist das Herz des Menschen! Dich zu verlassen, den ich so liebe, von dem ich unzertrennlich war und froh zu seyn! Ich weiß, Du verzeihst mir's. Waren nicht meine übrigen Verbindungen recht ausgesucht vom Schicksal, um ein Herz wie das meine zu ängstigen?» (Goethe. Die Leiden des jungen Werthers: 1. Text. Berlin, 1954. S. 3).

²⁸¹ Серман И. Русская литература XVIII века и перевод. С. 360—363; История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 47—50.

или Похождения Мирамонда»; в этих книгах ему открывается новый мир, и он получает уроки нравственности.²⁸²

А другой ранний русский романист, также начинавший с переводческой деятельности, В. А. Левшин предпослал переводившейся им «Библиотеке немецких романов» декларативное заявление, в котором утверждал: «Романы были первые книги большей части народов. Они содержат вернейшие изображения наших времен, наших обычаев, пороков и добродетелей. Оные суть толико ж нравоучительных картин, где истина скрывается под покрывалом выдумки».²⁸³ Так при посредстве переводов утверждался новый жанр в русской литературе.

²⁸² См.: Карамзин. Т. 1. С. 764—766.

²⁸³ Библиотека немецких романов. Ч. 1. С. 2—3 нумер.

Глава 5

СЕРЕДИНА 1780-х ГОДОВ—1800: СЕНТИМЕНТАЛИЗМ

1

За последние пятнадцать лет XVIII в. — период, сравнительно небольшой по длительности, — значительно возрастает число издаваемых книг, среди которых особенно большое место занимает переводная литература, сохраняющая свою актуальную роль в общем историко-культурном процессе.¹

Заканчивается так называемое «золотое десятилетие» Н. И. Новикова (1779—1789), но именно во вторую половину 1780-х годов его издательская деятельность приобретает особую интенсивность, достигая наивысшего расцвета в 1787—1788 гг.: в 1788 г. изданные Новиковым книги составили 41 % всей русской книжной продукции за этот год.² Преследования Новикова и его арест (1792) нанесли существенный ущерб книжному делу в России, но результаты подвижнического труда просветителя, который, по словам Н. М. Карамзина, «всячески старался приохотить публику ко чтению»,³ продолжали сказываться в течение всего последующего десятилетия. Выросла не только читательская аудитория, но и число литераторов, включая квалифицированных, знающих и любящих свое дело переводчиков.

Известно, с каким вниманием Новиков относился к их работе. По воспоминаниям И. И. Дмитриева, он «поощрял университетских студентов, семинаристов и даже церковнослужителей к упражнению в переводах, печатал их своим иждивением и платя переводчикам с каждого печатного листа условленную цену. Такие выгоды освобождали их от уничижительного притеснения необразованных и корыстолюбивых книгопродавцев».⁴ Часто Новиков заказывал два или три перевода одного и того же сочинения, выбирая для печати лучший. Получить книгу на иностранном языке для перевода литераторы могли в библиотеке новиковского Дружеского ученого общества, в которой насчитывалось к 1792 г. около восьми с половиной тысяч томов. Гонорары за перевод Новиков платил действительно очень вы-

¹ См.: Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода: (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 6—7.

² См.: Семенников. Новиков; Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. Л., 1964. С. 51—61; Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981; Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800. Princeton, 1985. P. 122—134.

³ Карамзин. Т. 2. С. 177.

⁴ Дмитриев. Т. 2. С. 29.

сокие: 10 рублей за лист, в то время как Академия наук — 4—8 рублей.⁵

Самое же главное — Новиков привлек к переводческой деятельности огромное число литераторов, начиная с самых крупных и деятельных (Н. М. Карамзин, В. С. Подшивалов) и кончая безвестными, но внесшими свой вклад в расширение литературных контактов России с другими странами. Многие из тех, кто благодаря Новикову начал выступать в печати с переводами в начале 1780-х гг., в конце 1780—1790-х гг. стали маститыми переводчиками, знакомившими русского читателя с важнейшими зарубежными новинками (М. И. Антоновский, А. Ф. Лабзин, П. А. Пельский и др.).

Новиков переиздавал и книги, выпущенные в 1760—1770-е гг.,⁶ и это тоже необходимо учитывать при характеристике переводной литературы 1780—1790-х гг. Впрочем, это относится не только к новиковской типографии. Подобная же практика существовала и у других издателей, и в типографии Академии наук. Так, например, на протяжении почти всего столетия выходили новые издания книги «Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римского» в переводе С. Волчкова, впервые появившейся в 1740 г. и вышедшей в 1789 г. четвертым изданием, а в 1798 г. — пятым. В 1790-е гг. эта книга продолжала пользоваться большим спросом у покупателей академической книжной лавки.⁷

Хотя деятельность «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» прекратилась в 1783 г., многие его труды продолжали переиздаваться. Новой попыткой централизованной организации переводческого дела явилось учреждение в феврале 1790 г. Переводного департамента при Академии наук. Возглавил этот Департамент, созданный по инициативе Е. Р. Дашковой, профессор Академии А. П. Протасов, который наблюдал за переводом книг и статей с французского, немецкого и латинского языков. Однако по своему содержанию это были преимущественно сочинения научного характера: труды по географии, истории, архитектуре и т. д.⁸

Что же касается переводной беллетристики, то к концу века — как в издательском, так и в переводческом деле — все большее значение стал приобретать и коммерческий фактор, ориентация на читательский спрос.⁹

Значительное число переводных книг было издано «иждивением» содержателей типографий и книготорговцев, надеявшихся таким путем увеличить свой капитал. Но совершенно очевидно, что не только и не столько денежные интересы побуждали к труду самих пере-

⁵ См.: *Шашков С. С.* Литературный труд в России: Исторический очерк // Дело. 1876. № 8. С. 19; *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. С. 163—170.

⁶ См. выше, гл. 4.

⁷ См.: *Зайцева А. А.* Ассортимент книжной лавки Академии наук в конце XVIII в. // Книга и книготорговля в России в XVI—XVIII вв. Л., 1984. С. 142.

⁸ См.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1876. Вып. 3. С. 85; *Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 год.* СПб., 1911. Т. 4. 1786—1803. С. 215.

⁹ См.: *Marker G.* Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia. P. 152—183. См. также рецензию на эту книгу: *Рак В. Д.* Новое исследование по истории издательского дела и книгопечатания в России в XVIII в. // Книга в России. XVI—середина XIX в. Книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С. 182—190.

водчиков, которые порой даже издавали своим «иждивением» переведенные ими книги. Так, например, в рецензии на осуществленный И. С. Захаровым перевод «Странствований Телемака» Ф. Фенелона (СПб., 1786) говорилось: «К похвале г. переводчика надлежит присокупить, что напечатал он сей свой труд на своем иждивении, подарил оный в пользу народных училищ и тем доказал, что не корысть пером его водила».¹⁰ В самой же книге даже не упоминалось, что она издана «иждивением» переводчика.

Активизация переводческой деятельности в последние пятнадцать лет XVIII в. — это процесс, который развивался в России и вглубь, и вширь. С одной стороны, совершенствовался уровень переводческого мастерства, все обдуманнее становился отбор книг для перевода; с другой — переводами все больше занимались не только в Москве и Петербурге, но и в русской провинции, где постепенно создавались самостоятельные культурные гнезда.¹¹

Правда, для созданных типографий не хватало еще материала: приходилось срочно обеспечить их переводами «всякого рода книг». Так, после открытия в 1793 г. типографии в Калуге для переводческой работы были приглашены В. А. Левшин и Н. С. Облеухов, которым платили по 5—6 рублей за лист оригинала. Облеухов обязался переводить по 100 листов в год¹² и весьма бойко переводил то «Записки кардинала де Ретца» (Ч. 1—5, 1794—1796), то книгу В. Бёрдона «Карманный коновал» (1794), то «Разговор откупщика с господином о прямом счастье» (1794). В результате не могло быть и речи о каких-либо литературных достоинствах перевода, о какой-либо заинтересованности переводчика в выборе книги.

Совершенно иной характер имела переводческая деятельность в Тамбове, где типография была открыта в ноябре 1787 г. по инициативе Г. Р. Державина, бывшего в это время тамбовским губернатором. Содержателем типографии стал приятель Державина помещик А. М. Нилов, предводитель дворянства, образованный человек, с уважением и интересом относившийся к переводческому делу. Вместе с Д. Цициановым он перевел с французского книгу А. Перефикса «История короля Генриха Великого...» (Т. 1—2. Тамбов, 1789—1790). Его семья стала своеобразным центром культурной жизни в Тамбове. Жена Нилова Елизавета Корнильевна постоянно занималась переводами,¹³ прихотив к этому и своих сыновей, и вхо-

¹⁰ Зеркало света. 1786. Ч. 1. № 15. 15 мая. С. 344.

¹¹ См.: Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века (Исторический очерк). СПб., 1889; Семенников В. П. 1) Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII-го и в начале XIX веков // Русский библиофил. 1911. № 6. С. 14—39; 2) Библиографический список книг, напечатанных в провинции // Там же. 1912. № 2. С. 47—77; 3) Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX в. и для библиографии книг, в них напечатанных // Там же. 1913. № 7. С. 58—83; Блюм А. В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII—начала XIX в. // Книга. М., 1966. Сб. 12. С. 136—159.

¹² См.: Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции. С. 31.

¹³ В ее переводе с немецкого вышел английский роман «Приключения англичанина Эдуарда Вальсона» (Тамбов, 1790. Ч. 1—2); в переводе с французского — многотомный роман Ф.-Л. Жерара «Граф Вальмонт, или Заблуждение рассудка» (Тамбов, 1793—1796. Ч. 1—2). Последний труд Нилова посвятила своим сыновьям.

жую к ним в дом молодежь. Это и Павел Никифоров, печатавший свои переводы в тамбовской типографии, и Мария Орлова, «питомица» Ниловых, рано оставшаяся сиротой. Совершенно очевидно, что все эти занятия были связаны не с коммерческими целями, а с собственными литературными интересами семейно-дружеского кружка: переводчики выбирали преимущественно историко-публицистические сочинения, а переводчицы — современные сентиментально-нравоучительные романы.

Характерно, что к концу века все чаще указывалось при публикации переводов место, где проходила работа над переводом, а иногда и дата: «В селе Покровском на Рязне» (перевод М. Г. Орловой); «Темниковской округи в с. Богородском, Новое Мансырево тож» (переводы П. Никифорова); «Переведено на берегу Иртыша, 1783 года» (анонимный перевод сочинения Б.-Ж. Сорена «Приключение Софии де Франкфурт». М., 1786) и др. Это отражало осознание значительности своего труда, вызывало интерес читателя не только к сочинению и его автору, но и к переводчику, и к его работе.

Занятия переводами постепенно стали входить в самый быт образованных дворянских семей, причем особое значение это имело для женщин, которые приобщались таким образом к литературному труду. Посвящая Е. К. Ниловой переведенную ею книгу, М. Г. Орлова писала: «... упражнения Ваши в переводах известны многим, известны оне истинным христианам и истинным любителям добродетели». Переводчица упоминала о том, что все время видела свою благодетельницу «на сем поприще пользы и чести» и привыкла находить ее «по окончании домашних дел за книгою, чтением оной или переводом занимающуюся».¹⁴

Далеко не всегда эти переводы предназначались для печати: нередко они были рассчитаны не на публику, а на самый узкий круг близких. Так, например, в семейном альбоме вологодских дворян Брянчаниновых встречается любопытная запись юной Софьи Брянчаниновой: «Читавши Стерна, мне так понравились два письма Елизы к Иорику, что я не могла отказать себе удовольствия их перевести. Пусть прочтет их мать моя и восхитится со мною вместе».¹⁵

Как бы ни были несовершенны подобные опыты, они свидетельствовали о повышении общего интереса к переводной литературе. Одновременно переводчики, даже самые неискушенные, начинали осознавать ответственность своей миссии: перевод — это «поприще пользы и чести», как выразилась М. Г. Орлова.

При всем различии общих литературных позиций русские литераторы 1780—1790-х гг. единодушно признавали, что переводческий труд служит великому делу просвещения, приобщения России к культурным достижениям европейских стран. В своей программной статье «Рассуждение о переводе книг» И. С. Захаров, вскоре проявивший себя как противник «карамзинистов»,¹⁶ писал о необходимости «усыновить <...> России» переводимого автора. «...Любез-

¹⁴ [Ганнинг С.] Аббатство, или Замок Барфордский. Тамбов, 1788. Ч. 1. С. 8 не-
номер.

¹⁵ Мартынов И. Ф. Провинциальные книголюбы XVIII в. // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 138.

¹⁶ См.: Степанов В. П. Захаров И. С. // Словарь писателей. С. 328—331.

ные мои туземцы, — призывал он соотечественников, — подвизайтесь добре! <...> и не престаните являть миру, что народ российский, славный могуществом и добродетельми, толико ж славен есть и в просвещении своем». ¹⁷

Новое отношение к переводческой работе, новое представление о месте переводной литературы в отечественной культуре — все это нашло наиболее глубокое выражение в переводческой деятельности Н. М. Карамзина, его рецензиях, критических статьях, издательских примечаниях. Рецензируя книгу, вышедшую под заглавием «Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии, или Письма Вильгельма Кокса. Аглинское сочинение» (М., 1791), Карамзин писал: «Надлежало бы примолвить, с какого языка переведено сие сочинение. Можно, кажется, без ошибки сказать, что оно переведено с французского; но на что заставлять читателей угадывать? — Некоторые из наших писцов, или писателей, или переводчиков — или как кому угодно будет назвать их — поступают еще непростительнейшим образом. Даря публику разными пиесами, не сказывают они, что сии пиесы переведены с иностранных языков. Добродушный читатель принимает их за русские сочинения и часто дивится, как автор, умеющий так хорошо мыслить, так худо и неправильно изъясняется. Самая гражданская честность обязывает нас не присваивать себе ничего чужого: ни делами, ни словами, ни молчанием». ¹⁸ Эти слова знаменовали начало принципиального разграничения между оригинальной и переводной литературой. Конечно, смешение того и другого, столь свойственное писателям XVIII в., на практике продолжалось еще довольно долго. Более десятилетия спустя писатель и критик А. А. Писарев нашел необходимым отметить, что приведенное высказывание Карамзина «весьма справедливо и полезно». ¹⁹

Далеко не всегда переводчики стремились «присвоить себе чужое»: просто сам по себе вопрос об авторстве по-прежнему еще не для всех представлялся важным. Поэтому и могли возникать такие своеобразные сплавы из оригинальных и переводных глав, как «Почта духов» (1789) И. А. Крылова, включающая переводы из романов маркиза Ж.-Б. д'Аржанса. ²⁰

Правда, взыскательный Карамзин с явным неодобрением относился к соединению под одним титулом переводных и оригинальных сочинений. Показательна в этом отношении его рецензия на книгу П. П. Острогорского «Феатр чрезвычайных происшествий истекающего века...» (СПб., 1790), представлявшую собой собрание занимательных рассказов полупереводного-полуоригинального характера. Не скрывая иронии, Карамзин писал об этой книге: «Она должна быть вместе и сочинение и перевод. *Титул и Храбрость Росса* (название одного из рассказов. — Н. К.) стекла, конечно, с русского пера». ²¹

¹⁷ Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 17. Ноябрь. С. 74.

¹⁸ Московский журнал. 1791. Ч. 3. Август. С. 217.

¹⁹ Северный вестник. 1804. № 8. С. 154.

²⁰ См.: *Разумовская М. В.* «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржанса // Рус. лит. 1978. № 1. С. 103—115.

²¹ Московский журнал. 1791. Ч. 2. С. 88.

Труд подобного же смешанного типа принадлежал и А. Писареву, который выпустил книгу под названием «Переписка двух адских вельмож, Алгабека и Алгамека ...» (Ч. 1—3. М., 1792—1793). В. В. Сиповский не решился причислить это произведение к оригинальным романам, отмечая, что здесь обнаруживаются черты как русского быта, так и французского, включая названия монет, полицейских чинов и т. п.²² На титульном листе «Переписки» обращает на себя внимание явно мистифицирующее читателя указание: «Переведена с арапоеврейского языка грекояпонским переводчиком в 1791000 г.». А. Писареву книга приписывается лишь на основании сведений В. С. Сопикова, но характерно, что сам он не стал себя называть ни автором, ни переводчиком (так же, как и И. А. Крылов в «Почте духов»).

Анонимные переводы, в еще большей степени, чем анонимные сочинения, продолжали оставаться типичным явлением русской литературы конца XVIII в., особенно в периодике. Интересно, однако, что порой уже возникала необходимость объяснить причины этой анонимности. Так, И. И. Мартынов, помещая в своем журнале «Муза» переводную статью «Бодрость и благодеяние одного крестьянина», сделал к ней следующее примечание: «Как лестно было бы для меня объявить имя особы, трудившейся в переводе сей пиесы! но... скромность, когда ее требуют, должна быть священным для меня законом».²³

Нередки случаи, когда имя переводчика или его инициалы означены не на титульном листе, а после посвящения. Это тоже отражало особенность литературного этикета и быта: посвящению стремились придать большее значение, чем самому переводному труду, предпринятому, как чаще всего утверждалось, ради той особы, которой он посвящался. В качестве примера можно привести книгу «Жизнеописание славного англинского министра Виллиама Питта, графа Четамакого. С англинского» (СПб., 1790).²⁴ Перевел эту книгу М. И. Антоновский,²⁵ подписавший посвящение вице-президенту Адмиралтейской коллегии И. Г. Чернышеву. «Украсить именем Вашего сиятельства сей перевод <...>, — заявлял переводчик, — должен по многим причинам. Главнейшие из оных: всем известное во многом, описываемом о сем великом министре, сходство ревностного вашего служения пользе и славе отечества, как и неослабного усердия к Матери оного; — желание Ваше, чтобы я преложил сие описание на российский язык с англинского, в котором мог бы я <...> больше успеть, и та беспредельная признательность к оказанным мне в течение шести лет отеческим больше, нежели начальническим благотворением вашим». Как и во многих других случаях, посвящение здесь тесно связано с содержанием переведенного сочинения: используя давние традиции русской панегирической литературы, М. И. Антоновский не только искусно льстил могущественному И. Г. Чернышеву, но и развертывал перед ним программу деятель-

²² Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 1. С. 697.

²³ Муза. 1796. Ч. 3. С. 25.

²⁴ Первоначально напечатано в «Беседующем гражданине» (1789. Ч. 3. Ноябрь. С. 245—277).

²⁵ См.: Вацуро В. Э. Антоновский М. И. // Словарь писателей. С. 35—37.

ности, уподобляя его «великому народному предстателю», мудрому и бескорыстному министру, радеющему об «общем благе», каким был представлен в книге Питт.

Отсутствие имени автора в переводных сочинениях — явление, как уже говорилось, достаточно обычное и для рассматриваемого периода. Представление, что совсем не важно, кто написал произведение, продолжало бытовать не только в XVIII, но и в первой четверти следующего столетия. «Забудь автора и думай только о том, что говорится в книгах»²⁶ — вот сентенция, во многом объясняющая полное безразличие к имени сочинителя переводчиков и издателей той поры.

Иногда, правда, переводчик демонстративно отказывался назвать автора. Так, П. Шалимов писал в «Предуведомлении» к переведенной им книге, содержащей религиозно-нравоучительные рассуждения: «Нет мне нужды именовать моего автора, которого одно имя доставило бы ему (переводу. — Н. К.) уважение <...> я не следуя некоторым переводчикам романов, которые, поставив в заглавии перевода своего между пышными словами имя автора, всеми силами стараются расхвалить труды его, которые они переводят: будто бы их похвала составит цену их оригиналу и доставит им некоторое участие в похвале сей!»²⁷

Были и такие случаи, когда переводчик, не называя автора прямо, косвенно упоминал его имя, как бы предлагая читателю своеобразную литературную загадку. Весьма любопытно в этом отношении «Известие» В. А. Левшина, предпосланное его переводу книги К. М. Виланда «Зеркало для всех, или Забавная повесть о древних авдеранцах» («История абдеритов»). «...Ведь не я отливал это зеркало, — писал В. А. Левшин, — а только навел на него русскую фольгу, то есть сказать яснее, позамаслил лоск. Однако ж не столько, чтоб нельзя было в него глядеться, а столько, чтоб пустить в глаза туману и чтоб, может быть, сочли это сделье за мое собственное. Сказать истину: очень бы мне сего хотелось! — Но нет! Поверьте, что это не правда. Я чистосердечен. Не все так поступают с авторами: многие, списавши дурную копию с хорошего подлинника, выдают за порождение собственного своего мозгу; в чем и успевают, ибо форма мозгу их ясно на этом выпечатывается. Впрочем, не именовать автора имею я законные причины: во-первых, что, может быть, не выищется простаков, которые сочтут меня за самого сочинителя! Во-вторых, если я удачно снял русскую копию, и без меня узнают, Виландовой ли, Геснеровой ли, иного мастера фабрики это произведение — по пословице: виден сокол и по полету. Когда же не узнают, тем лучше! Грех мой не столько будет важен».²⁸

Нередко переводчик не знал, чье сочинение он переводит и на каком языке написан оригинал. Читателю иногда просто сообщалось, что сочинение представляет собой «перевод» или «перевод с иностранного»: «Странствование и приключения Вартонга, служащие

²⁶ Правила при выборе книг. Перевел с немецкого студент И. Бовин // Казанский вестник. 1821. Июнь. С. 116.

²⁷ Дружеские советы и увещания... М., 1799. С. 1.

²⁸ [Виланд К. М.] Зеркало для всех, или Забавная повесть о древних авдеранцах... Калуга, 1795. С. 3—4 нумер.

глупым для исправления, а разумным для забавы. Перевод» (М., 1796); «Странствующий шарлатан. Перевод с иностранного» (М., 1796); «Три сына Аубовы, нравоучительный восточный анекдот и другие приятные и наставительные повести. Перевод из иностранного» (М., 1797).²⁹ Самое первое требование «гражданской честности», по выражению Карамзина, было здесь соблюдено: обозначено, по крайней мере, что сочинение не является оригинальным. Между тем продолжали появляться книги, представлявшие собой перевод, но об этом по-прежнему даже не упоминалось: «Полезные примеры добродетели для девиц, или Приключения Лилии...» (М., 1795; перевод книги Ш. де Фие де Муи «*La paysanne parvenue ou Les mémoires de madame la marquise de L. V.*»); «Похождение Оронока князя Африканского» (СПб., 1796; перевод романа А. Бен «*The History of Ooroonoko...*» с французского перевода-перделки П. А. де Ла Пласа) и т. п.

Но все-таки большинство изданий уже имело указание на титульном листе: «переведено с французского», «с немецкого», реже — с других языков. Подавляющее число книг, как и в предшествующий период, переводилось с французского: здесь сказались и преимущественное внимание к французской литературе, и распространенность французского языка в русском образованном обществе того времени.³⁰ «Сей модный язык» — так говорил о французском Ф. В. Каржавин, посвящая один из своих переводов некоей «почтенной девице», успешно его изучавшей.³¹ Книги на французском языке уже к середине столетия стали преобладать среди иностранных изданий, ввозившихся в Россию.³² Этими-то книгами и пользовались переводчики в течение нескольких последующих десятилетий. Французскому языку чаще всего принадлежала также роль посредника при знакомстве русских читателей с произведениями античной литературы, английской и итальянской.

Анализируя данные о публикации учебников в 1780—1790-е гг., Г. Маркер обращает внимание на значительное число как французских, так и немецких грамматик, выпущенных в этот период, отмечая одновременно эпизодичность появления учебников английского, итальянского, греческого и польского языков.³³

Обучение иностранным языкам, в первую очередь французскому и немецкому, давно уже стало неотъемлемой частью образования. С этим связано и издание книг с параллельным текстом на нескольких

²⁹ В другом, более раннем переводе этой же книги было указано, с какого языка она переведена: Нравоучительная повесть о трех татарских государях, сынах Аюб-хана... / С французского на российский язык переведенная Васильем Новиковым. СПб., 1784.

³⁰ См.: Заборов П. Р. «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII—XIX вв. // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 64—85.

³¹ Кораблекрушение на Индийском море и возвращение из Индии в Европу капитана д'Кеарни. Перевод с французского [Ф. В. Каржавина]. Включено в книгу: [Плейстид Б. и Элиот Дж.] Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии... СПб., 1790. С. 170.

³² См.: Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. (Из истории международной книготорговли). Л., 1988; см. также выше. С. 155.

³³ Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia. P. 197.

языках. Неудивительно, что даже перевод сказок Ш. Перро появился с параллельным французским текстом — издание, имевшее и собственно литературный, и учебный характер: «Повести волшебные с нравоучениями, на российском и французском языках, сочиненные господином Перольтом для детей» (М., 1795). Если раньше подобные издания были сравнительно редки, то теперь это стало достаточно распространенным явлением, причем лингвистический диапазон постепенно расширялся. Переиздание книги Яна Амоса Коменского «Видимый мир, на латинском, российском, немецком, италийском и французском языках» (М., 1788; 1-е изд.: М., 1768) рекомендовалось читателям в «Московских ведомостях», где говорилось, что эта книга «российскому юношеству вместо словаря на пяти языках служить может».³⁴ Подобные издания свидетельствовали о том, что немецкий язык действительно в это время привлекал интерес наравне с французским: можно назвать такие «треязычные» книги, как «Собрание любопытства достойных предметов для юношества...» Ф. Ю. Бертуха (СПб., 1796; перевод Ф. В. Каржавина); «Правила и нравоучительные изречения. Подарок для детей» А. Вицмана (СПб., 1798).

Популярность того или иного языка в известной степени отражала и популярность соответствующей литературы. Характерно, например, что воспитывавшийся в немецком пансионе И. Шадена Карамзин очень высоко ценил литературу Германии и, восхищаясь творчеством Виланда, писал: «Если французы оставили, наконец, свое старое худое мнение о немецкой литературе (которое некогда она в самом деле заслуживала, то есть тогда, когда немцы прилежали только к сухой учености или эрудиции) — если знающие и справедливейшие из них признаются, что немцы не только во многом сравнялись с ними, но во многом и превзошли их: то конечно произвели сие отчасти Виландовы сочинения, хотя и не весьма хорошо на французский язык переведенные (правда, все несравненно лучше, нежели на русский)».³⁵

Как и французский, немецкий язык тоже часто играл роль посредника по отношению к английским, а иногда даже и французским сочинениям. Английский же язык представлял для многих переводчиков большие трудности. Подтверждает это и такой любопытный штрих: переводчики, приглашенные в связи с открытием новой типографии в Калуге, получали по пять рублей за лист с французского, немецкого и итальянского языков и по шесть рублей с английского.³⁶

Тем не менее к концу века заметно укрепилась русско-английские культурные контакты,³⁷ заметно вырос и интерес к литературе Англии. Помимо многочисленных опосредованных переводов, все больше стало появляться переводов с английского.³⁸

³⁴ Моск. вед. 1788. № 55. 8 июля. С. 512.

³⁵ Московский журнал. 1791. Ч. 3. Кн. 2. С. 177.

³⁶ См.: Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции. С. 31.

³⁷ См. ниже. С. 268, примеч. 256.

³⁸ См.: Cross A. G. «S angliinskago»: Books of English Origin in Russian Translation in Late Eighteenth-century Russia // Oxford Slavonic Papers. 1986. New Series. Vol. 19. P. 62—87. Здесь же библиография переводных сочинений английского происхождения (1741—1800).

Отдельные переводчики обращались к латинским и греческим оригиналам, очень редкие — к книгам, написанным на итальянском, испанском, польском, армянском и других языках. Правда, указывая, с какого языка переведена книга, переводчики иногда вводили читателя в заблуждение. Так, например, книга под названием «Поизмятая роза, или Забавное похождение прекрасной Ангелики с двумя удалцами. Перевод с италианского» (СПб., 1790) в действительности являлась переводом с французского издания, а переводчик, добросовестно скопировав титульное название, не считал нужным упомянуть о том, что его непосредственным источником был французский текст.

Однако, несмотря на подобные случаи, все заметнее стремление переводчиков к точности в указании, с какого языка они переводят. Нередко отмечалось, что книга переведена с «подлинника» или же «с того языка, на котором писана». Все чаще назывался язык и оригинала, и посредника. Взяв книгу в руки, читатель мог сразу же проследить путь ее создания и узнать, скажем, что она «сочиненная на англинском языке <...> с которого переведена на французский <...> а с сего на российский».³⁹

Переводчики стали обращать внимание не только на язык оригинала, но и на то, с какого именно зарубежного издания осуществлен перевод. Так, переводчик книги под названием «Подземелье, или Матильда» (М., 1794) (произведение английской писательницы С. Ли) упомянул: «...сочиненное на аглинском языке мисс Софию Лею, с аглинского по двенадцатому изданию переложено на французский, а с французского на российский». Литератор, выпустивший в Смоленске в 1796 г. перевод знаменитой «Памелы» С. Ричардсона, считал необходимым указать: «Англинское творение г. Ричардсона. Переведено с французского нового и полного издания».

Иногда автор сочинения назывался, но с какого языка оно переведено — об этом не говорилось, например: «Жизнь отца моего. Сочинение Ретифа де ла Бретона» (М., 1796); ряд переводов из сочинений Ж. П. К. Флориана и др. Можно полагать, что имя автора, уже хорошо известного русскому читателю, должно было служить ориентиром, и само собой разумелось, что перевод сделан с французского языка.

Все заметнее к концу века проявляется интерес к имени «сочинителя». Одно из замечательных подтверждений этому — перевод И. С. Захарова «Путешествие Гумфрия Клинкера» (СПб., 1789) Т. Д. Смоллета. В немецком издании, к которому обратился русский переводчик, имя автора не было указано. Тем не менее Захаров, «желая знать творца сей книги, дабы услужить таковым открытием почтенным <...> соотечественникам», взялся разыскать «аглинский подлинник». В результате этих поисков было установлено, что книга «писана творцом Родерика Рандома». Здесь-то и подстерегала русского переводчика, взявшегося за филологические разыскания, неожиданная ловушка. За год до выхода перевода Захарова появилась книга под на-

³⁹ [Итчболд Э.] 1) Простая история, или Жизнь девицы Милнер и опекуна ее г. Доррифорта... [Пер. М. Копьева.] М., 1794. Ч. 1—2; 2) Жизнь девицы Матильды, служащая продолжением Простой истории... [Пер. М. Копьева.] М., 1794. Ч. 1—2. См. также: Обманутое дружество, или Письма графа Сент-Иулиана, переведенные с англинского на французский, а с сего на российский язык. М., 1795; Торжество супружеской любви над злосчастиями ... Сочинение Ксенофонта. Перевод с греческого на французский, а с сего на российский язык В... П... М., 1795; и др.

званием «Похождения Родрика Рандома, сочиненные г. Фиелдингом. Переведены с аглинского языка на французский, а ныне с оного на российский» (М., 1788). В издании была повторена ошибка, допущенная во французском переводе, где вместо Смоллета автором был назван Филдинг. Гордый своей находкой, Захаров невольно повторил ошибку и «не усомнился» поставить в первой части своего перевода «имя сего знаменитого писателя». Что произошло далее, переводчик описывает в предисловии ко второй части своего труда: «Но когда вышел первый оного том из печати, многие искусные в словесности аглинской оспаривали, что творец Гумфрия не Филдинг, а Смоллет. Возражение сие заставило меня паки отыскивать моего автора, не полагаясь уже на слова <...> и напоследок нашлось во Всеобщей Немецкой библиотеке, в 22 томе, на 535-й странице, что сочинитель Гумфрия Клинкера есть действительно Доктор Смоллет, где и рецензия книге его с великою ему похвалою напечатана».⁴⁰ Во 2-й части Захаров поставил имя истинного автора и весьма достойно вышел из положения, обратившись к читателям со следующими словами: «Сим объяснив перемену имени творца моего перевода, уповаю, что благоразумные читатели не вменят мне в тяжкий грех такового заблуждения; и может быть с вящим благоволением примут признание мое, нежели бы похвалили малое рачение в уведомлении их о точном имени сочинителя или упрямство, узнав оное, утаивать от них в том токмо намерении, дабы явиться непогрешительным».⁴¹

Все чаще переводчики стремились не только назвать имя автора, но и упомянуть о его известности, его авторитете. Нередко фамилия «сочинителя» сопровождается эпитетом «славный», т. е. прославленный: «Афинаида, исторический отрывок. Творение славного Арнода», т. е. Ф.-Т.-М. де Бакюляра д'Арно (М., 1794); «О благополучии. Из Путешествия юного Анахарзиса, сочинение славного Бартеlemi» (СПб., 1798) и т. д.

В предисловиях иногда давались развернутые характеристики и автора, и его сочинения. Так, переводчик «Истории абдеритов» К. М. Виланда писал: «Имя Виландово славно во всей Германии. Острое, умное и забавное перо его понравилось тамошней публике. <...> Дарование его веселить и купно наставлять, тонкое и глубокое познание человеческой природы и примечательный его дух ясно представится глазам читателя и в сем сочинении».⁴²

Нередко, как и в европейской литературе, автор рекомендовался читателю по его книгам, переведенным ранее. Так, лучшей рекламой роману С. Ричардсона служило следующее заглавие: «Английские письма, или История кавалера Грандиссона, творение г. Ричардсона, сочинителя Памелы и Клариссы» (СПб., 1793—1794; перевод А. Кондратовича).⁴³

⁴⁰ Путешествие Гумфрия Клинкера, творение доктора Смоллета / Перевод с немецкого И. Захарова. СПб., 1789. Ч. 2. С. 3—4 нумер. Захаров ссылается на журнал «Allgemeine Deutsche Bibliothek».

⁴¹ Там же.

⁴² История абдеритов, сочиненная Виландом / Переведена с немецкого М. Гавриловым. М., 1793. Ч. 1. С. III.

⁴³ Этому переводу предшествовали издания: «Памела, или Награжденная добродетель» (СПб., 1787) и «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов» (СПб., 1791—1792; перевод Н. Осипова и П. Кильдюшевского).

Русские переводчики начинали осознавать свою причастность к культурной жизни Европы. Помещая в журнале «Муза» перевод знаменитого сочинения Ж. Лабрюйера «Характеры», И. И. Мартынов заявлял: «Сочинение ла Брюйера, известное во всем ученом свете, давно имело право на российские умы». ⁴⁴ Ф. О. Туманский, рецензируя книгу «Оправдание графа де Каллиостро по делу кардинала Рогана...» (СПб., 1786), начинал свою статью так: «Дело, обратившее на себя внимание всей Европы, от просвещенной российской публики не может быть принято равнодушно». ⁴⁵ Откликаясь на второе издание перевода книги Дж. Локка «О воспитании детей» (1788), рецензент отмечал: «Не можно достойно восхвалить сего сочинения г. Локка, принятого всеми европейскими нациями за наилучшее в роде творений, относящихся до воспитания детей». ⁴⁶

Итак, ощущая свою отечественную словесность частью общеевропейской культуры, русские переводчики стремились сделать достоянием читателей прежде всего наиболее «славные» произведения, получившие повсеместное признание. Обобщая опыт собратьев по перу, В. С. Подшивалов сформулировал одно из важнейших переводческих правил эпохи. Ставя кардинальный вопрос: «Что переводить надлежит?», он отвечает: «Переводить надлежит таких писателей, которые всеми за лучших почитаются». ⁴⁷ Отвергаются не только «худые», но и «посредственные». В то же время характерно, что Подшивалов, соратник Карамзина, придает большое значение личным интересам и вкусу переводчика: «...всякий должен избирать такие (сочинения. — Н. К.), которые ближе к его намерению». ⁴⁸

По переводческим предисловиям, рецензиям, отдельным высказываниям можно составить представление о том, как в этот период понимались основные цели и задачи перевода. По-прежнему одним из важнейших критериев при выборе книги оставалась ее полезность. Обращалось внимание на познавательное значение сочинений, посвященных самым разным темам. «Если переводимые книги, — писал Ф. О. Туманский, — имеют своим предметом общественную пользу; если переводчик, приемля на себя труд преложения, хочет оказать услугу читателям; если книги переводятся для того, чтобы не знающие языка чуждого могли пользоваться открытиями наук и наставлением ученых на языке отечественном, то в таком случае надобно, чтоб число переводчиков умножалось...» ⁴⁹ Подобная установка благоприятствовала появлению переводов сочинений, содержащих полезное или — как выражались литераторы того времени — «вкусное нравоучение», т. е. приятное, доставляющее удовольствие. ⁵⁰

Переводчик М. Сонцов предпослал своему труду «Предупреждение», в котором высказал достаточно типичные для своего времени идеи. «Нравственность сего творения, — писал он, — одобряет тот труд, хотя сам по себе и маловажный, который я предпринял <...>

⁴⁴ Муза. 1796. Ч. 1. С. 35.

⁴⁵ Зеркало света. 1786. Ч. 2. № 21. 12 июня. С. 70.

⁴⁶ Моск. вед. 1788. № 85. 21 октября. С. 766.

⁴⁷ [Подшивалов В. С.] Сокращенный курс русского слога, изданный А. Скворцовым. М., 1796. С. 37.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Зеркало света. 1787. Ч. 4. № 64. 19 марта. С. 191—192.

⁵⁰ См.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. (Въх — Воздувать). Л., 1987. С. 191.

Намерение сочинителя лево в издании в свет столь трогательной и живыми красками написанной картины гнусных пороков и слабостей человеческих было, думаю, то, чтоб представив поползновенному на все юношеству пагубные следствия оных, возродить в нем, ежели можно, хотя некоторое отвращение от оных и удержать его стремительность. Равномерна и моя цель была в предприятии сего малого труда. Сколь много бы мы были счастливы, если бы всегда согласовались с намерением издателей нравственных творений, изображенных под различными видами; когда бы все прочитанное нами на нас действовало сообразно хорошему наставлениям, преподаваемым честными путеводателями слепой молодости». ⁵¹

Обосновывая необходимость перевода той или иной книги, рецензенты уже не сводили весь вопрос лишь к пользе извлекаемого из нее нравовучения. Одним из немаловажных достоинств стала считаться новизна. Рекомендую публике переведенный с французского языка сборник анекдотов и афоризмов «Разумная беседа, или Собрание важных, острых и замысловатых изречений» (М., 1788), рецензент говорил о книге: «Читатель найдет в ней многое для удовольствования своего любопытства и чего он в других подобных сему собраниях не находил». ⁵²

В теории и практике русского сентиментализма сохраняет свое значение знаменитая формула Горация о соединении полезного с приятным. Заметим, однако, что в названии журнала В. С. Подшивалова — П. А. Сохацкого «Приятное и полезное препровождение времени» (1794—1798) выдвигается уже на первый план «приятное», что отражает установку на «приятность», характерную для нового направления в целом.

Соответственно переводимые книги начинают цениться за их «чувствительность», «нежный слог», «изящество» перевода. Большое внимание этим вопросам уделяет Подшивалов в специальном разделе своего «Сокращенного курса российского слога» — «О переводе с иностранных языков на российский». Заботясь о передаче «не столько слов, как прямого смысла своего подлинника», Подшивалов придает первостепенное значение слогу переводчика, который должен, по его мнению, дать представление об индивидуальности автора: «Надлежит, сколько возможно, удерживать всю приятность, живость или нежность, слог, правильность и стройность своего подлинника, дабы чрез то переводимый автор всегда виден и познан быть мог». ⁵³ Здесь находят продолжение стилистические искания М. Н. Муравьева, который еще в 1770-е гг. проявил нетрадиционный подход к проблеме слога, а в 1790-е гг. высказал смелую для своего времени мысль о том, что «в переводе, как в чистом зеркале, не только красоты, да и погрешности видеть должно». ⁵⁴

⁵¹ [Арни де Гервиль]. Кандидантор, или Греческий путешественник. Повесть, содержащая в себе редкие и любопытные приключения / Переведена с французского языка М. Сонцовым. М., 1796. С. 1—II.

⁵² Моск. вед. 1788. № 55. 8 июля. С. 511.

⁵³ [Подшивалов В. С.] Сокращенный курс российского слога. С. 39. См. также: Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода. С. 18.

⁵⁴ Муравьев М. Н. О переводах (ГПБ. Ф. 499. № 39. Л. 65). Также см.: Фоменко И. Ю. М. Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 60—61.

Показательно, что к концу века увеличивается число переводов одного и того же произведения — они предпринимаются во второй, в третий раз, а иногда и более. Еще в 1781 г. Муравьев писал сестре: «...издание книги не есть никому запрещение переводить ее, если она нравится, еще столько раз, сколько угодно».⁵⁵ Важнейшим побудительным мотивом повторного перевода была неудовлетворенность предшествовавшим, стремление к совершенству переводческого мастерства. Кроме того, определенную роль играла и популярность той или иной книги.

Так, в России конца XVIII в. большим спросом пользовалось собрание анекдотов о Петре I, собранных Я. Я. Штелином и изданных в Лейпциге в 1785 г.⁵⁶ Уже в 1786 г. в Петербурге появился перевод этой книги, осуществленный Т. П. Кирияком, переизданный в следующем, 1787 г.; одновременно в Москве вышел перевод К. Рембовского, выдержавший четыре издания (1786, 1787, 1789, 1793). «Новый перевод», выпущенный неизвестным переводчиком в 1788 г., был встречен самым лестным отзывом на страницах «Московских ведомостей», где, в частности, говорилось: «Распространяться здесь в одобрении сего сочинения, благосклонно российской публикою принятого, было бы излишне, но долг справедливости требует, чтобы не умолчать о доброте и изяществе сего нового перевода, который от прежних сея книги переводов отличается чистотою и красотою преложения, не выпуская ничего из подлинника и вообще имеет в себе все достоинство, требуемые от трудов сего рода».⁵⁷ Такие похвалы, возможно, способствовали продолжению соперничества переводчиков, и в 1793—1800 гг. появилось двухтомное издание этих же анекдотов, «вновь переведенных» «с прибавлением многих других на российском языке не изданных анекдотов».

Важными критериями оказываются и полнота, и точность перевода, и его «изящество». У некоторых — наиболее одаренных литераторов — постепенно возникает представление о невозможности достигнуть желаемого идеала в переводе. «Совершенство удаляется от глаз наших, — тонко заметил Карамзин, — по мере нашего к нему приближения — сие пребудет истиною в морали, в искусствах, и в самом искусстве переводить».⁵⁸

Отношение к переводческой деятельности как к школе литературного мастерства, во многом свойственное писателям предшествовавшего периода, сохраняется до самого конца столетия. Но теперь все более широкое распространение приобретает взгляд на перевод как на искусство, а не ремесло, — искусство, требующее не меньшего таланта, чем собственное литературное творчество.

Интересно в связи с этим признание И. И. Мартынова в его «Записках»: «Когда-нибудь, может быть, сделают вопрос, почему я больше занимался переводами и составлением словарей, нежели

⁵⁵ ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 262. Л. 51—52.

⁵⁶ *Stählin J. Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Leipzig, 1785.* С небольшими сокращениями эта книга была переиздана: *Stählin J. Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Herausgabe und Bearbeitung des Textes von U. Lehmann. Leipzig, 1988.* Первый русский перевод: Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом <...> собранные <...> Яковом Штелином. СПб., 1786.

⁵⁷ Моск. вед. 1788. № 62. 2 августа. С. 569—570.

⁵⁸ Московский журнал. 1791. Ч. 1. Февраль. С. 247.

сочинениями. Конечно, что-нибудь и я мог бы написать. Но, во-первых, я никогда не любил своих сочинений, не почитал их полезными столько, сколько переводы известных иностранных писателей...»⁵⁹ Вспоминая о своем сотрудничестве в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), мемуарист с удовлетворением говорит лишь о своем переводном труде: «...достойно только внимания сочинение г-на Попе О человеческой жизни; а из сочинений прозаических и стихотворческих почти ни одно не нравится мне».⁶⁰

Можно проследить, как в высказываниях Подшивалова все выше и выше оценивается значение переводного труда. Заклучая свой журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований», издатель отвечал читателям, упрекавшим его в малочисленности публикуемых оригинальных сочинений: «Сочинения вообще требуют много времени, требуют зрелости в литературе, до которой мы еще не достигли. И так хороший перевод до известного времени может быть лучше всякого сочинения нашего».⁶¹ Позднее, помещая в своем следующем издании «Приятное и полезное препровождение времени» перевод из Л.-С. Мерсье, осуществленный Е. П. Свиньиной, Подшивалов сопроводил его следующим примечанием: «Хороший перевод, искусно выбранный и обработанный, стоит иногда сочинения; но почтенная переводчица известна и по своему авторству».⁶² Наконец, в своем «Сокращенном курсе российского слога» писатель уже со всею определенностью заявлял: «А хороший перевод требует часто более прилежания и искусства, нежели собственное сочинение».⁶³

Рекомендуя для чтения «книги, к основательному познанию российского языка много способствующие», автор «Курса» называет не только оригинальные сочинения, но и «хорошие переводы», а именно: «Бильфельдовы политические наставления, Кировы путешествия, Разорение Перуанской империи, Жизнь египетского царя Сифа, первые томы Квелеланда, влюбленный Роланд, Жизнь маркиза Г*, Боссюэтов разговор с дофином о всеобщей истории и многие другие, в числе которых главное место занимает перевод с греческого всего церковного круга...»⁶⁴

Как видно из этого перечня, Подшивалов называет переводы, появившиеся преимущественно в 1760—1770-е годы и осуществленные разными переводчиками, среди которых и А. А. Барсов, и Д. И. Фонвизин, и И. П. Елагин. Характерно, что книги рекомендуются по заглавиям, а имена ни авторов, ни переводчиков почти не упоминаются: читателю проще было разыскать книгу по названию.⁶⁵

⁵⁹ Мартынов И. И. Записки // Заря. 1871. № 6. С. 98.

⁶⁰ Там же. С. 89.

⁶¹ Чтение для вкуса. 1793. Ч. 12. С. 247—248.

⁶² Приятное и полезное. 1795. Ч. 8. С. 232.

⁶³ [Подшивалов В. С.] Сокращенный курс российского слога. С. 37.

⁶⁴ Там же. С. 33.

⁶⁵ Перечень Подшивалова включает следующие издания: [Бильфельд Я. Ф.] Наставления политические. [Перевод Ф. Шаховского и А. А. Барсова]. [М.,] 1768—1775. Ч. 1—2; [Рамзай Э. М.] Новое Кирионаставление, или Путешествия Кировы... / Перевел А. Волков. М., 1765; 2-е изд. под загл.: Новая Кириопедия, или Путешествия Кировы... [Перевод исправлен по английскому подлиннику С. С. Бобровым]. М., 1785; *Мармонтель Ж.-Ф.* Инки, или Разрушение Перуанской империи / Перевела М. С[ушкова]. М., 1778; 2-е изд. М., 1782; [Террассон Ж.] Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского... / Перевел Д. Фон Визин. М., 1762—1768; 2-е изд. М., 1787—

Позднее Карамзин в «Пантеоне российских авторов» (1802), выделяя несколько «эпох» в формировании русского литературного слога, первую связал с именем Кантемира, вторую — с именем Ломоносова и особую «третью эпоху» счел возможным начать «с переводов славянорусских господина Елагина и его многочисленных подражателей». Одновременно Карамзин смотрит на эту эпоху как на пройденный этап, противопоставляя ей четвертую, начинаемую «с нашего времени», в которое образуется «приятность слога».⁶⁶ Совершенно очевидно, что здесь имеется в виду не только оригинальная, но и переводная литература конца 1780—1790-х гг., в развитие которой продолжают вносить свой вклад крупнейшие русские писатели того времени во главе с самим Карамзиным.⁶⁷ Признанный автор «Бедной Лизы», «Натальи, боярской дочери», «Писем русского путешественника» и других снискавших ему славу произведений, он не только не прекращает своей переводческой деятельности, но на исходе столетия берется за своего рода итоговый труд в этой области — «Пантеон иностранной словесности» (Кн. 1—3. М., 1798), для которого переводит «иное для идей, иное для слога».⁶⁸

Таким образом, переводная литература до самого конца века оказывается неотъемлемой частью отечественной словесности и языковой культуры. Эта литература деятельно участвует в процессе выработки «нового слога», противоборствуя тенденциям к архаизации языка,⁶⁹ и одновременно несет новые идеи, созвучные тем, которые волнуют в это время русскую интеллигенцию.

2

В связи с заметным количественным ростом печатной продукции и общим развитием литературы в конце столетия переводная проза становится все более разнообразной и в жанровом отношении. Конечно, при этом сохраняются основные тенденции, характерные для предшествовавшего периода. Беллетристика в собственном смысле слова по-прежнему тесно соприкасается с публицистикой, с сочи-

1788; [*Прево д'Экзиль А.-Ф.*] Философ аглинский, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева... СПб., 1760—ок. 1785. Т. 1—9 (первые два тома переведены С. А. Порошиным); 2-е изд. СПб., 1791; [*Боярдо М. М.*] Влюбленный Роланд. [Перевод Я. И. Булгакова]. СПб., 1777—1778; 2-е изд. СПб., 1799; [*Прево д'Экзиль А. Ф.*] Приключения маркиза Г..., или Жизнь благородного человека, оставившего свет. [Перевод И. П. Елагина и В. И. Лукина]. СПб., 1756—1765. Ч. 1—6; 2-е изд. СПб., 1793. Ч. 1—8; *Боссюэ Ж.-Б.* Разговор о всеобщей истории. [Перевод В. Наумова]. М., 1761—1762. Т. 1—3. Об этих переводах см. выше в гл. 4. Говоря о «переводе с греческого всего церковного круга», Подшивалов имел в виду многочисленные переводы на русский язык сочинений «святых отцов»: Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста и др.

⁶⁶ Карамзин. Т. 2. С. 162.

⁶⁷ См.: *Кафанова О. Б.* Карамзин — переводчик. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 1981.

⁶⁸ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 92.

⁶⁹ См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры. «Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва // Ученые записки Тартуского университета. 1975. Вып. 358. С. 205—206. (Труды по русской и славянской филологии. Т. 24).

нениями, посвященными истории и философии. Так же трудно, а порой и невозможно разграничить роман и повесть, повесть и анекдот — можно лишь условно говорить о крупной или малой прозаической форме. Закономерно, что с подобным же явлением приходится иметь дело исследователям оригинальной русской беллетристики, прослеживающим историю отечественного романа или повести.⁷⁰

Одной из важных особенностей переводной литературы конца века оказывается заметное сокращение временного интервала, отделяющего появление перевода от публикации оригинала. Переводы произведений, созданных в предшествующие века, становятся уже явлением достаточно редким. Но если раньше, как правило, русский перевод осуществлялся спустя несколько десятилетий после выхода книги в Европе, то теперь все чаще этот промежуток стал сокращаться до пределов десятилетия, а в ряде случаев интервал стал составлять всего три-четыре года, а порою даже меньше, особенно если иметь в виду периодику.

Вместе с тем, учитывая значительное число переизданий, можно констатировать, что переводная проза в последние пятнадцать лет XVIII века охватывает большой хронологический период. Произведения далекого прошлого (начиная с античности), с которыми знакомились русские читатели конца столетия, входили, однако, в иной контекст и потому приобретали новое звучание, новый общественный и художественный смысл. Это особенно заметно при обращении к переводному политико-философскому роману и повести.

* * *

События Великой Французской революции, оказавшиеся важнейшей вехой в европейской политической жизни конца XVIII в., во многом определили и пути развития русской переводной литературы этого времени. Не говоря уже о непосредственном отражении этих событий в русской печати,⁷¹ следует напомнить, что сочинения европейских писателей, идейно подготовивших революцию, давно вызывали в России большой интерес (произведения Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Д. Дидро, Л.-С. Мерсье, Ш.-Л. Монтескье, Г.-В. Мабли, К.-А. Гельвеция и др.). Ранее осуществленные их переводы способствовали росту гражданского самосознания того поколения литераторов, которое выступило в интересующий нас период. Отечественная проза и публицистика, по-своему использовавшие опыт европейской литературы, решают ряд важнейших политических и социальных вопросов с последовательной бескомпромиссностью, проявившейся наиболее ярко в революционной книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

Процесс Радищева, а затем Новикова (1792), официальная реакция на французские события, общее ужесточение цензурных ус-

⁷⁰ См.: *Серман И. З.* Зарождение романа в русской литературе XVIII века // История русского романа. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 47—65; *Степанов В. П.* Элементы жанра в беллетристике XVIII века // Русская повесть XIX века. Л., 1973. С. 35—50.

⁷¹ См.: *Гудзий Н. К.* Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944; *Штранге М. М.* Русское общество и Французская революция. М., 1956.

ловий в последние годы правления Екатерины II, а затем во времена Павла — все это сказалось на судьбах переводной литературы.

Таким образом, как ни краток рассматриваемый период, следует различать в его пределах два этапа. Хронологическим рубежом между ними условно можно считать 1791—1792 гг. Предшествовавшие пять-шесть лет отличаются нарастающей радикальностью переводимых сочинений. Затем события во Франции оказывают существенное воздействие на правительственный курс. Екатерина II откровенно заявляет о том, что «ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии». ⁷² В январе 1793 г. речь идет уже о «прекращении сообщения с Францией по случаю казни короля Людовика XVI». ⁷³

Неудивительно, что в такой ситуации не суждено было осуществиться замыслу М. И. Веревкина перевести «Энциклопедию» Дидро—Д'Аламбера, о котором он писал Г. Р. Державину в 1792 г. ⁷⁴ В то же время в 1790-е гг. выходят многочисленные переводные памфлеты, направленные против революции и ее виднейших деятелей. Так, в одном сочинении, переведенном с немецкого, Национальное собрание было названо «шайкой обогащенных разбойников». ⁷⁵ Здесь же говорилось, что «бешеные защитники народной вольности <...> столько зла <...> посеяли». ⁷⁶

Как правило, русские переводчики не только не смягчали антиреволюционную направленность подобных сочинений, но, напротив, старались ее всячески усилить. В 1793 г. «иждивением» некоего Б. С. под названием «Публичная и приватная жизнь Гонория Гавриила Рикетти, графа Мирабо» был напечатан перевод книги «*Vie publique et privée de Mirabeau*», изданной в Париже в 1791 г. ⁷⁷ Французский трибун предстал здесь как «изверг человечества», в сочинениях которого «не столько защищаемы были народные права, сколько сей же самый народ возбуждаем был против власти, против законов, против министров и духовенства, описанных весьма худыми и неприличными красками». ⁷⁸ Этого всего русскому переводчику показалось недостаточно, и он внес свою лепту, предпослав книге стихотворную надпись, не имеющую аналогии во французском издании:

Над Мирабо суд прав Небесный совершился,
То было бедствие, что он на свет родился.
Он умер — вот лишь что услугой должно счесть,
Какую только мог он обществу принести.

Очень скоро после появления оригинала вышел перевод с немецкого издания «*Anekdoten und Charakterzüge aus dem Leben Ludwigs des*

⁷² Грибовский А. М. Воспоминания и дневники. М., 1899. С. 29.

⁷³ Там же. С. 51.

⁷⁴ См.: Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1869. Т. 5. С. 789, 797.

⁷⁵ Ах! Как вы глупы, господа французы! / Перевел с немецкого языка <...> И... В... М., 1793. С. 110.

⁷⁶ Там же. С. 157.

⁷⁷ В «Свод. каталоге» (Т. 2. С. 486. № 5748) название оригинала приведено неточно.

⁷⁸ Публичная и приватная жизнь Гонория Гавриила Рикетти, графа Мирабо... М., 1793. С. 61.

XVI. *Nach dem Französischen*» (Berlin, 1793—1795) — книга «Достопамятные деяния и свойства души Людовика XVI, короля французского, с описанием его кончины» (Ч. 1—2. СПб., 1793—1795; переведены три первых выпуска). Переводчик счел нужным еще и в предисловии сказать об «отеческой любви к подданным», характерной для короля, и о «чрезвычайных злодеяниях и зверской неблагодарности его подданных».

Подобные переводы осуществлялись, как правило, литераторами, поддерживавшими правительственную политику по отношению к Французской революции. Однако страх перед террором и разочарование в ее результатах привели к известному «поправению» и многих писателей, ранее настроенных более радикально.⁷⁹

И все-таки насущные политико-философские проблемы, волновавшие русских читателей, постоянно занимали видное место и в переводной литературе 1790-х годов. Из этих проблем одной из важнейших оставался вопрос о верховной государственной власти, о выборе формы правления.

Даже в тех суровых условиях, в которых оказалась к концу века русская печать, с помощью переводов литераторам удавалось привлекать внимание своих соотечественников к сочинениям европейских авторов, высказывавших идеи достаточно независимые, а порой и крамольные, с официальной точки зрения.

Даже переиздания переводов, опубликованных в предшествующий период, приобретали новый общественный смысл. Достаточно целенаправленно в этом отношении действуют Новиков в Москве и П. И. Богданович в Петербурге.

Так, Новиков своим «иждвением» печатает в 1785 г. третьим изданием знаменитую книгу Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизер», переведенную Екатериной II и ее приближенными во время путешествия по Волге в 1767 г. и изданную в 1768 г. (2-е изд. — 1773).⁸⁰ Русские литераторы с восхищением зачитывались этой книгой, в особенности переведенной самой императрицей девятой главой, которая, по словам И. И. Дмитриева, «вся <...> дышит либерализмом, ненавистью к ласкателям и самовластью».⁸¹ За восемнадцать лет, разделяющих первое и третье издания «Велизера», очень многое изменилось в политике Екатерины II, постепенно отказывавшейся от своих либеральных начинаний. Многие фразы, которые когда-то с гордостью выводила рука коронованной переводчицы, оказывались теперь весьма некстати и оборачивались против нее самой. «Монарх есть тот, который любимее»,⁸² — говорилось в книге. Но почти теми же словами завершалось «Рассуждение о неперемennых государственных законах» Д. И. Фонвизина, выражавшего взгляды не только Н. И. Панина, но всей дворянской оппозиции, возлагавшей надежды

⁷⁹ См.: *Лотман Ю. М.* 1) Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803) // Ученые записки Тартуского гос. университета. 1957. № 51. С. 122—162; 2) Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Ученые записки Тартуского гос. университета. 1965. Вып. 167. С. 3—32. (Труды по русской и славянской филологии. Т. 8); *Кислягина Л. Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785—1803 гг.). М., 1976.

⁸⁰ См. выше. С. 166—167.

⁸¹ *Дмитриев. Т. 2.* С. 153.

⁸² *Мармонтель Ж.-Ф.* Велизер. 3-е изд. М., 1785. С. 119.

на Павла Петровича, который в это время стал самым опасным для Екатерины II претендентом на престол: «...вопросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим».⁸³

И совсем уже как издевка над окруженной фаворитами государыней звучала фраза Велизера: «Просвещенный, правосудный и мудрый государь <...> любимцев не имеет».⁸⁴

Именно новиковское издание вызвало беспокойство у Амвросия (А. Н. Серебренникова), архиепископа Казанского и Свияжского, который нашел эту книгу, содержащую деистические идеи, «слову божию противной». Но и запрещать «Велизера», переведенного когда-то самой императрицей, было бы, конечно, нелепо, и духовная цензура в этом случае поступила вполне благоразумно, дав согласие на продажу романа.⁸⁵

Так книга Мармонтеля продолжала участвовать в русской литературной жизни вплоть до конца столетия. Другой ее перевод, осуществленный П. П. Курбатовым и впервые появившийся в 1769 г. под названием «Велисарий», был трижды переиздан Академией наук: в 1786, 1791 и 1796 гг.⁸⁶ Совершенно очевидно, что переиздания 1780-х гг. не прошли мимо внимания А. Н. Радищева, у которого в «Путешествии из Петербурга в Москву» обнаруживаются многочисленные параллели с романом Мармонтеля, несмотря на все различие политических позиций обоих писателей.⁸⁷

Среди переизданий, предпринятых в конце 1780-х—начале 1790-х гг., особого внимания заслуживают сочинения Вольтера, интерес к которому достигает своего апогея. Именно в это время развертывает свою деятельность И. Г. Рахманинов.⁸⁸ Этот самый замечательный русский «вольтерьянец» XVIII в. совершенствует свои переводы, сделанные несколько лет назад, и, в частности, готовит «новое, исправленное издание» философской повести «Микромегас» (СПб., 1788), подвергая довольно существенной правке свой текст, опубликованный в 1784 г.⁸⁹ К рассматриваемому периоду относятся и наиболее значительные издания, предпринятые Рахманиновым: «Собрание сочинений г. Вольтера, служащее продолжением прежде изданного перевода под названием Аллегорических философических и критических его же сочинений» (Ч. 1—3. СПб., 1785—1789; 3-я часть включала новую редакцию перевода «Микромегаса») и первые тома «Полного собрания всех доньше переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений г. Вольтера» (Козлов

⁸³ Фонвизин. Т. 2. С. 267.

⁸⁴ Мармонтель Ж.-Ф. Велизер. С. 133.

⁸⁵ См.: Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. С. 128—129.

⁸⁶ См. выше. С. 167.

⁸⁷ См.: Шарышкин Д. М. Радищев и роман Мармонтеля «Велисарий» // XVIII век.

Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 166—182.

⁸⁸ См.: Мартынов Б. Ф. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962; Полонская И. М. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера // Труды Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1965. Т. 8. С. 126—162; Заборов. С. 75—78; Рак В. Д. Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журнал «Утренние часы» // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 83—126.

⁸⁹ Аллегорические философические и критические сочинения г. Вольтера / Переведены с французского языка И. Р. СПб., 1784. С. 75—118.

<Казинка>, 1791. Ч. 1—3). Это издание включало переводы не только самого Рахманинова, но и других литераторов, в частности Н. Е. Левицкого, который опубликовал в конце 1780-х годов сборники: «Из сочинений г. Вольтера. Смесь, содержащая статьи философические, нравоучительные, аллегорические и критические» (СПб., 1788) и «Всячина из сочинений г. Вольтера» (СПб., 1789). В эти издания входили многочисленные сатирические произведения французского писателя, которые приобретали в условиях русской общественной жизни особенно злободневный смысл. Так, и у Левицкого, и у Рахманинова был помещен перевод статьи «De l'horrible danger de la lecture». В 1788 г. статья появилась под названием «Муфтиево запрещение о чтении книг»; в 1791 г. она была озаглавлена «Запрещение турецкого Муфтия о чтении книг». Здесь говорилось о владыке, который всеми средствами готов был воспрепятствовать распространению истинных представлений о правосудии и любви к отечеству и запретил читать книги, «чтоб не поселилась когда-либо нечаянно какая разумная мысль в здешней столице».⁹⁰ Если вспомнить, что статья печаталась в годы, непосредственно предшествовавшие публикации радищевского «Путешествия», и сразу же после ареста автора крамольного сочинения, то можно понять, как некстати теперь для Екатерины II оказалось обращение ее соотечественников к сочинениям фернейского мудреца.

Неудивительно, что и на Рахманинова обрушились репрессии — пусть не такие жестокие, как на Радищева, но заставившие его почти в самом начале прервать свое замечательное издание. Все это значительно охладило энтузиазм русских переводчиков-«вольтерьянцев». Правда, переиздания некоторых переводов продолжали еще появляться. Так, в 1792 г. вышло переиздание перевода П. И. Богдановича «Человек в 40 талеров» («L'Homme aux quarante écus»), в 1795 г. — 3-е издание перевода И. Л. Голенищева-Кутузова «Задиг, или Судьба» («Zadig, ou La Destinée») и «Свет каков есть, видение Бабука, писанное им самим» («Monde comme il va. Le vision de Babouc»).

Отмечая, что единственный новый перевод из Вольтера появился лишь в «Санкт-Петербургском Меркурии» (1793), П. Р. Заборов вполне справедливо называет последнее десятилетие XVIII в. «одной из самых мрачных эпох в истории русского Вольтера».⁹¹ Однако переводы, осуществленные в 1780-е — в начале 1790-х гг., оказали существенное воздействие на развитие русской прозы того времени. Достаточно, например, вспомнить, насколько актуальной для России конца столетия была идея «естественного человека».⁹² Вольтеровский «Гурон, или Простодушный» («Huron, ou L'Ingénu») в переводе Н. Е. Левицкого (СПб., 1789) органично вливался в общее русло русской сатирико-философской прозы 1790-х гг. При всех различиях, существовавших между воззрениями Крылова и Вольтера или

⁹⁰ Полное собрание <...> сочинений г. Вольтера <...>. Козлов <Казинка>, 1791. Ч. 2. С. 249.

⁹¹ Заборов. С. 79, 86.

⁹² См.: Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 89—98.

Радищева и Вольтера, в произведениях этих авторов нередко возникали удивительные «созвучия», свидетельствовавшие, может быть, не столько о непосредственном влиянии французского писателя, сколько о той филиации идей, которая характерна для эпохи в целом. Присущее Простодушному обыкновение говорить то, что он думает, — черта, которая получала в соответствующем контексте глубокое общественное значение. Эта черта по-своему варьируется в сатирической прозе Крылова, по-своему она соотносится и с одной из излюбленных идей Радищева, который еще в оде «Вольность» заявил: «Вещаю то, что мыслю я», а затем вернулся к этой формуле через несколько лет в «Песни исторической».

Антиклерикальный пафос вольтеровских повестей нашел сравнительно небольшой отклик в русской литературе, что проявилось даже в сокращении отдельных отрывков и фраз, касающихся религии в переводе «Простодушного», осуществленном Н. Е. Левицким.⁹³ Конечно, здесь можно предполагать оглядку на цензуру. Но нельзя упустить из вида и то обстоятельство, что для многих русских читателей и переводчиков Вольтера его наиболее резкие антиклерикальные выпады были действительно неприемлемы.

Карамзин одобрял Вольтера за то, что «он распространил сию взаимную терпимость в верах, которая сделалась характером наших времен, и наиболее посрамил гнусное лжеверие, которому еще в начале осьмого-надесять века приносились кровавые жертвы в нашей Европе».⁹⁴ Однако здесь же русский писатель делал существенную оговорку: «Но я не могу одобрить Вольтера, когда он от суеверия не отличал истинной христианской религии ...».⁹⁵

В России Вольтер получил широкое признание не столько как противник религии вообще, сколько как противник религиозного фанатизма. Показателен в этом отношении интерес русских литераторов к известному делу Каласа. В 1788 г. в Петербурге появилась переведенная Е. В. Рознотовским книга «История сокращенная о смерти Жана Каласа и о Каласах вообще, с приобщением к тому разных писем, представлений и проч. из творений г. Вольтера», выпущенная «на счет переводчика». Замечательное совпадение: в том же году и тоже своим «иждивением» П. И. Богданович выпустил отдельным изданием свой перевод с английского «Достоверное сказание о смерти Марка Антония Каласа и о следствии и казни отца его Иоанна Каласа за мнимое убийство своего сына» (СПб., 1788), напечатанный ранее в «Новом Санктпетербургском вестнике» (1786. С. 163—180). Этот интерес переводчиков к истории невинно осужденного католиками протестанта Каласа был связан с борьбой русских литераторов против церковного догматизма, обострившейся в конце 1780-х гг.⁹⁶

Отголоски высказываний Вольтера против фанатизма слышались и в других переводных сочинениях. Так, в многотомное издание «Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусского»,

⁹³ См.: Заборов. С. 61.

⁹⁴ Московский журнал. 1792. Ч. 7. Кн. 2. С. 185.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ См.: Мартынов И. Ф. Книгоиздатель, литератор и библиограф XVIII века Петр Иванович Богданович // Книга. Исследования и материалы. М., 1970. Сб. 21. С. 97—98.

явившееся результатом труда нескольких переводчиков, было включено «Предисловие к Вольтеровой Генриаде», где, в частности, говорилось: «Просвещенные веки, зревшие науки во цвете, не имеют примеров ни браням за веру, ни браням междуусобным». ⁹⁷ Эта созвучная Вольтеру мысль получала развитие в другой статье Фридриха II, входящей в это же издание: «...всяк верит тому, что кажется ему вероятным. Можно принудить бедного простачка произносить определенную формулу, на которую не дает он внутреннего согласия; следственно, гонитель ничего не выигрывает. И ежели войдем к началу обществ, то увидим, что государь не имеет никакого права над образом гражданских мыслей <...> Как скоро позволено всякое богослужение, так скоро все спокойны». ⁹⁸

Показательно, что в этот период заметно повышается интерес к различным вероисповеданиям. М. И. Веревкин сделал перевод с французского «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета ...» (СПб., 1790), а А. В. Колмаков — с английского «Ал Коран Магомедов ...» с приложением «Описания жизни лжепророка Магомеда» в переводе П. С. Андреева (Ч. 1—2. СПб., 1792). Последнее из названных изданий было отмечено весьма сочувственной рецензией Карамзина. Он писал: «Книга, которая в большей части света почитается священной и божественною, достойна нашего любопытства <...> Не менее достойна любопытства и жизнь такого человека, который учредил новую религию и сообщил оную многочисленным народам за небесное откровение». ⁹⁹

Глубоко присущее Карамзину неприятие любых догм, отвращение к нетерпимости и фанатизму заставили его сказать свое слово в защиту французских энциклопедистов и осудить «антифилософический иезуитский журнал, который, подобно черной молниеносной туче, метал страшные перуны на Вольтеров и на Д'Аламбертов и грозил поглотить священным огнем все произведения ума человеческого». ¹⁰⁰ Это заступничество за Вольтера приобретало особый смысл в момент, когда уже явно означился перелом в отношении к французскому писателю и его сочинениям.

В это время появилась книга «Изобличенный Вольтер» (СПб., 1792) Т. С. Борноволокова, который, возможно, опасаясь критики со стороны вольтерьянцев, счел необходимым указать в предисловии: «Книжка сия, мною издаваемая, не есть мое сочинение, а собрание и перевод, следственно, и критике я не подлежу». Далее нападки на Вольтера уже не сопровождались подобными оговорками и сделались достаточно часты и интенсивны. ¹⁰¹

При осуждении безбожия Вольтера смыкались интересы и официозной печати, и деятелей русского масонства, проявлявших известное свободомыслие по отношению к догматам церкви, но воинственно осуждавших неверие как таковое. Поэтому широкий поток переводной религиозно-философской литературы, сократив-

⁹⁷ Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусского. СПб., 1790. Т. 6. С. 128.

⁹⁸ Там же. С. 71. Статья «Опыт о родах правлений и о должностях государей».

⁹⁹ Московский журнал. 1792. Ч. 8. Кн. 2—3. С. 332.

¹⁰⁰ Там же. С. 318—319.

¹⁰¹ См.: Заборов. С. 79—82.

шийся после разгрома новиковского кружка, очень скоро вновь набирает силу. Не имея возможности анализировать эти сочинения, часто тесно связанные с вопросами морали и потому имеющие непосредственное влияние и на развитие переводной беллетристики, отметим лишь, что в ряде подобных изданий продолжалась борьба с «мнимыми мудрецами», т. е. французскими вольнодумцами и их сторонниками.¹⁰²

Рубеж, столь четко обозначившийся в отношении к Вольтеру, естественно, прослеживается и в обращении русских переводчиков к другим европейским писателям Просвещения. Так, наибольший интерес к публицистике Л.-С. Мерсье тоже проявляется в конце 1780-х годов. Перевод сочинения Мерсье «Философ, живущий у хлебного рынку» («Le Philosophe du Port au Bled»), осуществленный И. И. Дмитриевым, был издан П. И. Богдановичем трижды: в 1786, 1787 и 1792 гг., не считая журнальной публикации. М. А. Дмитриев допустил хронологическую неточность, датировав этот перевод своего дяди 1777 г. — годом рождения великого князя Александра Павловича. По словам мемуариста, перевод «принят был с большим вниманием, как размышление о судьбе, ожидающей порфирородного младенца».¹⁰³ Ошибку нетрудно понять: очевидно, появившийся позднее русский перевод упорно связывался в сознании современников с продолжавшей занимать умы проблемой воспитания царского наследника. В сущности, эта проблема оставалась актуальной в России на протяжении всего века. В данном случае программа, предначертанная Мерсье, была достаточно широкой и смелой. Французский автор советует царственному ребенку читать «историю о республиках», обращаясь к нему с такими словами: «...менее ли ты будешь от того силен, что хотя единожды приклонишь слух свой к свободному и республиканскому гласу? Он должен быть таковым для удобнейшего тебя просвещения».¹⁰⁴ Среди рекомендуемых авторов — Плутарх, Руссо, Рейналь. Чтение их произведений — политическая школа, необходимая для справедливого и мудрого правителя. Советуя наследнику заниматься серьезным чтением, автор приходит к следующему заключению: «...взоры твои чрез сие простое средство опустятся даже до самых низких состояний, кои в чертогах твоих совсем бывают забвенны; ибо они суть потаенные корни, питающие гордые листья, коими превозносится древо, ими осененное».¹⁰⁵ В этих словах нетрудно найти параллель известной басне И. А. Крылова «Листы и Корни».¹⁰⁶ Мимо его внимания едва ли мог пройти перевод Дмитриева, издававшийся и переиздававшийся в Петербурге как раз в те годы, когда там же будущий баснописец начинал свою журналь-

¹⁰² См., например: Торжество Нашей веры над неверующими и вольномыслящими / Преложено с иностранного языка <...> архимандритом Иринеем. СПб., 1792; Картина всемогущества, премудрости и благодати божия... / Преложено с немецкого подлинника, пополнено примечаниями и издано С.М.Г<ромовым>. СПб., 1796; 2-е изд., исправленное и увеличенное. СПб., 1798; и др.

¹⁰³ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 114.

¹⁰⁴ [Мерсье Л.-С.] Философ, живущий у хлебного рынку. СПб., 1786. С. 22.

¹⁰⁵ Там же. С. 19.

¹⁰⁶ В. Ф. Кеневич рассматривал басню «Листы и Корни» как отклик на обсуждение крестьянского вопроса при Александре I. Такое толкование убедительно, но отмеченная аналогия при этом дополняет комментарий к басне. См.: Кеневич В. Примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 86—87.

ную деятельность. Вообще все произведение Мерсье очень близко по проблематике сатирической прозе Крылова. И тема воспитания государя, и надежда на его правосудие, и осуждение льстецов, окружающих правителя, — все это варьируется в крыловских повестях. Несомненно, самый живой отклик в русской литературной среде могло встретить и такое обращение Мерсье: «Буди человек, будучи государем; стремися приобрести прежде всего название человека».¹⁰⁷ Подобные же призывы звучали в стихах Державина, Капниста, Карамзина и других русских авторов 1790-х гг.

Протест против самовластия, критика придворных нравов и сочувствие обездоленным труженикам — все это проявилось и в другом сочинении Мерсье — «Картина Парижа» («Tableau de Paris»). Первая часть этого многотомного произведения, публиковавшегося во Франции в 1781—1788 гг., была переведена на русский язык А. А. Нартовым удивительно быстро — перевод вышел уже в 1786 г. В этой книге содержались достаточно смелые размышления, касавшиеся злободневного вопроса о взаимоотношениях государя и подданных. «Конечно, — говорилось, например, в главе «Разносчики книг» («Les Colporteurs»), — государь сказать может, чтоб сей лист бумаги стоил тысячу франков; но не может сказать того, чтоб сие или то заблуждение почиталось истиною или чтоб сия истина отныне была заблуждение. Он прикажет сие, но не принудит никогда умных людей на то согласовать».¹⁰⁸ Обобщенная форма высказывания, казалось бы, приглушала его политическую остроту, но для вдумчивого читателя нетрудно было применить это суждение к совершенно конкретной ситуации — будь то во Франции или в России. Известно, какая полемика была развернута в русской журналистике по поводу характера сатиры (сатира «на лицо» или сатира «на порок»)¹⁰⁹. Неудивительно, что русский читатель, державший в руках книгу Мерсье в переводе Нартова, сделал карандашный отчерк на полях предисловия, в котором автор заявляет: «...сатира, представляющая личность, всегда вредна, потому что она не исправляет, а только озлобляет, ожесточает и никогда на истинную стезю не приводит».¹¹⁰ Текст переводной книги как бы включался в давний спор, шедший несколько лет назад на страницах русской печати. Но теперь сатира «на порок» приобретала новое звучание и могла быть обращена против коронованной писательницы — Екатерины II, когда-то отстаивавшей именно эту форму сатиры.

Тема, затронутая в сочинении Мерсье, опять-таки получила развитие в сатирической повести Крылова «Каиб» (1792). Допуская, что государь может произносить нелепости и настаивать на них,

¹⁰⁷ [Мерсье Л.-С.] Философ, живущий у хлебного рынку. С. 12.

¹⁰⁸ [Мерсье Л.-С.] Картина Парижа. СПб., 1786. Т. 1. С. 169.

¹⁰⁹ См.: Берков. Журналистика. С. 166—173; Кулакова Л. И. Полемика по вопросу о сатире в русской литературе XVIII века // Очерки по истории русской литературы. Л., 1966. С. 57—106. (Ученые записки ЛГПИ. Т. 309).

¹¹⁰ Мерсье Л.-С. Картина Парижа. С. VI. Экземпляр БРАН, шифр: $\frac{1786}{48}$. Переводчик точно следует за соответствующим текстом Мерсье: «La satire qui personnifie est toujours un mal, en ce qu'elle ne corrige point, qu'elle irrite, qu'elle endurecit, et ne ramene point au droit sentier» (Mерсье Л.-С. Tableau de Paris. Nouvelle édition. Amsterdam, 1782. Т. 1. P. XI).

французский автор напоминал, что «умные люди» останутся при своем мнении. У Крылова этот мотив приобретает еще большую политическую остроту в монологе Каиба, обращенном к его визирям: «Господа! я хочу того-то; кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию ж минуту получит он пятьсот ударов воловьєю жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос».¹¹¹ Понятен сарказм этих строк, написанных в годы репрессий, предпринятых Екатериной II против слишком «умных» своих подданных.

Убедительными представляются и те непосредственные параллели, которые были отмечены Б. И. Копланом¹¹² при сопоставлении «Почты духов» Крылова, «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и отдельных глав из другой книги Мерсье — «Мой спальный колпак» («Mon bonnet de nuit», 1784—1786).

Первые русские переводы из этой книги появились уже в 1786 г. на страницах издававшегося в Ярославле журнала «Уединенный пошехонец».¹¹³ Спустя два года в петербургском журнале «Утренние часы» (1788—1790) старший друг Крылова, знаменитый «вольтерьянец» Рахманинов стал печатать свои переводы из разных сочинений Мерсье: «Картина Парижа», «2440 год» («L'an deux mille quatre cent quarante. Rêve s'il en fut jamais») и, наконец, «Мой спальный колпак». Последняя книга настолько заинтересовала переводчика, что он вскоре выпустил ее отдельным изданием (СПб., 1789), включавшим преимущественно главы из первой части книги Мерсье. Это издание было встречено весьма доброжелательной рецензией, в которой говорилось: «Книга сия, коея сочинитель есть г. Мерсие, знаменитый философическими и драматическими своими произведениями, приобретенными в переводе своем и на отечественном нашем языке все заслуживаемое им одобрение, содержит в себе размышления о разных предметах в общежитии встречающихся, исполненные философии и нравоучения и могущие питать дух читающего такими чувствованиями, которые его не недостойны».¹¹⁴

Среди содержащихся в книге размышлений и сатирических зарисовок особое внимание русских литераторов могла привлечь глава «Гораций». Здесь шла речь о том, каким должен быть писатель, достойный уважения потомства. По адресу «подлого стихотворца» Горация Мерсье высказывается весьма резко: «Что может быть глупее на свете стихотворца, живущего при дворе, который напоят свой разум духом рабства, который стихами, преисполненными красоты и подлости, являет будущим векам свое корыстолюбие <...> который льстит своему государю, коего он страшится или презирает».¹¹⁵ Поэту-льстецу противопоставляется неллицеприятный Ювенал: «Истинный сатирик, любящий добродетель и осмеивающий порок, указывая на порочного, весьма бывает полезен для своих современников, ко-

¹¹¹ Крылов И. А. Полное собрание сочинений. М., 1944. Т. 1. С. 347.

¹¹² См.: Коплан Б. Философические письма «Почты Духов» (1789) // А. Н. Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 382—399.

¹¹³ См.: Кочеткова Н. Д. О первых русских переводах книги Л.-С. Мерсье «Мой спальный колпак» // XVIII век. Сб. 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 247—249.

¹¹⁴ Моск. вед. 1789. № 82. 13 октября. С. 1022.

¹¹⁵ Мой спальный колпак. Сочинение г. Мерсие / Переведено с французского. Издано И. Рахманиновым. СПб., 1789. С. 28.

торых он старается отворотить от пороков — таковой писатель делает себя почтенным и у будущего потомства...»¹¹⁶

Здесь обсуждался вопрос, над которым задумывались все наиболее значительные русские писатели конца века, включая и Карамзина, и Державина, и Крылова, и Радищева. Приведенный отрывок находит разительное соответствие в «Житии Федора Васильевича Ушакова», опубликованном Радищевым в том же самом году, что и перевод книги Мерсье. Рассказывая о своем друге юности, русский писатель говорит о его литературных вкусах, обнаруживающих вместе с тем гражданственную позицию Ушакова: «Не льстец Августов и не лизорук Меценатов прельщали его, но Цицерон, гремящий против Катилины, и колкой Сатирик, не щадящий Нерона».¹¹⁷ Здесь также речь идет о Горации и скорее всего именно о Ювенале.¹¹⁸ Не исключено, что это совпадение связано с непосредственным заимствованием Радищева у Мерсье. Но в любом случае дело здесь не в сходстве отдельных фраз, а в идейной близости двух писателей, честно ставящих перед собой неизбежный вопрос о выборе пути, о предпочтении мирским благам права говорить истину. Мотив, прозвучавший в книге Мерсье и привлечший внимание переводчика Рахманинова, оказался созвучен передовой русской литературе не только XVIII в., но и последующих десятилетий, вплоть до декабристской поэзии.

Книга Мерсье «Мой спальный колпак» вполне отвечала интересам русских читателей, проникнутых просветительскими идеями. Одним из наиболее ярких примеров может служить глава «Картина сражения» («De la guette. Songe»), содержащая страстное обличение войн и захватнической политики: «Тигры, львы и медведи, возбужденные величайшим гладом, терзая свою добычу, не столь бывают свирепы, как люди <...> Грабительство никого не обогащает; вопль всего рода человеческого не сделает никого счастливым...».¹¹⁹ Тема этой главы — тема мира, «тишины» — одна из излюбленных в русской литературе XVIII в.: вслед за Ломоносовым к ней обращались и многие писатели конца столетия, в том числе Карамзин и Радищев.

Наконец, переводы из Мерсье служили своего рода образцами сатирических жанров («сон»¹²⁰ и похвальная речь). Эти жанры, к которым обращались и русские писатели, начиная с А. П. Сумарокова и кончая Крыловым и Радищевым, давали возможность высказывать в аллегорической форме самые смелые идеи, касавшиеся современной политики.¹²¹ Характерен, в частности, отзыв мемуариста Г. С. Винского о романе Мерсье «Год 2440»: «...я ощутил в душе моей неизъяснимое влечение полюбить сего смелого сочинителя, твердого поборника истины и неустрашимого защитника прав человечества. С

¹¹⁶ Там же. С. 29.

¹¹⁷ Радищев. Т. 1. С. 179.

¹¹⁸ Я. Л. Барсков считал, что «колким Сатириком» Радищев называл Петрония, но вместе с тем исследователь не исключал возможности, что здесь имелся в виду Ювенал. — См.: Там же. Примечания. С. 467.

¹¹⁹ [Мерсье Л.-С.] Мой спальный колпак. С. 134, 137.

¹²⁰ См.: Заборов П. Р. Утопический роман Мерсье // Мерсье Л.-С. Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было. Изд. подготовили А. Л. Андрос и П. Р. Заборов. Л., 1977. С. 194.

¹²¹ См.: Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985. С. 203—204, 209—211; Русская сатирическая проза XVIII века. Сост., автор вступ. статьи, комментариев и словаря Ю. В. Стенник. Л., 1986. С. 353—411.

сего времени сей знаменитый писатель и ему соответствующие сделались моими любимейшими авторами».¹²²

Среди публицистических жанров, с которыми неразрывно связан политико-философский роман, особое место занимает ораторская речь, жанр, пользовавшийся в России того времени огромной популярностью. Проблемы верховной государственной власти, обсуждавшиеся авторами романов, оказались в центре внимания и французского просветителя А. Тома, «похвальные слова» которого переводились на русский язык еще в 1770-е—начале 1780-х гг.¹²³ В 1789 г. появилось «Слово похвальное дофину французскому» («Éloge de Louis, dauphin de France»), переведенное «пятого возраста гимназистом» М. Барадавкиным и изданное в типографии Сухопутного кадетского корпуса. Появление этого труда в стенах Корпуса было далеко не случайным. Посвящая перевод директору Ф. Е. Ангалту, воспитанник заявлял: «Вы руководствуете нас на путь чести».¹²⁴ Ангалт, человек передовых для того времени взглядов, опытный педагог, знакомивший воспитанников с произведениями русских и европейских просветителей и стремившийся сформировать достойных граждан, пользовался уважением учеников.¹²⁵

Похвальное слово дофину превращалось у Тома не только в развернутую программу действий, но и в смелую инвективу против царящего в мире общественного зла. От имени самого дофина, сына Людовика XIV, Тома начинает клеймить это зло. «Правосудная душа его, — говорится в „Слове“, — ищущая всегда истину, часто заставляла его взирать с негодованием <...> на предрассудки человека, служащие вместо законов природы, на силу, преобразованную в право, на кровь народов, преданную самоволию тиранства, на рабство, уполномоченное подлыми рассуждениями, на достоинство человеческого естества, непризнаваемое людьми, на народ, ругаемый пред его начальниками, на слабых или продажных писателей, приемлющих дерзость начертать право человеческого рода, изменяя ему позорно для приобретения подлой корысти, чести и богатства».¹²⁶

Этот ученический, во многом неуклюжий, но достаточно точный перевод удивительно тесно соотносится и с переводами из Мерсье, о которых шла речь, и с творчеством отечественных писателей. Так, мысль о «силе, преобразованной в право» («la force erigée en droit»),¹²⁷ возникла и в «Рассуждении о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина, и в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Говоря здесь о покорении Новгорода царем Иваном Васильевичем, автор «Путешествия» с горьким сарказмом вопрошал: «Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлется кровию народов?» И далее, как это очень часто у Радищева, достаточно общая для просветительской

¹²² Винский Г. С. Мое время: Записки. СПб., 1914. С. 120.

¹²³ См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 663.

¹²⁴ Слово похвальное дофину французскому. Сочинение г. Томаса ... СПб., 1789. С. 6 н.нумер.

¹²⁵ См.: Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 95—101.

¹²⁶ Слово похвальное дофину... С. 12—13.

¹²⁷ Oeuvres diverses de M. Thomas. A Lyon. 1771. Т. 2. Р. 16. Именно это издание находилось в библиотеке Кадетского корпуса (экземпляр ГПБ — шифр Р $\frac{\text{шк}}{\text{т}} - 454$ °1).

литературы мысль вела его к бескомпромиссному выводу: «Примеры всех времён свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом».¹²⁸

Нетрудно найти многочисленные аналогии в русской литературе и другой теме, затронутой Тома, — обличение придворных нравов. «Государь, — говорится в „Слове дофину“, — который в течение тридцати лет видел только придворных, не зрел еще людей», так как при дворе учатся лишь «роскоши, гордости, пышности», «не чувствуют ни бедности, ни опустошения государства».¹²⁹ За несколько лет до появления этого перевода Фонвизин в «Недоросле» (1782) с еще большей резкостью характеризовал придворную жизнь. Далее тема получила продолжение в фонвизинском журнале «Друг честных людей, или Стародум», на который была объявлена подписка в 1788 г., но тут же последовало запрещение. К переводным произведениям цензура была менее придирчива, поэтому сходные идеи все-таки находили путь к русскому читателю, которого так старательно оберегали от опасных мыслей.

Характерно, в частности, что большую популярность в России приобрело сочинение швейцарского просветителя И. Г. Циммермана «О национальной гордости» («Vom Nationalstolze», 1758—1760). При всей противоречивости своей позиции автор явно высказал здесь сочувствие «внутреннему духовному республиканизму». Знаменательно, что первым взялся за перевод этого произведения Д. И. Фонвизин.¹³⁰ Переведенная им последняя, семнадцатая глава книги была напечатана иждивением купца М. К. Овчинникова¹³¹ и издана отдельно. В этой главе представление об истинном патриотизме неразрывно связывалось со стремлением народов к свободе: «Когда целые народы поставляли еще честь свою в свободе, а свободу в едином благородном образе мыслей, любовь к отечеству была тогда сладчайшее тех народов чувство».¹³²

Через три года новиковской Типографической компанией был издан новый, уже более пространный анонимный перевод под названием «Народная гордость» (М., 1788), осуществленный с французского перевода 1769 г. (главы 1—7, 13—17). На эту книгу появилась пространная и весьма хвалебная рецензия. «Сия книжка, — писал критик, — <...> содержит в себе прекрасные философические рассуждения, подкрепляемые доводами из истории древней и новейшей <...> Расположение сего сочинения и обработка оного приносят истинную честь образу мыслей сочинителя и соделывают оное не скучною какой-либо и наполненной пустыми словами книгою, но сочинением, избыточествующим приятным из истории повествованием и вкусным нравоучением».¹³³

Обращение к сочинению автора, с которым вела переписку сама императрица, казалось бы, не должно было внушать опасений цен-

¹²⁸ Радищев. Т. 1. С. 263—264.

¹²⁹ Слово похвальное дофину... С. 12—13.

¹³⁰ См.: Данилевский. С. 84—87; Макогоненко Г. П. Новые материалы о Д. И. Фонвизине и неизвестные его сочинения // Рус. лит. 1958. № 3. С. 138—139.

¹³¹ См. о нем: Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников // Книга. Исследования и материалы. М., 1973. Сб. 24. С. 99—114.

¹³² Рассуждения о национальном любочестии, из сочинений г. Циммермана. СПб., 1785. С. 37.

¹³³ Моск. вед. 1788. № 63. 5 августа. С. 578.

зуры. Однако отдельные высказывания Циммермана удивительным образом тесно соотносились с идеями Фонвизина и Радищева, которые вызвали возмущение Екатерины II. Так, в переводе 1788 г. обращает на себя внимание глава 9-я (15-я глава оригинала) — «О гордости республиканца» («Capitel von dem republikanischen Stolze»). «Я почитаю за республиканца такого человека, — говорится здесь, — который всему предпочитает любовь к своему отечеству, законам и безмерную имеет ненависть к деспотизму. <...> Свободность есть состояние человека, в коем никакая власть не может препятствовать в управлении добровольно своих действий, если они добры и на честности основаны».¹³⁴

Эти строки Циммермана еще более смело звучали в переводе Н. Поливанова, выпустившего полный перевод всего сочинения в 1793 г., т. е. уже в разгар реакции после процессов Радищева и Новикова: «За истинного республиканца признаю я токмо такого человека, который предпочитает всему любовь к вольности, к отечеству, к законам и который ненавидит всякого рода самовластие. <...> Вольность же есть то самое состояние человека, в котором никакая посторонняя сила не может ему препятствовать, ниже какие-либо побудительные причины в силах располагать оного деяниями, если только согласны оне с здравым рассудком».¹³⁵

Перевод Н. Поливанова, в котором слово «Freiheit» было переведено словом «вольность» (в первой фразе предшествовавшего перевода оно было вообще пропущено), напечатан, как и перевод «Слова похвального дофину» А. Тома, в типографии Шляхетного кадетского корпуса и тоже посвящен Ф. Е. Ангальту, «из усердия».

Таким образом, можно заметить определенную закономерность: книги, которые Ангальт рекомендовал для перевода своим воспитанникам, содержали как бы единую просветительскую программу, не утратившую своей направленности даже после перемены правительственного курса. Идеи Циммермана, высказанные задолго до французской революции (от которой он сам впоследствии отвернулся), приобрели новый, еще более смелый смысл после революционных событий. В изменившейся ситуации, казалось бы, могли прийти весьма к стати отрывки, в которых Циммерман порицает французов за их самолюбие и презрение к англичанам: «Французы почитают себя <...> также за одних токмо мыслящих творений в свете».¹³⁶ Русский переводчик имел возможность публикацией этих строк присоединить свой голос к всеобщему хору, безудержно клеймившему в это время французов. Но Поливанов вместо этого сделал весьма тактичное примечание к переводимому им тексту:

¹³⁴ [Циммерман И. Г.] Народная гордость / Перевод с французского языка. М., 1788. С. 111—112.

¹³⁵ Образ народного любочестия, трудов г. Циммермана... / Перевод с немецкого языка Н. П[оливанова]. СПб., 1793. С. 255. Соответствующий отрывок в оригинале: «Für einen Republikaner halte ich den Mann, dem die Liebe der Freiheit, des Vaterlandes, der Gesetze und die Vermaledeyung des Despotismus über alles gilt. <...> Die Freiheit ist derjenige Zustand des Menschen, darinn er von keinem äusserlichen Zwange abgehalten wird, nach überlegten Bewegungsgründen seine Handlungen einzurichten wenn sie gut sind» (Zimmermann J. G. Von Nationalstolze. Vierte, um die Hälfte vermehrte und durchaus verbesserte Auflage. Zürich, 1762. S. 278—279).

¹³⁶ Образ народного любочестия... С. 48.

«Общественный вкус, доказываемый ныне всеми французами к разным сочинениям англичан и не малое со стороны оных с некоторого времени в том уважение, противоречат довольно чинимому здесь утверждению немецкого автора».¹³⁷

Не следует, конечно, преувеличивать республиканских симпатий ни переводимых авторов, включая Циммермана, ни самих переводчиков. Основным политическим идеалом литераторов по-прежнему оставалась просвещенная монархия. Но неудовлетворенность существующим порядком вещей заставляла их обращаться к переводам произведений, в которых осуждались самовластие и деспотизм или воссоздавались утопические проекты идеального государственного устройства.

Именно в рассматриваемый период в России появился перевод одного из самых замечательных произведений, стоящих у истоков утопического социализма, — «Утопии» Т. Мора. В 1789 г. в типографии И. К. Шнора появилась книга под заглавием «Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия...», а в 1790 г. она была напечатана с того же набора под заглавием «Философа Рафаила Гитлоде странствование в Новом Свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопия». Переводчик, не назвавший своего имени, указал, однако, на источник, которым он пользовался, — французский перевод «Утопии», осуществленный Т. Руссо. Особенности этого перевода, сохраненные и в русском тексте, свидетельствуют, что «Утопия» была представлена здесь «не как исторический памятник, но как злободневный политический трактат».¹³⁸

На издание перевода «Утопии» 1790 г. Карамзин написал рецензию, помещенную в «Московском журнале».¹³⁹ Книга послужила поводом для размышлений Карамзина, имевших первостепенное значение в становлении его собственных политических воззрений.¹⁴⁰ В рецензии отразился интерес писателя к утопическим проектам и вместе с тем скептическое отношение к возможности их осуществления.¹⁴¹ «Республиканец в душе», Карамзин закономерно сделался сторонником сильной государственной власти (просвещенной монархии), сохранив навсегда неприятие деспотии.

Такой подход к вопросу о верховной власти сближал многих русских литераторов конца XVIII в., переживших и переосмысливших опыт французской революции. Это не означало для них отказа от просветительских идеалов, напротив, порою возвращало к ним — к тем из них, которые возникли задолго до событий 1789—1791 гг. и отличались еще достаточной политической умеренностью.

¹³⁷ Там же. С. 48—49.

¹³⁸ Левин Ю. Д. Ранние известия о Томасе Море в России // Рус. лит. 1979. № 1.

С. 177.
¹³⁹ Московский журнал. 1791. Ч. 1. Кн. 3. С. 358—365.

¹⁴⁰ См.: Валлиш Э. И. Н. М. Карамзин — первый русский рецензент «Утопии» Томаса Мора // История социалистических учений. Вопросы историографии. М., 1977. С. 243—256.

¹⁴¹ См.: Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Учен. зап. Тартуского гос. университета. 1965. Вып. 167. С. 25—31 (Труды по русской и славянской филологии. Т. 8).

Поэтому неудивительно, что вплоть до конца века для русских читателей не утратил своей привлекательности знаменитый роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» («Les aventures de Télémaque»). По-прежнему актуальными оставались и содержащаяся здесь критика деспотизма, и вера в возможность воспитания просвещенного монарха.¹⁴²

И. С. Захаров, выпустивший свой перевод в 1786 г. под заглавием «Странствовании Телемака, сына Улисса», посвятил свой труд великим князьям Александру Павловичу и Константину Павловичу. Обращаясь к ним, переводчик писал: «Милостивейшие государи! Фенелон сочинил книгу сию в наставление наследнику французского престола, кому ж приличнее посвящу оную переведенную мной на язык российский, как не вам, благоверные князи?»¹⁴³ Подробно обосновывая необходимость обращения к книге, уже переведенной на русский язык, Захаров подчеркивает достоинства этого сочинения, не скупясь на эпитеты: «прекрасная и всеполезная книга», «неподражаемое Фенелоново творение».¹⁴⁴ Захарову вторит Ф. О. Туманский, поместивший в своем журнале рецензию на перевод: «Нет надобности превозносить похвалами сего творения, которое всеми учеными обществами и знатоками одобрено».¹⁴⁵

В том же 1788 г., когда появилось второе издание перевода Захарова, в типографии Шляхетного кадетского корпуса стал печататься новый перевод, предпринятый кадетом П. С. Железниковым — опять-таки по предложению Ф. Е. Ангальта и ему же посвященный, — «Приключения Телемака» (Ч. 1—2. СПб., 1788—1789). Книга Фенелона включалась, таким образом, в новый контекст — контекст произведений Мерсье, Тома, Циммермана и других европейских авторов 1760—1770-х гг., которых в России переводили в 1780—1790-е гг. Эти книги, проникнутые просветительскими идеями, хотя, как правило, далекие от политического радикализма, давали богатую пищу для умов, склонных к независимому мышлению, и вместе с тем не вызвали особых опасений со стороны правительства. Не кто иной, в частности, как Екатерина II распорядилась отпечатать перевод Железникова на казенный счет и сделать его обязательной «классной книгой».¹⁴⁶

Наконец, на исходе столетия вышел еще один перевод: «Приключения Телемака, сына Улисса» (Ч. 1—2. М., 1797—1800), принадлежавший Ф. П. Лубяновскому, но напечатанный, как он позднее заявлял, без его ведома. Интерес к произведению Фенелона сохранялся даже в XIX в.: в 1804—1805 гг. был переиздан перевод Железникова, а в 1839 г. — Лубяновского. О том, что русский читатель не потерял своего интереса к «Телемаку», свидетельствует и такой любопытный факт: в одном из альбомов начала XIX в. в архиве Нарышкиных сохранились выписки из второй книги романа на французском языке.¹⁴⁷

¹⁴² См. выше. С. 116—117, 156.

¹⁴³ Странствовании Телемака, сына Улисса. Творение архиепископа Фенелона / Вновь переведенное И. Захаровым. СПб., 1786. Ч. 1. С. 5 нумер.

¹⁴⁴ Там же. С. 4 нумер.

¹⁴⁵ Зеркало света. 1786. Ч. 1. № 15. 15 мая. С. 340.

¹⁴⁶ См.: Теплова В. А. Железников П. С. // Словарь писателей. С. 315.

¹⁴⁷ ЦГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. № 141. Л. 29—41.

Французские издания «Телемака» хранились в русских библиотеках конца XVIII—начала XIX в.¹⁴⁸

Книга Фенелона привлекала разных читателей, находивших в ней близкие им идеи. С одной стороны, она ценилась проповедниками культа разума, строгими блюстителями общегосударственной морали. С другой — Фенелон оказался вполне приемлем и для тех, кто был склонен «приятное» ставить перед «полезным», следуя принципу: «Il faut que plaisir fasse tout».¹⁴⁹

Одновременно перевод знаменитого «Телемака» становится своего рода литературным состязанием, способом утвердить свои переводческие и языковые принципы.

Критикуя своего предшественника (А. Ф. Хрущева) за допущенные им ошибки и пропуски в переводе, будущий архаист Захаров здесь же выступает против своих современных литературных противников. Конкретно никого не называя, с явным неодобрением переводчик говорит о тех, которые «выдали б, может быть, сию или другую книгу (так как многие и выдают) с галлицизмами и неисправностями или с дерзновенным от подлинника удалением». «Сего я, — продолжает Захаров, — как возможно, остерегался: ибо переводил не спеша и не для приобретения от трудов моих корысти».¹⁵⁰ Он не отказался от намеренной архаизации и во 2-м издании, подвергнутом некоторой правке. Разные литературные позиции переводчиков Фенелона нетрудно обнаружить при сопоставлении соответствующих отрывков текста, одновременно появившегося в печати.

Перевод Захарова
(1788)

Калипса об отшествии Улиссове неутешимо сокрушалась. Уже вертепа своего сладкими не оглашала песнями; нимфы, служебницы ея, беседовать с нею не дерзали.¹⁵¹

Перевод Железникова
(1788)

Калипса, огорченная Улиссовым отъездом, не могла утешиться. В печали своей бессмертие почитала несчастием. В пещере голос ее пения более не раздавался. Нимфы, ей служащие, не смели говорить.¹⁵²

«Чувствительные» читатели при желании могли найти «трогающее» повествование в сочинениях Фенелона.¹⁵³ Но с какими бы стилистическими исканиями ни связывалось обращение к «Телема-

¹⁴⁸ См., например, каталог книг Я. И. Булгакова 1800-х гг. (ГБЛ. Ф. 41 $\frac{17}{17}$. Л. 5 об.).

¹⁴⁹ «Следует, чтобы удовольствие господствовало» (франц.). См.: *Cherel A. La pédagogie Fénelonienne, son originalité, son influence au XVIIIe siècle // Revue d'histoire littéraire de la France. Paris, 1918. Т. 15. P. 505—531.*

¹⁵⁰ Странствовании Телемака, сына Улиссова. СПб., 1786. Ч. 1. С. 7.

¹⁵¹ Странствования Телемака, сына Улиссова... 2-е исправленное издание. СПб., 1788. С. 1.

¹⁵² Приключения Телемака. СПб., 1788. Ч. 1. С. 1—2.

¹⁵³ В «Предуведомлении» к переводу книги «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых» (СПб., 1766; 2-е изд. М., 1788) М. И. Попов сообщал, что во французском издании, служившем ему источником, говорилось о возможном авторстве Фенелона, так как «по прочтении похождения Телемакова не можно найти нежнейшего, ни больше-трогающего, кроме сего повествования Аристоноева <...>. Писатель сего Аристоноя подражал во всем воображению, слогу и нравочению г. Фенелона» (С. 3—4).

ку», писателей разных направлений продолжала, конечно, привлекать фенелоновская концепция просвещенного абсолютизма.

В этой связи значительный интерес представляет собой переводное сочинение, в котором Фенелон выступает в качестве персонажа. Речь идет о книге Дж. Литтлтона «Беседы душ великих и малых людей» («Dialogues of the Dead», 1760. — «Диалоги мертвых»), переведенной с английского языка С. С. Бобровым и напечатанной в 1788 г. «на иждивении» П. И. Богдановича. Книга представляет собой фрагментарный перевод из сочинения Литтлтона, имевшего в Европе большой успех, переведенного уже в 1760-е гг. на немецкий и французский языки, а в 1780-е гг. привлечшего к себе внимание в России.¹⁵⁴

Диалог «Платон и Фенелон», очевидно, имел особую актуальность для русской литературы того времени. Платон выступает здесь в качестве оппонента Фенелона только для того, чтобы подчеркнуть непреходящее значение идей последнего. «Мысль о совершенном государе, которой удивляются в твоём Телемаке, — заявляет Платон, — гораздо превосходит воображаемую мою республику». Фенелон охотно поддерживает эту тему и весьма скептически отзывается об «умообразительной республике» Платона, поучая его: «...мы бы гораздо лучше сделали, если бы не принимались за такие предложения, в которых чувствование заступало место рассудка».¹⁵⁵

Спустя три года после появления этого перевода Карамзин писал в рецензии на «Утопию» Т. Мора: «Сия книга содержит описание идеальной, или мысленной республики, подобной республике Платоновой...»¹⁵⁶ В других своих сочинениях русский писатель неоднократно возвращался к этой занимавшей его мысли, и республика Платона предстала у него как пленительная, но неосуществимая мечта. Эти раздумья Карамзина отражали умонастроения значительной части целого поколения русских интеллигентов. Так, переводное сочинение оказывалось идейно и тематически глубоко связано с процессами, происходившими в отечественной литературе и публицистике.

Политические симпатии Литтлтона привлекает такой государь, как Марк Аврелий — один из самых популярных в XVIII в. политических деятелей прошлого.¹⁵⁷ В диалоге «Марк Аврелий и Сервий Туллий» высказывается мысль, которая могла получить самое непосредственное применение к русским условиям: «Сколь гнусна неограниченная власть, поелику самые добродетели Марка

¹⁵⁴ Подробнее см.: *Marcialis N. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella litteratura russa del XVIII secolo.* Roma, 1989. P. 178—187.

¹⁵⁵ Беседы душ великих и малых людей, сочинение Литтлтона / С английского. СПб., 1788. С. 5, 16.

¹⁵⁶ Московский журнал. 1791. Ч. 1. Кн. 3. С. 358.

¹⁵⁷ Почти одновременно с переводом сочинения Литтлтона появилась книга «Повествование о болезни, от которой Марку Аврелию императору римскому смерть приключилась... / Перевод с еллино-греческого языка» (М., 1789). Здесь содержались наставления монарху, соотносимые с русской одической традицией XVIII в.: «Государи должны стараться, чтоб не множеством всюду распростертого оружия, но тихим владением над единодушными сердцами приобрести любовь и послушание подданных, свободу отечеству, безопасность своему дому, доброжелательство от друзей и покорность от неприятелей. Добродетелями украшенному государю весь свет непринужденно предается, а против злого и собственная вооружается земля» (С. 39).

Аврелия не могли воспрепятствовать после царствования его падению фамилии и отечества! И сколь благополучно то государство, которым ограниченный монарх управляет». ¹⁵⁸ Итак, ответственность государя перед законом — вот идея, к которой подводит читателя сочинение Литтлтона, идея, которую последовательно развивает Радищев в своем «Путешествии», доводя ее до революционного вывода: народ имеет право судить преступившего закон правителя.

Вполне понятно, что особый интерес у русских читателей мог вызвать диалог «Петр Великий и Лудовик четвертый надесять» («Louis Le Grand — Peter the Great»), первоначально опубликованный в журнале П. И. Богдановича «Новый Санктпетербургский вестник» (1786, ч. 1. С. 109—115). В России уже существовала определенная традиция изображения Петра I. Его портрет, созданный английским писателем, во многом соотносится с этой традицией, восходящей к творчеству Ломоносова и даже отчасти Феофана Прокоповича. Хотя для восхваления этого государя Литтлтон использует «общие формулы» («termini comuni»), ¹⁵⁹ но он отмечает и те черты «работника на троне», которые были характерны именно только для Петра: «...я нимало не почитал за уничижение или умаление своего величия сойти с престола, удалиться и работать на чужестранных морских верфях, служить матросом в своем флоте и простым воином в собственном же войске до тех пор, пока сам постепенно не заслужил чинов от последнего до первого степени». ¹⁶⁰

Этот образ, хорошо знакомый русским читателям еще по стихам Ломоносова 1740-х гг. («Последний принял чин и царствуя служил / Свои законы сам примером утвердил, / Рожденны к скипетру, простер в работу руки...»), продолжал жить в русской литературе, приобретая свою трактовку у каждого автора. В «Письме другу, жительствовавшему в Тобольске» (1782) Радищев противопоставил Петра целому ряду государей, в числе которых и «Людвих XIV, тщеславый и кичливый Людвиг, Король Французский». ¹⁶¹ В «Письмах русского путешественника» Карамзина (письмо из Лиона, 9 марта 1790) тоже сравниваются Петр и Людовик XIV — «сии два героя», которые были «весьма не равны в великости духа и дел своих». ¹⁶²

Эти параллели пробуждали у русских читателей интерес к отечественной истории и вместе с тем заставляли задумываться над вопросами, имевшими общеполитический смысл. Важнейший из таких вопросов был затронут и в сочинении Литтлтона: речь шла о том, как государь может «приобрести имя Великого». Но по сравнению с Радищевым, решительно развенчавшим великих мира сего, даже по сравнению с крамольным проповедником П. А. Словцовым, продолжившим эту тему, ¹⁶³ трактовка Литтлтона отличается большей умеренностью.

Здесь проявляется общая особенность, характерная для переводной прозы конца 1780—1790-х гг.: в целом она по духу менее

¹⁵⁸ Беседы душ великих и малых людей, сочинение Литтельтона. С. 182.

¹⁵⁹ *Marcialis N. Caronte e Caterina*. P. 182.

¹⁶⁰ Беседы душ великих и малых людей. С. 208.

¹⁶¹ Радищев. Т. 1. С. 150.

¹⁶² Карамзин. Т. 1. С. 343.

¹⁶³ Три проповеди П. А. Словцова // Чтения в ОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 141—153.

радикальна, чем вершинные явления оригинальной словесности, но, несмотря на это, продолжает будить политическое самосознание русских читателей, возвращая их к идеалам Просвещения. Это подтверждается и обращением переводчиков конца 1780—1790-х годов к творчеству Ш.-Л. Монтескье.

Этот автор, которого по праву считают одним из наиболее значительных писателей европейского Просвещения, чьи сочинения во многом послужили формированию революционной идеологии, оставался вместе с тем на достаточно умеренных политических позициях, всегда проявляя готовность к компромиссу. Принципы Монтескье оказались совершенно неприменимы к конкретным ситуациям, возникшим в ходе Французской революции. Поэтому вполне закономерно, что популярность сочинений Монтескье заметно упала в самой Франции в период революции, а затем снова возросла уже в годы Реставрации, когда его идеи обрели актуальность в новых общественных условиях.¹⁶⁴

Известную аналогию этому явлению можно проследить и в России. После аноблиения перевода «О разуме законов» (1775) наступает более чем десятилетний перерыв в знакомстве русских читателей с сочинениями Монтескье, если не считать журнальных публикаций. Это годы, в которые происходит все более глубокое расхождение правительства Екатерины II и независимо мыслящих литераторов. В 1787 г. появляется отдельное издание «восточной» повести Монтескье «Арсас и Исмения» («Arsace et Isménie», 1783) в переводе Н. И. Страхова, а затем сразу один за другим следуют два разных перевода «Персидских писем» («Lettres persanes», 1721): перевод Ф. Т. Пospelова в 1789 г. и перевод Е. В. Рознотовского в 1792 г.

Называя Монтескье «законодателем народов», Ф. Т. Пospelов посвящает свой перевод П. В. Завадовскому — «особе, которой дана лестная власть распространить Просвещение в обширнейшей империи для содействия прочным благосостоянию людей».¹⁶⁵ Это посвящение было не только данью литературно-чиновному этикету (Пospelов служил «под вожделеннейшим начальством» Завадовского), но и отражало в какой-то степени надежды переводчика на то, что облеченный властью вельможа будет внимать мудрым наставлениям французского философа. В посвящении старательно перечислялись все ответственные должности Завадовского: директор Заемного банка, первый присутствующий в Комиссии об установлении народных училищ, член Воспитательного общества благородных девиц и Комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы. Это был именно тот Завадовский, который при Александре I возглавил Комиссию составления законов и который пригрозил Радищеву новой ссылкой в Сибирь.¹⁶⁶

¹⁶⁴ См.: Плавинская Н. Ю. Публикация произведений Монтескье в 1789—1799 годах // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М., 1988. С. 171—189.

¹⁶⁵ Персидские письма из сочинений г. Монтескью / Перевод с французского Ф. Т. Пospelова. СПб., 1789. С. 5 нумер.

¹⁶⁶ См.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 95.

Разумеется, Писпелов никакому риску не подвергался, поднося в 1789 г. свой перевод «Персидских писем». В этом политико-философском романе достаточно отчетливо выражались симпатии монархическому образу правления, а о французских королях говорилось, что они «подобны солнцу, которое все согревает и живит».¹⁶⁷ Монтескье представлялось одинаково опасным перерождение монархии — в «деспотизм» или в «республику». Основная же ответственность за ошибки в правлении возлагалась не на государя, а на окружающих его «советников». «... Если государь делает какое-нибудь зло, то оно почти всегда происходит от внушения, так что честолюбие государей никогда столько не опасно, как подлость его советников».¹⁶⁸

Подобные идеи могли быть встречены как нельзя более сочувственно со стороны русских правительственных кругов, напуганных событиями во Франции. В то же время книга Монтескье, защищая монархию, содержала достаточно глубокую критику злоупотреблений со стороны власть имущих. Такая двойственность позиции французского автора делала его сочинение неуязвимым для бдительной цензуры и вместе с тем притягательным для русских вольнодумцев, выступавших в печати в годы начавшейся реакции.

Неудивительно, что в 1792 г. появился еще один перевод «Персидских писем», принадлежавший Е. В. Рознотовскому. По убедительному предположению исследователей, в подготовке этой книги принимал участие Ф. В. Каржавин.¹⁶⁹ Как показала С. Р. Долгова, в дополнениях и комментариях Рознотовского и Каржавина, сделанных к тексту Монтескье, содержались существенные уточнения, придававшие суждениям французского писателя более радикальный характер.

Идеи Монтескье приобретали распространение в России и опосредованным путем. Годом раньше первого перевода «Персидских писем», в 1788 г., появилась книга «История о правлении древних республик с показанием причин их возвышения и упадка». Книга представляла собой перевод сочинения Ф.-А. Тюрпена «Histoire du gouvernement des anciennes républiques» (1769), являвшегося, в свою очередь, переработкой книги Э. У. Монтегю «Reflections on the Rise and Fall of the Ancient Republics». Анонимный русский переводчик привел в предисловии высокий отзыв Тюрпена о Монтескье, «сем великом муже», которого он считал своим учителем. Книга французского автора была названа в предисловии «достохвальным сочинением», которое применимо к условиям разных времен и разных стран (очевидно, здесь имелась в виду и Россия): «Аглинское сочинение полезно было только одному аглинскому народу, а французский перевод, похожий на новое сочинение, приносит пользу всем вообще и будет приносить оную отдаленнейшим потомкам».¹⁷⁰ В книге отчетливо прослеживается приверженность к просвещенному абсолютизму, которому, в духе Монтескье, противопоставляется и

¹⁶⁷ Персидские письма... С. 298.

¹⁶⁸ Там же. С. 371.

¹⁶⁹ См.: Светлов Л. Б. Писатель-вольнодумец Ф. В. Каржавин // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 524; Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984. С. 113—117.

¹⁷⁰ История о правлении древних республик с показанием причин их возвышения и упадка / Перевод с французского. М., 1788. С. IV.

«тиранская власть государей», т. е. деспотизм, и демократия — «такое правление, где разделенная власть есть источник бунтов и внутренних замешательств».¹⁷¹ Гибель Афинской республики объясняется как «плачевное следствие демократического правления».

Так переводы из Монтескье и его ученика Тюрпена оказывались по-своему созвучны двум разным и даже противоположным тенденциям в русской литературе конца XVIII в. Тираноборческий пафос нашел решительную поддержку в творчестве Радищева и писателей, занимавших достаточно независимые позиции. Защита монархического образа правления находила одобрение в среде многочисленных противников насильственных переворотов.

Некоторые произведения европейских авторов, написанные до Французской революции, а переведенные на русский язык после нее, приобретали новое звучание. Например, в политическом романе швейцарского писателя А. Галлера «Фабий и Катон» («Fabius und Cato», 1774), переведенном П. А. Полонским в 1793 г., содержалась сентенция, служащая как бы непосредственным откликом на современные события: «Уничтожение постановлений власти есть такое ужасное действие, от которого поколебаться могут и самые основания державы».¹⁷² Вполне в духе Монтескье герой Галлера заявляет: «Я признаю самодержавное правление всех прочих совершеннее и удобнее для обширной и новыми завоеваниями распространенной державы, где великое множество дел не терпит медленных советований, какие в республиках неизбежны»; «обширная держава должна покоряться единому начальнику».¹⁷³ В романе говорилось и о превосходстве патрициев над «плебейским родом» — мысль, которая с явным сочувствием могла быть встречена той частью русского дворянства, которая была озабочена не только французскими событиями, но и все более заметным выдвиганием третьего сословия в России.

В то же время содержащиеся в книге Галлера размышления о пагубности роскоши, о необходимости сохранения законов и т. п. опять-таки возвращали читателя к кругу проблем, поднятых литературой Просвещения и нашедших отражение в других романах того же автора, переведившихся в России в 1780—1790-е годы.¹⁷⁴

Широкая программа просвещенного абсолютизма, казавшаяся многим спасительной в годы революционных потрясений, в какой-то степени объединила достаточно разных общественных деятелей и литераторов.

Характерно в этом отношении обращение многих русских переводчиков 1780—1790-х гг. к сочинениям прусского короля Фридриха II. Сразу же после смерти этого государя (1786) начал выходить многотомный труд «Достопамятные сказания и деяния, изъясняющие свойство Фридриха Второго, короля прусского, переведенные с немецкого подлинника, изданного в Берлине сего 1786 года» (Ч. 1—12. СПб., 1786; 2-е изд. — Ч. 1—12. СПб., 1787—1808). В 1789 г. последовала целая группа переизданий переведенных ранее сочинений

¹⁷¹ Там же. С. 1—2.

¹⁷² Фабий и Катон, повесть, взятая из римской истории. Сочинение славного Галлера / Перевел с французского П. Полонский. СПб., 1793. Ч. 2. С. 72.

¹⁷³ Там же. С. 93, 95.

¹⁷⁴ См.: Данилевский. С. 51—52.

Фридриха II, в том числе «Письма о любви к отечеству» (М., 1789; 1-е изд. — СПб., 1779; 2-е изд. — СПб., 1780) — перевод, осуществленный с французского языка «И. Л.». Тогда же вышли новые переводы: «Последние мысли короля прусского. Перевод с французского Д*** В***» (СПб., 1789), «Последний наказ Фридриха Великого племяннику своему... С французского перевел Н. Саблуков» (СПб., 1789), «Рассуждения Фридриха II, короля прусского, о свойстве и воинских дарованиях Карла XII... Перевод с французского» (М., 1789). В том же году начали выходить и «Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусского» (Т. 1—8. СПб., 1789—1791; 2-е изд. — Т. 1—2. СПб., 1792—1793).

Все эти публикации, имевшие уже и исторический интерес для читателей, глубоко соотносились с переводной и отечественной публицистикой и политическим романом той поры. С одной стороны, здесь находила подтверждение официальная точка зрения, вполне устраивавшая правительство Екатерины II. Так, «образцовый» монарх Фридрих II со всею определенностью утверждал: «Государь есть та верховная особа, которая вместо правил, одну свою имеет волю»; «... всегда меньше бывает стремлений к бунтам и мятежам в монархиях, ежели оне имеют главою своею твердого и постоянного властелина, нежели в обществах, нередко раздираемых гражданами, которые часто стараются и умышляют одни низринуть других»; «... доброго гражданина того именуем, который приказаниям повелителей послушен есть...»¹⁷⁵ и т. д.

Однако тот же венценосный автор предъявлял высокие требования к самим правителям: «...государи, князья и правители облечены верховною властью не для того, чтоб безнаказанно погружаться в распутства и роскошь, <...> они суть главою государства не для того, чтоб содержать при себе толпу тунеядцев, которых праздность и бесполезность рождают все пороки».¹⁷⁶ Фридрих II видел пример мудрого государя в Марке Аврелии и высоко отзывался о Вольтере. Таким образом, сочинения прусского короля можно было использовать и для просветительских целей.

Кадет И. Вольф, переводчик «Похвального слова Генриху, принцу прусскому, сочиненного Фридрихом Великим» («Éloge du prince Henri de Prusse», 1768), изданного с параллельным французским и русским текстом, писал в предисловии: «Его сиятельство граф Ангальт приказал мне перевести на российский язык с тем, чтобы господа кадеты сего любезного принца образцом себе избрали, а наипаче подражали бы его умеренности и любви к наукам». Здесь же подчеркивалось, что принц Генрих посвятил «пользе общества все мгновения краткой своей жизни».¹⁷⁷

На личность Фридриха II, конкретного исторического лица, как бы проецировалась давняя идея романа Фенелона, столь полюбившего русским читателям XVIII в. Эта параллель закреплялась в издании, вышедшем в типографии П. И. Богдановича «Переписка

¹⁷⁵ [Фридрих II]. Письма о любви к отечеству. М., 1789. С. 19—20, 229.

¹⁷⁶ Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусского. СПб., 1790. Т. 6. С. 55.

¹⁷⁷ Похвальное слово Генриху, принцу прусскому, сочиненное Фридрихом Великим, королем прусским. СПб., 1792. С. 3—4 нумер.

Фридриха II <...> с наставником своим Дюганом Жандюном. Перевел с подлинника Р. Ребиндер» (СПб., 1794), где наставник Фридриха был назван Мантором.

Просветительская мечта об идеальном государе продолжала пленять литераторов несмотря на то, что суровая действительность постоянно развеивала их иллюзии. Во всяком случае учительская миссия, взятая на себя русскими писателями XVIII в., продолжала реализовываться как в оригинальной, так и в переводной прозе. В связи с этим особое внимание стали привлекать страны Востока.

В интересующий нас период появились в печати переводы с маньчжурского языка, осуществленные А. С. Агафоновым.¹⁷⁸ Многие из того, что говорилось в этих книгах о трудной науке управления народами и о качествах, необходимых государю, могло быть применимо и к обстоятельствам русской жизни. В частности, это относится к широко варьируемой здесь мысли о справедливом законе как основе правления. Та же идея была выделена и французскими энциклопедистами в сочинении «О китайском правлении», переведенном И. Ждановским. Здесь говорилось, что в государстве, в котором правление основано «на ясности естественных законов», «все граждане пользуются своими правами собственности и вольности <...>, а земледельцы особенно награждаются за полезные и тяжкие труды почтением и благосостоянием».¹⁷⁹

Все эти переводы историко-публицистических произведений были самым непосредственным образом связаны с переводной беллетристикой того времени, где «восточная» тема стала одной из излюбленных (особенно после «Персидских писем» Монтескье) и даже породила особый жанр «восточной» повести.

Именно этот жанр, точнее, его разновидность — просветительская «восточная» повесть по своей проблематике тесно соприкасалась с политико-философским романом.

Тема взаимоотношений государя и подданных остается в центре внимания во многих «восточных» повестях конца 1780—1790-х гг. Так, например, в «Истории о Редии, пустынноике горы Арарата» («The History of Rhedi, the Hermit of Mount Ararat», 1773) английского автора У. Даффа описывается правление некоего персидского владыки: «...весы правосудия исторгнуты были из рук насилия, и потому богатство не имело никакого преимущества пред убожеством. Честное трудолюбие наслаждалось в тишине и безопасности плодами трудов своих <...> Дарования находили в нем просвещенного судию и великодушного покровителя».¹⁸⁰ Герой повести, размышляя о своем будущем, высказывает желание жить в той стране, «где б свобода меньше была ограничена».¹⁸¹

¹⁷⁸ Манжурского и китайского Шунь-Джи-хана книга Полезный и нужный образ к правлению. СПб., 1788; Манжурского и китайского хана Кан-Сия книга придворных политических поучений и нравоучительных рассуждений... СПб., 1788; то же под заглавием: Государь, друг своих подданных... СПб., 1795.

¹⁷⁹ О китайском правлении. Взято из Энциклопедии, сочиненной собранием ученых мужей. М., 1789. С. 40—41.

¹⁸⁰ [Дафф У.] История о Редии, пустынноике горы Арарата. Восточная повесть / Переведена с французского на русский язык К.А.Е.С. СПб., 1786. С. 3.

¹⁸¹ Там же. С. 24.

Один из наиболее распространенных мотивов просветительской «восточной» повести — путешествие государя — встречается в ряде переводных повестей, предшествовавших появлению крыловского «Каиба» (1792), который, однако, выделяется остротой своей сатиры. Но и общефилософская трактовка темы (путешествие — жизненный путь, восхождение к мудрости) привлекала русских читателей, судя по популярности «восточной» повести «Обидаг», неоднократно переведившейся в предшествовавший период разными литераторами и публиковавшейся в журналах и сборниках и, наконец, появившейся отдельным изданием в 1786 г. в переводе Семена Великого (2-е изд. — СПб., 1788). Установлено, что повесть, приписывавшаяся ранее Екатерине II, является переводом из журнала С. Джонсона «The Rambler» (1750).¹⁸²

Подобно «восточным», исторические повести также были насыщены политическими аллюзиями. Характерны в этом отношении произведения Ф.-Т.-М. де Бакюляра д'Арно, одного из наиболее переводимых в России XVIII в. французских авторов.¹⁸³ Тема верховной государственной власти постоянно возникает в исторических повестях Арно, переведенных на русский язык. Так, в одной из них английский король Эдуард III, изображенный идеальным государем, заявляет: «Не имею ли я во глубине моего сердца гласа главного моего судьбы, который ко мне вопиет, что во зло употреблять власть есть наивеличайший порок в самодержцах?»¹⁸⁴ Эти попытки создать образ справедливого и даже «чувствительного» правителя сочетались у Арно с еще более интересными выступлениями против порочных государей. «Нравственная слабость <...> в государе, — говорилось в другой повести, — бывает источником пагубнейших, а частью и беззаконнейших преступлений». В духе просветительских традиций Арно клеймит не только виновного государя, но и окружающих его придворных, которые, с его точки зрения, «гораздо больше достойны наказания», это «злодеи, которым человечество не должно прощать».¹⁸⁵

По-видимому, особый интерес у русских читателей могла вызвать мысль Арно о суде истории: «Льстецы умирают с монархами, но история есть бессмертна».¹⁸⁶ В связи с этой мыслью вновь поднимался вопрос о подлинном и мнимом величии того или иного государя. Например, в повести «Варбек» («Varbeck», 1774) речь шла о жестоком английском короле Генрихе VII, «коего царедворцы и столь же, как они подлые и презрения достойные историки не устыдились наименовать Соломоном Англии».¹⁸⁷ «После таких примеров, — следовало заключение, — пусть верят похвалам и титулам, бесстыдно приписываемым лестию и глупую чернию. Двенадцать цесарей <...>

¹⁸² См.: Левин Ю. Д. Кто автор «восточной» повести «Обидаг»? // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. 25. Вып. 5. С. 431—433.

¹⁸³ См. выше. С. 177—178.

¹⁸⁴ Салисбури, историческая повесть. Сочинение г. Арнода. С французского языка перевел П... А... СПб., 1792. С. 29.

¹⁸⁵ Принц Бретаньский, истинная повесть, взятая из сочинений г. д'Арнода. Перевод с французского. М., 1794. С. 5, 197—198.

¹⁸⁶ Там же. С. 5.

¹⁸⁷ Варбек, английская повесть, основанная на исторической истине. Сочинение г. Арнода / Перевод с французского. Тамбов, 1793. С. 302.

зовомы были отцами отечества и удостоены гордыми статуями; правда, что по смерти их тот же самый Сенат, который при жизни их ползал у ног их, уничтожал все черты сии подлой лести и разбивал статуи и изображения».¹⁸⁸

Особое место среди переводных беллетристических сочинений, построенных на историческом материале, принадлежит книге Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» («Voyage du jeune Anacharsis en Grèce», 1788). Интерес к этой книге, рассказывавшей о Древней Греции, в России во многом возник благодаря рецензии, переведенной Карамзиным из «Allgemeine Literatur-Zeitung» и помещенной в «Московском журнале».¹⁸⁹ Хотя полный перевод книги появился в печати лишь в 1800-е гг., но в 1790-е в журналах печатались многочисленные отрывки из нее.¹⁹⁰ Сохранился и незаконченный рукописный перевод, предпринятый в 1796 г. Я. И. Булгаковым, известным дипломатом, другом Д. И. Фонвизина.¹⁹¹

Существенное воздействие книга оказала и на Карамзина (в частности, его повесть «Афинская жизнь»)¹⁹² и на других его современников. В «Путешествии Анахарсиса» отразились важные тенденции эпохи — тенденции, характерные и для русской литературы. Прежде всего речь идет о создании исторической прозы: задача, к которой обращается Карамзин уже в 1790-е гг. Одновременно произведение Бартеlemi вызывало интерес как новый тип «путешествия» — жанра, привлекающего все большее внимание. Наконец, здесь возникала и проблема нового осмысления истории: осознание неповторимого своеобразия далекой эпохи — и в том числе античности — в круге идей, вставших перед русскими романтиками.¹⁹³

Древняя Греция становится излюбленным предметом внимания ряда европейских беллетристов, затрагивающих политико-философские темы. Французский писатель Арни де Гервиль, автор повести «Кандидамантор, или Греческий путешественник» («Candidamentor, ou Le Voyageur grec», 1766), переведенной М. М. Сонцовым, превратил свое повествование в типичный сатирический просветительный роман. Здесь не столько изображаются нравы Древней Греции, сколько предстают картины придворных нравов XVIII сто-

¹⁸⁸ Там же. С. 303.

¹⁸⁹ Московский журнал. 1791. Ч. 3. Кн. 1. С. 97—113; Кн. 2. С. 201—217; Кн. 3. С. 333—341. См.: Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783—1800 гг.) // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 325.

¹⁹⁰ Платон, или О происхождении мира / Перевод из Анахарсиса [Перевод Н. М. Карамзина] // Московский журнал. 1792. Ч. 8. С. 175—192; Аристипп (Из Анахарсиса) // Муза. 1796. Ч. 3. С. 96—114; О благополучии. Из Путешествия юного Анахарсиса, сочинения славного Бартеlemi [Перевод с французского А. Севастьянова]. СПб., 1798; Сократ [Перевод Н. М. Карамзина] // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 2. С. 93—198.

¹⁹¹ Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию. (Введение и том I): ГБЛ. Ф. 41 (Булгаков). № 16/4. 158 лл.

¹⁹² См.: Cross A. G. N. M. Karamzin and Barthélemy's «Voyage du jeune Anacharsis» // The Modern Language Review. 1966. Vol. 61. No. 3. P. 467—472.

¹⁹³ О позднейшем интересе к книге Бартеlemi в декабристских кругах см.: Оксман Ю. Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов XIX в. // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 478—479.

летия, описанные в ироническом тоне: когда король кашляет, придворные ему подражают: «Как скоро он умер, то перестали кашлять, и молчание царствовало в палатах».¹⁹⁴ Когда герой похвалил королеве красоту иностранки, через час его отвели в темницу, и с тех пор он твердо уверился, что «всякая королева есть наипрекраснейшая женщина своего государства»,¹⁹⁵ и т. п.

Мысль о суде истории, нелицеприятно выносящей свой приговор правителям, получает развитие в разъяснении, касающемся «египетских летописей»: «В Египте сочинялись такие книги деесписаний, в кои вносили все как добрые, так и худые дела своих государей, по коим по смерти судимы они были особенно на то избранными судиями. Ежели судии и весь египетский народ умершего царя находили мудрым, миролюбивым, богобоязненным, кротким и прочими добродетелями украшенным, то удостоивали его священного погребения в пирамидах, лежащих по одну сторону Меридова озера. Прахи же царей злочестивых повергаемы были в мрачную и каменную пещеру, лежащую по другую страну сего озера, и заключаемы были в гробницах, седым мхом порошенных, вокруг коих извивались ехидны и ядовитые скорпии пресмыкались по оним».¹⁹⁶ Этот пассаж находит аналогию еще у Фенелона, стремившегося преподать «урок царям». Известное сходство можно отметить в том самом отрывке, который в переводе Тредиаковского был использован в знаменитом эпиграфе, предпосланном «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева.¹⁹⁷ Неприятие устоев современного общества подкрепляется декларациями в руссоистском духе: «...ежели вы любите сословие ученых людей, то вы имеете поврежденное сердце <...> Разум есть яд, истребляющий человечество».¹⁹⁸

Итак, в переводной литературе 1790-х гг. все чаще встречаются высказывания, свидетельствующие об усилении влияния руссоистских идей. Однако в русской печати получили отражение не только эти идеи, но и полемика вокруг публицистических выступлений Ж.-Ж. Руссо по поводу наук и искусств.

Этот кардинальный вопрос для всей идеологии европейского Просвещения обсуждался еще в предшествовавший период.¹⁹⁹ Опубликованный в 1768 г. перевод П. С. Потемкина «Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750 году...» («Discours sur les sciences et les arts» — «Рассуждение о науках и искусствах») был переиздан в 1787 г. новиковской Типографической компанией, а спустя пять лет появился новый перевод, принадлежавший М. Юдину, — «Речь Ж. Ж. Руссо, удостоенная в 1750 году от Дижонской академии награждения...» (СПб., 1792). Но в том же самом году был напечатан и перевод антирусоистского анонимного памфлета «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий, заключающее в себе убедительные исследования воп-

¹⁹⁴ [Арни де Гервиль]. Кандидамантор... М., 1796. С. 96—97.

¹⁹⁵ Там же. С. 135.

¹⁹⁶ Там же. С. 157—158.

¹⁹⁷ См.: Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974. С. 34.

¹⁹⁸ Кандидамантор... С. 60.

¹⁹⁹ См.: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 208—281.

реки Жан Жаку Руссо...», осуществленный А. Ф. Малиновским. В той же типографии Горного училища, что и перевод Юдина, печаталась и «Речь о пользе наук и художеств...» Ш. Борда (СПб., 1792) в переводе И. С. Рижского, («Discours sur les avantages des sciences et des arts», 1752), последовательно опровергавшая аргументы Руссо.²⁰⁰

Полемика, начавшаяся вокруг трактатов Руссо, привлекла и русских писателей, для которых вопрос о ценности образованности и культуры имел особое значение. Одним из наиболее ярких и интересных откликов на речь Руссо явилась статья Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении», написанная в 1793 г. и напечатанная в «Аглае» в 1794 г. Отдавая дань восхищения таланту «красноречивого Руссо», говоря о его «добром сердце», Карамзин решительно настаивал на том, что «Просвещение есть палладиум благоденствия», что Просвещение — источник «общественного бла-
га».²⁰¹

В статье «Просвещение и роскошь», опубликованной в 1796 г., М. Н. Муравьев, не соглашаясь с главным тезисом Руссо, выделил нравственную сторону его учения. «Мы обязаны сему происшествию, — писал Муравьев об ответе Руссо на вопрос Дижонской академии, — новым светом, распростертым на многие предметы нравов и множеством прелестных сочинений, в которых, несмотря на странность противоречия и невероятных мнений, открывается постоянная и горячая любовь к добродетели».²⁰²

Хотя и Карамзин, и Муравьев, и многие другие русские литераторы знали Руссо не по переводам, но для читателя, который не мог познакомиться с этими сочинениями в оригинале, были очень важны упоминавшиеся переводы, которые становились неотъемлемой частью отечественной словесности в широком понимании этого слова. Выход переводов Руссо стал важным моментом в истории русской литературы, заинтересованно и увлеченно обсуждавшей в это время ключевые проблемы Просвещения, поставленные «женевцем». В спор включались одновременно и русские авторы, и авторы переводных произведений, затрагивавших руссоистские темы. Среди них можно назвать книги Ж. Пернетти «Общественный человек» (М., 1787; перевод с французского Е. Лифанова — «L'homme sociable», 1767), К. Ф. Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет» (Ч. 1—2. М., 1791—1793; перевод с немецкого перевода, осуществленный Н. Марковым — «Voyage en Syrie et en Egypte», 1787) и целый ряд других.

Так в переводной литературе конца века нашли отражение разные стадии и разные тенденции европейского Просвещения: от Фенелона до Руссо. Проблематика переводного политико-философского романа и публицистики продолжала сохранять известную замкнутость, и центральным оставался преимущественно вопрос о верховной государственной власти. Надежды на возможность воспитания идеального монарха сочетались у ряда авторов с критикой деспотизма, осмеянием придворных нравов и социальной несправедливости. Многочисленные темы и мотивы этих переводных произведений находят

²⁰⁰ В собрании Редкой книги БРАН речь Руссо и речь Борда объединены в конволю (шифр: 25837 д): идеи Руссо таким образом предусмотрительно «обезврежены».

²⁰¹ Карамзин. Т. 2. С. 140—141.

²⁰² Муравьев М. Н. Опыты истории, письмен и нравов. М., 1796. С. 62.

параллели в русской литературе того же времени. Возникновение в Просвещении новых тенденций, связанных с Руссо, становится предметом широкого обсуждения в русской печати 1790-х гг. При этом всесторонняя защита завоеваний Просвещения осуществляется во многом с помощью переводной литературы. Все это оказывается подчинено тем широким общественно-культурным задачам, которые стояли перед русской культурой на исходе XVIII столетия.

3

Вторая половина 1780-х и 1790-е годы — период расцвета русского сентиментализма, который выдвинул на первый план прозаические жанры. Конечно, переводная литература предшествовавшего периода сыграла весьма существенную роль в выработке у читателей новых художественных вкусов и запросов. Однако интенсивность развития отечественной культуры XVIII в. привела к неожиданному хронологическому скачку.

Последовательное развитие нравоучительно-сентиментального и нравоописательного романа в Европе, начавшееся с творчества С. Ричардсона и приведшее спустя несколько десятилетий через «Новую Элоизу» Ж.-Ж. Руссо к «Страданиям юного Вертера» И. В. Гете, в России совершенно сместилось. Сочинения не только Руссо и Гете, но даже Г. Филдинга и Т. Смоллета были переведены на русский язык раньше,²⁰³ чем романы Ричардсона. Относя все эти произведения к типу «английского романа», В. В. Сиповский рассматривает их воздействие на развитие русской оригинальной прозы, выделяя преимущественную ориентацию на «Новую Элоизу» и «Вертера».²⁰⁴

Опираясь на материалы В. В. Сиповского и определяя основные сюжетные схемы, характерные для русской сентиментальной повести, П. Бранг подчеркивает ее тяготение к «краткой форме».²⁰⁵ Однако, судя по многочисленным свидетельствам современников, интерес к переводному роману именно как к «большой форме» в последние полтора десятилетия XVIII в. был чрезвычайно велик.

В 1791 г. А. Т. Болотов писал: «Романов, изданных в сии последние времена на нашем российском языке, уже так много, и разность между ими в рассуждении качества и доброты их так велика, что почти необходимая уже надобность есть при покупке и чтении оных делать благоразумный выбор, а не все то покупать и читать, что в руки попадетс».²⁰⁶

При этом, продолжая спорить с характерным для недавнего времени пренебрежительным отношением к романам, русские литераторы всячески стремились подчеркнуть и познавательное, и воспитательное значение этого жанра. Тот же Болотов вспоминал о благотворном воздействии, которое на него оказали романы: «...ум <...>

²⁰³ См. выше. С. 188—191.

²⁰⁴ См.: Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 2. С. 426.

²⁰⁵ См.: Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung. 1770—1811. Wiesbaden, 1960. S. 10—11.

²⁰⁶ Болотов. Мысли. С. 194.

наполнился множеством новых знаний, а сердце нежными и благородными чувствами»; «романы заменили мне чтение особых географических книг, я получил понятие о роде жизни разного рода людей, начиная от владык земных даже до людей самого низкого состояния; самая житейская жизнь, во всех ее разных видах и состояниях, и вообще весь свет сделался мне гораздо знакомее пред прежним. Одним словом, я никак не могу обвинить с своей стороны романы вредными следствиями, но паче за многое хорошее им весьма обязан».²⁰⁷

В автобиографической повести Карамзина «Рыцарь нашего времени» (1802) упоминается, что в детстве Леон (главный персонаж повести) читал романы, в которых «герои и героини, несмотря на многочисленные искушения рока, остаются добродетельными». Вкореняя в сознание уверенность, что «добродетельный всегда побеждает, а злодей гибнет», эти романы, по мнению Карамзина, служили «твердую опору» для «доброй нравственности».²⁰⁸

Настоящим пропагандистом романов Карамзин выступил в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802): «В самых дурных романах есть уже некоторая логика и риторика: кто их читает, будет говорить лучше и связнее совершенного невежды, который в жизнь свою не раскрывал книги. К тому же нынешние романы богаты всякого рода познаниями <...> Напрасно думают, что романы могут быть вредны для сердца: все они представляют обыкновенно славу добродетели или нравоучительное следствие <...> Какие романы более всех нравятся? Обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемые читателями, текут всегда от любви к добру и питают ее. Нет, нет! Дурные люди и романов не читают».²⁰⁹

Итак, характеризую вкусы своих современников, Карамзин говорит о предпочтении «чувствительных романов», то есть связанных с развитием сентиментализма. При этом имеются в виду прежде всего, конечно, переводные романы, которых, как и в предшествовавший период, было во много раз больше, чем оригинальных.²¹⁰

Сразу же следует отметить, что все основные вершинные произведения европейской беллетристики XVIII в. к концу столетия были переведены на русский язык. При этом происшедшее хронологическое смещение привело к тому, что романы, написанные раньше, нередко переводились позже тех, на которые они оказали воздействие, и воспринимались сразу в целом комплексе новых представлений о «чувствительном человеке». Это, однако, не препятствовало закономерному процессу художественного развития русского читателя, интенсивно приобщавшегося к миру представлений европейского сентиментализма, для которого в целом характерна постоянная филиация идей, свободно преодолевающая национальные рамки. Поэтому, рассматривая движение жанра романа в XVIII в., исследователи справедливо считают творчество Ричардсона вехой не

²⁰⁷ Болотов. Жизнь. Т. 1. Стб. 825.

²⁰⁸ Карамзин. Т. 1. С. 765—766.

²⁰⁹ Карамзин. Т. 2. С. 179—180.

²¹⁰ См.: Сиповский В. В. Из истории русской литературы XVIII в. Опыт статистического наблюдения. СПб., 1901. С. 30.

только в английской, но и во французской, и в немецкой литературе.²¹¹

С полным основанием это можно отнести и к русской литературе, несмотря на сравнительно позднее появление в печати переводов знаменитых романов Ричардсона. Правда, «Памела» («*Pamela, or Virtue rewarded*», 1740) уже в конце 1740-х годов была переведена с французского деятельным переводчиком И. Шишкиным.²¹² Именно этот перевод, известный по нескольким спискам, был отредактирован и издан П. П. Чертковым в Петербурге в 1787 г.²¹³ Затем, в 1796 г. в Смоленске вышел новый анонимный перевод, в котором также был использован перевод Шишкина.

Переводу «Памелы» 1787 г. было предпослано два «Письма к издателю Памелы», также переведенных с французского; второе из них вошло и в издание 1796 г. Это письмо содержало высокую оценку романа Ричардсона, причем сделанную с позиций, близких эстетике сентиментализма. Оба русских переводчика сохранили эту общую направленность письма, старательно, хотя и не всегда удачно подыскивая эквиваленты для французских оборотов:

Перевод 1787 г.

Писана она в приятной простоте с такою правдою, какой найти весьма редко в книгах, сотворенных для научения и забавы. Она трогает сердце и пленяет разум...²¹⁴

Перевод 1796 г.

Сие небольшое сочинение написано с теми ощущениями истины и любезныя простоты, кои сколько ни нужны, редко встречаются в творениях, определенных для наставления и удовольствия. Оно трогает сердце и разум удовлетворяет.²¹⁵

Эти высказывания имеют программный характер: здесь сформулированы основные требования, которым должно было удовлетворять избранное для перевода сочинение, и роман Ричардсона предстал как некий эталон нового вкуса.

Тема «награжденной добродетели» несколько не устарела для русской литературы конца XVIII в.: она варьировалась в многочисленных оригинальных и переводных сочинениях. Уже на следующий год после появления русского перевода «Памелы» вышла в свет книга «Новая Памела, или Справедливое описание жизни Марии, знатной госпожи своим достоинством, чином и именем. Переведено с французского Афансма Щктвм <Афанасием Щекатовым>» (Ч. 1—2. М.,

²¹¹ См.: *Schmidt E. Richardson, Rousseau und Goethe. Ein Beitrag zur Geschichte des Romans im 18. Jahrhundert.* Jena, 1875; *Van Tieghem P. La sensibilité et la passion dans le roman européen au XVIII siècle // Revue de littérature comparée.* 1926. 6 Année. P. 424—435.

²¹² См.: *Костюкова В. В.* Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век, сб. 18. СПб., 1993. С. 322—334.

²¹³ Памела, или Награжденная добродетель. Англинская нравоучительная повесть, сочиненная г. Рихардсоном в IV частях, переведенная с французского языка. СПб., 1787. Ч. 1. Издание представляет собой перевод первых двух томов книги: *Pamela, ou La Vertu recompensée.* 3 éd. Amsterdam, 1744—1745. Т. 1—4.

²¹⁴ Памела... СПб., 1787. Ч. 1. С. 6—7 нумер.

²¹⁵ Памела, или Награжденная добродетель. Англинское творение г. Рихардсона / Переведено с французского нового и полного издания. Смоленск, 1796. Ч. 1. С. XIV—XV. Соответствующий французский текст: «Ce petit Ouvrage est écrit avec cet air de vérité et avec cette simplicité aimable, qui quoique très nécessaires, se rencontrent rarement dans les pièces destinées à instruire et à plaire. Celle-ci touche le coeur et persuade l'esprit» (*Pamela.* Nismes, 1795. P. 19).

1788) — перевод романа Э. Кимбера, одного из английских последователей Ричардсона — «Maria, the Genuine Memoirs of a Young Lady of Rank and Fortune» (1764).

Наконец, еще через год появилось произведение П. Ю. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» (Ч. 1—2. СПб., 1789; 2-е изд. — Ч. 1—2. М., 1794). Очевидно, мимо внимания Львова не прошел перевод романа Кимбера (едва ли случайно совпадают имена героинь), но несомненно, что русский автор ориентировался прежде всего на Ричардсона. Недаром литературные противники Львова язвительно прозвали его «Антиричардсоном». В отличие от английского романиста, Львову не удалось создать достаточно многогранные и психологически убедительные характеры.²¹⁶ Уже взыскательный А. Т. Болотов весьма критически высказался о книге Львова: «А неосторожно ж он и в том поступил, что назвал книгу свою „Российскою Памелою“, какого звания она далеко недостойна и от Рихардсоновой Памелы так удалена, как небо от земли».²¹⁷

При всем своем художественном несовершенстве «Российская Памела» интересна как попытка показать, что «есть и у нас столь нежные сердца, великие души в низком состоянии и благородная чувствительность».²¹⁸ Для русской литературы было очень важно введение сословного конфликта, составляющего основу сюжета в романе Львова: в отличие от Кимбера, сделавшего свою героиню «знатной госпожой», русский автор подчеркивал, что его Мария — «поселянка», дочь однодворца.

Конечно, к этому времени мотив сословного неравенства, препятствующего соединению любящих, был уже хорошо знаком читателям. Но в представлении Львова Ричардсон оставался не только родоначальником темы, но и нисколько не устаревшим ее интерпретатором, достойным подражания.

Авторитет Ричардсона был высок и в глазах тех, кто высмеивал автора «Российской Памелы». Показательна в этом отношении рецензия Карамзина на первую часть перевода «Клариссы» («Clarissa, or the History of a Young Lady», 1747—1748), осуществленного с французского перевода А.-Ф. Прево д'Экзиля Н. П. Осиповым и П. Кильдюшевским: «Достопамятная жизнь Клариссы Гарлов, истинная повесть, англинское творение г. Рихардсона» (Ч. 1—6. СПб., 1791—1792; перевод первых 205 писем романа Ричардсона). Говоря о европейском признании английского романиста как «искусного живописца моральной природы человека», Карамзин особо выделял искусство Ричардсона «в описании подробностей и характеров».²¹⁹ Рецензия Карамзина во многом имела программное значение для русской литературы: здесь формулировались важные эстетические принципы нового направления. Критик остановился на созданных Ричардсоном характерах, оценив неоднозначность и противоречивость образа Ловеласа: «... Кларисса, добронравная,

²¹⁶ См.: Шаталов С. Е. Ранний сентиментализм // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982. С. 334—337.

²¹⁷ Болотов. Мысли. С. 217.

²¹⁸ Львов Ф. П. Российская Памела... СПб., 1789. Ч. 1. С. 3.

²¹⁹ Московский журнал. 1791. Ч. 4. Кн. 1. С. 108.

нежная, благодетельная и несчастная Кларисса, которую мы столько любим и столь сердечно оплакиваем, и Ловелас, в котором мы видим такое чудное, однако ж естественное смешение добрых и злых качеств, — Ловелас, иногда благородный и любезный, иногда чудовище — сии два характера, говорю я, будут удивлением всех читателей и всех времен и останутся вечными памятниками творческой силы Ричардсонова духа». ²²⁰ Карамзин упрекнул русских переводчиков в том, что они не сказали о французском источнике текста, и подверг самой суровой критике слог перевода.

В рецензии на перевод «Клариссы» был поднят вопрос, который затем возник в спорах о русском литературном языке между карамзинистами и «архаистами». Возражая против неуместного употребления славянизмов, Карамзин как бы продолжил мысль Прево, высказанную в предисловии к «Памеле», остроумно применив ее для решения отечественных языковых проблем: «Девушка, имеющая вкус, не может не сказать, ни написать в письме *колико*». ²²¹ Уличив переводчиков в явных ошибках, Карамзин весьма сурово закончил рецензию: «...я на сем месте остановился и отослал книгу назад в лавку с желанием, чтобы следующие части совсем не выходили или гораздо, гораздо лучше переведены были». ²²²

Эта рецензия, однако, не обескуражила переводчиков, которые вслед за раскритикованной первой частью выпустили еще пять. Правда, раскупалось это шеститомное издание не очень быстро: спустя восемь лет, в 1800 г. В. С. Сопиков продолжал его рекламировать как «превосходное аглинское творение г. Ричардсона». ²²³ Тем не менее у книги нашлись самые внимательные читатели, как свидетельствуют, в частности, многочисленные отчерки на полях и подчеркивания во всех шести томах книги, хранящихся в Библиотеке Российской Академии наук (шифр $\frac{1791}{124}$). Эти подчеркивания выделяют преимущественно те

отрывки, где говорится о характерах героев и особенно о противостоянии воле родителей, принуждающих к браку против склонности. Например, выделены следующие строки: «Колико трудно не иметь в себе согласных чувствований с теми, которым должность наша и склонность обязывает нас повиноваться»; ²²⁴ «Но и сами родители не должны ли в поступках своих сохранять благоразумие?» ²²⁵ и т. п.

Русские читатели, чьи литературные вкусы сформировались в 1790-е годы, надолго сохранили самое высокое мнение о творчестве Ричардсона. Так, в 1830 г. сибирский литератор П. А. Словцов констатировал, что «романы упали с высоты, на которую взнес их Ричардсон, гравировав обдуманно характеры так живописно и подлинно, что читатель настоящего столетия мечтает в печали отыскивать их в тех улицах, в тех домах, где над добродушными помышлениями, над страданиями невинности издевался ужасный ум Ловеласа». ²²⁶

²²⁰ Там же. С. 109—110.

²²¹ Там же. С. 112.

²²² Там же. С. 115.

²²³ См. книготорговую роспись В. С. Сопикова в кн.: Дидро Д. Всеобщая система познаний человеческих. СПб., 1800. С. 45 нумер.

²²⁴ Достопамятная жизнь Клариссы Гарлов... СПб., 1791. Ч. 1. С. 81.

²²⁵ Там же. С. 149.

²²⁶ Словцов П. А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. М., 1834. С. 9.

Бережно хранились, переходя от одного владельца к другому, и томики другого романа Ричардсона в русском переводе — «Английские письма, или История кавалера Грандиссона, творение г. Ричардсона, сочинителя Памелы и Клариссы» (Ч. 1—8. СПб., 1793—1794)²²⁷ («The History of Sir Charles Grandison», 1754). Перевод был осуществлен А. А. Кондратовичем с французского перевода. Перед текстом романа было помещено «Предисловие от англинского издателя», кратко характеризовавшее все три основных произведения Ричардсона, ставившего своей целью «нравиться и научать». Эта излюбленная в XVIII в. формула продолжала служить девизом для многих русских писателей-сентименталистов, по-прежнему склонных к дидактике.

Именно последний роман Ричардсона предстал у Карамзина эталоном высокого «нравственного вкуса». «... Кто начинает „Злосчастным дворянином“, нередко доходит до Грандисона», — писал Карамзин в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России».²²⁸ Показательно, что в первоначальном тексте этой статьи, опубликованной в 1802 г. в «Вестнике Европы», писатель назвал не «Грандисона», а «Новую Элоизу».²²⁹ Таким образом, возвращаясь в поздней редакции к роману Ричардсона, Карамзин отдал предпочтение той нравоучительной тенденции, которая наиболее ярко проявилась в европейском сентиментальном романе на самых первых этапах его существования.

В то же время в конце XVIII в. уже ощущалась и некоторая искусственность созданных Ричардсоном характеров. Переводная литература знакомила русских читателей одновременно и с самим Ричардсоном, и с отзывами о его творчестве, далеко не всегда восторженными. Так, в одной из повестей А. Г. Мейснера, переведенной В. С. Подшиваловым, отмечалось, что «Серафим Карл Грандиссон говорит и действует, как живая мораль», а в примечании к этим словам добавлялось: «... Ричардсонова Генриетта встречается иногда действительно в свете, между тем как сир Карл его находится только — в книге».²³⁰

Характерно также, что произведения Ричардсона лишь иногда упоминаются, когда речь заходит о чтении героев русской сентиментальной повести. Постоянными же спутниками «чувствительного» читателя оказываются «Новая Элоиза» и «Вертер».²³¹

Роман века, «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, был принят в России с тем же энтузиазмом, что и в Европе. Однако, говоря о его популярности в XVIII в., нельзя забывать, что большинство русских чита-

²²⁷ В экземпляре БРАН (шифр $\frac{1793}{130}$) на каждом томе по две владельческих надписи: «Из книг Федора Ильича Ладыженского» и «Александра Изъединова».

²²⁸ Карамзин. Т. 2. С. 179. Карамзин имел в виду анонимный роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н***» (М., 1787—1789. Ч. 1—3). См.: Автухович Т. Е. Анонимный роман «Несчастный Никанор» (Эпизод из истории формирования жанра) // XVIII век, сб. 17. СПб., 1991. С. 73—87.

²²⁹ Вестник Европы. 1802. Ч. 3. Май. № 9. С. 60.

²³⁰ Мейснер А. Г. Бианка Капелло. Перевел 2—80. <В. С. Подшивалов>. М., 1793. С. 209—210.

²³¹ Подробнее см.: Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 121—142.

телей знакомились с ним не в переводе, а в оригинале. Поэтому даже «чувствительная» героиня повести В. В. Измайлова «Ростовское озеро» (1795) читает роман Руссо по-французски, и разговор о любимой книге сразу заставляет ее перейти на французский язык, которым, как выясняется, она в совершенстве владеет.²³²

Тем не менее русский перевод первой части романа, осуществленный П. С. Потемкиным, появился задолго до переводов Ричардсона — еще в 1769 г.²³³ Сама эпистолярная форма романа, получившая широкое распространение и в оригинальной беллетристике, связывалась в сознании русских литераторов скорее с именем Руссо, а не английского романиста.

Характерный для сентименталистов интерес к жанру прозаического этюда, незаконченного наброска позволял вычленив отрывок из произведения как некое самостоятельное целое. Таким отрывком легко могло сделаться отдельное письмо из эпистолярного романа Руссо. Интересно в связи с этим свидетельство И. И. Дмитриева, который вспоминал, как в 1788 г. во время войны со Швецией, в походе, он принимался за перевод письма из «Новой Элоизы».²³⁴

Текст романа Руссо во многом воспринимался как лирический дневник, и потому последовательность изложения переставала здесь иметь первостепенное значение. Может быть, отчасти этим, а не только типографскими обстоятельствами объясняется, что печатание нового перевода «Новой Элоизы», предпринятого П. С. Андреевым, началось со 2-й части: «Новая Элоиза, или Переписка двух любовников, живущих в маленьком городке при подошве Альпийских гор. Творение Жан Жака Руссо» (СПб., 1792. Ч. 2) — («La nouvelle Héloïse, ou Lettres de deux amans, habitans d'une petite ville au pied des Alpes», 1761).

Это издание, напечатанное «иждивением» В. С. Сопикова, не было сразу раскуплено, и оставшиеся экземпляры пришлось выкупить Императорской типографии, которая напечатала 1-ю часть романа, выпустив и 2-ю с новым титульным листом: «Новая Элоиза, или Переписка любовника с любовницею, жителей одного маленького городка, лежащего при подошве Альпийских гор. Творение женеваго гражданина г. Жан Жака Руссо» (Ч. 1—2. СПб., 1792—1793). В «Уведомлении», предпосланном переводчиком 1-ой части, говорилось: «...г. Руссо творениями своими (между коими Новая Элоиза считается за превосходнейшее) во всем ученом свете приобрел себе столь отличную славу, что почитается в числе знаменитых философов нынешнего столетия: и для того разве очень немногие найдутся читатели, коим достоинство его неизвестно».²³⁵ Здесь же очень кратко излагалась биография Руссо и перечислялись 10 «главных» его сочинений, среди них на первом месте назван «Эмиль».

Несмотря на увлечение Руссо, русский перевод «Новой Элоизы» не вызвал рецензий, так же как и перевод «Исповеди» («Les confessions», 1766—1769, изд. 1782—1789), осуществленный Д. С. Бол-

²³² Измайлов В. В. Ростовское озеро // Русская сентиментальная повесть / Сост., общ. ред., вступ. статья и комментарии П. А. Орлова. М., 1979. С. 153—154.

²³³ См. выше. С. 172.

²³⁴ Дмитриев. Т. 2. С. 33. Сведений о судьбе этого перевода не обнаружено.

²³⁵ Новая Элоиза... СПб., 1793. Ч. 1. С. 3 нумер.

тиным — «Исповедание Жан Жака Руссо, уроженца и гражданина женевского» (Ч. 1—2. М., 1797). Оба произведения Руссо стали достоянием русского читателя в неполном виде: не до конца была переведена «Новая Элоиза», а «Исповедь» фактически лишь наполовину (6 книг из 12).

В еще более урезанном виде появился в России в XVIII в. педагогический роман Руссо «Эмиль, или О воспитании» («Emile, ou L'éducation», 1762). Отчасти это объясняется запрещением Екатерины II продавать эту книгу в России, последовавшим почти сразу после выхода «Эмиля» — в 1763 г.²³⁶ Опасения императрицы, как показали современные исследователи, были связаны прежде всего с вопросами религии и политики, а не педагогики.²³⁷ В то же время, несмотря на запрет, книга разными путями попадала в руки русских читателей.²³⁸ В 1779 г. цензура спокойно пропустила перевод из «Эмиля», предпринятый П. И. Страховым.²³⁹ Этот сокращенный перевод пятой книги романа был переработан И. И. Виноградовым для нового издания, вышедшего в интересующий нас период, — «Емилий и София, или Благовоспитанные любовники. Из сочинений Ж.-Ж. Руссо» (Ч. 1—2. СПб., 1799—1800). Во 2-ю часть вошло сочинение Руссо «Эмиль и Софи, или Одинокие» («Emile et Sophie, ou Les Solitaires», 1780) под названием «Уединенники».

Но даже такие сокращенные и слабые в художественном отношении переводы основных романов Руссо стали важным явлением русской литературной жизни конца века. Читатели, не владевшие французским языком или владевшие им недостаточно хорошо, без конца встречавшие имя Руссо на страницах отечественных изданий, получили, наконец, возможность хотя бы по таким переводам прочесть прославленные произведения. При этом сочинения последователей и подражателей знаменитого женева переводились одновременно с его собственными, а иногда и опережали их. Некоторые оригинальные произведения русских авторов, проникнутые руссоистским духом или написанные под непосредственным воздействием Руссо, создавались раньше, чем переводились его соответствующие сочинения. Так, например, Фонвизин обратился к написанию своего «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях» (1792) за несколько лет до того, как появился русский перевод «Исповеди».

Далекое от совершенства первые переводы Руссо служили отправной точкой для последующих переводчиков. В 1803—1804 гг. литератор А. А. Палицын выпустил свой перевод «Новой Элоизы» в 6 частях, над которым он работал еще в XVIII в. (2-е изд. — 1820). Издание открывалось стихами Е. Станевича и С. Н. Глинки, приветствовавших труд Палицына. В примечании к стихотворению Станевича упоминались «прежних два перевода Новой Элоизы, в которых, выключая уже худого языка, встречаются на каждой почти

²³⁶ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 7. С. 318.

²³⁷ См.: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения. Л., 1967. С. 215—216; Madariaga I. de. 1) Russia in the Age of Catherine the Great. London, 1981. P. 338—339; 2) The Banning of Emile in Russia // Study Group on Eighteenth-century Russia. Newsletter. 1986. September. No. 14. P. 23—26.

²³⁸ См.: Leigh R. A. The Banning of Emile // Ibidem. 1987. August. No. 15. P. 18—19; Lentijn A. Shcherbatov and Emile // Ibidem. P. 20—21.

²³⁹ См. выше. С. 174.

странице погрешности противу смысла в подлиннике».²⁴⁰ Этим переводом противопоставлялся новый — осуществленный Палицыным, причем его особой заслугой автор стихотворения считал удачное воспроизведение «страстного» слога Руссо:

Везде потоки слез с тобой я проливал,
Повсюду ощущал те ж сильны, нежны чувства,
Какими и Жан-Жак меня воспламенял.
Скажи, отколь сей дар неложного искусства?
Ты даже трудности языка победил:
Жан-Жака страстный слог, разительный, обильный,
И пламенных красот всю прелесть сохранил.²⁴¹

Однако на самом деле новый перевод едва ли был лучше прежних: стиль Палицына тоже еще достаточно архаичен и тяжеловесен.²⁴² В сущности, тот «язык чувства», который был одним из открытий Руссо-романиста, его первые русские переводчики еще не могли передать. Этот язык вырабатывался в переводах других сочинений других авторов, менее значительных, чем Руссо, но привлечших внимание более талантливых переводчиков.

Это печальное несоответствие довольно точно подметил князь Б. Голицын, язвительно высмеявший переводчиков, ограничивавших себя «простою ролью толмача»: «Что же касается до переводчиков в прозе, то они очень редко думают о своих произведениях. Кто из них не в состоянии перевести Монтескье, Руссо, Бартеlemi и Бернардена де Сент-Пиера? — Стоит только захотеть; к тому же сочинения сих авторов писаны прозою. Вот их умствуют те, которые ни о чем не рассуждают и, следовательно, ни в чем не сомневаются! Между тем ученые люди совсем иначе об этом думают: они говорят, что трудности сии такого рода, что если бы все чувствовали необходимость для переводчика многих дарований, соединенных вместе, то немногие согласились бы перевести».²⁴³

Не в лучшем положении, чем «Новая Элоиза» Руссо, оказался и роман И. В. Гете «Страдания молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers», 1774), несмотря на все восхищение им русских читателей XVIII в.²⁴⁴ Перевод Ф. Галченкова «Страсти молодого Вертера» (Ч. 1—2. СПб., 1781), который не без основания был назван рецензентом «перепорченным»,²⁴⁵ продолжал переиздаваться и в 1790-е гг. В 1794 г. он вышел «2-м тиснением», а в 1796 г. появился

²⁴⁰ Новая Элоиза, или Письма двух любовников / Перевел с французского Александр Палицын. СПб., 1804. Ч. 1. С. 8.

²⁴¹ Там же. С. 7.

²⁴² Кто-то из читателей «Новой Элоизы» в русском переводе счел возможным объединить в конволют 1-ю часть романа в переводе Андреева (1792) и 2-ю в переводе Палицына (1803) — экземпляр БРАН, шифр $\frac{1793}{139}$.

²⁴³ К [князь] Б[орис] Г[олицын]. Предисловие от издателя // Нравственные рассуждения герцога де ла Рошфуко / Переведены с французского Дмитрием Писчевым. М., 1809. С. VI—VII.

²⁴⁴ Характерно, что даже в «Драматическом словаре» Гете характеризовался как автор «отличной книги, похвальной повсюду, Страдание младого Вертера» (Драматический словарь... М., 1787. С. 68—69).

²⁴⁵ СПб. вестн. 1781. Ч. 7. С. 138. См. также выше. С. 200.

с некоторыми исправлениями И. И. Виноградова: «Страсти молодого Вертера. Сочинения г. Гете. С присовокуплением Писем Шарлотты к Каролине, писанных во время ее знакомства с Вертером. Новь переведенные» (СПб., 1796). Это издание объединило роман Гете с анонимным английским сочинением «The Letters of Charlotte, during her Connection with Werther» (1786; авторство приписывается У. Джеймсу). Перевод «Писем» на русский язык был осуществлен неким А. К. с французского перевода «Lettres de Charlotte pendant sa liaison avec Werther», 1787) и издан отдельно (СПб., 1792). Объединяя гениальное творение Гете и весьма посредственное подражание ему, русские издатели, очевидно, были заинтересованы прежде всего сюжетной стороной обоих сочинений, воспринимая второе как неотъемлемое дополнение к рассказу о судьбе полюбившихся читателям героев.²⁴⁶

Книга была издана «иждивением» известных петербургских книготорговцев Т. А. Полежаева и Г. К. Зотова. Последний, видимо, был главным лицом в предприятии, так как именно он подписал посвящение книги «санктпетербургскому купцу» П. А. Зайцеву. Замечательно при этом, что в посвящении Зотов говорит о «внутренних достоинствах» и «добром сердце» Зайцева, как бы переводя отношения деловых коммерческих людей в мир возвышенных «чувствований» в духе сентиментализма.

Огромное влияние, которое «Вертер» оказал на русскую литературу,²⁴⁷ конечно, было вызвано не упомянутым переводом. Скорее, по-видимому, произошло обратное: известность романа Гете ставилась важным стимулом для переизданий перевода Галченкова.

Лишь в самом конце века к переводу «Вертера» обратился один из талантливейших русских литераторов того времени — Андрей Тургенев. Небольшой отрывок из романа Гете под названием «Письмо к другу» он поместил в «Приятном и полезном препровождении времени» без упоминания имени автора и названия романа, но с указанием: «С немецкого».²⁴⁸ В отрывке не было и имен героев, так что большинство читателей не знали автора. Этот отрывок, посвященный описанию природы, мог восприниматься как самостоятельный этюд, и подобная публикация, при всей своей кажущейся малозначительности, была интересна в истории перевода «Вертера» на русский язык. Внимание читателей, наконец, было обращено не на сюжетную канву, а на глубокий внутренний лиризм произведения.

Тургенев продолжил свой труд совместно А. Ф. Мерзляковым, но, к сожалению, их перевод «Вертера», датированный 1799 г., остался неопубликованным.²⁴⁹ Сопоставляя его с предшествовавшим, В. М. Жирмунский пришел к выводу, что «оба переводчика гораздо ближе, чем Галченков—Виноградов, подходят к эмоциональному сти-

²⁴⁶ См.: Иванов М. В. Поэтика русской сентиментальной прозы // Рус. лит. 1975. № 1. С. 117.

²⁴⁷ См.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. М., 1981. С. 23—30.

²⁴⁸ Приятное и полезное. 1798. Ч. 19. С. 107—109.

²⁴⁹ Рукопись хранится в ГПБ: Архив В. А. Жуковского. Оп. 2. № 319.

лю оригинала, сохраняя его лирический пафос и особенности ритмико-синтаксической конструкции». ²⁵⁰

Уже Карамзин заметил, что без «Новой Элоизы» «не существовал бы и немецкий Вертер», поясняя эту мысль: «Основание романа то же, и многие положения (situations) в Вертере взяты из Элоизы; но в нем более Натуры». ²⁵¹ Упреки Руссо в том, что у него в романах «много неестественного, много увеличенного», высказывал не только Карамзин. Болотов считал, что автор «Эмиля» «превосходил иногда уже и пределы натуральности». ²⁵²

Выработавшиеся в русской литературе и критике новые эстетические принципы были связаны с требованием естественности, правдоподобия. В связи с этим в России конца XVIII в. все больший интерес стали вызывать английские романы О. Голдсмита, Г. Филдинга, Т. Смоллета.

Характерный для Голдсмита интерес к обыденной жизни с ее заботами и печалью, умение показать высокие нравственные достоинства людей незнатных и небогатых, смягченная по сравнению с Ричардсоном назидательность, проповедь деятельного добра — все это оказалось чрезвычайно близко русским читателям, приобщавшимся к лучшим произведениям европейского сентиментализма.

Не удивительно, что перевод книги Голдсмита «Векфильдский священник» («The Vicar of Wakefield», 1766) был издан изданием новиковской Типографической компании, заботившейся о нравственном воспитании читателей. Перевод был осуществлен с немецкого языка Н.И.Страховым: «Вакефильдский священник. История. Аглинское сочинение» (Ч. 1—2. М., 1786). В «Предисловии» переводчика говорилось о достоинствах романа: «Живейшие чувствования, дела, собственно изображаемые так, как оные производятся в общежитии; особенно находящиеся в оном здравые рассуждения достойны похвал каждого чувствующего цену изяществ умопроизведения. Добродетель и отрасли ее просто и удобно изъясняющие, неотступление от нее ни в каких превратностях жизни сея, но всегдашнее последование оной и выводимые из каждого приключения особ, составляющих семейство, заключений, научающие во вкоренении оные в сердца их, составляют изящество свойств Вакефильдского священника...» ²⁵³ Расхваливая роман, переводчик ссылался и на мнение «ученого света», упоминая, в частности, книгу «L'an deux mille quatre cent quarant», но не называя ее автора — Л.-С. Мерсье. ²⁵⁴ Н. И. Страхов заключил свое «Предисловие» фразой, которая явилась своего рода знаменем времени: «Впрочем, всегда примечаемая склонность россиян к агличанам и уважение к сочинениям их немало могут спешествовать одобрению сей книги». ²⁵⁵

Эти слова были одним из проявлений определенной тенденции, которая все больше давала о себе знать в русской переводной литературе конца XVIII в.: постепенное перемещение интереса от фран-

²⁵⁰ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 63.

²⁵¹ Карамзин. Т. 1. С. 279.

²⁵² Болотов. Мысли. С. 213.

²⁵³ Вакефильдский священник... М., 1786. Ч. 1. С. 7.

²⁵⁴ Мерсье назвал произведение Голдсмита «превосходным романом». См.: Мерсье Л.-С. Год две тысячи четырехста сороковой... Л., 1977. С. 50.

²⁵⁵ Вакефильдский священник... С. 8.

цузской и немецкой к английской литературе, связанное с общим расширением русско-английских связей.²⁵⁶

Заявление Н. И. Стрехова было поддержано и развито анонимным рецензентом, писавшим о книге Голдсмита: «Сей роман заступает одно из первых мест в аглинских романах, славящихся преимуществом своим предо всеми другими иностранными в сем роде произведениями. Достоинства оного суть: простой и привлекательный слог; изображение происшествий так, как оные случаются в общежитии, безо всякого романического и сильного напряжения; здравые рассуждения и советы; трогаящие картины превратностей жизни сея и пр.»²⁵⁷

Спустя два года рецензент «Московских ведомостей» писал по поводу другой книги: «Любители романических повествований и знающие ценить оные по достоинству, отдают аглинским романам превосходство пред французскими и всеми другими в свете, может быть, потому, что в оных не видно такого напряжения силы воображения, той напыщенной чувствительности и того ироизма в любви и прочих соотношениях общежития, каковыя на каждом шаге встречаются в других романах».²⁵⁸ При этом «лучшими в сем роде сочинениями» называются романы Филдинга, который предстает как непосредственный преемник Ричардсона («после Ричардзоновых Грандизона, Клариссы и Памелы»)²⁵⁹

Хотя произведения Филдинга не переводились в рассматриваемый период, но с ними русский читатель был уже хорошо знаком по переводам 1760—1770-х гг. (часть из них была переиздана в конце 1780-х гг.)²⁶⁰ Популярность этого автора была настолько велика, что ему приписывались произведения других писателей, в том числе Смоллета.²⁶¹

Рекомендуя книгу Смоллета «Похождения Родрика Рандома» (Ч. 1—2. М., 1788; оригинал — «The Adventures of Roderick Random», 1748), переведенную с французского языка и приписанную Филдингу, рецензент заверял читателя, что он «не будет сожалеть ни о времени, ни о трудах, употребленных на сие упражнение».²⁶² В том же году вышел перевод А. М. Грибовского «Веселая книга, или Шалости человеческие» (СПб., 1788), представлявший собой первую часть романа Смоллета «The Adventures of Peregrine Pickle» (1751) и осуществленный с английского языка, что было еще редкостью в то время. Хотя на последующие части была объявлена подписка, но они

²⁵⁶ См.: *Martynov I. F. English Literature and Eighteenth-century Russian Reviewers // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1971. Vol. 4. P. 30—42; Cross A. G. Russian Perceptions of England and Russian National Awareness at the End of the Eighteenth and the Beginning of the Nineteenth Centuries // The Slavonic and East European Review. 1983. Vol. 61. January. No. 1. P. 89—106; Levin Yu. D. The English Novel in 18th-Century Russia // Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia / Ed. by A. G. Cross, G. S. Smith. Nottingham, 1994. P. 143—167.*

²⁵⁷ Моск. вед. 1786. № 94. 25 ноября. С. 823.

²⁵⁸ Там же. 1788. № 64. 9 августа. С. 585.

²⁵⁹ Там же. С. 586.

²⁶⁰ См. выше. С. 188—190.

²⁶¹ Аналогичное явление было и во французской литературе: «Приключения Родрика Рандома» были даже включены в «Oeuvres completes» (1804) Филдинга. Этой традиционной ошибки не избежал даже В. В. Сиповский. См.: *Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 2. С. 407, 411.*

²⁶² Моск. вед. 1788. № 64. 9 августа. С. 586.

так и не появились.²⁶³ В следующем году читатели получили еще одно произведение Смоллета — «Путешествие Гумфрия Клинкера» («The Expedition of Humphry Clinker», 1771) в переводе И. С. Захарова с немецкого. Как уже говорилось, в первой части автором сочинения опять-таки был назван Филдинг, и лишь во второй и третьей частях появилось имя Смоллета.

Произведения Смоллета во многом противостояли тенденциям сентиментализма, связанным с именем Ричардсона. В то же время они служили своего рода противовесом и против рыцарского романа, который английский сатирик высмеял вслед за Сервантесом. Этот жанр очень долго пользовался в России популярностью, и потому для русских читателей предостережения Смоллета были особенно актуальными.

Книга «Похождения Родрика Рандома» открывалась авторским предисловием, в котором говорилось по поводу рыцарских романов: «...остроумный Сервантес напал на сии дурные сочинения с великим успехом <...> и посеял в сердца всех разумных людей немалое к ним омерзение, а притом и дал понятие о расположении любовных повестей совсем иным образом против прежнего, которые и полюбились каждому, в рассуждении того, что были они сколь полезны сердцу, столь увеселительны и разуму для того, что описывались в них искусным образом случающиеся в жизни нашей различные приключения правдоподобным образом».²⁶⁴

Через посредство французских и немецких источников в Россию к этому времени проникло значительное количество галантно-героических испанских и псевдоиспанских повестей.²⁶⁵ На этом фоне особое значение приобретало обращение к Сервантесу как противнику рыцарских романов. Вскоре после смоллетовского панегирика Сервантесу в русском переводе появился и «Дон Кихот» — «Неслыханный чудодей, или Необычайные и удивительнейшие подвиги и приключения храброго и знаменитого странствующего рыцаря Дон Кишота. Сочинение славного Михайла Серванта Сааведры» (Ч. 1—2. СПб., 1791; перевод с французского Н. И. Осипова). Хотя, как и раньше, это был перевод с одной из французских переработок испанского романа, причем содержавшей достаточно произвольные вставки,²⁶⁶ но показателем самый интерес к творчеству Сервантеса в период, когда русские читатели начали по-новому оценивать рыцарские романы.

В своем «Предупреждении» Н. И. Осипов считал необходимым предупредить читателя: «Повесть о Дон Кишоте не должна никак быть смешана в числе тех романов, которые служат только к одному забавному препровождению времени; но всегда признаваема была сочинением остроумным, в котором сочинитель обращает в смех са-

²⁶³ См.: Свод. каталог. Т. 3. С. 134.

²⁶⁴ Похождения Родрика Рандома... М., 1788. Ч. 1. С. VIII.

²⁶⁵ См.: Рах В. Д. Испанские и псевдоиспанские повести в русских переводах XVIII века // Материалы научно-методической конференции Кафедры иностранных языков (13—14 июня 1968 г.) (Ленинградский институт советской торговли им. Ф. Энгельса). Л., 1968. С. 76—81.

²⁶⁶ См.: Умикян А. Д. Ранние русские переводы Сервантеса (1763—1831). Библиографические заметки // Сервантес. Статьи и материалы. Л., 1948. С. 228—230, 236; Багно В. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 293—296.

мым тонким, нежным и нравоучительным образом глупый вкус или безумие сумасбродных храбрецов, взбесившихся на странствующем рыцарстве».²⁶⁷ Подобная трактовка «Дон Кихота», несомненно, соотносится с суждениями Смоллета и одновременно подчиняется полемическим задачам, которые стояли в это время перед русской литературой, лишь начинавшей освобождаться от пристрастия к рыцарским романам.

В конце 1790-х гг. М. Н. Муравьев писал: «Столько сказок обезобразили ложную или истинную историю Роландов и Ринальдов, и остроумный Сервантес сделал все, что мог, для осмеяния странствующего рыцарства в своем Дон Кишоте; однако сии сказки продолжают еще нравиться».²⁶⁸

В этой связи интересно также высказывание А. Т. Болотова о книге «Верный Калоандр, из сочинений графа Кайлуса. Перевел с французского Алексей Свишов» (Ч. 1—4. М., 1789). Автором книги считался французский литератор А.-К.-Ф. де Келюс. Однако начитанный Болотов с возмущением писал: «А то уже мне совсем непонятно, что побудило господина переводчика приписать сочинение сей книги г-ну Кайлусу, вместо того, что всему свету известно, что сочинил ее господин Марень, а Кайлус ее только переведил на французский язык».²⁶⁹ Речь шла об итальянском рыцарском романе Дж. А. Марини «Верный Каллоандр» «Calloandro fedele» (1640—1641; название первоначальной редакции «Calloandro sconosciuto»), пользовавшемся в Европе огромной популярностью. В России XVIII в. он также был очень хорошо известен, распространялся в списках в переделанном виде и послужил основой для романа П. М. Захарьина «Приключение Клеандра, храброго царевича Лакедемонского и Ниотильды, королевны фракийской» (Ч. 1—2. Николаев, 1798).²⁷⁰

Называя «Верного Калоандра» «героическим романом» и оценивая его очень высоко, Болотов, в духе времени, высказывает о нем следующее мнение: «Однако имеет роман сей от протчих рыцарских романов то великое преимущество и отличность, что во всем оном нет никаких вpletенных волшебств и чародейств, какими другие наполнены бывають, но всем приключениям с великим искусством придаван вид естественности и правдоподобия...»²⁷¹

Рыцарский роман оценивается Болотовым уже с позиций читателя конца столетия, читателя, воспитанного на литературе XVIII в., в которой первостепенными становятся критерии «естественности», «правдоподобия» и «приятности». В формировании этих критериев ведущая роль принадлежала именно английскому роману.

Показательно, что Болотов с большой похвалой отозвался о «трогательном и чувствительном» романе английской писательницы Э. Хелм «Луиза, или Хижина среди мхов» (Ч. 1—2. М., 1790—«Louisa, or The Cottage on the Moor», 1787), переведенном с фран-

²⁶⁷ Неслыханный чудодей... СПб., 1791. Ч. 1. С. 3.

²⁶⁸ ГПБ. Ф. 499. № 29. Л. 75.

²⁶⁹ Болотов А. Т. Мысли и беспристрастные суждения о романах... (ИРЛИ. Ф. 537. № 14. Л. 78 об.).

²⁷⁰ См.: Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 1. С. 413—441; Рак В. Д. Захарьин П. М. // Словарь писателей. С. 333—334.

²⁷¹ ИРЛИ. Ф. 537. № 14. Л. 82 об.

цузского П. Белавиным. Критику особенно понравилась «прекрасная и множеством чувствительных и столь трогательных мест наполненная развязка, что имеющему мягкое и чувствительное сердце человеку не можно читать их без слез удовольствия производимых».²⁷²

Растущий интерес к английской литературе проявился и в том, что русские переводчики стали обращаться не только к сочинениям ведущих романистов, но и к произведениям менее известных авторов (Э. Хелм, Э. Инчболд, Ф. Берни, С. Ганнинг и др.). Преимущественное внимание этих писательниц к внутреннему миру героев, интерес к изображению характеров и нравоописанию — все это вполне соответствовало вкусам и потребностям времени. Как правило, переводы этих романов осуществлялись с французского, и своего рода исключением явился перевод Л. И. Татищева «Евелина, или Вступление в свет молодой девицы. Перевод с французского, сличенный с английским оригиналом, сочинение мис Бурней» (Ч. 1—3. М., 1798) — перевод романа Ф. Берни «Evelina» (1778).

Французская литература неизменно находилась в центре внимания русских переводчиков. Нравоучение, соединенное с искусно развитой любовной интригой, занимательное повествование, включающее «чувствительные» сцены, переодевания, узнавание давно разлученных родственников или влюбленных и т. п. — характерные черты французских романов, переведившихся в конце столетия. Среди них были сочинения уже известных в России авторов, например, одного из наиболее замечательных романистов — Н. Ретифа де ла Бретонна. В 1786 г. появился перевод его раннего произведения — сентиментально-дидактического романа «Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения» в переводе Е. Комаровского («L'Innocence en danger ou Les événements extraordinaires» — под таким заглавием в 1779 г. вышло 8-е издание романа «Lucile, ou Les Progrès de la Vertu», 1768). Наиболее зрелое и глубокое произведение Ретифа де ла Бретонна — «Жизнь отца моего» («La vie de mon père», 1779) было переведено в 1795 г. «на Днепре при Кайдацком пороге в слободе Чаплях» переводчиком, скрывшим свое имя за подписью «В. Кр.», и напечатано в Москве в 1796 г. Несмотря на некоторую архаизацию стиля, перевод удачно передавал особенности крестьянской речи, ориентируя читателя на быт русской деревни.²⁷³

Английские, французские, немецкие романы и повести XVIII в. привлекали русского читателя и изображением светской жизни, «модного обхождения» — тема, с которой связано становление светской повести в русской литературе. В этом отношении богатый опыт могло дать обращение к произведениям далеко не первого ряда, но соответствовавшим вкусу времени.

Так, взявшись за перевод достаточно посредственного французского романа Ж. де Мемье «Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума» (Ч. 1. СПб., 1795; Ч. 1—8. М., 1799—1800. Оригинал: «Le comte de Saint-Méran, ou Les nouveaux égarements du cœur et de l'esprit», 1788), П. И. Макаров объяснял свой выбор следующим образом: «Сей роман имеет даже свою моральную полезность; изображает оный совершенно блестящие общества, нравы на-

²⁷² Болотов. Мысли. С. 204.

²⁷³ См.: Буачидзе Г. С. Ретиф де ла Бретонн в России. Тбилиси, 1972. С. 116—119.

стоящего времени, странности по моде; и что всего лутче, изображает оный совершенно, как черны, как злы, как гнусны некоторые пороки, которые в большом свете приняты, введены и одобрены. Здесь читатель находит везде картину, на которой самые нежнейшие тени чувствований и мыслей выражены со всею точностью. <...> Сент-Меран <...> предастся забвению вместе с переменою образа жизни; но для настоящего времени Сент-Меран, в романах, неоцененное сочинение».²⁷⁴

Все, что П. И. Макаров говорил о романе Мемье, могло быть отнесено и к переводной светской повести, приобретшей к концу столетия необыкновенно широкую популярность. Предпочтение «краткой формы» в отечественной литературе, естественно, было связано и с ориентацией на сложившийся в Европе жанр новеллы или сказки.

Особая роль здесь принадлежала Ж.-Ф. Мармонтелю.²⁷⁵ К 1780-м гг. его сочинения были уже так хорошо известны в России, что имена созданных им персонажей становились нарицательными. Так, например, П. Ю. Львов писал о своем желании показать, что в России «есть благоразумные однодворцы, превосходящие французских Базилев», имея в виду героя повести Мармонтеля «Лауретта».

Помимо переиздания более ранних переводов из сборника Мармонтеля «Contes Moraux» (1761), в рассматриваемый период стали появляться и переводы из его более позднего цикла «Nouveaux Contes Moraux» (1790—1793, «Новые нравоучительные сказки»). Среди них по своему высокому уровню выделяются переводы Карамзина.

Начав публикацию этих переводов в «Московском журнале» (1791—1792), писатель выпустил затем двухтомник «Новые Мармонтелевы повести» (М., 1794—1798; 2-е изд. — 1815; 3-е изд. — 1822). Тщательно совершенствуя стиль своих переводов, Карамзин сумел передать «изысканный слог» Мармонтеля, что имело одновременно большое значение и для выработки норм русского литературного языка того времени.²⁷⁶ Некоторые темы и мотивы французского новеллиста варьировались Карамзиным в его оригинальных произведениях, попадая в новый контекст и потому приобретая уже иное звучание. Характерно, что больше всего параллелей с повестями Мармонтеля исследователи обнаружили при анализе карамзинской повести «Юлия» — первой русской светской повести.²⁷⁷

Предрассудкам светского общества Мармонтель любил противопоставлять бесхитростные нравы людей, живущих на лоне природы и свято чтущих семейные добродетели. Примером может служить повесть «L'Ergeur d'un bon Pègre», вызвавшая несомненный интерес в России. Под названием «Заблуждение добродушного отца» она была напечатана в «Чтении для вкуса разума и чувствований» (1792, ч. 6), затем этот же перевод А. Подшиваловой вышел отдельным изданием (М., 1792), и, наконец, А. Татаринов включил ее под заглавием «За-

²⁷⁴ Макаров П. И. К тем, у которых достанет терпения прочесть // [Мемье Ж.] Граф Сент-Меран... СПб., 1795. Ч. 1. С. XIX—XX.

²⁷⁵ См. выше. С. 168—170.

²⁷⁶ См.: Кафанова О. Б. Н. М. Карамзин — переводчик Мармонтеля // Проблемы метода и жанра. Томск, 1979. Вып. 6. С. 157—176.

²⁷⁷ См.: Сиповский. Очерки. Т. 1. Вып. 1. С. 428—497; Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1779—1811. S. 174—475; Канунова Ф. З. Из истории русской повести. Томск, 1967. С. 131.

блуждение доброго отца» в изданный им сборник «Новые Мармонтелевы повести в дополнение к изданным г. Карамзиным» (М., 1800). Герой этой повести становится «товарищем поселян», хотя и не порывает со своим сословием. Он как бы воплощает весьма далекий от реальности идеал сентименталистов: пастух и земледелец с книгой в руках, с утонченными, возвышенными чувствами. В то же время в повестях Мармонтеля, обращавших на себя внимание русских переводчиков, встречаются положительные герои и недворянского происхождения, в частности, нантский купец Племер из повести «Чистосердечный бретонец» («Le Franc Breton»), включенной в сборник Татаринова под названием «Добродушный бретанец». Проповедь умеренности, довольства своим состоянием — тема, созвучная русской литературе сентиментализма, нашла отражение в повести «Le trépied d'Hélène». Под одним и тем же заглавием «Еленин треножник» вышло три разных перевода: в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» (1792, ч. 7; подпись: «А»); в книге А. А. Витовтова «Мои переводы» (СПб., 1797; книга состояла из перевода этой повести) и в сборнике Татаринова.

При всем художественном несовершенстве этих переводов, особенно по сравнению с карамзинскими, они по-своему отвечали запросам читателей, знакомя их с творчеством Мармонтеля в более полном объеме. Немецкий исследователь, высоко ценя новаторство этого французского автора как родоначальника моралистической повести, с явным предпочтением отнесся к первому циклу сказок Мармонтеля. Поздний же цикл якобы не имел уже существенного значения для дальнейшего развития жанра.²⁷⁸ Между тем в русской литературе именно «Новые нравоучительные сказки» оказались наиболее заметным явлением: их переводы появились очень своевременно, когда определялись основные черты жанра в отечественной литературе.

Насущные задачи, которые стояли перед русскими литераторами конца XVIII в., были связаны с освоением опыта тех европейских авторов, в творчестве которых нашли отражение характерные для сентиментализма идеи и представления. Поэтому неудивительно, что так устойчив оказался в России интерес к творчеству Ф.-Т.-М. де Бакюляра д'Арно, в повестях которого искусно сочеталась «чувствительность» с занимательностью сюжета. Как уже говорилось, повести Арно привлекали читателей и событийной насыщенностью, и своими историческими темами, и даже обращением к политико-философским вопросам.²⁷⁹ Но и публицистический, и авантюрный элемент, как правило, были подчинены у Арно морализаторским целям, что вполне соответствовало вкусу большинства русских писателей того времени.

Показательно, что из многочисленных сочинений Арно, переведенных на русский язык, особым успехом пользовалась повесть «Sidnei et Silli, ou la bienfaisance et reconnaissance, histoire anglois». Изданный в 1769 г. перевод Д. И. Фонвизина «Сидней и Силли, или Благодарность» вновь появился в 1788 г., а также вошел в исправлен-

²⁷⁸ См.: Freund M. Die moralischen Erzählungen Marmontels. Eine weit verbreitete Novellensammlung. Ihre Entstehungsgeschichte, Charakteristik und Bibliographie. Halle, 1905.

²⁷⁹ См.: Inklaar D. François-Thomas de Baculard d'Arnaud, ses imitations en Hollande et dans d'autres pays. Gravenhage; Paris, 1925. См. также выше. С. 177—178.

ном и дополненном виде под заглавием «Сидней и Волсан, аглинская повесть» в книгу «Успокоение чувствительного человека, или Собрание сочинений г. Арнода, прославившегося писанием трогających и удовольствие приносящих повестей в аглинском вкусе» (Ч. 1—2. М., 1789). Это издание, объединившее труды разных переводчиков, подчеркивало значимость творчества Арно, интерес к которому не только не угас, но еще более возрос в конце 1780-х—1790-е гг. В 1794 г. появился еще один перевод той же повести: «Сидней и Волсан, аглинская повесть». Переводчица, скрывшая свое имя под инициалами С. Ф., посвящала книгу некоей «милостивой государыне» в знак благодарности. Это традиционное посвящение интересно тем, что отношения между переводчицей и ее благодетельницей уподоблялись отношениям между героями повести: «Беспримерная чувствительность к страждущему человечеству, бдительность к услаждению слезной доли неимущих <...> — все оное возбудило во мне желание переложить на российский язык повесть Сиднея и Волсана тем наиревностнейше, что в Сиднее нашла Вас, а в Волсане себя <...> и моя признательность нимало не уступает Волсановой».²⁸⁰

Произведения Арно становились своеобразным кодексом морали для «чувствительного» читателя. Великодушные поступки, способность к самопожертвованию, деятельная доброта, умение чувствовать благодарность, верность в дружбе и любви — все эти качества, которыми Арно наделял своих героев, следуя отчасти Ричардсону, вполне соответствовали программе нравственного воспитания, с которой выступали и русские литераторы во главе с Новиковым.

Имея в виду 12-томное издание Арно «Отдых чувствительного человека» («Les Délassements de l'homme sensible», 1783—1786), В. С. Подшивалов писал об этом авторе: «Минуты его отдохновения, минуты чувствительного человека написаны с такою живостью, как и чистою и поразительною моралью».²⁸¹ На следующий же год после этого высказывания начал выходить отдельными книжками и русский перевод сборника под названием «Сокращенности достопамятных происшествий, из сочинений г. д'Арно» (М., 1794—1796). В предисловии к первой книжке был подчеркнут ее дидактический характер: «Творец сочинение сие издал в пользу юношества обоого пола, чрез выбор происшествий самых удобных вперять любовь к добродетели, личным обязанностям и прочее предлагая оному тем самое удобопонятнейшее преподавание правил деятельная нравственности».²⁸² Некая юная переводчица, обратившаяся к повести Арно «Fanny» (1764) — «Фания, аглинская повесть», тоже сочла нужным подытожить содержащуюся в ней мораль: «Сия книжка подтверждает все те правила, что нет там счастья, где добродетель не предшествует деяниям нашим».²⁸³

Так же, как повести Арно, воспитательным целям служили переведившиеся в конце века сочинения С.-Ф. Жанлис, А. Беркена, М. Лепренс де Бомон и других французских авторов. Сходные темы

²⁸⁰ Сидней и Волсан, аглинская повесть. М., 1794. С. 4.

²⁸¹ Чтение для вкуса. 1793. Ч. 11. С. 135.

²⁸² Сокращенности достопамятных происшествий... М., 1794. [Апрель.] С. 3 не-
номер.

²⁸³ Фания, аглинская повесть. М., 1794. С. 5 неномер.

появлялись и в переводах с немецкого: сочинения И. Г. Кампе, Ф. Ю. Бертуха и др. Все это составляло довольно обширный круг чтения, ориентированный прежде всего на детей и юношество.

Продолжая заботиться о нравственной пользе избравшихся для перевода произведений, русские литераторы стремились, однако, не забыть о «приятности», знакомя читателей с самыми новыми европейскими авторами.

Характерен в этом отношении интерес к повестям Ж.-П.-К. Флориана, которые переводит и Карамзин, и многочисленные второстепенные и третьестепенные писатели: П. Х. Безак, Н. Иванов, А. Кандорский, А. Козлова, Н. И. Осипов, А. Печенегов, А. И. Ханенко, Г. И. Шиповский, Н. Яценков и др. Уже этот перечень обнаруживает, какой популярностью пользовался Флориан в России. Этот писатель «оживил» сентиментальную повесть широким использованием местного колорита, отозвавшись на запросы читающей публики, все больше проявлявшей интерес к культуре и нравам других времен и народов. Один из сборников, включавший переводы повестей Флориана, «Новости, греческие, испанские и португальские» (Ч. 1—2. М., 1789; перевод Н. Яценкова), был отмечен следующим отзывом в «Московских ведомостях»: «Сия книжка содержит в себе пять небольших повестей г. Флориана, прославившегося сочинением нежно-приятных и привлекательных творений французского писателя, заслуживших от соотечественников его великую похвалу и одобрение».²⁸⁴ Перевод «итальянской» повести Флориана «Валерия» из сборника «Новые повести» («Nouvelles Nouvelles»), сделанный Карамзиным и опубликованный им в «Московском журнале» (1792, ч. 7), настолько понравился читателям, что с него была сделана рукописная копия, хранившаяся в бумагах Болотовых.²⁸⁵

Благодаря деятельности переводчиков конца века в России стали известны новеллисты, в творчестве которых сочетались сентиментальные черты с нравоописательными элементами, а порой и сатирическими: повести Антона Валля (Х. Л. Гейне),²⁸⁶ В. Г. Беккера, А. Коцебу²⁸⁷ и др.

Среди них особое место принадлежало А. Г. Мейснеру, деятельным пропагандистом которого в 1790-е гг. выступил В. С. Подшивалов. Опубликовав значительное число переводов из Мейснера в своем журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований», Подшивалов выпустил более значительные из них отдельными изданиями. Наибольший успех выпал переводу повести «Бианка Капелло» («Bianca Capello», 1785). В предисловии к отдельному изданию этого перевода Подшивалов рассказывал: «В первом жару после прочтения

²⁸⁴ Моск. вед. 1789. 15 сентября. № 74. С. 900; 19 сентября. № 75. С. 916.

²⁸⁵ ГПБ. Ф. 608. Т. 88. № 4. 23 лл. С пометой: «Списана с печатного 1793 года в Богородицке». О русских переводах повести Флориана «Галатей» см.: Биржакова Е. Э. Эпитет в переводном пасторальном романе («Галатей» Флориана) // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII—начала XIX века. СПб., 1994. С. 180—196.

²⁸⁶ См.: Кочеткова Н. Д. Карамзин и Антон Валль // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 245—258.

²⁸⁷ См.: Giesemann G. Kotzebue in Russland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. Frankfurt am Main, 1971. S. 130—132.

Бианки Мейснеровой начал переводить ее и, сообщив в Чтении для вкуса, разума и чувствований, имел удовольствие снискать одобрение от многих читателей. По просьбе некоторых из них и по просьбе содержателя типографии — две важные побудительные причины для молодого переводчика — поисправив, сколько можно, представляет теперь вновь Мейснерову Бианку российской публике». ²⁸⁸

Сюжет повести был уже известен читателям и по книге Дж. Р. ди Сансеверино «Storia della vita e tragica morte di Bianca Capello», в переводе А. Кондратовича с итальянского языка — «Действие любви, или Любопытные приключения и трагическая смерть Бианки Капеллы, ерцгерцогини Тосканской» (СПб., 1791). Романтическая история, превратившаяся у Мейснера в нечто «среднее между драмою и романом», описание сильных страстей и трагический финал повести — все это расширяло представление о возможностях жанра. Очевидно, успех «Бианки Капелло» вдохновил Подшивалова предпринять затем десяти томное издание «Избранные повести и басни Мейснеровы» (Владимир, 1799—1802).

Этому же неумолимому переводчику принадлежит заслуга ознакомления русской публики с произведениями одного из самых достойных последователей Руссо, раннего романтика — Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера. В «Чтении для вкуса, разума и чувствований» были напечатаны переводы двух важнейших сочинений французского автора: «Павел и Виргиния» («Paul et Virginie», 1787) и «Индийская хижина» («La chaumière indienne», 1791). Оба перевода вышли и отдельными изданиями: первый в 1793 г. (2-е изд. — М., 1806; 3-е изд. — М., 1812; 4-е изд. — М., 1826); второй — в 1794 г. В своей «Автобиографии» Подшивалов сообщал, что эти книги изданы «под чужими именами» ²⁸⁹ (А. Подшиваловой и Е. Свиньиной). Можно предполагать, что обе переводчицы работали под самым непосредственным руководством Подшивалова и публиковавшийся текст в основной своей части ему же и принадлежал. Во всяком случае несомненно, что именно Подшивалов выбрал для перевода сочинения Сен-Пьера, сумевшего обновить тематику сентиментальной прозы, расширив и углубив представления о «естественном человеке», неразрывно связанном с природой. ²⁹⁰

Все это было очень важно и для русской литературы, в которой в это время, как и в европейской, начались споры вокруг самого понятия «чувствительность», и все чаще возникал вопрос о необходимости разграничения «чувствительности» истинной и ложной.

В подобных спорах участники нередко обращались к авторитету Л. Стерна, творчество которого вызвало в России самый живой интерес. ²⁹¹ Знакомство с его произведениями, как и с сочинениями Руссо и ряда других наиболее известных авторов, и даже развитие русского

²⁸⁸ Бианка Капелло, повествуемая Мейснером. Перевел с немецкого 2—80. <В. С. Подшивалов>. М., 1793. С. 5—6.

²⁸⁹ Автобиография Василия Сергеевича Подшивалова // Москвитянин. 1842. № 1, С. 180.

²⁹⁰ См.: Розанов М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Т. 1. М., 1910. С. 459—522.

²⁹¹ См.: Маслов В. И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII-го и начала XIX-го вв. // Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому (1891—1916 гг.). Л., 1924. С. 339—376; Lang D. M. Stern and Radishchev. An

стернианства происходило в основном благодаря обращению отечественных литераторов к зарубежным изданиям, преимущественно французским. Но естественным следствием этого знакомства оказалось и появление переводов на русский язык, которые, в свою очередь, стимулировали процесс дальнейшего освоения и осмысления стернианства.

Характерно, что в рассматриваемый период появилось значительное число переводов из Стерна в периодике. Наконец, отдельными изданиями дважды вышли «Письма Йорика к Элизе и Элизы к Йорику» («*Letters of Yorick to Eliza and Letters from Eliza to Yorick*», 1775) — в переводе Г. Апухтина в 1789 г. и в переводе Н. Карина в 1795 г. (оба перевода с французского). Еще один перевод «Писем», осуществленный А. Колмаковым, вошел в 3-ю часть издания «Стерново путешествие по Франции и Италии под именем Йорика...» (Ч. 1—3. СПб., 1793).²⁹² 1-ю и 2-ю части этого издания занял перевод знаменитого «Сентиментального путешествия» («*A Sentimental Journey through France and Italy*», 1768). Из другого прославленного романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» («*The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*», 1760—1767) в XVIII в. были переведены только отрывки, и первый полный перевод появился лишь в 1804—1807 гг.

Итак, преимущественное внимание русских переводчиков XVIII в. оказалось сосредоточено на наименее интересном произведении Стерна, «Письмах Йорика», книге, которая, по словам ее переводчика Н. Карина, «сочинена для сердец нежных, чувствительных, любящих человечество».²⁹³ По-видимому, эта книга оказалась ближе других произведений английского автора к той традиции сентиментального эпистолярного романа, которая уже была прочно усвоена в русской читательской среде. И Апухтин, и Карин признавались, что осуществленный ими перевод — «первый плод» их упражнений. Разумеется, и результат у обоих получился весьма посредственным. Но не лучше, по сравнению с ними, и перевод А. Колмакова, отважно взявшегося переводить не только «Письма Йорика», но и «Сентиментальное путешествие».

Трудности возникли у русских переводчиков уже при передаче заглавия. Английскому слову «*sentimental*» более всего в русском языке того времени соответствовало «чувствительный». Именно

Episode in Russian Sentimentalism // *Revue de littérature comparée*. 1947. 21 Année. P. 254—260; *Медянцева И. П.* Лирический герой Радищева и Стерна // *Проблемы русской литературы*. Ярославль, 1968. С. 246—268; *Канунова Ф. З.* 1) Карамзин и Стерн // XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. Л., 1975. С. 258—264; 2) Об эволюции стернианства Карамзина // *Проблемы метода и жанра*. Томск, 1977. Вып. 4. С. 3—12; *Макогоненко Г. П.* Радищев и Стерн // *Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 158—164; *Атарова К. Н.* Лоренс Стерн и жанр путешествия в русской литературе конца XVIII века (на материале творчества А. Радищева и Н. Карамзина) // *Писатель и жизнь*. Сб. историко-литературных, теоретических и критических статей. М., 1978. С. 133—145.

²⁹² На титуле указано: «С англнского подлинника перевел Алексей Колмаков». Однако, по свидетельству В. С. Сопикова, на счет которого была напечатана книга, «Письма Йорика» перевел с французского «А. Л.». См.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1905. Ч. 4. № 9242.

²⁹³ Письма Йорика к Элизе и Элизы к Йорику. М., 1795. С. VII.

так — «Чувствительное путешествие» — произведение Стерна было названо в одной из журнальных публикаций.²⁹⁴ Колмаков вообще оказался от определения, назвав книгу просто «Стерново путешествие». Апухтин и Карин, говоря в своих предисловиях о Стерне, упоминали его «Чувственное путешествие». Под этим же заглавием появился перевод П. Домогацкого (1803). Вышедший в 1806 г. анонимный перевод назывался «Путешествие Йорика по Франции...»

Уже этот пример обнаруживает, что новые понятия, связанные со стернианством, не сразу находили эквиваленты в русских переводах. Показательно в этом отношении и замечание Я. А. Галинковского: «Слово *Гюмор* невыразимо на нашем языке».²⁹⁵

Между тем именно Галинковскому²⁹⁶ принадлежат наиболее удачные переводы из Стерна, публиковавшиеся в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» (1800), а затем изданные отдельно: «Красоты Стерна, или Собрание лучших его Патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь. Для чувствительных сердец. Перевод с аглинского» (М., 1801).

Переводчик очень тщательно работал над текстом. «Предлагаемый теперь перевод, — писал Галинковский в предисловии к книге, — против изданного прежде мною в Иппокрене в нескольких отрывках, гораздо пополнен, исправлен и вновь сличен с оригиналом. Я надеюсь, что понимал моего автора, потому что у меня пред глазами был буквальный перевод одной англичанки на французском, а во многих местах справлялся и с ним».²⁹⁷ В отличие от большинства своих предшественников, Галинковский прекрасно сознавал всю трудность перевода Стерна на русский язык. Один из самых первых, если не первый, переводчик «Красот Стерна» употребил слово «сантименталист», ставя его рядом со словом «филантроп» и разъясняя в примечании: «Сантиментальность значит: тонкая, нежная и подлинная чувствительность».

Связанные со Стерном размышления о подлинной и ложной «чувствительности» дали повод Галинковскому иронически отозваться о тех, «которые слишком пристрастились проповедовать свою чувствительность при всяком кусточке, при всяком ручейке в окрестностях нашего города».²⁹⁸ Исследователи не без основания видят здесь выпад против Карамзина или, во всяком случае, против карамзинистов, с которыми у Галинковского вскоре началась откровенная полемика.²⁹⁹

Таким образом, переводы из Стерна оказались неотъемлемой частью той литературной борьбы в русской литературе, которая стала принимать все более широкие масштабы в начале XIX в. В то же время позиция Галинковского, заявленная им в его предисловии к «Кра-

²⁹⁴ Потерянный чемодан. Отрывок из Чувствительного путешествия // Чтение для вкуса. 1791. Ч. 1. С. 26.

²⁹⁵ Красоты Стерна... М., 1801. С. 14.

²⁹⁶ См. о нем: Лотман Ю. М. 1) Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // XVIII век, сб. 4. М.; Л., 1959. С. 230—256; 2) Галинковский Я. А. // Словарь писателей. С. 192—194.

²⁹⁷ Красоты Стерна... С. 17.

²⁹⁸ Там же. С. II.

²⁹⁹ См.: Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 234—235.

сотам Стерна», по своему существу еще не противоречила программе Карамзина и наиболее близких ему авторов. Их объединило нечто очень важное: представление о Стерне как писателе-гуманисте и умение оценить юмор «чувствительного» Йорика.

Неоднозначность и противоречивость оценок, свойственных Стерну, противостояли дидактике, в большей или меньшей степени характерной для предшествовавшей ему литературы и во многом продолжавшей еще сковывать русскую беллетристику XVIII в. Переводы Стерна появились почти одновременно с основными сочинениями Карамзина, который выступил против прямолинейной морализации, впервые заговорив о художественной специфике искусства.

Таким образом, пути развития отечественной и переводной литературы в очередной раз скрестились в конце века на одном из важнейших поворотных пунктов, имевших первостепенное значение для дальнейшего развития русской словесности — на ее пути к новым открытиям в изображении человека и его внутреннего мира.

Глава 6

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Переводная литература, печатавшаяся в журналах, отражала в каждый хронологический период все характерные для него закономерности восприятия как целых пластов изящной словесности других народов, так и отдельных авторов либо произведений. Существо идеологических, творческих, нравственно-воспитательных и прочих соображений и критериев, через которые эти закономерности обретали реальность трудами переводчиков и редакторов, не затрагивалось выбором периодического (а не книжного) издания для продвижения к читателям отечественных версий (от точных переводов до вольных переложений и свободных переделок) иноязычных сочинений. Все, что в этом роде появлялось в журналах, органически принадлежит общей панораме развития переводной литературы, и многие из этих произведений были упомянуты в предыдущих главах соответственно жанровой принадлежности, времени публикации и другим классифицирующим признакам. Тем не менее периодические издания, служившие проводниками зарубежной литературы в русскую читательскую среду, заслуживают отдельного рассмотрения в отношении некоторых специфических своих особенностей, характерных для XVIII в., а с течением времени, в следующем столетии, трансформировавшихся или прекративших существование под влиянием новых условий.

Издатели, редакторы, сотрудники, корреспонденты русских журналов предлагали вниманию своих читателей переводы тех художественных произведений, которые в силу каких-либо обстоятельств, складывавшихся из различных событий, движений, исканий национальной общественной жизни, обретали актуальность, широкую или окказиональную, устойчивую или мимолетную. Разнообразными были факторы, благодаря которым возникала и угасала актуальность всевозможных явлений переводной литературы, но во всех случаях необходимость и своевременность каждого из них определялись комплексом иных представлений по сравнению с тем, что связывается с данными понятиями в наши дни.

Злободневная, событийная, хроникальная и литературная актуальность переводов, которая подразумевала бы четко выраженное тяготение к новинкам зарубежной изящной словесности и публицистики, отличала немногие русские периодические издания XVIII в. Даже обе столичные газеты, по самому своему жанру предназначенные освещать текущие дела, откликались немедленно лишь на политические события, переводя из иностранной прессы по горячим следам сообщения корреспондентов, речи, манифесты и другие

информационные материалы; переводы же литературного характера появлялись, как правило, с немалым запозданием по отношению к подлиннику (например, выполненные Н. М. Карамзиным для отдела «Смесь» в «Московских ведомостях»¹). Разумеется, в России очень внимательно следили за литературной продукцией Запада, но в русскую периодику она попадала, как правило, со значительным отставанием — от десяти лет и более. Понятие о журнале как особом типе издания, призванном оперативно доводить до отечественного читателя все заслуживающее внимания, что выходило из печати в других странах, еще не сформировалось в России. Новинки читали в основном непосредственно на иностранных языках (преимущественно французском и немецком), а журналы повсеместно наполнялись произведениями более старыми, как «устоявшимися», занявшими в литературе определенное прочное место, так нередко и вышедшими уже из активного читательского оборота у себя на родине. Примечателен в этом отношении пример «Адской почты» (1769): в период работы над нею или в очень близкое время в руках Ф. А. Эмина побывали новейшие французские книги, но в основу своего журнала он взял полузабытые анонимные сатирические памфлеты ему, по всей видимости, неизвестного автора и нашел в них обильный материал, отвечавший его целям, поставленным русской жизнью конца 1760-х гг.² Точно так же Крылов обильно заимствовал для «Почты духов» (1789) из публицистических сочинений маркиза д'Аржанса, вышедших еще в конце 1730-х гг. и за истекшие пять десятилетий утративших большую часть своей первоначальной острой злободневности.³ Любопытная ситуация сложилась в Тобольске: сотрудники «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» (1789—1791), перевели для него статьи из французского «Journal encyclopédique ou universel» за 1780—1785 гг., хотя в городе, как известно из писем А. Н. Радищева к А. Р. Воронцову,⁴ имелись выпуски за 1789—октябрь 1790 гг.; даже в 1794 г., издавая уже «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную в пользу и удовольствие всякого звания читателей», П. П. Сумароков обратился к «Journal encyclopédique» за 1783 г.

Перелом происходил медленно, на протяжении нескольких десятилетий. Приблизительно с конца 1770-х гг. («Санктпетербургский вестник») переводы все чаще и чаще появлялись с разрывом от первой публикации подлинника лишь в три-четыре года и даже менее.⁵

¹ См.: Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783—1800 гг.) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 330—331. № 90—115. (XVIII век, сб. 16).

² См.: Рак В. Д. «Адская почта» и ее французский источник // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 169—197. (XVIII век, сб. 15).

³ См.: Разумовская М. В. «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Рус. лит. 1978. № 1. С. 103—115.

⁴ Радищев. Т. 3. С. 361, 366—367.

⁵ Например, перевод рассказа «Le Sauvage» из «Journal de lecture» за 1775 г. (номер не установлен) был напечатан в «Санктпетербургском вестнике» (1778. Ч. 1. Январь. С. 37—38) под эквивалентным заглавием «Дикарь» с опозданием по отношению к подлиннику лишь в три года. Правда, этой оперативности способствовал выполненный и опубликованный в Петербурге двумя годами ранее немецкий перевод: Der Wilde // St. Petersburgische Journal. 1776. Februar. S. 47—49.

Подобные свежие переводные материалы печатались в «Модном ежемесячном издании»,⁶ «Зеркале света»,⁷ «Утренних часах»,⁸ «Новых ежемесячных сочинениях»,⁹ «Растущем винограде».¹⁰ Тенденция заполнять журнал новинками отчетливо видна в московских изданиях Н. М. Карамзина и В. С. Подшивалова,¹¹ однако и в них старые, более пятилетней давности, сочинения занимают свыше половины объема — и подобное положение сохранялось еще долгие годы.

Насмешка Чацкого над теми, кто «сужденья черпают из забытых газет», была бы в эпоху Просвещения невозможна. Просветительское представление о единстве человеческой природы во все времена и у

⁶ Несколько драматических сцен из жизни Алкивиада // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 3. Июль. С. 58—80. Подлинник и источник: *Meissner A. G. Ueber den Alcibiades nebst einigen Szenen aus seinem Leben // Deutsche Museum. 1778. Bd 1. Jänner. S. 54—70.*

Например: Омар: Нравоучительная повесть // Зеркало света. 1787. Ч. 4. № 59. Февр. 12. С. 109—112; № 61. Февр. 26. С. 132—144; № 62. Март 5. С. 148—150. Подлинник: Омар: Eine Erzählung in sieben Kapiteln // [Heine Ch. L.]. Bagatellen / Von Anton Wall. Leipzig, 1783. Bd 1 (переиздание: Leipzig, 1786). Ср.: *Кочеткова Н. Д.* Карамзин и Антон Валь // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 245—258. (XVIII век, сб. 8).

⁸ Например: 1) Капля воды: Индейская повесть // Утренние часы. 1788. Ч. 3. Неделя 27. Окт. 19. С. 3—6. Подлинник: *La goutte d'eau: Conte indien // [Dejardin de Courcelle]. Contes sages et fous / Par madame ***. Strasbourg, 1787. Part 2. P. 169—171.* 2) Огонь и дурак // Утренние часы. 1788. Ч. 3. Нед. 36. Дек. 21. С. 157—159. Подлинник: *Le feu et le fou: Fable // Contes sages et fous. Part 2. P. 171—173.*

⁹ В октябре 1786 г. (Ч. 4. С. 74—77) в журнале напечатаны два перевода (Повесть и басни: [1]. «Обезьяна управляла некогда живописной кистью...» [2]. Бережливость) из сборника Л.-С. Мерсье «*Mon bonnet de nuit*», вышедшего первым изданием в 1784 г.

¹⁰ В «Растущем винограде» с сентября 1785 г. начали печататься переводы из кн.: [Blanchet F.] *Apologues et contes orientaux*. Paris, 1784. Из этого источника были переведены: 1) Престол: Восточная повесть // Растущий виноград. 1785. Сент. С. 91—92; 2) Средство оживать из мертвых: Персидская сказка // Там же. Окт. С. 84—94; 3) Государство: Восточная повесть // Там же. Ноябрь. С. 33—36; 4) Завистливый // Там же. Ноябрь. С. 61—63; 5) Поруганный дервиш, или Турецкий монах // Там же. Дек. С. 44—45; 6) Библиотека короля индийского // Там же. 1786. Янв. С. 88—90.

¹¹ Например, переводы из «*Nouveaux contes mogaux*» Мармонтеля (Заблуждение добродушного отца // Чтение для вкуса. 1792. Ч. 6. № 47—52. С. 316—391; Еленин треножник // Там же. Ч. 7. № 66—69. С. 200—244) появились в один год с выходом их отдельным изданием во Франции (в 1791 г. они печатались в журнале «*Mercur de France*»); переводы из немецких журналов «*Neues Deutsches Museum*» и «*Der Neue Teutsche Merkur*» за 1790 г. — с очень небольшим разрывом ([*Meißner A. G.*] Фалес и Солон // Чтение для вкуса. 1791. Ч. 2. № 34—36. С. 127—145; [*Гизеке Л.*] Галей: Повесть // Там же. № 45. С. 292—300). Книга швейцарского писателя Р.-Л. д'Эрлаха «*Правила благополучной жизни*» (*Erlach R.-L. d.* Code du bonheur: *définement des maximes et des règles relatives aux devoirs de l'homme envers lui-même, envers ses semblables et envers Dieu*. Lausanne, 1788. Т. 1—7) рекламировалась московскими книжными магазинами уже на следующий год после выхода (см.: Моск. вед. 1789. 23 авг. № 69. С. 831), а переводы из нее печатались во второй и четвертой частях журнала (О любви: Древний греческий анекдот // Чтение для вкуса. 1791. Ч. 2. № 36—37. С. 160—175; Рассуждение о том, что супруги может сделать счастливым // Там же. 1791. Ч. 4. № 84—85. С. 104—113; Дюкюс: Исторической анекдот // Там же. № 85—87. С. 114—145; Совет одной матери к своей дочери // Там же. № 87. С. 145—158; Разговор сократической между философом Периаандром и молодым Милконом // Там же. № 87—88. С. 158—165; Легковере: Сказка // Там же. № 91—93. С. 224—247; Герман // Там же. № 93—95. С. 255—283). Не годами, но лишь несколькими месяцами измерялся промежуток между публикацией в немецких и французских журналах рецензий на книги и спектакли и переводами этих статей в «Московском журнале» (см.: *Кафанова О. Б.* Библиография переводов Н. М. Карамзина. . № 32—34, 40—41, 44, 56 и др.); с малым разрывом появлялись в нем переводы и многих художественных, нравоучительных и других сочинений (см. там же, № 35, 38—39, 55, 65, 68 и мн. др.).

всех народов сообщало одинаковую познавательную и воспитательную ценность наблюдениям над нею и выводам из этих наблюдений независимо от того, когда и где они были сделаны. Оно создавало потенциальные условия того, что старое сочинение могло приобрести интерес и актуальность наряду с новейшими, оказавшись, с точки зрения переводчика и редактора журнала, в каких-то аспектах даже полезнее и удобнее последних для выполнения конкретных просветительских задач. На этой основе становилось возможным и воспринималось естественным соседство на страницах одного журнала произведений, отделенных одно от другого по времени написания десятилетиями, например: басни, переведенной из недавно вышедшего сборника Л.-С. Мерсье «Мой спальный колпак» («Mon bonnet de nuit», 1784—1786),¹² и главы из французского сатирического романа конца XVII в. (*Dufresny Ch. Amusemens sérieux et comiques, ou les Délassemens de l'esprit et du coeur, 1699*).¹³

Потенциальные предпосылки, созданные генеральной философской концепцией, реализовывались в конкретных локальных и темпоральных обстоятельствах, создававших всевозможные актуализирующие факторы, которые побуждали русского литератора останавливать свой выбор на конкретном иностранном сочинении и отдавать свой перевод в журнал для публикации. Таким фактором могло стать, например, переиздание подлинника, новый перевод на другой западноевропейский язык¹⁴ или перепечатка старого, включение подлинника или перевода в какой-нибудь сборник, антологию, хрестоматию, наконец, появление в одной из книжных лавок старого издания: то ли случайно обнаруженного залежавшимся где-то на полках или на складе и выставленного на видное место либо анонсированного в газете, то ли пришедшего из чьей-либо распроданной библиотеки, то ли попавшего на прилавок каким-нибудь иным путем. В далеком от столицы провинциальном городе или в дворянском поместье актуализирующим фактором могла быть скудость выбора иностранных книг, при которой лицо, занимавшееся переводами, вынужденно приспособляло свои литературные упражнения к доступному кругу произведений. В подобном положении находились сотрудники тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»: имея в своем распоряжении старые номера журнала «Mercure de France», они передавали их из рук в руки, пока не исчерпали полностью, переведя из них все, что через двадцать лет после выхода еще сохраняло какое-нибудь художественное, познавательное или воспитательное значение. Если русский журнал издавался при учебном заведении, то актуализирующую функцию выполняло использование иностранного

¹² Историки: Баснь // Утренние часы. 1788. Ч. 2. Сент. 21. Неделя 23. С. 159—160.

¹³ Забавный путешественник: Путешествие четвертое: Брак // Там же. Сент. 28. Неделя 24. С. 162—173.

¹⁴ Например, появление в журнале «Зеркало света» (1786. Ч. 1. № 6, 8—11) переводов из английских сатирико-нравоучительных листов начала века «Зритель» («The Spectator») и «Опекун» («The Guardian») определялось, наверно, тем, что в руки П. И. Богдановича попал новейший французский перевод: *L'Esprit d'Addison ou les Beautés du Spectateur, du Babillard et du Gardien, consistant principalement dans une collection des feuilles de Mr Addison / Ouvrage nouvellement traduit de l'anglois par Mr J.P.A. Yverdon, 1777. Т. 1—3. Список переводов в «Зеркале света» см.: Левин. С. 86—87. № 205—210.*

сочинения (конкретного издания этого сочинения) на занятиях в классе или для самостоятельных упражнений во внеучебное время; в этом случае мотивом публикации перевода могли быть не идеологические или литературные соображения редактора журнала, не художественные достоинства подлинника или перевода, а необходимость поощрить ученика, добившегося больших по сравнению с одноклассниками успехов.¹⁵

В соответствии с такими представлениями об актуальности формировалось отношение к печатной продукции. В частности, журнал издавался для долговременного активного пользования, предназначался для нескольких поколений читателей, предполагая даже возможность переиздания.¹⁶ Соответственным был взгляд и на книги, выбиравшиеся в качестве источников переводных материалов. Если по своему содержанию и литературным достоинствам находящиеся в книге или периодическом издании художественные произведения, публицистические статьи, эссе либо ученые рассуждения казались русским литераторам достойными перевода и опубликования в журнале, то ни дата выхода книги (периодического издания), ни читательское назначение и характер, ни наличие ранее напечатанных переводов тех сочинений, которые включала эта книга (или периодическое издание), не были препятствием для того, чтобы взять из нее все, что было сочтено целесообразным. И словарь анекдотов, и хрестоматия для детского чтения, и цитатник были в этом аспекте совершенно равноправны, в глазах сотрудников, редакторов, издателей и читателей журнала, с самыми авторитетными, солидными книгами и периодическими изданиями.

Все эти обстоятельства существенно осложняли закономерную актуальность печатавшейся в журналах переводной литературы, вытекавшую из основных условий общественной жизни и борьбы идей, множеством замысловатого между собою переплетенных окказиональных, побочных факторов, которые в наше время, по прошествии двух—двух с половиною столетий, можно уловить лишь в тех случаях, когда установлен непосредственный источник переводов.

Характерным для русской журналистики XVIII в. явлением были повторные, а нередко (особенно с учетом различных сборников, антологий, хрестоматий) и многократные переводы одного и того же сочинения. Например, в восьми переводах был известен русскому читателю нравоучительный рассказ Ж.-Ф. Мармонтеля о крестьянине, спасшем во время разлива реки семейство, находившееся на

¹⁵ Так, по-видимому, были напечатаны переводы из учебной хрестоматии для изучения латыни, выполненные Я. И. Булгаковым (О дружестве // Полезное увеселение. 1760. Окт. № 16. С. 151—158) и В. А. Приклонским (Истории, выбранные из разных писателей // Там же. 1760. Дек. № 23. С. 209—216). По этой же причине, вероятно, в журналах Московского университета дважды был напечатан в разных переводах один и тот же отрывок из трактата испанского гуманиста А. де Гевары «Часы государей и Золотая книга Марка Аврелия» (*Guevara A. de. El Relox de Príncipes y el libro augeo de Marco Aurelio, 1529*): Великодушие Бианта философа / Пер. с латин. Студент В. Приклонской // Полезное увеселение. 1760. Июль. № 2. С. 11—14; О Вианте, греческом философе / Пер. с латин. С[тудент] Иван Слотвинской // Доброе намерение. 1764. Окт. С. 476—479.

¹⁶ Например, «Детское чтение для сердца и разума», выходявшее в Москве в 1785—1789 гг., было выпущено через десять лет вторым изданием во Владимире (1799—1803), а затем перепечатывалось еще несколько раз в Орле и Москве в промежутке 1801—1819 гг.

готовом рухнуть мосту.¹⁷ Большое число повторных и многократных переводов из английской просветительской журналистики зарегистрировано в составленном Ю. Д. Левиным библиографическом списке,¹⁸ в том числе, например, семь — рассказа С. Джонсона об Обидаге и пустынноике,¹⁹ пять — «Видения мирзы» Дж. Аддисона,²⁰ четыре — его же рассуждения об употреблении времени,²¹ и др. Из неучтенных в этой библиографии можно указать пять переводов рассказа Р. Стиля о двух великодушных врагах.²² Также пять раз (только в журналах) переводился рассказ Ж.-Ф. де Сен-Ламбера «Абенаки» («L'Abenaki»),²³ четыре раза — его же притча «Нужно любить» («Le besoin d'aimer») ²⁴ и эссе аббата (позднее — кардинала)

¹⁷ 1) Великодушный крестьянин // Пфедфель Г. К. Собрание разных забавных и веселых повестей, или Исторический магазин для разума и сердца. М., 1779. Ч. 2. С. 49—50; 2) Повесть о трех добрых мужах... 3. Безыменной // Камне И. Г. Детская библиотека. СПб., 1779. Ч. 2. С. 75—76 (переиздания); 3) Черты великодушия и добродетели. 1. «Разлитие реки Адиги, сопровождаемое свирепейшею бурей...» // Утренние часы. 1789. Ч. 4. 29 марта. Неделя 50. С. 166—168; 4) Великодушный поселянин // Виноградский И. Н. Картина нравов, или Собрание разных нравоучительных повестей и анекдотов... М., 1789. Ч. 1. С. 15—16. Перевод перепечатан в кн.: Беранже Л.-П. Нравоучение, представленное на самом деле... М., 1790. Ч. 2. С. 33—34; 5) «Во время разлития реки Адига...» // Курганов Н. Г. Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезного вешествования. 4-е изд. М., 1790. Ч. 1. С. 243. № 322 (переиздания); 6) Анекдот // Чтение для вкуса. 1792. Ч. 5. С. 289—291; 7) «Во время одного большого разлития реки Адиги...» // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1793. Ч. 1. С. 158—160; 8) Великодушие // Новые басни и повести... / Пер. с нем. М. Базилевичева. М., 1799. Ч. 2. С. 50—52. Рассказ впервые опубликован в кн.: Marmontel J.-F. Poétique française. Paris, 1763. T. 2. P. 144—145.

¹⁸ См.: Левин (по «Указателю английских статей»). С. 96—100).

¹⁹ Там же. С. 98 (см.: Rambler. No. 65).

²⁰ Там же. (См.: Spectator. No. 159).

²¹ Там же. (См.: Spectator. No. 93).

²² The Tatler. 1709. No. 5. April 21. Переводы: О великодушии, кое два неприятеля друг другу оказали: Пер. с фр. // Праздное время. 1759. [Ч. 2. № 18]. 30 окт. С. 284—286. Перевод перепечатан в кн.: Корнильев Д. В. Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Тобольск, 1790. Ч. 1. С. 8—10; 2) Два неприятеля // Пфедфель Г. К. Собрание разных забавных и веселых повестей... М., 1779. Ч. 2. С. 96—98; 3) Любопытные известия: Благодарность // Растущий виноград. 1785. Апр. С. 101—103; 4) Черты великодушия и добродетели. 1. «Во время осады города Намура...» // Утренние часы. 1788. Ч. 2. 24 авг. Неделя 19. С. 91—94; 5) Хорошее мнение одного молодого солдата // Беранже Л.-П. Нравоучение, представленное на самом деле... М., 1790. Ч. 1. С. 272—275. К этим переводам добавился в начале XIX в. еще один: Великодушные неприятели // Моск. вед. 1809. 6 нояб. № 89. С. 2028—2029.

²³ Великодушие дикого человека: Повесть / Переведено из Берлинского Магазиона Ф. Л. [Федором Лазинским] // Ни то ни сию в прозе и стихах. 1769. 30 мая. Л. 14. С. 105—108; Абенаки // СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Май. С. 369—373; Абенакизец: Нравоучительная повесть / Пер. с нем. Д. Рыкачева // Утренний свет. 1780. Ч. 8. Февр. С. 172—176; Абенаки, или Пример чувствительности индейцев / [Пер.] Аврам Лопухин // Чтение для вкуса. 1793. Ч. 12. № 103. С. 296—301; Абенаки: Американская повесть / [Пер.] с фр. И. Вшслэв [Вышеславцев] // Приятное и полезное. 1798. Ч. 19. № 62. С. 151—156. Еще не менее трех переводов были напечатаны в книгах.

²⁴ Любовь за любовь // Дет. чтение. 1785. Ч. 1. № 12. С. 188—192; Потребность любить и быть любиму // Уединенный пошехонец. 1786. Ч. 2. Дек. С. 777—781; О нужде любить / Пер. с фр. А. Стахийев // Новые ежemesячные сочинения. 1792. Ч. 73. Июль. С. 59—63; Нужно любить и быть любимым / Пер. с фр. Кн[ажн]а Н[ата]лья Об[оленск]ая // Приятное и полезное. 1798. Ч. 18. № 31. С. 76—80. Существуют еще по крайней мере два перевода в книгах.

Ф.-И. де Берни «Размышления об удовольствиях сельской жизни» («Réflexions sur le goût de la campagne»),²⁵ три раза — идиллия С. Геснера «Палемон» («Palemon»).²⁶

Основные закономерности возникновения «переводной множественности», как предложено называть это явление, одинаковы во все эпохи и хронологические периоды.²⁷ Одной из причин может стать потребность ввести в культурный оборот новый перевод, чтобы вытеснить устаревший в контексте развития принципов переводческого искусства, не отвечающий изменившимся идеологическим и эстетическим критериям, иному звучанию самого произведения, приобретенному в ходе эволюции восприятия этого сочинения либо всего творчества его автора или же литературы, которую оно представляет. Может образоваться переводная множественность на почве неудовлетворенности переводами своих современников и даже более ранними собственными, полемики с ними на разных основаниях или соревнования с целью наиболее адекватной передачи иноязычного художественного текста. Одновременное появление нескольких переводов происходит и в тех ситуациях, когда разные люди спешат познакомить соотечественников с особо привлекающей внимание зарубежной новинкой. Возможны и другие причины, вызывающие сосуществование в узких временных пределах нескольких переводов одного и того же иностранного сочинения.

Подлинники мелких прозаических переводов, особенно всевозможных анекдотов, нравоучительных рассказов, заметок и других подобных вещей, обильно наполнявших русские журналы, отличались простотою и малой образностью слога, вследствие чего не давали переводчикам обширного простора для состязательности, хотя и не исключали ее полностью, главным образом в форме стремления к большей точности. Следы подобного соревнования или поисков несет в себе, возможно, различие между двумя переводами небольшой статьи «Физические исчисления», появившейся в 1789 г. сначала в «Детском чтении», в самом начале года, а затем в альманахе Благородного пансиона при Московском университете.²⁸ Ни содержание статьи, явно учебно-информационной и взятой, по-видимому, из какой-то книги, находившей в Благородном пансионе применение в классах иностранного языка или предлагавшейся воспитанникам для чтения и самостоятельных упражнений в переводах во внеучебное время, ни лексический состав текста, ни крайне простой синтаксис не ставили

²⁵ Рассуждение о вкусе сельской жизни / Пер. с фр. А. Аргамаков // Полезное упражнение юношества. М., 1789. С. 51—63; Рассуждение о приятностях сельских / [Пер. с фр.] М. Вышеславцев // Чтение для вкуса. 1793. Ч. 11. № 62—63. С. 72—86; О вкусе деревенской жизни / [Пер.] П...ъ Б[елов]ъ // Приятное и полезное. 1798. Ч. 18. № 38. С. 177—187; Рассуждение о приятностях сельской жизни // Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. 3. № 53. С. 3—15.

²⁶ СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Апр. С. 267—271 (пер. Я. Б. Княжнина); Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 2. Апр. С. 55—57; Полезное упражнение юношества. М., 1789. С. 365—367 (стихотворное переложение Д. И. Вельяшева-Волынцева). Существовали переводы этой идиллии, напечатанные в книгах.

²⁷ См.: Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л., 1980. С. 365—372.

²⁸ Физические исчисления // Детское чтение. 1789. Ч. 17. № 9. С. 142—144; Физические исчисления // Полезное упражнение юношества. М., 1789. С. 94—96. Подлинник не установлен.

каких-либо серьезных переводческих задач и не предоставляли сколь-нибудь широкого поля для творческих поисков. Тем не менее при сравнении русских версий рельефно выступает употребление переводчиками разных слов и разной конструкции фраз, как только для этого открывается хоть малейшая возможность. Сотрудник «Детского чтения» чувствовал себя в определенной степени свободным по отношению к подлиннику; переводчик, участвовавший в «Полезном упражнении юношества», был сторонником максимально буквального следования иностранному тексту, где только это было допустимо нормами русского языка. Первый полагал необязательным выдерживать единство терминологии, второй его неукоснительно соблюдал. Участника альманаха не смущало многократное употребление одного и того же слова, поскольку в этом он, конечно, следовал иностранному автору, которого к повторению должно было толкать и, можно сказать, обязывать само содержание статьи. Переводчик «Детского чтения», напротив, старался разнообразить лексику, подыскивая синонимы. Если в «Детском чтении» о земле сообщается, что она «в 24 часа *переворотится вокруг* своей оси» и «*обходит* в год *около* солнца», то в «Полезном упражнении юношества» говорится, что «земной шар, *обращаясь* в 24 часа *около* своей оси <...> совершает в год *обращение около* солнца». В журнальном переводе слово «скорость» чередуется с местоимением «она» и синонимом «быстрота»; в альманахе оно повторено само несколько раз. В «Детском чтении»: «*Плоскость* Европы содержит в себе около 69 400 квадратных миль <...> Так называемой старой свет составляет пятую часть <...> *поверхности* земного шара <...> Нельзя точно определить пропорции между *поверхностию* твердой земли и моря...» В «Полезном упражнении юношества»: «*Поверхность* Европы содержит 69 400 <...> квадратных миль <...> Старой свет составляет пятую часть <...> *поверхности* всего земного шара <...> Не можно определить точно содержания между *поверхностию* вод и земли твердой...» Словом «плоскость», которое, наверное, не очень точно, как есть основания полагать, передало смысл подлинника, исчерпались для журнального переводчика возможности синонимических вариаций, и, не найдя других замен, он повторил существительное «поверхность». Но последнее предложение (здесь приведенное в усеченном виде) ставило перед ним еще одну стилистическую задачу, так как в нем дважды (если верить второму переводу, считая его дословным) употреблено слово «воды». Желая устранить это повторение, он вводит слово «море», явно при этом жертвуя точностью (по смыслу ясно, что в подлиннике речь должна идти о сопоставлении площади поверхности суши с площадью всей водной поверхности на земном шаре, а не только морей).

Если состязательность была возможной при переводе текста, подобного разобранным выше,²⁹ то тем более она должна была проявляться в каких-то случаях повторного или многократного создания русско-

²⁹ Впечатление намеренной состязательности или творческого спора может быть и мнимым, возникая в том случае, когда переводы выходят в свет одновременно или в непосредственной хронологической близости, даже если выполнявшие их лица работали в полном неведении относительно друг друга. Однако применительно к «Физическим исчислениям» есть все основания считать, что редактор «Полезного упражнения юношества» М. М. Снегирев напечатал их не без оглядки на журнал. Отбирая материал для своей аудитории, «Детское чтение», кажется, ориентировалось

язычной версии иностранного художественного произведения, относящегося к одному из малых прозаических жанров. Правда, этот тезис не имеет в настоящее время подкрепления конкретными примерами, но отсутствуют они по той лишь причине, что данный феномен еще ожидает своего исследователя. Вместе с тем большей частью повторные переводы коротких рассказов, заметок, анекдотов и других мелких прозаических сочинений в журналах и всевозможных сборниках вызывались в XVIII в. к жизни неосведомленностью и отсутствием библиографической информации, или одновременностью выбора и работы, или намерением редактора журнала поощрить молодого человека, вступавшего на литературное поприще,³⁰ или необходимостью либо ощущением внешней или внутренней потребности, чтобы иностранное сочинение продолжало оставаться в поле зрения читателей, а перепечатывать старый перевод было по какой-либо причине нельзя (что естественно для журнала) или нерационально.

Существовало еще одно характерное для журналистики XVIII в. обстоятельство, способствовавшее возникновению переводной множественности. Прежде чем попасть в русский журнал или сборник, иноязычные рассказы, стихотворения, статьи, заметки, анекдоты и прочие сочинения малых жанров проходили обычно сложный, зигзагообразный путь по страницам зарубежной периодики, антологий, учеб-

в определенной мере на педагогическую практику Московского университета. С другой стороны, в учительской среде — по крайней мере, московской — в свою очередь сверяли свой выбор с тем, что предлагал юным читателям новиковский журнал. Об этом свидетельствует использование в «Учебной книге для юношества, начинающего учиться немецкому языку», (М., 1788) переводов из «Детского чтения». В этих условиях публикация «Физических исчислений» не могла быть не замечена М. М. Снегиревым, не мог он не ощутить и различия переводов. Получив номер журнала, в котором была помещена статья, он должен был, конечно, задуматься над целесообразностью и необходимостью печатания повторного ее перевода. Он ее не исключил, и, следовательно, у него были какие-то веские соображения ее сохранить. Вопрос о поощрении начинающего дарования в данном случае, кажется, не было, так как «Физические исчисления» напечатаны анонимно, в то время как воспитанники обычно ставили свои подписи. Очень вероятно поэтому, что именно различие переводов и было тем самым побудительным соображением. Возможно, мыслилось показать на фоне журнала, предлагавшего свободное, в рамках адекватности, переложение иностранного текста, иной способ решения переводческой задачи — точную его передачу. Нет ничего невероятного в предположении, что в московской педагогической практике существовала традиция подобного сопоставления учебных переводов с вариантами, напечатанными в авторитетном журнале. Так, во всяком случае, можно интерпретировать ту же «Учебную книгу», в которой лишь несколько произведений было заимствовано почти без всяких изменений.

³⁰ Именно так следует, по-видимому, объяснить тот факт, что П. А. Сохацкий напечатал в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» (1799. Ч. 1. № 22. С. 337—342) рассказ А. Г. Мейснера «Юный перс» в переводе с немецкого языка А. Х. Чеботарева, хотя это произведение ранее уже печаталось в русском переводе в предыдущем журнале, выходявшем под редакцией того же Сохацкого (Молодой персиянин // Приятное и полезное. 1795. Ч. 6. № 28. С. 23—27). Нравоучительная аллегорическая притча о короле, избираемом на один год, была переведена неким К*** (очевидно, В. С. Кражевым) из английского журнала и напечатана под заглавием «Аллегория» в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» (1791. Ч. 3. № 70. С. 291—299). Позднее из какого-то детского сборника ее перевела юная Екатерина Свиньина, и журнал, поместив подборку ее первых переводческих опытов, напечатал повторно и это произведение (Король на один год // Там же. 1793. Ч. 9. № 20. С. 312—318). Об этой притче см.: *Рак В. Д.* Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журнал «Утренние часы» // *Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы.* Л., 1980. С. 96, примеч. 41.

ных пособий и других, иногда самых неожиданных изданий. В процессе миграции часто появлялись различные трансформации текста, каждая могла прийти в Россию разными путями и стать источником разных переводов, которые в свою очередь могли находиться в сложных взаимоотношениях и взаимодействии. Примером может служить анонимный рассказ «Дикий» («Le Sauvage»), переведившийся на русский язык семь раз в промежутке 1778—1799 гг. Первоначально он был напечатан в одном из номеров французского «Journal de lecture» за 1775 г. (впрочем, не исключается вероятность того, что эта публикация была уже перепечаткой). Неизвестный автор написал его для иллюстрации просветительской идеи духовно-нравственного равенства людей всех состояний, национальностей и вероисповеданий. Некий «благородный священник», глядя на резвящихся детей, желает их матери вырастить их такими, чтобы, сохранив свою природную беззлобность, они «к тем, которые им никакого зла не сделали, ненависти не питали ни за веру, ни породу».³¹ Основная мысль выражена следующими его словами: «Повсюду есть добрые люди; и между дикарями я видел тому опыты».³² В подтверждение священник рассказывает эпизод из своей жизни в Америке, где случай свел его с добродетельным и чувствительным индейцем. Отвечавший настроениям сентиментализма, рассказ был сразу замечен и перепечатан в разных изданиях. Его популярности способствовало и то обстоятельство, что французский писатель Арно Беркен включил его в один из выпусков своей многократно переиздававшейся и переведившейся на другие языки хрестоматии «Детское чтение» («Lectures pour les enfans, ou Choix de petits contes également propres à les amuser et à leur faire aimer la vertu». Paris, 1775),³³ откуда он снова разошелся по периодическим изданиям и всевозможным сборникам. В хрестоматии он получил новое заглавие («On trouve partout de bonnes gens, même parmi les sauvages»), была изъята вся экспозиция и оставлен только эпизод с туземцем, произведены отдельные мелкие изменения в тексте. В Россию пришли, естественно, оба варианта, а также немецкие их переводы. Кроме того, были варианты, имевшие распространение только в России. Так, небольшую адаптацию в учебных целях претерпел текст, заимствованный из какого-то немецкого издания и включенный в двуязычную «Учебную книгу для юношества, начинающего учиться немецкому языку» (М., 1788).

Взаимоотношения подлинника рассказа (за него принимается публикация в «Journal de lecture»), выявленных западноевропейских перепечаток и переработок, русских переводов и их источников показаны на схеме.³⁴

³¹ СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Янв. С. 37.

³² Там же. Опыты — доказательства (фр. preuves).

³³ Перечень изданий см. в кн.: Martin A., Mylne V. G., Frautschi R. Bibliographie du genre romanesque français, 1751—1800. London; Paris, 1977. P. 189—190. No. 75. 17. Автор остался составителям не известен.

³⁴ Сокращения, использованные в схеме, обозначают:

БГ — Дикий человек // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. Окт. С. 146—149.

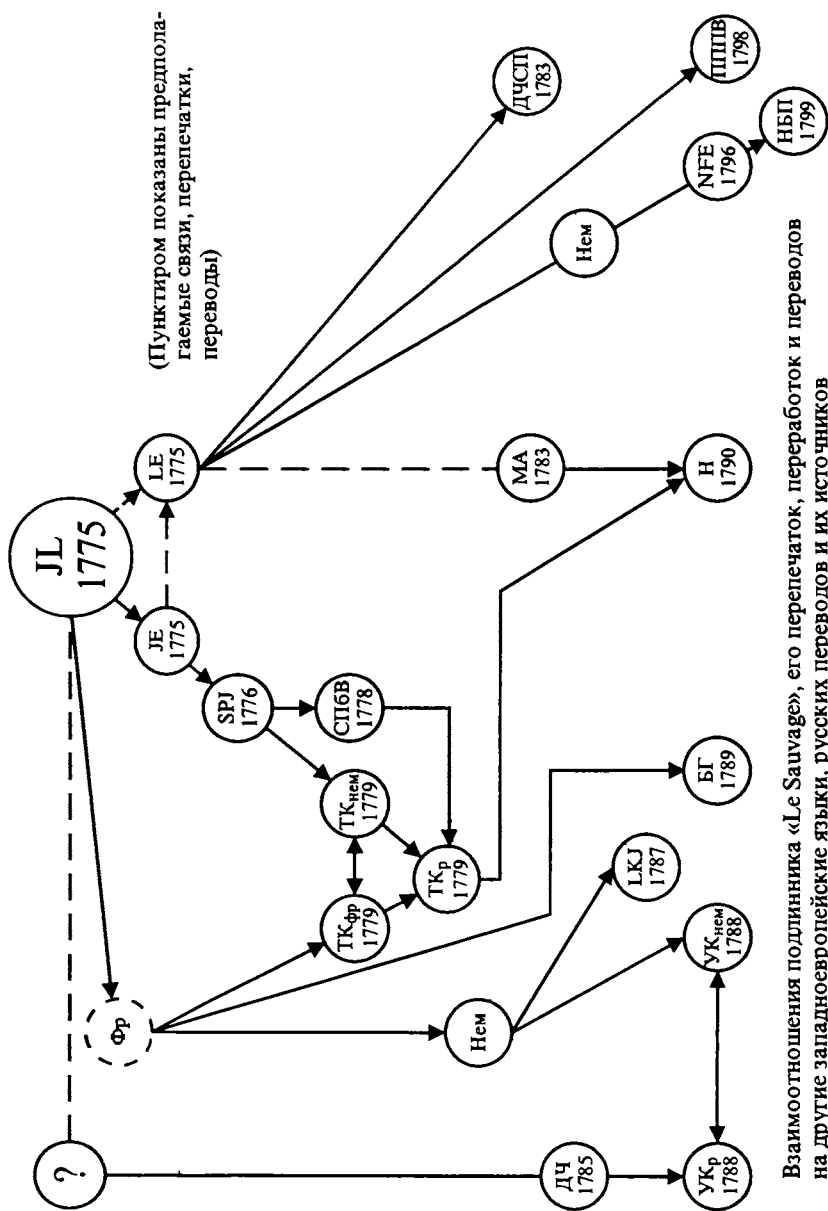
ДЧ — Дикой американец // Детское чтение. 1785. Ч. 4. № 42. С. 46—48.

ДЧСП — Есть везде добрые люди, и между дикими // Детское чтение, или Собрание повестей и других сочинений, способных к забаве и наставлению людей. СПб., 1783. С. 7—9.

Представленная в виде схемы, история русскоязычных версий сказа «Le Sauvage» демонстрирует, что одним из важных условий образования переводной множественности было функционирование произведений в составе учебных пособий и сборников для детского и юношеского чтения, переведившихся на русский язык полностью или выборочно. Подобные издания служили источниками обильного потока переводов в журналах, питавшегося трудами как учащейся молодежи, так и зрелых литераторов, искавших и находивших в такого рода книгах произведения, которые отвечали, как уже говорилось выше, самым серьезным просветительским целям и удовлетворяли читателей любого возраста.

Самыми примечательными и долговременными в этом отношении были, кажется, пособия для изучающих французский язык, составленные педагогом Давидом Этьеном Шоффеном: «Новая грамматика для дам и всех прочих, кто не знает латыни» («Nouvelle grammaire à l'usage des dames, et des autres personnes qui ne savent pas de latin = Neue französische Grammatik zum Besten des Frauenzimmers, und anderer Personen die das Latein nicht verstehen». Berlin, 1747. Т. 1—2; переизд.: 1755, 1776, 1782) и «Филологические развлечения» («Amusemens philologiques; ou Mélange agréable de diverses pièces ...» Halle, 1749—1761. Т. 1—3; многочисленные переизд.: bème éd. 1785). По методическим правилам того времени в «Грамматике» входил особый разделом материал для чтения (небольшие рассказы в жанре анекдо-

- Н — Дикой // [Беранже Л.-П.]. Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов / Пер. М. В[ышеславцев]. М., 1790. Ч. 1. С. 163—165.
- НБП — Люди добрые находятся везде, даже и между дикими // Новые басни и повести... / Пер. с нем. яз. Марья Базилевичева. М., 1799. Ч. 2. С. 111—114.
- ПППВ — И между дикими есть добрые люди / С фр. Кн[язн]а Н[ата]лья Об[оленск]ая // Приятное и полезное. 1798. Ч. 18. № 31. С. 74—76.
- СПБВ — Дикарь: Повесть («Journal de lecture») // СПб. вестн. 1778. Ч. 1. Янв. С. 36—39.
- ТК_{нем} — Der Wilde: Eine Erzählung aus dem «Journal de lecture» // [Арднт Б. Ф.]. Третьячная книга; в пользу российского и иностранного юношества, обучающегося российскому, немецкому и французскому языкам. СПб., 1779. С. 46—48.
- ТК_р — Дикий: Повесть из «Journal de lecture» // Там же. С. 46—48.
- ТК_{фр} — Le Sauvage: Conte tiré du «Journal de lecture» // Там же. С. 46—48.
- УК_{нем} — Der Wilde // Учебная книга для юношества, начинающего учиться немецкому языку. М., 1788. С. 93—94.
- УК_р — Дикой // Там же. С. 92, 95.
- JE — Le Sauvage: Conte tiré du «Journal de lecture». Tome 1-er, partie 3-me // Journal encyclopédique ou universel. 1775. Т. 8. Part 2. 1er décembre. P. 320—321.
- JL — Le Sauvage // Journal de lecture. 1775. Т. 1. Part 3.
- LE — On trouve par-tout de bonnes gens, même parmi les sauvages // [Berquin A.]. Lectures pour les enfans... Paris, 1775 (переиздания).
- LKJ — Der Wilde // Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens. Giessen, 1787. Th. 6. S. 273—275.
- MA — предполагаемая перепечатка в кн.: [Berenger L.-P., Guibaud E.]. La morale en action, ou Élite de faits mémorables et d'anecdotes instructives, propres à faire aimer la vertu et à former les jeunes gens dans l'art de la narration. Lyon, 1783.
- NFE — предполагаемый перевод или перепечатка более раннего перевода в кн.: [Simon E. H.]. Neue Fabeln und Erzählungen zum Unterricht und Vergnügen: Ein Geschenk für die Jugend edler Erziehung. Heilbronn, 1796.
- SPJ — Der Wilde: Eine Erzählung aus dem Journal de Lektüre // St. Petersburgische Journal. 1776. Februar. S. 47—49.

тов, стихотворения, выдержки из нравоучительных трактатов, диалоги в царстве мертвых, письма французских авторов, признанные образцами эпистолярного стиля, и др.); а трехтомная хрестоматия включала несколько сотен небольших текстов разнообразного содержания. Уже в начале—середине 1750-х гг. эти пособия проникли в Россию; в 1763 г. был издан отдельной книжкой первый из них перевод, а в марте 1769 г. первой среди русских журналов «Поденщина» напечатала переводное извлечение из «Грамматики» в виде статьи. Различные выдержки из учебника и хрестоматии Шоффена появлялись время от времени в периодике («Поденщина», «Смесь», «Вечерняя заря», «Лекарство от скуки и забот», «Растущий виноград», «Полезное упражнение юношества», «Новые ежемесячные сочинения», «Приятное и полезное препровождение времени») и книжками на протяжении всего периода, пока «Грамматика» и «Филологические развлечения» находились в активном пользовании (оно продолжалось еще в начале XIX в.).³⁵

Хрестоматия Шоффена была положена в основу изданного Сухопутным шляхетным корпусом аналогичного пособия под тем же заглавием и в том же количестве томов («Amusemens philologiques, ou Mélange agréable de diverses pièces, concernant l'histoire des personnes célèbres, les événemens mémorables, les usages et les monumens des anciens, la morale, la mythologie, et l'histoire naturelle». [St. Petersburg], 1776—1777. Т. 1—3). Под воздействием перемен, имевших место в литературном и культурном движении, ощущалась необходимость обновить содержание испытанного, но устаревшего пособия, которое, правда, и в прежнем виде продолжало функционировать и переиздавалось еще несколько десятилетий. Робкая попытка в этом направлении была сделана. Перепечатав почти целиком, за малыми исключениями, первый и выборочно, с большими пропусками, два другие тома оригинала, редактор петербургских «Филологических развлечений», следуя, очевидно, сложившемуся в учебной практике Сухопутного корпуса кругу материалов на французском языке для чтения и перевода, включил в третий том ряд отсутствовавших у Шоффена статей и художественных произведений, среди них рассказы и притчи из сборника «Восточные басни» («Fables orientales», 1769) Ж.-Ф. де Сен-Ламбера, а также подборку заметок о пиратах. Позднее были изданы два дополнительных тома («Suite des amusemens philologiques». St. Petersburg, 1791—1792. Т. 1—2), в которых были перепечатаны материалы для чтения из «Новой грамматики» Шоффена; а затем петербургские «Amusemens» выходили еще дважды (Т. 1—4, 1794—

³⁵ Библиографию переводов из пособий Д.-Э. Шоффена см. в приложении к статье: Рак В. Д. Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 100—102. Уточнения относительно № 17—18 этого списка см. ниже, примеч. 36. После его опубликования были выявлены переводы из этих источников в сборнике Е. П. Демидовой «Время неспрадно проведенное в чтении» (СПб., 1787), а также в журнале «Лекарство от скуки и забот» (предположительно): Китайские анекдоты // Лекарство от скуки и забот. 1787. Ч. 2. № 35. 24 февр. С. 70—72; Верный друг // Там же. № 44, 28 апр. С. 140—141; Эпиграмма: Знание одного барона // Там же. С. 143.

1796; 2 éd. — Т. 1—2, 1817). Переводы из этой антологии печатались в «Новых ежемесячных сочинениях».³⁶

Через переводы, в том числе ученические, получили в журналах отражение и другие пособия, издававшиеся в России. Так, вскоре после выхода «Немецкой хрестоматии» М. Г. Гаврилова (*Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der studierenden Jugend / Hrsg. von M. G. Moskau, 1792*) в «Новых ежемесячных сочинениях» были напечатаны три перевода из нее, выполненные шестнадцатилетним В. Г. Муратовым.³⁷ По наблюдению М. П. Алексева, «ценным источником для профессиональных русских переводчиков, среди которых были и многие видные писатели Москвы и Петербурга», явилась изданная В. С. Кряжевым хрестоматия «Избранные сочинения из лучших английских писателей прозою и стихами, для упражнения в чтении и переводе» (М., 1792).³⁸ В частности, из этой книги, возможно, был переведен эстетический трактат Дж. Аддисона «О удовольствиях воображения», извлеченный из сатирико-нравоучительного журнала «Зритель» (*The Spectator. 1712. June 21—July 3. Nos. 411—421*).³⁹

В круг чтения изучавших иностранные языки включались и доступные зарубежные журналы. Например, в счете, представленном 3 апреля 1787 г. директором петербургской Учительской семинарии И. И. Кохом, значатся приобретенные для воспитанников «„Mannigfaltigkeiten“, ежемесячное сочинение, содержащее небольшие до физик[и], истории и естественной истории сочинения, 1769—1784 год» и «„Unterhaltungen“, подобного содержания книги, 1784, 1785».⁴⁰ В петербургской периодике пока выявлен (к тому же предположительно) лишь единичный перевод из этих журналов,⁴¹ но в московской, как показывают результаты даже еще далеких от заверше-

³⁶ [Сен-Ламбер Ж.-Ф.]. О нужде любить: Восточная повесть / Пер. А. Стахийев // Новые ежемесячные сочинения. 1792. Июль. Ч. 73. С. 59—63; На редкость друзей / [Пер.] А. Стахийев // Там же. С. 71; О некоторых работах мелкостью своею удивительных / [Пер.] Кадетъ Черняев // Там же. 1792. Авг. Ч. 74. С. 46—49; Отменитая сыновья горячность / Пер. Г. Мальгин // Там же. С. 64—66. По этому же изданию были переведены А. Стахийевым две статьи, описанные в упомянутой выше (см. примеч. 35) библиографии под № 17—18.

³⁷ Благодарность есть одна из легчайших и приятнейших добродетелей // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Май. Ч. 83. С. 16—22; Женщина, живущая в Японии // Там же. Июль. Ч. 85. С. 52—54; Палемон с сыном // Там же. С. 54—55.

³⁸ Алексева М. П. Английская поэзия и русская литература // Английская поэзия в русских переводах XIV—XIX века / Сост. М. П. Алексева, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. М., 1981. С. 536—539.

³⁹ Чтение для вкуса. 1793. Ч. 10. № 55—57. С. 484—507; Ч. 11. № 69—70. С. 183—199; Ч. 12. № 85—86, 97—99. С. 3—28, 207—226. Перевод за подписями: Б... Б... Б**.

⁴⁰ РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 65. Л. 37. Речь идет о журналах: «Mannigfaltigkeiten: Eine gemeinnützige Wochenschrift» (1769—1773. Bd 1—4), «Neue Mannigfaltigkeiten...» (1774—1777. Bd 1—4), «Neueste Mannigfaltigkeiten...» (1778—1781. Bd 1—4), «Allerneueste Mannigfaltigkeiten...» (1782—1785. Bd 1—4), «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde» (1778—1787; идентификация предположительная, без просмотра издания de visu).

⁴¹ Сила веры: Восточная повесть // Санктпетербургское еженедельное сочинение. 1778. 24 мая. Л. 4. С. 62—63. Этот перевод не был ученическим. На языке подлинника рассказ был параллельно напечатан в издании: *Petersburgisches Wochenblatt, zur Aufnahme der Oekonomie, und zu Ausbreitung anderer gemeinnütziger Kenntnisse. 1778. 24. May. St. 4. S. 62—63.*

ния разысканий, они оставили заметный след.⁴² Неоднократное повторное обращение к их томам более чем двадцатилетней давности,⁴³ не имевшим, на первый взгляд, явной насущной актуальности, могло быть вызвано как раз тем, что если не во всех, то по крайней мере в некоторых случаях ими пользовались в учебных целях как для упражнения в переводе с немецкого языка, так одновременно для расширения кругозора в разных областях знания. Это предположение тем более правомерно, что среди переводчиков были студенты Московского университета Степан Орлов, ставший через год преподавателем немецкого этимологического класса в университетской гимназии, а также некто Д. Т.

Среди различных сборников для детского и отроческого чтения, служивших немаловажными источниками переводов в журналах, очень популярной была упоминавшаяся выше хрестоматия А. Беркена «Lectures pour les enfans». Содержавшая рассказы, притчи и анекдоты, написанные исконно для взрослых читателей, в том числе из журнала «Mercure de France», сочинения Вольтера, Геснера, Летурнера, Мариво и др., она вышла в России за пределы детской литературы и приобрела более общее значение. Переводы из нее, легко опознаваемые по изменениям в заглавиях и в языке, а в отдельных произведениях и по сокращениям, которые производил Беркен, появились в «Санктпетербургском вестнике», «Уединенном пошехонце», «Утренних часах», «Приятном и полезном препровождении времени».⁴⁴

«Детская библиотека» немецкого педагога И.Г.Кампе (Kleine Kinderbibliothek. 1779—1784) обильно представлена, как и должно было закономерно произойти, в «Детском чтении для сердца и разума». Вместе с тем, вероятно, из нее переводили несколькими годами позже для «Беседующего гражданина» И. П. Степанов⁴⁵ и С. С. Пе-

⁴² Счастливо узнанное заблуждение // Городская и деревенская библиотека. 1783. Ч. 7. С. 339—354 (источник — «Neue Mannigfaltigkeiten» — установлен лишь предположительно); Благодетель и мудрец: Китайская повесть / [Пер. Я. И. Благодаров] // Чтение для вкуса. 1791. Ч. 1. № 7—9. С. 107—131; Астрологический календарь на следующее столетие // Там же. №16. С. 248—253; Краткие замечания о телодвижении // Там же. № 16—17. С. 254—257; Сравнение пушугу с обращением: Пер. с аглинского // Там же. № 17. С. 257—264; Нечто из влияния климата в рассуждениях и обычаях народов // Там же. 1791. Ч. 3. № 65—67. С. 221—242; Оракул: Греческая история // Там же. 1791. Ч. 4. № 78—80. С. 3—45; Анекдот // Там же. 1792. Ч. 5. № 19. С. 289—291 (перевод за подписью: П. М.; источник может считаться установленным лишь предположительно); Кончина христианина // Там же. 1792. Ч. 8. № 82. С. 31—32; Могущество религии // Там же. 1793. Ч. 9. № 30. С. 473—474 (перевод за подписью: В); Испытание: Арапская повесть // Там же. Ч. 10. № 50—51. С. 389—415 (подпись: В).

⁴³ Кроме «Чтения для вкуса, разума и чувствований», эти журналы представлены переводами также в некоторых изданных в Москве книгах: Повесть о легкомысленном любовнике... с присовокуплением к оной Описания добродетельной супруги по притчам Соломоновым / Пер. с нем. С. Орлов М., 1787; Благодаров Я. И. Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста. М., 1788; Благодетель и мудрец: Китайская повесть / Пер. с нем. яз. Я.Б[лагодаров]. М., 1788; Бильблиистон, или Долина соловьев: Восточные нравоучительные повести / Пер. с нем. Ст[удента] Д. Т. М., 1793.

⁴⁴ Подробнее о переводах из «Lectures pour les enfans» см.: Рах В. Д. Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журнал «Утренние часы» // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 112—114.

⁴⁵ [Мориц К. Ф.]. Путешествие чрез жизнь // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 2. Июль. С. 254—270; [Курце]. Ирин и Аминт // Там же. Авг. С. 388—392.

стов,⁴⁶ остановившие свой выбор на вещах, с которыми уже познакомились русские читатели новиковский журнал.

Большое число художественных произведений и статей различного содержания, извлеченных из иностранных детских изданий, печаталось в журналах московских сентименталистов. Здесь появились переводы из той же «Детской библиотеки» И. Г. Кампе,⁴⁷ «Исторического магазина для сердца и разума» Г. К. Пфедфеля (*Magazin historique pour l'esprit et le coeur. Strasbourg, 1764. Parts 1—2; переиздания. То же на нем. яз.: Historisches Magazin für den Verstand und das Herz. Strassburg, 1764. Th. 1—2; переиздания*) или какого-то сборника, содержавшего из него заимствования,⁴⁸ «Подручной библиотеки для детей и юношества» И. Д. Лейдинга (*Handbibliothek für Kinder und junge Leute. Flensburg, 1769—1771*),⁴⁹ «Собрания любопытных путешествий для юношества» И. Г. Кампе (*Sammlung merkwürdiger Reisebeschreibungen für die Jugend, 1785—1793*).⁵⁰ Многие источники подобного рода остаются пока неустановленными.

Всевозможные иностранные сборники, включая учебные хрестоматии, сохраняли, видимо, свое место в формировании потока журнальной переводной литературы и в первые десятилетия XIX в. Русская периодика этого периода еще ожидает детального изучения под этим углом зрения, тем не менее уже имеющийся в распоряжении исследователей материал позволяет им сделать вывод о том, что нарисованная выше «общая картина существенно не изменилась, — менялись лишь источники, откуда компиляторы брали тексты».⁵¹

⁴⁶ Диоген и юный Критон, или Наставническая беседа // Там же. Ч. 3. Сент. С. 30—58.

⁴⁷ Должно ли любить порочных? Разговор отца с сыном // Чтение для вкуса. 1791. Ч. 1. № 26. С. 409—414.

⁴⁸ Анекдоты // Там же. Ч. 3. № 74—75. С. 367—384. К сборнику Пфедфеля восходят рассказы: 1. Владетель моря и земли; 2. Румянец добродетели; 5. Достойное государя рассуждение; 6. Солон и Крез; 8. Великодушный живописец; 9. Великий государь; 10. Тронутый пьяница; 11. Геройские слезы; 12. Пристыженный самохвал; 13. Хорошее исполнение священнического сана.

⁴⁹ Овца // Чтение для вкуса. 1793. Ч. 9. № 17. С. 264—266; Бади // Там же. № 17—18. С. 269—280; Разные мысли // Там же. № 18. С. 281—282; Мамакир и Таукар // Там же. С. 283—284; Описание Юпитера // Там же. С. 284—286. Эта подборка переводов подписана инициалом «В» (В. С. Подшивалов).

⁵⁰ Печальные приключения госпожи Годень на пути из Риобамбы неподалеку от Квито, что в Перу, чрез Амазонскую землю / [Пер.] А. Савин // Там же. 1793. Ч. 10. № 32—35. С. 14—52; Пример жестокости индейцев / [Пер.] Ал. Са-н [Савин] // Там же. Ч. 12. № 102—103. С. 282—295.

⁵¹ Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина. 3. Пушкин — читатель «Собрания русских стихотворений» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 311—312.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БРАН — Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург).
- Берков.* Журналистика — *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
- Болотов.* Жизнь — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738—1795. СПб., 1871—1873. Т. 1—4.
- Болотов.* Мысли — *Болотов А.* Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 194—221.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ныне Российская государственная библиотека (Москва).
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ныне Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
- Данилевский — Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984.
- Дет. чтение — Детское чтение для сердца и разума. М., 1785—1789. Ч. 1—20.
- Дмитриев — Дмитриев И. И.* Сочинения. СПб., 1893. Т. 1, 2.
- Евгений.* Словарь — *Евгений (Болховитинов Е. А.)* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1, 2.
- Ежемес. соч. — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755—1757; Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763—1764.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917. Ч. 1—434.
- Заборов — Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978.
- Изв. ОРЯС — Известная Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852—1861. Т. 1—10.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
- История рус. лит. — История русской литературы. М.; Л., 1941—1954. Т. 1—10.
- Карамзин — Карамзин Н. М.* Избранные сочинения. М.; Л., 1964. Т. 1, 2.
- Ключевский — Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1956—1959.
- Левин — Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990.
- Ломоносов — Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950—1959. Т. 1—10.
- Моск. вед. — Московские ведомости. 1756—1917.
- Новиков — Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951.
- Пекарский.* Ист. АН — *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870—1873. Т. 1, 2.
- Пекарский.* Наука и лит. — *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1, 2.
- Письма — Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. М., 1978—1992. [12 т.].
- Праздное время — Праздное время, в пользу употребленное. СПб., 1759—1760.
- Приятное и полезное — Приятное и полезное препровождение времени. М., 1794—1798. Ч. 1—20.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.; М.; Л., 1846—1989. Т. 1—38.
- Пыпин — Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888.
- Радищев — Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938—1952. Т. 1—3.

- Рус. ист. б-ка — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.; Пг.; Л., 1872—1927. Т. 1—39.
- Рус. лит. — Русская литература. Л., 1958—1995.
- Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.-Л., 1867—1928. Т. 1—101.
- Свод. каталог — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725—1800. М., 1962—1975. Т. 1—5, Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения.
- Семенников. Материалы — Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914.
- Семенников. Новиков — Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пг., 1921.
- Семенников. Собрание — Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II: 1768—1783. Историко-литературное исследование. СПб., 1913.
- Сиповский. Из истории — Сиповский В. В. Из истории русского романа и повести: (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа). СПб., 1903. Ч. 1. XVIII век.
- Сиповский. Очерки — Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1909—1910. Т. 1, вып. 1, 2 (XVIII-й век).
- Словарь писателей — Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И).
- Собеседник — Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. СПб., 1783—1784. Ч. 1—16.
- Соболевский — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903.
- Собр. лучших соч. — Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, таже до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. М., 1762. Ч. 1—4.
- Соловьев — Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1959.
- Соч. и пер. — Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758—1762.
- СПб. вестн. — Санктпетербургский вестник. 1778—1781. Ч. 1—7.
- Сумароков — Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. М., 1781—1782. Ч. 1—10.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Л.; СПб., 1932—1992. Т. 1—45.
- Фонвизин — Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
- Чтение для вкуса — Чтение для вкуса, разума и чувствований. М., 1791—1793. Ч. 1—12.
- Чтения в ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете. М., 1845—1848; 1858—1917.
- Эпоха Пров. — Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абульгази, Бахадур (1603—1663) 131
 Август (Augustus, 63 до н. э.—14 н. э.) 129, 130, 239
 Августин Блаженный (Augustinus Sanctus, 354—430) 27
 Авраамий (ум. 1672) 35
 Аврамов, Михаил Петрович (1681—1752) 85
 Аврелий Марк (Aurelius Marcus, 121—80 до н. э.) 214, 246, 247, 251, 284
 Автухович, Татьяна Евгеньевна 262
 Агапий Критянин (Agathius, XVII в.) 69
 Агапит, диакон (Agapetus, diaconus, VI в.) 54
 Агафонов, Алексей Семенович (1746—1794) 252
 Аддисон, Джозеф (Addison Joseph, 1672—1719) 283, 285, 293
 Адодуров, Василий Евдокимович (1709—1780) 103
 Адрианова-Перетц, Варвара Павловна 120
 Азволинская, Ираида Дмитриевна 79
 Акимов, Иван Иванович (1724—1805) 148, 204, 205
 Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886) 79
 Аксаков, Константин Сергеевич (1817—1860) 79
 Александр Македонский (Alexander Magnus, 356—323 до н.э.) 55, 83, 127
 Александр Павлович (Александр I) (1777—1825) 236, 244, 248
 Алексеев, Анатолий Алексеевич 29, 42, 52, 55, 56, 96, 130
 Алексеев, Михаил Алексеевич (1749 или 1751— после 1792) 105
 Алексеев, Михаил Павлович 7, 10, 82, 100, 123, 186, 201, 293
 Алексей Михайлович (1629—1676), русск. царь 77
 Алексей Петрович (1690—1718), царевич 79
 Алеман, Матео (Aleman, Mateo, 1547—ок.1614) 161
 Альбертус Долмацкий (Иван Елизаров сын Альбертус) (ум. 1641) 64
 Амвросий (Серебреников, Авраам Никитич, 1745—1792) 232
 Амело де ла Уссе, Авраам (Абрагам, Авраам) Никола (Amelot de la Houssaye, Abraham Nicolas, 1634—1706) 112
 Анакреонт (Апасгеон, ок. 570—478 до н. э.) 108
 Анашкина, Наталья Васильевна 64
 Ангальт, Федор Евстафьевич (1732—1794) 240, 242, 244, 251
 Ангеларий (IX в.) 40
 Андреев, Петр Степанович (XVIII в.) 235, 263, 265
 Андреев, Александр Игнатьевич 92

* Указатель имен состоит из двух частей, построенных соответственно по русскому и латинскому алфавитам. В первую часть включены российские деятели и те иностранные деятели, которые упоминаются по-русски в тексте книги (включая примечания). Фамилии и имена русских деятелей приводятся только по-русски. Фамилии и имена иностранных деятелей после русской транслитерации приводятся в скобках в оригинальном написании. Во второй части приведены фамилии и имена, упомянутые в книге только в иноязычном написании; как правило, это авторы иностранных работ или издатели, указанные в библиографических ссылках. Личные имена приводятся после фамилий по возможности полностью (за исключением тех случаев, когда полное написание не удалось установить) независимо от того, как они упоминаются в тексте книги и упоминаются ли вообще. Для деятелей — исторических, литературных и др., о которых рассказывается в книге, по возможности указываются годы или время их жизни, для авторов работ, упомянутых в библиографических ссылках, такие сведения не приводятся.

- Андрей Кесарийский (ум. 566) 53
 Андрей Юродивый (IX—X вв.) 55
 Андрес, Александра Львовна 239
 Анна Иоанновна (1693—1740) 91, 112, 126, 132
 Анохин, Филипп Львович 83
 Антиох (Antiochus, VII в.) 55
 Антоний Великий (Antonius Magnus, ум. 356) 53
 Антоний Марк (Antonius Marcus, ок. 83—30 до н. э.) 129
 Антонович, Павел Данилович (ум. 1831) 156
 Антоновский, Михаил Иванович (1759—1816) 154, 155, 214, 218
 Аполлодор Афинский (Apollodore Atheniensis, II в. до н. э.) 84
 Аписит, Татьяна Николаевна 100
 Апулей Луций (Apuleius Lucius, ок. 135—ок. 180) 124, 205, 206
 Апухтин, Гавриил Петрович (1774—1834) 277, 278
 Арат (Aratos, ок. 315—240 до н. э.) 106
 Аграмаков, Александр Васильевич (1776—1833) 286
 Аржанс (Аржан), Жан Батист де Буайе д' (Argens, Jean Baptiste de Boyer d', 1704—1771) 178, 217, 281
 Арий (Arius, ум. 336) 60
 Аристотель (Aristoteles, 384—322 до н. э.) 54, 66, 100, 135
 Арндт, Богдан Федорович (1753—1829) 290
 Арни де Гервиль (Harny de Guerville, XVIII в.) 225, 254, 255
 Арно (Арнолд, Арнод), Франсуа Тома Мари де Баккюляр д' (Arnaud, Francois Thomas Marie de Baculard d', 1718—1805) 146, 147, 151, 177, 178, 223, 253, 273—274
 Арсений Сатановский (XVII в.) 69
 Арсеньев, Константин Иванович (1789—1865) 192
 Атарова, Ксения Николаевна 277
 Афанасий Александрийский (ок. 295—373) 53, 60, 68

 Бабенков, Сергей (XVIII в.) 209
 Багно, Всеволод Евгеньевич 201, 202, 269
 Базилевичева, Мария (XVIII в.) 285, 290
 Барадавкин (Бородавкин), Михайло (Михаил) (XVIII в.) 240
 Баркли (Барклай), Джон (Barclay, John, 1582—1621) 86, 95, 96, 108, 118, 119, 120, 123
 Барр, Джеймс (Barr, James) 26, 30
 Барсков, Яков Лазаревич 239
 Барсов, Алексей Кириллович (1673—1736) 84
 Барсов, Антон Алексеевич (1730—1791) 227
 Бартелеми, Жан Жак (Barthelemy, Jean Jacques, 1716—1795) 223, 254, 265
 Батулин, Пафнутий Сергеевич (1740 или 1741—1803) 151
 Башилов, Семен Сергеевич (1741—1770) 165, 166, 174
 Бевнус, Адам (Beuvius, Adam) 150
 Бегунов, Юрий Константинович 100
 Безак, Павел Христианович (1769—1831) 275
 Беккер, Вильгельм Готтлиб (Becker, Wilhelm Gottlieb, р. 1753) 275
 Белавин, Петр (ум. 1813) 271
 Белобоцкий, Андрей (XVII—XVIII вв.) 65
 Белов, Павел (XVIII в.) 286
 Белозерская, Надежда Александровна 99
 Бельгард, Жан-Батист Морван де (Bellegarde, Jean Baptiste Morvan de, 1647—1734) 113
 Бельский, Мартин (Bielski, Marcin, ок. 1495—1575) 61, 65
 Беляева, Ольга Клавдиевна 73
 Бен, Афра (Behn, Aphra, 1640—1689) 220
 Беранже, Лоран Пьер (Berenger, Laurent Pierre, 1749—1822) 285, 290
 Берг, Петр Иванович (XVIII в.) 190
 Бёрдон, Вильям (Burdon, William, XVIII в.) 215
 Беркен, Арно (Berquin, Arnaud, ок. 1749—1791) 274, 289, 290, 294
 Берков, Павел Наумович 97, 102, 104, 105, 109, 115, 116, 121, 134, 137, 138, 174, 237, 277, 296
 Бернард 70
 Бернарден де Сен-Пьер (Сент-Пиер), Жак Анри (Bernardin de Saint-Pierre, Jacques Henri, 1737—1814) 265, 276
 Берни, Френсис (Burney, Frances, 1752—1840) 271, 286
 Бернулли, Даниэль (Bernoulli, Daniel, 1700—1782) 114
 Бернштейн, Самуил Борисович 22
 Бертух, Фридрих Юстин (Bertuch, Friedrich Justin, 1747—1822) 221, 275
 Бессель, Христиан Георг фон (Bessel, Christian Georg von) 82
 Биант (Bias, 590—530) 284
 Бибииков, Александр Ильич (1729—1774) 167
 Бильбасов, Василий Алексеевич 190
 Бильфельд, Якоб Фридрих (Bielfeld, Jacob Friedrich, 1717—1770) 227
 Бион Смирнский (Bion Smyrnaeus, II в. до н. э.) 138
 Биржакова Е. Э. 275
 Битобе, Поль Жереми (Bitaupe, Paul Jeremie, 1732—1808) 208
 Благодаров, Яков Иванович (ум. 1820-е гг.) 294
 Блом, Арлен Викторович 215
 Бобров, Семен Сергеевич (1767—1810) 159, 227, 246
 Боброва, Елена Ивановна 79
 Бовин И. (XIX в.) 219
 Богаевский, Иван Иванович (р. 1750) 196
 Богданович, Иван Федорович (1758—1831) 151

- Богданович, Петр Иванович (р. 1756) 166, 231, 233, 234, 236, 246, 247, 251, 283
- Бодаковский, Андрей Юрьевич 83
- Боккалини, Траяно (Boccalini, Traiano, 1556—1613) 86, 88
- Боккаччо, Джованни (Boccaccio, Giovanni, 1313—1375) 100
- Болотов, Андрей Тимофеевич (1737—1833) 15, 99, 149—151, 162, 163, 173, 175—179, 193, 197, 204, 257, 260, 267, 270, 271, 296
- Болотовы, семейство 275
- Болтин, Дмитрий Сергеевич (XVIII в.) 263
- Болховитинов Е. А. см. Евгений
- Бомарше, Пьер Огюстен Карон де (Beaumarchais, Pierre Augustin Caron de, 1732—1799) 165
- Бонот, Элизабет (Bonhote Elizabeth, 1744—1818) 193
- Борд, Шарль (Borde, Charles, 1711—1781) 256
- Борил (ум. 1218), болг. царь 57
- Борис (Михаил) (ум. 907), болг. царь 22, 40, 45
- Борноволоков, Третий Степанович (XVIII в.) 235
- Боровский, Яков Маркович 126
- Боссюэ (Боссюэт), Жак Бенинь (Bossuet, Jacques Benigne, 1627—1704) 227, 228
- Бошан, Пьер Франсуа Годар де (Beauchamps, Pierre François Godard de, 1689—1761) 205
- Боярдо, Маттео Мариа (Boiardo, Matteo Maria, 1434—1494) 161, 228
- Браиловский, Сергей Николаевич 22
- Брайко, Григорий Леонтьевич (XVIII в.) 148, 200
- Бранг, Петер (Brang, Peter) 257, 272
- Браун, Эрнст (Braun, Ernst) 89
- Бриассон, Антуан Клод (Briasson, Antoine Claude, ум. 1775) 101
- Брунон Вюрцбургский (Brunon, ум. 1045) 46, 61
- Брюман (Brument, XVIII в.) 173
- Брюс, Яков Вилимович (1670—1735) 89
- Брянчианова, Софья (XVIII в.) 216
- Брянчиановы, семейство 216
- Буало (Боало)-Депрео, Никола (Boileau-Despreaux, Nicolas, 1636—1711) 9, 104, 106, 107, 139
- Буачидзе, Гастон Сергеевич 175, 210, 271
- Будный (Будны), Беньш (Budny, Bieniasz, XVI—XVII в.) 84, 92, 97, 110
- Буланин, Дмитрий Михайлович 54, 57, 61, 66, 75
- Буланина, Татьяна Владимировна 54
- Булгаков, Яков Иванович (1743—1800) 161, 228, 245, 254, 284
- Булев, Николай (Bulow, Nicolaus, ум. 1548) 46, 61
- Буто, Мишель (Boutauld, Michel, 1607—1688) 78
- Буш, Владимир Владимирович 126
- Быкова, Татьяна Александровна 74, 120, 125
- Быстрова, Елена Александровна 77
- Бэкон, Фрэнсис (Bacon, Francis, 1561—1626) 106, 128
- Вайер, Экхард (Weiher, Eckhard) 25
- Валерий Максим (Valerius Maximus, I в.) 84
- Валк, Сигизмунд Натанович 125
- Валлич, Эльвира Ивановна 243
- Валь, Антон (Wall, Anton) см. Гейне Х. Л.
- Валуйская Л.А. 186
- Вальгаузен, Иоганн Якоби фон (Wallhausen, Johann Jacobi von, XVII в.) 64
- Варениус (Варения), Бернгард (Varenius, Bernhard, 1622—1650) 51
- Василий Великий (Кесарийский) (ок. 330—379) 53, 57, 62, 68, 208, 228
- Васильев, Алексей (XVIII в.) 86
- Вацуро, Вадим Эразмович 218, 295
- Вега Карнио, Лопе Феликс де (Vega Carpio, Lope Felix de, 1562—1635) 9
- Велизариус (Belisarius, ок. 494—565) 167
- Великий, Семен Афанасьевич (ум. 1794) 253
- Вельяшев-Волынец, Дмитрий Иванович (ок. 1770—1818) 286
- Вельяшева-Волынцова, Анна Ивановна (XVIII в.) 146, 148, 182
- Вениамин (XV в.), доминиканец 45, 46, 59
- Вениамин (XVI в.), ризничий 61
- Вергилий (Виргилий) Марон Публий (Vergilius Maro Publius, 70—19 до н. э.) 85, 119
- Верди, Джузеппе (Verdi, Giuseppe, 1813—1901) 128
- Веревкин, Михаил Иванович (1732—1795) 230, 235
- Веселовский, Александр Николаевич 100, 180
- Веселовский, Алексей Николаевич (1843—1918) 8, 75
- Веселовский, Юрий Алексеевич 124, 137
- Веспасиан Тит Флавий (Vespasianus Titus Flavius, 9—79) 83
- Вецель, Иоганн Карл (Wewel, Johann Karl, 1747—1819) 187
- Вечерка, Радослав (Vecerka Radoslav) 39
- Вздорнов, Геральд Иванович 44
- Виланд, Христоф (Кристоф) Мартин (Wieland, Christoph Martin, 1733—1813) 9, 197—200, 219, 221, 223
- Виниус, Андрей Андреевич (1641—1717) 66, 87, 89
- Виноградов, Виктор Владимирович 36, 92
- Виноградов, Иван Иванович (1765—1801) 201, 264, 266
- Виноградов Н. Н. 86
- Виноградский И.Н. (XVIII в.) 285
- Винокур, Григорий Осипович 96

- Винский, Григорий Степанович (р. 1752) 239, 240
- Винцент де Бове (Vincent de Beauvais, ум. 1256 или 1264) 68
- Витовтов, Александр Александрович (XVIII в.) 273
- Вицман, Август (Witzmann, August, XVIII в.) 221
- Владимир Креститель (ум. 1015) 34
- Владиславич-Рагузинский, Савва Лукич (ум. 1737) 78, 83
- Влас Игнатов (XV—XVI в.) 46, 59, 61
- Вобан, Себастьян Ле Претр (Vauban, Sebastien Le Prestre, 1633—1707) 132
- Волков, Авраам Степанович (1730—1803) 158, 159
- Волков, Анатолий Романович 186
- Волков, Борис Афанасьевич (1732—1762) 77
- Волков, Дмитрий Васильевич (1718—1785) 167
- Волчок, Сергей Саввич (1707—1773) 99, 108, 112, 113, 132, 214
- Вольнский, Артемий Петрович (1689—1740) 82, 91, 116
- Вольней, Константен Франсуа (Volney, Constantin François, 1757—1820) 256
- Вольтер (Волтер) (Voltaire, псевд.; наст. имя: Аруз, Мари Франсуа—Arouet, Marie François, 1694—1778) 102, 106, 119, 124, 136, 139, 153, 154, 164, 165, 171, 177, 179, 181, 229, 232—235, 251, 294
- Вольф, Иван (XVIII в.) 251
- Вольф, Маврикий Осипович (1825—1883) 143
- Вомперский, Валентин Павлович 96
- Воронцов, Александр Романович (1741—1805) 281
- Воронцов, Семен Романович (1744—1832) 130
- Востоков, Александр Христофорович (1781—1864) 186
- Вышеславцев, Иван (XVIII в.) 285
- Вышеславцев, Михаил Михайлович (р. 1758) 286, 290
- Вяземский, Петр Андреевич (1792—1878) 143
- Гавриил Бужинский (1680—1731) 79, 83, 90, 111
- Гавриил Тверской (XVIII в.) 167
- Гаврилов, Матвей Гаврилович (1759—1829) 223, 293
- Галинковский, Яков Андреевич (1777—1815) 278
- Галлан, Антуан (Galland, Antoine, 1646—1715) 180—182
- Галлер, Альбрехт фон (Haller, Albrecht von, 1707—1777) 159, 250
- Галченков, Федор (XVIII в.) 200, 201, 211, 265, 266
- Ганнинг, Сусанна (Gunning, Susannah, ок. 1740—1800) 216, 271
- Гарновский, Михаил (XVIII в.) 203
- Гачечиладзе, Гиви Ражденович 8
- Гваньини, Александр (Guagnini, Alexander, 1538—1614) 65
- Гвидо делле Колонне (Guido delle Colonne, XIII в.) 99, 131
- Гевара, Антонио де (Guevara, Antonio de, 1570—1644) 284
- Гейне, Христиан Леберехт (Heyne, Christian Leberecht, 1751—1821) псевд. Антон Валль (Anton Wall) 275, 282
- Гелиодор (Илиодор) (Heliodorus, III в.) 205
- Геллерт, Христиан Фюрхтеготт (Gellert, Christian Furchtegott, 1715—1769) 149, 195
- Геллет (Гиольет), Тома Симон (Gueullette, Thomas Simon, 1683—1766) 146, 181—183
- Гельведий, Клод Адриан (Helvetius, Claude Adrien, 1715—1771) 229
- Ген де Монтаньяк, Луи Лоран Жозеф (Gain de Montagnac, Louis Laurent Joseph, 1731—ок. 1780) 149, 191
- Геннадий (ум. 1505), архиеп. 45, 58—61
- Геннингер, Филипп Якоб. (XVIII в.) 139
- Генрих VII (Henry VII, 1457—1509) 253
- Генрих (Heinrich), принц прусск. 251
- Георгий Амартол (IX в.) 55, 57
- Георгий Писидийский (VII в.) 57
- Георгий Полман (XV в.) 60
- Георгий Синкелл (IX в.) 55
- Георгий Хировоск (VIII—IX вв.) 54
- Гергард, Иоганн (Gerhard, Johann, 1582—1637) 87, 93
- Геснер, Саломон (Gessner, Salomon, 1730—1788) 165, 219, 286, 294
- Гете, Иоганн Вольфганг (Goethe, Johann Wolfgang, 1749—1832) 200, 201, 211, 257, 265, 266
- Гизеке, Людвиг Август Христиан (Giseke, Ludwig August Christian, 1758—1832) 282
- Глинка, Сергей Николаевич (1775—1847) 162, 164, 240, 264
- Гозвинский, Федор Касьянович (XVII в.) 63, 66
- Гозенпуд, Абрам Акимович 124
- Голдсмит (Голдсמיד), Оливер (Goldsmith, Oliver, 1728—1774) 185, 267, 268
- Голенищев-Кутузов, Иван Логгинович (1729—1802) 165, 233
- Голенищев-Кутузов, Илья Николаевич 86
- Голиков, Иван Иванович (1735—1801) 75
- Голицын, Борис (XVIII в.) 265
- Голицын, Василий Васильевич (ум. 1714) 71
- Голицын, Дмитрий Михайлович (1665—1737) 79, 81
- Головчинер В. Д. 122, 162
- Гольдони, Карло (Goldoni, Carlo, 1707—1793) 154
- Гомер (Homer) 106, 118, 119, 123

- Гомес (Гомец), Мадлен Анжелик Пуас-сон де (Gomez, Madeleine Angélique Poisson de, 1684—1770) 183—185
- Гораций Флакк Квинт (Horatius Flaccus Quintus, 65—8 до н. э.) 95, 134, 138—140, 145, 239
- Гордон, Яков Ильич 7
- Горчаков, Дмитрий Петрович (1758—1824) 201
- Готшед, Иоганн Кристоф (Gottsched, Johann Christoph, 1700—1766) 104
- Готье, Юрий Владимирович 91
- Гоциридзе, Давид Зурабович 21
- Градова, Бронислава Александровна 82
- Грассиан (Грациан), Балтазар (Gracian, Balthazar, 1584 или 1600—1658) 112
- Грегори, Иоганн Готфрид (Gregorii, Johann Gottfried, 1631—1675) 65
- Грессе, Жан Батист Луи (Gresset, Jean Baptiste Louis, 1709—1777) 102
- Грибовский, Адриан Моисеевич (1767—1834) 190, 230, 268
- Григоренко, Анатолий Юрьевич 59
- Григорий Назианзен (Богослов) (ок. 330—ок. 390) 22, 53, 55, 57, 62, 68, 228
- Григорий Великий (Gregorius Magnus, 540—604) папа римский 68
- Григорий Палама (1296—1359) 31, 58
- Григорий Синаит (XIII—XIV вв.) 58
- Григорьев, Александр Дмитриевич 56
- Громов С. М. (XVIII в.) 236
- Гросс, Христиан Фридрих (Крестьян Леонтьевич) (ум. 1742) 114
- Гроций, Гуго (Grotius, Hugo, 1583—1645) 79, 80, 91, 111
- Грузинский, Александр Сергеевич 91
- Гуго, Герман (Hugo, Herman, 1588—1629) 93
- Гуданский, Иван (XVII в.) 72
- Гудзий, Николай Каллиникович 229
- Гуковский, Григорий Александрович 15, 94, 102, 109, 124, 140
- Гурвич Т. 80
- Гуревич, Мирон Моисеевич 74
- Губнер, Иоганн (Hubner, Johann, 1668—1731) 150
- Д'Аламбер, Жан Лерон (D'Alembert, Jean Le Rond, 1717—1783) 102, 230, 235
- Дамаскин (XVII в.), иеродиакон 69
- Дамаскин Студит (XVI в.) 66
- Даминеус, Кжиштоф (XVI в.) 65
- Даниил (до 1492—1547), митроп. 61
- Данилевский, Ростислав Юрьевич 7, 129, 159, 197, 198, 200, 241, 250, 296
- Дарьес, Иоахим Георг (Darjes, Joachim Georg, 1714—1791) 113
- Дасье, Анна Лефевр (Dacier, Anne Lefevre, 1651—1720) 108
- Дафф, Уильям (Duff, William, 1732—1815) 252
- Дашкова, Екатерина Романовна (1743—1810) 206, 214
- Делер, Александр (Deleyre, Alexandre, 1726—1797) 128
- Делиль, Луи (Delisle, Louis, ум. 1741) 114
- Делль' Агата, Джузеппе (Dell' Agata, Giuseppe) 83
- Демидов, Александр Григорьевич (ум. после 1767) 134
- Демидова, Елизавета Петровна (1749—1810) 292
- Демин, Анатолий Сергеевич 68
- Державин, Гаврила Романович (1743—1816) 117, 203, 215, 230, 237, 239
- Державина, Ольга Александровна 100
- Дерюгин, Александр Александрович 103, 106, 108, 115, 126, 130
- Дефо, Даниель (Defoe, Daniel, ок. 1660—1731) 101, 185, 187
- Дефонтен, Пьер Франсуа Гюйо (Desfontaines, Pierre Francois Guyot, 1685—1745) 192
- Джеймс, Уильям (James, William) 266
- Джонсон, Сэмюэл (Johnson, Samuel, 1709—1784) 194, 285
- Дидро (Дидерот), Дени (Diderot, Denis, 1713—1784) 229, 230, 261
- Диоген Синопский (Diogenes, ок. 400—ок. 325 до н. э.) 100
- Дионисий Ареопагит (см. Псевдо-Дионисий Ареопагит)
- Дионисий Грек (ум. 1672) 35
- Дмитриев, Иван Иванович (1760—1837) 9, 121, 164, 190, 213, 231, 236, 263, 296
- Дмитриев, Михаил Александрович (1796—1866) 165, 186, 236
- Дмитриев, Сергей Сергеевич 104, 137
- Дмитриев-Мамонов, Федор Иванович (1727—1805) 148
- Дмитрий Герасимов (XV—XVI вв.) 46, 59—61
- Добрев, Иван 28
- Долгова, Светлана Романовна 192, 249
- Долгоруков, Иван Михайлович (1764—1823) 148, 149
- Домашнев, Сергей Герасимович (1743—1795) 153, 154
- Домогацкий, Петр Николаевич (нач. XIX в.) 278
- Донат Элий (Donatus Aelius, IV в. до н. э.) 60
- Дорн, Иван (Адам) (XVII в.) 64
- Дорофей, авва (ум. 620) 58
- Достоевский, Федор Михайлович (1821—1881) 129
- Дубровский, Адриан Илларионович (1732—после 1779) 117
- Дурандус, Вильгельм (Durandus, Wilhelmus, ум. 1332) 59
- Дурново, Николай Николаевич 55
- Дюан де Жанден (Дюган Жандюн), Шарль Жиль (Duhan de Jandun, Charles Gilles, 1685—1746) 252
- Евгений (Болховитинов, Евфимий Алексеевич, 1767—1837) 296
- Еврипид (Эврипид) (Euripides, ок. 480—406 до н. э.) 106, 118
- Евсеев, Иван Евсеевич 58

- Евстафий Макремболит (Eustathius Macrembolites, XII в.) 205
 Евтропий (Eutropius, IV в.) 129, 130
 Евфимий (ум. ок. 1401/1402), патриарх 44, 58
 Евфимий Зигабен (ум. 1118) 58
 Евфимий Чудовский (ум. 1705) 22, 37, 68—70, 88
 Егунов, Андрей Николаевич 7, 205
 Екатерина I (1684—1728) 111
 Екатерина II (1729—1796) 12, 13, 124, 131, 146, 147, 153, 156, 158, 162, 167, 174, 190, 193, 203, 230—233, 237, 238, 242, 244, 248, 253, 264
 Елагин, Иван Перфильевич (1725—1793) 122, 134, 146, 162, 167, 227, 228
 Елизавета Петровна (1709—1761/1762) 112, 136
 Епифаний Славинецкий (ум. 1675) 22, 36, 37, 50, 66, 68—70, 88
 Ефрем Сирий (IV в.) 53
- Жанлис, Стефани Фелисите де (Genlis, Stephanie Felicite de, 1746—1830) 274
 Ждановский, Иван Андреевич (XVIII в.) 252
 Жедуэн (Гедоин), Никола (Gedoyn, Nicolas, 1667—1744) 137, 143
 Железников, Петр Семенович (р. 1770) 117, 244
 Жерар, Филипп Луи (Gerard, Philippe Louis, 1737—1813) 215
 Жестерман В. см. Рабо
 Живов, Виктор Маркович 85, 90, 93
 Жирмунский, Виктор Максимович 7, 200, 201, 266, 267
 Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852) 23, 266
- Забелин, Иван Егорович (1820—1908) 81
 Заборов, Петр Романович 7, 15, 124, 139, 164, 166, 209, 220, 232—235, 239, 296
 Завадовский, Петр Васильевич (1739—1812) 248
 Загоровский, Николай Иванович (XVIII в.) 148
 Зайцев, Петр Александрович (XVIII в.) 266
 Зайцева, Александра Александровна 214
 Западов, Владимир Александрович 255
 Захаров, Виталий Владимирович 293
 Захаров, Иван Семенович (1754—1816) 117, 147, 209, 215, 216, 222, 222, 244, 269
 Захарьин, Петр Михайлович (1750—1800) 270
 Захарьин (Захарьин), Тимофей (р. 1752) 173, 209
 Зиновий Отенский (ум. ок. 1568) 33
 Золотницкий, Владимир Трофимович (1741—после 1771) 188
 Зотов, Герасим Кузьмич (р. 1765) 266
 Зубков, Николай Николаевич 133
 Зубов, Василий Павлович 66
- Иаков Святослав (XIII в.) 43
 Иван III Васильевич (1440—1505) 240
 Иван Федоров (ок. 1510—1583) 67
 Иван Фомин (Элмстон) (Elmston, XVI—XVII вв.) 64
 Иванов, Александр Иванович 33, 62
 Иванов, Гур Иванович (р. 1737) 188
 Иванов, Михаил Васильевич 266
 Иванов, Николай (XVIII в.) 275
 Иванова, Климентина 23, 58
 Иванова-Мирчева, Дора 25
 Иероним Блаженный (348—420) 29
 Измайлов, Владимир Васильевич (1773—1830) 263
 Измайлов, Яков (XVIII в.) 135
 Изъединов, Александр 262
 Иларион (XI в.), митроп. 35
 Ильинский, Иван Юрьевич (ум. 1737) 84
 Иннокентий III (Innocentius, 1160 или 1161—1216), папа римский 63
 Инчболд, Элизабет (Inchbald, Elizabeth, 1753—1821) 222, 271
 Иоаким (1620—1690), патриарх 50, 70
 Иоанн (X или XI в.), пресвитер 53
 Иоанн (XIV в.), афонский старец 57
 Иоанн Богослов 62
 Иоанн Дамаскин (ок. 675—до 753) 27, 53, 59, 62, 67, 68, 228
 Иоанн Евгеник (XI в.) 45
 Иоанн Златоуст (ок. 350—407) 53, 57, 62, 228
 Иоанн Зонара (XII в.) 57
 Иоанн Максимович (1651—1715) 80, 87
 Иоанн Малала (Malalas, VII в.) 18, 53
 Иоанн Синайский (VI—VII вв.) 53, 57
 Иоанн Схоластик (ум. 577), патриарх 52
 Иоанн Экзарх (IX—X в.) 19, 24, 25, 27—30, 53—55, 57, 68
 Иоанникий Галятювский (ум. 1688) 65
 Иоанникий Грек (XVII в.) 63
 Иов (ум. 1716), митроп. 84
 Иосиф (ум. 1634), протосинкелл 63
 Иосиф Туробойский 81
 Иосиф Флавий (Josephus Flavius, ок. 37—ок. 95) 22, 56, 83
 Ипполит Римский (III в.) 24, 53
 Исаак Сирий (VII в.) 58
 Исак Собака (XVI в.) 32, 34
 Исаченко, Александр Васильевич 92
 Исаченко-Лисовая, Татьяна Александровна 37
 Истрин, Василий Михайлович 42
- Каганов И. Я. 110, 135
 Казакова, Наталья Александровна 61
 Кайперт, Хельмут (Keipert, Helmut) 46, 60
 Калас, Жан (Иоанн) (Calas, Jean, 1698—1762) 234
 Кальдерон де ла Барка, Педро (Calderon de la Barca, Pedro, 1600—1681) 9
 Камозэнс (Камоинш), Луис (Camoens, Luiz, 1524 или 1525—1580) 119
 Кампе, Иоахим Генрих (Campe, Joachim Heinrich, 1746—1818) 275, 285, 294, 295

- Кандорский, Александр (XVIII в.) 275
 Кан Си (1654—1722) 252
 Кантемир, Антиох Дмитриевич (1708—1744) 14, 75, 76, 81, 83, 91, 94, 95, 106, 114, 115, 140, 228
 Канунова, Фаина Зиновьевна 272, 277
 Капнист, Василий Васильевич (1758—1823) 237
 Каптерев, Николай Федорович 50
 Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826) 14, 159, 169, 190, 199, 211—214, 217, 220, 221, 226, 228, 234, 235, 237, 239, 243, 246, 247, 254, 256, 258, 260—262, 267, 272, 273, 275, 278, 279, 281, 282, 296
 Каржавин (Коржавин), Ерофей Никитич (1719—1772) 192
 Каржавин, Федор Васильевич (1745—1812) 220, 221, 249
 Карин, Николай Григорьевич (ум. 1768) 277, 278
 Карион Истомина (1640-е—не ранее 1718 или 1722) 66, 68
 Кассиан Римлянин (Cassius Romanus, ум. 435) 58
 Катарский, Игорь Максимилианович 7
 Катилина, Люций Сергей (Catilina, Lucius Sergius, 108—62 до н. э.) 239
 Катифоро, Антонио (Catiforo, Antonio, 1685—1763) 126
 Кафанова, Ольга Бодовна 228, 254, 272, 281, 282
 Кашинский, Петр (XVII в.) 66
 Квинт Курций Руф (Quintus Curtius Rufus, I в.) 14, 83, 97, 99, 127
 Квинтилиан (Quintilianus, ок. 35—ок. 96) 143
 Кебет (Cebes) 84
 Келюс (Кайлус), Анн-Клод Филипп де (Caulyus, Anne Claude Philippe de, 1692—1765) 270
 Кеневич, Владислав Теофилович 236
 Кесарий (Cesarius) 53
 Кильдюшевский, Петр (XVIII в.) 223, 260
 Кимбер, Эдуард (Kimber, Edward, 1719—1769) 260
 Киприан (ок. 1336—1406), митроп. 44
 Киреевский, Иван Васильевич (1806—1856) 75
 Кирилл (Константин Философ) (ок. 827—869) 29—31, 39, 51
 Кирилл (ум. 1280), митроп. 43
 Кирилл Иерусалимский (ум. 368) 53
 Кирилл Транквилион (Ставровецкий) (ум. 1646) 50
 Кирилл Туровский (1130—1182) 18, 100
 Кирияк, Тимофей Прокофьевич (ум. после 1802) 156, 226
 Кислягина, Лоя Георгиевна 231
 Клеопатра (Cleopatra, 69—30 до н. э.) 129, 130
 Клезн, Христиан Фридрих (ум. ок. 1784) 183
 Климент Охридский (ок. 840—916) 40, 52
 Ключевский, Василий Осипович (1841—1911) 75, 94, 119, 296
 Клосс, Борис Михайлович 82
 Княжнин, Яков Борисович (1740—1791) 286
 Кобеко, Дмитрий Фомич (р. 1837) 171
 Коваленский, Михаил Иванович (1745—1807) 170
 Ковентри, Френсис (Coventry, Francis, ум. ок. 1759) 188
 Ковтун, Людмила Степановна 32, 62
 Кожанчиков, Дмитрий Ефимович (1820 или 1821—1877) 35
 Козицкий, Григорий Васильевич (ок. 1724—1775) 135, 139, 153, 167
 Козлова, Александра (XVIII в.) 275
 Козловский, Алексей Семенович (ум. 1776) 143
 Козма Афоноверский (XVII—нач. XVIII в.) 37, 67
 Козма (Козьма, Косма) Индикоплов (VI в.) 55
 Козодавлев, Осип Петрович (1754—1819) 200
 Кокорев, Александр Васильевич 100, 101
 Кокс, Вильям (Вильгельм) (Coxe, William, 1747—1828) 217
 Колмаков, Алексей Васильевич (ум. 1804) 235, 277, 278
 Комаровский Евграф Федотович (1769—1843) 271
 Коменский, Ян Амос (Komensky, Jan Amos, 1592—1670) 221
 Комон де Ла Форс, Шарлотт Роз де (Caumont de La Force, Charlotte Rose de, ок. 1654—1724) 145
 Кондратович, Александр Андреевич (XVIII в.) 223, 262, 276
 Кондратович, Кириак Андреевич (1703—после 1787) 139
 Константин Костенечский (XIV—XV вв.) 30, 31, 36
 Константин Манассия (XII в.) 57, 83
 Константин Павлович (1770—1831), вел. кн. 244
 Константин Преславский (IX в.) 53, 57
 Копанев, Николай Александрович 76, 101, 102, 220
 Копанев, Павел Ильич 8
 Коперник, Николай (Copernik, Mikolaj, 1473—1543) 114
 Копиевский, Илья Федорович (ум. после 1708) 82, 83, 85, 92
 Коплан, Борис Иванович 238
 Копыленко, Моисей Михайлович 67
 Копьев, Михаил Данилович (XVIII в.) 222
 Корецкий, Вадим Иванович 82
 Корнелий Непот (Cornelius Nepos, I в. до н. э.) 84, 127
 Корнель, Пьер (Corneille, Pierre, 1606—1684) 154

- Корнильев, Дмитрий Васильевич (ум. после 1827) 285
- Корфф, Иоганн Альбрехт (Korff, Johann Albrecht, 1697—1766) 103
- Костров, Ермил Иванович (ок. 1750—1796) 205
- Костиюкова, Вера Владимировна 259
- Костиюкович Е. 86
- Кох, Иван Иванович (XVIII в.) 293
- Кохановский, Ян (Kochanowski, Jan, 1530—1534) 65, 69
- Коховский, Веспасиан (Kochowski, Wespazjan, 1633—1700) 71
- Коцебу, Август Фридрих Фердинанд (Kotzebue, August Friedrich Ferdinand, 1761—1819) 275
- Кочеткова, Наталья Дмитриевна 190, 201, 238, 262, 275, 282
- Кошелева, Ольга Евгеньевна 64
- Крафт, Георг Вольфганг (Krafft, Georg Wolfgang, 1701—1754) 114
- Крашенинников, Степан Петрович (1713—1755) 97, 127
- Кревьё (Кревиер), Жан Батист Луи (Crevier, Jean Baptiste Louis, 1693—1765) 126, 130
- Кречетовский, Иосиф (XVIII в.) 79, 111
- Кросс, Энтони Глен (Cross, Anthony Glen) 190, 221, 254, 268
- Крылов, Иван Андреевич (1769—1844) 217, 218, 233, 234, 236—239, 281
- Кряжев, Василий Степанович (1771—1832) 288, 293
- Ксенофонт (Xenophon, ок. 430—355 до н. э.) 128, 158, 222
- Кубачева В. Н. 10, 181
- Кудрявцев, Иван (XVIII в.) 149, 161, 207
- Кудрявцев, Иван Михайлович 71, 77
- Кувейс Куйо 43
- Кузнецов, Борис Иванович 56
- Кузмин (Козмин), Сергей Матвеевич (1723—1788) 132, 167
- Кузьмина, Вера Дмитриевна 72, 100
- Кукушкина, Елена Дмитриевна 100
- Кулакова, Любовь Ивановна 237, 255
- Купреянова, Елизавета Николаевна 277
- Куракин, Александр Борисович (1697—1749) 115, 128
- Курас, Гильмар (Curas, Hilmar, ум. 1747) 99, 129
- Курбатов, Петр Петрович (ум. 1786) 148, 167, 232
- Курбский, Андрей Михайлович (1528—1583) 32, 47, 62
- Курганов, Николай Гаврилович (1726—1796) 285
- Курце (Kurze, XVIII в.) 294
- Лабзин, Александр Федорович (1766—1825) 214
- Лабрюйер (Брюиер), Жан де (La Bruyere, Jean de, 1645—1696) 122, 224
- Лаврентий Зизаний Тускановский (ум. после 1663) 34
- Ладыженский, Федор Ильич (XVIII в.) 262
- Лазаревич, Василий (XVIII в.) 148
- Лазинский, Федор (XVIII в.) 285
- Лакшин, Владимир Яковлевич 128
- Ламбер (Ламберт), Анн Терез де (Lambert, Anne Therese de, 1647—1733) 113, 125
- Ламбер, Клод Франсуа (Lambert, Claude François, 1705—1765) 160
- Лант, Горес (Lunt, Horace) 42
- Лаплас, Пьер Антуан де (Laplace, Pierre Antoine de, 1707—1793) 187, 189, 220
- Ла Поплиньер, Александр Жан Жозеф Ле Риш де (La Popeliniere, Alexandre Jean Joseph Le Riche de, 1692—1762) 211
- Лаппо-Данилевский, Александр Сергеевич 76, 80, 82
- Лаппо-Данилевский, Константин Юрьевич 130
- Ларош, Мари Софи (La Roche, Marie Sophie, 1731—1807) 197
- Ларошфуко, Франсуа де (La Rochefoucauld, François de, 1613—1680) 265
- Ларус, Пьер (Larousse, Pierre, 1817—1875) 183
- Ла Фе де (La Fe de, XVIII в.) 132
- Лафонтен, Жан де (Lafontaine, Jean de, 1621—1695) 148
- Лахманн, Рената (Lachmann, Renate) 36
- Лашкевич, Иван (XVIII в.) 193
- Лебедев, Василий Иванович (р. 1716) 127
- Левин, Юрий Давидович 7, 8, 23, 95, 104, 107, 118, 135, 136, 138, 188, 191, 213, 225, 243, 253, 268, 283, 285, 286, 296
- Левицкий, Николай Евстафьевич (XVIII в.) 233, 234
- Левшин, Василий Алексеевич (1746—1826) 147, 149, 212, 215, 219
- Легкой, Дмитрий Романович (1741—1767) 160
- Ле Живр де Ришбург (Le Givre de Richebourg, XVII в.) 211
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм (Leibniz, Gottfried Wilhelm, 1646—1716) 75
- Лейдинг, Иоганн Дитрих (Leyding, Johann Dietrich, 1721—1781) 295
- Ленобль, Эсташ (Lenoble, Eustache, 1643—1717) 149, 161
- Леписье, Жак (Lepissier, Jacques) 54
- Лепренс де Бомон (Бомонт), Жанна Мари (Leprince de Baumont, Jeanne Marie, 1711—1780) 113, 274
- Лесаж (Ле Саж), Ален Рене (Le Sage, Alain Rene, 1668—1747) 121, 147, 149, 152, 160—162, 199
- Лескин, Август (Leskien, August) 24
- Лесков, Николай Семенович (1831—1895) 91
- Летурнер, Пьер (Le Tourneur, Pierre, 1736—1788) 294

- Ли, София (Lee, Sophia, 1750—1824) 222
- Либрович, Сигизмунд Феликсович 143, 153
- Липсий Юст (Lipsius Justus, 1547—1606) 80, 84, 89, 91
- Литтлтон (Литтельтон), Джордж (Lytellton, George, 1709—1773) 246, 247
- Лифанов, Евграф (XVIII в.) 256
- Лихачев, Дмитрий Сергеевич 10, 18—21, 39, 75, 76
- Лихуд, Иоанникий (ум. 1717) 67, 69, 70, 84
- Лихуд, Софроний (ум. 1730) 67, 69, 70, 84
- Локк, Джон (Lock, John, 1632—1704) 78, 80, 82, 114, 124, 139, 224
- Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765) 75, 94, 95, 101, 102, 103, 105, 108, 111, 114, 115, 120, 123—125, 133, 134, 139, 140, 206, 228, 239, 247, 296
- Лонгин (Longinos, III в.) 139
- Лонгинов, Михаил Николаевич 159
- Лопухин, Аврам Васильевич (1774—1835) 285
- Лотман, Юрий Михайлович 95, 115, 116, 170, 174, 228, 231, 233, 243, 255, 264, 278
- Лубяновский, Федор Петрович (1777—1869) 117, 244
- Лудольф, Генрих Вильгельм (Ludolf, Hienrich Wilhelm) 79
- Лужный, Рышард (Łuźny, Ryszard) 97
- Лукан Марк Анней (Lucanus Marcus Annaeus, 39—65) 139
- Лукиан (Lucianus, ок. 120—после 180) 87, 124, 138, 139, 188
- Лукин, Владимир Игнатьевич (1737—1794) 12, 162, 183, 228
- Луппов, Сергей Павлович 77, 96, 97, 99, 102
- Львов, Богдан (XVII в) 64
- Львов, Николай Александрович (1751—1803) 168
- Львов, Павел Юрьевич (1770—1825) 173, 260, 272
- Львов, Федор Петрович (1766—1836) 260
- Любомирский, Станислав Хераклиуш (Lubomirski, Stanislaw Herakliusz, 1642—1702) 86, 110
- Людовик XIV (Louis XIV, 1638—1715) 107, 117, 240, 247
- Людовик XVI (Louis XVI, 1754—1793) 230
- Мабли, Габриэль Бонно де (Mably, Gabriel Bonnot de, 1709—1785) 153, 229
- Мазарини, Джулио (Mazarini, Julio, 1602—1661) 81, 93
- Майков, Василий Иванович (1728—1778) 121
- Маймонид, Моисей бен (1135—1204) 59
- Макарий (ум. 1563), архиеп. 46
- Макарий (ум. 1626), митроп. 67
- Макаров, Петр Иванович (1756—1804) 271, 272
- Макиавелли (Макиавели, Макиавел, Макиавель, Николо (Machiavelli, Niccolo, 1469—1527) 81, 91
- Макавиев, иудейский род 52, 62
- Макогоненко, Георгий Пантелеймонович 241, 277
- Максим Грек (ум. 1555) 32—35, 47, 61, 62
- Максим Исповедник (ок. 580—662) 58
- Малеин, Александр Иустинович 118
- Малек, Элиза (Mafek, Eliza) 63, 72, 84, 87
- Малиновский, Алексей Федорович (1762—1840) 149, 256
- Малле (Маллет), Дэвид (Mallet, David, 1705—1765) 128
- Мальгин, Глеб Тимофеевич (XVIII в.) 293
- Мамен (Mamin) 207
- Мануил Дмитриев (XV в.) 60
- Марана, Джованни Паоло (Marana, Giovanni Paolo, 1642—1693) 207
- Мариво, Пьер Карле де Шамблен де (Marivaux, Pierre Carlet de Chamblain de, 1688—1763) 164, 294
- Марини, Джованни Амброджо (Marini, Giovanni Ambrogio, 1594—1650) 270
- Маркер, Гари (Marker, Gary) 77, 213, 214, 220
- Марков, Николай (XVIII в.) 256
- Мармонтель, Жан Франсуа (Marmontel, Jean François, 1723—1799) 147, 163, 165—170, 282, 277, 231, 232, 272, 273, 282, 284, 285
- Марсильи, Луиджи Фердинандо (Marsigli, Luigi Ferdinando, 1658—1730) 131
- Мартынов, Борис Федорович 232
- Мартынов, Иван Иванович (1771—1833) 218, 224, 226, 227
- Мартынов Иван Федорович 105, 130, 204, 213, 214, 216, 232, 234, 239, 268
- Маслов, Алексей (XVIII в.) 163
- Маслов, Василий Иванович 276
- Матвеев, Артемон Сергеевич (1625—1682) 71
- Матфей Властарь (XIV в.) 57
- Матхаузерова, Светла 21, 23, 26, 27, 30, 32, 35, 36, 88
- Медянцева, Игорь Петрович 277
- Мейснер, Август Готтлиб (Meissner, August Gottlieb, 1753—1807) 151, 262, 275, 276, 282, 288
- Мелетий (Максим Герасимович) Смолитский (ок. 1577—1633) 32, 36
- Мемье, Жозеф де (Maimieux, Joseph de, 1753—1820) 271, 272
- Менандер (Menander, 342/341—293/290 до н. э.) 56, 106
- Меншикова, Екатерина Алексеевна (1747—1791) 194

- Мерзляков, Алексей Федорович (1778—1830) 266
- Меркатор, Герард (Mercator, Gerard, 1512—1594) 64
- Мерсье (Мерсие), Луи Себастьян (Mercier, Louis Sebastien, 1740—1814) 148, 149, 165, 191, 227, 229, 236—240, 244, 267, 282, 283
- Мефодий (ок. 815—885) 29, 30, 39, 52
- Меценат, Гай Цильний (Maecenas, Gaius Cilnius, между 74 и 64—8 до н. э.) 239
- Мещерский, Никита Александрович 21, 22, 45, 56
- Миклас, Ханс (Miklas, Hans) 25, 43
- Миллер (Мюллер), Герард Фридрих (Федор Иванович) (Müller, Gerhard Friedrich, 1705—1783) 122, 133, 135, 204
- Миллер, Карл Вильгельм (Miller, Karl Wilhelm, XVIII в.) 190, 196, 197
- Мильтон, Джон (Milton, John, 1608—1674) 101, 106
- Миних, Бухард Христоф (Munnich, Burkhard Christoph, 1683—1767) 132
- Мисорь Мунехин (XVI в.) 61
- Михайловский, Николай Матвеевич 84
- Мобер де Гуве, Жан-Анри (Maubert de Gouvest, Jean-Henri, 1721—1767) 113
- Могила, Петр Симеонович (1596/1597—1647) 22
- Модзалевский, Лев Борисович 133
- Моисеева, Галина Николаевна 165
- Мокеев, Дмитрий Егорович (ум. 1763) 148, 160
- Мольер (Moliere, псевд; наст. имя Поклен, Жан Батист, Roquelin, Jean Baptiste, 1622—1673) 102, 106, 165
- Монссон, Иоган (Юхан) (Mansson, Johan, ум. 1659) 132
- Монтегю, Эдвард Уортли (Montagu, Edward Wortley, 1713—1776) 249
- Монтекуколи (Монтекукули) Раймондо ди (Montecuscoli, Raimondo di, 1609—1681) 129, 130
- Монтень, Мишель Эйкем де (Montaigne, Michel Eyquem de, 1533—1592) 181
- Монтескье (Монтескио), Шарль Луи (Montesquieu, Charles Louis, 1689—1755) 102, 153, 166, 181, 229, 248—250, 252
- Мор, Томас (More, Thomas, 1478—1535) 243, 246
- Морелл Ч. см. Ридли
- Мориз, Карл Филипп (Moritz, Karl Philipp, 1757—1793) 294
- Морков, Иван Алексеевич (XVIII в.) 176
- Морозов, Борис Николаевич 71, 77
- Мосх (Moschus, II в. до н. э.) 138
- Мошин, Владимир Александрович 38
- Мошков, Иван Кондратьевич (XVIII в.) 205
- Муи, Шарль де Фие де (Mouhy, Charles de Fieux de, 1701—1784) 146, 147, 220
- Муравьев, Михаил Никитич (1757—1807) 168, 225, 226, 256, 270
- Муратов, Василий Гаврилович (1776—1843) 293
- Муратори, Людвиг (Людвик) Антонио (Антонио) (Muratori, Lodovico Antonio, 1672—1750) 206, 207
- Мусин-Пушкин, Иван Алексеевич (XVIII в.) 51
- Мухаммед (Магомед, Магомет) (ок. 570—632) 235
- Нарежный, Василий Трофимович (1780—1825) 162
- Нартов, Андрей Андреевич (1736—1813) 133—136, 139, 237
- Нартов, Андрей Константинович (1683—1756) 99
- Нарышкин, Алексей Васильевич (1742—1800) 167
- Нарышкины, семейство 244
- Науум (ум. 910) 40
- Наумов, Василий (XVIII в.) 228
- Неелов, Матфей (Матвей) (XVIII в.) 146
- Нейман, Карл Иванович (р. 1742) 210
- Нерон (Nero, 37—68) 239
- Никанорова, Елена Константиновна 110
- Никита Ираклийский (XI—XII вв.) 55
- Никифор (IX в.), патриарх 53
- Никифоров, Павел (XVIII в.) 216
- Николаев, Сергей Иванович 8, 66, 69, 71, 78, 84—87, 93, 110, 120, 131
- Николаева, Мария 80
- Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) (1636—1708) 71
- Николай де Лира (Nicolaus de Lyra, ум. 1340) 59
- Никольская, Людмила Ильинична 7
- Никон (1605—1681), патриарх 34
- Никон Черногорец (XI в.) 55, 57
- Нил Курлятев (XVI в.) 32, 61
- Нил Синайский (ум. ок. 430) 58
- Нилов, Андрей Михайлович (1738—1790/1800) 215
- Нилова, Елизавета Корнильевна (ум. после 1800) 215, 216
- Нифонт Константинопольский (IV в.) 53
- Новиков, Василий Васильевич (1768—ок. 1810) 220
- Новиков, Николай Иванович (1744—1818) 149, 150, 154, 159, 168, 173, 174, 178, 183, 187, 191, 193, 196—199, 202, 205, 206, 213, 229, 231, 238, 274, 296
- Новосельцева, Лариса Алексеевна 186
- Нугаре, Пьер Жан Батист (Nougaret, Pierre Jean Baptiste, 1742—1823) 178
- Ньютон, Исаак (Newton, Isaac, 1643—1727) 136
- Облеухов, Никанор Семенович (XVIII в.) 215
- Оболенская, Наталья Петровна (ум. 1856) 285, 290

- Овидий Назон Публий (Ovidius Naso Publius, 43 до н. э.—17 н. э.) 78, 85, 91, 136, 138, 139
- Овчинников, Матвей Кондратьевич (ум. 1802) 241
- Одоевский, Владимир Федорович (1803 или 1804—1869) 109
- Оксеншерна, Аксель (Oxenstierna, Axel, 1583—1654) 135
- Оксман, Юлиан Григорьевич 254
- Оливе (Оливет), Пьер-Жозеф Тулье д' (Olivet, Pierre Joseph Thoulrier d', 1682—1768) 108
- Олимпиодор Александрийский (Olimpiodorus) 53
- Онуа, Мари Катрин д' (Aulnoy, Marie Catherine d', ок.1650—1705) 100
- Опиц, Мартин (Opitz, Martin, 1597—1639) 104
- Орбини, Мауро (Orbini, Mauro, ум. 1611) 83
- Ордин-Нащокин, Афанасий Лаврентьевич (1605/1606—1680) 70
- Оришин, Антонин Дмитриевич 123, 126
- Орлов, Александр Сергеевич 85, 118
- Орлов, Владимир Григорьевич (1743—1831) 153, 167
- Орлов, Григорий Григорьевич (1734—1783) 167
- Орлов, Павел Александрович 263
- Орлов, Степан (XVIII в.) 294
- Орлова, Мария Григорьевна (XVIII в.) 216
- Ормуа, Шарлотт д' (Ormoу, Charlotte d', ок. 1732—1791) 146
- Ороновский (XVIII в.) 79
- Осипов, Николай Петрович (1751—1799) 223, 260, 269, 275
- Остолопов, Иван (XVIII в.) 156
- Острогорский, Павел Петрович (XVIII в.) 217
- Отфиновский, Валериан (Otfinowski, Waleryian, XVII в.) 66
- Павел Петрович (Павел I) (1754—1801) 134, 165, 232
- Павел Фивейский (III—IV вв.) 53, 57
- Пажон, Анри (Rajon, Henri, ум. 1776) 177
- Палицын, Александр Александрович (1750-е гг.—1816) 264, 265
- Панин, Никита Иванович (1718—1783) 188, 231
- Панкратий Тавроменийский (ум. ок. 60) 53
- Панченко, Александр Михайлович 35, 49, 50, 69, 70, 72, 111
- Папроцкий, Бартош (Paprocki, Bartosz, 1550—1614) 65
- Пастухов, Петр Иванович (1739—1799) 138
- Пастушенко, Людмила Михайловна 122
- Паузе, Иоганн Вернер (1670—1735) 78, 79, 82, 84
- Пахомов, Матвей (Матфий) Сергеевич (1745—после 1792) 208
- Пекарский, Петр Петрович (1827—1872) 74, 75, 77, 78, 83, 87, 89, 90, 92, 99, 103, 105, 108, 114, 130, 132, 192, 202, 296
- Пельский, Петр Афанасьевич (1763—1803) 214
- Перетц, Владимир Николаевич 78, 91
- Перефикс, Ардуэн де Бомон де (Perefixe, Hardouin de Beaumont de, 1605—1670) 215
- Пермский, Михаил (1741—1770) 194
- Пернетти, Жак (Pernetti, Jacques, 1696—1777) 256
- Перро (Перольт), Шарль (Perrault, Charles, 1628—1703) 221
- Пестов, Семен Семенович (1763—1827) 294
- Пети де ла Круа, Антуан (Petit de la Croix, Antoine, 1653—1713) 181, 182, 185
- Петков, Георгий 43
- Петр I Великий (1672—1725) 13, 50, 51, 70—72, 74—80, 83—85, 89, 91—93, 96, 99, 101, 102, 107, 109, 111, 114, 116, 125, 132, 198, 247
- Петр (Петри) Альфонсо (Pedro Alfonso, 1062—1140) 68
- Петр Кресценция (Petrus de Crescentius, 1230—1309) 61
- Петров, Александр Андреевич (ум. 1793) 200
- Петров, Иван (XVIII в.) 105
- Петроний Гай (Petronius Gaius, ум. 66) 239
- Печенегов, Алексей (XVIII в.) 275
- Пиккио, Риккардо (Picchio, Riccardo) 19, 20, 23, 26, 40
- Писарев, Александр (р. 1752) 217, 218
- Писарев, Степан (Стефан) Иванович (1704—1775) 75, 109, 123, 126
- Писарро (Пизарр), Франциск (Pizarro, Francisco, 1470—1541) 168
- Писчиков, Дмитрий (XIX в.) 265
- Питт, Уильям (Pitt, William, 1708—1778) 218, 219
- Плавильщиков, Петр Алексеевич (1760—1812) 142, 147
- Плавинская, Надежда Юрьевна 248
- Плавский, Захарий Исаакович 201
- Платон (Plato, 427—347 до н. э.) 208, 246
- Платон (Левшин, Петр Егорович, 1737—1812) 159
- Плейстид, Бартоломью (Plaisted, Bartholomew, XVIII в.) 220
- Плигузов, Андрей Иванович 59
- Плиний Младший (Plinius Junior, 61 или 62—ок. 114) 66, 70
- Плутарх (Plutarchus, 46/51—120/130) 108, 236
- Погорелов, Валерий Александрович 77
- Подгаецкая, Ирина Юрьевна 95

- Подшивалов, Василий Сергеевич (1765—1813) 214, 224, 225, 227, 228, 262, 274—276, 282, 295
- Подшивалова, Александра (XVIII в.) 272, 276
- Покровский, Николай Николаевич 32
- Полежаев, Тимофей Анисимович (XVIII в.) 266
- Полетика, Григорий Андреевич (1725—1784) 110, 135
- Полибий (Polybius, ок. 201—120 до н. э.) 132
- Поливанов, Николай (XVIII в.) 159, 242
- Поликарпов-Орлов, Федор Поликарпович (1670—1731) 22, 51, 67, 78, 88, 90
- Полонская, Ирина Михайловна 232
- Полонский, Павел Александрович (1771—1836) 250
- Полторацкая, Мария Петровна 85
- Полунин, Федор Афанасьевич (XVIII в.) 165
- Поп (Попе) Александр (Pope, Alexander, 1688—1744) 106, 227
- Попов, Георгий 57
- Попов, Михаил Иванович (1742—ок. 1790) 156, 184, 185, 206, 207, 245
- Попов, Юрий Игоревич 186
- Поповский, Николай Никитич (1726 или 1730—1760) 114
- Порошин, Семен Андреевич (1741—1769) 122, 123, 137, 145, 150, 152, 163, 203
- Поспелов, Федор Тимофеевич (XVIII в.) 248, 249
- Потемкин, Григорий Александрович (1739—1791) 171
- Потемкин, Павел Сергеевич (1743—1796) 171—173, 255, 263
- Пратт, Сэмюэль Джексон (Pratt, Samuel Jackson, 1749—1814) 149
- Превоз д'Экзиль, Антуан Франсуа (Prevozt d' Exiles, Antoine François, 1697—1763) 121, 122, 124, 145—147, 150, 162—164, 228, 260
- Привалова, Екатерина Петровна 186, 202
- Приклонский Василий Андреевич (1746—1789) 284
- Приклонский, Иван (XVIII в.) 113
- Протасов (Протасьев) Алексей Протасьевич (1724/1725—1796) 214
- Прохоров, Гелиан Михайлович 58
- Псевдо-Августин см. Августин Блаженный
- Псевдо-Афанасий Александрийский см. Афанасий Александрийский
- Псевдо-Дионисий Ареопагит (Pseudo-Dionysius Areopagita, V в.) 27, 28, 58
- Псевдо-Кесарий см. Кесарий
- Псевдо-Макарий см. Макарий
- Пумпянский, Лев Васильевич 75, 119
- Пуфендорф, Самуэль (Pufendorf, Samuel, 1632—1694) 79, 80, 86, 91, 93, 97, 99, 111
- Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) 8, 93, 106, 107
- Пфейл, Иоганн Готтлоб Бенъямин (Pfeil, Johann Gottlob Benjamin, 1732—1800) 196
- Пфедфель, Готлиб Конрад (Pfeffel, Gottlieb Conrad, 1736—1809) 285, 295
- Пыпин, Александр Николаевич 86, 99, 196, 296
- Рабенер, Готлиб Вильгельм (Rabener, Gottlieb Wilhelm, 1714—1771) 135, 136, 138, 139, 195
- Рабле, Франсуа (Rabelais, François, 1494—1553) 124, 181
- Рабо, Сент-Этьен, Жан Поль (Rabaut, Saint-Etienne, Jean Paul, 1743—1793), псевд. Жестерман В. (Jestermann W.) 147
- Радишевский, Онисим (Анисим) Михайлович (ум. ок. 1630) 64
- Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) 94, 229, 232—234, 238—242, 247, 248, 250, 255, 281, 297
- Радлов, Эрнест Львович 114
- Разумовская, Маргарита Васильевна 10, 217, 281
- Райков, Борис Евгеньевич 114, 115
- Рак, Вадим Дмитриевич 10, 16, 141, 196, 214, 232, 269, 270, 281, 288, 292, 294
- Расин, Жан (Racine, Jean, 1639—1699) 9, 102, 122
- Ратборн, Аарон (Rathborne, Aaron, XVII в.) 64
- Рафаэль (Рафаил) Санти (Raffaello Santi, 1483—1520) 137
- Рахманинов, Иван Герасимович (ум. 1807) 166, 179, 232, 233, 238
- Ребиндер, Роман (XVIII в.) 252
- Регле (Regley, XVIII в.) 161
- Резанов, Владимир Иванович 171
- Рейналь, Гийом Тома Франсуа (Raynal, Guillaume Thomas François, 1713—1796) 236
- Рейхель, Иоганн Готфрид (Reichel, Johann Gottfried, 1727—1778) 117, 143, 144, 157, 162, 163, 171
- Рембовский, Карл (XVIII в.) 226
- Ремезов, Иван Семенович (ум. 1746) 132
- Ремон де Кур, Никола (Remond des Cours, Nicolas, ум. 1716) 112
- Ретиф де Ла Бретон, Никола (Restif de la Bretonne, Nicolas, 1734—1806) 175, 210, 222, 271
- Рец (Ретц), Жан Франсуа Поль де Гонди де (Retz, Jean Francois Paul de Gondi de, 1613—1679) 215
- Ридли Джеймс (Ridley, James 1736—1765), псевд. Чарльз Морелл (Charles Morell) 194
- Рижский, Иван Степанович (1759—1811) 256
- Риккони, Мари Жанна, Лабора де Мезьер (Riccononi, Marie Jeanne,

- Laboras de Mezieres, 1714—1792) 9, 178, 179, 190
- Рико (Рикот), Поль (Rysaut, Paul, 1628—1700) 78, 91, 131
- Ричардсон (Рихардзон, Ричардзон) Самюэл (Richardson, Samuel, 1689—1761) 9, 178, 185, 195, 197, 222, 223, 257, 259—263, 267—269
- Ришелье, Арман Жан дю Плесси (Richelieu, Armand Jean du Plessis, 1585—1642) 80, 81, 93
- Роан, Анри де (Rohan, Henri de, XVII в.) 83
- Розанов, Матвей Никанорович 276
- Рознотковский, Ефим Васильевич (1737—1792) 248, 249
- Роллен (Роллень) Шарль (Rollin, Charles, 1661—1741) 95, 96, 106, 108, 130
- Ромил Видинский (XIV в.) 58
- Ромодановская, Елена Константиновна 87
- Ростислав Моравский (ум. 869) 39
- Ртищев, Федор Михайлович (1626—1673) 50
- Рубан, Василий Григорьевич (1742—1795) 92, 170
- Румянцев, Александр Иванович (1677—1745) 91
- Румянцев, Иван Федорович (ум. 1769) 149, 196
- Руссо, Жан Жак (Rousseau, Jean Jacques, 1712—1778) 9, 163, 170—175, 196, 197, 229, 236, 255—257, 262—265, 267, 276
- Руссо, Тома (Rousseau, Thomas, ум. 1800) 243
- Рыкачев, Дмитрий Маркович (XVIII в.) 285
- Рэмзи (Рамзай, Рамзей), Эндрю Майкл (Андре Мишель) (Ramsay, Andrew Michael, 1686—1743) 158, 227
- Сааведра Фахардо, Диего де (Saavedra Fajardo Diego de, 1584—1648) 80, 89
- Саади (псевд., наст. имя Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин, между 1203 и 1210—1292) 78
- Саблуков, Николай Александрович (1776—1848) 251
- Савва Освященный (ум. 532) 53
- Савва Романов (XVII в.) 35
- Савватий (XVIII в.), инок 35
- Савельева, Любовь Ивановна 7
- Савин, Александр (XVIII в.) 295
- Савин А. 131
- Сазонова, Лидия Ивановна 8, 9, 70, 158
- Салтыков, Александр Михайлович (1726/1727—1775) 164, 169
- Салтыков, Петр Семенович (1698—1772) 158
- Самуил 59
- Сансеверино, Джулио Роберто ди (Sanseverino, Guilio Roberto di, 1758—1820) 276
- Сапожников, Федор Исаевич (род. 1749) 198, 200
- Саси, Клод Луи Мишель де (Sacy, Claude Louis Michel de, 1746—ок. 1790) 179, 209
- Сафо (Сапфо) (Sappho, VI в. до н. э.) 95, 139, 140
- Свербеев, Дмитрий Николаевич (1799—1876) 169
- Светлов, Леонид Борисович 139, 213, 249
- Свиныгина, Екатерина Петровна (1778/1779—1841) 227, 276, 288
- Свифт, Джонатан (Swift, Jonathan, 1667—1745) 101, 124, 135, 138, 154, 191, 192
- Свищов (Свищев), Алексей (XVIII в.) 270
- Святский, Даниил Осипович 61
- Севастьянов, Александр Федорович (1771—1824) 254
- Севериан Гавальский (IV—V вв.) 53, 57
- Селькирк, Александр (Selkirk, Alexander, 1676—1721) 187
- Семенников, Владимир Петрович 153, 154, 204, 213, 215, 221, 297
- Семичев, Александр Дмитриевич (1739—1813) 128
- Сен-Ламбер, Жан Франсуа де (Saint-Lambert, Jean François de, 1716—1806) 285, 292, 293
- Сен-Реаль, Сезар Вишар де (Saint-Real, Cesar Vichard de, 1639—1692) 128, 129
- Сен-Реми, Пьер Сюрире де (Saint-Remy, Pierre Surirey de, ок. 1650—1716) 132
- Сент-Эвремон Шарль (Saint-Evremond, Charles, 1613—1703) 138
- Сервантес (Цервантес, Кервант, Сервант) Сааведра, Мигель (Михаил, Михайло) де (Cervantes Saavedra, Miguel de, 1547—1616) 123, 201—203, 269, 270
- Серман, Илья Захарович 8, 9, 78, 95, 108, 116, 130, 208, 211, 229
- Сидоровский Иоанн (Иван Иванович) (1748—1795) 208
- Силуан (XVI в.) 32, 62
- Силуэтт, Этьен де (Silhouette, Etienne de, 1709—1767) 106
- Сильвестр Малый (XV в.) 60
- Сильвестр Медведев (1641—1691) 68, 69
- Симеон (864—927), болгар. царь 22, 53, 54
- Симеон Логофет (X в.) 57
- Симеон Метафраст (X в.) 62
- Симеон Новый Богослов (949—1022) 58
- Симеон Полоцкий (Петровский-Ситнианович, Самуил Емельянович, 1629—1680) 34—36, 68, 69, 72, 88, 95
- Симон Кохановский 80, 84, 89—91
- Симонов, Рэм Александрович 64
- Симмонс, Джон Саймон Гэбриэл (Simmons, John Simon Gabriel) 194
- Синицына, Нина Васильевна 32, 62
- Сиповский, Василий Васильевич 8—10, 96, 143, 168, 184, 204, 218, 257, 258, 268, 270, 272, 297

- Сирано де Бержерак, Савиньен (Cyrano de Bergerac, Savinien, 1619—1655) 124
 Сиромаха, Виталий Григорьевич 67
 Скарга, Петр (Skarga, Piotr, 1536—1612) 70, 82
 Скаррон, Поль (Scarron, Paul, 1610—1660) 9, 121
 Скворцов, Александр (Агапит) (ум. 1811) 224
 Слопцов, Петр Андреевич (1767—1843) 247, 261
 Слотвинской, Иван (XVIII в.) 284
 Сменцовский, Михаил Николаевич 37
 Смирдин, Александр Филиппович (1795—1857) 11
 Смоллет, Тобайас Джордж (Smollet, Tobias George, 1721—1771) 222, 223, 257, 267—269
 Снегирев, Михаил Матвеевич (ум. 1820) 287, 288
 Соболевский, Алексей Иванович 21, 33, 41, 42, 44, 55, 57, 59, 63, 66, 68, 70, 71, 74, 82, 86, 88, 90, 297
 Совере (Sauvere, XVIII в.) 148
 Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879) 102, 130, 297
 Сонцов, Матвей Михайлович (1779—1847) 224, 225, 254
 Сопиков, Василий Степанович (1764—1819) 261, 263, 277
 Сорен, Бернар Жозеф (Saurin, Bernard Joseph, 1706—1781) 216
 Сорокин, Юрий Сергеевич 114, 115
 Соссюр, Фердинанд де (Saussure, Ferdinand de) 27
 Софокл (Sophocles, ок. 496—406 до н. э.) 118
 Сохацкий, Павел Афанасьевич (1766—1809) 225, 288
 Сперанский, Михаил Несторович 100, 109
 Спичинский И. (XVI в.) 61
 Срезневский, Всеволод Измайлович 186, 276
 Станевич, Евстафий Иванович (XVIII в.) 264
 Старицина, Зоя Алексеевна 7
 Стахийев, Андрей Александрович (род. 1779) 285, 293
 Стаций Публий Папиний (Statius Publius Papinius, 45—96) 119
 Стенник, Юрий Владимирович 239
 Степанов, Владимир Петрович 11, 92, 104, 113, 216, 229
 Степанов, Иван Петрович (XVIII в.) 294
 Стерн, Лоренс (Sterne, Laurence, 1713—1768) 216, 276—279
 Стиль (Стил), Ричард (Steel, Richard, 1672—1729) 285
 Стратеманн, Вильгельм (Stratemannus, Wilhelmus) 83, 91
 Страхов, Николай Иванович (р. 1768) 248, 267, 268
 Страхов, Петр Иванович (XVIII в.) 174, 178, 264
 Стюарт, Джеймс Френсис (Stewart, James Francis, 1688—1766) 160
 Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) 94, 95, 122, 123, 131, 134, 137—140, 143, 202, 205, 239, 296, 297
 Сумароков, Панкратий Платонович (1765—1814) 281
 Сухомлинов, Михаил Иванович 214
 Сушкова, Мария Васильевна (1752—1803) 168, 227
 Сытенский, Иван (XVIII в.) 190, 209
 Тальман, Поль (Tallemand, Paul, 1642—1712) 95, 97, 115—117
 Тарковский, Ростислав Беакаевич 99
 Тассо, Торквато (Tasso, Torquato, 1544—1595) 86, 106, 119, 154
 Татаринов, Александр (XVIII в.) 272
 Татищев, Василий Никитич (1686—1750) 92, 97, 103, 104, 125
 Татищев, Лука Иванович (XVIII в.) 271
 Тауберт, Иоганн Каспар (Taubert, Johann Kaspar, 1717—1771) 99, 103
 Тацит Публий Корнелий (Tacitus Publius Cornelius, ок. 55—ок. 120) 105
 Творогов, Олег Викторович 55, 56
 Тезауро, Эммануэле (Tesauro, Emmanuelle, 1591—1677) 75
 Тейльс, Игнатий Антонович (1744—1815) 183, 202
 Темниковский, Евгений Николаевич 80
 Теплов, Василий Егорович (р. 1732) 121
 Теллова, Валентина Анатольевна 244
 Теренций Публий (Terentius Publius, ок. 195—159 до н. э.) 106, 108
 Террассон, Жан (Terrasson, Jean, 1670—1750) 144, 149, 155, 156, 194, 208, 227
 Тессинг, Ян (Thessing, Jan, XVIII в.) 82
 Тимофей Вениаминов (XV в.) 45, 60
 Тит Ливий (Titus Livius, 59 до н. э.—17 н. э.) 14, 83
 Тихонравов К. 91
 Тихонравов, Николай Саввич (1823—1893) 100
 Тихонюк, Иван Александрович 59
 Толстой, Лев Николаевич (1828—1910) 115
 Толстой, Петр Андреевич (1645—1729) 131
 Тома, (Томас) Антуан Леонар (Thomas, Antoine Leonard, 1732—1785) 240, 242, 244
 Томашевский, Борис Викторович 293
 Томсон, Фрэнсис (Thomson, Francis) 21—25, 38—41, 44, 51, 55, 57, 60, 61, 64, 66
 Траханиот, Дмитрий Мануилович (XV в.) 60
 Тредиаковский (Тредьяковский) Василий Кириллович (1703—1768) 8, 11, 12, 86, 92, 94—97, 103, 105—108, 111, 112, 115—120, 123, 126, 128, 130, 131, 139, 140, 168, 202, 255
 Трендафилов, Христо 55

- Трог Помпей (Trogus Pompejus, I в. до н. э.) 66
- Троицкий, Сергей Мартинович 79
- Тронская, Мария Лазаревна 195
- Трост, Клаус (Trost, Klaus) 28, 29
- Трубецкой, Никита Юрьевич (1699—1767) 91
- Трусов, Яков Иванович (ум. после 1793) 185, 186, 195
- Туманский, Федор Осипович (1746—1810) 70, 224, 244
- Тургенев, Андрей Иванович (1781—1803) 266
- Тюличев, Дмитрий Васильевич 102
- Турбан, Франсуа (Turben, François, 1723—1803) 210
- Тюрпен, Франсуа Анри (Turpin, François Henri, 1709—1799) 249, 250
- Тюрпен (Тюрпин) де Криссе, Лансло (Turpin de Crisse, Lancelot, 1716—1795) 132
- Умикян, Алиса Давыдовна 201, 269
- Успенский, Борис Андреевич 67, 85, 90, 126, 228
- Ушаков, Федор Васильевич (ум. 1770) 239
- Федер, Вильям (Veder, William) 52, 54
- Федоров, Андрей Венедиктович 8
- Фенелон, Франсуа де Салиньяк де ла Мот (Fenelon, François de Salignac de la Moth, 1651—1715) 11, 85—87, 97, 99, 106, 115—118, 122, 149, 156, 158, 160, 165, 202, 215, 244—246
- Феодор Студит (759—826) 53
- Феодор Едесский (ум. 848) 58
- Феодорит Кирский (390—466) 53, 61
- Феодосий Тырновский (XIV в.) 58
- Феофан (XVII в.) 77, 78
- Феофан Прокопович (1681—1736) 76, 80, 85, 89—91, 247
- Феофилакт Болгарский (ум. 1107 или 1108) 55
- Филарет (Романов, Федор Никитич) (ок. 1554/1555—1633), патриарх 50
- Филатьев, Алексей (XVIII в.) 180
- Филдинг (Фильдинг, Фельдинг, Фиелдинг) Генри (Fielding, Henry, 1707—1754) 9, 147, 154, 185, 187—191, 199, 209, 222, 223, 257, 267—269
- Филдинг, Сара (Fielding, Sarah, 1710—1768) 191
- Филипп II (Felipe II, 1527—1598) 128
- Филло де Сен-Мартен Франсуа (Filleau de Saint-Martin François, 1632—1695?) 202, 204
- Филон Карпафийский (ум. 410) 42
- Филофей Коккин, патриарх 57, 58, 61
- Флеминг, Пауль (Fleming, Paul, 1609—1640) 134
- Флор Луций (Юлий) Анней (Florus Lucius (Julius) Annaeus, II в.) 83
- Флориан, Жан Пьер Клари де (Florian, Jean Pierre Claris de, 1755—1794) 222, 275
- Флоринус, Франц Филипп (Florinus, Franz Philipp, ум. 1699) 97
- Флоровский, Георгий Васильевич 82
- Фома Кемпийский (Thomas a Kempis, 1380—1471) 78, 87, 89
- Фоменко, Ирина Юрьевна 225
- Фонвизин, Денис Иванович (1744/1745—1792) 144, 149, 155—157, 169, 175, 177, 195, 208, 227, 231, 232, 240—242, 254, 264, 273, 297
- Фонвизин, Павел Иванович (1744—1803) 169, 170, 241
- Фонкич, Лев Борисович 32, 60, 62, 63
- Фонтенель (Фонтенелл), Бернар Ле Бувье де (Fontenelle, Bernard Le Bovier de, 1657—1757) 14, 95, 97, 114, 115, 135
- Фотий (IX в.), патриарх 45
- Фредро, Анжей Максимилиан (Fredro, Andrzej Maksymilian, ок. 1620—1679) 81
- Фрейнсгейм, Иоганн (Freinsheim, Johann, 1608—1660) 125
- Фридрих Л. Я. 154
- Фридрих II (Friedrich II, 1712—1786) 178, 234, 235, 250—252
- Фронтин Секст Юлий (Frontinus Sextus Julius, ок. 40—103) 66, 68
- Фроншпергер, Леонхард (Fronsperger, Leonhard, 1520—1575) 64
- Фукидид (Thukydides, 460—396 до н. э.) 66
- Ханенко, Александр Игнатъевич (XVIII в.) 275
- Ханзак, Эрнст (Hansack, Ernst) 24, 25, 28, 30
- Харитон (Chariton, кон. I—нач. II в.) 152, 204
- Харламов, Евстигней Саввич (1734—1785) 113, 123, 145, 151, 187—190, 203
- Харлампович, Константин Васильевич 47, 50, 69
- Хворостинин, Иван Андреевич (ум. 1625) 64
- Хвостов, Александр Семенович (1753—1820) 175, 210
- Хелм, Элизабет (Helme, Elizabeth, ум. 1816) 270, 271
- Херасков, Михаил Матвеевич (1733—1807) 101, 122, 131, 168, 169, 171, 174
- Хоксуорт (Гавковорт), Джон (Hawkesworth, John, 1715—1773) 193
- Хольберг (Голберг, Гольберг), Людвиг (Holberg, Ludwig, 1684—1754) 124, 125, 135, 137—139, 165
- Хоньков, Мардарий (XVII в.) 65
- Храповицкий, Александр Васильевич (1749—1801) 158

- Хрущев, Андрей Федорович (1691—1740) 85, 87, 88, 92, 99, 117, 156, 245
 Хухуни, Георгий Теймуразович 21
 Хютль-Фольтер, Герта (Huttl-Folter, Gerta) 96, 115
- Цезарь Бароний (Caesar Baronius) 82
 Цезарь (Кесарь) Гай Юлий (Caesar Caius Julius, 102 или 100—44 до н. э.) 83
 Циммерман, Иоганн Георг (Zimmermann, Johann Georg, 1728—1795) 241, 242, 244
 Цицерон Марк Туллий (Cicero Marcus Tullius, 106—43 до н. э.) 106, 108, 111, 138, 239
 Цицианов, Дмитрий Павлович (1723—после 1801) 215
 Цицианов, Павел Дмитриевич (1754—1856) 146, 151
 Цыпкин, Денис Олегович 61
- Чалкова Т. Ф. 65
 Чеботарев, Андрей Харитонович (1784—1833) 288
 Чернышев, Григорий Петрович (XVIII в.) 91
 Чернышев, Захар Григорьевич (1722—1784) 167
 Чернышев, Иван Григорьевич (1726—1797) 218
 Чернышева, Татьяна Николаевна 41
 Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) 7
 Черняев (XVIII в.) 293
 Чертков, Петр Петрович (XVIII в.) 259
 Четвуд, Вильям Руфус (Chetwood, William Rufus, ум. 1766) 209
 Чечулин, Николай Дмитриевич 215
 Чистович, Илларион Алексеевич 84, 85
- Шаден, Иоганн Матиас (Schaden, Johann Matthias, 1731—1797) 221
 Шалимов, Павел (XVIII в.) 219
 Шамрай, Дмитрий Дмитриевич 102, 123, 137, 152
 Шансьерж (Chasierges) 157
 Шаркова, Ирина Сергеевна 80, 81
 Шарыпкин, Дмитрий Михайлович 7, 167, 232
 Шастина, Татьяна Петровна 133
 Шаталов, Станислав Евгеньевич 260
 Шахматов, Алексей Александрович 46
 Шаховской, Федор Яковлевич (ум. 1782) 227
 Шашков, Серафим Серафимович (1841—1882) 214
 Шванецц (Шванвиц, Шванвич), Мартын Мартынович (ум. 1744) 105
 Шекспир, Вильям (Shakespeare, William, 1564—1616) 12, 101
 Шеридан, Ричард Бринсли (Sheridan, Richard Brinsley, 1751—1816) 194
- Шеридан, Френсис (Sheridan, Francis, 1724—1766) 194
 Шиллер, Иоганн Кристоф Фридрих (Schiller, Johann Christoph Friedrich, 1759—1805) 128
 Шиповский, Григорий Иванович (XVIII в.) 275
 Шишкин, Иван Васильевич (1736—не позднее октября 1751) 102, 108, 120, 121, 259
 Шкляр, Ирина Викторовна 114
 Шноор, Иоганн Карл (Schoor, Johann Karl, 1738—1812) 243
 Шоффен, Давид Этьен (Choffin, David Etienne, 1702—1773) 290, 292
 Штелин, Якоб (Яков Яковлевич) (Stahlin, Jacob, 1709—1785) 104, 226
 Штеффлер, Иоганн (Stoeffler, Johannes) 61
 Штранге, Михаил Михайлович 229
 Шувалов, Андрей Петрович (1743—1789) 153
 Шувалов, Иван Иванович (1727—1797) 105, 110, 133
 Шумахер, Иоганн Даниэль (Иван Данилович) (1690—1761) 92, 101
 Шунь-Джи (XVII в.) 252
- Щапов, Ярослав Николаевич 43
 Щебальский, Петр Карлович (1810—1886) 167
 Щекатов, Афанасий (XVIII в.) 259
 Щепкина, Екатерина Николаевна 150
- Эдуард III (Edward III, 1312—1377) 253
 Эзоп (Эсоп, Есон) (Aesopus, VI в. до н. э.) 14, 63, 66, 78, 85, 99, 100
 Элиот, Джон (Eliot, John, 1736—1786) 220
 Эмин, Николай Федорович (ок. 1767—1814) 9, 10, 173, 201
 Эмин, Федор Александрович (ок. 1735—1770) 101, 149, 173, 211, 281
 Эпиктет (Эпиктет, Эпиктит) (Epictetus, ок. 50—ок. 138) 54, 84, 110
 Эразм Роттердамский (Erasmus Roterdamus, 1469—1536) 14, 82, 124, 138
 Эрлах, Родольф Луи д' (Erlach, Rodolphe Louis d', 1749—1810) 282
 Эткинд, Ефим Григорьевич 8, 95, 107, 118
- Ювенал Децим Юний (Iuvenalis Decimus Iunius, ок. 60—ок. 127) 238, 239
 Юдин М. (XVIII в.) 255, 256
 Юнг, Эдуард (Young, Edward, 1683—1765) 9
 Юрьев, Михаил (XVII в.) 64
 Юстиниан (Justinianus, 482 или 483—565) 167
- Ягич, Игнатий Викентьевич 32, 60
 Якобсон, Роман Осипович 27

Ярослав Мудрый (ок. 978—1054) 42
 Яхонтов, Иоанн Константинович 70
 Яценков, Николай (XVIII в.) 275

Achinger, Gerda 133
 Angermann, Norbert 59, 60

Blanchet, François (1707—1784) 282
 Bush, Wolfgang 8
 Bushkovich, Paul 64, 69

Cherel, Albert 245

Dejardin de Courcelle (XVIII в.) 282
 Dufresny, Charles Riviere 283
 Dujčev, Ivan 21

Engel-Braunschmidt, Annelore 8

Frautschi, Richard 289
 Freund, Max 273
 Freydank, Dietrich 29

Giesemann, Gerhard 8, 275
 Goldblatt, Harvey 30
 Goulding, Sybil 192
 Grasshoff, Helmut 114, 115
 Gronicka, Andre von 8
 Grossman, Joan Delaney 8
 Guibaud, Eustache (1711—1794) 290

Hannick, Christian 57
 Harder, Hans-Bernd 8
 Howells L. L. 88

Inklaar, Derk 273

Kostka, Edmund K. 8

Kronsteiner, Otto 42

Lang, David Marshall 276
 Lehmann, Ulf 226
 Leigh, Ralph Alexander 264
 Lentin, Antony 264

Madariaga, Isabel de 264
 Marcialis, Nicoletta 86, 246, 247
 Martin, Angus 289
 Migne, Jacques 29
 Mulić, Malik 44
 Mylne, Vivienne G. 289

Nowak, Zbigniew 83

Olmsted, Hugh M. 62

Pohl, Wilma 8

Ritz, Germann 8

Sadnik, Linda 28
 Schmidt, Erich (1853—1913) 259
 Schmidt, Horst 109
 Schreiber, Elsa V. 86
 Seemann, Klaus-Dieter 21, 38, 63
 Ševčenko, Ihor 21
 Simmons, Ernst Josef 193
 Simon, Ernst Heinrich (ум. 1804) 290
 Smith, Gerald Stanton 268

Taube, Moshe 62
 Tetzner, Joachim 79

Van Tieghem, Paul 259

West, Constance B. 189
 Worth, Dean Stoddard 33

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Ю. Д. Левин</i>)	7
Глава 1. Древняя Русь (<i>Д. М. Буланин</i>)	17
Глава 2. Первая четверть XVIII века: Эпоха Петра I (<i>С. И. Николаев</i>)	74
Глава 3. 1725—начало 1760-х годов: Классицизм (<i>Р. Ю. Данилевский</i>)	94
Глава 4. Начало 1760—середина 1780-х годов: Просветительство (<i>Ю. Д. Левин</i>)	142
Глава 5. Середина 1780-х годов—1800: Сентиментализм (<i>Н. Д. Кочеткова</i>)	213
Глава 6. Переводная литература в периодических изданиях (<i>В. Д. Рак</i>)	280
Список сокращений	296
Указатель имен (<i>Е. М. Пантелеева</i>)	298

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Том I. Проза

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Е. В. Орлова*
Художник *А. В. Дуранин*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректоры: *К. В. Орлов, З. В. Фиалковский*

ЛР № 061824 от 23.11.92 г.

Сдано в набор 06.01.94. Подписано к печати 26.12.94. Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 3260. Тираж 2000.

Издательство «Дмитрий Буланин»
Издательство Böhlau

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

БРАТУРЫ

— I —